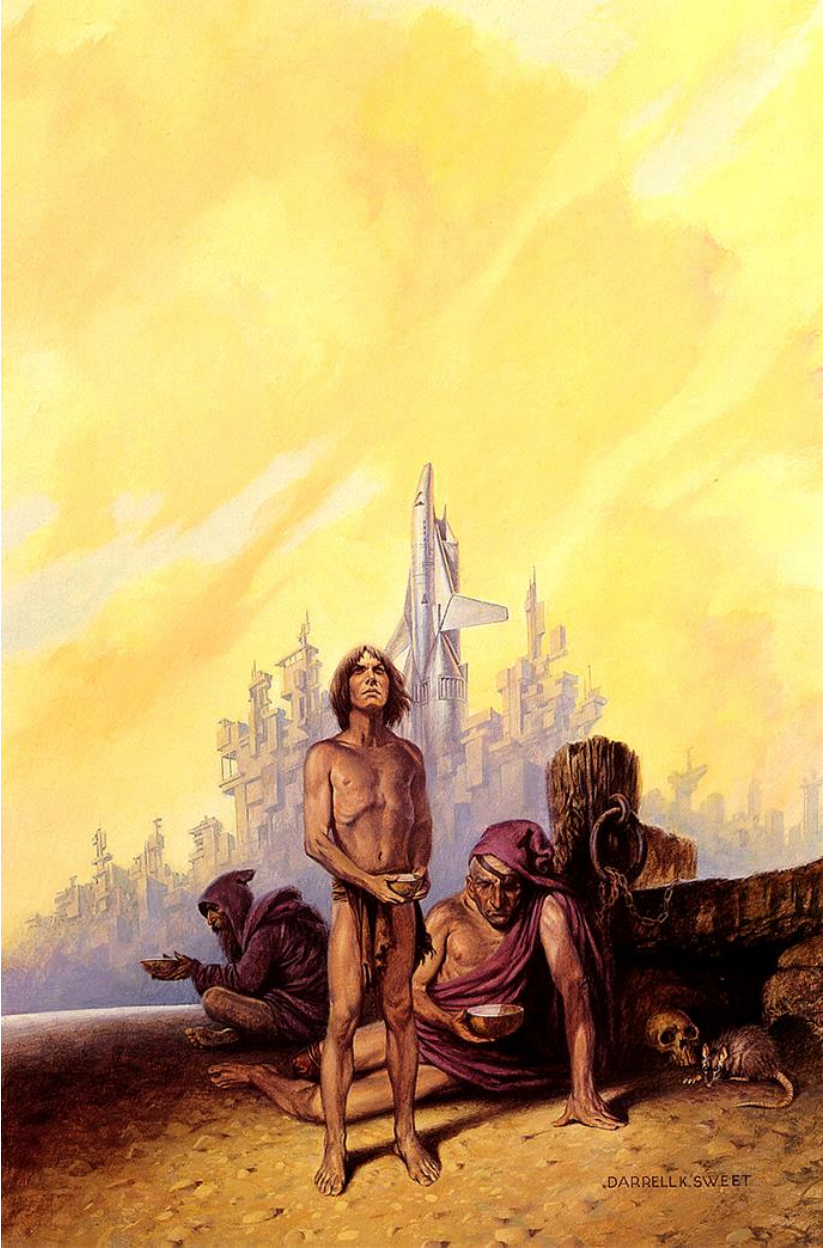

ЗАРУБЕЖНАЯ ФАНТАСТИКА

Роберт Хайнлайн

ГРАЖДАНИН ГАЛАКТИКИ

**Сборник фантастики,
дополненный иллюстрациями,
из первых журнальных публикаций**

выпуск 1

**серия
«НИГДЕ НЕ КУПИШЬ»
2020 год**

Публикации и иллюстрации:

Astounding Science Fiction, February - April 1956

Double Star •

Cover, interior artwork by Frank Kelly Freas

Astounding Science Fiction, September - December 1957

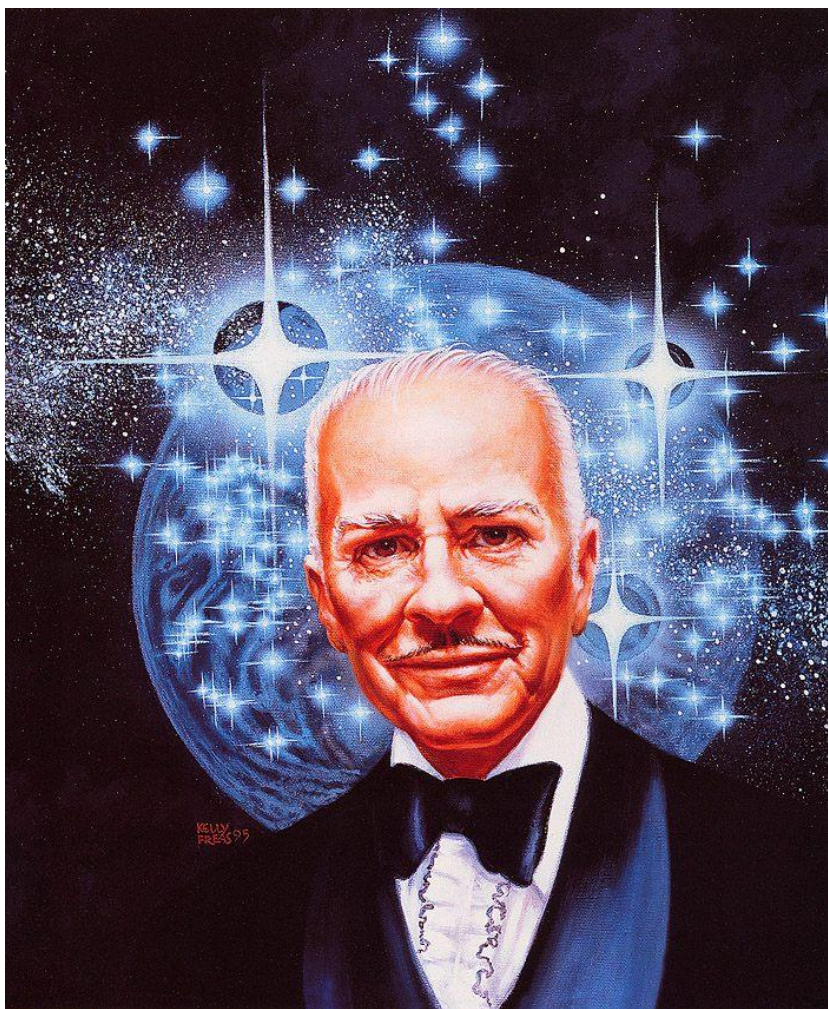
Citizen of the Galaxy •

Cover, interior artwork by H. R. Van Dongen

Galaxy Science Fiction, September - November 1951

The Puppet Masters •

Cover, interior artwork by Don Sibley

Портрет писателя, работы художника Келли Фриса.

Ознакомительный тираж: 1 экземпляр.

**Работа с текстом и иллюстрациями: by formally.
Помощь по вставке иллюстраций: by SteelRatTV.**

ДВОЙНАЯ ЗВЕЗДА

1

Если за столик к вам подсаживается человек, одетый как последняя деревенщина, но при этом держится так, будто застолбил все вокруг и не прочь прикупить еще, он наверняка из космолетчиков.

Ничего удивительного. На службе он – Хозяин Вселенной, а когда ноги его попирают низменный прах земной – понятно, вокруг сплошь одни «кроты» – сидят, нос из норы высунуть боятся. Что до костюма – какой спрос с человека, который девять десятых своего времени не вылезает из летной формы? А если глубокий космос тебе привычнее цивилизации, трудно уследить, как нынче одеваются в обществе. И потому любой космопорт – отличная кормушка для целой тучи этих, прости господи, «портных». Они-то всегда радешеньки обслужить еще одного простака «по последней земной моде».

Я с первого взгляда понял, что этого здоровенного малого угораздило довериться Омару Палаточнику. И без того широченные плечи еще и подложены, шорты такие короткие, что, когда хозяин их сел, его волосатые ляжки оказались у всех на виду, сорочка в оборках, которая, возможно, хорошо смотрелась бы на корове.

Но свое мнение я оставил при себе и на последний полумпериал угостил его выпивкой, сочтя это выгодным вложением капитала, – известно, как космолетчики обращаются с деньгами.

Мы сдвинули стаканы.

– Ну, чтоб сопла не остыли!

Так я в первый раз допустил ошибку насчет Дэка Бробента. Вместо обычного: «И ни пылинки на трассе» или, скажем, «Мягкой посадки», он, оглядев меня с ног до головы, мягко возразил:

– С чувством сказано, дружище, только с этим – к кому-нибудь другому. Сроду там не бывал.

Вот тут бы мне опять-таки не соваться со своим мнением. Космолетчики вообще нечасто заглядывают в бар «Каса Маньяна» – не любят они подобных заведений, и от порта не близко. И раз уж один такой завернул – в «земном» наряде, да еще забрался в самый темный угол и не хочет, чтобы в нем узнавали космолетчика, – его дело. Я ведь и сам выбрал этот столик, имея в виду обозреть окрестности, не засвечиваясь, – наодалживал по мелочи у того, у другого. Ничего особенного, однако иногда достаёт. Так мог бы и догадаться, что малый тоже себе на уме, и отнестись соответственно...

Но язык – он, знаете, без костей. Мелет сам по себе что ни попадя.

– Не надо, ладно? Как говорится, моряк моряка... Так что если вы – крот, то я – мэр Тихо-Сити. И могу поспорить, на Марсе пьете куда чаще, чем на Земле, – добавил я, подметив, как плавно он поднимает стакан, – сказывается привычка к невесомости.

– Сбавь голос, парень, – процедил он, почти не шевеля губами. – Почему ты так уверен, что я... «дальнобойщик»? Мы что, знакомы?

– Пардон, – отозвался я, – будьте кем угодно, имеете право. Но я же не слепой! А вы только вошли – с головой себя выдали.

Он что-то пробормотал себе под нос.

– Чем это?

– Да успокойтесь. Вряд ли еще кто заметил. Я – дело другое.

Сознаюсь, люблю производить впечатление, и с этими словами я подал ему визитную карточку. Да-да, именно! Тот самый Лоренцо Смайт – Великий Лоренцо, един во всех лицах: стереовидение, кино, драма – «Несравненный мастер пантомимы и перевоплощений».

Все это здоровяк принял к сведению и сунул карточку в карман на рукаве. Мог бы и вернуть, с досадой подумал я.

Визитки – прекрасная имитация ручной гравировки – обошлись мне недешево.

– Ага, понял, – тихо ответил он. – Я что-то делал не так?

– Сейчас покажу. – Я поднялся. – До двери пройдуся, как крот, а обратно – изображаю вас.

Так я и сделал и на обратном пути слегка окарикатурил его походку, чтобы даже непрофессионал уловил разницу: ступни скользят по полу мягко, будто по палубе, корпус – вперед и уравновешен бедрами, руки перед собой, тела не касаются и в любой момент готовы за что-нибудь ухватиться.

Ну и еще с дюжину мелочей, которые словами не описать. В общем, чтобы так ходить, нужно быть космолетчиком. Мышцы постоянно напряжены, баланс тела удерживается машинально – это вырабатывается годами. Горожанин всю жизнь гуляет по ровному твердому асфальту при нормальном земном притяжении и запросто может споткнуться об окуроч. Другое дело – космолетчик.

– Понятно? – спросил я, усаживаясь на место.

– Да уж, – с кислым видом согласился он. – И это я... на самом деле так хожу?

– Увы.

– Хм... Пожалуй, стоит взять у вас несколько уроков.

– А что, это идея, – заметил я.

Некоторое время он молча меня рассматривал, потом, видимо, собрался что-то сказать, но передумал и сделал знак бармену, чтобы тот налил нам еще. Незнакомец единым духом проглотил свою порцию, расплатился за обе и плавно, без резких движений, поднялся, шепнув мне:

– Подождите.

Раз уж он поставил мне выпивку, отказывать не стоило, да и не хотелось. Этот парень меня заинтересовал. Он даже понравился мне, пусть я знал его какие-то десять минут. Знаете, бывают такие нескладно-обаятельные увальни, внушающие мужчинам уважение, а женщинам – желание сломя голову бежать следом.

Грациозной походочкой он пересек зал, обогнув у двери столик с четырьмя марсианами. Терпеть не могу марсиан. Это ж надо – пугала пугалами, вроде пня в тропическом шлеме, а считают себя человеку ровней! Видеть спокойно не мог, как они выпускают эти свои ложнолапы – будто змеи из нор выползают. И смотрят они сразу во все стороны, не поворачивая головы – если, конечно, можно назвать это головой! А уж запаха их просто не выносил!

Нет, вы не подумайте, никто не может сказать, будто я – расист. Плевать мне, какого человек цвета и кому молится. Но то – человек! А марсиане... Не звери даже, а не разбери что! Лучше уж дикого кабана рядом терпеть. И то, что их наравне с людьми пускают в рестораны, всегда возмущало меня до глубины души. Однако на этот счет есть договор; хочешь не хочешь – подчиняйся.

Когда я пришел, тех четверых здесь не было – я бы унюхал. Демонстрируя незнакомцу его походку, тоже их не видел. А тут – нарисовались, попробуй сотри – стоят вокруг стола на своих «подошвах», корчат из себя людей... Бармен – тоже, хоть бы кондиционер не поленился включить!

Вовсе не даровая выпивка удерживала меня за столом – надо же было дожждаться своего «благодетеля», раз обещал. И тут меня осенило: прежде чем уйти, он как раз глядел в сторону марсиан. Может, это он из-за них? Я попытался понять, наблюдают они за нашим столиком или нет, но как понять, куда марсианин смотрит и о чем думает? Вот за это тоже их не люблю.

Какое-то время я занимался своей выпивкой и гадал, куда же подевался мой приятель-космолетчик. Была у меня надежда, что благосклонность его примет, скажем, форму обеда, а если мы проникнемся друг к другу симпатией, то, возможно, и беспроцентной ссуды. Прочие виды на будущее, честно говоря, удручали – дважды уже звонил своему агенту и натыкался на автоответчик. А ведь дверь номера не пустит меня ночевать, если я не найду для нее монетки. Да, да, я пал столь низко, что спал в конуре с автооплатой.

Вконец погрязнуть в черной меланхолии не позволил официант, тронувший меня за локоть:

– Вам вызов, сэр.

– А? А, спасибо, приятель. Тащите сюда аппарат.

– Простите, сэр, не могу. Это в вестибюле, кабина двенадцать.

– Благодарю вас. – Я вложил в ответ столько душевности, сколько стоили чаевые, которых у меня не было. Как можно дальше обойдя марсиан, я выбрался в вестибюль.

Здесь стало понятно, почему аппарат не подали к столу. Номер 12 оказался кабиной повышенной защиты, полностью недоступной для подглядывания, подслушивания и тому подобного. Изображения в стереокубе не было и не появилось, даже когда я закрыл за собой дверь. Куб сиял безликой, пока я не сел, так что лицо мое оказалось напротив передатчика. Опалесцирующее сияние наконец рассеялось, и на экране появился давешний незнакомец.

– Извините, пришлось вас покинуть, – быстро заговорил он, – я должен был спешить. У меня есть к вам дело. Приходите в «Эйзенхауэр», номер две тысячи сто шесть.

И опять без всяких объяснений! «Эйзенхауэр» подходит для космолетчика ничуть не больше, чем «Каса Маньяна». Похоже, пахивает от этого дельца: кто ж станет так настойчиво зазывать в гости случайного знакомого из бара? Если, конечно, речь не о лице противоположного пола.

– А зачем? – спросил я.

Космолетчик, похоже, к возражениям не привык. Я наблюдал с профессиональным интересом: выражение его лица не было сердитым, о нет – оно скорее напоминало грозовую тучу перед бурей. Но он взял себя в руки и ответил спокойно:

– Лоренцо, у меня нет времени на болтовню. Вам нужна работа?

– Ангажемент, вы хотите сказать?

Я отвечал медленно. На какой-то ужасный миг мне показалось, что он предлагает мне... Ну, знаете, работу – когда

работают. До сих пор я не поступался профессиональной честью, несмотря на пращи и стрелы яростной судьбы.

– Разумеется ангажемент, самый настоящий! – быстро ответил он. – И нужен самый лучший актер, какой только есть.

Я изо всех сил постарался сохранить на лице невозмутимость. Да я согласился бы на любой ангажемент – даже на роль балкона в «Ромео и Джульетте». Но нанимателю это знать совершенно ни к чему.

– А именно? У меня довольно плотный график.

Но он на это не купился.

– Остальное не для видеофона. Может, вы и не знаете, но я вам скажу: есть оборудование и против этой защиты. Давайте скорей сюда!

Похоже, я был нужен ему позарез. А раз так, можно было немного и поломаться.

– Вы за кого меня держите? Я вам что, мальчик на побегушках? Юнец, готовый на все ради привилегии сказать полторы реплики? Я – Лоренцо! – Тут я, задрав подбородок, принял оскорбленный вид. – Что вы предлагаете? Только конкретно.

– А, чтоб вас! Не могу я об этом по видео. Сколько вы обычно берете?

– Мм... Вы спрашиваете про гонорар?

– Да, да!

– За выход? Или за неделю? Или, может, вы имеете в виду длительный контракт?

– Вздор, вздор. Сколько вы берете за вечер?

– Моя минимальная ставка – сто империялов за выход.

Здесь я, между прочим, не врал. Да, порой мне приходилось платить чудовищные откаты, но в чеке всегда стояла сумма не меньше моей минимальной ставки. Человек должен себя уважать. Лучше уж затяну ремень потуже да немного перетерплю.

– Ладно, – тут же отозвался он, – сотня ваша, как только вы здесь появитесь. Только поскорей!

– А?

Лишь сейчас до меня дошло, что можно было заломить и двести, и даже двести пятьдесят.

– Но я еще не согласился!

– Вздор! Обговорим это у меня. Сотня в любом случае ваша. А если согласитесь, назовем ее, скажем, премией сверх гонорара. Ну идете вы, наконец?

– Сейчас, сэр. – Я поклонился. – Подождите немного.

К счастью, от «Касы» до «Эйзенхауэра» недалеко – ехать мне было бы не на что. Но хотя искусство пешей ходьбы в наше время утрачено, я-то им владел в совершенстве, а пока шел – собрался с мыслями. Не дурак ведь – прекрасно понимал, если кто-то так настойчиво предлагает ближнему своему деньги, для начала стоит оценить карты. Наверняка здесь что-то опасное или противозаконное. Или то и другое сразу. Соблюдение законов меня беспокоило мало – закон частенько оказывается идиотом, как сказал Бард, и я обеими руками его поддерживаю. Однако, как правило, стараюсь «не занимать левый ряд».

Пока что фактов было недостаточно, а потому – не стоило брать в голову. Я закинул плащ на плечо и шел, наслаждаясь мягкой осенней погодой и запахами большого города.

Парадным входом я пренебрег и поднялся пневмотрубой из цоколя на двадцать первый этаж. Что-то подсказывало: здесь не место и не время для встреч с восторженной публикой.

На стук отворил мой приятель-«дальнобойщик».

– Долго вы добирались, – буркнул он.

– М-да?

Я пропустил замечание мимо ушей и огляделся. Номер, как я и думал, оказался из дорогих, однако каков бардак! Я насчитал не меньше дюжины невымытых стаканов и столько же кофейных чашек – судя по всему, народу здесь уже побывало тьма. С дивана сердито уставилась какая-то незнакомая личность – наверняка тоже космолетчик. Мой

вопросительный взгляд остался без ответа, – похоже, знакомство в программу вечера не входило.

– Наконец-то! Итак, к делу.

– ...Которое, – подхватил я, – напоминает о некоей премии или, скажем, авансе...

– А, верно.

Он обернулся к лежавшему на диване:

– Джок, заплати.

– За что?

– Заплати!

Теперь стало ясно, кто здесь главный. Хотя будущее показало, что, если в помещении находился Дэк Бродбент, вопрос «кто тут главный» решался однозначно. Джок мгновенно поднялся и, все еще хмурясь, отключил мне полусотенную и пять десятков. Я спрятал деньги, не пересчитывая, и сказал:

– К вашим услугам, джентльмены.

Здоровяк пожевал губами:

– Для начала я хотел бы, чтоб вы поклялись не заикаться об этой работе даже во сне.

– Если вам мало моего слова, то чем лучше будет клятва?

– Я обратился ко второму, который вновь улегся на диван: – Нас, похоже, не представили. Меня зовут Лоренцо.

Он мельком глянул на меня и отвернулся. Мой знакомый из бара поспешно вставил:

– Имена тут ни к чему.

– Да? Знаете, мой незабвенный родитель на смертном одре взял с меня клятвенное обещание: во-первых, не мешать виски ни с чем, кроме воды, во-вторых, не читать анонимных писем, а в-третьих, не иметь дел с человеком, не желающим себя называть. Удачи вам, господа!

Я направился к выходу. Сотня имперIALов приятно согревала меня сквозь карман.

– Погодите!

Я остановился.

– Ладно, вы правы. Меня зовут...

– Капитан!

– Да брось ты, Джок. Мое имя – Дэк Бродбент, а этого невежу зовут Жак Дюбуа. Оба мы «дальнобойщики», пилоты-универсалы: любые корабли, любые ускорения.

– Лоренцо Смайт, – скромно раскланялся я. – Лицедей и подражатель, член клуба «Агнцы».

Кстати, когда я в последний раз платил членские взносы?

– Замечательно. Джок, хоть улыбнись для разнообразия! Ну как, Лоренцо, сохраните вы наше дело в секрете?

– Буду нем как могила. Слово джентльмена джентльмену.

– Независимо от того, возьметесь ли?

– Независимо от того, достигнем мы соглашения или нет. Я человек слова, и, если ко мне не применяют незаконных методов допроса, ваш секрет умрет вместе со мной.

– Лоренцо, я прекрасно знаю, что делает с человеком не-одексоаин. Невозможного мы с вас не спросим.

– Дэк, – торопливо встрял Дюбуа, – погоди. Надо хотя бы...

– Заткнись, Джок. На этом этапе я не хочу прибегать к гипнозу. Так вот, Лоренцо, для вас есть работа – как раз по части перевоплощений. И перевоплощение должно быть такое, чтобы никто – ни одна живая душа не заметила разницу с оригиналом. Вы это сможете?

Я сдвинул брови:

– Не понял – смогу или захочу? Вам, собственно, для чего?

– Детали обсудим позже. В двух словах – нам нужен дублер для одного весьма популярного человека. Загвоздка в том, что надо обмануть даже тех, кто его знает близко. А это немного сложнее, чем принимать парад с трибуны или вручать медали скаутам. – Он пристально посмотрел мне в глаза. – Тут должен быть настоящий мастер, Лоренцо.

– Нет, – тотчас ответил я.

– Вот тебе раз... Вы же еще ничего толком не знаете! Если вас мучает совесть, так могу вас успокоить: тому, кого вы сыграете, вреда от этого никакого. И ничьих законных интересов не ущемляет. Мы вынуждены его подменять.

– Нет.

– Но почему, черт возьми?! Вы даже не представляете, сколько мы можем вам заплатить!

– Не в деньгах дело, – твердо отвечал я. – Я актер. А не дублер.

– Ничего не понимаю! Туча актеров кормится тем, что копирует знаменитостей!

– Ну, это – шлюхи, а не актеры. Я так не хочу. Кто уважает литературных негров? Или художников, позволяющих другому подписаться под своей работой ради денег? В вас нет творческой жилки. Чтобы было понятней, вот вам такой пример: стали бы вы – ради денег – принимать управление кораблем, пока кто-то другой гуляет в вашей форме по палубе и, ни бельмеса в вашем деле не смысля, называется пилотом экстра-класса? Стали бы?

– А за сколько? – фыркнул Дюбуа.

Бродбент метнул в него молнию из-под бровей:

– Да, похоже, я вас понимаю.

– Для артиста, сэр, первым делом – признание. А деньги – так... Подручный материал, благодаря которому мы можем творить свое искусство.

– Хм. Ладно. Ради денег вы за это братья не хотите. А если, скажем, вы убедитесь, что никто, кроме вас, тут не справится?

– Может быть. Хотя трудновообразить подобные обстоятельства.

– Зачем воображать. Мы сами все объясним.

Дюбуа вскочил с дивана:

– погоди, Дэк! Ты что, хочешь...

– Сиди, Джек! Он должен знать.

– Не сейчас и не здесь! И ты никакого права не имеешь подставлять всех из-за него! Ты еще не знаешь, что он за птица.

– Ну, это – допустимый риск.

Бродбент повернулся ко мне. Дюбуа сцапал его за плечо и развернул обратно:

– К чертям твой допустимый риск! Дэк, мы с тобой давно работаем в паре, но если сейчас ты раскроешь пасть... Кто-то из нас уж точно больше ее никогда не раскроет!

Казалось, Бродбент удивлен. Глядя на Дюбуа сверху вниз, он невесело усмехнулся:

– Джок, старина, ты уже настолько подрос?

Дюбуа свирепо уставился на него. Уступать он не хотел. Бродбент был выше его на голову и фунтов на двадцать тяжелей. Я поймал себя на том, что Дюбуа мне, пожалуй, симпатичен. Меня всегда трогала дерзкая отвага котенка, бойцовский дух бентамского петушка или отчаянная решимость «маленького человека», восклицającego: «Умираю, но не сдаюсь!» И так как Бродбент, похоже, не собирался его убивать, я решил, что Джоком сейчас подотрут пол.

Вмешиваться я, однако, не собирался. Всякий волен быть битым, когда и как пожелает.

Напряжение между тем нарастало. Вдруг Бродбент расхохотался и хлопнул Дюбуа по плечу:

– Молоток!

Затем повернулся ко мне и спокойно сказал:

– Извините, мы вас оставим ненадолго. Мне с моим другом надо... кое о чем переговорить.

Номер, как и все подобные номера, был оборудован «тихим уголком» с видео и автосекретарем. Бродбент взял Дюбуа под локоть и отвел туда. Между ними сразу же завязалась оживленная беседа.

В дешевых гостиницах такие «уголки» не всегда полностью глушат звук. Однако «Эйзенхауэр» – отель люкс и оборудование, конечно, имел соответствующее. Я мог видеть, как шевелятся их губы, но при этом не слышал ни звука.

Впрочем, губ мне было достаточно. Лицо Бродбента находилось прямо передо мной, а Дюбуа отражался в стенном зеркале напротив. Когда-то я был неплохим «чтецом мыслей» и не раз с благодарностью вспоминал отца, лупившего меня до тех пор, пока я не освоил безмолвный язык губ. «Читая» мысли, я требовал, чтобы зал был ярко освещен, и пользовался очками с... Ну, это не важно. В общем, по губам я читать умел.

Дюбуа говорил:

– Дэк, ты безмозглый, неисправимый и совершенно невозможный придурок! Ты, может, желаешь со мной на пару загреметь на Титан – считать булыжники? Да это самодовольное ничтожество тут же в штаны наложит!

Я чуть не проморгал ответ Бродбента. Ничтожество, это ж надо! Самодовольное! Помимо вполне трезвой оценки своей гениальности, я всегда полагал себя человеком, в общем-то, скромным...

Бродбент: «...не важно, что карты с подвохом, когда заведение в городе одно. Джок, выбирать нам не из чего!»

Дюбуа: «Ну так привези сюда дока Чапека, пусть применит гипноз, веселящего вколет... Но не вздумай ему открываться, пока он не созрел и пока мы на грунте!»

Бродбент: «Чапек сам говорил, что на один гипноз да химию надежды никакой. Нужно, чтобы он сотрудничал с нами, понимаешь, сотрудничал! Сознательно!»

Дюбуа фыркнул: «Какой там „сознательно“ – ты посмотри на него! Видал когда-нибудь петуха, вышагивающего по двору? Да, с виду этот тип вылитый шеф, черепушка такой же формы... Но внутри-то она пустая! Нервишки не выдержат, сорвется и все испортит! Ни за что такому не сыграть, как надо, – он не актер, а одно название!»

Если бы бессмертного Карузо обвинили в том, что он «пустил петуха», он и то бы не оскорбился сильнее. Однако, думаю, в тот миг я не посрамил мантию Бёрбеджа и Бута, так как продолжал спокойно полировать ногти. Впрочем, про себя я решил, что в один прекрасный день заставлю

приятеля Дюбуа сперва смеяться, а затем – плакать, и все это в течение двадцати секунд. Я подождал еще не-

много, поднялся и направился в «тихий уголок». Они ментально заткнулись. Тогда я негромко сказал:

– Бросьте, господа. Я передумал.

Дюбуа несколько расслабился:

– Так вы отказываетесь?

– Я имею в виду, вы меня ангажировали. И можете ничего не объяснять. Дружище Бродбент уверял, что работа не побеспокоит мою совесть. Я ему верю. Насколько я понял, нужен актер. Деловые заботы моего продюсера меня не касаются. Я согласен.

Дюбуа разозлился, но промолчал. Я думал, Бродбент будет доволен и перестанет нервничать, но он обеспокоился пуще прежнего.

– Ладно, – согласился он, – продолжим. Лоренцо, не могу сказать, на какой срок вы понадобитсяе. Но не больше нескольких дней. И то играть придется раз или два – по часу, примерно.

– Это не так уж важно. Главное, чтобы я успел как, следует войти в роль... Так сказать, перевоплотился. Но все же

– сколько дней я буду занят? Нужно ведь предупредить моего агента...

– Э нет. И речи быть не может.

– Но – сколько? Неделя?

– Меньше. Иначе – мы идем ко дну.

– А?

– Ничего, не обращайтесь внимания. Сто импералов в день вас устроят?

Я немного помялся, но вспомнил, как легко он выложил сотню за короткий разговор со мной, и решил, что самое время побыть бескорыстным. Я махнул рукой:

– Это – потом. Не сомневаюсь, вы заплатите гонорар, соразмерный важности моей работы.

– Отлично.

Бродбент в нетерпении повернулся к Дюбуа:

– Джок, свяжись с ребятами. Потом позвони Лэнгстону, скажи: начинаем по плану «Марди Гра». Пусть сверяется с нами. Лоренцо...

Он кивнул мне, и мы прошли в ванную. Там он открыл небольшой ящичек и спросил:

– Сможете что-нибудь сообразить из этой ерунды?

Ерунда и есть – из тех непрофессиональных, но с претензией составленных гримерных наборов, какие приобретают недоросли, жаждущие славы великих артистов. Я оглядел его с легким презрением:

– Я так понимаю, сэр, вы хотите начать прямо сейчас? И без всякой подготовки?

– А? Нет-нет! Я хочу, чтобы вы... изменили лицо. Чтобы никто не узнал вас, когда мы отсюда выйдем. Это, наверное, не сложно?

Я холодно ответил, что быть узнаваемым – тяжкое бремя любой знаменитости. И даже не стал добавлять, что Великого Лоренцо во всяком публичном месте узнают толпы народу.

– О'кей. Тогда сделайте кем-нибудь другим.

Он круто повернулся и вышел. Я, покачивая головой, осмотрел то, что Дэк считал моими орудиями производства. Грим – в самый раз для клоуна, вонючий театральный клей, фальшивые волосы, с мясом выдранные из ковра в гостиной тетушки Мэгги... Силикоплоти вообще ни унции, не говоря уж об электрощетках и прочих удобных новинках нашего ремесла. Но если ты действительно мастер, то способен творить чудеса, обходясь лишь горелой спичкой или тем, что найдется на любой кухне. Плюс собственный гений, разумеется. Я поправил свет и углубился в творческий поиск.

Есть разные способы делать знакомое лицо незнакомым. Простейший – отвлечь внимание. Засуньте человека в мундир, и его лица никто не заметит. Ну-ка, припомните лицо последнего встреченного вами полисмена! А смогли бы вы узнать его в штатском? То-то. Можно также привлечь внимание к отдельной детали лица. Приклейте кому угодно громадный нос, украшенный к тому же малиново-красным прыщом. Какой-нибудь невежа в восторге уставится на этот нос, а человек воспитанный – отвернется. И никто не запомнит ничего, кроме носа.

Но этот примитив я отложил до другого раза. Моему нанимателю, как я понял, требовалось, чтобы меня не заметили вовсе. Это уже потрудней: обращать на себя внимание куда легче. Требовалось самое распростецкое, незапоминающееся лицо, вроде истинного лица бессмертного Алека Гиннеса. Мне же с физиономией не повезло: слишком уж она аристократически утонченна, слишком красива – худшее из неудобств для характерного актера. Как говаривал отец: «Ларри, ты чересчур смазлив! Если вместо того, чтобы учиться ремеслу, будешь валять дурака, то пробегаешь лет пятнадцать в мальчиках, воображая, что ты актер, а остаток жизни проторчишь в фойе, торгуя леденцами. „Дурак“ и „красавчик“ – два самых оскорбительных амплуа в шоу-бизнесе, и оба тебе под стать».

Потом он доставал ремень и начинал стимулировать мой мозг. Отец был психологом-практиком и свято верил, что

регулярный массаж *glutei maximi*¹ посредством ремня весьма способствует оттоку лишней крови от детского мозга. Теория, возможно, хлипковата, но результаты налицо: когда мне стукнуло пятнадцать, я делал стойку на голове на слабо натянутом канате, декламировал страницу за страницей из Шекспира и Шоу, а из прикуривания сигареты мог устроить целый спектакль.

Я все еще размышлял, когда Бродбент заглянул в ванную.

– Да господи ты боже!.. – завопил он. – Вы и не начинали?

Я холодно глянул на него:

– Я так понял – вам нужна моя лучшая творческая работа. А сможет, к примеру, повар, будь он хоть *cordon bleu*², приготовить какой-нибудь новый соус, сидя на лошади, скачущей галопом?

– К дьяволу всех лошадей! – Он посмотрел на часы. – У вас еще шесть минут. Если не уложитесь, придется выходить как есть.

Ладно. Конечно, времени бы побольше, однако я дублировал отца в его коронном номере «Убийство Хьюи Лонга» (пятнадцать лиц за семь минут) и однажды сыграл на девять секунд быстрее!

– Стойте, где стоите, – бросил я. – Момент.

И я стал Бенни Греем – ловким, неприметным человеком, убивающим направо и налево в «Доме без дверей». Два легких мазка от крыльев носа к уголкам рта – для придания щекам безвольности, мешки под глазами и землистый «Макс Фактор № 5» поверх всего. На все около двадцати секунд – я мог бы наложить этот грим во сне. «Дом» выдержал девяносто два представления, прежде чем его записали на видео.

Я повернулся к Бродбенту. Тот ахнул:

– Господи! Прямо не верится...

¹ Большие ягодичные мышцы (лат.).

² Шеф-повар, выдающийся кулинар (фр.).

Продолжая быть Бенни Греем, я даже не улыбнулся. Он и вообразить не мог, что вполне можно обойтись без грима! С гримом, конечно, проще, но мне он нужен был исключительно для Бродбента. Тот в простоте душевной полагал, что все дело в краске да пудре.

А Бродбент все еще глазел на меня.

– Слушайте, – умерив голос, протянул он, – а нельзя ли проделать такое со мной? Только быстро.

Я уже собрался ответить «нет», но тут понял, что это своего рода вызов моему мастерству. Ужасно захотелось сказать: попади он в руки моему отцу пятилетним, сейчас был бы готов торговать на улице сахарной ватой. Однако я придумал нечто получше:

– Вы просто хотите, чтобы вас не узнали?

– Да-да! Можно меня наштукатурить как следует, налепить фальшивый нос или еще чего?

Я покачал головой:

– Как бы я вас ни «штукатурил», все равно будете не лучше мальчишки на Хеллоуин. Играть-то вы не умеете, и учиться поздновато. Ваше лицо трогать не будем.

– Все же... Если приделать мне этакий рубильник...

– Послушайте, «этакий рубильник» только привлечет к вам внимание, будьте уверены! Как вам понравится, если кто-нибудь из знакомых, увидев вас, скажет: «А здорово этот верзила похож на Дэка Бродбента! Прямо вылитый, разве что нос другой»?

– А? Меня такое устроит. То есть пока он уверен, что это не я. Я-то сейчас должен быть... В общем, на Земле меня нет.

– Он будет абсолютно уверен, что это не вы. Походка – вот ваша основная беда. Мы ее поменяем, и это будете вовсе не вы, а любой другой высокий, плечистый парень, немного смахивающий на Дэка Бродбента.

– О'кей. Как я должен ходить?

– Нет, вы этому не научитесь. Мы заставим вас ходить, как надо.

– Это как?

– Насыплю мелких камешков в носки башмаков. Это вынудит вас опираться больше на пятки и ходить прямее. Таким образом, вы избавитесь от скрюченности и кошачьих повадок космолетчика. Мм... А лопатки стянем клейкой лентой, чтобы вы не забывали расправлять плечи. Этого будет вполне достаточно.

– Думаете, стоит изменить походку, и меня не узнают?

– Мало того – никто не сможет сказать, почему так уверен, что перед ним не вы. Подсознательная уверенность не оставит никаких сомнений. Можно, если хотите, поработать еще и с лицом, просто ради вашего спокойствия...

Мы вышли из ванной. Я, конечно, оставался Бенни Греем: если уж вошел в роль, требуется некоторое усилие, чтоб вновь стать самим собой. Дюбуа занимался видеофоном. Он поднял глаза, увидел меня, и у него отвисла челюсть. Джок, как ошпаренный, вылетел из «тихого уголка» и заорал:

– Это еще кто? Где актер?

На меня он посмотрел лишь мельком: Бенни Грей – этакий вялый, неприглядный мужичонка, смотреть не на что.

– Какой актер? – поинтересовался я ровным, бесцветным голосом Бенни.

Дюбуа одарил меня еще одним взглядом и вновь отвернулся бы, кабы не обратил внимания на одежду. Бродбент, расхохотавшись, хлопнул товарища по плечу:

– Тебе, помнится, не нравилась его игра?

Затем уже другим тоном:

– Со всеми успел связаться?

– Да... да. – Дюбуа, совершенно убитый, еще раз посмотрел на меня и отвел взгляд.

– О'кей. Через четыре минуты нужно сваливать. Посмотрим, Лоренцо, как быстро вы обработаете меня.

Дэк успел снять ботинок, куртку и взялся за сорочку. Тут засветился сигнал над дверью и зажужжал зуммер. Дэк застыл:

– Джок, мы что, ждем кого-то?

– Это Лэнгстон, наверно. Он говорил – может, успеет за-
скочить до того, как мы отчалим.

Дюбуа направился к двери:

– Не похоже. Это скорее...

Я так и не успел узнать, на кого похоже это скорее. Дюбуа
отворил. В дверях, будто гигантская поганка из ночного
кошмара, стоял марсианин.

Какое-то время я не видел ничего, кроме марсианина. И
не замечал ни Жезла Жизни в его ложнолапах, ни человека
за его спиной.

Марсианин скользнул в комнату, человек последовал за
ним. Дверь захлопнулась.

– Добрый день, господа, – проквашал марсианин. – Уже
уходите?

Меня скрутил острый приступ ксенофобии. Дэк, запутав-
шийся в рукавах сорочки, был вне игры. Но малыш Джок
Дюбуа проявил подлинный героизм и стал мне больше, чем
братом. После смерти, к сожалению...

Он бросился на Жезл, заслонив собой нас.

Скорее всего, Джок умер еще прежде, чем упал. В животе
его зияла дыра, куда свободно прошел бы кулак. Но перед
смертью он успел сжать в руках ложнолапу и, падая, не от-
пустил. Она вытянулась, словно сливочная тянучка, и лоп-
нула у самого основания. Несчастный Джок продолжал сжи-
мать Жезл в мертвых пальцах.

Человеку, пришедшему с этой вонючкой, пришлось от-
скочить, чтобы достать пушку. И тут он прокололся: нужно
было пристрелить сперва Дэка, а затем меня. Вместо этого
он пальнул в мертвого Джока, а второго выстрела Дэк ему
не оставил, попав точно в лоб. Ишь ты, а я и не знал, что Дэк
при оружии!

Марсианин даже не пытался смыться. Поднявшись, Дэк
подошел к нему и сказал:

– А, Рррингрийл. Вижу тебя.

– Я вижу тебя, капитан Дэк Бродбент, – проквашал мар-
сианин. – Ты скажешь моему Гнезду?

- Я скажу твоему Гнезду, Рррингрийл.
- Благодарю тебя, капитан Дэк Бродбент.

Длинный костлявый палец Дэка целиком вошел в ближайший глаз марсианина, достав, похоже, до самого мозга. Дэк выдернул палец – весь он был вымазан отвратительной зеленоватой слизью. В агонии тварь втянула ложнолапу в «ствол», но даже мертвая оставалась стоять на своей подошве. Дэк бросился в ванную, там зашумела вода. Я застыл в столбняке, не в силах двинуться с места, совсем как сдохший Рррингрийл.

Появился Дэк, вытирая руки о рубаху:

- Нужно их убрать, и быстро!

Ничего себе – «вытри стол»!

Я решил выяснить отношения. Одной, довольно путаной, фразой объяснил ему, что в это дело вступать не желаю, что теперь нужно вызывать полицию, и я хочу свалить до того, как здесь будут ищейки, и пошел он – не скажу куда – со своими перевоплощениями, а я намерен, расправив крылышки, упорхнуть в окно. Дэк отмахнулся:

– Не трясись, Лоренцо. Мы в цейтноте. Помоги-ка оттащить их в ванную.

– А? Бог с тобой! Запрем номер, и ноги в руки! Авось на нас не подумают.

– Авось не подумают, – согласился он, – никто не знает, что мы здесь. Но они без труда догадаются, что Джока убил Рррингрийл. Вот этого допустить нельзя. Сейчас – нельзя.

– А?

– Мы не можем позволить газетчикам растрезвонить, что марсианин убил человека! Заткнись и помогай.

Я заткнулся и стал помогать. К счастью, мне вспомнилось, что Бенни Грей был худшим из маньяков-садистов, когда-либо баловавшихся расчлененкой. Он-то и оттащил оба тела в ванную, пока Дэк, вооружившись Жезлом, довольно умело разделял Рррингрийла на мелкие кусочки. Первый надрез он постарался провести так, чтобы не задеть мозговой полости, и проделал это довольно чисто. Однако помочь

ему я все равно бы не смог. По-моему,дохлый марсианин воняет куда хуже живого.

Ублиетка нашлась тут же, в стене, за биде, но, если бы не традиционный трилистник – значок радиации, мы бы ее долго искали. Сбросив туда останки Рррингрийла – у меня даже достало храбрости помочь, – Дэк все тем же Жезлом принялся расчленять трупы людей, спуская кровь в ванну.

Ну и кровищи в человеке! Мы полностью открыли краны, но работа все равно была грязная. А взявшись было за бедного малыша Джока, Дэк вдруг остановился. На глазах его показались слезы, он сделался как слепой, и я забрал у него Жезл, пока он не отхватил себе пальцы. Бенни Грей вновь занялся привычной работой.

Когда я закончил, в номере не осталось никаких следов двух людей и марсианского монстра. Тщательно вымыв ванну, я наконец разогнулся. В дверях возник Дэк. Он был спокоен, будто ничего не случилось.

– Я проверил, не осталось ли чего на полу. Если сюда доберется криминалист со своим оборудованием, он запросто установит, как было дело. Но он, надо думать, не доберется. Пошли! Нужно наверстать почти двенадцать минут.

Мне и в голову не пришло спрашивать – куда и зачем.

– Сейчас подкуем тебе башмаки...

Дэк замотал головой:

– Нет, жать будут. Теперь главное – скорость.

– Хозяин – барин, – ответил я и отправился за ним.

У двери он притормозил:

– Да. Неподалеку могут быть другие. Если что – стреляй, иного выхода нет.

Жезл Жизни он держал наготове, прикрыв его плащом.

– Марсиане?

– Или люди. Или смешанным составом.

– Дэк, а Рррингрийл был с теми, в баре «Маньяна»?

– Ну да! С чего же я, по-твоему, все ходил вокруг да около, а после притащил тебя сюда? Похоже, они сели тебе на хвост. Или мне. Да ты не узнал его разве?

– Еще чего, конечно, не узнал. Эти твари, на мой взгляд, все одинаковые.

– Ну, они то же самое про нас говорят. А в баре был Рррингрийл, его парный брат Ррринглатх и еще двое из их Гнезда или побочных линий. Все, пора. Увидишь марсианина, стреляй. Вторую пушку прихватил?

– Да. И знаешь, Дэк... Ничего в ваших делах не понимаю, но, пока эти твари против вас, я с вами. Терпеть не могу марсиан.

Он ошарашенно уставился на меня:

– Не пори ерунду! Вовсе мы не боремся с марсианами. Те четверо – просто ренегаты!

– Ка-ак?!

– Приличных марсиан очень много, то есть почти все. Да и Рррингрийл – не из худших. Славно я, бывало, поигрывал с ним в шахматишки...

– Ах вон оно что... Ну, коли так...

– Кончай. Поздно отступать. Марш к пневмотрубе! Я прикрою.

Я закрыл рот. Спорить не приходилось – действительно, по самые брови увяз.

Мы спустились в цоколь и двинули на скоростную линию, к экспресс-капсулам. Одна двухместная как раз оказалась свободна. Дэк буквально впихнул меня внутрь, я даже не заметил, что за код он набирает, но, когда перегрузка отпустила, я не очень удивился мигающей надписи: «Космопорт Джефферсон – просьба освободить капсулу».

Плывать мне было, какая станция, – лишь бы подальше от «Эйзенхауэра». Несколько минут полета в вакуумном туннеле хватило для разработки плана – приблизительного, поверхностного, подверженного, как пишут в изящных романах, изменениям в связи с обстоятельствами, но все же – плана. Он состоял из одного слова: «БЕЖАТЬ!»

Еще утром я счел бы его невыполнимым: в нынешнем обществе человек без денег беспомощней младенца. Однако с сотней монет в кармане я мог слинять далеко и быстро. Я

не чувствовал себя обязанным Дэку Бродбенту. Ради каких-то своих – не моих! – собственных целей он чуть не подставил меня под пулю. Затем – втянул в сокрытие преступления. И вот теперь заставляет бегать от закона. Но полиция – пока – за нами не охотится, а значит, отвязавшись от Бродбента, я могу спокойно забыть все как дурной сон. Вряд ли меня заподозрят, если дело когда-нибудь и всплывет, – слава богу, любой джентльмен носит перчатки, и свои я снимал, лишь гримируясь, да еще пока занимался той дьявольской «уборкой».

Замыслы Дэка меня вовсе не трогали – бурный прилив щенячьего героизма при мысли, что он воюет с марсианами, не в счет. Остатки симпатии улетучились, едва я обнаружил его дружелюбие к инопланетным тварям. Перевоплощаться по указке Дэка Бродбента – да ни за какие коврижки! Катись он к дьяволу! Все, чего я хочу от жизни, – это немного денег на поддержание души в теле плюс – сцена. Отродясь не любил играть в полицейских и гангстеров – самый захудалый театр интересней.

Порт Джефферсон был будто создан для моего плана. Теснота, суета, гвалт, паутина вакуум-туннелей вокруг – если Дэк оставит меня хоть на полсекунды без присмотра, я уже буду на полпути к Омахе. Там отсижусь несколько недель, потом свяжусь с агентом, выясню, не справлялся ли кто насчет меня.

А Дэк, видать, что-то почуял – капсулу мы покинули одновременно, иначе б я просто захлопнул дверь и удрал. Но тут оставалось только делать вид, будто я ничего не заметил, и держаться рядом, словно щенок. Мы поднялись по эскалатору в верхний холл, прошли между кассами «Пан-Ам» и «Америкен скайлайнс», и Дэк решительно устремился через зал ожидания к стойке «Диана лимитед». Я было подумал, он хочет купить билеты на шаттл до Луны. Как он собирается протащить меня на борт без паспорта и справки о вакцинации, я не знал, однако представление о его предпримчивости уже имел. Значит, слиняю, когда вынет

бумажник: если человек считает деньги, то сосредоточится же на них хоть на несколько секунд! Но мы не свернули к

кассам «Дианы», а прошли под вывеску «Частные стоянки». Здесь пассажиров не было, одни голые стены вокруг. Я с досадой подумал, что прозевал отличную возможность затеряться в толчее зала ожидания.

– Дэк! Мы что, летим куда-то?

– Конечно.

– Дэк, ты спятил. У меня ж бумаг – никаких. Даже туристского пропуска на Луну!

– И не надо.

– Да? Меня остановят на паспортном контроле. А потом здоровый бычара-коп начнет задавать мне вопросы.

На мое плечо легла ладошка с доброго кота величиной.

– Не будем терять время. Зачем нам паспортный контроль, официально ты никуда не летишь. А меня так и вовсе здесь нет. Вперед, старина!

Не такой уж я маленький, и с мускулами все в порядке, но показалось, что вытаскивает меня из потока машин дорожный робот. Завидев дверь с буквой «М», я предпринял отчаянную попытку вырваться:

– Ну полминуты, Дэк, пожалуйста! Ты же не хочешь, чтоб я в штаны напустил?

Он только усмехнулся:

– Да-а? Ты перед уходом из отеля там был.

Даже шаг не замедлил, не говоря уж – отпустить меня...

– Почки последнее время пошаливают...

– Лоренцо, старина, нюхом чую – пятки у тебя пошаливают, а не почки. Знаешь, я вот что сделаю. Во-он того быка видишь? – (В конце коридора, у самого выхода к стоянкам, страж порядка предавался отдыху, взгромоздив свои сапожищи на стойку.) – Так я что говорю – очень уж меня совесть заела. Просто необходимо исповедаться – как ты пришел вошедшего марсианина и двух своих сопланетников, а потом, наставив на меня пушку, принудил помочь избавиться от трупов, как...

– Ты что, спятил?!

– Полностью, приятель, – от таких-то волнений! Опять же совесть...

– Но... Ты же не мое мне клеишь!

– Да-а? Это как сказать. Думаю, моя история прозвучит более убедительно, чем твоя. Я все знаю об этом деле, а ты нет. Я знаю о тебе все, а ты обо мне ничего. Вот, к примеру...

И он напомнил мне пару тех давних проделок, которые я твердо считал похороненными навеки. Черт с ним, выступал я раза два в «холостяцких шоу». Не для семейного просмотра, но человеку надо на что-то жить! А что касается Биби – это с его стороны просто непорядочно. Откуда я мог знать, что она несовершеннолетняя? Ну, тот счет в гостинице... да, в Майами-Бич за попытку сбежать, не заплатив, карают как за вооруженный грабеж, но это же просто провинциальная дикость. И я бы заплатил, будь у меня деньги. Что до злополучного происшествия в Сиэтле... короче, я пытаюсь сказать, что Дэк и правда поразительно много обо мне знал, но все истолковывал в неправильном свете. И все же...

– Ну что ж, – продолжал Дэк, – подойдем сейчас к нашему глубокоуважаемому жандарму и во всем

чистосердечно раскаемся. И ставлю семь против двух, что знаю, кого первым выпустят под залог!

За разговором мы миновали полисмена. Он болтал с сидевшей за барьером дежурной и на нас даже не посмотрел. Дэк вынул откуда-то два пропуска с надписью: «РАЗРЕШЕНИЕ НА ОБСЛУЖИВАНИЕ – стоянка К-127» – и сунул их под монитор. Монитор считал информацию и высветил указание взять машину на верхнем уровне, код Кинг-127. Дверь распахнулась, механический голос произнес:

– Будьте осторожны. Внимательно следите за радиационными предупреждениями. За несчастные случаи на поле компания ответственности не несет.

Усевшись в небольшую машину, Дэк набрал абсолютно другой код. Машина, развернувшись, юркнула в какой-то туннель. Куда нас несет – меня совершенно не волновало: теперь все едино.

Мы вылезли из машины, и она отправилась обратно. Прямо передо мной к далекому стальному потолку поднималась лесенка. Дэк подтолкнул меня к ней:

– Давай скорей!

Добравшись до люка в потолке, я увидел надпись: «ОПАСНО! РАДИАЦИЯ! Находиться не более 13 секунд». Цифры были вписаны мелом. Пришлось затормозить. Заводить детей я, конечно, не собирался, однако и дураком себя не считал. Дэк оскалился:

– Ах, вы сегодня не в свинцовых подштанниках? Открывай и давай быстро на корабль! Если не канителиться, уложишься с трехсекундным запасом.

Думаю, я уложился с пятисекундным, прыгая через две ступеньки. Футов десять пробежал под открытым небом, затем нырнул в люк корабля.

Кораблик был невелик. Во всяком случае, рубка тесная; рассматривать снаружи времени не было. До этого я летал лишь на лунных шаттлах – «Евангелине» и «Гаврииле»; это когда по глупости согласился выступать на Луне в компании еще с несколькими простаками. Наш импресарио полагал,

что акробатика, пляски на канате и вообще всякого рода кунштюки при 1/6 g пройдут куда как успешней, что в целом правильно, но он не оставил нам времени на репетиции. Чтобы вернуться, я вынужден был прибегнуть к Акту о помощи попавшим в беду путешественникам и заодно лишился всего гардероба...

В рубке находились двое. Первый, лежа в одном из трех амортизационных кресел, возился с какими-то верньерами, второй что-то делал отверткой. Лежавший глянул на меня и ничего не сказал. Его товарищ обернулся и тревожно спросил через мое плечо:

– А Джок где?

Из люка, словно чертик из табакерки, выпрыгнул Дэк:

– Потом, потом! Вы массу его скомпенсировали?

– Ага.

– Рыжий, данные загружены? Диспетчерская?

Из кресла лениво отозвались:

– Каждые две минуты пересчитываю. Диспетчерская дала добро. Вовремя ты. У тебя сорок... э... семь секунд.

– Место мне, живо! Я улечусь в это время.

Рыжий так же лениво вылез из амортизационного кресла. Дэк тут же рухнул в него. Другой космолетчик сунул меня на место штурмана и, пристегнув ремнями, направился к выходу. Рыжий последовал было за ним, но задержался:

– Да, чуть не забыл. «С вас билетики», – сказал он добродушно.

– А, ч-черт!

Рывком ослабив ремень, Дэк полез в карман, достал пропуск, с которыми мы прошли на борт, и отдал ему.

– Спасибо, – ответил Рыжий, – до скорого! Давай – и чтоб сопла не остыли!

И с той же изящной ленцой он удалился. Слышно было, как хлопнула дверь шлюза, и у меня заложило уши. Дэк не попрощался – он был занят компьютером.

– Двадцать одна секунда, – буркнул он. – Обратного отсчета не будет. Расслабься и следи, чтобы руки были на подлокотниках. Старт – только цветочки.

Я почел за лучшее делать то, что говорят. Секунды тянулись, будто часы; напряжение становилось невыносимым. Я не выдержал:

– Дэк...

– Заткнись!

– Куда мы хоть летим?

– На Марс!

Я успел увидеть, как красная кнопка под его пальцем уходит в панель, – и отключился.

2

И чего, скажите на милость, смешного, когда человека тошнит? Эти чурбаны с железными потрохами всегда смеются – наверняка бы ржали, если бы их родная бабушка сломала обе ноги.

А меня, естественно, скрутило сразу же, как только Дэк отключил тягу и началась невесомость. Однако с космической болезнью я быстро справился, благо желудок был пустой, я с самого утра ничего не ел. Просто всю бесконечность этого кошмарного полета мне было плохо и муторно. Он занял час сорок три минуты, что для меня, крота по природе, равносильно тысяче лет чистилища.

Впрочем, надо отдать Дэку должное: он надо мной не смеялся. Будучи профессионалом, он воспринял мои мучения с безразличной вежливостью стюардессы – а не как эти безмозглые горлопаны; вы наверняка встречали таких среди пассажиров лунных шаттлов. Будь моя воля, эти смешливые здоровяки живо бы оказались за бортом еще на орбите и уж там-то вдоволь повеселились бы над собственными конвульсиями в вакууме.

Несмотря на все смятение в мыслях и тысячу вопросов, крутившихся у меня в голове, я сумел расшевелить в себе

любопытство лишь к тому времени, когда мы почти вышли в точку rendez-в с факельщиком на околоземной орбите. Думаю, если б жертве космической болезни сообщили, что ее расстреляют на рассвете, ответом было бы: «Да? Пере... дайте, пожалуйста, тот пакет!»

Но наконец я оправился настолько, что неодолимая воля к смерти сменилась хилым, еле дышащим, но все же желанием еще немного пожить. Дэк все это время возился с корабельным коммуникатором, явно направляя сигнал очень узким лучом: с контролем направления он нянчился, как стрелок – с винтовкой перед решающим выстрелом. Слышать его или читать по губам я не мог – слишком низко склонился он над передатчиком. Похоже, держал связь с «дальнерейсовиком», к которому мы приближались.

Но в конце концов он отодвинул коммуникатор и закурил. Я с трудом подавил тошноту, подступившую к горлу при одном виде табачного дыма, и спросил:

– Дэк, не пора ли тебе наконец развязать язык?

– Успеется. До Марса – далеко.

– Вот как? Черт бы тебя побрал с твоим гонором, – вяло возмутился я. – Я не хочу на Марс. Знал бы, что надо туда лететь, даже не стал бы рассматривать твое бредовое предложение.

– Как хочешь. Никто тебя силком не тащит.

– Э-э-э?

– Шлюз у тебя за спиной. Хочешь – топай. Уходя, закрой дверь.

Насмешку я оставил без ответа. Он продолжал:

– Но если ты не умеешь дышать в вакууме, то выход у тебя один – лететь на Марс. А я позабочусь, чтобы ты потом вернулся домой. «Одолей» – то есть вот эта посудина – идет на стыковку с «Рискуй». «Рискуй» – скоростной факельщик. И через семнадцать целых хрен десятых секунды после стыковки он пойдет на факельной тяге к Марсу – мы, кровь из носу, должны быть там в среду.

С раздражением и упрямством, на какие только способен тот, кого укачало, я ответил:

– Я не полечу на Марс. Здесь останусь. Ведь должен кто-нибудь отвести корабль на Землю, я-то знаю!

– Корабль – да, – согласился Дэк, – но не тебя. Потому что те трое, что были на борту согласно записям в порту Джефферсон, сейчас на борту «Рискуй». «Одолей» же, как видишь, трехместный. Боюсь, место для четвертого здесь вряд ли отыщется. Да и как ты пройдешь через паспортный контроль?

– Плевать! Хочу на Землю.

– Ага. И в кутузку за все грехи разом – от «попытки нелегального въезда» до «разбоя на космических трассах»? Тебя примут, по меньшей мере, за контрабандиста, препроводят в тихий кабинетик, там введут иглу за глазное яблоко и выкачают из тебя все. Уж они-то умеют спрашивать, а промолчать тебе не удастся. Однако на меня все свалить тоже не выйдет – добрый старый Дэк Бродбент уже целую вечность не возвращался на Землю; это подтвердит куча самых достойных свидетелей.

Вот теперь мне действительно поплохело! К невыносимой тошноте добавился страх.

– Ты, значит, отдашь меня легавым? Ах ты, грязный, скользкий...

Я запнулся, не в силах с ходу подобрать слово.

– О нет! Послушай, старина, я могу немного выкрутить тебе руку и припугнуть, что сдам полиции, но я никогда такого не сделаю. Однако парный брат Рррингрийла – Ррринглатх – наверняка в курсе, что старина Грийл в номер вошел, а обратно не вышел. Он и наведет. Парный брат – это такая кровная близость, какой землянину не понять, мы ведь не размножаемся делением.

И знать не желаю, как эти твари размножаются: вроде кроликов, или там аист их приносит в маленьком черном узелке. Если верить Бродбенту, вернуться на Землю мне не светит вовсе. Об этом я и сказал. Он покачал головой:

– Вздор. Положись на меня – вернем в целости-сохранности, как и вывезли. Закончим дело – приземлишься в тот же космопорт или какой-нибудь другой, в пропуске будет сказано, что ты – механик, что-то чинил перед самым вылетом; на тебе будет засаленный комбинезон, в руке ящик с инструментами... Ты же актер экстра-класса – неужто механика не сыграешь?

– А... Конечно, но...

– И порядок! Держись старого мудрого Дэка – с ним не пропадешь. Мы задействовали восемь ребят из гильдии, чтоб слетать на Землю и назад с тобой вернуться. И это можно будет повторить. Но без нашего брата тебе не выбраться. – Он усмехнулся. – Все «дальнобойщики» – вольные торговцы в душе. Искусство контрабанды, вот что это такое! И каждый из нас всегда поможет другому в маленьком невинном обмане таможенной службы. Но с посторонними наша гильдия не сотрудничает.

Я все пытался призвать к порядку желудок и обмозговать ситуацию как следует.

– Дэк, это связано с контрабандой? Потому что...

– Да нет! Вот разве тебя мы вывозим беспошлинно.

– Я собирался сказать, что не считаю контрабанду преступлением.

– А кто ж спорит? Только те, кто делает деньги на зажиме торговли. А от тебя требуется чисто актерская работа, Лоренцо. И ты – как раз тот человек, который нам нужен. Я же не случайно столкнулся с тобой в баре – тебя целых два дня выслеживали. И я, стоило мне сойти на Землю, тут же отправился к тебе. – Дэк нахмурился. – И хотел бы я быть уверенным, что наши достойные противники шли по моему следу, а не по-твоему.

– Почему?

– Если они шли за мной, значит они просто пытались выяснить, что я замышляю. Тогда все о'кей, то, что мы враги, не новость. А вот если выслеживали тебя, выходит, они

знают, что мне нужен именно актер, способный сыграть эту роль.

– Но откуда им было знать? Если ты сам им не рассказал?

– Лоренцо, дело слишком серьезное. Гораздо серьезней, чем ты думаешь. Я сам всех подробностей не представляю, и чем меньше ты будешь знать, пока не дойдет до дела, тем тебе же спокойней. Одно скажу: подробные характеристики некоего лица были загружены в большой компьютер Бюро переписи населения в Гааге, и машина сравнила их с характеристиками всех профессиональных актеров, сколько их ни на есть. Делалось это в секрете, но кто-нибудь мог все же догадаться и разболтать. Дело в том, что актер должен во всем походить на оригинал, так как воплощение требуется идеальное.

– Ого! И машина именно меня назвала?

– Да. И еще одного.

Вот и сейчас мне следовало бы придержать язык, но я не сумел бы промолчать, даже если бы от этого зависела моя жизнь, а в какой-то мере так оно и было. Я должен был знать, кто еще считается годным на роль, требующую моих исключительных талантов.

– Еще одного? Кого это?

Дэк смерил меня взглядом. Он заметно колебался.

– Мм... некий Орсон Трубридж. Слыхал о нем?

– Эта бездарность?!

От ярости даже тошнота на минуту прошла.

– Да? А мне говорили, что он прекрасный актер...

Я был просто вне себя от мысли, что этого фигляра Трубриджа рассматривали как претендента на роль, которую собирались предложить мне.

– Это ничтожество, которое только и умеет, что размахивать руками и голосить!

Я остановился: гораздо приличнее просто не обращать внимания на подобных «коллег». Но этот щеголь еще и страдал острейшей формой нарциссизма: если по ходу пьесы требовалось поцеловать даме руку, Трубридж

обязательно обманывал публику и целовал собственный большой палец. Эгоист, позер, фальшивый насквозь челове-
чишко – разве такому вжиться в роль?

Вдобавок по какой-то необъяснимой прихоти фортуны его козлиная декламация и обезьяньи кривлянья прилично оплачивались – а настоящие мастера голодают...

– Дэк! Да как ты мог подумать, что он подойдет?

– Мм... Не то чтоб он подходил – он сейчас связан долгосрочным контрактом. Сразу хватятся, пропади он хоть на неделю. Хорошо, ты оказался э... «на воле». Как только ты согласился, я велел Джоку отозвать ребят, занимавшихся Трубриджем.

– И правильно!

– Но знаешь, Лоренцо, должен сказать: пока ты блевал в невесомости, я связался с «Рискуй» и дал команду снова заняться Трубриджем.

– Что?

– Ты сам напротился. У нас как – если уж «дальнобойщик» подрядился забросить груз на Ганимед, так он доставит его на Ганимед. Сдохнет, а доставит, не пойдет на попятную, когда корабль уже загружен! Ты сказал, что берешься – без всяких там «но» и «если». Через несколько минут начинается потасовка, и ты дрейфишь. Потом хотел сбежать от меня в порту. И вот только что истерику закатил – хочу на Зе-емлю! Может, ты и лучше актер, чем Трубридж, – не знаю. Но нам нужен парень, который не сдрейфит в ответственный момент. И насколько я понимаю, Трубридж как раз из таких. Если с ним договоримся – заплатим тебе и отправим назад. Ясно?

Более чем. Дэк явно имел в виду, что я не тот партнер, на которого можно положиться, и был по-своему прав. И обижаться оставалось лишь на самого себя. Конечно, только полный кретин соглашается, сам не зная на что, но я ведь согласился! Безоговорочно. А теперь вдруг решил отвалить в сторону, будто новичок, испугавшийся публики.

«Представление должно продолжаться» – вот древнейшая заповедь шоу-бизнеса. Может, философы ее и опровергнут, однако жизнь наша редко подчиняется логике. Мой отец соблюдал эту заповедь свято. Я сам видел, как он доигрывал два акта с острым приступом аппендицита, да еще выходил на поклон, прежде чем его отвезли в больницу на «скорой». Сейчас я словно видел лицо отца – лицо истинного актера, с презрением взирающего на горе-актеришку, готового подвести зрителей...

– Дэк, – неуклюже промямлил я, – извини, бога ради. Я был не прав.

Он пристально оглядел меня:

– Так ты будешь играть?

– Да.

Я отвечал совершенно искренне, но вдруг вспомнил про одно обстоятельство, из-за которого я не мог сыграть эту роль, как не мог бы сыграть Белоснежку в «Семи гномах».

– Все – о'кей, я хочу играть. Но...

– Что «но»? – презрительно спросил Дэк. – Опять кочевряжишься?

– Нет, нет! Но – ты говорил, летим на Марс. Дэк, я должен буду играть среди марсиан?

– Ну конечно, это же Марс!

– А... Но, Дэк, я же не переносу марсиан! Они меня всегда из колеи вышибают! Я постараюсь справиться, но... я могу выйти из образа.

– Э, если дело только в этом – плюнь и забудь!

– Как «забудь»? Я не могу просто выкинуть это из головы. Я ничего не могу с этим поделать. Я...

– Говорят тебе – плюнь! Мы знали, что ты в таких вещах сущий олух. Лоренцо, твоя боязнь марсиан – все равно что детские страхи перед пауками и змеями. Но мы все учли. Так что забудь.

– Ну... ладно.

Не то чтобы я успокоился, но он задел меня за живое. Для меня олухами всегда была публика. В общем, я

заткнулся. Дэк опять пододвинул к себе микрофон и, больше не пытаясь приглушить голос, сказал:

– Одуванчик – Перекати-полю. План «Клякса» отменяется. Продолжаем по плану «Марди Гра».

– Дэк?.. – начал я, когда он отложил микрофон.

– После, – отмахнулся он. – Идем на стыковку. Может, тряхнет малость – нет времени рассусоливать. Сиди тихо и не суйся под руку.

И нас таки трянуло. Когда мы оказались на факельщике, я даже обрадовался возобновлению невесомости – постоянная, но легкая тошнота куда лучше редких, но бурных приступов. Однако лафа продолжалась минут этак пять. Когда мы с Дэком вплывали в шлюз, трое космолетчиков с «Одолей» уже стояли наготове. Тут я на минуту замешкался – чего возьмешь с такого безнадежного крота, вроде меня, который пол-то от потолка в невесомости отличить не может. Кто-то спросил:

– А где этот?

– Да вот! – отвечал Дэк.

– Этот самый? – Вопрошавший будто глазам не верил.

– Он, он, – подтвердил Дэк, – только в гриме; не суетись зря. Лучше помоги устроить его в «соковыжималку».

Меня схватили за руку, протащили узким коридором и впихнули в одну из кают. У переборки против входа стояли две «соковыжималки» – гидравлические устройства, вроде ванн, распределяющие давление равномерно. На факельщиках ими пользуются при больших ускорениях. Живьем таких ни разу не видал, но в одном фантастическом опусе – «Нашествие на Землю», кажется, – у нас были такие бутафорские.

На переборке была надпись: «Внимание! Находиться вне противоперегрузочных устройств при ускорении свыше 3 g запрещено! По приказу...» Я продолжал вращаться по инерции, надпись скрылась из виду прежде, чем ее удалось дочитать. Меня уложили в «соковыжималку». Дэк и его

напарник торопливо пристегивали ремни, когда прямо над ухом жутко завывала сирена и из динамиков раздалось:

– Последнее предупреждение! Два g! Три минуты! Последнее предупреждение! Два g! Три минуты!

Снова завывала сирена. Сквозь вой слышен был голос Дэка:

– Проектор и записи – готовы?

– Здесь, здесь!

– А лекарство?

Дэк, паря надо мной, сказал:

– Дружище, мы тебе инъекцию вкатим. Ничего такого. Малость нульграва, остальное – стимулятор; это чтобы не спал и зубрил роль. Поначалу возможен легкий зуд – в глазных яблоках и по всему телу. Это не страшно.

– Дэк, подожди! Я...

– Некогда, некогда! Нужно еще раскочегарить как следует эту грудку металлолома.

Он развернулся и выплыл из каюты, прежде чем я успел что-либо сказать. Напарник его, закатав мой левый рукав, приложил инъектор к коже и вкатил мне дозу раньше, чем я это почувствовал. Затем и он удалился. Вой сирены сменился голосом:

– Последнее предупреждение! Два g! Две минуты!

Я попытался осмотреться, но лекарство буквально оглушило. Глаза заломило, зубы – тоже; нестерпимо зачесалась спина, но дотянуться до нее мешали ремни безопасности. Похоже, они и спасли меня от перелома руки при старте. Вой сирены смолк, из динамиков послышался бодрый баритон Дэка:

– Самое распоследнее предупреждение! Два g! Одна минута! Оторвитесь там от картишек – пришла пора ваши жирные задницы поберечь! Сейчас дадим копотти!

На сей раз вой сирены сменила «Ad Astra»³ Аркезяна, опус 61 До мажор. Это была довольно спорная версия

³ «К звездам» (лат.).

Лондонского симфонического – с «пугающими» 14-герцовыми нотами за грохотом литавр.

Но на меня, оглушенного и раздавленного, музыка никак не подействовала – нельзя намочить реку.

В каюту вплыла... русалка. Так мне сперва показалось – именно русалка, правда без рыбьего хвоста. Сфокусировав наконец взгляд, я увидел очень привлекательную человеческую и даже вполне женственную девушку в майке и шортах. Она уверенно вплыла головой вперед, и сразу стало понятно, что невесомость для нее – дело привычное. Глянув на меня без улыбки, она заняла соседнюю «соковыжималку», положила руки на подлокотники, но ремни застегивать не стала. Отзвучал финальный аккорд, и тут я почувствовал нарастающую тяжесть.

Вообще-то, два g – ускорение не из смертельных, особенно в компенсаторе. Пленка, прикрывавшая меня сверху, обтянула тело, удерживая его в неподвижности; чувствовалась просто некоторая тяжесть, да дышать было трудновато. Вам наверняка доводилось слышать о космолетчиках, покалеченных десятикратными перегрузками. Не сомневаюсь, что это правда, но два g в «соковыжималке» просто ощущаются как ленивая расслабленность, невозможность шевельнуть рукой или ногой...

С некоторым опозданием я понял, что голос из громкоговорителя в потолке обращается лично ко мне:

– Лоренцо, дружище, как ты там?

– Нормально. – Потраченное на ответ усилие меня доконало. – Надолго это?

– Дня на два.

Видимо, я застонал, потому что Дэк расхохотался:

– Не хнычь, салага! Мой первый полет на Марс занял тридцать семь недель, и все это время мы болтались в невесомости на эллиптической орбите! А ты, считай, покатаешься поехал – два g пару деньков, а во время разворота – норма! С тебя за это еще причитается!

Я хотел было сказать все, что думаю о нем и о его шутках, но вспомнил, что не у себя в гримерной, к тому же здесь была дама. Отец всегда говорил: женщина вскоре забудет любое оскорбление действием, но может до самой смерти вспоминать неосторожное выражение. Прекрасный пол весьма чувствителен к символам, что довольно странно, учитывая его крайнюю практичность. Во всяком случае, я ни разу не позволил себе непечатное слово в присутствии дам с тех самых пор, как схлопотал от отца по губам. В выработке условных рефлексов он дал бы фору самому профессору Павлову.

Тут Дэк заговорил снова:

– Пенни, красавица моя, ты здесь?

– Да, капитан, – ответила девушка из соседнего компенсатора.

– О'кей, пусть приступает к домашнему заданию. А я разберусь с делами и тоже приду.

– Хорошо, капитан.

Она повернулась ко мне и сказала мягким, чуть хрипловатым контральто:

– Доктор Чапек хотел, чтобы вы несколько часов отдохнули и посмотрели фильмы. Если возникнут вопросы – я здесь для того, чтобы на них отвечать.

– Слава богу, – вздохнул я, – наконец хоть кто-то готов отвечать на мои вопросы.

Она промолчала и, с некоторым усилием подняв руку, повернула выключатель. Свет в каюте угас, и перед моими глазами возникло стереоизображение. Я сразу узнал главного героя – как узнал бы его любой из миллиардов жителей Империи – и только тут понял, как жестоко и ловко Дэк Бродбент меня обхитрил.

Это был Бонфорт.

Тот самый, Достопочтенный Джон Джозеф Бонфорт, бывший премьер-министр, лидер официальной оппозиции, глава Экспансионистской коалиции, – самый любимый – и ненавидимый! – человек в Солнечной системе.

Мой потрясенный разум заметался в поисках разгадки и нашел единственный логичный ответ. Бонфорт пережил по меньшей мере три покушения. Во всяком случае, так утверждали газетчики. Два раза из трех спасался он лишь чудом. А если чуда не было? А если все три попытки увенчались успехом, вот только старый добрый дядюшка Джо Бонфорт каждый раз оказывался совсем в другом месте?

Много же актеров им потребуется!

3

Я не встречал в политику. Отец всегда предупреждал меня на этот счет.

– Ларри, – говорил он, – не суйся в эти дела. Политика – это плохая реклама. Публике такое не нравится.

Вот я и не совался. Даже голосовать не ходил ни разу – даже после поправки в 98-м, позволившей голосовать людям «кочевым», в том числе, конечно, мне и моим коллегам.

Но если кого из политиков и уважал, то никак не Бонфорта! Всегда считал, что это человек опасный, а может, и

предатель человечества. Перспектива встать вместо него под пулю была мне – как бы это сказать? – неприятна.

Зато – какова роль!

Я играл однажды главную роль в «Орленке» и еще Цезаря в тех двух пьесах о нем, что только и достойны его имени. Но сыграть подобное в жизни... что ж, начинаешь понимать, как можно пойти за другого на гильотину: просто ради шанса сыграть, пусть лишь несколько минут, невероятно сложную роль, создать высшее, совершенное произведение искусства.

А кто из собратьев не устоял перед искушением в трех предыдущих случаях? Да, то были мастера, и лучшая похвала им – безвестность... Я попытался припомнить, когда состоялись покушения и кто из коллег, способных сыграть его роль, умер в то время или просто исчез. Но ничего не вышло. Не только из-за невнимания к политическим интригам – актеры вообще часто пропадают из виду, это у нас профессиональное. Что ж, даже лучшие из людей не застрахованы от случайностей.

Внезапно я поймал себя на том, что внимательно изучаю оригинал.

Я понял, что сыграю его. А, дьявол, да я сыграл бы его с ведром на ноге и горящими подмостками за спиной! Начать с телосложения: мы могли спокойно обмениваться одеждой – она сидела бы идеально! Эти горе-конспираторы, затащившие меня сюда, слишком уж большое значение придавали внешнему сходству – оно, без поддержки мастерства, ничего не значит, а потому для мастера совсем не обязательно. Нет, с ним, конечно, проще, и им очень повезло, что в дурацкой игре с компьютером они выбрали – совершенно случайно! – настоящего мастера, да еще и близнеца своему политикану. И профиль почти как мой, и даже руки! Кисти такие же длинные, узкие, как у аристократа, – а ведь руки подделать куда сложнее!

Что касается хромоты – якобы из-за неудачного покушения, – это и вовсе не составляло труда. Понаблюдав за ним

несколько минут, я уже знал, что могу встать из компенсатора (при нормальной гравитации, конечно) и пройти точно так же, даже не думая об этом. Как он поглаживает вначале ключицу, а затем подбородок, собираясь изречь нечто глобальное, – уже сущие пустяки. Подобные мелочи я впитывал, словно песок – воду.

Правда, он лет на пятнадцать-двадцать постарше, но играть старшего гораздо легче, чем наоборот. Вообще, возраст для актера – вопрос внутреннего отношения и с естественным процессом старения ничего общего не имеет.

Через двадцать минут я мог бы сыграть его на сцене или сказать за него речь. Но этого, похоже, недостаточно. Дэк говорил, я должен ввести в заблуждение тех, кто очень хорошо знает Бонфорта, возможно в неформальной обстановке. Это будет посложней. Кладет ли он сахар в кофе? Если да – сколько ложечек? Которой рукой – и как – прикуривает? Стоило мне задать последний вопрос, как стереоизображение Бонфорта закурило, и я сразу угадал застарелую привычку к дешевым папиросам и спичкам, от которых он лишь недавно отказался ради так называемого прогресса.

Хуже всего, что человек – вовсе не какой-нибудь набор постоянных качеств. Черты его характера все, знающие этого человека, воспринимают по-разному. И чтобы добиться успеха, мне нужно играть роль для всякого знакомого Бонфорта – персонально, смотря, кто передо мной. Это не то, что трудно – невозможно! Какие отношения были между оригиналом и, скажем, Джоном Джонсом? А сотней, тысячей Джонов Джонсов?! Откуда мне знать?

Сценическое действие само по себе – как всякое творчество – процесс абстрагирования. Надо сохранять лишь существенные детали. Но при перевоплощении важна каждая деталь. Иначе скоро любая глупость – скажем, вы жуете сельдерей, не хрумкая, – выдаст вас с головой.

Тут я с мрачной уверенностью вспомнил, что должен быть достоверен, лишь пока снайпер не прицелится. И все

же продолжал изучать человека, которого мне предстояло заменить, – а что оставалось?

Отворилась дверь, и Дэк, собственной персоной, заорал:
– Эй, есть кто живой?!

Зажегся свет, трехмерное изображение поблекло. Меня словно встряхнули как следует, не дав досмотреть сон. Я обернулся. Девушка по имени Пенни в соседнем компенсаторе безуспешно пыталась приподнять голову, а Дэк с бодрым видом стоял на пороге. Выпучив на него глаза, я изумленно спросил:

– Ты еще ходить ухитряешься?!

А тем временем профессиональный отдел моего сознания – он у меня полностью автономен – подмечал все и складывал в особый ящик: «Как стоят при двух g». Дэк усмехнулся:

– Да ерунда, я же в корсете.

– Хм!

– Хочешь – тоже вставай. Обычно мы пассажиров не выпускаем, пока идем больше, чем при полутора. Обязательно найдется идиот – поскользнется на ровном месте и ногу сломает. Но раз я такого качка видел – при пяти g вылез из компенсатора, да еще ходил, правда пупок надорвал. А двойное – ничего, все равно что на плечах кого-нибудь нести.

Он обратился к девушке:

– Объясняешь ему, Пенни?

– Он еще ни о чем не спрашивал.

– Да ну? А мне показалось, Лоренцо – юноша любознательный.

Я пожал плечами:

– Думаю, теперь это не важно. Судя по обстоятельствам, я не проживу срок, достаточный для наслаждения знанием.

– А?! Старина, о чем это ты?

– Капитан Бродбент, – язвительно начал я, – в выражении моих чувств я связан присутствием дамы. Таким образом, я лишен возможности пролить свет на твое происхождение, привычки, нравственный облик и то, куда тебе

следует отправиться. Будем считать, я знаю, во что меня втравили. Я раскусил вас, едва увидев, кого предстоит играть. Теперь мне любопытно одно: кто собирается покушаться на Бонфорта на сей раз? Даже глиняный голубь вправе знать, кто пустит в него пулю.

В первый раз я видел Дэка удивленным. Потом он вдруг захохотал так, что, не в силах бороться с перегрузкой, сполз по переборке на пол.

– И не вижу ничего смешного, – зло сказал я.

Дэк оборвал смех и стер проступившие слезы:

– Лорри, неужели ты вправду думаешь, что я нанял тебя в подсадные утки?

– Это очевидно.

И я поделился с ним дедуктивными выводами насчет прошлых попыток устранить Бонфорта. Дэку хватило такта не рассмеяться вновь.

– Ясно. Ты, значит, решил, что будешь вроде того несчастного, который пробовал еду за столом у средневекового короля. Что ж, попытаюсь разубедить, а то вряд ли ты будешь хорошо играть, чувствуя себя мишенью. Послушай, я с шефом уже шесть лет. За это время он ни разу не пользовался дублерами. Два покушения произошли у меня на глазах, и в одном случае я сам пристрелил киллера. Пенни, ты с шефом дольше – при тебе он приглашал хоть раз дублера?

Девушка смерила меня ледяным взглядом:

– Никогда! И сама мысль о том, что шеф мог бы подвергнуть опасности другого, спрятавшись за его спиной... Я просто обязана дать вам по физиономии – вот что я должна сделать!

– Успокойся, Пенни, – мягко сказал Дэк. – Вам обоим, и кроме этого, есть чем заняться на пару. И Лорри не так уж глупо рассудил – для постороннего, конечно. Кстати, Лоренцо, это – Пенелопа Рассел, личный секретарь шефа и твой главный тренер.

– Рад познакомиться, мадемуазель.

– Сожалею, но ответить тем же не могу!

– Прекрати, Пенни, иначе отшлепаю по попке – и два г меня не остановят! Лоренцо, я понимаю, играть Бонфорта малость рискованней, чем править инвалидной коляской. Мы оба знаем, что находились уже желающие прикрыть его страховой полис. Но сейчас мы боимся не этого. В сложившейся ситуации, по причинам, которые ты скоро поймешь, парни, играющие против нас, даже пальцем не посмеют тронуть шефа – либо тебя в его роли. Ты уже видел – они играют грубо. Они при первом удобном случае прикончат меня или даже Пенни. В данный момент они и тебя убили бы, кабы дотянулись. Но как только ты выйдешь на публику в роли шефа, опасность будет позади. В силу обстоятельств они просто не смогут пойти на убийство.

Он пристально взгляделся в мое лицо:

– Ну как?

Я замотал головой:

– Не улавливаю смысла.

– Скоро уловишь. Тут дело тонкое – оно касается марсианского образа жизни. Обещаю: еще до посадки ты все поймешь.

Однако дело мне по-прежнему не нравилось. Пока что Дэк меня напрямую не обманывал – насколько я могу судить, но ему прекрасно удавалось меня обдурить, скрывая часть правды.

– Слушай, Дэк, а почему я должен верить тебе или этой леди? Извините, мисс. Я хоть и не питаю особых симпатий к мистеру Бонфорту, но у публики он пользуется славой человека болезненно – до отвращения даже – честного. С ним я когда смогу побеседовать? Только по прибытии на Марс?

На бодром, некрасивом лице Дэка вдруг проступило уныние.

– Похоже, что нет. Пенни тебе не говорила?

– Что не говорила?

– Старина, мы просто вынуждены подменять шефа. Его похитили.

У меня вдруг ужасно разболелась голова. От двойной тяжести, а может, от обилия впечатлений.

– Вот теперь, – продолжал Дэк, – ты знаешь, отчего Джок Дюбуа не хотел тебе ничего говорить, пока мы на Земле. Это – самая крупная сенсация для репортеров со времен первой высадки на Луну. Поэтому нам приходится крутиться как проклятым, лишь бы никто ничего не разнюхал. Так что пока не разыщем шефа и не вернем его обратно, вся надежда на тебя. И кстати, ты уже играешь свою роль. Этот кораблик на самом деле – вовсе не «Рискуй». Он – личная яхта и походная канцелярия шефа; имя ему – «Том Пейн». «Рискуй» крутится на опорной орбите вокруг Марса и передает наши позывные – и знают об этом только его капитан и связист. А «Томми» тем временем на всех парусах мчится к Земле за подходящей заменой для шефа. Улавливаешь, старина?

– Не совсем... Однако, капитан, если мистера Бонфорта похитили политические противники – зачем делать из этого тайну? Я бы на вашем месте кричал об этом на каждом углу.

– На Земле мы бы так и поступили. И в Новой Батавии. И на Венере. Но не на Марсе! Знаешь легенду о Кккахграле Младшем?

– Э-э-э... Боюсь, что нет.

– Тогда слушай внимательно. Она – наглядная иллюстрация марсианской щепетильности. Короче говоря, этот Ккках – а жил он тысячи лет назад – должен был прийти в определенное время к определенному месту, чтобы удостоиться высокой чести – вроде посвящения в рыцари. Не по своей – на наш взгляд – вине, но он опоздал. В силу марсианских приличий за опоздание ему полагалась казнь. Учтя его молодость и выдающиеся подвиги, некоторые радикалы предложили повторить испытание. Кккахграл и не подумал согласиться! Настоял на своем праве лично выступить обвинителем на суде чести, выиграл дело и был казнен. Что сделало его живым воплощением и святым покровителем марсианских приличий. Так-то.

– Но... Бред ведь!

– Ой ли? Мы же – не марсиане. А они – очень древняя раса; у них сложена целая система требований и обязанностей для любого случая жизни. Марсиане – величайшие из всех мыслимых формалистов. Древние японцы со своими «гиму» и «гири» в сравнении с марсианами – отъявленные анархисты. У марсиан нет понятий «хорошо» и «плохо», есть лишь «пристойно» и «непристойно» – в квадрате, в кубе и со всякими довесками. Тут в чем дело – шефа усыновляет Гнездо того самого Кккахграла Младшего. Теперь понимаешь?

Но я по-прежнему не понимал. На мой взгляд, этому Кккаху было самое место в «Гран-Гиньоле».

Бродбент между тем продолжал:

– Очень просто. Шеф, наверное, крупнейший знаток марсианских обычаев и психологии. Он уже много лет ими занимается. А в среду в *Lacus Soli*, ровно в полдень по местному времени, состоится обряд его усыновления. Если шеф будет на месте и сдаст экзамен – все отлично. Если не будет – и не важно, по какой причине, – то оскорбит все Гнезда Марса, от полюса до полюса. Величайший межпланетный и межрасовый политический успех в истории обернется чудовищным провалом. И последствия будут... Как минимум, марсиане откажутся даже от нынешнего ограниченного сотрудничества с Империей. А более вероятна месть. Погибнут люди – может быть, все люди на Марсе. Тогда экстремисты из Партии Человечества возьмут верх и Марс присоединят к Империи силой – но только после смерти последнего марсианина. И все это оттого, что Бонфорт не явился на обряд усыновления. Марсиане к подобному относятся очень серьезно.

Дэк вышел так же стремительно, как и появился. Пенелопа Рассел снова включила проектор. Меня раздражало, что я не успел вовремя спросить, почему бы противникам Бонфорта просто-напросто не прикончить меня, раз уж им так легко опрокинуть политическую тележку с яблоками, помешав Бонфорту – самому либо его дублеру – принять участие в варварском марсианском обряде. Что поделаешь,

забыл спросить – может, из-за подсознательной боязни ответа.

Я продолжил изучение Бонфорта: отслеживал манеры и жесты, вникал в настроения, которые им сопутствовали, воспроизводил про себя голос и интонации, все глубже погружаясь в детали. Вдохновение полностью завладело мной – я уже «влез в его шкуру».

Однако, увидев Бонфорта в окружении марсиан, я пришел в ужас. Они касались его своими ложнолапами! Я настолько сжился с изображением, что буквально ощутил их прикосновения – и еще этот невыносимый запах! Я сдавленно вскрикнул и замахал руками:

– Выключите!

Изображение пропало; зажегся свет. Мисс Рассел удивленно смотрела на меня:

– Что с вами?

Я перевел дух и постарался унять дрожь:

– Мисс Рассел, вы меня извините... Но, бога ради, не показывайте больше такого. Я не переношу марсиан.

Она смотрела на меня, словно не верила глазам и ушам, и тем не менее презрительно.

– Говорила же им, что эта идиотская затея не работает, – проговорила она со злой усмешкой.

– Мне очень жаль... Но я ничего с собой поделать не могу.

Она не ответила и с трудом выбралась из «соковыжималки». При двойной перегрузке мисс Рассел держалась не так уверенно, как Дэк, но справлялась. Так ни слова и не сказав, она ушла и закрыла за собой дверь.

Назад она не вернулась. Вскоре дверь отворилась, пропустив в каюту человека, находившегося внутри некоего сооружения, наподобие детского стульчика на колесах.

– Как мы себя чувствуем? – пробасил он.

Выглядел он лет на шестьдесят с лишком, был малость полноват, а в обращении несколько ироничен. В диплом его я не заглядывал, но держался он точь-в-точь как врач перед пациентом.

– Неплохо, а вы, сэр?

– Не жалуюсь. То есть ни на что, кроме ускорения, – добавил он, бросив взгляд на свою каталку, к которой был пристегнут ремнями. – Что вы скажете о моем колесном корсете? Возможно, несколько не по моде, но уменьшает нагрузку на сердце. Да, чисто для протокола: я – доктор Чапек, личный врач мистера Бонфорта. Ваше имя мне известно. Так что мы имеем относительно вас и марсиан?

Я постарался объяснить все кратко и без эмоций. Доктор Чапек кивнул:

– Капитану Бродбенту следовало меня предупредить. Придется изменить ваш вводный курс. Наш капитан – очень толковый молодой человек, но иногда прежде делает, а уж потом думает... Настолько образцовый экстраверт, что пугает меня порой. Но, по счастью, ничего страшного не произошло. Мистер Смайт, я, если позволите, проведу с вами сеанс гипноза. Даю слово врача, что сделаю это лишь с целью избавить вас от упомянутого затруднения и ни в коей мере не потревожу вашей духовной целостности.

Он вынул из кармана старомодные часы на цепочке – такие давно уже сделались привычным атрибутом его профессии – и сосчитал мой пульс.

– Вы могли бы и не спрашивать позволения, сэр, – ответил я. – Только ничего не выйдет. На меня гипноз не действует.

Я изучал технику гипноза, когда занимался «чтением мыслей». Но моим наставникам так и не удалось загипнотизировать меня самого. А в таком номере немного гипноза вовсе не помешает, особенно если местная полиция не слишком рьяно следит за исполнением законов, которыми медицинская ассоциация связала нас по рукам и ногам.

– Хм, вот как?.. Тогда просто сделаем все, что можно. Расслабьтесь, лягте поудобнее, и побеседуем о том, что вас беспокоит.

Он продолжал играть с часами, раскачивая их на цепочке, хотя давно уже сосчитал мой пульс. Я хотел

напомнить ему об этом – часы пускали зайчиков мне прямо в лицо, – но у него это было, наверное, что-то наподобие нервного тика, и сам он ничего не замечал. Во всяком случае, дело не стоило того, чтобы выговаривать постороннему пожилому человеку.

– Уже расслабился, – заверил я, – спрашивайте, док. Или – свободные ассоциации, если хотите.

– Вы просто представьте, что плывете, – мягко сказал он. – Двойная перегрузка, тяжелоат все же, верно? Я в полях обычно стараюсь побольше спать – во сне легче переносить такую тяжесть... Да и кровь при двух g отливает от мозга – спать хочется... Они там снова запускают двигатели. Нам всем нужно заснуть... Мы тяжелеем... И засыпаем...

Я хотел было посоветовать ему спрятать часы – вдруг выронит и разобьет, – но вместо этого заснул.

Проснувшись, я обнаружил в соседнем компенсаторе доктора Чапека.

– Как спалось, юноша? – приветствовал он меня. – До чего надоела мне эта проклятая каталка, вы представить себе не можете! Вот и решил прилечь тут – перераспределить нагрузку.

– А мы снова идем под двумя?

– Что? О да. Именно под двумя.

– Извините, я тут отключился... Долго спал?

– О нет, совсем немного! Как вы себя чувствуете?

– Отлично! Действительно, здорово отдохнул.

– Обычно так и бывает. При перегрузках, я хочу сказать. Ну как, будем смотреть картинки дальше?

– Если вы, док, рекомендуете...

– И прекрасно.

Он дотянулся до выключателя; свет погас. Я вдруг понял, что доктор собирается снова показывать мне марсиан, и приказал себе не паниковать. Еще я счел нужным все время помнить, что их здесь вовсе нет, а изображений пугаться смешно. В прошлый раз они просто застали меня врасплох.

Сtereo действительно показывало марсиан и с Бонфортом, и без. И я обнаружил, что вполне могу смотреть на них отрешенным взглядом без всякого страха или отвращения. Внезапно до меня дошло, что мне нравится на них смотреть! Я ахнул от удивления, и доктор Чапек остановил запись:

– Беспокоит?

– Док! Вы меня загипнотизировали!

– Э-э-э... С вашего разрешения...

– Но я же не поддаюсь гипнозу!

– Очень жаль.

– А... а вы все же ухитрились. Не такой уж я тупица, чтобы не понять. Давайте еще разок эти кадры – никак не могу поверить...

Он вновь пустил стереозапись. Я смотрел и изумлялся. Марсиане, оказывается, совсем не отвратительны – если смотреть непредвзято! И не безобразны ничуть – на самом деле в них есть причудливое изящество китайских пагод. На людей, конечно, не похожи, но ведь самые привлекательные в мире создания – райские птицы – вообще не имеют ничего общего с людьми!

Теперь я понимал, что ложнолапы их могут быть весьма выразительными, а якобы неловкие движения очень напоминают неуклюжее дружелюбие щенка. Теперь я понимал, что всю жизнь видел марсиан в кривом зеркале отвращения и страха.

Конечно, соображал я, надо еще привыкнуть к их запаху... И тут почувствовал, что изображения... пахнут! Я ни с чем не спутал бы этот запах, но он меня несколько не раздражал! Даже нравился!

– Доктор, – поспешно спросил я, – в этом аппарате есть синтезатор запахов?

– Мм... Вряд ли. Ведь мы на яхте; каждый грамм лишнего веса...

– Но как же так? Я отчетливо чувствую запах!

– Ах да, – он несколько смутился, – видите ли, юноша, я проделал с вами одну вещь; надеюсь, она не причинит вам неудобств...

– Сэр?..

– Понимаете, копаясь в вашей черепушке, я выяснил, что основная причина вашей подсознательной неприязни к марсианам – запах их тела. У нас нет времени браться за это всерьез, и я задал вам самое тривиальное смещение. Попросил у Пенни – та девушка, что была с вами до меня, – на время ее духи и... Боюсь, что с этого момента, юноша, марсиане будут для вас пахнуть, словно веселые дома в Париже. Было бы время, я взял бы аромат попроще – скажем, спелую землянику или горячие оладьи с патокой. Но времени не было; пришлось симпровизировать.

Я принялся. Да, очень похоже на аромат дорогих духов – и все же, черт побери, запах принадлежал марсианам.

– Что ж, пахнет приятно.

– И не могло быть иначе.

– Но вы же сюда целый флакон извели! Каюта пропахла насквозь.

– Как?.. Отнюдь нет. Я лишь подержал у вашего носа пробку полчаса назад. А затем вернул духи Пенни, она их унесла.

Доктор потянул носом:

– Никакого запаха. На этикетке было написано: «Вождение джунглей». На мой вкус, мускуса многовато. Я обвинил Пенни в том, что она задумала свести всю команду с ума, но она лишь посмеялась надо мной.

Он повернул выключатель; изображение пропало.

– На сегодня достаточно. Вам пора заняться кое-чем более полезным.

Стоило ему выключить проектор – и запах пропал. Ну точно, как при выключении аромасинтезатора! Я вынужден был признать, что запах существует лишь в моем воображении, хотя, как актер, прекрасно понимал это умом.

Через несколько минут вернулась Пенни, благоухающая, словно марсианин.

Я просто влюбился в этот аромат.

4

Мое обучение в той же каюте (гостевой комнате мистера Бонфорта) продолжалось до самого торможения. Все это время я ни минуты не спал, не считая сна под гипнозом, да и не чувствовал такой необходимости. Мне постоянно помогал док Чапек или Пенни. К счастью, имелась масса фотографий и записей с Бонфортом – этого добра, слава богу, у любого политика навалом. К тому же со мной были те, кто очень хорошо его знал. Словом, материала хватало, вопрос был в том, сколько я в состоянии – под гипнозом или без – усвоить.

Не помню, когда именно я избавился от неприязни к Бонфорту. Чапек уверял – и я склонен верить, – что ничего такого он мне под гипнозом не внушал. Больше я не возвращался к этой теме – в вопросах врачебной и гипнотерапевтической этики доктор был исключительно щепетилен. Наверное, я просто вжился в роль. Думаю, мне понравился бы и Джек-потрошитель, случись мне его играть. Судите сами – вживаясь в роль, полностью отождествляешь себя с

персонажем. Вы становитесь им! А человек либо себе нравится, либо кончает жизнь самоубийством.

Говорят: «Понять – значит простить». А я начал понимать Бонфорта.

Во время поворота мы получили обещанный Дэком отдых при нормальной силе тяжести. В невесомости мы не провели ни минуты: вместо того чтобы выключить факельную тягу – чего космолетчики очень не любят, – команда проделала, по словам Дэка, «косой поворот на 180 градусов». Двигатели при этом работали, и все произошло довольно быстро, только с вестибулярным аппаратом происходило что-то странное.

Не помню, как этот эффект называется. Что-то похожее на Кориолана. Кориолиса?

Вообще я мало знаю о космических кораблях. Те, что могут стартовать прямо с планеты, космолетчики презрительно зовут «чайниками» – за густую струю пара или водорода из сопел. Их не считают атомными кораблями, хотя реактивную струю разогревает атомный котел. Факельщики же вроде «Тома Пейна» замечательны, как мне объяснили, тем, что работают на каком-то Е, равном эм-цэ-квадрат, а может, эм, равном е-цэ-квадрат... Знаете, наверное: то самое, которое Эйнштейн изобрел.

Дэк очень старался мне все втолковать. Не сомневаюсь, это очень занятно для тех, кто таким интересуется, однако не понимаю, для чего джентльмену забивать голову подобной ерундой? По-моему, всякий раз как ученые берутся за свои логарифмические линейки, жить на свете становится гораздо сложнее. Плохо нам, что ли, было до того?

Нормальная гравитация продолжалась часа два. Меня провели в каюту Бонфорта, где я занялся лицом и костюмом. Теперь окружающие называли меня не иначе как «мистер Бонфорт», или «шеф», или (это – док Чапек) «Джозеф», желая облегчить мне перевоплощение.

И только Пенни... Она просто физически не могла звать меня «мистером Бонфортом». Она старалась изо всех сил, но

ничего не выходило. Впрочем, и без очков было видно, Пенни – классическая тайно-и-безнадежно-влюбленная-в-своего-босса-секретарша. И меня она воспринимала с глубочайшей, нелогичной, но вполне естественной горечью, что сильно затрудняло работу нам обоим, тем более что я находил ее весьма привлекательной. Ни один человек не способен ни на что путное, если рядом женщина, которая его презирает. Однако я не мог ненавидеть Пенни в ответ, просто жалел ее, хоть и раздражался порядком.

Мы начали с того, что у актеров называется пробными прогонами в провинции. На «Томе Пейне» далеко не все знали, что я вовсе не Бонфорт. Не могу судить, кто знал, а кто нет, но выходить из роли и задавать вопросы мне позволялось только при Дэке, докторе или Пенни. Еще – почти наверняка – знал обо всем делопроизводитель Бонфорта, мистер Вашингтон, но он ни разу не подал виду. Это был пожилой худощавый мулат, и его лицо с плотно сжатыми губами здорово напоминало лик статуи католического святого. Было еще двое посвященных, но не на «Томе Пейне». Они оставались на борту «Рискуй» и обеспечивали тыл, взяв в свои руки пресс-релизы и текущие дела. Одного звали Билл Корпсмен, он занимался связями с прессой, другого – Роджер Клифтон. Не знаю, как описать словами деятельность последнего. Политический представитель? Вы, может, помните, в бытность Бонфорта премьер-министром Клифтон занимал пост министра без портфеля? Однако это еще ни о чем не говорит. А положение было таково: Бонфорт занимался политикой, Клифтон – обеспечением его поддержки.

Эти пятеро должны были быть в курсе, возможно, знал кто-то еще – меня на этот счет не просветили. Остальной персонал и команда «Тома Пейна» наверняка заметили некоторую странность происходящего, но совсем не обязательно им было знать, что к чему. Многие видели, как я вхожу на корабль, но в облике Бенни Грея. А следующий раз я появился перед ними уже как Бонфорт.

Кто-то из посвященных сообразил запастись настоящим гримом, но я им почти не пользовался. Вблизи «штукатурку» очень легко заметить – даже силикоплоть по фактуре слишком уж отличается от кожи. Поэтому я лишь наложил тональный крем оттенка на два темнее моего естественного цвета, а изнутри «надел» лицо Бонфорта. Пришлось пожертвовать большей частью моих волос, после чего док Чапек затормозил их рост, но я не переживал, актер всегда может носить парик. Кроме того, я был уверен – этот ангажемент обеспечит меня на всю оставшуюся жизнь, если я захочу провести остаток дней в праздности.

С другой стороны, меня одолевало сомнение, таким ли уж длинным выйдет этот «остаток». Помните старую мудрую пословицу о парне, который чересчур много знал, и еще одну – насчет неразговорчивости покойника? Но, по чести сказать, я начал доверять этим людям. Сами по себе они рассказывали о Бонфорте больше, чем все пленки и фото, вместе взятые. Я начал понимать, что политический деятель – не просто некая человеческая фигура, это люди, сплотившиеся вокруг и поддерживающие его. Не будь Бонфорт достойным человеком, рядом с ним никогда не сложилось бы такой команды.

Наибольшей проблемой оказался марсианский язык. Как большинство актеров, я в свое время нахватал понемногу – марсианский, венерианский, наречия спутников Юпитера – хватит, чтоб выдать пару слов перед камерой или на сцене. Но эти «раскатистые» или «дрожащие» согласные... Наши голосовые связки далеко не так универсальны, как мембраны у марсиан. А транскрипция марсианских звуков привычным для нас алфавитом – «ккк», «жжж» или там «ррр» – имеет столько же общего с их настоящим звучанием, как «г» в слове «гну» – со щелчком на вдохе, который произносят в этом слове банту. А «жжж», в частности, ближе всего к приветственному улюлюканью в Бронксе.

Счастье еще, что Бонфорт не блистал способностью к языкам, а я все-таки профессиональный актер и довольно

легко подражаю как пиле, которая наткнулась на гвоздь, так и потревоженной наседке. Марсианский же я должен был освоить лишь в той мере, в какой владел им Бонфорт. Он изучал язык, компенсируя недостаток способности трудолюбием: все, что заучивал, непременно писал на пленку и по записи исправлял ошибки.

Таким образом, я получил возможность работать над его ошибками с проектором и Пенни, которая меняла кассеты и отвечала на вопросы.

Земные языки делятся на четыре группы: флективные, как англо-американский, аморфные, вроде китайского, агглютинативные, например турецкий, и полисинтетические, скажем эскимосский. К последним теперь относят и инопланетные – такие странные и непривычные, что порой совершенно не поддаются человеческому восприятию. Чего стоит один неповторяющийся, или эмерджентный, венерианский... По сравнению с ним марсианский еще ничего – он хоть по форме похож на земные. Упрощенный марсианский, язык торговли, по типу относится к аморфным и содержит только простые конкретные понятия, вроде приветствия: «Я вижу тебя». Высокий марсианский полисинтетичен и включает в себя массу оттенков для выражения сложнейших отношений в их традиционной системе поощрений и взысканий, обязанностей и обязательств. Для Бонфорта он оказался почти непосильным; Пенни рассказывала, что марсианские точечные тексты Бонфорт читал довольно бегло, но на высоком марсианском мог изъясняться лишь сотней-другой фраз.

И пришлось же мне попотеть, братцы, чтобы овладеть этой парой сотен!

Впрочем, Пенни доставалось еще больше, чем мне. Они с Дэком оба немного говорили по-марсиански, однако репетиторство целиком легло на нее. Дэк все время был занят в рубке: со смертью Джока ему приходилось тянуть за двоих. Последние миллионы миль до Марса мы шли под одним g,

и за все это время Дэк к нам ни разу не заглянул. Я же с помощью Пенни зубрил церемониал усыновления.

Я как раз завершил изучение своей предстоящей речи. Произнеся ее, я должен был стать полноправным членом Гнезда Кккаха. По духу она не сильно отличалась от той, какую правоверные иудейские юноши читают во время бармицвы, но была так же незыблема, как монолог Гамлета. Я прочел ее с характерными ошибками и мимикой Бонфорта, а закончив, спросил:

- Ну как?
- Очень хорошо, – серьезно ответила Пенни.
- Спасибо, Хохолок.

Выражение это я почерпнул из записей с уроками языка. Так Бонфорт называл Пенни, когда бывал в настроении. У меня вышло точно, как у него.

- Не смей так меня называть!

Я с откровенным недоумением взглянул на нее, все еще выдерживая роль:

- Пенни, малышка, что с тобой?
- Не смей меня больше так называть! Ты – обманщик! Трепач! Актер!

Она вскочила и бросилась было бежать, но у двери остановилась. Не поворачиваясь ко мне, она закрыла лицо руками; плечи ее вздрагивали при каждом всхлипе.

Пришлось напрячься, чтобы снова вернуть свой облик: я подобрал живот, сменил выражение лица Бонфорта на мое собственное и моим же собственным голосом произнес:

- Мисс Рассел!

Она прекратила плач, обернулась и раскрыла от удивления рот. Уже в собственном облике я предложил:

- Вернитесь и сядьте.

Похоже, она хотела возразить, но передумала и медленно прошла к своему месту. Присела, зажала руки между колен, на лице ее просто написано было: «Я с тобой больше не играю!» Точь-в-точь маленькая капризная девочка...

Выдержав паузу, я мягко заметил:

– Да, мисс Рассел, именно актер. Это что, повод меня оскорблять?

Она упрямо молчала.

– Именно как актер я здесь. И именно для актерской работы. И вы знаете, кому из нас это нужно. И знаете, что наняли меня обманом, – с открытыми глазами я бы за эту работу даже в самый черный день моей жизни не взялся. Я ненавижу ее куда сильнее, чем вы ненавидите меня в этом качестве, потому что, несмотря на вдохновенные заверения капитана Бробента, вовсе не думаю, что смогу выкрутиться из этой истории, не попортив шкуры. А шкуру свою я люблю до неприличия – она у меня единственная. Послушайте, более, чем уверен, – я знаю, отчего вам тяжело со мной примириться. Но повод ли – это осложнять мне работу?

Ответила она еле слышно.

– Что? – резко переспросил я.

– Это нечестно! Это... чудовищно!

Я вздохнул:

– Точно. И более того – абсолютно невозможно без искренней поддержки всех членов труппы. Так что зовите капитана Бробента и скажите ему: с этим делом пора завязывать.

Пенни так и вскинулась:

– Нет, нет! Мы не можем все бросить!

– Отчего бы это? Гораздо лучше сразу выкинуть все из головы, чем продолжать и заведомо провалиться. Я в такой обстановке работать не могу, так зачем себя мучить?

– Но... но... Мы должны!.. Мы вынуждены!

– Что значит «вынуждены», мисс Рассел? Из-за политики? Вот уж чем никогда не интересовался. И не уверен, что вас она так уж занимает. Ну, так почему же мы должны?

– Потому что... Потому что он...

Слова ее прервал приглушенный всхлип. Подойдя, я опустил руку ей на плечо:

– Знаю. Потому что, если мы это дело бросим, все, что он создавал годами, пойдет, извиняюсь, псу под хвост. Потому

что он не может сделать этого сам, и его товарищи пытаются провернуть все за него. Потому что соратники ему верны. Потому что вы ему верны. И тем не менее вам больно оттого, что кто-то занимает место, принадлежащее ему по праву. А кроме того, вы с ума сходите от горя и неизвестности. Так?

– Да...

Я еле расслышал ответ. Взяв ее за подбородок, приподнял лицо:

– И я знаю, отчего вам так тяжело видеть меня на его месте. Вы его любите! Но ведь для него я делаю все, на что способен. К черту, женщина! Неужели обязательно надо усложнять мне дело в шесть раз, мешая меня с грязью?

Пенни была потрясена. Похоже, она собиралась залепить мне оплеуху, но вместо этого, запинаясь, проговорила:

– Простите... Простите меня, пожалуйста... Я... я больше не буду.

Отпустив ее подбородок, я бодро сказал:

– Ну что ж, продолжим.

Она не пошевелилась:

– Вы... простите меня?..

– А? Да вздор все это, Пенни. Просто вы любите его и очень беспокоитесь. Ну, за работу! Я должен знать роль назубок, а времени у нас чуть больше часа.

И я снова принял облик Бонфорта. Пенни выбрала кассету и пустила проектор. Просмотрев запись еще раз, я заглушил звук и прочел речь, проверяя, совпадают ли мои – то есть его – слова с движениями губ на экране. Пенни изумленно наблюдала за мной, переводя взгляд с меня на изображение и обратно. Речь кончилась: я выключил проектор.

– Ну как?

– Замечательно!

Я улыбнулся – точь-в-точь как он:

– Спасибо, Хохолок.

– Не за что, мистер Бонфорт.

Спустя два часа мы вышли в точку randevu.

Едва корабли состыковались, Дэк провел в мой кабинет Роджера Клифтона и Билла Корпсмена. На фото я их уже видел. Поднялся навстречу:

– Привет, Родж. Рад видеть вас, Билл.

Звучало достаточно сердечно, однако вполне обыденно: в тех кругах, в которых вращаются эти люди, короткое путешествие на Землю и обратно – событие вполне заурядное. Прохромав им навстречу, я подал руку. Корабль шел на небольшой тяге, уходя с орбиты «Рискуй» на значительно более низкую. Клифтон быстро оглядел меня и подыграл – вынул изо рта сигару, пожал мне руку и ответил:

– С возвращением, шеф. Рад вас видеть.

Он оказался невысоким, лысоватым, средних лет человеком. По виду, собаку съевшим на различных юридических штучках и здорово играющим в покер.

– Было тут без меня что-нибудь заслуживающее внимания?

– Нет, шеф, текучка, как всегда. Я передал Пенни.

– Хорошо.

Повернувшись к Корпсмену, я протянул ему руку, но он словно бы не заметил: руки в боки, он оглядел меня сверху донизу и наконец присвистнул:

– Чудеса! Теперь точно верю, что у нас есть шанс выпутаться из этой истории!

Он еще раз так и сяк осмотрел меня и сказал:

– Повернись-ка, Смайт. Ага, теперь пройдишь, посмотрим, как у тебя с походкой.

Я понял, что раздражен такой наглостью, как был бы раздражен сам Бонфорт. Видимо, на лице моем это тотчас отразилось – Дэк дернул Корпсмена за рукав:

– Кончай, Билл. Забыл, о чем договаривались?

– Ладно, не трусь, – отвечивал Корпсмен, – кабинет звукоизолирован. Я только поглядеть хотел, точно ли он подходит. Да, Смайт, а что там с твоим марсианским? Можешь выдать чего-нибудь?

Я ответил одним многосложным, скрипучим словом на высокомарсианском, переводимым примерно так:

– Приличия требуют, чтобы один из нас покинул это место!

На самом деле смысл его гораздо сложнее – это, по сути, вызов, после которого чье-нибудь Гнездо получает известие о смерти. Но Корпсмен, похоже, ничего не понял. Ухмыльнувшись, он сказал:

– Здорово, Смайт. Я тобой доволен.

Зато Дэк понял все. Он взял Корпсмена под руку и напомнил:

– Билл, я сказал: кончай. Я здесь пока капитан, и это – приказ. Начинаем спектакль немедленно – и без антрактов, понял?

К Дэку присоединился Клифтон:

– Действительно, Билл, мы именно так и решили, помнишь? В противном случае кто-нибудь может в самый ответственный момент забыть.

Покосившись на него, Корпсмен пожал плечами:

– Ладно-ладно. Я же только проверить хотел. Идея-то моя, в конце концов.

Он улыбнулся мне одними губами и сказал:

– Добрый день, мистер Бонфорт. С возвращением.

Слишком уж он нажимал на это «мистер», но я ответил:

– Рад видеть вас, Билл. Есть что-нибудь, о чем я непременно должен знать до посадки?

– Нет, похоже. Пресс-конференция в Годдард-Сити, сразу после церемонии.

Он явно следил за моей реакцией на сообщение. Я кивнул:

– Отлично.

– Родж, – торопливо вмешался Дэк, – как так? Это что, горит? Вы уже дали согласие?

– Я что хочу сказать, – продолжал тем временем Корпсмен, повернувшись к Клифтону, – пока наш шкипер не пердрейфил вконец. Я ведь и сам могу ее провести – скажу

ребятам, у шефа сухой ларингит после церемонии, или ограничимся ответами на письменные вопросы, если хотите. Их нам заранее дадут, а я, пока идет обряд, составлю ответы. Но раз уж он так похож на шефа, то я согласен рискнуть. Как, «мистер Бонфорт»? Справишься?

– Не вижу препятствий, Билл.

Я подумал, что если уж удастся надуть марсиан, то беседе со стадом диких земных репортеров выдержу и недавно. Им еще самим надоест. Теперь я неплохо владел Бонфортовой манерой разговаривать и в общих чертах усвоил его политическую платформу и систему ценностей. А подробности для пресс-конференции не понадобятся.

Однако Клифтон выглядел озабоченным. Но, прежде чем он успел что-либо сказать, по внутренней связи передали:

– Капитана просят вернуться в рубку. Осталось четыре минуты.

Дэк сказал быстро:

– Ну, вы тут сами разбирайтесь, мне еще эту телегу в сарай загонять, а у меня там только салаженок Эпштейн.

И направился к выходу.

Корпсмен крикнул вслед:

– Эй, кэп! Хотел тебе сказать...

С этими словами он выскочил за Дэком, даже не попрощавшись. Роджер Клифтон, прикрыв за ним дверь, тихо сказал:

– Рискнете провести пресс-конференцию?

– Вам решать. Мое дело – устроить все, как надо.

– Мм... Тогда я, пожалуй, склонен рискнуть. Конечно, с вопросами в письменном виде. Но ответы Билла я прежде проверю сам.

– Отлично. А если найдете возможность дать их мне минут за десять до начала, то вообще проблем никаких. Запоминаю я быстро.

Клифтон пристально меня разглядывал.

– Верю... шеф. Хорошо. Пенни передаст вам ответы сразу после церемонии. Тогда вы сможете сказать, что вам надо в уборную, и спокойно все просмотреть.

– Договорились.

– Ну и отлично. Ох, скажу я вам, насколько же лучше я себя почувствовал, увидев вас! Чем-нибудь еще могу помочь?

– Пожалуй, все, Родж. Хотя... О нем слышно что-нибудь?

– А? И да, и нет. Он все еще в Годдард-Сити, в этом мы уверены. Его не могли вывезти с Марса или хотя бы из города. Мы перекрыли все лазейки; им просто не удалось бы проскользнуть.

– Да, но Годдард-Сити – городишко небольшой? Наверняка не больше сотни тысяч? Так что ж вам мешает...

– Мешает то, что мы не можем пока объявить о вашем..., я хотел сказать, о его похищении. Как только пройдет обряд усыновления, уберем вас с глаз долой и объявим, будто все произошло лишь сейчас. И вот тогда заставим их по винтику город разобрать! Городская верхушка – сплошь ставленники Партии Человечества, но после церемонии они вынуждены будут с нами сотрудничать. И сотрудничество будет таким искренним, какое вам и не снилось. Они уж постараются найти его, пока не налетело все Гнездо Кккахграла и не сровняло город с землей.

– Да-а... Похоже, обычаи и психологию марсиан мне еще зубрить и зубрить.

– Как и всем нам.

– Родж... э-э-э... А почему вы уверены, что он до сих пор жив? Почему бы им – чтоб не рисковать понапрасну – просто не убить его?

Меня вдруг замутило – вспомнил, как, оказывается, просто избавиться от тела, если убийца человек бывалый и не боится крови...

– Да, понимаю вас. Но это тоже связано с марсианскими понятиями о «приличиях». – Родж воспользовался марсианским словом. – Смерть, пожалуй, единственная

уважительная причина невыполнения обязательств. И если Бонфорта убьют, Гнездо Кккаха усыновит его посмертно – и после в полном составе, а возможно, вместе со всеми семействами Марса, начнет мстить. Уверяю вас, они даже и не почесутся, вымри все человечество или будь оно уничтожено! Но если убьют одного, чтобы он не смог пройти обряда усыновления, – тут уж совсем другой коленкор! Это становится вопросом обязанностей и приличий, а на подобные вещи марсиане реагируют настолько автоматически, что это иногда здорово напоминает инстинкт. Не инстинкт, конечно, поскольку они жутко разумны. Но порой такой кошмар творят! – Нахмурившись, он добавил: – Временами я жалею, что не остался в родном Сассексе.

Корабельная сирена прервала нашу беседу и заставила разойтись по компенсаторам. Дэк устроил все по первому классу – катер из Годдард-Сити уже ждал, когда мы перейдем в свободное падение. Впятером мы отправились вниз, заняв все пассажирские места в катере. Сделано это было потому, что комиссар-резидент изъявил намерение встретить меня, поднявшись на борт. Удержало его лишь сообщение Дэка, что все свободные места заняты.

Я пытался получше рассмотреть Марс: до этого я видел его лишь мельком из рубки «Тома Пейна», так как не мог проявлять туристского любопытства, – ведь до этого «я» много раз посещал планету. Разглядеть мне ничего толком не удалось. Вначале пилот развернул нас так, что мы поверхность не видели, а когда он выровнялся для захода на посадочную глиссаду, я провозился с кислородной маской.

Эти мерзкие маски марсианского образца чуть не положили конец всей затее. Я ни разу не имел с ними дела, а Дэк впопыхах не подумал, что простая кислородная маска может создать такую кучу проблем. Космическим скафандром и аквалангом мне уже доводилось пользоваться, думал, и здесь то же самое. Черта с два. Любимая модель Бонфорта – «Легкое дыхание», изделие компании «Мицубиси», – оставляла рот свободным, подавая кислород из зарядного

устройства на спине в носовой зажим (трубки от компрессора на затылке проходят под ушами и вставляются прямо в ноздри). Что и говорить, отличный аппарат! Если к нему привыкнуть. Хотите, можете в нем есть, пить, болтать и все такое. Но я скорей позволил бы дантисту запустить мне в рот обе руки!

Сложность состояла в том, что приходилось все время контролировать мышцы гортани, иначе вместо, скажем, приветствия окружающие услышат от вас прекрасную имитацию кипящего чайника. А все оттого, что эта чертова штука работает на разности давлений. К счастью, пилот сразу же установил в катере марсианское давление, всем пришлось надеть маски, и я получил около двадцати минут на репетицию. Тем не менее несколько минут мне казалось, что все пропало – из-за одной только этой дурацкой хреновины. Тогда я принялся убеждать себя, что тысячи раз пользовался этой дрянью, что она для меня привычнее зубной щетки, – и в конце концов убедил.

Дэк, как вы помните, избавил меня от бесед с комиссар-резидентом в космосе. Увы, на Марсе он не мог сделать того же – комиссар-резидент встречал катер на космодроме. Однако плотное расписание не оставляло времени для общения с другими людьми. Меня ждали в марсианском городе. Странно было сознавать, что среди марсиан я буду в большей безопасности, чем среди земляков.

Но еще более странно было оказаться на Марсе.

5

Комиссар-резидент Бутройд, как и весь его персонал, был ставленником Партии Человечества. Здесь к ней не принадлежали разве что технические специалисты госслужбы. Однако Дэк заявил, что поставит шестьдесят против сорока за непричастность Бутройда к похищению. Он считал комиссара честным, хотя и туповатым. По этой же причине ни Дэк, ни Клифтон не верили в причастность к похищению

премьер-министра Кирогги. Похищение они приписывали подпольной террористической группировке, примыкающей к Партии Человечества и называющей себя «Людьми Дела». А ее они связывали с кое-какими респектабельными бизнес-менами, которым эта история должна была принести крупную выгоду.

Сам же я между деловым человеком и «человеком дела» особой разницы не ощущал.

Но стоило нам приземлиться, произошло нечто такое, что заставило меня усомниться: а так ли уж старина Бутройд туп и честен, как полагает Дэк? Мелочь, конечно, но из тех, что способны свести на нет любое перевоплощение. Раз уж я имел статус Весьма Важного Гостя, комиссар-резидент вышел встречать меня лично, но, так как в данный момент я был лишь рядовым членом Великой Ассамблеи без всяких там официальных постов и путешествовал частным образом, никаких особых почестей мне не полагалось. Бутройд встречал меня лишь со своим референтом... и девчужкой лет пятнадцать.

Я знал его по фотоснимкам, да еще Пенни и Родж о нем рассказали. Я подал комиссару руку, осведомился, как его синусит, поблагодарил за приятное времяпрепровождение в прошлый мой приезд, побеседовал с его референтом в той благожелательной мужской манере, которая так хорошо давалась Бонфорту, а затем обратился к юной леди. Я знал, что какие-то дети у Бутройда есть и среди них – дочь, и это, судя по возрасту, наверняка она. Но ни я, ни Родж с Пенни не знали, встречался я с ней уже или нет.

Однако тут помог сам Бутройд:

– Вы еще незнакомы – это Дейдре, моя дочь. Прямо-таки заставила взять ее с собой!

В записях, по которым я изучал роль, не было ничего о том, как Бонфорт обращается с детьми, а потому следовало, не мудрствуя лукаво, быть Бонфортом – вдовцом за пятьдесят, без детей или хотя бы племянников. И уж тем более без опыта общения с девочками-подростками. Зато с

богатеишим опытом общения со взрослыми любых мастей! И потому я повел себя так, будто она по крайней мере раза в два старше, чем есть, даже поднес ее руку к губам, хоть и не поцеловал. Щеки ее ярко вспыхнули, но девочка была явно польщена.

Бутройд снисходительно поглядел на нее:

– Ну что ж ты? Спроси, не стесняйся. Другого раза может не быть!

Она совсем раскраснелась и пролепетала:

– Сэр... Нельзя ли попросить ваш автограф? Девочки в нашей школе все собирают... У меня даже мистера Кирогги есть... Если вас не затруднит... Я очень хотела бы ваш.

На свет божий появился небольшой блокнот, прятаный до этого за ее спиной. Тут я ощутил себя водителем вертолета, у которого потребовали права, а они дома, в других штанах. Роль-то я изучал прилежно, однако кто мог знать, что придется подделывать подпись?! А-а-а, провались ты, невозможно же заучить все за два с половиной дня!

Но Бонфорт просто не мог отказать в подобной ерунде, а я был Бонфортом, не забывайте. Весело улынувшись, я спросил:

– У вас уже есть автограф мистера Кирогги?

– Да, сэр...

– Только подпись?

– Да. И еще он приписал: «С наилучшими пожеланиями».

Я подмигнул Бутроиду:

– Видали, а?! «С наилучшими пожеланиями»! Юным леди я меньше, чем «с любовью» никогда не пишу! Мы с вами, мисс, знаете, что сделаем...

Взяв у нее блокнот, я осмотрел его. Дэк, нервничая, напомнил:

– Шеф, время!

– Не беспокойтесь, капитан, – сказал я, не оборачиваясь, – все марсиане на свете могут подождать, пока не будет исполнено желание юной леди. – Я передал блокнот Пенни. –

Запишите размеры, а потом напомните мне послать фото, которое сюда подойдет, – и с автографом, разумеется.

– Да, мистер Бонфорт.

– Устроит вас это, мисс Дейдре?

– Ура! Еще бы!

– И прекрасно. Очень рад знакомству. Ну что ж, капитан, в путь? Господин комиссар, вон та машина – не наша?

– Ваша, мистер Бонфорт. – Комиссар, недовольно морщась, покачал головой. – Похоже, вы обратили в свою экспансионистскую ересь члена моей семьи. Не очень-то честно, а?

– Урок, урок вам, ха-ха! Не берите с собой дочерей в дурные компании! Верно, мисс Дейдре? – Я пожал ему на прощанье руку. – Рад был видеть вас, господин комиссар. Спасибо за встречу: нам пора!

– Да, конечно. Рад был вас видеть.

– Спасибо, мистер Бонфорт!

– Вам спасибо, дорогая мисс!

Не торопясь, чтобы не показаться в стереозаписи суетливым или взволнованным, я направился к машине. Вокруг кишмя кишели фотографы, репортеры, операторы и прочие охотники до новостей. Билл удерживал их в стороне. Когда мы подошли, он, помахав нам, крикнул: «Счастливо, шеф!» – и вернулся к беседе. Родж, Дэк и Пенни сели со мной в машину. На поле толкалась целая толпа, не такая, конечно, как в земных портах, но все-таки. После того как Бутройд меня признал, на их счет я не беспокоился – однако здесь наверняка были и те, кто точно знал о подмене.

О них я постарался забыть. Сейчас они не могли причинить мне вреда, не засветившись.

Машина оказалась герметичным «роллс-аутлендером», но кислородной маски я, по примеру других, не снял. Я поместился справа, рядом – Родж и Пенни, а Дэку с его длинными ножищами досталось одно из откидных сидений. Водитель оглядел нас сквозь перегородку и нажал стартер.

Родж вздохнул облегченно:

– Фу-ты! Я уж было перепугался.

– А, не стоило того. Давайте теперь помолчим, хорошо? Хочу повторить речь.

Речь я и так знал на отлично, просто хотелось поглазеть на марсианские пейзажи. Машина шла по северному краю поля, мимо вереницы пакгаузов. Пока что глазеть можно было лишь на рекламы: «Вервайс трейд компани», «Диана аутлайнз, лимитед», «Три Планеты», «И. Г. Фарбенинду-стри» ... Марсиан кругом было так же много, как и людей. Мы, кроты, считаем марсиан медлительнее улиток, и справедливо: таковы они в гостях, земное притяжение для них тяжеловато. Не то на Марсе – уж здесь они на своих «подошвах» скользят легче, чем камешки по воде!

К югу от нас лежала плоская равнина, и тянулся к непри-
вычно близкому горизонту Большой канал. Противополож-
ного берега было не разглядеть. Впереди виднелось Гнездо
Кккаха. Сказочный город! Я всматривался в него, и даже
сердце замирало от этой изящной, хрупкой красоты... И тут
Дэк внезапно рванулся вперед.

Мы уже миновали полосу оживленного движения у скла-
дов, но машине, выскочившей из-за поворота, я никакого
значения не придал. А Дэк, видать, постоянно держал ухо
востро: стоило встречной машине приблизиться, он не ожи-
данно опустил перегородку, перегнулся через шофера и вце-
пился в баранку. Машина рванулась вправо, едва не врезав-
шись во встречную, затем влево, чудом не вылетев с шоссе.
Ох как своевременно было то чудо! Дорога в этом месте шла
по самому берегу канала.

В «Эйзенхауэре» два дня назад я был Дэку не помощник:
безоружен, да и не ожидал ничего такого. Сейчас я был
столь же безоружен, даже пломбы с ядом и той не было, зато
вел себя гораздо лучше. Дэк, перегнувшийся через спинку
сиденья, все внимание сосредоточил на дороге. Шофер,
сперва опешивший, теперь пытался вырвать у него руль.

Я подался вперед, левой сдавил шоферу горло, а боль-
шим пальцем правой ткнул его в бок:

– Шевельнешься – получишь пулю!

Голос принадлежал злодею из «Джентльмена со второго этажа», реплика тоже оттуда.

Мой пленник притих. Дэк быстро спросил:

– Родж, что они там?

Клифтон, посмотрев назад, ответил:

– Разворачиваются.

– О'кей. Шеф, держите его на мушке, пока я не пересяду.

С этими словами он уже перебирался за руль. Буркнув что-то о неумеренной длине своих ног, Дэк уселся наконец и дал газу.

– Вряд ли что-нибудь на четырех колесах догонит «роллс» на прямой трассе. Родж, как они там?

– Только развернулись!

– Отлично! А с этим субчиком что? Может, выкинуть?

Жертва моя задержалась, сдавленно сипя:

– Э-э-э! Что я вам сделал?!

Я нажал пальцем посильней, он заткнулся.

– Абсолютно ничего, – согласился Дэк, не спуская глаз с дороги. – Разве что замышлял малюсенькую такую аварию, как раз чтобы мистер Бонфорт опоздал. И если б я вовремя не усек, что ты шкуру свою бережешь и сбавляешь скорость, у тебя бы, глядишь, получилось. Кишка тонка оказалась, да?

Он повернул так резко, что машина встала на два колеса, а гироскоп ее тревожно загудел, восстанавливая равновесие.

– Ну что там, Родж?

– Отстали.

– Ага.

Дэк не сбавлял скорость – мы делали больше трехсот в час.

– Вряд ли они устроят пальбу – тут у нас их приятель. Как полагаешь, ты? Или не задумаются списать тебя в расход?!

– Не понимаю, о чем вы говорите, но за свои безобразия вы точно ответите!

– Точно, говоришь? Да неужели? Думаешь, четверым уважаемым людям не поверят, а поверят твоей

рецидивистской роже? Или, скажешь, ты не ссыльный? В любом случае мистер Бонфорт предпочел доверить машину мне, ты, естественно, не мог ему отказать.

Колесо наше на что-то наткнулось; машину тряхнуло, и мы с пленником чуть не прошибли макушками потолок.

– «Мистер Бонфорт»! – пленник грязно выругался.

Выдержав паузу, Дэк заметил:

– А знаете, шеф, не стоит, пожалуй, его выкидывать. Сейчас вас отвезем, а потом этим типом займемся – там, где потише. Думаю, если умеючи поспросить, он много чего расскажет.

Шофер затрепыхался. Я сильнее сдавил его глотку и еще раз ткнул пальцем. Не слишком уж похоже на пистолет, но поди проверь! Пленник уgomонился и буркнул:

– Не посмеете вы мне наркоту колоть!

– Боже, как вы могли подумать! – В голосе Дэка звучало неподдельное возмущение. – Ведь это противозаконно! Пенни, дорогая, шпилька у тебя найдется?

– Конечно, – ответила Пенни. Судя по голосу, она ничего не поняла (как и я), но нисколько не испугалась (в отличие от меня).

– И чудесно. Малыш, тебе загоняли когда-нибудь шпильку под ноготь? Говорят, снимает даже гипноблоки – действует непосредственно на подсознание или вроде того. Только вот звуки, которые при этом издает пациент, несколько резковаты для слуха; поэтому мы с тобой поедem в дюны, там никто, кроме скорпионов, не услышит. А когда ты нам все расскажешь, для тебя наступит весьма приятный момент: отпустим на все четыре стороны. Иди себе куда хочешь, до города недалеко. Но – слушай внимательно! – если будешь предельно любезен и вежлив в обращении, получишь награду. Мы дадим тебе в дорогу твою маску.

Дэк замолчал, некоторое время слышался лишь свист разреженного марсианского воздуха. На Марсе человек без кислородной маски пройдет ярдов двести, и то если он в приличной форме. Я, правда, читал об одном – он ухитрился

пройти почти полмили, прежде чем загнулся. А одометр показывал, что до Годдард-Сити около двадцати трех километров.

Пленник заговорил:

– Не знаю я ничего, ребята, честно! Меня наняли, чтоб тачку вам расшиб!

– Ну, мы тебе поможем вспомнить.

Машина приближалась к воротам марсианского города.

– Здесь мы вас оставим, шеф. Родж, возьми свою пушку, присмотри за гостем. Шефу пора.

– Да, верно.

Родж придвинулся поближе и тоже ткнул пленника пальцем. Я откинулся назад. Дэк, посмотрев на часы, удовлетворенно заметил:

– На четыре минуты раньше срока! Отличная машина, мне бы такую. Родж, не нависай, мешаешь.

Клифтон посторонился. Дэк профессионально рубанул пленного ребром ладони по горлу. Тот отключился.

– Это его утомит на время. Нельзя допустить переполоха на глазах у всего Гнезда. Что там со временем?

В запасе оставалось еще три с половиной минуты.

– Вы должны появиться точно вовремя. Ни до, ни после – секунда в секунду. Понимаете?

– Да, – хором ответили мы с Клифтоном.

– Тридцать секунд, чтобы подняться по пандусу. У вас еще три минуты. Что собираешься делать?

– Нервы в порядок привести, – вздохнул я.

– Да в порядке твои нервы, старина. Поздравляю, не растерялся. Ничего, еще часа два – и отправишься домой с грудой денег, карманы не выдержат! Остался последний рывок.

– Твои б слова – да богу в уши. Дэк?

– Да?

– Отойдем на минуту. – Я вылез из машины и поманил Дэка в сторону. – А что будет, если я в чем-нибудь ошибусь?

– А? – Дэк глянул удивленно, затем рассмеялся – немного слишком сердечно. – Не ошибешься. Пенни говорила, ты сложил в черепушку все, что надо.

– И все-таки?

– Ты не можешь провалиться, тебе говорят. Я все понимаю; сам когда-то сажал корабль в первый раз. Но там, как дошло до дела, просто времени не было бояться.

В разреженном воздухе непривычно тонко прозвучал голос Клифтона:

– Дэк! Вы следите за временем?

– Куча времени – больше минуты!

– Мистер Бонфорт! – Это была Пенни.

Я подошел к ней, она вылезла из машины и протянула руку:

– Удачи, мистер Бонфорт!

– Спасибо, Пенни.

Родж пожал мне руку, Дэк хлопнул по плечу:

– Тридцать пять секунд. Пора.

Я кивнул и зашагал вверх, к воротам. Должно быть, добрался я до них с запасом в секунду-две – массивные створки распахнулись, стоило мне к ним подойти. Я перевел дух, в последний раз проклял эту дурацкую маску...

...И вышел на сцену.

Сколько раз вы это проделывали – никакого значения не имеет. Премьера! Занавес пошел! Ваш выход! – и дух перехватывает, и замирает сердце. Конечно, вы знаете роль. Конечно, вы спросили импресарио, сколько народу в зале. Конечно, вы все это в точности проработали на репетициях. Все равно. Ваш выход – и сотни глаз направлены на вас; публика ждет, что вы скажете, ждет, что вы сделаете, может, даже ждет, что вы забудете роль... И все это вы чувствуете. Потому-то в театрах и есть суфлеры.

Осмотревшись, я увидел здешнюю публику, и мне жутко захотелось удрать. Впервые за три десятка лет я почувствовал мандраж на сцене.

Будущие родственники заполняли все вокруг, на сколько видел глаз. По обе стороны оставленного для меня прохода их были тысячи – точь-в-точь грядка, плотно засаженная спаржей. Я знал, что первым делом должен пройти по этому проходу до пандуса, ведущего во внутреннее Гнездо.

Я не мог сделать и шагу.

Тогда я сказал себе: «Парень, ты – Джон Джозеф Бонфорт! До этого ты бывал здесь десятки раз! Все это – твои друзья. И ты здесь потому, что сам так хотел, и они тоже рады видеть тебя сегодня! А ну, давай пошел! Там-там-та-там! А вот и новобрачная!»

И я снова стал Бонфортом. Дядюшкой Джо Бонфортом, желающим исполнить это все как нельзя лучше – для чести и блага народа моей планеты и моих друзей-марсиан. Я сделал глубокий вдох и пошел.

Глубокий вдох меня и выручил – я почуял небесный аромат. Тысячи и тысячи марсиан – собранные вместе, они благоухали так, словно здесь кто-то выронил и разбил целый ящик «Вожделения джунглей». Уверенность, что я действительно чувствую запах, даже заставила обернуться, посмотреть, не идет ли следом Пенни. Пальцы мои все еще хранили тепло ее руки.

Я захромал по оставленному мне коридору, стараясь двигаться с той же скоростью, что марсиане на своей родной планете. Толпа смыкалась позади. Иногда малыши убегали от старших и прыгали передо мной. Малыши – я хочу сказать, марсиане, только что прошедшие стадию деления, они вдвое меньше «взрослых» по росту и весу. Их, пока не подрастут, из Гнезд никуда не выпускают; потому мы забываем порой, что бывают на свете и маленькие марсиане. Чтобы подрасти и восстановить память и знания, им требуется лет пять. А сразу после деления марсианин – абсолютный идиот, ему даже до слабоумного еще расти и расти. Перераспределение генов после конъюгации и регенерация после деления надолго выбивают его из колеи, об этом была целая

лекция на одной из кассет Бонфорта в сопровождении не шибко качественной любительской съемки.

Малыши, веселые, дружелюбные идиотики, полностью освобождены от любых приличий и всего, что с ними связано. Марсиане в них души не чают.

Два таких малыша, совсем еще маленькие, выскользнули из толпы и встали, загородив проход, будто два несмышленных щенка посреди шоссе. Оставалось либо тормозить, либо сбивать их с ног.

Я затормозил. Они придвинулись вплотную, теперь уже окончательно перекрыв коридор, и, выпустив ложнолапки, зачирикали, обмениваясь впечатлениями. Я их совершенно не понимал, а они немедленно вцепились в мою одежду и принялись шарить в нарукавных карманах.

Толпа тесно обступила коридор, и обойти малышей я не мог. Что же делать? Малыши были так милы, что я чуть не полез в карман за конфетой, которой там не было. С другой стороны, обряд усыновления рассчитан по секундам, почище любого балета. Не добравшись вовремя до пандуса, я совершу тот самый классический грех против приличий, прославивший в свое время Кккахграла Младшего.

Но малыши и не думали уступать мне дорогу: один из них откопал в кармане мои часы.

Я вздохнул, и волна аромата накрыла меня с головой. Приходилось рисковать. Ласкать детишек принято во всей Галактике; если обычай сей перевесит крошечное нарушение марсианских приличий, то мне, считай, удалось создать прецедент. Я опустил к малышам, став на одно колено, ласково потрепал и погладил их чешуйчатые бока.

Поднявшись, произнес осторожно:

– Пока, ребятки, мне пора.

Фраза эта исчерпала львиную долю моего упрощенного марсианского. Малыши опять придвинулись ко мне, но я бережно отстранил их и быстро-быстро зашагал дальше, стараясь наверстать упущенное. Ни один Жезл Жизни не проделал дыры в моей спине! Значит, можно надеяться, я не так уж сильно погрешил против приличий. Благополучно добравшись до пандуса во внутреннее Гнездо, я начал спуск.

* * * * *

Строкой звездочек я обозначил здесь обряд усыновления. Почему? А потому, что знать о нем положено только принадлежащим к Гнезду Кккаха. Это семейное дело.

Скажем так: у мормона могут быть близкие друзья-немормоны, но разве эта дружба дает иноверцам право посещения храма в Солт-Лейк-Сити? Ни под каким видом! Марсиане частенько наносят визиты друг другу, однако никогда не войдут в чужое внутреннее Гнездо. Даже супруги-конъюганты не пользуются такой привилегией. Вот почему я не имею права детально описывать обряд, как и член масонской ложи не может рассказывать о ее ритуалах посторонним.

Общие черты можно и не скрывать, они одинаковы во всех Гнездах Марса, как и свалившаяся на меня роль одинакова для всех усыновляемых. Мой, так скажем, крестный, старейший марсианский друг Бонфорта Кккахррриш,

встретил меня у входа и погрозил Жезлом. В ответ я потребовал, чтобы он убил меня, если я виновен в нарушении приличий. Правду сказать, я его не узнал, хотя и видел на фото, просто это должен был быть он – таков ритуал.

Засвидетельствовав таким образом, что свято чту Материнство, Дом, Гражданские добродетели и не пропустил ни одного занятия в воскресной школе, – я получил позволение войти. ‘Ррриш провел меня по всем пунктам, где мне задавали вопросы, а я отвечал. Каждое слово, каждый жест были отработаны, словно в классической китайской пьесе, – и слава богу, иначе я не имел бы ни единого шанса. Большинство вопросов и половины своих ответов я не понимал вовсе – то и другое просто зазубрил наизусть. И, оттого что марсиане предпочитают неяркий свет, было ничуть не легче, приходилось блуждать на ощупь, точно кроту.

Раз довелось мне играть с Хоком Мантеллом, незадолго до его смерти. Он уже тогда был глух как пень. Вот это, скажу вам, партнер! Он не мог даже пользоваться слуховым аппаратом – атрофия слухового нерва, кое-что читал по губам, но это, сами понимаете, далеко не всегда возможно. И поэтому Мантелл управлял постановкой лично и рассчитал все действие по секундам. Я сам видел, как он подавал реплику, отходил, затем резко поворачивался и отвечал на реплику, которой не слышал, точно по времени.

Здесь происходило нечто похожее. Я знал роль и играл. Если бы и вышла накладка, то не по моей вине.

Однако на меня были постоянно направлены с полдюжины Жезлов, что никоим образом не воодушевляло. Я убеждал себя, что меня не станут прожигать насквозь из-за случайной оплошности, – я, в конце концов, всего лишь бедный, туповатый землянин, и марсиане склонны проявить снисходительность, вознаградив мои потуги проходным баллом. Но, если честно, верилось с трудом.

Прошло, казалось, несколько дней – ерунда, конечно; обряд занимает ровно одну девятую марсианских суток, –

прежде чем дело дошло до трапезы. Не знаю, что именно я ел, и знать не хочу. По крайней мере, не отравился.

Затем старейшины произнесли речи. Я же в ответной речи поблагодарил Гнездо за оказанную честь, после чего получил имя и Жезл. Я стал марсианином.

И пусть я понятия не имел, как пользоваться Жезлом, а мое новое имя звучало воплем испорченного крана! С этой минуты оно было моим законным марсианским именем, а сам я – прямым родственником самого аристократического семейства планеты. Это – спустя пятьдесят два часа после того, как крот без гроша в кармане на последний свой полумимпериал выставил угощение незнакомцу в баре «Каса Маньяна»!

По-моему, это лишний раз доказывает, что не стоит разговаривать с незнакомцами.

Ушел я, едва позволили обстоятельства. Дэк загодя составил мне речь с доказательствами того, что приличия требуют моего присутствия в другом месте, и меня отпустили. Нервничал я, как мужчина в женском студенческом общении, поскольку теперь приходилось импровизировать. Я хочу сказать, что даже неформальное общение на Марсе обнесено непрошибаемой стеной приличий, которых я не знал, поэтому произнес заученные извинения и удалился. 'Ррриш и еще один из старейшин пошли за мной. На обратном пути я имел удовольствие поиграть с другими двумя малышами, может быть, теми же самыми. У ворот старейшины проскрипели: «Гутбаа» – и отпустили меня с миром. Ворота захлопнулись, и только тут душа вернулась у меня из пяткок.

«Роллс» ждал на том же месте. Я поспешил к нему, дверца распахнулась – в машине сидела одна Пенни. И удивительно, но от этого мне стало очень даже приятно...

– Хохолок! Наша взяла!

– Я и не сомневалась.

– Зовите меня просто – Кккахжжжер! – Я, как положено, заглушил первый слог вторым и лихо отсалютовал Жезлом.

– Осторожней с ним, – нервно сказала Пенни.

Я забрался на переднее сиденье рядом с ней и спросил:

– А вы не знаете, как этой штукой пользуются?

Понемногу отходя, я чувствовал, что измотан, однако настроение было веселое. Сейчас бы еще тройную порцию чего покрепче, да к ней бифштекс вот такой толщины... А там посмотрим, что скажет критика!

– Не знаю. Но лучше отложите его в сторонку!

– По-моему, надо нажать вот здесь...

И я нажал. В ветровом стекле «роллса» образовалась аккуратная, дюйма в два, дырка, отчего он перестал быть герметичным.

Пенни ойкнула.

– Тьфу ты... Извините. Лучше действительно не трогать, пока Дэк меня не научит.

Она сглотнула:

– Да ничего, только не направляйте его куда попало.

Едва включив двигатель, Пенни рванула с места. Я понял, что в этой компании не один Дэк так любит давить на газ.

Ветер свистел в проделанной Жезлом дыре.

– А к чему такая спешка? Мне же еще ответы для пресс-конференции готовить! Они у вас, Пенни? И кстати, где остальные?

Я совсем забыл, что с нами еще и пленный водитель. От всего внешнего я отрешился, едва ворота Гнезда захлопнулись, впустив меня внутрь.

– В городе. Они не смогли вернуться.

– Пенни, да в чем дело? Что стряслось?!

Я уже гадал, смогу ли провести пресс-конференцию без репетиции. Может, рассказать немного об усыновлении? Уж тут-то врать не придется...

– Мистер Бонфорт... Мы его нашли!

6

Только сейчас я заметил, что Пенни ни разу не назвала меня «мистером Бонфортом». Естественно, я ведь им и не был теперь, я вновь – лицедей Лорри Смайт, нанятый для временной подмены!

Отдуваясь, я откинулся назад и позволил себе расслабиться.

– Ну что ж, значит, с этим – все? Наконец-то...

Гора с плеч! До этого момента я даже не представлял, сколь тяжела эта гора. И «хромая» нога перестала болеть... Я похлопал Пенни по руке, сжимавшей баранку, и сказал собственным голосом:

– До чего я рад, что все позади! Но вас, дружище, мне будет не доставать. Вы – партнер лучше не надо. Что подделаешь – даже лучшая пьеса когда-нибудь кончается, и актеры расходятся по домам... Надеюсь, встретимся как-нибудь.

– Надеюсь...

– Дэк, наверное, уже изобрел способ незаметно подменить меня и протащить на борт «Тома Пейна»?

– Не знаю.

Голос ее звучал как-то странно. Присмотревшись, я понял: она... плачет! Сердце бешено забилося. Пенни плачет? Оттого, что мы расстаемся?! Я не мог поверить, хоть и желал всей душой, чтобы догадка подтвердилась. Поглядеть на мое привлекательное лицо и отточенные манеры – можно подумать, женщины по мне с ума сходят. Однако не сходят же – грустно, но факт! А уж Пенни – тем более...

– Пенни, почему вы плачете? – поспешно сказал я. – Разобьете машину.

– Не... не... не могу больше...

– Что стряслось? Вы сказали, его нашли, а дальше? – У меня появилось вдруг страшное, но вполне логичное подозрение. – Он ведь... жив, верно?

– Да, он жив... но они... что они с ним сделали!

Она зарыдала, и мне пришлось перехватить руль. Однако Пенни быстро взяла себя в руки:

– Извините.

– Хотите, я поведу?

– Ничего, все в порядке. К тому же вы не умеете – в смысле, не должны уметь.

– Что? Ерунда, прекрасно умею, а роль ведь уже кон...

Я оборвал себя на полуслове, догадавшись, что роль, скорее всего, продолжается. Если Бонфорта избили так, что этого не скрыть, не может же он показаться на люди в таком виде через четверть часа после усыновления его Гнездом Кккаха. Значит, мне придется взять на себя пресс-конференцию и публично откланяться, пока Бонфорта будут перевозить на борт его яхты. Что ж, отлично, выйду на бис. Деловито.

– Пенни, а что говорят Дэк с Роджем? Играть дальше или не надо? У меня будет встреча с журналистами?

– Не знаю. Времени совсем не было.

Мы уже подъезжали к пакгаузам у космодрома. Впереди маячили громадные купола Годдард-Сити.

– Пенни, притормозите-ка и объясните все толком. Мне нужно знать, как вести спектакль дальше.

Шофер раскололся – пользовались ли при этом шпилькой, я не спрашивал. Затем его, как и обещали, отпустили и даже не отобрали маску. Все остальные покатили в Годдард-Сити; за баранкой сидел Дэк. Хорошо меня с ними не было! «Дальнобойщикам» нельзя доверять ничего, кроме звездолетов.

Шофер назвал адрес в Старом городе, под одним из первых куполов. Я так понял, это из тех «веселых местечек», без каких не обходится ни один порт, с тех пор как финикийцы обогнули Африку. Обитают там бывшие каторжники, проститутки, торговцы наркотой, налетчики и прочий сброд. Такие места полицейские патрулируют только в паре.

Шофер, как выяснилось, не соврал, однако его информация немного устарела. В помещении точно кого-то держали: там стояла кровать, с которой не вставали, похоже, с неделю, а кофейник на столе еще не успел остыть. На полке лежала завернутая в полотенце старомодная вставная челюсть. Клифтон ее узнал – челюсть принадлежала Бонфорту. Все следы были налицо. Не было лишь самого Бонфорта и его тюремщиков.

Уходя, ребята собрались было претворить в жизнь первоначальный план – тут же по окончании обряда объявить о похищении и прижать как следует Бутройда, пригрозив в случае чего призвать на помощь Гнездо Кккаха. Но они нашли Бонфорта – просто наткнулись на него, выходя из Старого города. Выглядел он нищим оборванным стариком со щетиной недельной давности на лице, грязным и не в своем уме. Он еле держался на ногах. Мужчины не узнали Бонфорта – узнала Пенни и заставила остановиться.

Рассказывая мне об этом, она опять разрыдалась, и мы чудом не врезались в тягач, подъезжавший к грузовым докам.

А дело, похоже, было так: парни из той машины на шоссе, что пыталась с нами столкнуться, доложили обо всем нашим неведомым противникам, и те решили, что похищение утратило актуальность. Но вопреки всем слышанным доводам я никак не мог понять, почему они просто не убили Бонфорта. Только позже до меня дошло: то, что они с ним сотворили, было ходом куда более изощренным и жестоким, чем убийство.

– А где он сейчас?

– Дэк отвез его в хостел для «дальнобойщиков», третий купол.

– Мы сейчас туда?

– Не знаю... Родж велел подобрать вас, а потом они пошли через служебный вход. Нет, наверное, туда ехать не стоит. Не знаю, что делать...

– Ладно. Пенни, остановите.

– Что?

– Наверняка в машине есть телефон. И мы никуда не поедем, пока не выясним – или не догадаемся, – что нам делать. В одном я уверен: нужно оставаться в роли, пока Дэк или Родж не даст отбой. Кто-то должен побеседовать с репортерами и официально отбыть на борт «Тома Пейна». Вы твердо уверены, что мистер Бонфорт не справится сам?

– Нет-нет! Это невозможно! Вы его не видели.

– Не видел. Поверю вам на слово. Отлично, Пенни. Я вновь – мистер Бонфорт, а вы – мой секретарь. Так и держимся.

– Слушаю, мистер Бонфорт.

– Теперь, если вас не затруднит, свяжитесь с капитаном Бродбентом.

Справочника в машине не оказалось, пришлось запрашивать Информационную. Наконец Пенни дозвонилась в клуб «дальнобойщиков». Я мог слышать ответ:

– Клуб «Пилот». Миссис Келли у аппарата.

Пенни прикрыла микрофон:

– Мне представиться?

– Конечно, нам нечего скрывать.

– Говорит секретарь мистера Бонфорта, – уверенно ответила Пенни. – Его пилот капитан Бродбент у вас?

– А, знаю, знаю, дорогуша, – сказала миссис Келли и крикнула кому-то: – Эй, там, табакуры! Дэка не видали?

Через минуту она ответила:

– Он в номер свой пошел, милочка. Сейчас соединю.

Вскоре Пенни сказала:

– Капитан, шеф хочет с тобой говорить, – и передала микрофон мне.

– Дэк, это шеф.

– Слушаю, сэр. Где вы сейчас?

– Пока в машине. Пенни меня встретила. Скажите, Дэк, где именно Билл назначил пресс-конференцию?

Дэк явно колебался:

– Хорошо, что вы позвонили, сэр. Билл отменил пресс-конференцию. Ситуация несколько... поменялась.

– Да, Пенни мне сообщила. И знаете, капитан, я только рад. Честно говоря – устал сегодня, как пес. Не хотелось бы ночевать на планете, к тому же и нога расшалилась... Жду не дождусь невесомости – хоть отдохну как следует.

Сам я невесомости терпеть не мог, но Бонфорту нравилось.

– Так, может, вы или Родж извинитесь за меня перед комиссаром и уладите оставшиеся формальности?

– Хорошо, сэр, сделаем.

– И ладно. Катер для нас скоро будет готов?

– «Пикси» готова к старту в любую минуту, сэр. Подъезжайте к третьим воротам, я распоряжусь, чтобы вас встретила полевая машина.

– Прекрасно. У меня все.

– Счастливо, сэр!

Я вернул микрофон Пенни, она уложила его на место.

– Знаешь, Хохолок, вполне возможно, что эту частоту постоянно прослушивают. А может, и машина набита «жучками». Если хоть одно из двух, верно, они имели возможность выяснить две вещи: где находится Дэк, а заодно и он, а во-вторых, что собираюсь делать я. Что скажешь?

Она задумалась, вынула свой блокнот и написала: «Нужно избавиться от машины».

Я кивнул и взял у Пенни блокнот: «Ворота № 3 далеко?»

Она ответила: «Дойдем».

Без единого слова мы вылезли из машины и пошли прочь. Перед началом разговора Пенни остановилась на стоянке для городских чиновников возле одного из складов. Можно было не сомневаться, что отсюда машину со временем вернут хозяину, – такие пустяки сейчас значения не имели.

Ярдов через пятьдесят я остановился. Что-то было не в порядке. Погода стояла чудесная, фиолетовое марсианское небо было чистым, приятно грело солнце... Прохожие и проезжие не обращали на нас никакого внимания – а если и обращали, то на молодую симпатичную девушку, но никак не на меня. И все же что-то было не так.

– Что случилось, шеф?
– А? А, так вот в чем дело!
– Сэр?..
– Я вышел из образа. Не в его характере пробираться тайком. Давай-ка, Пенни, вернемся.

Возражать она не стала. Мы снова уселись в машину, на этот раз я забрался на заднее сиденье, напустил на себя побольше важности и велел везти себя к воротам № 3.

Ворота оказались не теми, через которые мы выезжали. Наверное, Дэк выбрал их потому, что пассажиров тут почти не было – везли в основном груз. Пенни, не обращая внимания на запрещающий знак, остановила «роллс» у самых ворот. Дежурный пытался протестовать, но она холодно заявила:

– Машина мистера Бонфорта. Будьте любезны позвонить в канцелярию комиссар-резидента, пусть за ней пришлют.

Дежурный смешался. Заглянув на заднее сиденье, он узнал меня, вытянулся и отдал честь. Я приветственно помахал рукой; он распахнул передо мной дверцу.

– Лейтенант наш строг, – извиняющимся тоном сообщил он, – а по инструкции, мистер Бонфорт, нельзя проезд загромождать... Но насчет вас-то, наверно, все в порядке.

– Можете ее сразу и отогнать, – ответил я. – Мы с секретарем отбываем. Полевая машина за нами пришла?

– Сейчас посмотрю, сэр.

Дежурный удалился. По-моему, он был достаточным количеством публики, собственными глазами видевшей, что мистер Бонфорт подъехал на правительственной машине и проследовал на личную яхту. Я сунул Жезл Жизни под мышку, словно маршальский, и захромал за дежурным. Пенни поспешила следом. Дежурный спросил о чем-то у охранника и быстро вернулся, не снимая с физиономии улыбки:

– Полевая ждет, сэр!

– Благодарю вас.

Я было поздравил себя с тем, как точно все рассчитал...

– Э-э-э...

Дежурный заметно волновался. Понизив голос, он добавил:

– Я тоже экспансионист, сэр. Доброе дело вы сегодня провернули!

Он указал взглядом на Жезл Жизни. Глаза его светились благоговением.

Как поступил бы на моем месте Бонфорт, я знал точно.

– Сделал все, что мог. Спасибо вам! И еще – детишек вам побольше, мы должны иметь абсолютное большинство!

Дежурный заржал гораздо громче, чем заслуживала моя шутка.

– Крепко запущено! А ничего, если я ребятам расскажу?

– Ну какой может быть разговор!

Мы двинулись к воротам. Охранник вежливо придержал меня за локоть:

– Э... Ваш паспорт, мистер Бонфорт.

По-моему, я и глазом не моргнул:

– Пенни, наши паспорта.

Пенни держалась до отращения официально:

– Капитан Бродбент уладит все формальности.

Охранник отвел взгляд:

– Я и не сомневаюсь, что все в порядке... Но я должен их проверить и записать номера.

– Да, конечно. Тогда, наверное, нужно позвонить капитану Бродбенту, пусть подъедет. Кстати, назначено нам время старта? Свяжитесь с диспетчерской, попросите немного задержать вылет.

Но Пенни пришла в ярость:

– Мистер Бонфорт, это же смешно! Мы никогда не подвергались подобным бюрократическим проверкам. Во всяком случае, на Марсе.

Дежурный торопливо вставил:

– Да конечно же все в порядке! Ганс, не видишь – это же мистер Бонфорт!

– Да, но...

Я, радостно улыбаясь, перебил его:

– Тогда сделаем проще. Если вы... Как вас зовут, сэр?

– Хаслвантер. Ганс Хаслвантер, – отвечал охранник неохотно.

– Так вот, мистер Хаслвантер, если вы свяжетесь с комиссаром Бутройдом, я с ним побеседую – и не придется отрываться от дел моего пилота. Заодно это сэкономит мне кучу времени – час или около того.

– Ох не нравится мне это, сэр... Может, я лучше начальнику охраны позвоню? – предложил Хаслвантер с надеждой.

– Тогда дайте мне номер Бутройда. Я сам ему позвоню.

На сей раз тон был ледяным – только так, и никак иначе, солидный занятой человек, душу кладущий за демократию, ставит на место тех, кто подлой бюрократической волокитой сводит его дело на нет. Это подействовало. Охранник поспешно заговорил:

– Да я знаю, что все у вас как надо, мистер Бонфорт! Только – правила ведь у нас, понимаете...

– Понимаю. Благодарю вас.

Я направился в ворота.

– Погодите! Обернитесь, мистер Бонфорт!

Я обернулся. Этот служака-формалист задержал нас настолько, что нас нагнали репортеры. Один, припав на колени, уже навел стереокамеру:

– Жезл подержите на виду, пожалуйста!

Остальные, с ног до головы увешанные разными репортерскими причиндалами, брали нас с Пенни в кольцо. Кто-то карабкался на крышу «роллса». Кто-то тянул ко мне микрофон, а его напарник издали направлял другой – дистанционный, весьма похожий на винтовку.

Я разозлился, словно прима, чье имя набрали в афише мелкими буквами, однако помнил, что должен делать. Улыбаясь, я пошел медленнее: Бонфорт хорошо знал, что в записи любое движение выглядит быстрее. Я мог позволить себе проверить все в полном соответствии.

– Мистер Бонфорт, почему вы отменили пресс-конференцию?

– Мистер Бонфорт, говорят, вы собираетесь потребовать у Великой Ассамблеи полного имперского гражданства для марсиан – ваши комментарии?

– Мистер Бонфорт, когда собираетесь вынести на голосование вопрос о доверии нынешнему правительству?

Я поднял руку с Жезлом и улыбнулся:

– Спрашивайте по очереди, пожалуйста! Слушаю – первый вопрос?

Они, конечно же, заговорили наперебой; во время шумного спора о приоритете я смог обдумать обстановку, выиграв несколько лишних минут. Тут подоспел Билл Корпсмен:

– Ребята, имейте совесть. У шефа был напряженный день, я сам вам все расскажу.

Я успокоил его:

– Ладно, Билл, у нас есть еще пара минут. Джентльмены, я скоро улетаю, но постараюсь в общих чертах удовлетворить ваше любопытство. Насколько мне известно, нынешнее правительство пока не собирается пересматривать отношений Империи с Марсом. Поскольку я в правительстве никакого поста не занимаю, мое мнение несущественно. Думаю, вам лучше спросить мистера Кирогу. Что касается во тума недоверия – оппозиция не собирается ставить его на голосование до тех пор, пока не будет полностью уверена в успехе, и вам по этому поводу известно столько же, сколько и мне.

Кто-то заметил:

– Не много-то вы этим сказали, вам не кажется?

– А я и не собирался говорить много, – ухмыльнулся я. – Задавайте вопросы, на которые я могу ответить, и я отвечу. Задавайте вопросы вроде: «Перестали ли вы бить вашу жену?» – и мои ответы будут им под стать.

Тут я засомневался: ведь Бонфорт известен своей честностью, особенно по отношению к прессе.

– Но я не собираюсь вас обманывать. Все вы знаете, зачем я сегодня здесь. Давайте я об этом и расскажу, и можете меня потом цитировать, если хотите.

Покопавшись в памяти, я наспех состряпал подходящий винегрет из знакомых мне выступлений Бонфорта.

– Подлинное значение сегодняшнего события не в том, что одному человеку оказана честь. Это, – я помахал марсианским Жезлом, – доказательство того, что две великие расы способны шагнуть через пропасть своей несхожести и понять друг друга. Мы, люди, стремимся к звездам. Однажды мы увидим – да и сейчас уже видим, – что мы далеко не в большинстве. И если хотим добиться успеха в освоении Галактики, то должны вести дела честно, смиренно и с открытой душой. Мне приходилось слышать: марсиане, мол, захватят Землю, дай им только шанс. Чепуха! Нашим марсианским соседям Земля не подходит. Защищайте свою территорию – да, но не позволяйте страху и ненависти толкать вас на глупые поступки. Звезды – не для ничтожеств; и величие человека должно выдержать сравнение с величием Вселенной!

Один из репортеров удивленно задрал бровь:

– Мистер Бонфорт! А вы не то же самое говорили в прошлом феврале?

– И в следующем скажу то же самое. И в январе, и в марте, и во все остальные месяцы. Истины слишком много не бывает! – Обернувшись к охраннику, я прибавил: – Извините, господа, нам пора, иначе опоздаем.

Мы с Пенни проследовали в ворота. Как только мы уселись в небольшую машину с защитным покрытием из свинца, дверцы с пневматическим вздохом захлопнулись, и машина тронулась. Вела ее автоматика, потому я смог наконец расслабиться и стать самим собой.

– Уф!

– По-моему, вы были неподражаемы, – серьезно объявила Пенни.

– А я было перепугался, когда меня поймали на повторе.

– Зато выкрутились отлично! На вас будто вдохновение снизошло – вы говорили точь-в-точь как он!

– А были там такие, кого следовало назвать по имени?

– Не важно. Один, может, два. Но вряд ли они этого ждали – в такой кутерьме.

– Да ну их... Как в мышеловку поймали. Этот охранник с маниакальной тягой к паспортам... Да, Пенни, я почему-то думал, документами занимаетесь вы, а не Дэк.

– Дэк ими не занимается. Каждый носит свои при себе. Она полезла в сумку и извлекла маленькую книжечку:

– Мой – вот, но я решила его не показывать.

– Почему?

– Его паспорт был при нем, когда его похитили. И мы не решались запрашивать дубликат.

На меня вдруг навалилась усталость.

Не получив от Дэка с Роджем руководящих указаний, я продолжал представление и на катере, и при пересадке на борт «Тома Пейна». Сложности это никакой не представляло: я просто-напросто отправился напрямик в собственную каюту и провел долгие, отвратительные часы в невесомости, грызя ногти и гадая, что же творится теперь внизу, на Марсе. С помощью нескольких таблеток от тошноты даже заснуть ненадолго ухитрился – и зря. Тотчас же пошли вереницей какие-то невообразимые кошмары: репортеры тыкали в меня пальцами, фараоны хватали за плечо, а марсиане – целились Жезлами. Все они дружно обзывали меня самозванцем и оспаривали лишь привилегию, кому резать меня на ломти и отправлять в убиетку.

Разбудил меня вой предстартовой сирены. Затем из динамиков загудел густой баритон Дэка:

– Первое и последнее предупреждение! Третий g! Одна минута!

Я подтянулся к своей койке и пристегнулся. Со стартом жить стало куда веселей: третий g – совсем ничего, почти как на поверхности Марса, однако достаточно, чтобы требуха не бунтовала, а пол был настоящим полом.

Минут через пять Дэк постучал и тут же вошел:

– Здравствуйте, шеф.

– Привет, Дэк. Рад, что ты здесь.

– А я-то как рад, – устало ответил он, окинув взглядом мое лежбище. – Можно я тут лягу?

– Конечно!

Дэк, кряхтя, улегся.

– Как же я вымотался! Неделю бы дрых. А может, и дольше.

– Я тоже. А... он на борту?

– Да. Ну это было и мероприятие!

– Догадываюсь. Но в таком маленьком порту подобный трюк проще повернуть, чем в Джефферсоне?

– Ну нет, здесь куда сложнее.

– Почему?

– Здесь все всех знают и языком чесать любят. – Дэк криво усмехнулся. – Мы выдали его за груз креветок из Канады, свежемороженых. Даже пошлину за вывоз заплатили.

– И как он?

– Ну, – Дэк сдвинул брови, – док Чапек сказал, придет в форму. Это только вопрос времени...

С яростью он добавил:

– Попадись они мне в руки! Просто выть хочется, когда видишь, что они с ним сделали! А мы – ради него же самого – вынуждены спустить им это с рук.

Дэк, похоже, и впрямь готов был взвыть. Я мягко сказал:

– Со слов Пенни, я понял, что с ним грубо обошлись. Сильно его отделали?

– А?! Да нет, там другое. Помимо того, что он был грязен и не брит, физически он не пострадал.

Я тупо глядел на него:

– Я думал, его избили. Чем-нибудь вроде бейсбольной биты.

– Да лучше б уж избили! Велика важность – несколько сломанных костей! Нет, им понадобился его мозг!

– Ой. – Мне вдруг стало худо. – Промывка мозгов?!

– Да. То есть и да, и нет. Политических секретов они из него не выколачивали – у него таких просто не водится, он всегда в открытую действует. Наверное, это сделали, просто чтобы держать его под контролем, не позволить ему сбежать. – Дэк помолчал. – Док полагает, они каждый день вводили ему минимальную дозу – только-только чтобы приструнить, и так до самого последнего момента. А перед тем, как отпустить, вкатили столько, что хватило бы слона идиотом сделать. Его лобные доли пропитаны этой дрянью как губка.

Мне вдруг стало так дурно – даже порадовался, что не успел пообедать. Читал я кое-что о таких штуках. С тех пор их ненавижу! Вмешательство в человеческую личность – действие, на мой взгляд, просто сверхунизительное и аморальное. Убийство рядом с ним естественно и чисто – так, простительный грешок. А выражение «промывка мозгов» пришло к нам из времен движения коммунистов – это конец Смутных Веков. Тогда она применялась, чтобы сломить волю человека и изменить его личность – через изощренные пытки и телесные унижения. Однако возни выходило на месяцы; позже разработали более «продуктивный» метод. С его помощью человек становился рабом в считанные секунды – всего-то одна инъекция любой производной кокаина в лобные доли мозга.

Вначале эту мерзость применяли в психиатрии – буйный пациент становился контактным и мог быть подвергнут психотерапии. Тогда это было бесспорной гуманизацией лечения, поскольку позволяло обходиться без лоботомии. Слово «лоботомия» нынче такое же устаревшее, что и «пояс целомудрия», оно означало залезть человеку в голову скальпелем и убить личность, не убивая тело. Да, это правда делали – как чуть раньше били сумасшедших, чтобы «изгнать дьявола».

Коммунисты довели технологию промывки мозгов с применением наркотиков до совершенства. А когда не стало коммунистов, банды Братьев подняли ее на новый уровень.

Они могли мизерными дозами добиться от человека подчинения, а могли и накачать его до состояния бесчувственной протоплазмы. И все это во имя Братства! А то какое же, в самом деле, братство, если человек желает что-то скрыть? И как же лучше всего убедиться в его искренности? Конечно, загнать упряму иглу за глазное яблоко и впрыснуть ему пару миллиграммчиков в мозг. «Не разбив яиц, не сделаешь омлет» – софистика негодяев!

Конечно, все это давным-давно запрещено законом. Разве что в качестве лечения, да и то с разрешения суда. Но уголовники промывкой мозгов пользуются частенько, да и полиция забывает на время про закон. Все же единственный способ вытянуть из подследственного показания, и следов не остается. Можно даже приказать жертве забыть все, что с ней проделывали.

Так что о промывке мозгов я знал и без Дэка, а чего не знал – вычитал в «Батавской энциклопедии» из корабельной библиотеки. Смотри статью «Психическая интеграция личности», а также «Пытки».

Я замотал головой, стараясь отогнать от себя этот кошмар.

– Но оправиться-то он сможет?

– Док говорит, наркотик не меняет структуру мозга, только парализует. Значит, кровь его постепенно из мозга вымывает, а почки – выводят из организма. Но на все это требуется время. – Дэк взглянул на меня. – Шеф?

– Что? Ведь он вернулся! Не пора ли кончать с этими «шефами»?

– Об этом я и хочу потолковать. Очень ли трудно будет потянуть с перевоплощением еще самую малость?

– Да зачем? И перед кем? Тут вроде все свои...

– Не совсем так. Лоренцо, нам удалось сохранить секрет. Знаем только я да ты, – Дэк загнул два пальца, – да Родж с Биллом, да Пенни, да еще доктор. И еще одного ты не знаешь, он на Земле, его зовут Лэнгстон. Джимми Вашингтон, кажется, подозревает, но он родной матери не скажет,

который час. Неизвестно, сколько народу участвовало в похищении, но уж точно – немного. И они, во всяком случае, болтать не станут. А самое смешное, они теперь при всем желании не докажут, что он вообще был у них в руках. Я хочу сказать: здесь, на «Томми», команда и посторонние ничего знать не должны. Старичок, поиграй еще малость, а? Всех дел-то: показаться иногда команде да девчонкам Джимми Вашингтона! Только пока он не поправится. Ну как?

– Мм... А почему бы нет... Это надолго?

– До конца рейса! Мы потихоньку пойдем, на малой тяге. Тебе понравится!

– Ладно. И знаешь, Дэк, не надо мне этого оплачивать. Последнее действие я сыграю просто потому, что ненавижу промывку мозгов.

Дэк вскочил и от души хлопнул меня по плечу:

– Лоренцо! Ты наш человек! И не беспокойся за гонорар – в обиде не останешься! – И добавил совершенно другим тоном: – Хорошо, шеф. Спокойной ночи, сэр.

Но одно всегда тянет за собой другое. То ускорение, которое началось после возвращения Дэка, лишь перевело нас на более высокую орбиту, куда не могли добраться репортеры, даже если бы они в погоне за новостями вознамерились преследовать нас на катере. Поэтому проснулся я в невесомости, однако, проглотив таблетку, ухитрился с горем пополам позавтракать. Вскоре появилась Пенни:

– С добрым утром, мистер Бонфорт!

– Доброе утро, Пенни. – Я кивнул в сторону гостевой комнаты. – Есть новости?

– Нет, сэр, все по-старому. Капитан шлет привет и спрашивает, не затруднит ли вас зайти к нему в каюту.

– Хорошо.

Пенни меня проводила. Дэк восседал в кресле, которое обхватил ногами, чтобы не взлететь. Родж и Билл сидели, пристегнувшись к кушетке. Дэк, оглянувшись, сказал:

– Спасибо, что пришли, шеф. Нужна ваша помощь.

– С добрым утром. Что случилось?

Клифтон ответил на приветствие в обычной своей почтительно-вежливой манере; Корпсмен небрежно кивнул. Дэк продолжал:

– Чтобы выпутаться из этой истории, вам надо еще раз показаться на публике.

– Что? Но я думал...

– Минутку. Оказывается, службы новостей ждали от вас сегодня генеральной речи – ну, комментарии ко вчерашнему. Я думал, Родж ее отменит, но Билл уже все написал. Дело только за вами. Как?

Ну вот. Стоит приютить кошку – у нее тут же появляются котята!

– А где – в Годдард-Сити?

– Нет, нет! Прямо у вас в каюте. Мы ее транслируем на Фобос, а они – на Марс и по правительственной связи в Новую Батавию, там подхватит земная сеть и передаст на Венеру, Ганимед и дальше. Так, часа за четыре, ваша речь облетит всю Систему, а вам и шагу из каюты сделать не придется.

Есть что-то очень соблазнительное в большой сети. Меня транслировали на всю Систему только один раз, да и тогда сократили так, что мое лицо показывали всего двадцать семь секунд. Но получить ее всю в свое безраздельное распоряжение...

Дэк, решив, что я собираюсь отказать, добавил:

– Можно не волноваться, у нас есть все оборудование, чтобы сделать запись тут же, на борту, просмотреть и выкинуть, что будет не нужно.

– Ну ладно. Билл, текст у вас?

– Ну да.

– Дайте-ка посмотреть.

– На что тебе? Придет время – дам!

– У вас что, нет его?

– Говорят же, есть.

– Тогда позвольте посмотреть.

Корпсмен разгневался:

– Посмотришь за час до записи! Такие штуки лучше идут, когда читаешь без подготовки, экспромтом, ясно?

– Эти «экспромты» требуют тщательной подготовки, Билл. И прошу не учить меня моему ремеслу!

– Вчера на космодроме у тебя все хорошо прошло без всякой репетиции. Тут у тебя задача точно та же, и я хочу, чтобы ты сделал то же самое.

Чем больше Корпсмен упирался, тем сильнее проступала во мне личность Бонфорта. Похоже, Клифтон почуял надвигающуюся грозу, потому что сказал:

– Ох, Билл, кончай ты, ради бога! Дай ему текст.

Корпсмен недовольно хрюкнул и бросил мне листы. В невесомости они не могли упасть на пол, зато разлетелись по всей каюте. Пенни собрала их, сложила по порядку и подала мне. Я поблагодарил и начал читать.

Текст я просмотрел быстро и оглядел собравшихся.

– Ну как? – спросил Родж.

– Минут на пять об усыновлении, остальное – аргументы в пользу политики экспансионистов... Почти то же самое, что в речах, которые я заучивал.

– Верно, – согласился Клифтон. – Усыновление – стержень, на котором держится все остальное. Вы, вероятно, в курсе – мы надеемся скоро поставить на голосование вопрос о доверии правительству.

– Ясно, и не хотите упустить случая ударить в барабан. В общем, все в порядке, но...

– Что? Что-нибудь не так?

– Э-э-э... Стил. В нескольких местах кое-какие слова нужно заменить. Он так не сказал бы.

У Корпсмена сорвалось с языка нечто такое, что в присутствии дамы говорить было вовсе не обязательно. Я холодно взглянул на него.

– Слушай, Смайт, – завопил он, – кто лучше знает, что сказал бы Бонфорт? Ты? Или тот, кто уже битых четыре года пишет ему речи?

Я старался держать себя в руках. Отчасти Корпсмен был прав.

– И тем не менее, – отвечал я, – то, что хорошо выглядит на бумаге, не всегда хорошо прозвучит. Мистер Бонфорт, как я понял, великолепный оратор. Его смело можно сравнить с Уэбстером, Черчиллем и Демосфеном – людьми, облакавшими великое в простые слова. А взять хоть это ваше «не согласные ни на какой разумный компромисс»! Оно здесь дважды встречается. Я мог бы так выразиться, у меня вообще слабость к пышным оборотам, да и образованность свою я не прочь показать. Но мистер Бонфорт сказал бы: «тупицы», или «упрямые ослы», или «твердолобые бараны» !.. Потому что эти слова гораздо эмоциональнее!

– Думай лучше, как подать речь, а слова – моя забота.

– Билл, ты не понимаешь. Мне плевать, насколько политически эффективна эта речь, мое дело – перевоплощение. И я не могу говорить за него то, чего он в жизни не сказал бы! Иначе все будет звучать искусственно и фальшиво – вроде козла, говорящего по-гречески! Но если я прочту речь в его выражениях – нужный эффект получится автоматически! Он – великий оратор!

– Слушай, Смайти, тебя не речи писать нанимали. Тебя наняли...

– Билл, завязывай! – прервал его Дэк. – И осторожней бросайся этими «Смайтами», понял? Родж, что скажешь?

– Насколько я понял, – сказал Клифтон, – вы, шеф, возражаете лишь против некоторых выражений?

– В общем, да. Неплохо бы еще выкинуть личные выпады в адрес мистера Кирогги и все намеки на тех, кто ему платит. Тоже как-то не в духе Бонфорта, по-моему.

Клифтон смутился:

– Этот кусок я сам вставил, но вы, кажется, правы. Он всегда оставляет слушателям возможность пошевелить мозгами. – Клифтон немного помолчал. – Хорошо. Внесите все изменения, какие сочтете нужными. После мы сделаем запись и посмотрим, а если что будет не так, поправим. Или

вообще отменим «по техническим причинам». – Он мрачно усмехнулся. – Да, Билл, так и сделаем.

– Черт, да вы смеетесь все, что ли?!

– Отнюдь нет, Билл. Именно так и будет.

Корпсмен вскочил и пулей вылетел из каюты. Клифтон со вздохом сказал:

– Билл терпеть не может замечаний и выслушивать их готов только от шефа. Но вы не думайте, он вовсе не бездарь. Да, шеф, когда вы будете готовы? Передача начнется ровно в шестнадцать ноль-ноль.

– Не знаю точно. Во всяком случае, к сроку.

Пенни отбуксировала меня обратно в кабинет. Когда дверь за нами затворилась, я сказал:

– Пенни, детка, ты мне пока не понадобится – около часа, наверное. Если не трудно, попроси у дока чего-нибудь посильней этих пилуль. Похоже, мне нечто в этом роде скоро пригодится.

– Хорошо, сэр.

Она проплыла к двери:

– Шеф...

– Что, Пенни?

– Я только хотела сказать... Билл врет, будто писал за него речи! Вы не верьте!

– Ну конечно, Пенни. Ведь я слышал его речи. И читал Биллово творчество.

– Понимаете, Билл действительно частенько составлял за него черновики, да и Родж тоже. Даже я иногда. Он использовал чьи угодно идеи, если считал их стоящими, но, когда выступал с речью, все было его собственным, до последнего слова, правда!

– Я и не сомневаюсь, Пенни... Но жаль, сегодняшнюю речь он не написал загодя.

– Ничего, вы только постарайтесь!

Так я и сделал. Начал с простой подстановки синонимов – латинские «скуловороты» заменил округлыми, скачущими легче мячика германизмами, но постепенно пришел

в ярость и разодрал речь в клочья. Любимейшая забава всякого актера – лепить по своему усмотрению добавки и импровизировать вокруг основной линии. Однако как редко это удается!

Из публики я допустил в зал лишь Пенни и убедил Дэка, что ни одна живая душа не должна меня подслушивать. Хотя есть у меня подозрения, что этот здоровый обормот надул меня и подслушивал сам. Уже на третьей минуте Пенни прослезилась, а под конец (я уложился ровно в отпущенные двадцать восемь минут) она совсем раскисла. Я ни на шаг не отклонился от четкой и стройной доктрины экспансионизма, какой она была возведена своим официальным пророком – Досточтимым Джоном Джозефом Бонфортом; я лишь воссоздал его посыл и манеру, главным образом по фразам из предыдущих речей. И что занятно – сам свято верил каждому своему слову!

Да, братцы, вот это была речь!

Чуть позже все собрались послушать и посмотреть меня в записи. Пришел и Джимми Вашингтон, чье

присутствие укротило Билла Корпсмена. Стереозапись кончилась, и я спросил:

– Ну как, Родж? Будем что-нибудь вырезать?

Вынув изо рта сигару, Клифтон ответил:

– Нет. Если хотите знать мое мнение, шеф, ее нужно пустить в эфир как есть.

Корпсмен покинул каюту молча, но мистер Вашингтон приблизился ко мне со слезами на глазах. Слезы в невесомости – вещь весьма неприятная, они не стекают вниз.

– Мистер Бонфорт, вы были великолепны!

– Благодарю, Джимми.

А Пенни и вовсе онемела.

Что до меня самого – я отключился сразу же после просмотра. Первоклассный спектакль всегда выматывает до предела. Проспал я больше восьми часов – разбудил меня вой сирены. Засыпая, я пристегнулся к кровати – терпеть не могу болтаться во сне по всей спальне – и теперь мог не беспокоиться. Однако, куда мы собираемся, я не знал и поспешил связаться с рубкой между первым и вторым предупреждением.

– Капитан Бродбент, это вы?

– Минуту, сэр, – ответил Эпштейн.

Затем подошел Дэк:

– Слушаю, шеф? Отправляемся согласно вашему распоряжению.

– Какому... А, ну да, верно.

– Думаю, сэр, мистер Клифтон к вам вскоре подойдет.

– Хорошо, капитан.

Я улегся обратно и принялся ждать разъяснений. Немедленно после пуска двигателей вошел Родж, судя по всему, очень встревоженный. По лицу его я ничего не мог понять – оно в равной мере выражало триумф, беспокойство и растерянность.

– Что стряслось, Родж?

– Шеф! Они спутали нам все карты! Правительство Ки-роги ушло в отставку!

Я, как обычно, спросонья был туп непрошибаемо. Помотав головой, чтобы окончательно проснуться, я спросил:

– А что вам не нравится? Вы же сами к этому и вели, если не ошибаюсь?

– Так-то оно так. Но все же...

Он не договорил.

– Что «все же»? Никак вас не пойму! Столько лет добивались этого всеми правда и неправдами и вот наконец победили, а теперь корчите из себя невесту, которую в спальне вдруг одолели сомнения. Почему? Бяки сбежали несолоно хлебавши, добро одержало верх. Или я настолько глуп...

– Н-ну... До сего времени вы политикой не интересовались...

– Это уж точно. С тех самых пор, как получил трепку, вознамерившись стать начальником скаутского патруля. Она на всю жизнь излечила меня от интереса к политике.

– Так вот, видите ли, каждому овощу – свое время.

– Это мне и отец всегда говорил. Слушайте, Родж, а если б вы могли выбирать – что, оставили бы Кирогу на месте? Вы сказали, он спутал вам все карты.

– Сейчас объясню, не торопитесь. Да, мы хотели поставить на голосование вотум недоверия правительству и вынудить его уйти в отставку, что означало бы внеочередные выборы. Но не раньше, чем будем уверены, что победим на выборах.

– Ясно. А сейчас вы не уверены, что победите? Думаете, Кирогу изберут еще на пять лет? А если не его, так кого другого из Партии Человечества?

Клифтон задумался.

– Похоже, нет. Перевес в нашу сторону.

– Тогда, может, я еще сплю? Вы что, не хотите победы?

– Хотим, конечно. Но разве вы не понимаете, что значит для нас эта отставка?

– Не понимаю.

– Правительство имеет право в любой момент назначить всеобщие выборы. Обычно оно делает это в самый благоприятный для себя момент. Но никто не подает в отставку перед выборами, кроме как по принуждению. Теперь понимаете?

Действительно, чудно они поступили, хоть я в политике и не разбираюсь.

– Да, странно.

– В данном случае правительство Кирогги объявило всеобщие выборы, а затем в полном составе ушло с арены, оставив Империю в состоянии безвластия. Значит, император должен призвать кого-то для формирования временного правительства. Следуя букве закона, призвать можно любого члена Великой Ассамблеи, но на деле у императора выбора нет. Когда кабинет министров не просто жонглирует портфелями, а в полном составе подает в отставку, император просит лидера официальной оппозиции создать временное правительство. Система такая настоятельно необходима, она не позволяет бросаться отставками по поводу и без повода. В прошлом пробовали другие методы, и правительства порой менялись чаще нижнего белья. Однако существующий порядок вынуждает правительство отвечать за свои поступки.

Я так добросовестно старался вникнуть в высший смысл происходящего, что едва не пропустил его следующее замечание:

– Так что, естественно, теперь император призвал мистера Бонфорта в Новую Батавию.

– Что? В Новую Батавию?! Здорово!

Я вспомнил вдруг, что ни разу не видел столицы Империи. То есть на Луне однажды был, но превратности профессии не оставили на экскурсию по столице ни денег, ни времени.

– Так вот куда мы стартовали! Что ж, я не против. Вы же найдете возможность забросить меня домой, если «Томми» не собирается в ближайшее время на Землю?

– А, господи ты боже мой, мне бы ваши проблемы! Когда понадобится, капитан Бродбент найдет тысячу таких возможностей!

– Да, простите, я и забыл – у вас сейчас дела поважнее, Родж. Конечно, теперь, когда работа закончена, мне бы хотелось поскорее вернуться домой, но несколько дней или даже месяц на Луне ничего не изменят. Надо мной пока не каплет! Спасибо, что выбрали время поболтать о новостях...
– Я посмотрел на него. – Родж, на вас лица нет. В чем дело?

– Но говорят же вам! Император призвал мистера Бонфорта. Император, не кто-нибудь! А мистер Бонфорт на люди сейчас показаться не способен. Они, конечно, рисковали, делая этот ход, зато теперь мы в ловушке, и, похоже, нам мат.

– Погодите. Успокойтесь, пожалуйста. Понимаю, к чему вы клоните, но, дружище, мы же еще не в Новой Батавии! До нее еще миллионы миль – сто, двести миллионов, а может, и больше. Док Чапек успеет помочь ему выкрутиться, и он еще сыграет свою роль! Разве нет?

– Ну, мы на это надеемся...

– А что, есть сомнения?

– Есть. Чапек сказал, о такой слоновьей дозировке нет клинических данных. Все зависит от индивидуального химизма и от того, какой именно наркотик был введен.

Вдруг вспомнилось, как актер из второго состава, метивший на мою роль, подсыпал мне мощное слабительное прямо перед спектаклем. Я, конечно, доиграл до конца, что еще раз подтверждает превосходство разума над материей, а потом добился, чтобы эту сволочь уволили.

– Родж, сдается мне, они не из простого садизма вогнали ему ту последнюю дозу? Похоже, они знали, что делают!

– Похоже. И Чапек думает так же.

– Но в таком случае... Выходит, за похитителями стоит сам Кирога? Империей управлял гангстер?

Родж покачал головой:

– Совсем не обязательно. И даже маловероятно. Но похоже, что и «Людей Дела», и Партию Человечества контролируют одни и те же лица. И можно не сомневаться, что притянуть их к ответу не удастся. Они сверххреспектабельны и ни к чему формально не причастны. Тем не менее они командовали Кирогe: «Умри!» – а он брякнулся на спину и засучил лапками... – Родж замолчал на минуту. – И скорее всего, ему даже не намекнули, почему именно сейчас.

– Вот скотство! Вы хотите сказать, что главный человек в Империи собрал манатки и ушел, потому что кто-то из-за кулис отдал приказ?

– Именно так я и думаю.

Я потряс головой:

– Ну и грязная же игра – политика!

– Нет, – твердо возразил Клифтон. – Нет такого понятия «грязная игра». Просто вам попались игроки, нечистые на руку.

– А какая разница?

– Космическая! Кирогe никогда выше третьего сорта не подняться, и потому он попал в марионетки к негодьям. А вот Джон Джозеф Бонфорт – это личность. Он никогда ни от кого не зависел. Как последователь он верил в общее дело, как лидер действовал искренне!

– Виноват, – смутился я. – Так что мы собираемся делать? Дэк ведь умерит свою прыть, и «Томми» не придет в Новую Батавию раньше, чем он станет на ноги?

– Нельзя тянуть. Конечно, ускоряться больше одного g нужды нет – никто не ожидает, что человек в его возрасте станет слишком уж перегружать сердце. Но и мешкать не следует. Если император призывает, являться следует вовремя.

– И что потом?

Родж молча смотрел на меня. Это уже начинало раздражать.

– Родж, только не надо! Меня ваши дела больше не касаются. Разве что до конца полета еще поиграю. Грязная там

игра, чистая – все одно не моя! Был уговор. Я получаю гонорар – и домой. И там даже близко к избирательному участку не подойду!

– Скорее всего, вам ничего делать и не придется. Доктор Чапек почти наверняка успеет подлечить мистера Бонфорта. А если и нет, все совсем не так страшно. Обряд усыновления был куда сложнее, а тут всего-то аудиенция у императора и...

– У императора?!

Я почти закричал. Как и большинство американцев, я монархии не понимаю и в душе не одобряю... но испытываю тайное благоговение перед королями. В конце концов мы, американцы, вошли в Империю с черного хода. Когда подписали договор об ассоциированном статусе, дающем нам право голоса в имперских делах, там было оговорено, что наши органы власти, Конституция и все остальное не изменятся. Также существует негласная договоренность, что члены императорской фамилии не станут ездить с визитами в Америку. Может, это плохо. Может, сложись все иначе, мы бы не так робели перед коронованными особами... Во всяком случае, «демократичные» американки шибче остальных хлопочут о представлении ко двору.

– Да вы не беспокойтесь, – заверил Родж. – Скорее всего, вам ничего делать не придется. Просто мы должны быть готовы к любому повороту событий. Я что хочу вам сказать – временное правительство не проблема. Законов оно не принимает и в политике погоды не делает. Тут я все сам организую. От вас может потребоваться лишь официальная аудиенция у короля Виллема, да еще, наверное, пара пресс-конференций. Мы их заранее подготовим. Но это зависит от того, как скоро он станет на ноги. Да вы и не через такое прошли – а если и не понадобится, все равно гонорар останется за вами.

– Дело не в гонораре, черт возьми! Дело... ну, говоря словами прославленного персонажа театральной истории: «Прошу меня развключить».

Прежде чем Родж успел ответить, без стука ворвался Билл Корпсмен. Оглядев нас, он бесцеремонно осведомился:

– Ну что, Родж, сказал ему?

– Сказал, – ответил Клифтон, – но он не согласен.

– А?! Вздор!

– Нет, не вздор, – ответил я. – И кстати, Билл. Дверь, в которую ты только что влетел, дает тебе прекрасную возможность постучать. У актеров есть такой обычай: постучать и спросить: «Можно?» Не слыхал? Жаль.

– Ты мне мозги не пудри, нет времени болтать! Что за треп там с твоим отказом?

– Это не треп. На такую работу я не подписывался.

– Чепуха! Может, ты, Смайт, по тупости не въезжаешь, но ты слишком крепко влип. И всякий там лепет – не могу да не хочу – не полезен для твоего здоровья.

Я шагнул к нему и сжал его запястье:

– Это что, угроза?! Так может, выйдем наружу, разберемся, а?

Он вырвал руку:

– С корабля? Ты что, правда debil? Неужели до тебя еще не дошло, что ты сам эту кашу и заварил?

– В каком смысле?

– Он имеет в виду, – объяснил Клифтон, – что бегство Кироги, возможно, вызвано вашей вчерашней речью. Может, он даже прав. Однако это к делу не относится. Билл, постарайся быть вежливее, прошу тебя. Мы здесь не для того, чтобы ругаться.

Я был так поражен допущением, что моя речь заставила Кирогу уйти в отставку, что даже забыл о намерении пересчитать Корпсмену зубы. Они это серьезно? Нет, речь даже мне самому понравилась, но такое!..

Если это правда, я действительно гений!

– Билл, – недоуменно спросил я, – тебя не устраивает слишком сильный эффект от моей речи, так?

– А? Черта с два! Не речь, а не пойми что!

– Нет уж, что-нибудь одно. Ты говоришь, что мое «не пойми что» вынудило Партию Человечества полностью сдать позиции. Ты это имел в виду?

Раздосадованный Корпсмен собрался было ответить, но вовремя заметил, что Клифтон прячет улыбку. Он оскалится, снова открыл рот, потом пожал плечами и почти спокойно сказал:

– Ну ладно-ладно, умник. В точку попал. Твоя речь не имеет никакого отношения к отставке Кироги. Тем не менее у нас куча работы. И что это за разговоры, будто ты не хочешь исполнять свою долю обязанностей?

Я возмущенно уставился на него, однако сдержался: вновь сказалась личность Бонфорта. Играя роль человека уравновешенного, сам становишься уравновешенным.

– Билл, ты опять на два стула усесться хочешь! Все это время ты ясно давал понять, что меня наняли. Я контракт отработал и никому ничего больше не должен. Нанять меня снова без моего согласия нельзя. А я согласия не дам.

Он хотел вставить слово, но я перебил:

– Все. Можешь идти. Не желаю тебя больше видеть.

Он был поражен:

– Да ты... Ты здесь никто и звать тебя никак! Какого черта ты тут раскомандовался?

– Верно. Я здесь никто. Но это – моя личная каюта, мне предоставил ее капитан. И ты отсюда сейчас выйдешь – или вылетишь. Манеры твои мне не по вкусу.

– Так будет лучше, Билл, поверь, – мягко добавил Клифтон. – Помимо всего прочего, это действительно его каюта. В настоящее время. Так что предпочтительнее тебе удалиться. – Он помолчал и добавил: – Точнее, нам обоим. Похоже, дело наше – табак. Вы позволите, шеф?

– Пожалуйста.

Я сел и задумался. Жаль, что Корпсмену удалось спровоцировать перепалку, – не стоит он того. Но по зрелом размышлении я убедился: отказ мой никак не связан с неприязнью к Корпсмену – я все решил еще до его прихода.

Раздался резкий стук в дверь.

– Кто?

– Капитан Бродбент, сэр.

– Заходи, Дэк.

Дэк вошел, уселся в кресло и несколько минут молчал, только кусал заусенцы на пальцах. Наконец он поднял глаза и произнес:

– Передумаешь ли ты, если я этого зануду упеку в карцер?

– А? У тебя тут и карцер есть?

– Нет. Но долго ли соорудить?

Я в упор посмотрел на него, пытаюсь понять, что за мысли роятся под этой круглой черепушкой.

– Ты действительно засадил бы Корпсмена в карцер, если б я попросил?

Он поднял взгляд, изогнул бровь и ухмыльнулся:

– Нет. Кто пользуется такими методами, тот не капитан. Даже по его приказу я бы ничего подобного не сделал. – Дэк мотнул головой в сторону каюты Бонфорта. – Некоторые вещи человек должен решать сам.

– Верно.

– Я слышал, ты для себя уже все решил...

– Тоже, верно.

– Ясно. Знаешь, старина, я пришел сказать: я тебя уважаю. С первого взгляда подумал – пустой щеголь и позер. Пустышка... Я ошибся.

– Спасибо, Дэк.

– Не хочу тебя уговаривать, только скажи: может, стоит еще какие-нибудь условия обсудить? Ты все хорошо обдумал?

– Да, Дэк, я точно знаю, чего хочу. Это точно не мое.

– Что ж, может, ты и прав. Извини. Кажется, надежда у нас одна: может, шеф успеет прийти в себя к сроку. – Он поднялся. – Кстати, Пенни тебя хотела повидать. Если, конечно, ты не сию минуту собираешься нас покинуть.

Я рассмеялся, хоть и не до смеха было:

– Просто «кстати», а? Ты уверен, что соблюдаешь очередность? Я-то думал, сейчас улаживать меня придет док Чапек...

– Он уступил даме – слишком занят мистером Бонфортом. Впрочем, док просил кое-что передать.

– Что же?

– Сказал: может, мол, идти к черту в пекло. Он, конечно, гораздо заковыристее загнул, но смысл в общем таков.

– Да? Ну так передай, что я займу там для него местечко поближе к огоньку.

– Так можно Пенни придет?

– Конечно. Только предупреди ее, что ответом все равно будет «нет».

Все-таки решение я изменил. Черт побери, отчего доводы кажутся куда более логичными, если их подкрепляет аромат «Вожделения джунглей»? Нет, Пенни не пользовалась недозволенными приемами, даже не плакала, да и я себе ничего лишнего не позволял. Просто я соглашался с ее доводами, а вдруг оказалось, что спорить больше не о чем. Пенни – из тех людей, что считают себя в ответе за весь мир; такая искренность не может не убеждать.

Мое обучение по дороге на Марс показалось мне теперь детской забавой. Ролью я уже в основном овладел и, пока корабль шел к Новой Батавии, трудился до седьмого пота. Нужно было восполнить пробелы в знаниях и подготовиться играть Бонфорта в любой обстановке. На императорских приемах в Новой Батавии можно столкнуться с сотнями и даже тысячами людей. Родж собирался по возможности оградить меня от незапланированных встреч (их придется избегать любому известному человеку), но публичная фигура есть публичная фигура, без этого политику не обойтись.

Подобные танцы на канате делало возможными лишь фарли-досье Бонфорта – похоже, лучшее из когда-либо создававшихся. Фарли был помощником президента в

двадцатом веке, Эйзенхауэра, если не ошибаюсь. Разработанный им способ личного общения политиков с целой кучей народу был так же революционен, как изобретение немцами штабного командования. Но я ни о чем таком даже не слыхал, пока Пенни не продемонстрировала мне фарли-досье Бонфорта.

Это было просто досье на людей. Впрочем, в искусстве политики и нет ничего, кроме людей. И оно содержало сведения о каждом или почти каждом из тех тысяч и тысяч, с которыми Бонфорт лично встречался на своем долгом пути наверх. В каждом отдельном досье было аккуратно уложено все, что Бонфорт узнал о человеке из личного общения. Абсолютно все – любая мелочь, ведь как раз мелочи жизни мы ценим больше всего. Имена и ласковые прозвища жен, детей, домашней живности; увлечения, гастрономические пристрастия, убеждения, странности. Затем обязательно следовала дата, место встречи и заметки о всех последующих встречах и разговорах Бонфорта с данным лицом.

Если имелось фото, прилагалось и оно. Иногда присутствовала «закадровая» информация – не та, которую узнал сам Бонфорт, а та, которую для него собрали. Это зависело от политической значимости данного лица. Порой это были официальные биографии длиной в тысячи слов.

Бонфорт и Пенни всегда носили с собой мини-диктофоны, работавшие от тепла тела. Как только представлялась возможность, он надиктовывал впечатления на пленку – в комнатах отдыха, по дороге: всюду, где оставался один. Если с ним была Пенни, записывали на ее диктофон, вмонтированный в корпус наручных часов. Пенни не успевала бы расшифровывать и микрофильмировать все – этой работой были загружены две девицы Джимми Вашингтона.

Когда Пенни показала мне фарли-досье в полном объеме (а объем был и вправду внушительный, хотя на одну кассету помещалось больше десяти тысяч слов) и сказала, что все это сведения о знакомых мистера Бонфорта, я застонал. Вернее, издал нечто среднее между стоном и воплем.

– Господи помилуй, малыш! Я же говорил, что такая работа – не для человека! Ведь жизни не хватит все это запомнить!

– Конечно не хватит!

– Но ты же только что сказала: все это друзья и знакомые мистера Бонфорта!

– Не совсем. Я говорила: это то, что он хотел бы о них помнить. Хранилище нужно именно потому, что запомнить все невозможно. Не беспокойтесь, шеф, вам вообще не придется ничего запоминать. Я просто хотела показать вам, насколько полезно фарли-досье. Моя работа – следить за тем, чтобы у него перед встречей с кем-либо оставалась пара минут на просмотр досье. Будет нужно – я и вам подберу что требуется.

Пенни наугад выбрала кассету и вставила ее в проектор. Досье содержало сведения о некоем мистере Сондерсе из Претории, Южная Африка. Бульдог по кличке Снаффлз Буллибой; несколько неинтересных разновеликих отпрысков, в виски с содовой кладет дольку лайма.

– Пенни, ты хочешь сказать, мистер Бонфорт притворяется, будто помнит подобные мелочи? По-моему, слишком уж похоже на надувательство.

Вместо достойного отпора святотатцу последовал кивок:

– Я раньше тоже так думала. Но, шеф, посмотрите на это несколько иначе. Вы когда-нибудь записывали телефоны своих друзей?

– Ну конечно!

– Разве это надувательство? Разве они так мало заботят вас, что вы не в состоянии запомнить их номера? Может, вы извиняетесь перед ними за это?

– Ох, ладно-ладно! Сдаюсь. Убедила.

– Он рад был бы все это помнить, если б мог. А раз уж не может, фарли-досье – не большее надувательство, чем запись в блокноте о дне рождения друга. Оно, по сути, и есть гигантский блокнот, в котором записано все. Вот вам

приходилось когда-нибудь встречаться с действительно важными персонами?

Я напряг память. Великих артистов она явно не принимала в расчет – хорошо, если вообще знала, что такие бывают...

– Встречался однажды с президентом Уорфилдом. Мне тогда лет десять или одиннадцать было.

– А подробности помните?

– Ну конечно! Он спросил: «Как тебя угораздило сломать руку, сынок?» Я ответил: «С велика упал, сэр!» – а он сказал: «Я тоже раз так падал, только сломал ключицу».

– А как, по-вашему, если б он был жив – помнил бы ваш разговор?

– Нет, конечно!

– Почему же, вполне мог. Вы могли быть в его фарли-досье. Их и на детей заводят – ведь мальчики растут и становятся мужчинами. Дело в том, что люди такого уровня, как президент Уорфилд, встречаются с огромным количеством народа. Они просто не в силах запомнить всех. Но каждый из этой безликой толпы помнит свою встречу с выдающимся человеком! Во всех подробностях, потому что для любого самая важная персона – он сам. Ни один политик никогда об этом не забывает, и потому необходимо иметь возможность помнить каждого так же подробно. Это всего лишь проявление дружелюбия, вежливости и теплоты, что в политике тоже важно.

Я попросил фарли-досье короля Виллема. Сведения были скудноваты, что меня сперва напугало. Затем я подумал, что Бонфорт мог и не знать Виллема так уж близко, он ведь небось встречался с ним лишь на нескольких официальных приемах. Премьер-министром он был еще при старом императоре – Фредерике. Никаких биографических подробностей не было, лишь приписка: «См. Дом Оранских». Смотреть я не стал – просто некогда было залезать в дебри имперской и доимперской истории; да и в школе у меня по истории была

пятерка. Интерес представляло лишь то, чего об императоре никто не знал, кроме Бонфорта.

Тут меня осенило: фарли-досье наверняка содержит сведения обо всех на борту «Тома Пейна», они ведь (а) люди, (б) с которыми встречался Бонфорт.

Я спросил об этом Пенни. Она слегка удивилась, но затем настала моя очередь удивляться, – оказалось, на борту «Тома Пейна» целых шесть депутатов Великой Ассамблеи! Конечно, Родж Клифтон и сам мистер Бонфорт, но, едва заглянув в досье Дэка, я прочел: «Бродбент, Дарий К. Достопочтенный; депутат ВА от Лиги Вольных Странников, Высшая Палата». Далее указывалось, что он имеет степень доктора философии (физика), девять лет назад выиграл первенство Империи по стрельбе из пистолета, а также опубликовал три тома стихов под псевдонимом Эйси Уилдрайт. После этого я зарекся на будущее судить о людях по внешности.

Еще там присутствовало замечание, небрежно начертанное от руки: «Весьма нравится женщинам – и наоборот».

Пенни и доктор Чапек тоже оказались депутатами и членами Высшей Палаты. Джимми Вашингтон был, как я позже понял, депутатом от «надежного» избирательного округа – он представлял Лапландию со всеми тамошними оленями и, конечно же, Санта-Клаусом. Еще он имел духовный сан – в некоей Первобиблейской Истинной Церкви Святого Духа; я о такой никогда не слышал, но это вполне объясняло его клерикальный облик.

С особым удовольствием я смотрел досье Пенни: «Достопочтенная мисс Пенелопа Таллиаферро Рассел, магистр административного управления (Джорджтаун), бакалавр искусств (Уэлсли)». Почему-то меня это не удивило. Она представляла не закрепленных за конкретными округами университетских дам – как я теперь понимал, еще один «надежный» округ, ведь из них пять против одной – экспансионистки. Дальше шли размер ее перчаток и всего остального, излюбленные цвета (кстати, насчет одежды я мог бы ей кое-что присоветовать), любимые духи («Вожделение

джунглей», конечно) и куча других мелочей самого безобидного свойства. Был и «комментарий»: «Патологически честна; слаба в арифметике; гордится своим чувством юмора, которого начисто лишена; соблюдает диету, но при виде засахаренных вишен тотчас о ней забывает; материнский комплекс ответственности за все сущее; не может удержаться от чтения печатного слова в любой форме».

Ниже – приписка рукой Бонфорта: «Ух, Хохолок! Я же вижу – опять нос суешь!»

Возвращая ей все обратно, я спросил, читала ли Пенни свое досье. Она посоветовала мне не лезть не в свои дела. Потом покраснела и извинилась.

Львиную долю времени отнимали репетиции, а что оставалось, шло на поддержку и уточнение внешности. Я добавил две родинки, кропотливо навел морщинки, сверил оттенок «полупрозрачного» по колориметру и закрепил все электрощеткой. Сложновато потом будет вернуть прежний вид, но надежность грима того стоит. Даже ацетоном не смыть, не говоря уж о всяких там салфетках и носовых платках. Я и шрам на «нужную» ногу нанес, по фото из истории болезни, что мне дал Чапек. Если б у Бонфорта была жена или, скажем, любовница, даже она вряд ли смогла бы наверняка сказать, кто из нас настоящий. Повозиться, конечно, пришлось, зато о гриме можно было больше не заботиться и заниматься другими не менее важными делами.

Почти весь перелет я старался вникнуть в то, о чем думал Бонфорт, во что он верил, – то есть в политику Партии Экспансионистов. Да он, можно сказать, сам был Партией Экспансионистов! Не просто выдающимся ее деятелем, но – основоположником и духовным отцом. Поначалу экспансионизм был не более чем движением «Явное предначертание» – сущим винегретом из самых разноцветных группировок, объединенных лишь пониманием, что новый небесный фронт – главнейший вопрос для будущности человечества. Бонфорт четко определил курс и партийную этику; он

заявил, что флаг Империи должны сопровождать свобода и равноправие, и не уставал твердить, что человечество не должно повторять ошибки европейцев в Азии и Африке.

Но одно меня просто ошарашило: оказывается, на первых порах Партия Экспансионистов больше всего походила на сегодняшнюю Партию Человечества! Я в таких вещах ничего не смыслил; мне и невдомек было, что партии с возрастом меняются зачастую сильнее, чем люди! Правда, краем уха я слышал, что Партия Человечества откололась от Движения Экспансионистов, но никогда над этим не раздумывал. Однако по зрелом размышлении это неизбежно. Те партии, что не смотрели в небо, затерялись со временем в недрах Истории, их кандидатов больше не выбирали, а единственная, шедшая по верному пути, просто обязана была разделиться на две фракции.

Извините, отвлекся. Так вот, мое политическое образование развивалось не так логично. Сперва я просто впитывал публичные высказывания Бонфорта. По дороге на Марс я занимался, по существу, тем же, но тогда я усваивал, как он говорит, а теперь – что.

Бонфорт принадлежал к ораторам классической школы, но в споре отпускал иногда язвительные замечания. Вот, например, выступление в Новом Париже; это когда поднялся гвалт вокруг договора с Гнездами Марса, так называемого Соглашения Тихо. Бонфарту удалось тогда провести его через Великую Ассамблею, но обстановка так обострилась, что вотум доверия был проигран и кресло премьер-министра пришлось освободить. И все равно Кирога не осмелился впоследствии денонсировать договор! Речь ту я слушал с особым интересом – Соглашение Тихо в свое время сильно меня раздражало. Мысль о том, что марсиане должны пользоваться на Земле теми же правами, что и люди на Марсе, была для меня совершеннейшей чушью – до визита в Гнездо Кккаха.

Бонфорт на экране раздраженно гудел:

– Мой почтенный оппонент, возможно, знает, что девиз так называемой Партии Человечества – «Правление людей, людьми и для людей» – не что иное, как бессмертные слова Линкольна, переиначенные для нужд современности. Но хоть голос и остается голосом Авраама – рука оказывается рукой ку-клукс-клана! Ведь истинное значение этого, на первый взгляд невинного, лозунга – «Правление людей, и только людей всеми расами повсюду ради выгоды привилегированной верхушки»... Но, возразит мой почтенный оппонент, сам Бог велел человеку нести по Галактике свет просвещения и осчастливить дикарей благами нашей цивилизации! Это социологическая школа дядюшки Римуса: «Холосый чехномазий петъ спиричуэлс, а старый Масса всех их любить»! Весьма умильная картинка, только жаль – рама маловата! Не уместились в ней ни кнут, ни колодки, ни контора!

Я понял, что становлюсь если и не экспансионистом, то по крайней мере бонфортистом. Не то чтобы он брал логикой – на мой взгляд, как раз логики ему порой недоставало, – просто мое сознание было настроено на восприятие. Я очень хотел понять суть его убежденности и проникнуться его мыслями так, чтобы готовая фраза, едва понадобится, сама слетала с языка.

Без сомнения, Бонфорт четко знает, чего хочет и – что встречается очень редко – почему хочет именно этого. Сей факт невольно производил громадное впечатление и побуждал к анализу собственных убеждений. Во что же я верю и чем живу?

Конечно же, своим делом! Я родился и вырос актером, я любил сцену, я жил в глубоком, хоть и нелогичном убеждении, что искусство стоит затраченных на него усилий. Кроме того, театр – это все, что я знаю и чем могу заработать на жизнь. Но что еще?

Формальные этические учения никогда меня не привлекали. Возможность ознакомиться с ними я имел; публичные библиотеки – отличное место отдыха для безденежного актера. Но вскоре до меня дошло, что все они в смысле витаминных бедны, как тещин поцелуй. Дай любому философу вдоволь бумаги да времени – он тебе что угодно разложит по полочкам и базу подведет.

Ну а моральные наставления, которые преподносят детям, я отроду презирал. Львиная их доля – откровенный треп, а те немногие, что имеют хоть какой-то смысл, сводятся к утверждению священных истин: «хороший» ребенок не мешает маме спать, а «правильный» мужчина должен неустанно пополнять свой лицевой счет и успевать вовремя стереть пушок с рыльца! Благодарю покорно!

Однако даже собачья стая имеет свои правила и обычаи. А я? Чем я руководствуюсь – или хотел бы руководствоваться – в собственной жизни?

«Представление должно продолжаться». В этот принцип я свято верил и всегда ему следовал. Но почему

представление должно продолжаться? Учитывая, что некоторые представления иначе как отвратительными не назовешь. Потому что ты согласился в нем участвовать. Потому что публика заплатила за билеты и теперь вправе требовать того, на что ты способен. Это твой долг перед ней. Перед импресарио, и режиссером, и рабочими сцены, и остальными членами труппы. Перед твоими наставниками, и перед множеством других со времен каменных амфитеатров под открытым небом, и даже перед древними сказителями с базарных площадей. *Noblesse oblige*⁴.

Я решил, что в более общем виде эта заповедь применима к любому ремеслу. Качество за деньги. Строй по отвесу и ватерпасу. Клятва Гиппократа. Не подводи команду. Честная работа за честную плату. Эти принципы не нуждаются в доказательстве и составляют важнейшую часть жизни. Они верны в любую эпоху, везде, вплоть до самых дальних окраин Галактики.

И я осознал вдруг, к чему стремится Бонфорт! Если есть нравственные ценности, не тускнеющие от времени и расстояний, то они истинны и для людей, и для марсиан. И будут истинными на любой планете любой звезды. И если человечество не будет им следовать, то не завоюет звезды, поскольку какая-нибудь более развитая раса накажет его за непорядочность.

Условие экспансии – нравственность. Слабого задави, падающего толкни – слишком узкая философия для необъятной шири Космоса.

Однако Бонфорт вовсе не был сюсюкающим апологетом розовых очков.

– Я не пацифист, – говорил он. – Пацифизм – скользкая доктрина, по которой человек принимает блага социальной группы, но отказывается за них платить и при этом еще требует нимба за свою бесчестность. Господин спикер, жизнь

⁴ Положение обязывает (фр.).

принадлежит тем, кто не боится ее потерять. Этот билль должен пройти!

С этими словами он встал и перешел на другую сторону зала, в знак поддержки военного бюджета, отвергнутого общим собранием его партии.

Или вот:

– Делайте выбор! Всегда делайте выбор! Иногда вы будете ошибаться, но тот, кто боится сделать выбор, не прав всегда! Упаси нас небо от трусливых зайцев, боящихся делать выбор. Встанем, друзья, и пусть нас сосчитают.

Это было закрытое совещание, но Пенни записала все на свой диктофон, а Бонфорт – сохранил. Он здорово чувствовал ответственность перед Историей и хранил записи. И хорошо – иначе с чем бы я сейчас работал?

Я решил, что Бонфорт мне по нутру. Он – такой, каким мне хотелось себя считать. Его личину я мог носить с гордостью.

Насколько помню, я ни минуты не спал с тех пор, как пообещал Пенни прийти на аудиенцию к императору, если Бонфорт не поправится к сроку. Нет, вообще-то, я собирался спать – не дело выходить на сцену с опухшей физиономией, – но потом увлекся работой, а у Бонфорта в столе нашелся большой запас бодрящих таблеток. Просто удивительно, сколько работы можно провернуть, если пахать по двадцать четыре часа в сутки, да еще если никто не мешает – напротив, помогут чем угодно, только попроси.

Но незадолго до посадки в Новой Батавии ко мне вошел док Чапек и сказал:

– Закатайте-ка левый рукав.

– Зачем?

– Затем, что не дело, если вы войдете к императору и рухнете от усталости. После укола проспите до самой посадки, а уж тогда дадим вам стимулирующее.

– А... А он, по-вашему, не сможет?

Доктор Чапек молча ввел мне лекарство. Я хотел было досмотреть очередное выступление, но, похоже, заснул в

следующую же секунду. И, как мне показалось, тут же услышал голос Дэка, настойчиво повторяющий:

– Вставайте, сэр, вставайте, пожалуйста! Мы – на космодроме Липперсгей.

8

Наша Луна полностью лишена атмосферы, поэтому факельщики могут садиться прямо на поверхность. Вообще-то, в случае «Тома Пейна» предполагалось обслуживание исключительно на орбитальных станциях, посадить его можно только в специальную «колыбель». Жалко, я спал и не видел, как Дэк ухитрился это проделать. Говорят, легче поймать яйцо тарелкой. Дэк был одним из полудюжины пилотов, кто на такое способен.

Но мне не удалось даже поглазеть на «Томми» в «колыбели». Все, что я смог увидеть, – внутренность герметичного перехода, который сразу же подвели к нашему шлюзу, да еще пассажирскую капсулу, понесшую нас по туннелю в Новую Батавию. Здесь, при слабом лунном притяжении, капсулы развивают такую скорость, что к середине пути вновь оказываешься в невесомости.

Нас сразу же провели в апартаменты, отведенные лидеру оппозиции. То была официальная резиденция Бонфорта, до тех пор когда (и, если) он снова придет к власти после выборов. Роскошь здешняя меня просто поразила. Интересно, как же тогда выглядит обиталище премьер-министра? Наверное, Новая Батавия – самая великолепная столица в истории. Обидно, конечно, что ее нельзя осмотреть снаружи, зато это единственный город Солнечной системы, которому не страшна термоядерная бомбардировка. Не то чтобы совсем не страшна – кое-что, конечно, пострадало бы, я имею в виду постройки, находящиеся на поверхности.

Апартаменты Бонфорта состояли из верхней гостиной, вырубленной в склоне горы, с выступающей наружу прозрачной полусферой балкона, с которого можно было

любоваться звездами и матушкой-Землей. Отсюда специальный лифт вел вниз, в спальню и кабинеты, надежно укрытые под тысячефутовой толщиной каменного массива.

Осмотреть все как следует я не успел – пора было облачаться для аудиенции. Бонфорт и на Земле никогда не держал камердинера, но Родж навязался мне помогать (вернее – мешать) наводить окончательный блеск. «Облачение» оказалось древней придворной одеждой: бесформенные, трубоподобные штаны, совершенно уж дурацкий пиджак с фалдами, похожими на гвоздодер, – и то и другое черное. В придачу – сорочка: белый пластрон, от крахмала жесткий, будто кираса, воротничок-стойка с загнутыми уголками и белый галстук-бабочка. Сорочка Бонфорта была собрана воедино заранее, ведь услугами камердинера он, как я уже говорил, не пользовался. А вообще-то, каждый предмет полагалось надевать порознь и бабочку завязывать небрежно, чтобы видно было: завязывали руками. Но нельзя же требовать, чтобы человек разбирался в исторической одежде так же хорошо, как в политике!

Да, выглядел костюмчик более чем нелепо, но на его траурном фоне разноцветная диагональ ленты ордена Вильгельмины смотрелась просто великолепно! Надев ее через плечо, я осмотрел себя в большом зеркале и остался доволен. Яркая полоса на черно-белом – весьма впечатляюще. При всем своем уродстве традиционное облачение придавало достоинство и неприступную величественность метрдотеля. Я решил, что вполне гожусь для императорского двора.

Родж передал мне свиток якобы с фамилиями тех, кого «я» рекомендовал в состав нового кабинета министров, а во внутренний карман сунул мне копию отпечатанного списка. Оригинал Джимми Вашингтон передал госсекретарю императора сразу после посадки. Теоретически, на аудиенции император должен был сообщить, что поручает мне формирование кабинета, а я – смиренно представить на его суд

свои соображения. Список кандидатур должен был оставаться в секрете, пока монарх милостиво его не одобрит.

На самом деле все было уже решено. Родж с Биллом почти всю дорогу обдумывали состав правительства и получали согласие каждого кандидата по спецсвязи. Я изучал досье всех рекомендованных, а также альтернативных кандидатур. Впрочем, список был секретным в том смысле, что репортерам его покажут только после аудиенции.

Взяв свиток, я прихватил и Жезл. Родж в ужасе застонал:

– Да вы что, с ума сошли? Нельзя с этим к императору!

– Почему?

– Но... Это же оружие!

– Верно, церемониальное оружие. Родж, да любой герцог и даже самый паршивый баронет будут при шпагах. А я возьму Жезл!

Он замотал головой:

– Тут дело другое. Вы разве незнакомы с этикетом? Их шпаги символизируют обязанность поддерживать и защищать монарха лично и собственным оружием. А вам, как простолюдину, оружие при дворе не положено.

– Нет, Родж. То есть как вы скажете, так и будет, но к чему упускать такой отличный шанс? Спектакль пройдет замечательно, точно вам говорю.

– Э-э-э... Боюсь, что не вижу...

– Так смотрите! На Марсе ведь узнают, что Жезл был со мной? Обитатели Гнезд, я имею в виду?

– Да, наверное. Вернее, точно.

– Именно! У любого Гнезда есть стереовизор – в Гнезде Кккаха, по крайней мере, их было навалом. Ведь марсиане не меньше нашего интересуются имперскими новостями, так?

– Так. Во всяком случае, старейшины.

– И, если я возьму с собой Жезл, они об этом узнают. Если нет – тоже. А для них это важно, поскольку касается приличий. Ни один марсианин не покажется вне стен Гнезда или на какой-нибудь церемонии без Жезла. Да ведь они и

раньше встречались с императором и, даю голову на отсечение, свои Жезлы на аудиенцию брали.

– Но вы же не...

– Вы забываете – теперь я именно марсианин!

Лицо Роджа приобрело слегка осоловевшее выражение. Я продолжал:

– Я теперь не только Джон Джозеф Бонфорт, я Кккахжжжер из Гнезда Кккаха. И, не взяв с собой Жезл Жизни, допущу непростительный промах... Если честно, не знаю даже, что будет, когда об этом станет известно; я еще недостаточно знаком с марсианскими обычаями. А если я беру Жезл, тогда я – марсианский гражданин, который вот-вот станет премьер-министром его величества! Что, по-вашему, скажут на сей счет в Гнездах?

– Кажется, я не продумал как следует этого вопроса, – задумчиво протянул Родж.

– Я тоже лишь сейчас сообразил, как только пришлось решать: брать ли с собой Жезл. Но неужели мистер Бонфорт не обдумал этого еще до усыновления?! Родж, мы уже поймали тигра за хвост – отступать некуда, только оседлать его – и вперед!

Тут пришел Дэк и тоже взял мою сторону, похоже, даже удивился, что Клифтону могло прийти в голову нечто другое:

– Будь уверен, Родж, мы создадим прецедент, и, сдается мне, далеко не последний в нашей карьере!

Взгляд его упал на Жезл.

– Эй! Ты хочешь кого-нибудь убить или просто стену продыривить?

– Да я же не жму ни на что.

– И на том спасибо. Он даже не на предохранителе. – Дэк аккуратно отнял у меня Жезл. – Повернуть кольцо и вдвинуть эту штуку в паз. Теперь он просто палка.

– Ой. Виноват.

Из гостиной меня препроводили в гардеробную и сдали с рук на руки шталмейстеру короля Виллема – полковнику

Патилу. То был индус в мундире имперских космических сил, с прекрасной выправкой и непроницаемым выражением лица. Поклон, коим он меня встретил, был рассчитан с точностью до градуса: отображал он и то, что я скоро стану премьер-министром, и то, что таковым я пока еще не стал и что мой ранг хоть и выше, но все же человек я штатский и следует вычесть пять градусов за императорский аксельбант на его правом плече.

Заметив Жезл, он мягко сказал:

– Марсианский Жезл Жизни, не так ли, сэр? Любопытно. Вы сможете оставить его здесь, с ним ничего не случится.

– Жезл я возьму с собой, – ответил я.

– Сэр?..

Он заломил брови, ожидая, что я тут же исправлю эту очевидную ошибку.

Я перебрал в памяти излюбленные фразы Бонфорта и выбрал одну: ясный намек на излишнюю самоуверенность собеседника:

– Вы, сынок, свое плетите как хотите, а моего не путайте.

С его лица окончательно исчезло всякое выражение.

– Прекрасно, сэр. Сюда, будьте любезны.

У входа в тронный зал мы остановились. Далеко впереди стоял на возвышении пустой трон. По обе стороны прохода к нему томились в ожидании придворные и знать. Видно, Патил подал условный знак: заиграл гимн Империи, и все застыли – Патил навтыяжку, словно робот, я – чуть ссутулясь, как и положено пожилому, перегруженному работой человеку, исполняющему свой долг, остальные – как манекены. Надеюсь, мы никогда не откажемся полностью от расходов на содержание двора – вся эта шикарно разодетая массовка создает незабываемое зрелище.

С последними тактами гимна к трону подошел Виллем, принц Оранский, герцог Нассауский, великий герцог Люксембургский, командор ордена Священной Римской империи, генерал-адмирал Вооруженных сил Империи, Советник Гнезд Марса, Защитник бедных и, Божьей милостью, король Нидерландов и император Планет и межпланетного пространства.

Лица его я разглядеть не мог, но атмосфера церемонии вызвала во мне теплую волну доброжелательности. Я не был больше противником монархии.

Отзвучал гимн, король Виллем сел, кивнул в ответ на поклоны, и толпа придворных немного ожила. Патил куда-то пропал, а я, с Жезлом под мышкой, начал восхождение к трону, хромая даже при слабом лунном притяжении. Все это здорово напоминало путь к внутреннему Гнезду Кккаха, разве что здесь я ничего не боялся. Было немного жарко, да

звенело в ушах. Вдогонку звучала мешанина из земных гимнов – от «Короля Кристиана» до «Марсельезы», «Знамени, усыпанного звездами» и прочих. Поклон у первой линии, поклон у второй, и последний, самый низкий, прямо перед ступенями. Колен я не преклонил – это только дворянам положено, а простолюдины делят со своим сувереном его суверенитет. В театре и в стереофильмах это часто показывают неправильно, потому Родж мне все тщательно объяснил.

– Ave, Imperator!⁵

Будь я голландцем, сказал бы: «Rex»⁶, но я – американец. Мы обменялись вызубренной школьной латынью – он осведомился, чего я хочу, я напомнил, что он меня призвал и так далее. Затем он перешел на англо-американский с легким акцентом Восточного побережья:

– Ты верно служил нашему отцу. Мы выражаем надежду, что и для нас ты будешь верным слугой. Ответь же.

– Воля императора – закон для меня, ваше величество.

– Приблизься.

Может, не стоило так спешить – ступени были высоки и круты, а нога действительно вела себя ужасно. Боль хоть и психосоматическая, но ничем не лучше настоящей. Я чуть было не загремел вниз, а Виллем вскочил с трона и поддерживал меня за локоть. Придворные ахнули. Император улыбнулся и сказал вполголоса:

– Ничего, старина, мы все это быстро провернем.

Он довел меня до табурета у самого трона и усадил на одно неловкое мгновение раньше, чем сел сам, протянул руку за свитком, развернул его и сделал вид, будто внимательно изучает чистый лист.

Зазвучала камерная музыка, придворные начали делать вид, будто замечательно проводят время. Дамы хихикали, джентльмены отпускали любезности, трепетали веера... Никто не покидал своего места, но и не стоял столбом. Маленькие пажи, точь-в-точь херувимы Микеланджело, сновали по

⁵ Приветствую тебя, император! (лат.)

⁶ «Король» (лат.).

залу, разнося сладости. Один, став на колени, протянул поднос Виллему, и тот, не отрывая глаз от свитка, взял с него конфету. Мальчик предложил поднос и мне, я тоже взял что-то, лихорадочно соображая, прилично ли так поступить. «Что-то» оказалось изумительной шоколадкой, какие делают только в Голландии.

Вскоре я обнаружил, что многих придворных знаю по газетным фото. Здесь были почти все безработные земные монархи, скрывающиеся под вторыми титулами – герцогов, графов. Одни говорят, Виллем нарочно подкармливает их, чтобы придать блеска двору, другие – что его цель держать их при себе подальше от политики и прочих соблазнов. Вероятно, верно, и то и другое. Полно было и некоронованной знати всех национальностей; некоторые из ее представитель и впрямь зарабатывали себе хлеб насущный.

Я невольно старался различить в толпе габсбургские губы и виндзорские носы.

Наконец Виллем отложил свиток. Музыка и разговоры разом стихли. В мертвой тишине он произнес:

- Весьма достойные люди. Мы подумаем.
- Благодарю вас, ваше величество.
- Мы все взвесим и известим тебя.

Наклонившись ко мне, он прошептал:

– Не вздумай пятиться по этим проклятым ступеням! Просто встань; я сейчас исчезну.

– О, спасибо, сир, – прошептал я в ответ.

Он поднялся (я тоже поспешно вскочил на ноги) и удалился в своей развевающейся мантии. Оглянувшись, я заметил несколько изумленных взглядов, но вновь заиграла музыка, придворная массовка занялась светскими беседами, а я смог потихоньку уйти.

На выходе меня подхватил Патил:

– Сюда пожалуйста, сэр.

Театрализованное представление закончилось, начиналась настоящая аудиенция. Патил провел меня сквозь маленькую дверцу, по длинному узкому коридору, еще к одной

двери. За ней оказался самый обычный кабинет, разве что на стене висел щит с гербом дома Оранских и бессмертным девизом: «Я буду отстаивать!» Посреди комнаты стоял громадный письменный стол, заваленный грудой бумаг. В центре его, под металлическим пресс-папье в виде детских башмачков лежал оригинал списка, копия с которого была у меня в кармане. На стене в раме висел семейный портрет: покойная императрица с детьми. У другой стены – потертый диван и рядом – небольшой бар, несколько кресел и качалка возле стола. Все остальное вполне подошло бы к несуетно-деловой обстановке кабинета домашнего врача.

Патил меня покинул; дверь за ним захлопнулась. Я не успел даже решить, прилично ли сесть куда-нибудь, как в дверь напротив поспешно вошел император, бросив на ходу:

– Привет, Джозеф. Погоди минуту, я сейчас.

Он скорым шагом пересек кабинет и скрылся за третьей дверью. Два лакея шли следом, принимая от него облачение, которое он сбрасывал на ходу. Вскоре император вернулся, застегивая по дороге молнию на комбинезоне:

– Ты-то коротким путем прошел, а я – через весь дворец. Черт меня побери, если я не прикажу архитектору прорубить сквозной туннель от задней стены тронного зала. Мне пришлось обойти три стороны квадрата, потому что единственная альтернатива – шагать полуобщественными коридорами, одетым, как цирковая лошадь. – Он добавил задумчиво: – Никогда не надеваю под это дурацкое облачение ничего, кроме подштанников.

– Обезьяний пиджак, что на мне, тоже не самая удобная вещь в моем гардеробе, сир, – заметил я.

Император пожал плечами:

– Ладно, все это – издержки нашей работы. Ты уже налил себе?

Он выдернул из-под пресс-папье список кандидатур:

– Нет? Так наливай; и мне, пожалуйста, тоже.

– Что вам налить, сир?

– Э? – Император обернулся и внимательно глянул на меня. – Как всегда. Виски со льдом, конечно.

Я молча организовал выпивку, добавив себе малость воды. По спине пробежал холодок: если Бонфорт знал, что император пьет виски со льдом, почему в досье об этом ничего не сказано?

Но Виллем принял стакан, пробормотал: «Ну, чтоб сопла не остыли» – и вновь погрузился в изучение списка. Внезапно подняв взгляд, он спросил:

– Джозеф, а что ты скажешь про этих ребят?

– Сир?.. Ну, это, конечно, только основа кабинета...

Мы, где только можно, раздавали по два портфеля в одни руки, а Бонфорт совмещал обязанности премьер-министра с должностями министров обороны и финансов. В трех случаях на должность заступали замы ушедших в отставку министров – науки, по делам населения и по внеземным территориям. Люди, которым предстояло занять эти посты в постоянном правительстве, были нужны для предвыборной кампании.

– Да, да, ваш второй эшелон... мм... А вот этот... Браун?

Я был неприятно удивлен. Мне сказали, Виллем одобрит список без обсуждения. Я ждал в основном отвлеченного трепы и не боялся – хорошим собеседником легко прослыть, всего лишь не перебивая.

А Лотар Браун... Известный тип – «перспективный молодой политик». Я знал его по фарли-досье да со слов Билла и Роджа. Он появился на горизонте уже после отставки Бонфорта и не занимал раньше правительственных постов, но успел проявить себя в роли партийного функционера. По словам Билла, Бонфорт намеревался быстро его продвигать, а значит, надо дать ему шанс проявить себя во временном правительстве. Он прочил Брауна в министры внеземных путей сообщения.

Родж Клифтон Брауна, похоже, не одобрял; он поначалу вписал на это место Анхеля Хезуса де ла Торре-и-Переса, заместителя бывшего министра. Однако Билл подчеркнул,

что, раз с Брауном не все ясно, сейчас подходящий момент его проверить: правительство временное, натворить дел он, если что, не успеет. И Клифтон сдался.

– Браун? – ответил я. – Перспективный юноша. Очень талантливый.

Виллем промолчал и вновь опустил глаза. Я лихорадочно вспоминал, что там у Бонфорта было о Брауне. Талантливый... прилежный... аналитический склад... Было ли там что-нибудь «против»? Да нет, разве что «немного чересчур любезен». Так это не смертельно. С другой стороны, о «верности», скажем, или «честности» Бонфорт вообще не упомянул. Впрочем, это ничего не значило: фарли-досье – собрание сведений, а не исчерпывающая характеристика.

Император отложил список:

– Джозеф, ты планируешь сразу присоединить Гнезда Марса к Империи?

– До выборов точно нет, сир.

– Брось, ты прекрасно знаешь, что я говорю о времени после выборов. Кстати, ты разве разучился выговаривать «Виллем»? «Сир» от человека на шесть лет старше меня в таких обстоятельствах звучит глупо.

– Хорошо, Виллем.

– Так вот. Оба мы знаем, что мне не положено вмешиваться в политику. Знаем мы и то, что думать так было бы глупо. Джозеф, ты потратил те годы, что был в отставке, на создание условий, при которых Гнезда согласятся полностью войти в состав Империи. – Он указал на мой Жезл. – Думаю, ты этого добился. И если ты победишь на выборах, то уломаешь Великую Ассамблею уполномочить меня провозгласить присоединение. Так?

Поразмыслив, я протянул:

– Виллем, вы же прекрасно знаете о наших планах. Должно быть, появились причины вновь поднимать эту тему?

Он поболтал соломинкой в стакане и уставился на меня, в точности изобразив бакалейщика из Новой Англии,

собравшегося как следует обругать прицепившегося к нему бродягу:

– Ты спрашиваешь моего совета? По Конституции ты должен мне советовать, а не наоборот.

– Я буду рад вашему совету, Виллем, но не обещаю ему следовать.

Он рассмеялся:

– Да, Джозеф, чертовски туг ты на обещания. Хорошо. Допустим, ты выиграл выборы и вернулся в свой кабинет, но большинство у тебя такое мизерное, что присоединение Гнезд может и не пройти. В таком случае я не советовал бы тебе делать это вотумом доверия. Если проиграешь, стерпи, но останься на своем посту до конца срока.

– Почему, Виллем?

– Потому что оба мы – люди терпеливые. Видишь, – он указал на родовой герб, – «Я буду отстаивать!». Не особо эффектный девиз, да и не дело королю гнаться за эффектом. Дело короля – защищать, не отступать, держать удар. По Конституции не мое собачье дело, останешься ты премьером или нет. Однако единство Империи – мое дело. Думаю, если с марсианским вопросом не выгорит сразу после выборов, есть смысл выждать, поскольку другие твои шаги окажутся очень популярны. Доберешь голосов на дополнительных выборах, придешь и скажешь: «Виллем, теперь ты можешь добавить к своим титулам „император Марса“». Так что не спеши.

– Подумаю, – осторожно заметил я.

– Подумай. А с высылкой что?

– Высылку мы упраздним сразу после выборов, а приостановим сразу.

Отвечая так, я не рисковал: Бонфорт всей душой ненавидел нынешнюю пенитенциарную систему.

– Ох, поклуют тебя за это!

– Могут. Ну и пусть их – большинство мы наберем!

– Рад, что ты не меняешь убеждений, Джозеф. Мне тоже неприятно видеть стяг Оранских на каторжных транспортах. Ну а свобода торговли?

– После выборов – да.

– А казну за счет чего собираешься пополнять?

– По нашим прикидкам, торговля и производство вырастут так быстро, что другие доходы скомпенсируют отказ от таможенных пошлин.

– А если не произойдет подъема?

На это у меня заготовленного ответа не было, в экономике я ничего не смыслил, так что широко улыбнулся:

– Виллем, об этом мне надо серьезно подумать. Однако вся программа Партии Экспансионистов основана на убеждении, что свобода торговли, свобода перемещений, всеобщее равенство, общее гражданство и минимум имперских ограничений благо не только для подданных Империи, но для самой Империи! Понадобятся деньги – найдем, но не дробя Империю на крохотные провинции!

Все это, кроме первой фразы, принадлежало Бонфорту, я лишь слегка адаптировал его слова к обстановке.

– Ладно-ладно, это ты избирателям рассказывай, – буркнул Виллем. – Я только спросил. – Он снова взял со стола список. – Так ты уверен, что здесь все на своих местах?

Я потянулся за листом, он передал список мне. Черт, ясно было, что император настолько прямо, насколько позволяет ему Конституция, дает понять, что Браун, по его мнению, не годится. Но, клянусь всем запасом угля в пекле, не мне менять что-либо в списке, составленном Роджем и Биллом!

С другой стороны, не Бонфорт же его составил! Они считали, что Бонфорт составил бы его так, будь он в ясном уме и твердой памяти.

Мне ужасно захотелось сбегать и спросить у Пенни, что она думает Брауне.

Я взял со стола Виллема ручку, вычеркнул из списка Брауна и печатными буквами – имитировать почерк Бонфорта

я все еще не рисковал – вписал: «де ла Торре». Император сказал просто:

– Вот теперь ты, сдается мне, собрал крепкую команду. Удаchi, Джозеф. Она тебе здорово пригодится.

На этом аудиенция как таковая завершилась, но повернуться и уйти я не смел. Нельзя же так вот покидать короля; эту прерогативу они за собой сохранили. Виллем захотел показать мне свою мастерскую и новые игрушечные поезда. Наверное, он сделал для возрождения этого старинного хобби больше, чем кто бы то ни было, хотя, по-моему, такое занятие не для взрослого человека. Однако я вежливо восхитился его новым игрушечным локомотивом для экспресса «Королевский Шотландец».

– Сложись все по-другому, – император опустилcя на колени и запустил обе руки в двигатель игрушки, – я стал бы неплохим управляющим в магазине игрушек или старшим машинистом. Но... Обстоятельства рождения сильнее нас.

– И вы, Виллем, серьезно предпочли бы такую работу нынешней?

– Не знаю. Здесь тоже неплохо: рабочий день короткий, платят сносно, уволить не могут, разве что случится революция, а они нашему семейству обычно бывали на руку. Но работа по большей части скучная. Любой заштатный актер справился бы. – Он окинул меня быстрым взглядом. – Конечно, ты знаешь, что я избавляю премьер-министра от многочисленных закладок первого камня и приема парадов.

– Знаю и ценю.

– В кои-то веки у меня есть шанс чуть-чуть подтолкнуть все в верном направлении – то есть в направлении, которое я считаю верным. Царствовать – очень странное занятие, Джозеф. Предложат – не соглашайся!

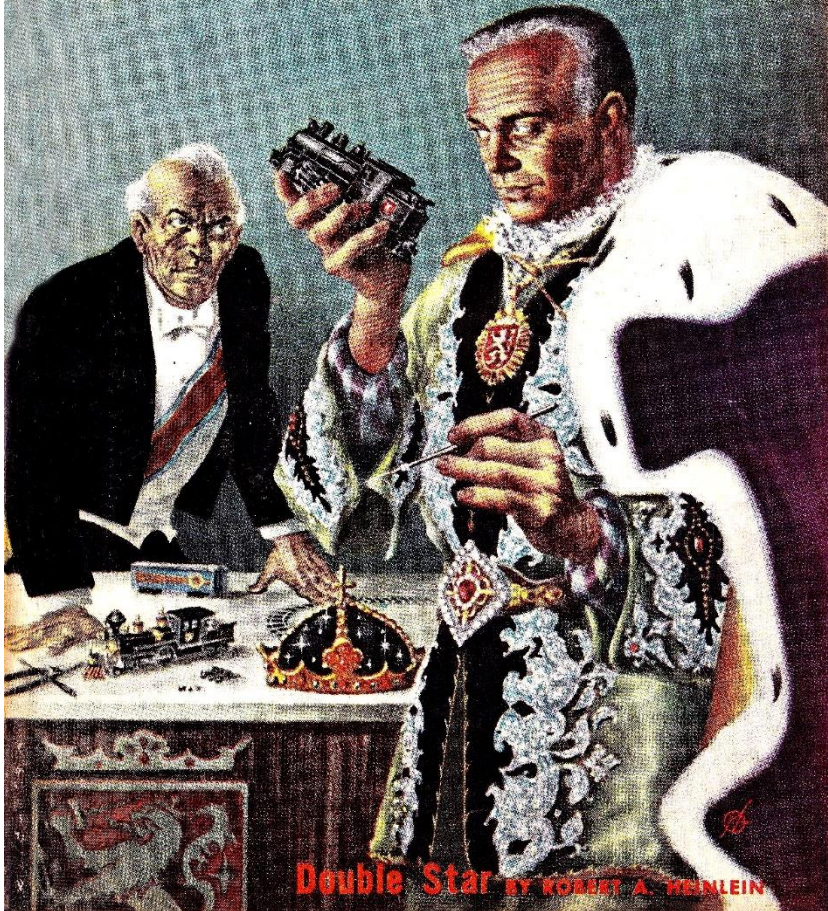
– Боюсь, поздновато мне, даже если б и захотел.

Он что-то поправил в игрушке.

– В действительности я нужен для того, чтоб не дать тебе свихнуться, Джозеф.

April 1956 • 35 Cents

Astounding SCIENCE FICTION

– Э?

– Именно так. Должностной психоз – профессиональная болезнь правителей. Мои коллеги из прошлого – те, кто на самом деле правил, – все были малость с приветом. А взять ваших президентов – такая работа частенько губила их во цвете лет. А мне ничем управлять не надо, за меня работают профессионалы – вот ты, например. Но ты не чувствуешь убийственного гнета власти, потому что ты сам или кто другой на твоём месте всегда может слинять, пока ещё не слишком явно пахнет керосином. А старик-император (он всегда старик, обычно мы добираемся до трона к среднему пенсионному возрасту) никуда не денется, сохранит незыблемость государства, покуда ваш брат профессионал выправит положение. – Он печально подмигнул. – Не слишком привлекательная работенка? Зато полезная.

Мы ещё немного побеседовали о его железнодорожных забавах и вернулись в кабинет. Я надеялся, что теперь-то меня отпустят.

Император будто прочел мою мысль:

– Ладно, хватит, пожалуй, отрывать тебя от дел. Перелет был очень утомителен?

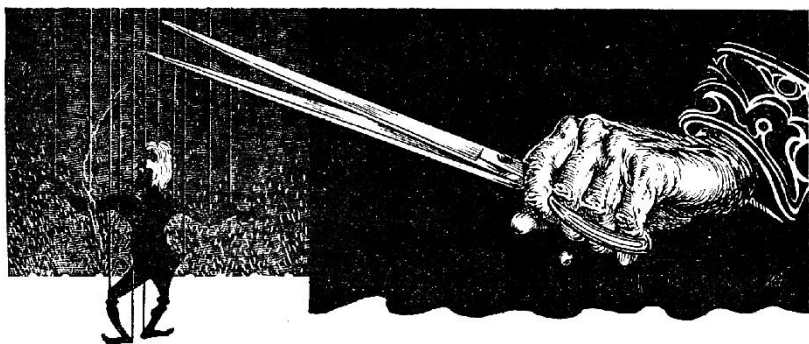
– Да нет. Работал всю дорогу.

– Не удивляюсь... Кстати, кто вы такой?

Допустим, фараон вдруг хватает вас за плечо. Или под ногой вместо следующей ступеньки – пустота. Или вас застаёт в своей постели вернувшийся не вовремя муж. Что угодно из перечисленного в любой комбинации было бы лучше этого простого вопроса. Я изо всех сил постарался ещё сильнее походить на Бонфорта:

– Сир?

– Бросьте, – нетерпеливо произнес император. – У моей должности есть кой-какие привилегии. Просто скажите мне правду. Я уже час как знаю, что вы не Джозеф Бонфорт, хотя одурачили бы даже его мать. Жесты точь-в-точь его. Но кто вы такой?

– Меня зовут Лоуренс Смит, ваше величество, – убито ответил я.

– Выше нос, парень. Я уже сто раз мог позвать охрану, если б захотел. Тебя отправили меня убить?

– Нет, сир. Я... я верен вашему величеству.

– Оригинально же ты эту верность выражаешь... Ладно, сядь, налей себе еще. И рассказывай.

И я рассказал ему все. Одной порции выпивки на весь рассказ не хватило, пришлось наливать еще, и под конец мне полегчало. Узнав о похищении, император пришел в ярость, а когда я поведал, что сделали с сознанием Бонфорта, лицо Виллема стало подобно маске разгневанного Юпитера. Наконец он тихо спросил:

– Значит, он поправится на днях?

– Доктор Чапек так говорил.

– Ты не позволяй ему работать, пока не вылечится до конца, ладно? Этому человеку цены нет, понимаешь? Он стоит полудюжины таких, как мы с тобой. Продолжай представление, дай ему прийти в себя. Он нужен Империи.

– Да, сир.

– Оставь ты это «сир»! Раз уж замещаешь его, так и зови меня Виллемом, как он. Знаешь, на чем ты попался?

– Нет, си... нет, Виллем.

– Он уже двадцать лет как зовет меня Виллемом. И я очень удивился, когда он в личной беседе, пусть и по государственному вопросу, перестал меня так называть, но еще

ничего не заподозрил. И все-таки, несмотря на твою великолепную игру, сомнения у меня закрались. Потом мы пошли смотреть поезда – и все стало ясно!

– Простите, но как?

– Ты был вежлив, дружок! Я не раз показывал ему мою железную дорогу, и он в отместку достаточно грубо высказывался в том духе, что взрослому человеку не пристало заниматься такими глупостями. Со временем это превратилось в маленький спектакль, который нам обоим доставлял громадное удовольствие.

– Ой. Я не знал...

– Откуда же ты мог знать?

Я подумал, что как раз было откуда. Это проклятое фарли-досье должно было мне сообщить... Только потом до меня дошло, что архив ни в чем не виноват. Он создавался как памятка известному человеку о людях менее известных, а уж императора трудно к таким отнести! Естественно, Бонфорту не было нужды записывать подробности знакомства с Виллемом! Кроме того, он наверняка считал неприличным заносить личные сведения о своем повелителе в досье, куда может сунуть нос любой клерк. Я прохлопал ушами очевидное. Впрочем, догадайся я раньше, досье все равно не стало бы полнее.

Император тем временем продолжал:

– Ты очень большой молодец, и после того, как рисковал жизнью, отправляясь в Гнезда Кккаха, не удивительно, что взялся обвести и меня. Скажи, я мог видеть тебя по стерео или еще где?

Когда император потребовал, я назвался настоящим именем, теперь же робко назвал и сценическое. Услыхав: «Лоренцо Смайт», император всплеснул руками и захохотал. Это меня несколько задело.

– Вы обо мне слышали?

– Слышал ли?! Да я же один из вернейших твоих поклонников!

Он еще раз внимательно оглядел меня:

– Ну вылитый Джо Бонфорт! Не могу поверить, что ты и есть Лоренцо!

– Однако я именно Лоренцо.

– Да я верю, верю! Помнишь ту комедию, ты там бродягу играл? Сначала корову пытался подоить – та ни в какую! А в конце хотел поужинать из кошачьей миски, да тебя кот прогнал!

Я подтвердил.

– Пленку, где это было записано, я до дыр протер! Смотрел – и смеялся, и плакал одновременно!

– Так и было задумано. – Поколебавшись, я сознался, что мой бродяга скопирован у одного из величайших актеров прошлого. – А вообще я драматические роли предпочитаю.

– Как сегодня, например?

– Ну... не совсем. Эту роль один раз сыграть больше, чем достаточно. Не хотелось бы продолжать.

– Верю. Значит, ты скажи Роджеру Клифтону... Нет, не говори Клифтону ничего. И вообще, Лоренцо, лучше никому не знать, как мы провели этот последний час. Если ты скажешь Клифтону, даже если добавишь, что я просил не беспокоиться, он просто занервничает. А ему надо работать... Давай-ка сохраним это, между нами, а?

– Как будет угодно императору.

– Оставь ты, бога ради. Просто так оно будет лучше. Жаль, не могу навестить дядюшку Джо, да и чем бы я ему помог? Хотя раньше и считали, что прикосновение королевской руки творит чудеса. В общем, никому ничего не скажем и будем делать вид, что я ни о чем не догадался.

– Хорошо... Виллем.

– Теперь тебе, наверное, пора. Я и так надолго тебя задержал.

– Да сколько пожелаете!

– Я позову Патила, он проводит... или сам найдешь дорогу? Постой... Погоди минутку.

Он полез в стол, бормоча про себя: «Опять эта девчонка тут порядок наводила! А, вот...». Из ящика он вытащил небольшой блокнот:

– Вряд ли мы еще встретимся. Не мог бы ты перед уходом оставить мне автограф?

9

Роджа с Биллом я нашел в верхней гостиной. Они грызли ногти от нетерпения. Завидев меня, Корпсмен вскочил:

– Где ты пропадал, черт тебя дери?

– У императора, – холодно ответил я.

– За это время пять или шесть аудиенций можно провести!

Я не удостоил его ответом. После памятного спора о речи мы с Корпсменом продолжали работать вместе, но это был брак по расчету, а не по любви. Мы сотрудничали, однако топор войны не зарыли, и он мог в один прекрасный день вонзиться мне между лопатками. Я не предпринимал шагов к примирению и причин к этому не видел. По-моему, его родители переспали спьяну на каком-нибудь маскараде.

Ни с кем другим в нашей компании я не ссорился, однако Корпсмен готов был принять от меня лишь один тип поведения – лакейскую покорность. На такое я не мог пойти даже ради мира в команде; я, в конце концов, профессионал, нанятый для очень трудной профессиональной работы. Мастера не протискиваются с черного хода, их, как правило, уважают.

Так что Билла я проигнорировал и обратился к Роджу:

– А где Пенни?

– С ним. И Дэк с доктором – тоже.

– Он здесь?

– Да. – Поразмыслив, Клифтон добавил: – В смежной с вашей спальне, она предназначалась для супруги лидера официальной оппозиции. Там единственное место, где

можно обеспечить ему необходимый уход и полный покой. Надеюсь, вас это не стеснит?

– Нет, конечно.

– Мы вас не побеспокоим. Спальни соединены гардеробной, но ее мы заперли, а стены звукоизолированы.

– Ну и отлично. Как он?

– Лучше. Много лучше – в целом. – Клифтон нахмурился.

– Почти все время в сознании. – Подумав, он добавил еще: – Если хотите, можете его навестить.

Над ответом я размышлял долго.

– А что док говорит – скоро он сможет выйти на люди?

– Трудно сказать. Довольно скоро.

– А все же? Три, четыре дня? Тогда можно отменить пока что всякие встречи и убрать меня наконец со сцены. Так? Родж... как бы вам объяснить... Я с радостью повидал бы его и выразил мое уважение, но не раньше, чем выйду на публику в его роли последний раз. Иначе я не смогу правильно его играть.

Когда-то я допустил ужасную ошибку, пойдя на похороны отца. Долгие годы после, думая о нем, я видел его лежащим в гробу. Лишь много времени спустя мне удалось воскресить в памяти его истинный облик – мужественного и властного человека, который строго меня воспитывал и обучал ремеслу. Я боялся, что с Бонфортом выйдет то же самое. До сих пор я играл бодрого здорового мужчину в расцвете сил, каким видел его в многочисленных стереозаписях. Если я увижу Бонфорта больным и слабым, это может сказаться на моей игре.

– Не настаиваю, – ответил Клифтон, – вам видней. Можно, конечно, отменить все встречи, но хотелось бы, чтобы вы были на подхвате до его полного выздоровления.

Я чуть было не ляпнул, что император просил меня о том же, однако вовремя прикусил язык. Разоблачение несколько выбило меня из роли. Воспоминание об императоре напомнило еще об одном деле. Я вынул из кармана исправленный список и отдал его Корпсмену:

– Билл, это одобренный вариант для новостных служб. Одно изменение: вместо Брауна – де ла Торре.

– Что?

– Хезус де ла Торре вместо Лотара Брауна. Так пожелал император.

Клифтон удивился, а Корпсмен удивился и разозлился:

– Какая ему разница?! Нет у него такого права, черт бы его побрал!

Клифтон тихо добавил:

– Билл прав, шеф. Как юрист, специализирующийся по конституционному праву, могу вас заверить, что утверждение списка императором – акт чисто номинальный. Вы не должны были позволять ему вносить какие бы то ни было изменения.

Мне жутко захотелось на них гаркнуть; сдерживало лишь успокаивающее влияние личности Бонфорта. Денек нынче выдался тяжелый – несмотря на блестящее выступление, я был раздавлен тем, что недавно произошло. Хотелось сказать Роджу, что, не будь император действительно великим человеком, царственным в лучшем смысле слова, мы бы влипли по-настоящему – исключительно потому, что меня не натренировали как, следует! Но вместо этого я раздраженно буркнул:

– Изменение внесено, и ничего больше обсуждать.

– Это ты так полагаешь! – взвился Корпсмен. – А я уже два часа как передал правильный список журналистам! Теперь иди и возвращай все на свои места, ясно? Родж, свяжись еще раз с дворцом, скажи...

– Тихо! – сказал я. Корпсмен заткнулся, и я взял тоном ниже: – Родж, с юридической точки зрения вы, может, и правы, не знаю. Зато знаю, что император в Брауне усомнился. Если кто из присутствующих желает пойти поспорить с императором – пожалуйста. Лично я никуда больше идти не собираюсь. А собираюсь я снять эту допотопную смирительную рубашку, сбросить башмаки, высосать бочку виски и завалиться на боковую.

– Погодите, шеф, – возразил Клифтон, – у вас еще пяти-минутное выступление по всеобщей сети с объявлением нового состава правительства.

– Сами объявите. Как мой первый зам в этом правительстве.

Клифтон растерянно заморгал:

– Хорошо...

Но Корпсмен настаивал:

– А с Брауном что делать? Ему ж обещали.

Клифтон глянул на него пристально:

– Я ничего такого не припоминаю. Его, как и прочих, лишь спросили, согласен ли он работать в правительстве, – это ты имеешь в виду?

Корпсмен замялся, словно актер, спутавший роль:

– Конечно. Это все равно что обещание.

– Ничего подобного – пока не объявили состав кабинета.

– Говорю тебе, его объявили. Два часа назад.

– Мм... Билл, боюсь, тебе придется еще раз созвать репортеров и сказать, что ты ошибся. Или хочешь, я их соберу и заявлю, что им по недоразумению достался черновой

вариант, не одобренный мистером Бонфортом окончательно. Но сделать это следует до оповещения по всеобщей сети.

– Погоди. А этому – так все и спустить с рук?

Похоже, Билл имел в виду скорее меня, чем Виллема, однако ответ Роджа свидетельствовал об обратном:

– Да, Билл. Сейчас не время устраивать конституционный кризис, не стоит оно того. Ну как, объявишь сам? Или лучше мне?

Повадками Корпсмен напоминал кошку, которая вынуждена подчиняться лишь потому, что ее держат за шкуру. Он скривился и пожал плечами:

– Ладно уж, сам скажу. По крайней мере, сформулирую так, чтобы минимизировать ущерб.

– Спасибо, Билл, – мягко ответил Родж.

Корпсмен направился к выходу. Я окликнул его:

– Кстати, Билл! Раз уж будете говорить с прессой, у меня для нее еще одно заявление.

– А? Что там еще?

– Ничего особенного. – Я буквально с ног валился от усталости. Роль постоянно держала на пределе. – Только скажите им, что мистер Бонфорт простудился и врач прописал ему постельный режим. Я вымотался как собака!

Корпсмен фыркнул:

– Лучше скажу – пневмония.

– Как угодно.

Стоило ему выйти, Родж наклонился ко мне:

– Шеф, я бы так делать не стал. Сейчас самые важные дни.

– Родж, мне правда нехорошо. Можете вечером по стерео об этом упомянуть.

– И?

– Короче, я собираюсь лечь и не вставать. Почему, в конце концов, Бонфорт не может «простудиться» до тех пор, пока он не придет в норму? Каждый выход в этой роли увеличивает вероятность, что кто-нибудь углядит фальшь. Да

еще Корпсмен со своими вечными подковырками. Артист не может выкладываться в полную меру, если под руку постоянно твякают. Так что пора кончать. Занавес!

– Да не обращайтесь на него внимания, шеф. Я постараюсь, чтобы Корпсмен вам не досаждал. Здесь ведь не в теснотище на корабле – масса возможностей не мозолить друг другу глаза.

– Нет, Родж, я уже все обдумал. И нет, я вас не брошу. Останусь, пока мистер Бонфорт не сможет показаться на людях. Просто на всякий пожарный. – Мне стало как-то не по себе – я вспомнил, что император просил не отступать и что он на меня надеется. – Только мне действительно лучше не вылезать лишний раз. До сих пор все шло гладко. Да, они знают, что на обряд усыновления явился не Бонфорт, однако не смеют об этом заявить и доказать ничего не смогут. Те же люди, возможно, подозревают, что и сейчас вместо него действует дублер, но не знают наверняка. Поскольку не могут исключить, что Бонфорт выздоровел настолько, что смог сегодня прийти на аудиенцию. Верно?

Клифтон вдруг как-то виновато смутился:

– Боюсь, они практически уверены, что вы – дублер, шеф.

– Почему?

– Мы не сказали вам всей правды – не хотели чересчур нервировать. Док Чапек после первого же осмотра сказал: он лишь чудом может встать на ноги к аудиенции. И те, кто его накачал, наверняка это знали.

Я сдвинул брови:

– То есть вы мне голову морочили, говоря, что он идет на поправку. Родж, что с ним? Скажите правду.

– На этот раз я говорил вам правду, шеф. Потому и предлагал навестить его, хотя прежде ваше нежелание с ним встречаться меня более чем устраивало. – Помолчав, он добавил: – Может, пойдете все же с ним побеседуете?

– Мм... Нет.

Причины были прежние. Раз уж придется играть и дальше, пусть хоть подсознание мое не отчебучит какой-нибудь пакости. Изображать нужно человека здорового.

– Тем не менее, Родж, все, что я сказал, остается в силе. Более того, в свете всего, что вы сообщили, это еще существеннее. Если они практически уверены, что сегодня его заменял дублер, то рисковать нельзя. Сегодня мы застали их врасплох, а может, в нынешних обстоятельствах меня невозможно разоблачить. Но не вечно же так будет! Они могут придумать убийственную проверку, которую я не пройду, – и всё, кранты. – Я еще раз оценил обстановку. – Да, лучше мне пока «заболеть» на все оставшееся время. Билл прав – пусть будет пневмония.

Такова уж сила внушения – проснулся я наутро с заложенным носом и режью в горле. Док Чапек выкроил время, чтобы меня подлечить, и к вечеру я вновь почувствовал себя почти человеком. Все же доктор выпустил бюллетень о «вирусном заболевании мистера Бонфорта». Лунные города герметичны и воздухом снабжаются через системы кондиционирования, так что никому не хотелось подцепить воздушно-капельную инфекцию; никто не попытался к мне прорваться. Целых четыре дня я бездельничал, читал библиотеку Бонфорта – и собрания его статей, и просто книги... Я обнаружил, что политика и экономика страшно увлекательны. Никогда б не подумал. Император прислал мне цветы из дворцовой оранжереи – или они были для меня лично?

Не важно. Я бездельничал и наслаждался возможностью быть Лоренцо или даже просто Лоуренсом Смитом. Правда, ловил себя на произвольных перевоплощениях, стоило кому-нибудь войти, но тут уж ничего не поделаешь. Необходимости в них, впрочем, не было: приходили лишь Пенни и доктор Чапек, да еще Дэк разок заглянул.

Однако даже страна лотофагов в конце концов надоедает. На четвертый день я устал от своей комнаты не меньше, чем от продюсерских приемных, и затосковал от

одинокства. Никто за меня не тревожился, визиты доктора Чапека носили чисто профессиональный характер, а Пенни заходила всего пару раз, и то ненадолго. К тому же она снова перестала называть меня «мистером Бонфортом».

Когда в дверях показался Дэк, я был просто счастлив:

– А, Дэк! Что новенького?

– Да ничего особенного. Пытался одной рукой ремонтировать «Томми», другой – помогать Роджу с его политическими завыками. Восемь против трех – наживет он себе язву желудка с этой кампанией. – Он уселся на диван. – Политика!

– Слушай, Дэк, а ты-то как влез в это дело? Всю жизнь считал, что «дальнобойщики» политикой интересуются не больше, чем актеры. А ты и подавно.

– И да, и нет. Они и не касаются всей этой ерунды, пока имеют возможность спокойно летать с планеты на планету. Но для этого нужен груз, для груза – торговля, а для выгодной торговли нужна свобода без всяких там таможен и закрытых зон. Свобода! И вот тут уже – политика! Я-то сам начал с объединения «транзитников» – мы добивались, чтобы при трехсторонней торговле не брали пошлину дважды. А это требование было в списке мистера Бонфорта. Дальше одно цеплялось за другое, и вот я уже шесть лет как вожу его яхту, а с последних всеобщих выборов еще и представляю нашу гильдию в Великой Ассамблее. – Дэк вздохнул. – Сам толком не понимаю, как втянулся.

– Наверное, тебе порядком надоело. Будешь снова представлять свою кандидатуру?

Он вытаращил глаза:

– Чего? Брат, кто не занимался политикой, тот, считай, по-настоящему и не жил!

– Сам же гово...

– Знаю, что говорил! И грубо оно, и грязно иногда, и тяжело, и мелочей надоедливых куча. Однако политика – единственная игра, достойная взрослых людей. Остальное –

детские забавы; абсолютно все! – Он поднялся. – Топать пора.

– Да успеешь, Дэк! Посиди еще.

– Не могу. Завтра – сессия Великой Ассамблеи, Родж там один не справится. Вообще прерываться не следовало, дел – гора!

– Правда? Не знал...

Мне было известно, что перед роспуском теперешний состав Великой Ассамблеи должен еще раз собраться и утвердить временный кабинет. Но специально я на эту тему не думал; ведь точно такая же формальность, как и представление списка императору.

– А он сможет сам за это взяться?

– Нет. Но ты не беспокойся. Родж извинится за твое, то есть его, отсутствие и попросит разрешения выступить доверенному лицу, если нет возражений. Потом зачитает речь временного премьер-министра – Билл ее сейчас пишет – и уже от собственного имени внесет предложение утвердить список. Минута. Возражений нет. Список утверждают. Ассамблею распускают на неопределенный срок. Все мчатся домой и принимаются сулить избирателям по две бабы в каждую койку и по сотне империалов каждый понедельник с утра. Рутину. – Дэк перевел дух. – А, чуть не забыл. Какой-нибудь член Партии Человечества предложит от имени Ассамблеи пожелать Бонфорту скорейшего выздоровления и прислать корзину цветов, за что все и проголосуют с лицемерным единодушием. Они-то куда охотней прислали бы венок на похороны Бонфорта. – Он скривился.

– На самом деле все ли так просто? А вдруг не признают полномочий Роджа? Я думал, на сессию нужно явиться лично...

– Ну да, обычно так полагается. Или объявляешь о неучастии, или будь любезен явиться и голосовать. Но это все паразитные шестеренки парламентского механизма. Если завтра Роджу не позволят выступить от имени Бонфорта, им самим же придется дожидаться его выздоровления. Без этого

Ассамблею не распустят, и они не смогут всерьез заняться гипнозом избирателей. И так ежедневно без толку собираются, с того самого момента, как Кирога ушел. Эта Ассамблея мертва, как тень Цезаря, но похоронить ее надо конституционно.

– Ясно. А если какой-нибудь идиот упрется?

– Да кому это нужно? Ну, это может спровоцировать конституционный кризис. Но такого не случится.

Тема, похоже, иссякла, однако уходить Дэк не спешил.

– Дэк... А легче вам будет, если я выступлю?

– Да ладно, вздор. Утрясется. Ты ж решил не рисковать больше, разве что совсем уж гореть станем. И я, в общем-то, с тобой согласен. Ты же помнишь поговорку про кувшин, который повадился по воду ходить.

– Да... Но это ведь чисто проходная роль? Реплики написаны, как в пьесе? Есть ли шанс угодить в ловушку, из которой я не выберусь?

– Да нет. Вообще-то, полагается потом выступить перед прессой, но тут уж можно и сослаться на нездоровье. Выведем тебя служебным ходом и оставим репортеров с носом. – Он усмехнулся. – Правда, на галерку какой-нибудь маньяк может протащить пушку. Мистер Бонфорт ее так и называл: «Линия огня» – с тех пор, как в него оттуда стреляли.

«Хромая» нога вдруг напомнила о себе приступом тупой боли...

– Ты пугаешь меня, Дэк?

– Нет.

– Значит, такова твоя манера обнадеживать... Слушай, только честно: ты хочешь, чтобы я завтра выступил с этой речью? Или нет?

– Конечно хочу! А какого дьявола я, по-твоему, бросил все дела в такой день? Чтоб потрепаться?

Временный спикер постучал председательским молотком, капеллан произнес молитву, старательно избегая каких-либо межрелигиозных расхождений, и наступила

тишина. Половина зала пустовала, зато галерка ломилась от туристов.

Мы услышали усиленный динамиками церемониальный стук, и парламентский пристав упер булаву в дверь. Трижды император требовал дозволения войти и трижды получал отказ. Тогда он попросил его впустить; разрешение дали без голосования, на основании общих одобрительных возгласов. Мы встретили Виллема стоя и сели, когда он занял свое место позади стола спикера. Император был в мундире главнокомандующего и, как полагалось, без эскорта, сопровождаемый лишь спикером и парламентским приставом.

Затем я сунул Жезл Жизни под мышку, встал со своего места на передней скамье и, обращаясь к спикеру, словно императора в зале не было, произнес речь. Речь была не та, что написал Корпсмен, – его творчество отправилось в мусорную корзину. Билл состряпал обычную предвыборную речь, коей здесь было не место и не время.

Моя речь была нейтральна и лаконична. Я составил ее из прежних выступлений Бонфорта. Я твердо стоял за хорошие дороги, за хорошую погоду и за то, чтобы все любили друг друга, как мы, добрые демократы, любим своего государя, а он – нас. Вышла настоящая лирическая поэма белым стихом, слов этак на пятьсот. Где не хватило старых речей Бонфорта – я просто импровизировал.

Галерку пришлось призывать к порядку.

Поднялся Родж и предложил утвердить названные мной кандидатуры. Минута. Возражений нет. Клерк опускает белый шар. Когда я вышел вперед в сопровождении соратника по партии и члена оппозиции, то заметил, что депутаты посматривают на часы, гадая, поспеют ли на полуденный шаттл.

Я принес присягу верности императору согласно и в пределах Конституции, поклялся блюсти права и привилегии Великой Ассамблеи, а также права и свободы граждан Империи, где бы те ни находились, и конечно же – отправлять

обязанности премьер-министра его величества. Капеллан в одном месте спутал слова, но я его поправил.

Мне казалось, я шпарю без усилий, как монолог под занавес, пока я не заметил, что из-за слез, застилающих глаза, почти ничего не вижу. Когда я закончил, Виллем шепнул:

– Хорошее выступление, Джозеф!

Не знаю, ко мне он обращался или к своему старинному другу... И знать не хочу. Не стирая с лица слез, я повернулся лицом к Ассамблее, дождался ухода Виллема и объявил сессию закрытой.

«Диана лимитед» в этот день пустила четыре дополнительных шаттла. Новая Батавия опустела – в смысле остались лишь двор, с миллион разных сапожников-пирожников да государственные служащие. И костяк нового кабинета.

Раз уж я, невзирая на «простуду», выступил в Великой Ассамблее, прятаться больше не имело смысла. Не может же премьер-министр пропасть неизвестно куда – толки пойдут. А в качестве главы партии, раскручивающей предвыборную кампанию, я был обязан встречаться с людьми, хотя бы с некоторыми. Я и делал, что надо, и каждый день требовал отчета о здоровье Бонфорта. Он шел на поправку, однако медленно. Чапек сказал, если очень уж подопрет, Бонфорт сможет выйти к народу в любое время, но сам он, доктор Чапек, против этого. Бонфорт похудел почти на двадцать фунтов, и с координацией не все еще было ладно.

Родж оберегал нас обоих изо всех сил. Мистер Бонфорт знал теперь, что его подменяют, и поначалу страшно рассердился, но под давлением обстоятельств все же дал добро. Кампанией занимался Родж, советуясь с ним только по вопросам высокой политики и при необходимости передавая его суждения мне. А я уж высказывал их на публике.

Впрочем, мою персону оберегали почти так же тщательно. Увидеть меня было не легче, чем самого засекреченного супершпиона. Кабинет мой по-прежнему находился под скалой, в апартаментах лидера официальной оппозиции

– в покои премьер-министра мы не переезжали, так не принято, пока правительство лишь временное. Пройти ко мне из других комнат можно было не иначе как через кабинет Пенни, а чтобы добраться с парадного входа, пришлось бы миновать пять контрольных пунктов. Исключение делалось для немногих избранных, которых Родж проводил обходным туннелем в кабинет Пенни, а оттуда уже ко мне.

Такой порядок позволял перед встречей воспользоваться фарли-досье. Я и при посетителе мог держать его досье перед глазами – в крышку стола вделан был небольшой утопленный экран. Если же визитер имел обыкновение расхаживать по кабинету, я всегда мог вовремя выключить изображение. Экран позволял и многое другое. К примеру, Родж, проводив ко мне очередного посетителя, шел в кабинет Пенни и писал записку, тут же появлявшуюся на экране: «Зацелуйте до смерти, но ничего не обещайте». Или: «На самом деле он хочет только представить жену ко двору – обещайте ему это и гоните в шею». Или даже: «С этим бережней – „трудный“ округ, а сам он умнее, чем кажется. Направьте ко мне, улажу сам».

Не знаю, кто на самом деле управлял Империей. Опытные чиновники, наверное. А на моем столе просто появлялась ежеутренне кипа бумаг, я визировал их размашистой подписью Бонфорта, и Пенни уносила всю кипу к себе. Читая их мне было некогда, и масштабы имперской государственной машины меня иногда ужасали. Однажды по дороге на какое-то совещание Пенни устроила мне, как она выразилась, маленькую прогулку по архиву. Мили и мили бесконечных хранилищ; улей, соты которого ломятся от микрофильмов! А между полками – движущиеся дорожки, чтобы у клерков поход за документом не занимал целый рабочий день.

И это, по словам Пенни, был лишь один сектор! Каталог, сказала она, занимал примерно такую же площадь, как зал Великой Ассамблеи. Тут я искренне порадовался, что работа

в правительстве мне не светит – разве что в качестве временного хобби.

Прием посетителей был неизбежной и бесполезной рутинной; решения все равно исходили либо от Роджа, либо – через него – от Бонфорта. Что я действительно делал полезного, так это выступал с предвыборными речами. Пустили слух, будто вирус дал осложнение на сердце, и доктор рекомендовал мне на время кампании оставаться на Луне с ее слабым тяготением. Я не хотел рисковать, совершая вояж по Земле, а уж тем более – лететь на Венеру. Окажись я среди толпы избирателей – даже десять фарли-досье не помогут. Не стоило забывать и про головорезов, нанятых «Людьми Дела», – что я могу рассказать после минимальной инъекции неоекскаина в мозг, никому из нас думать не хотелось, мне так уж точно.

Кирога исколесил Землю вдоль и поперек, на каждом шагу выступая по стерео, а то и лично перед толпами избирателей. Родж Клифтон ничуть из-за этого не беспокоился, только плечами пожимал:

– Ну и что? Новых голосов он не добьется, только глотку надсадит. На такие сборища ходят лишь убежденные последователи.

Я искренне надеялся, что Родж знает, о чем говорит. Времени на кампанию было отпущено немного – всего шесть недель со дня отставки Кироги до дня назначенных им выборов. Потому выступать приходилось ежедневно – всеобщая сеть отвела нам времени столько же, сколько и Партии Человечества, другие речи мы записывали и рассылали шаттлами по всем избирательным клубам Империи. Обычно я получал набросок речи – наверное, от Билла, хотя самого его больше не видел, – и доводил до ума. Ее забирал Родж – и вскоре приносил назад с одобрением. Иногда Бонфорт что-нибудь в ней исправлял; почерк его стал еще более неразборчивым.

Поправленные Бонфортом куски я всегда произносил строго по тексту, а в остальных нередко импровизировал.

Когда разговоришься, часто на ум приходят более яркие, более живые выражения. Суть поправок я вскоре уловил: Бонфорт всегда убирал из речи лишние определения, делая ее резче, – пусть жуют как есть!

Похоже, у меня стало получаться – исправлений появлялось день ото дня меньше.

С ним я так и не встретился. Чувствовал, не смогу играть, увидев его беспомощным и слабым. И в нашем тесном кругу не одному мне противопоказаны были подобные встречи – Чапек больше не пускал к нему Пенни. Почти сразу после прибытия в Новую Батавию она загрустила, стала рассеянной и раздражительной. Под глазами появились черные круги, как у енота. Я не знал отчего. Решил, что предвыборная гонка, да и тревога за здоровье Бонфорта берут свое, однако прав оказался лишь отчасти. Чапек тоже заметил неладное и принял меры. Под гипнозом он обо всем расспросил ее, а затем

вежливо, но твердо запретил посещать Бонфорта, пока я не закончу работу и не отправлюсь воссояси.

Бедная девочка чуть не спятила. Она навещала тяжело-больного, которого давно и безнадежно любила, а затем ей приходилось возвращаться к работе с человеком, абсолютно похожим на него, говорящим его голосом, но пребывающим в добром здравии. Было от чего меня возненавидеть!

Выяснив причину ее состояния, старый добрый док Чапек сделал ей успокоительное внушение и велел впредь держаться от комнаты больного подальше. Мне никто ничего не сказал – не мое, видите ли, дело! Однако Пенни повеселела, к ней вернулась бывшая работоспособность.

А между тем это и меня касалось. По меньшей мере дважды я бы бросил эти тараканы бега, если бы не Пенни!

Еще мне надо было посещать заседания предвыборного штаба. Сама Партия Экспансионистов была лишь ядром большой разношерстной коалиции, объединенной личным авторитетом Джона Джозефа Бонфорта. Теперь мне вместо него приходилось умасливать партийных примадонн. К таким совещаниям меня готовили с особой тщательностью, и Родж, сидя рядом, предупреждал мои возможные ошибки и отклонения. Но перепоручить это было некому.

Меньше чем за две недели до всеобщих выборов понадобилось распределить на собрания «надежные» округа. Таких, где мы имели стабильную поддержку, было от тридцати до сорока; там мы выдвигали кандидатов, которых прочили на министерский пост, секретарей (кто-нибудь вроде Пенни был куда более ценным сотрудником, если имел право выступать перед Великой Ассамблеей, присутствовать на закрытых заседаниях и тому подобное) и других нужных для партии людей. Бонфорт и сам представлял один из «надежных» округов, что избавляло его от утомительной предвыборной гонки. Клифтон – тоже. И для Дэка такой нашелся бы, но его и так поддерживали собратья по гильдии. Родж как-то намекнул, что стоит мне пожелать – и

я, собственной персоной, попаду в списки следующего состава Великой Ассамблеи.

Несколько таких «гнездышек» всегда приберегались для партийных «тягловых лошадок», готовых по первому требованию уйти в отставку, чтобы партия на дополнительных выборах смогла провести в Ассамблею человека, нужного для министерского поста или чего-нибудь в таком роде.

Все это сильно смахивало на раздачу синекур, и Бонфорт, чтобы сохранить коалицию, вынужден был лавировать, стараясь накормить волков и сохранить овец при составлении списка кандидатов прежде, чем представить его в исполнительный комитет. Чтобы оставить себе свободу маневра, все это делалось в последний момент, перед тем как отпечатают бюллетени.

Когда ко мне в кабинет ввалились Родж с Дэком, я трудился над очередной речью, сказав Пенни, чтобы меня не беспокоили, кроме как по совсем экстренным поводам. Накануне Кирога выступал в Сиднее и выдал настолько дикое заявление, что представился удачный случай уличить его во лжи и как следует прищемить ему хвост. Я писал ответную речь сам, не дожидаясь черновика, и очень надеялся, что ее одобрят.

– Вот, слушайте! – Я зачитал им ключевой абзац. – Как оно?

– Да, – согласился Родж, – а шкурой Кироги мы дверь обобьем. Шеф, вот список по «надежным» округам. Хотите глянуть? Нам надо быть на совещании через двадцать минут.

– А, опять! Черт бы побрал эти совещания! А мне точно надо смотреть этот список? Хотите мне что-нибудь про него рассказать?

Тем не менее я быстро просмотрел список. Все кандидаты были знакомы мне по фарли-досье, а некоторые и лично. Почему каждый из них попал сюда, я тоже знал.

И тут в глаза мне бросилось: Корпсмен, Уильям Дж.

Подавив приступ вполне понятной досады, я спокойно заметил:

– Родж, я смотрю, и Билл в этом списке.

– Да, верно. О нем я и хотел сказать. Понимаете, шеф, все мы знаем – у вас с Биллом нелады. Кроме Билла, в этом никто не виноват. И все же... Вы еще не заметили, но у него просто гигантских размеров комплекс неполноценности, вот он и готов любому в глотку вцепиться. Таким образом мы это прекратим.

– Прекратите?

– Да. Он спит и видит себя в парламенте, ведь все мы, кто работает напрямую... э-э-э... с вами, – члены Великой Ассамблеи. И Биллу это постоянно покоя не дает. Он сам как-то, после третьего стакана, жаловался, что он здесь – просто чернорабочий. Понятно, его это угнетает... Вы ведь не против, верно? А от партии не убудет; не такая уж это большая цена за прекращение трений в штаб-квартире.

Я уже совсем успокоился.

– Меня это не касается. С чего я буду возражать, если мистер Бонфорт так хочет?

Заметив быстрый взгляд, которым обменялись Родж с Дэком, я добавил:

– Ведь это он так хочет, верно?

– Родж, скажи ему, – сурово велел Дэк.

– Мы с Дэком сами решили, что так будет лучше, – нехотя признался Клифтон.

– Значит, мистер Бонфорт этого не одобряет? Вы его спрашивали?

– Нет.

– А почему?

– Шеф, ну нельзя его тревожить из-за каждого пустяка! Ведь он старый, больной, измученный человек. Я обращаюсь к мистеру Бонфорту лишь по серьезнейшим политическим вопросам, а тут мы и сами справимся. Этот округ полностью наш, и не важно, кто его представляет.

– Тогда зачем вам мое мнение?

– Мы хотим, чтобы вы знали кто, где и почему. Думали, надо получить ваше одобрение.

– Мое? Вы просите от меня решения, словно я – мистер Бонфорт. Я не он. – Я нервно забарабанил пальцами по столу – совсем как он. – Если вопрос такого уровня, вам все же следует спросить его. А если все это не важно – зачем спрашивать меня?

Родж немного пожевал сигару и объявил:

– Ну хорошо. Я вас ни о чем не спрашивал.

– Нет!

– Что вы имеете в виду?

– Я имею в виду «нет». Вы именно спрашивали, значит в чем-то сомневаетесь. Так что, если хотите, чтобы я от имени Бонфорта представил этот список в исполнительный комитет, пойдите и спросите его самого!

Некоторое время они молча глядели на меня. Дэк со вздохом сказал:

– Да выкладывай уж все, Родж. Или давай я.

Я ждал. Клифтон вынул изо рта сигару:

– Шеф, у мистера Бонфорта четыре дня назад случился инсульт. Его ни в коем случае нельзя беспокоить.

Я замер и стал читать про себя: «И тучами увенчанные горы, и горделивые дворцы и храмы» и так далее. Немного придя в себя, я спросил:

– А с головой у него как?..

– Полный порядок, но он измучен до смерти. Та неделя в плену совсем его подкосила, мы и не ожидали такого. После инсульта он двадцать четыре часа пробыл в коме. Сейчас пришел в себя, но полностью парализована левая сторона лица и частично тела.

– А что говорит доктор Чапек?

– Полагает, что тромб рассосется и все пройдет. Но и после его придется беречь от нагрузок. Шеф, он действительно серьезно болен. Завершать кампанию придется нам самим.

Я ощутил отзвук того чувства, которое охватило меня, когда умер отец. Я никогда не видел Бонфорта, только получал от него коряво написанные поправки в текстах. Однако

я постоянно на него опирался. Меня поддерживало само его присутствие за стеной.

Глубоко вздохнув, я проговорил:

– О'кей, Родж. Постараемся.

– Постараемся, шеф, – он поднялся, – собрание скоро начнется. Как решим с этим?

Он указал кивком на список по «надежным» округам. Я задумался. Может, Бонфорт и впрямь хотел наградить Билла, подарив ему право добавлять к фамилии «Достопочтенный»? Просто чтобы его успокоить. Бонфорт в таком не скупился – не заграждал рта волам молотящим. В одном эссе о политике он писал: «Не то, чтобы у меня был такой уж высокий интеллект. Весь мой талант в том, что я нахожу способных людей и не мешаю им работать».

– Родж, давно Билл у него работает? – внезапно спросил я.

– Года четыре. С лишним.

Значит, его работа Бонфорта устраивала.

– С тех пор одни всеобщие выборы уже прошли, так? Почему же Бонфорт еще тогда не ввел Билла в Великую Ассамблею?

– Почему... Не знаю. Не поднимался как-то такой вопрос.

– А когда Пенни стала Достопочтенной?

– Три года назад. На дополнительных.

– Ну что ж, Родж, вот вам и ответ!

– Не понимаю.

– Бонфорт в любое время мог сделать для Билла место в парламенте. Однако не стал. Так что ставьте в список кого-нибудь, кто при необходимости согласится подать в отставку. Если мистер Бонфорт сочтет нужным, всегда успеет назначить дополнительные выборы после выздоровления.

Выражение лица Клифтона не изменилось. Он взял список, сказав лишь:

– Хорошо, шеф.

В тот же день Билл уволился. Наверное, Родж сообщил ему, что фокус не удался. Но, узнав о его уходе, я чуть инфаркт не схватил: только теперь сообразил, что своим упрямством поставил под удар всех. Я сказал об этом Роджу. Тот мотнул головой.

– Но он же знает все! Это с самого начала был его план! Он же столько грязи в лагерь Партии Человечества может приволочь.

– Забудьте вы о нем, шеф. Тля он, конечно, раз бросил все в разгар кампании, и слова-то другого не подберу. Вы, человек посторонний, и то так не поступили. Но – не шакал же! В его профессии не принято выдавать тайны клиентов, даже если навсегда распрощались.

– Ваши бы слова да богу в уши.

– Увидите. И не волнуйтесь понапрасну, работайте себе спокойно.

Следующие несколько дней прошли тихо. Я уже решил, что Клифтон знал Билла лучше, чем я. О нем никаких вестей не было; кампания близилась к концу и становилась все напряженнее. На разоблачение – ни намека. Я начал забывать об инциденте и с головой ушел в составление речей, выкладываясь целиком и полностью. Иногда мне помогал Родж, иногда я сам справлялся. Мистер Бонфорт шел на поправку, однако док Чапек прописал ему полный покой.

Началась последняя неделя кампании. Роджу понадобилось слетать на Землю – некоторые дыры издалека не залатать. Голосуют как-никак в округах, и работа на местах значила теперь больше речей. Тем не менее надо было произносить речи и выступать на пресс-конференциях. Этим я и занимался, а помогали мне Дэк с Пенни. Конечно, с опытом стало легче – на многие вопросы я отвечал не задумываясь.

Роджа ждали назад как раз к очередной пресс-конференции, проводившейся раз в две недели. Я надеялся, он успеет к началу, хотя справился бы и сам. Пенни со всем необходимым вошла в зал первой и тихонько вскрикнула.

Еще в дверях я увидел, что за дальним концом стола сидит Билл, но, как обычно, оглядев присутствующих, сказал:

– Доброе утро, джентльмены!

– Доброе утро, господин министр, – отвечали многие.

– Доброе утро, Билл, – добавил я, – вот уж не думал вас здесь встретить. Кого вы нынче представляете?

Воцарилась мертвая тишина, все ждали его ответа. Каждый здесь знал, что Билл ушел от нас, а может, его ушли. Он же, ухмыляясь, ответил:

– Доброго утречка, мистер Бонфорт. Я – от синдиката Крейна.

Я уже понял, что за этим последует, но изо всех сил постарался унять тревогу и не дать ему порадоваться моему испугу.

– Что ж, неплохая компания. Надеюсь, они оценят вас по достоинству. Итак, к делу. Вначале – письменные вопросы. Пенни, они у вас?

С этим я разделался в два счета, ответы были обдуманы заранее; потом, как обычно, опустившись на стул, сказал:

– У нас есть время, чтобы еще немного поболтать, джентльмены. Есть еще вопросы?

Задали еще несколько вопросов, и лишь один раз мне пришлось ответить: «Без комментариев». Любому уклончивому ответу Бонфорт предпочитал честное «нет». Поглядев на часы, я заметил:

– На сегодня – все, джентльмены, – и начал подниматься с места.

– Смайт! – крикнул Билл.

Я выпрямился, даже не взглянув в его сторону.

– Эй, «мистер Бонфорт»! Я к вам обращаюсь, мистер дутый Бонфорт – Смайти!

Билл был зол и кричал в полный голос.

На сей раз я взглянул на него с изумлением, как и полагалось важному политическому деятелю, которого оскорбили на людях. Билл ткнул в мою сторону пальцем; лицо его цветом напоминало свеклу.

– Ты самозванец! Актеришка! Жулик!

Представитель лондонской «Таймс», сидевший справа от меня, шепнул:

– Сэр! Может, мне за охраной сбежать?

– Не нужно, – ответил я, – он не опасен.

Билл нехорошо заржал:

– Ага, так я, по-твоему, не опасен, да?! Сейчас поглядим!

– Так я сбегаю все же, сэр, – настаивал «Таймс».

– Сидите, – резко ответил я. – Довольно, Билл. Уйдите лучше по-хорошему.

– Ага, разбежался!

И он вздохнул, принялся излагать основные детали всей истории. О похищении, равно как и о своем участии в подмене он ни словом не обмолвился, зато ясно дал понять, что его не уволили, он сам ушел, не желая участвовать в наших махинациях. Подмена, по его словам, была вызвана болезнью Бонфорта. Затем он прозрачно намекнул, что мы сами ее вызвали, посадив Бонфорта на наркотики.

Я слушал терпеливо. Репортеры поначалу смотрели с таким видом, будто невольно стали свидетелями бурного семейного скандала, однако вскоре некоторые начали делать заметки в блокнотах либо вытаскивали диктофоны.

Когда Билл замолк, я спросил:

– Билл, у вас все?

– А тебе мало?!

– Более чем достаточно. Весьма сожалею, Билл. Это все, джентльмены. Теперь мне пора работать.

– Минуту, господин министр! – выкрикнул кто-то. – Опровержение будет?

– А возбуждение судебного преследования за клевету?

Первый вопрос я решил обсудить позже.

– Нет, никакого преследования. Не хватало на старости лет судиться с больным человеком!

– Кто, я больной?! – Билл так и взвыл.

– Успокойтесь, Билл. Что касается опровержения – не понимаю, что мне следует опровергать. Я видел, некоторые из

вас делали записи, однако сомневаюсь, что ваши издатели опубликуют такую дичь. А если и найдется такой издатель – от моего опровержения весь этот анекдот станет только еще смешней. Вы, может, слышали о профессоре, потратившем сорок лет жизни, чтобы доказать: «Одиссею» написал не Гомер, а другой грек, его тезка?

Раздался вежливый смех. Я тоже улыбнулся и пошел к выходу. Билл бегом обогнул стол и ухватил меня за рукав:

– Шуточки шутить?!

Представитель «Таймс» – Экройд, кажется, – его оттащил.

– Спасибо, сэр. – Обращаясь к Корпсмену, я добавил: – Билл, чего вы хотите добиться? Я, как мог, старался уберечь вас от ареста.

– Зови охрану, зови, если хочешь, обманщик! И поглядим, кого из нас скорее посадят! А как тебе понравится, если у тебя возьмут отпечатки пальцев?

Я вздохнул и мысленно подвел черту под своей жизнью.

– Кажется, это уже не смешно. Джентльмены, пора с этим кончать. Пенни, милая, будь добра, пошли кого-нибудь за дактилоскопическим оборудованием.

Я понимал, что тону. Но – черт возьми! – если даже идешь на дно с «Биркенхедом», стой навтытяжку до последнего! Даже негодяи стараются уйти красиво.

Но Билл ждать не желал. Протянув руку, он сцапал стакан с водой, из которого перед этим я пару раз отхлебнул:

– К дьяволу оборудование! Этого хватит.

– Я уже говорил вам, Билл: следите за языком в присутствии дамы! А стакан можете взять на память.

– Верно. Еще как возьму!

– Отлично. Берите и проваливайте. Иначе я в самом деле вызову охрану.

Корпсмен наконец убрался. Остальные хранили молчание.

– Извольте, я представлю отпечатки пальцев любому из вас!

Экرويد поспешно ответил:

– Да к чему они нам, господин министр?

– Как это «к чему»? Если это сенсация, вы захотите о ней рассказать.

Я продолжал настаивать – Бонфорт поступил бы точно так же. К тому же нельзя быть «слегка» беременным или «малость» разоблаченным. И еще я не хотел отдавать своих друзей в лапы Билла – хоть этим-то я еще мог им помочь.

За оборудованием посылать не стали. У Пенни нашлась копировальная бумага, у кого-то из репортеров – «долгоиграющий» пластиковый блокнот, так что отпечатки вышли превосходно. Я распрощался и покинул зал.

Едва мы вошли в приемную, Пенни упала в обморок. Я донес ее до своего кабинета и уложил на диван, а сам сел за стол и несколько минут просто трясся.

Весь день не могли мы прийти в себя. Мы занимались обычными делами, но только все входящие звонки Пенни отклоняла под разными предлогами. Вечером предстояло еще выступить по стерео, и я уже всерьез подумывал отменить выступление. Однако я оставил новости включенными, и за весь день ни слова не было о той злосчастной пресс-конференции. Я понял: репортеры тщательно проверяют отпечатки, рисковать не хотят – все же премьер-министр, необходимы самые серьезные доказательства. Тогда я решил выступить, раз уж речь написана, да и время эфира объявлено. И даже с Дэком я не мог посоветоваться – он уехал в Тихосити.

Я вложил в эту речь все силы, словно клоун на сцене объятого пламенем театра, старающийся не допустить паники в зале. Едва выключили запись, я спрятал лицо в ладони и разревелся. Пенни гладила меня по плечу, стараясь успокоить. С ней мы за весь день не сказали ни слова об утреннем происшествии.

Родж прибыл ровно в двадцать ноль-ноль по Гринвичу, то есть сразу после моего выступления. Он тут же прошел ко мне, и я ровным, спокойным голосом выложил ему все.

Слушал он меня тоже на удивление спокойно, пожевывая потухшую сигару.

Завершив рассказ, я умоляюще посмотрел на него:

– Родж, я ведь должен был дать им отпечатки, понимаете? Не в характере Бонфорта отступить!

– Да вы не волнуйтесь, – ответил Родж.

– Что-о?!

– Не волнуйтесь, говорю. Ответ из Бюро идентификации в Гааге принесет вам малюсенький, зато приятный сюрприз! А бывшему нашему другу – просто громадный, однако ужасно неприятный. И если он взял некую часть своих серебряников вперед, боюсь, как бы ему не пришлось их вернуть. По крайней мере, искренне надеюсь, что этот аванс из него вытрясут.

Я не верил собственным ушам:

– Э-э-э... Родж, но они на этом не успокоятся! Есть десятки других мест. Соцобеспечение и еще много.

– За кого вы нас принимаете? Шеф, я знал, рано или поздно что-нибудь в этом роде произойдет. И с той секунды, как Дэк объявил о начале по плану «Марди Гра», началось глобальное замедление следов. Повсюду. Но я не считал нужным рассказывать об этом Биллу. – Он пососал свою потухшую сигару и, вынув изо рта, осмотрел. – Бедолага Билл.

Пенни тихо ахнула и снова упала в обморок.

Мы как-то дотянули до решающего дня. От Билла вестей больше не было; судя по спискам пассажиров, он покинул Луну на второй день после своего фиаско. Может, где-нибудь в новостях о нем и упоминали, я не знаю. Кироба тоже ни словом о той пресс-конференции не обмолвился.

Мистер Бонфорт выздоравливал. Появилась надежда, что после выборов он сможет приступить к выполнению обязанностей. Паралич еще давал о себе знать, но мы придумали, как это объяснить. Сразу после выборов Бонфорт отправится в отпуск, что у политиков в обычае. Отпуск он проведет на борту «Томми», вдали от посторонних глаз. По ходу полета я приведу себя в нормальный вид, и меня переправят на Землю. У шефа же тем временем, как следствие напряженной предвыборной кампании, случится легкий инсульт.

Потом Роджу снова придется перетасовать кое-где отпечатки пальцев, но сейчас это было не к спеху.

В день выборов я был счастлив, словно щенок, забравшийся в шкаф для обуви. Работа завершена, остался последний выход – всего-то пара речей-пятиминуток для всеобщей сети: в одной я величественно принимал победу, в другой мужественно признавал поражение. Все! Записано последнее слово; я схватил Пенни в охапку и расцеловал. Она как будто даже не возражала.

Остался лишь выход на поклоны. Перед расставанием меня, в своей собственной роли, пожелал увидеть мистер Бонфорт. Я ничего против не имел. Теперь, когда все кончено, можно навестить его без всяких опасений. Изображать Бонфорта перед Бонфортом – пожалуй, это может смахивать на пародийный скетч, если я не буду играть всерьез... Впрочем, что я говорю? Серьезная игра – самая суть комедии.

Семейную встречу назначили в верхней гостиной – мистер Бонфорт уже много дней не видел звездного неба, и это его угнетало. Здесь же нам предстояло узнать, чем кончились выборы, и выпить за победу – либо утопить скорбь в

вине и поклясться в следующий раз проделать все лучше. Только для меня следующего раза не будет – я в политические игры больше не играю. Не уверен, что вообще выйду еще раз на сцену; пьеса длиной в шесть с хвостиком недель и без антрактов – это, считай, пятьсот обычных спектаклей! Ничего себе марафончик!

Его выкатили из лифта в инвалидной коляске. Я не входил, пока Бонфорта не уложили поудобней на диван: человек вправе не показывать слабость при посторонних. К тому же на сцену следует выходить!

И тут я чуть не вышел из образа. Он был вылитый мой отец! Сходство было чисто «семейным» – друг на друга мы походили гораздо больше, чем он или я на моего отца, – однако несомненным. Да и возраст – он выглядел стариком. Я и не думал, что он настолько постарел. Волосы совсем седые, а исхудал-то!

Мысленно я пообещал во время «отпуска» помочь ему с переходом, с обратной подменой. Конечно, Чапек сможет нагнать ему недостающий вес, а если и нет – есть много способов сделать человека поплотней с виду! Волосы его я сам подкрашу... Да еще об инсульте задним числом сообщим – не прошел же он, в самом деле, бесследно! Бонфорт изменился так сильно всего за несколько недель, и надо сделать все, чтобы никто не заподозрил подмену.

Эти мысли прошли краем сознания; меня переполняли чувства! Даже больной и слабый, Бонфорт сохранял всю свою величественность и силу духа. Он вызывал почти священный трепет. Можно почувствовать такое, стоя в первый раз у подножия памятника Аврааму Линкольну. Глядя, как Бонфорт лежит на диване, прикрыв левый бок шалью, я вспоминал и другую скульптуру – раненого льва в Люцерне. Даже в немощи сохранял он силу и гордость – «Гвардия умиряет, но не сдается!».

Он посмотрел на меня и улыбнулся ласковой, дружелюбной улыбкой, которую я научился копировать, и движением

здоровой руки пригласил подойти поближе. Я точно так же улыбнулся в ответ и подошел. Рукопожатие его оказалось неожиданно сильным; голос звучал сердечно:

– Рад, что мы наконец встретились.

Говорил он немного неразборчиво. Вблизи видно было, что левая сторона лица безжизненно обвисла.

– Высокая честь и большое счастье познакомиться с вами, сэр.

Говоря, я с трудом удержался, чтобы не копировать паралич и неразборчивость речи. Бонфорт внимательно оглядел меня и усмехнулся:

– Мне кажется, что вы со мной уже знакомы.

Я тоже оглядел себя:

– Я старался, сэр.

– «Старался»! У вас все получилось. До чего же странно смотреть на самого себя.

Мне стало вдруг мучительно больно: Бонфорт не осознает, насколько изменился он сам. Я для него и есть «он», а любое изменение – всего лишь следствие болезни, временное и преходящее, не заслуживающее внимания.

Он продолжал:

– Не затруднит вас походить немного по комнате, сэр? Хочу полюбоваться на себя... то есть на вас... В общем, на нас. Хотя разок увижу себя со стороны.

Я прошелся по комнате, сказал что-то Пенни – бедная девочка ошарашенно переводила взгляд с него на меня, – взял бумагу со стола, погладил ключицу, затем – подбородок, поиграл Жезлом...

Он восхищенно наблюдал. Я добавил «на бис»: выйдя на середину, произнес одну из лучших его речей, не пытаясь повторять слово в слово, – импровизировал, заставляя слова перекатываться с грохотом, как частенько делал он, а закончил любимой его фразой:

– Рабу нельзя дать свободу – он должен стать свободным. И точно так же свободного человека нельзя поработить – его можно только убить!

Наступила дивная мертвая тишина, потом грянули аплодисменты. Сам Бонфорт хлопал здоровой рукой по дивану и кричал:

– Браво!

То были единственные аплодисменты, коих я удостоился в этой роли. Зато какие!..

Бонфорт попросил меня придвинуть к дивану кресло и посидеть с ним. Заметив, что он смотрит на Жезл, я протянул его ему:

– Он на предохранителе, сэр.

– Ничего, я знаю, как с ним обращаться.

Осмотрев Жезл, Бонфорт вернул его мне. Я думал, оставит у себя. А раз так, надо будет передать потом через Дэка. Бонфорт начал расспрашивать о моей жизни, затем сказал, что меня на сцене ни разу не видел, однако хорошо помнит отца в роли Сирано. Говорил он четко, но с усилием; я видел, как он старается совладать с мышцами рта.

Он спросил, что я собираюсь делать дальше. Никаких планов у меня не было. Бонфорт кивнул и сказал:

– Решим. Место для вас есть. У нас работы всегда невпророт.

Но о плате ни слова не сказал, и это мне польстило.

Тут начался очередной отчет о результатах голосования, и Бонфорт перенес внимание на стереовизор. Голосование шло уже двое суток; в первую очередь высказывались жители внешних миров и неорганизованные избиратели; даже на самой Земле «день» выборов, в отличие от астрономического, растягивался аж на тридцать часов. Теперь мы получали сводки из густонаселенных земных округов. Еще вчера мы на голову опережали противника, но Родж говорил, что это еще ничего не значит: внешние миры всегда поддерживали Экспансионистов, а решают всё миллиарды землян, ни разу в жизни не покидавших родной планеты.

Однако важен был и каждый голос внешних миров. Партия Аграриев на Ганимеде одержала верх в пяти из шести тамошних округов, но она входила в нашу коалицию, там Партия Экспансионистов даже для приличия не стала выставлять кандидатов. Куда больше опасений внушала Венера. Венерианцы раздроблены на дюжину непримиримых партий – в силу каких-то тонких теологических разногласий, которых людям не понять. И все же мы рассчитывали на поддержку аборигенов – прямо сейчас или позже, когда они сумеют все же договориться. А голоса внешников-землян и так практически все – за нас. К тому же имперская установка, предписывающая аборигенам выдвигать в парламент только людей, была явной несправедливостью, с которой Бонфорт постоянно боролся, – сей факт тоже должен был содействовать успеху на Венере. Хотя не берусь сказать, сколько голосов мы потеряли из-за этого на Земле.

Гнезда Марса пока ограничивались присутствием в Ассамблее своих наблюдателей, так что от Марса нам нужны были лишь голоса живущих там людей. У нас на Марсе была популярность, у противника – власть. Но при честном

подсчете голосов мы рассчитывали на победу с разгромным счетом.

Дэк сидел рядом с Роджем и что-то считал на логарифмической линейке. Родж разложил большой лист бумаги с какими-то его собственными формулами. Больше десятка вычислительных центров по всей Солнечной системе занимались сейчас тем же самым, однако Родж предпочитал собственный метод. Как-то он хвастал, что может просто прогуляться по округу, разнюхивая обстановку, и определить результат с точностью до двух процентов. А что – такой может.

Док Чапек сидел позади, сложив руки на животе, обмякший, как дождевой червяк на крючке. Пенни нервно расхаживала по комнате, разносила нам выпивку и в нетерпении гнула в руках какую-то шпильку. На нас с мистером Бонфортом она старалась не смотреть.

До сих пор мне никогда не приходилось бывать на партийных посиделках в ночь выборов, и обстановка здесь значительно отличалась от чего бы то ни было. Все вокруг было пронизано уютной теплотой. Страсти улеглись. И кажется, уже не очень важно, какими будут результаты: мы сделали все, что могли, вокруг – друзья, и на какое-то время не осталось насущных тревог, только общее волнение, и приходившие сводки были словно глазурь на торте.

Никогда еще не было мне так хорошо.

Родж оторвался от своего листа, глянул на меня, затем – на мистера Бонфорта:

– Континент серединка на половинку. Американцы пробуют воду, прежде чем перейти на нашу сторону; единственное, что их заботит, – насколько глубоко.

– Можно уже сказать нечто определенное?

– Нет еще. Голосов-то у нас хватает, но количество мест в ВА еще не определилось – плюс-минус полдюжины. – Он поднялся. – Пойду-ка я в город, прогуляюсь.

Вообще говоря, идти следовало мне, раз уж я был «мистером Бонфортом». В ночь выборов лидер партии просто обязан появиться в штабе, однако именно там меня легко

могли раскусить. «Болезнь» на время кампании избавляла меня от таких посещений, тем более не было смысла рисковать сейчас. Придется Роджу пожимать руки, раздавать улыбки направо и налево и позволять взвинченным бесконечной бумажной возней девушкам вешаться себе на шею и плакать в жилетку.

– Через час вернусь.

Сначала банкет хотели организовать внизу, пригласив весь персонал и конечно же – Джимми Вашингтона, но таким образом мистер Бонфорт лишался возможности в нем участвовать, а это никуда не годится. Поэтому вечеринку устроили для узкого круга посвященных. Я поднялся:

– Родж, я с вами. Поприветствую гарем Джимми Вашингтона. У них сейчас небось тоже праздник.

– Вы с ума сошли? Вовсе не обязательно...

– Но дело стоит того, так? И ничего страшного в этом нет. Я обратился к мистеру Бонфорту:

– Как вы полагаете, сэр?

– Я был бы очень признателен.

Спустившись на лифте, мы прошли чередой пустующих комнат. В них стояла мертвая тишина, но, миновав мой кабинет и приемную Пенни, мы попали в форменный бедлам. Стереовизор, принесенный по случаю торжества, гремел во всю мощь, пол был усеян мусором, присутствующие кто выпивал, кто курил, кто – и то и другое сразу. Даже Джимми Вашингтон слушал отчет с бокалом в руке. Он его даже не пригубил – Джимми вообще не пил и не курил, – скорее всего, кто-то просто сунул бокал ему в руки, а он из приличия взял. Джимми отлично умел вписаться в любую обстановку.

Я в сопровождении Роджа обошел всех, с искренней теплотой поблагодарил Джимми и извинился за то, что не могу задержаться подольше.

– Пойду разложу старые косточки на чем-нибудь помягче, Джимми. Извинись за меня перед ребятами, хорошо?

– Слушаю, сэр. Вам и вправду необходимо следить за своим здоровьем, господин министр.

Я отправился обратно, а Родж пошел с поздравлениями дальше.

Едва я ступил на порог, Пенни прижала палец к губам, прося не шуметь. Бонфорт задремал, и стерео приглушили. Дэк, прислонясь ухом к динамику, записывал на большой лист бумаги сведения к приходу Роджа. Доктор Чапек сидел на том же месте. При виде меня он кивнул и поднял бокал.

Я попросил у Пенни виски с водой и прошел на балкон. По часам ночь уже наступила; снаружи тоже было темно. Чуть ущербная Земля нависала надо мной в окружении россыпи звезд – точь-в-точь бриллианты в витрине «Тиффани». Чтобы немного прийти в себя, я отыскал Северную Америку и попытался найти ту маленькую точку, что покинул несколько недель назад.

Вскоре я вернулся в комнату: ночь на Луне – довольно угрюмое зрелище. Чуть позже вернулся Родж и молча засел за бумаги. Бонфорт уже проснулся.

И вот настало время подведения итогов. Все затаили дыхание, изо всех сил стараясь не мешать Роджу с Дэком; минуты тянулись, словно часы. Наконец Родж отодвинул свое кресло от стола.

– Уф! Все, шеф, – сказал он, не оборачиваясь. – Наша взяла. Перевес – семь мест минимум. А может, и девятнадцать. А может, и больше тридцати!

Бонфорт ответил не сразу. Голос его звучал совсем тихо:

– Вы уверены?

– Абсолютно. Пенни, переключи на другой канал, посмотрим, что там делается.

Я не мог вымолвить ни слова. Прошел к дивану, присел рядом с Бонфортом; он, совсем как отец, похлопал меня по руке, и оба мы повернулись к стереовизору. Пенни сменила канал:

– ...Никаких сомнений, ребята! Восемь механических черепушек говорят «да», КЮРИАК говорит: «возможно». Партия Экспансионистов одержала решительную...

Другой канал:

– ...Подтвердил свой временный пост на ближайшие пять лет. Нам не удалось связаться с мистером Кирогой, однако его генеральный представитель в Новом Чикаго заявил, что сегодняшняя ситуация не может...

Родж поднялся и направился к видеофону. Пенни включила звук. Диктор на экране безмолвно шевелил губами – повторял все то же самое, но в других выражениях.

Родж вернулся, Пенни снова прибавила звук. Диктор еще продолжал, затем остановился и взгляделся в поданную ему записку. Наконец, широко улыбнувшись, он поднял глаза:

– Друзья! Сограждане! Предлагаю вашему вниманию выступление премьер-министра!

И тут пошла запись моей победной речи!

Я сидел, просто упиваясь ею. В голове царила невообразимая кутерьма, но эмоции – только приятные, до болезненности даже. Над этой речью я как следует потрудился, самому нравится. На экране я выглядел усталым, взмокшим, но торжествующим – ни дать ни взять прямая трансляция!

Я как раз дошел до слов:

– Идемте же вперед вместе – ради свободы для всех...

За спиной раздался стон.

– Мистер Бонфорт, что с вами? – воскликнул я. – Док! Док! Скорей сюда!

Мистер Бонфорт хватался за меня правой рукой и что-то действительно пытался сказать, но все тщетно. Губы и язык отказывались работать, и даже его неспигаемый дух не мог принудить слабую плоть к действию.

Я обнял его, и тут у него началось дыхание Чейн-Стокса... Вскоре он перестал дышать совсем.

Дэк с Чапеком погрузили тело в лифт. Я им помочь не мог. Родж подошел ко мне, потрепал по плечу, стараясь

успокоить, затем тоже удалился. Пенни ушла вслед за ним. Оставшись в одиночестве, я опять вышел на балкон. Захотелось вдруг подышать свежим воздухом – на балконе он, конечно, был из того же кондиционера, но все же казался посвежей.

Они убили его. Враги расправились с ним вернее, чем если бы нож в сердце всадили! Несмотря на все наши усилия, они в конце концов дотянулись до него. «Убийство из убийств!»

Я ощущал смерть внутри себя. Потрясение заставило оцепенеть: только что я видел, как умер «я сам», снова видел смерть отца. Понятно, почему так редко удается спасти кого-нибудь из сиамских близнецов. Я был опустошен.

Не помню, долго ли я так стоял. К жизни меня вернул оклик Роджа:

– Шеф?

Я резко обернулся:

– Родж! Не зовите меня так больше! Пожалуйста!

– Шеф, – настаивал он, – вы ведь знаете, что нужно сделать, верно?

Закружилась голова. Лицо его расплывалось, словно в тумане. Я не знал, что нужно делать! Я не хотел этого знать!

– О чем вы?

– Шеф, человек умер, но представление продолжается! Теперь вы не можете уйти!

Бешено стучало в висках. Комната плыла перед глазами. Казалось, он раскачивается – ближе-дальше – ближе-дальше, а голос продолжал звучать:

– ...Лишили его шанса окончить начатое. Вы должны сделать это ради него. Вы дадите ему вторую жизнь!

Я затряс головой, изо всех сил пытаюсь собраться с мыслями:

– Родж, вы сами не понимаете, что несете! Это нелепо! Смешно! Я не политик, я всего лишь актер – до мозга костей! Я умею строить рожи и потешать публику – больше я ни на что не годен!

К своему ужасу, я осознал, что говорю голосом Бонфорта. Родж, не отрываясь, смотрел на меня:

– По-моему, вы до сих пор великолепно справлялись.

Я старался говорить собственным голосом и обрести контроль над ситуацией:

– Родж, сейчас вы расстроены. Успокойтесь – ведь потом сами над собой посмеетесь! Вы правы, представление должно продолжаться. Но не так же! Правильный и единственно возможный путь – вам самому принять эстафету. Вы победили на выборах, получили большинство в парламенте. Вступайте в должность и претворяйте его программу в жизнь!

Не отрывая взгляда от меня, Родж печально покачал головой:

– Я так и поступил бы, если б мог, именно как вы говорите. Но я не смогу, шеф. Вы же помните, какая грызня поднималась на заседаниях исполнительного комитета? Только вы держали их в узде! Вся коалиция стоит на силе духа и авторитете одного человека. И если вы просто отмахнетесь сейчас – все, ради чего он жил, ради чего умер, пойдет прахом!

Возразить было нечего. Вероятнее всего, Родж прав; я за последние полтора месяца начал разбираться во всех этих пружинах и шестернях.

– Родж, хотя бы и так, но вы просите невозможного! Мы не провалились до сих пор только потому, что меня показывали лишь в тщательно срежиссированных условиях. И то нас чуть не поймали! А тянуть это неделю за неделей, месяц за месяцем, год за годом, если я вас правильно понял... Это нереально! Я просто не выдержу! Не могу!

– Можете! – Он, наклонившись ко мне, продолжал напористо: – Мы все обдумали и возможные трудности представляем не хуже вас. Но мы дадим вам возможность врать в него целиком! Для начала две недели – да что две, месяц в космосе, если хотите! Дневники, записные книжки,

школьные тетради наконец – вы им насквозь пропитаетесь!
И не забывайте: с вами – мы!

Я молчал. Он продолжал:

– Послушайте, шеф, вы же прекрасно знаете: политик – вовсе не один человек, он – команда, сплотившаяся вокруг него, его убеждений и целей. Наша команда теперь без капитана, но сама-то она осталась! Просто нужен новый капитан!

На балкон вышел Чапек. Когда он успел вернуться, я не заметил.

– Вы, док, я так понимаю, тоже «за»?

– Да.

– Это ваш долг, – добавил Родж.

Чапек тихо проговорил:

– Я бы не стал так говорить... Но надеюсь, вы сами к этому придете. И, черт меня побери, я не буду притворяться голосом совести. Я верю в свободу воли. Понимаю, странно, конечно, слышать из уст медика столь легковесный довод...
– Он обратился к Клифтону: – Лучше нам уйти пока, Родж. Он все понимает, так пусть решает сам.

Однако побыть в одиночестве мне не удалось – стоило им уйти, явился Дэк. Спасибо, хоть он не стал называть меня шефом.

– Привет, Дэк.

– Привет-привет...

Некоторое время он молча курил и глазел на звезды. Затем повернулся ко мне:

– Старичок, мы много пережили вместе. Теперь я тебя знаю и так скажу: если тебе когда-нибудь понадобятся деньги, лишняя пара кулаков или ствол – только свистни! Помогу всем, чем только можно, и без всяких вопросов! Захочешь уйти сейчас – ни слова в упрек не скажу и хуже думать о тебе не стану. Ты очень много сделал.

– Спасибо, Дэк.

– Еще словечко – и я испаряюсь. Пойми только: если ты решишь сейчас, что не в силах работать дальше, те скоты,

что промыли ему мозги, победят! Победят, несмотря ни на что!

Он ушел.

Голова разрывалась под напором противоречивых мыслей. Мне вдруг стало ужасно себя жаль: это нечестно, в конце концов! У меня – своя жизнь! Я еще в самом расцвете сил, сколько театральных успехов меня ждет! Ну, справедливо ли требовать, чтобы я похоронил самого себя, долгие годы играя в жизнь другого? Меня забудет публика, забудут агенты и продюсеры – решат, скорее всего, что я умер.

Это непорядочно. Они просят слишком многого.

Немного погодя я успокоился и выкинул все из головы. Земля-матушка, неизменно прекрасная, по-прежнему сияла в небе. Что-то там кроты поделявают в ночь после выборов? Марс, Венера и Юпитер висели на веревочке зодиака. Ганимеда, конечно, видно не было, как и далекого Плутона с его маленькой одинокой колонией...

«Миры надежд» – называл их Бонфорт.

Но Бонфорт умер. Ушел от нас. Эти скоты отняли у него право, данное каждому из нас самой Природой, – и вот он мертв, задолго да назначенного срока.

И меня просят воссоздать его, подарить ему вторую жизнь...

Способен ли я на это? Смогу ли дорасти до его уровня? Чего он сам ждал бы сейчас от меня? И как поступил бы, окажись на моем месте? Пока продолжалась кампания, я не раз задавал себе вопрос: «А что сделал бы Бонфорт?»

Кто-то вошел. Оглянувшись, я увидел Пенни.

– Теперь тебя послали? Уговаривать послали, да?

– Нет.

Добавить к этому она ничего не захотела, да и от меня, похоже, ничего не ждала. Мы даже не смотрели друг на друга. Молчание затягивалось, и наконец я решился:

– Пенни! А если я попробую – ты мне поможешь?

Она внезапно повернулась ко мне:

– Да! Конечно, шеф, я помогу!

– Тогда попробую, – смиренно проговорил я.

Я написал все это еще двадцать пять лет назад в попытке упорядочить свои смятенные мысли. Старался изложить все, как было, и себя не щадить, поскольку записки предназначались только для меня и для моего психотерапевта, доктора Чапека. Странно сейчас, через четверть века, читать эти сентиментальные, немного наивные строки – я был тогда почти юношей. Отлично помню этого молодого человека, хотя с трудом могу представить, что он – и есть я. Жена моя Пенелопа заявляет, что помнит его гораздо лучше – ведь больше она никогда никого не любила. Так сильно меняет нас время.

Я обнаружил, что прежнюю жизнь Бонфорта помню лучше своей собственной – то есть того юного бедолаги, Лоуренса Смита, или Великого Лоренцо, как он любил себя рекомендовать. Может, я не в своем уме? Шизофрения или еще что-нибудь? Даже если так!.. Чтобы сыграть подобную роль, а затем подарить Бонфорту вторую жизнь – просто необходимо было в некотором роде сойти с ума и подавить в себе жалкого актера...

В общем, безумие или еще что – однако я точно знаю, что был им когда-то, пока он еще существовал. Как актер он не смог добиться особенного успеха, – думаю, иногда его охватывало самое настоящее безумие. Да и умер он весьма нелепо: я храню пожелтелую от времени вырезку, в которой говорится, будто он «найден мертвым» в номере одного из отелей Джерси-Сити: передозировка снотворного. Возможно, несчастный юноша пошел на это от отчаяния – его агент заявил, что предложений для него не поступало уже несколько месяцев. На мой взгляд, все же не следовало писать, будто он остался без работы. Если это и не клевета, то во всяком случае жестокость! Датировка статьи, между прочим, доказывает, что ни в Новой Батавии, ни где-нибудь еще во время избирательной кампании пятнадцатого года он быть не мог.

Наверное, лучше просто сжечь эту бумажонку.

Из тех, кто знал правду, в живых сегодня остались лишь Дэк да Пенелопа. Да еще, пожалуй, те, кто убил тело Бонфорта.

Премьер-министром я побывал уже трижды, и нынешний срок, наверное, последний. В первый раз я слетел, когда мы все-таки ввели инопланетян – народы Венеры, Марса и спутников Юпитера в Великую Ассамблею. Однако они и по сей день имеют там представителей, а меня избрали снова. Люди не выносят реформ в больших дозах, иногда им нужна передышка, но реформы остаются! Люди вообще не хотят перемен, никаких перемен, да и ксенофобия укоренилась очень глубоко. Но все же мы идем вперед – куда деваться, раз уж хотим достичь звезд?

Снова и снова я спрашиваю себя: «А что сделал бы Бонфорт?..» Не уверен, что всегда верно отвечаю на свой вопрос (хотя никто, как я, не изучал его труды), но, исполняя его роль, всегда стараюсь держаться на должном уровне. Давным-давно кто-то – кажется, Вольтер – сказал: «Если Сатана когда-нибудь займет место Бога, ему придется перенять и атрибуты божественности».

А об утраченной профессии я никогда не жалел. Вообще-то, я с ней и не расставался, тут Виллем был прав. Овации – не единственная похвала, и после хорошего представления на душе всегда тепло. Наверное, я пытался создать идеальное творение. Может быть, мне не совсем это удавалось, однако, думаю, отец сказал бы, что «спектакль был на уровне».

Нет, я не жалею ни о чем, хотя и был прежде не в пример счастливее – по крайней мере, мне гораздо крепче спалось. Зато – какое громадное удовлетворение выкладываться по полной ради миллиардов людей.

Возможно, их жизнь и не имеет космического значения, но у них у всех есть чувства. Не стоит их огорчать.

Фрицу Лейберу

Глава 1

– Лот девяносто семь, – объявил аукционист. – Мальчик.
У мальчика кружилась голова, ощущение твердой почвы под ногами вызывало тошноту. Невольничий корабль проделал путь в сорок с лишним световых лет, неся в своих

трюмах смрад, такой же, как и на любом другом невольничьем корабле: затхлый дух сбившихся в кучу невымытых тел, тяжелый запах страха, рвоты и неизбывной горечи. И все же на его борту мальчик что-то собой представлял, он был признанным членом определенного сообщества, имел право на ежедневный паек и право драться за привилегию съесть его в одиночку. Он даже имел друзей.

А теперь он снова никто и ничто, и его снова собирались продать.

Предыдущий лот увели с помоста, это были две светло-волосые девушки, которых объявили близнецами. Торг за них шел оживленно, цена поднялась высоко. Аукционист с довольной ухмылкой повернулся и указал на мальчика:

– Лот девяносто семь. Тащите его сюда.

Мальчишку пинками загнали на помост. Он стоял, весь сжавшись, бросая по сторонам быстрые дикие взгляды, рассматривая то, что не мог видеть из своего загона. Невольничий рынок расположен на той стороне знаменитой площади Свободы, что примыкает к космопорту, напротив холма, увенчанного еще более знаменитым зданием Президиума Саргона, капитолия Девяти миров. Но мальчик не знал, что это за здание; он не ведал даже, на какую планету его занесли. Он смотрел на толпу.

Ближе всех к помосту работорговцев сгрудились нищие, чтобы кланчить подаяние у покупателей, претендующих на покупку. За ними полукругом стояли скамьи для богатых и знати. По краям торчали рабы, носильщики, телохранители и шоферы этих сливок общества. Они бездельничали возле автомобилей хозяев или паланкинов и портшезов, принадлежавших тем, кто был побогаче. Позади господ собрались простолюдины – бездельники и зеваки, вольноотпущенники и карманники, разносчики прохладительных напитков, изредка встречались и простые торговцы, не получившие привилегии сидеть, но готовые при случае поторговаться за носильщика, писца, мастерового или даже служанку для своих жен.

– Лот девяносто семь, – повторил аукционист. – Симпатичный здоровый парень. Может использоваться как паж или камердинер. Дамы и господа, представьте его в ливрее вашего дома. Взгляните на...

Его слова потонули в визге звездолета, совершавшего посадку на космодроме у него за спиной.

Старый нищий Баслим Калека изогнулся всем своим полюбощенным телом и, прищурив единственный глаз, глянул за край помоста. По его мнению, мальчик мало чем походил на вышколенного домашнего слугу – скорее уж на грязного, изможденного, избитого и затравленного зверька. На спине мальчика сквозь грязь проступали белые шрамы – рекомендательные письма его прежних хозяев.

Глаза и форма ушей парнишки навели Баслима на мысль, что тот, возможно, чистокровный потомок землян, но наверняка можно было утверждать только то, что он мал, напуган и все еще непокорен.

Мальчик почувствовал пристальный взгляд нищего и тоже уставился на него.

Визг звездолета стих, и богатый франт, сидевший в первом ряду, лениво взмахнул платочком, привлекая к себе внимание аукциониста.

– Ты тратишь наше время впустую, мошенник. Покажи нам что-нибудь вроде последнего лота.

– О благородный господин, мне полагается выкликать номера в соответствии с каталогом.

– Тогда пошевеливайся! Или сразу убери этого заморыша и покажи нам настоящий товар.

– Вы так добры ко мне, господин. – Аукционист возвысил голос: – Меня просят ускорить торги, и я уверен, что мой благородный работодатель не станет возражать. Буду откровенен: этот славный парнишка молод. Его новый владелец должен будет его всему учить. Поэтому...

Мальчик слушал вполуха. Он почти не знал местного языка, и все, о чем тут говорилось, было для него пустым звуком. Он оглядел дам под вуалями и элегантных мужчин, гадая, с кем ему придется иметь дело.

– ...низкая стартовая цена и быстрые торги, – продолжал аукционист. – Начинаем! Кто даст двадцать стелларов?

Повисло неловкое молчание. Леди, изящно и дорого одетая – от обутых в сандалии ног до укрытого кружевами лица, – склонилась к франту, что-то прошептала и

захихикала. Франт нахмурился, вытащил кинжал и сделал вид, будто чистит ногти.

– Я сказал тебе пошевеливаться, – буркнул он аукционисту.

Тот вздохнул:

– Господа, прошу вас помнить, что я несу ответственность перед своим клиентом. Но мы снижаем стартовую цену. Десять стелларов. Да, я сказал «десять»! Это уже просто фантастика! – Он с изумлением огляделся. – Уж не оглохли я? Может быть, кто-то поднял палец, а я просто не вижу? Прошу вас, вдумайтесь. Вот здесь перед вами стоит молодой крепкий парень, подобный чистому листу бумаги, и вы можете нарисовать на нем все, что пожелаете. За невероятно низкую цену вы можете вырезать ему язык или еще что-то, это уже на ваш вкус.

– Или скормить его рыбам!

– Или скормить его... О, вы так остроумны, благородный господин!

– Это начинает надоедать. Ты что, думаешь, этот замухрышка чего-нибудь стоит? Может, он твой сын?

Аукционист выдавил улыбку:

– Будь так, я гордился бы им. Жаль, что мне запрещено разглашать происхождение этого парня...

– Значит, попросту говоря, оно тебе неизвестно.

– Хотя я и обязан держать рот на замке, однако не премину указать на форму его черепа и идеально округлую форму ушей...

Аукционист схватил мальчика за ухо и потянул, тот вернулся и укусил его за руку. Толпа рассмеялась. Аукционист отдернул руку:

– Экий живчик! Ну, да плетка и не таких лечила. Прекрасная порода. Вы только взгляните на его уши! Можно сказать, лучшие в Галактике.

Аукционист упустил из виду один важный момент: молодой франт был уроженцем Синдона IV. Он снял свой шлем, явив на свет типично синдонианские уши – длинные,

заостренные и волосатые. Синдонианин подался вперед, уши его стали торчком.

– Кто твой благородный покровитель?

Старый нищий Баслим метнулся к углу помоста, готовый чуть что – улизнуть. Мальчик напрягся и заозирался по сторонам, чувствуя угрозу, но не понимая, откуда она исходит. Аукционист побледнел: никто не смел в открытую потешаться над синдонианином... более одного раза.

– О мой господин, – выдавил он, – вы не так меня поняли...

– А ну повтори, что ты там вякнул про уши и прекрасную породу!

Аукционер увидел полицейских, но они были слишком далеко. Он нервно облизнул губы:

– Смилуйтесь, благородный господин. Мои дети умрут с голода. Я сказал лишь то, что говорят все. Это не мое личное

мнение. Я всего лишь хотел побыстрее сбыть этот товар... как вы сами настаивали...

В тишине прозвучал женский голосок:

– Ой, да брось ты его, Дварол. Не его вина, что у этого раба такие уши. Он только продает его.

– Вот и пусть продает! – сопя, ответил синдонианин.

Аукционист перевел дух:

– Да, мой господин. – Он собрался с силами и продолжал: – Прошу простить меня, мои дамы и господа, за то, что трачу время на этот злосчастный лот. Прошу вас, назначьте хоть какую-нибудь цену!

Он подождал, затем нервно проговорил:

– Не слышу никаких предложений. Цену никто не назначает. Цена не назначена – раз... Если вы ничего не предложите, я буду обязан вернуть этот лот в запасник и прервать торги для консультации с моим клиентом. Цена не назначена – два... У меня еще столько отличного товара. Какая жалость, если не удастся его показать. Цена не назначена – три...

– Вон твоя заявка! – рявкнул синдонианин.

– Что?

Нищий старик поднял два пальца. Аукционист в изумлении уставился на него:

– Ты назначаешь цену?!

– Да, – проскрипел старик, – если господа и дамы позволят.

Аукционист обвел взглядом сидящую полукругом публику. Кто-то из толпы крикнул:

– Почему бы и нет? Деньги есть деньги!

Синдонианин кивнул, аукционист быстро спросил:

– Ты предлагаешь за этого мальчишку два стеллара?

– Нет, нет, нет, нет, нет! – завопил Баслим. – Два минима!

Аукционист замахнулся было на старика, но тот с ловкостью увернулся.

– Поди прочь! – рявкнул аукционист. – Я тебе покажу, как насмехаться над господами!

– Эй, аукционист!
– Да, господин? Слушаю, мой господин?
– Ты говорил: «Назначьте хоть какую-нибудь цену», – сказал синдонианин. – Продай ему мальчишку!

– Но...

– Ты меня слышал?

– О господин, я не могу продать за первую же назначенную цену. В законе ясно сказано: одна заявка – не аукцион. Даже две, если аукционист не установил минимума. А иначе я не смогу продать его, не услышав по крайней мере три предложения. Благородный господин, этот закон принят для защиты интересов владельца, а не ради меня, несчастного!

– Да, есть такой закон! – выкрикнул кто-то.

Синдонианин нахмурился:

– Тогда объяви цену.

– Как будет угодно милостивым господам и дамам. – Аукционист обратился к толпе: – Я слышал, что за лот девяносто семь предлагают два минима. Кто даст четыре?

– Четыре, – отозвался синдонианин.

– Пять! – раздалось из толпы.

Синдонианин поманил к себе нищего. Баслим подполз на руках, волоча обрубок второй ноги. Ему мешала чаша для подаяний.

– Пять минимов – раз! – запел аукционист. – Пять минимов – два...

– Шесть! – бросил синдонианин и, заглянув в чашу нищего, достал кошелек. Он швырнул калек горсть мелочи.

– Я слышу «шесть»! Услышу ли я – семь?

– Семь! – прокрипел Баслим.

– Семь минимов! Эй, господин с поднятым пальцем, вы предлагаете восемь?

– Девять! – перебил нищий.

Аукционист поморщился, но заявку принял. Цена подползала к стеллару, шутка становилась дороговата для большинства присутствующих. Дамам и господам не хотелось ни

портить шутку синдонианина, ни приобретать такого ничемного раба.

– Девять минимов – раз... – забормотал аукционист. – Девять минимов – два... девять минимов – три... Продано за девять минимов!

Он столкнул мальчишку с помоста, и тот угодил прямо на руки старику.

– Забирай и проваливай!

– Полегче, ты! – осадил его синдонианин. – Где купчая?

Едва сдерживаясь, аукционист проставил имя нового владельца и цену на заранее заготовленном для лота девяносто семь бланке. Баслим уплатил девять минимов и воспользовался щедростью синдонианина, чтобы выплатить регистрационный тариф, оказавшийся выше продажной цены мальчика. Паренок тихо стоял рядом. Он понял, что опять продан и что новый его хозяин – вот этот самый старик. Впрочем, ему было не важно, кто его хозяин, ему не нужны были никакие хозяева. Пока шло оформление покупки, мальчишка внезапно пустился наутек.

Старый нищий, даже не взглянув в его сторону, выбросил длинную руку и, ухватив парня за ногу, вернул на место. Затем Баслим поднялся. Положив руку на плечи мальчика, он оперся о него, используя вместо костыля. Мальчик почувствовал, как костлявая ладонь стискивает его предплечье, и расслабился, покорившись неизбежному. Ладно, в другой раз! Рано или поздно они все теряли бдительность, нужно было только выждать время.

Обретя опору, калека с достоинством поклонился.

– Мой господин! – прохрипел он. – Я и мой слуга благодарим вас.

– Пустое, пустое. – Синдонианин махнул платком, отпуская нищего.

От площади Свободы до Баслимовой норы было меньше одного ли и не больше полумили⁷, но шли они долго. Баслим неуклюже скакал, используя мальчишку как опору, а этот способ передвижения был даже медленнее, чем обычный, когда нищий полз на руках и одном колене. Кроме того, он часто останавливался, чтобы заняться привычным делом, – и это не значит, что работа прекращалась, пока они тащились по улицам, потому что старик и тогда заставлял мальчика совать чашу для подающих под нос каждому встречному и поперечному.

Все это он проделывал молча. Баслим уже пытался объясниться с мальчиком на интерлингве, космическом голландском, саргонезском, на полудюжине разных диалектов, на воровской фене, на языке рабов и сленге торговцев, даже на английском Системы. Все без толку, хотя пару раз Баслиму показалось, что парнишка его понимает. В конце концов нищий оставил эту затею и стал выражать свои пожелания при помощи жестов и оплеух.

«Что ж, если у них нет общего языка, – думал Баслим, – я научу его – но всему свое время, всему свое время...»

Баслим никогда не спешил. Он вообще отличался дальновидностью.

Жилище Баслима располагалось под старым амфитеатром. Когда Саргон Август повелел воздвигнуть другой, более внушительный по размерам цирк, старый снесли не весь. Работы были прерваны Второй Сетанской войной и больше не возобновлялись. Баслим повел мальчика в эти развалины. Идти здесь было тяжело, и временами Баслиму приходилось пробираться ползком, но хватка его не ослабевала ни на миг. Однажды, правда, в руке нищего оказалась только расползающаяся набедренная повязка, и мальчишка едва не вывернулся из своего рубища, но нищий успел схватить его за запястье. После этого они пошли еще медленнее.

⁷ Ли – около 576 м; миля – около 1600 м.

Они спустились в темный лаз в конце обрушившейся галереи, старик заставил мальчика идти первым. Потом они поползли по битой черепице и грудам булыжника, пока не очутились в другом коридоре, где было темно как ночью, но сравнительно чисто. Ниже, еще ниже, опять вниз – и вот они уже в чреве старого амфитеатра, в казармах под бывшей арене.

В темноте они подошли к прочно срубленной двери. Баслим открыл ее, втолкнул мальчишку внутрь, вошел сам и запер дверь за собой, прижав большой палец к замку-определителю. Потом он коснулся выключателя. Вспыхнул свет.

– Ну вот мы и дома, парень.

Мальчик изумленно огляделся. Он уже давно отвык интересоваться окружающим, но теперь, оказавшись внутри, увидел совсем не то, что ожидал увидеть. Он стоял в просто обставленной комнате, чистой и уютной. Потолочные панели излучали приятный рассеянный свет. Мебели было немного, но вся она стояла на своих местах. Мальчишка с трепетом озирался по сторонам. Как ни убого выглядела эта комната, она была лучше любой из тех, в которых он жилал прежде.

Нищий отпустил плечо мальчика и проковылял к шкафу. Поставив туда свою чашу, он извлек на свет нечто непонятное. Потом нищий стянул с себя рубище, повозился с ремнями, и тут мальчик понял, что это – протез, искусственная нога, причем сделана она была так здорово, что ничем не уступала настоящей, из плоти и крови.

Нищий поднялся, взял с полки брюки и натянул их. Теперь он вовсе не был похож на калеку.

– Иди сюда, – сказал он на интерлингве.

Мальчик не шелохнулся. Баслим повторил то же самое на других языках, потом пожал плечами, взял мальчика за руку и повел в соседнюю комнатку. Это была маленькая кухня, совмещенная с ванной. Баслим наполнил водой таз, вручил пареньку обмылок и сказал:

– Мойся. – И жестами объяснил, чего хочет.

Мальчик упрямо молчал и не шевелился. Старик вздохнул, взял здоровенную щетку для пола и изобразил, будто чистит ей мальчика. Когда жесткая щетина коснулась кожи, он остановился и повторил:

– Купаться. Мыться. – Он произнес это на интерлингве и английском Системы.

Мальчик поколебался, снял свое тряпье и начал медленно намыливаться.

– Так-то лучше, – сказал Баслим. Он поднял грязную набедренную повязку, бросил в мусорный бачок, достал полотенце. Потом повернулся к кухне и занялся стряпней.

Через несколько минут он оглянулся. Мальчишки не было. Старик не спеша вошел в комнату и увидел, что тот, голый и мокрый, изо всех сил старается открыть дверь. Заметив Баслима, мальчик удвоил усилия, но все было тщетно. Старик похлопал его по плечу и махнул рукой в сторону маленькой комнаты:

– Ступай домываться.

Он отвернулся. Паренек побрел следом.

Когда мальчик вымылся и вытерся, Баслим поставил на плиту котелок с тушенкой, открыл шкафчик и достал из него склянку и клочок ваты из растительных волокон. Вымытая кожа мальчика явила миру богатое собрание шрамов и синяков, незаживающих язв, порезов и ссадин, старых и новых.

– Стой тихо.

Мазь щипала, и мальчик принялся ерзать.

– Стой тихо, – ласково, но твердо повторил Баслим и похлопал ребенка по руке.

Тот расслабился, только вздрагивал каждый раз, когда лекарство попадало на кожу. Старик тщательно осмотрел застарелую язву на колене мальчика, направился, что-то тихо напевая, к шкафчику, вернулся и всадил парню шприц пониже спины, предварительно растолковав языком жестов, что оторвет ему голову, если тот только попробует дернуться. Потом он отыскал какую-то старую тряпку, жестами

предложил мальчику обернуть ее вокруг себя и опять занялся стряпней.

Покончив с этим, он поставил на стол в гостиной две большие миски с тушеным мясом, предварительно подвинув стол и свой стул так, чтобы мальчик мог есть, сидя на сундуке. К мясу он добавил горсть зеленой чечевицы и пару щедрых ломтей деревенского хлеба, черного и плотного.

– Суп готов, парень. Иди-ка поешь.

Мальчик опустился на краешек сундука, но есть не стал, готовый в любое мгновение сорваться и улизнуть. Баслим перестал жевать:

– В чем дело?

Он заметил, как мальчишка метнул быстрый взгляд на дверь и потупился.

– Ах это. – Старик поднялся, прочно опираясь на свой протез, прошагал к двери и прижал большой палец к замку. – Дверь открыта, – объявил он, глядя на мальчика. – Ешь свой ужин или уходи.

Он повторил это на нескольких языках и с удовлетворением отметил, что добился понимания именно тогда, когда обратился к мальчику на том языке, который считал его родным.

Однако Баслим не стал утруждать себя проверкой, а вернулся к столу, осторожно уселся на свой стул и взял ложку.

Мальчик потянулся за своей, а потом внезапно сорвался с места и выскочил за дверь. Баслим продолжал есть. Дверь оставалась приоткрытой, и свет из нее лился в темный коридор.

Завершив свой неспешный обед, Баслим почувствовал, что мальчишка смотрит на него из темноты. Он откинулся на спинку стула и, избегая глядеть на дверь, занялся своей зубочисткой. Не оборачиваясь, старик произнес на том языке, который, как он считал, мог быть понятен мальчику:

– Может, вернешься и съешь свой ужин, или мне выбросить твою еду?

Мальчик не отвечал.

– Ну что ж, – пробормотал Баслим. – Если ты не хочешь входить, я закрываю дверь. Оставлять ее нараспашку при включенном свете – слишком большой риск. – Он неторопливо поднялся, подошел к двери и начал потихоньку ее закрывать. – Поспешите с заказами, – объявил он. – Мы закрываемся на ночь.

И когда дверь уже почти захлопнулась, мальчик вскрикнул:

– Подожди!

На том наречии, которое и ожидал услышать старик.

Парнишка стремглав юркнул в дом.

– Добро пожаловать, – невозмутимо произнес Баслим. – Я не стану запираť дверь на замок – на тот случай, если ты передумаешь. – Он вздохнул. – Будь моя воля, вообще никто не сидел бы взаперти.

Мальчик не ответил. Он сел, склонился над миской и набросился на еду с такой жадностью, будто боялся, что она вдруг исчезнет. Глаза его так и шныряли по сторонам, а Баслим сидел и наблюдал за ним.

Вскоре мальчишка стал есть медленнее, но продолжал жевать и глотать, пока за последним куском мяса не последовал последний кусок хлеба, пока не исчезло последнее зерно чечевицы. Остатки паренек поглощал через силу, но все же справился с ними, заглянул в глаза Баслима и застенчиво улыбнулся. Баслим улыбнулся в ответ.

Внезапно улыбка сбежала с лица мальчика. Он побледнел, потом позеленел, из уголка рта потекла струйка слюны, и мальчишку вырвало.

Баслим проворно отодвинулся, спасаясь от этого извержения.

– Звезды небесные, какой же я дурак! – вскричал он на своем родном языке.

Он вышел на кухню, вернулся с ведром и тряпкой, отер лицо мальчика и велел ему успокоиться, потом вытер каменный пол.

Немного погодя он принес ребенку гораздо более скромную снедь – бульон и маленький кусочек хлеба.

– Макай хлеб и ешь.

– Я лучше не буду.

– Ешь. Больше тебя уже не стошнит. Я же видел, что у тебя живот к спине прирос, должен был догадаться, что тебе нельзя давать порцию взрослого мужчины. Ешь, только помедленнее.

Мальчик поднял глаза, его подбородок затрясся. Он проглотил немножко бульона. Баслим смотрел на ребенка, пока тот не одолел весь суп и почти весь хлеб.

– Вот и хорошо, – сказал наконец старик. – Ну, парень, пожалуй, пора и на боковую. Кстати, тебя как зовут?

Мальчик поколебался:

– Торби...

– Торби. Хорошее имя. Можешь звать меня папой. Спокойной ночи.

Он отстегнул протез, доскакал до шкафа и спрятал его, потом добрался до своей постели. Ложё было нехитрое – просто тюфяк в углу. Старик отодвинулся подальше, к стене, чтобы освободить место для мальчика, и сказал:

– Будешь ложиться – погаси свет.

Он закрыл глаза и стал ждать.

Повисла долгая тишина. Потом Баслим услышал, как мальчик идет к двери. Свет погас. Старик ждал, откроет он дверь или нет. Нет. Вместо этого он почувствовал, как мальчик залез на тюфяк.

– Спокойной ночи, – повторил Баслим.

– Спокойной...

Старик уже почти дремал, когда вдруг почувствовал, что мальчишку всего трясет. Нащупав его тело ладонью, Баслим погладил обтянутые кожей ребра, и тут мальчик разрыдался.

Тогда старик повернулся, устроив поудобнее искалеченную ногу, обнял трясущиеся плечи мальчугана и притянул его лицо к своей груди.

– Все хорошо, Торби, – ласково проговорил он. – Все в порядке. Все кончилось. Это никогда больше не повторится.

Мальчик всхлипнул и плотно прижался к старику. Баслим успокаивал его, бормоча что-то ласковое, пока тот не перестал вздрагивать. А потом просто обнимал его – до тех пор, пока Торби не уснул.

Глава 2

Раны Торби затягивались: те, что снаружи, – быстрее, те, что внутри, – куда медленнее. Старик-нищий раздобыл где-то еще тюфяк и положил его в другой угол, но все равно, просыпаясь по ночам, порой обнаруживал рядом с собой маленькое теплое тело. Тогда он понимал, что мальчику снова приснился кошмарный сон. Баслим спал очень чутко и не любил делить с кем-либо свое ложе, но, когда такое случилось, он не гнал Торби обратно на его тюфяк.

Иногда мальчик принимался громко кричать во сне. Однажды Баслим пробудился оттого, что Торби вскрикнул:

– Мама, мама!

Не зажигая света, старик проворно подполз к его лежанке и склонился над мальчуганом:

– Ну-ну, сынок, все в порядке.

– Папа?

– Спи, сынок, а то маму разбудишь. Я побуду с тобой, – добавил Баслим. – Тебе нечего бояться. Успокойся. Мы же не хотим разбудить маму... правда?

– Ладно, пап...

Затаив дыхание, старик сидел рядом и ждал. В конце концов он сам затрясся от холода и у него разболелась культия. Убедившись, что мальчик спит, Баслим уполз на свое ложе.

Этот случай заставил старика прибегнуть к гипнозу. Давным-давно, когда у Баслима еще были оба глаза и две ноги и не надо было нищенствовать, он изучал это искусство. Но гипноз ему не нравился, даже когда он применялся в

медицинских целях: Баслим почти фанатично верил в неприкосновенность личности, и гипнотическое внушение противоречило его принципам.

Но это была чрезвычайная ситуация.

Старик мог поклясться: Торби разлучили с родителями в таком возрасте, что у него не осталось о них осознанных воспоминаний. Все, что мальчик видел в своей жизни, сводилось к бесконечной череде все новых и новых хозяев, один другого хуже, каждый из которых на свой лад стремился сломить дух «негодного мальчишки». Торби сохранил яркие воспоминания о некоторых из этих хозяев и описывал их на грубом своем языке – красочно и беспощадно. Однако он не имел представления, где и когда с ним все это происходило. «Место» для него было равнозначно «поместью», «имению» или «рабочему бараку», но не определенной планете или звезде (познания мальчика в астрономии были большей частью неверными, а о галактографии он и вовсе понятия не имел); что до времени, то тут для него существовало только «до» и «после», «долго» и «коротко».

Поскольку на каждой планете – свои сутки, свой год и свое летоисчисление, ученые пользовались стандартной секундой, длина которой вычислялась по радиоактивному распаду; стандартным считался год планеты – колыбели человечества, и единой датой отсчета – день, когда человек впервые добрался до спутника этой планеты, Сол III. Неграмотный мальчишка просто не мог пользоваться такой датировкой. Земля была для Торби мифом, а день – промежуток времени между пробуждением и отходом ко сну.

Возраст мальчика Баслим определить не мог, даже приблизительно. На вид Торби был чистокровным землянином и как будто не достиг подросткового возраста, однако любые догадки на этот счет были не более чем домыслами. Вандорианцы и италоглифы выглядят как земляне, но вандорианцы взрослеют втрое медленнее. Баслим вспомнил анекдот о дочке консула, ее второй муж оказался правнуком первого,

но она пережила обоих. Мутации иногда совсем не проявляются внешне.

Не исключено, что мальчишка «старше» самого Баслима – в стандартных секундах. Ведь космос велик, и человечество адаптировалось к разным условиям. Не важно! Торби был молод, и ему нужна была помощь.

Гипноза Торби не боялся: это слово было для него пустым звуком, а давать объяснения Баслим не стал. Однажды вечером, после ужина, старик просто сказал:

– Торби, я хочу, чтобы ты кое-что сделал для меня.

– Разумеется, пап. А что?

– Ложись на свою постель, потом я тебя усыплю, и мы поговорим.

– Что? Ты хотел сказать наоборот?

– Нет, это не простой сон. В этом сне ты сможешь говорить.

Торби не поверил, но согласился. Старик выключил верхнее освещение и зажег свечу. Сосредоточив внимание мальчика на язычке пламени, он применил древние методы внушения: расслабление, сонливость... сон.

– Торби, ты спишь, но слышишь меня и можешь отвечать.

– Ага, пап...

– Ты будешь спать до тех пор, пока я не велю тебе проснуться. Но ты сможешь отвечать на любой мой вопрос.

– Ага, пап...

– Ты вспоминаешь корабль, на котором тебя привезли сюда. Как он называется?

– «Веселая вдовушка». Только мы называли его совсем не так.

– Ты видишь, как попал на этот корабль. Вот ты на борту. Ты все видишь. Ты все помнишь. Теперь возвратись туда, где ты был до того, как очутился на корабле.

Спящий мальчик съежился и напрягся:

– Не хочу!

– Я с тобой. Ты в безопасности. Скажи, как называлось то место? Вернись туда, посмотри на него.

Полтора часа просидел Баслим на корточках над спящим ребенком. Пот струился по его морщинистому лицу. Старик чувствовал себя опустошенным. Чтобы вернуть мальчика к тем временам, что его интересовали, им пришлось пройти через переживания, которые были тягостны даже для старого ожесточившегося Баслима. Поэтому мальчик вновь и вновь сопротивлялся воспоминаниям, и старик не мог его в том винить. Теперь он знал наперечет все рубцы на спине Торби и мог назвать имена негодяев, оставивших каждый из них.

Так или иначе, он добился своего, он заглянул в прошлое дальше, чем позволяла память мальчика в состоянии бодрствования, заглянул в его раннее детство и, наконец, в тот болезненный момент, когда Торби, совсем еще младенца, вырвали из родительских рук.

Оставив мальчика лежать в глубокой коме, Баслим попытался собрать разбегавшиеся мысли. Последние минуты разговора дали Торби с таким трудом, что старик усомнился: а имел ли он право докапываться до корня зла?

Что ж, посмотрим... Что ему удалось узнать?

Мальчик был рожден свободным. Но Баслим в этом и не сомневался. Родной язык Торби – английский Системы, но парень говорит на нем с акцентом, которого Баслим не может распознать из-за особенностей детской артикуляции. Стало быть, мальчик родился в пределах Терранской Гегемонии, а может быть (хотя и маловероятно), даже на самой Земле. Это был своего рода сюрприз: прежде Баслиму казалось, что родной язык мальчика – интерлингва, ведь он владел ею лучше, чем тремя другими знакомыми ему языками.

Что еще? Родители мальчика, конечно, мертвы, если можно полагаться на его искаленную память, на обрывки воспоминаний, извлеченные Баслимом из глубин его мозга. Старик не смог выяснить родительские фамилии или придумать какое-нибудь иное средство их идентификации. Они

были просто «папой» и «мамой», так что в конце концов старик оставил надежду разыскать семью мальчика.

Что ж, теперь он должен сделать кое-что, чтобы это испытание не оказалось для парнишки напрасным.

– Торби?

Мальчик застонал и пошевелился:

– Что, пап?

– Ты спишь. Ты проснешься только тогда, когда я тебе скажу.

– Я проснусь... когда ты скажешь...

– Как только я скажу, ты проснешься. Тебе будет хорошо, ты забудешь все, о чем мы с тобой говорили.

– Ага, пап...

– Ты все забудешь, тебе будет хорошо. Через полчаса ты снова захочешь спать. Я попрошу тебя лечь в постель, ты ляжешь и сразу уснешь. Ты будешь крепко спать всю ночь и видеть хорошие сны. У тебя больше не будет плохих снов. Повтори это.

– У меня больше не будет плохих снов...

– Ты никогда не увидишь кошмаров. Никогда.

– Никогда...

– Папа и мама не хотят, чтобы ты видел плохие сны. Они счастливы и хотят, чтобы ты был счастлив. Они будут сниться тебе только в добрых снах.

– В добрых снах...

– Все хорошо, Торби. Ты начинаешь просыпаться. Ты просыпаешься и не можешь вспомнить, о чем мы говорили. Но ты никогда больше не увидишь дурных снов. Проснись, Торби.

Мальчик сел, протер глаза, зевнул и улыбнулся:

– Ой, я же совсем заснул. Вот сыграл с тобой шутку! Что, не получилось, пап?

– Все в порядке, Торби.

Не один сеанс понадобился, чтобы усмирить призраков, но со временем кошмары отступили и прекратились вовсе.

Однако Баслим не был искусным гипнотизером и не мог стереть дурных воспоминаний, в глубине они все равно оставались. Ему удалось лишь внушить Торби, что воспоминания эти не будут омрачать его жизнь. Впрочем, даже будь Баслим более сведущ в гипнозе, он все равно не стал бы избавлять мальчика от воспоминаний: по его твердому убеждению, житейский опыт человека – всецело его достояние, и нельзя без разрешения вырывать из памяти ничего, даже самого печального.

Ночи Торби наполнились покоем, зато дни – суетой. Поначалу Баслим все время держал мальчика при себе. Позавтракав, они обычно брели на площадь Свободы. Старик устраивался на мостовой, а Торби с голодным видом сидел или стоял рядом, держа в руках чашу для подаяний. Место они всегда выбирали такое, где было побольше пешеходов, но при этом старались не очень мозолить глаза полиции. Мало-помалу Торби открыл, что полицейские, патрулирующие площадь, в большинстве своем способны только рычать. К тому же полиции недоплачивали, и Баслим заключил с патрульными весьма выгодное для них соглашение. Место они всегда выбирали так, чтобы загораживать дорогу пешеходам, но не слишком, – нельзя было давать

полицейским повод обратить на себя внимание. Мало-помалу Торби открыл, что полицейские, патрулирующие площадь, могут разве что наорать, но не более того: договоренность с Баслимом обеспечивала им прибавку к низкой зарплате.

Торби быстро освоил древнее ремесло. Он узнал, что мужчина, сопровождающий даму, всегда щедр, если обратиться за подаванием к его спутнице; что просить милостыню у женщины, шествующей в одиночестве, – бессмысленное занятие, разве что если она из тех, кто не носит вуаль; что, обращаясь к одинокому мужчине, можно с равной вероятностью получить и пинок, и монету; что космонавты, вступившие на землю, подают щедро. Баслим научил мальчика, что в чаше всегда должно лежать несколько монет, не слишком мелких, но и не самых крупных.

Поначалу маленький, истощенный, покрытый язвами Торби как нельзя лучше подходил для этой работы. Одной его наружности оказывалось вполне достаточно. Увы, вскоре он стал выглядеть куда лучше. Баслим вернул ему прежний вид с помощью грима, нарисовав тени вокруг глаз и провалы на щеках. Маленькая пластиковая нашлапка на ноге выглядела совсем как настоящая язва, омерзительная на вид, и прикрывала давно зажившую рану. Она была смазана подслащенной водой и поэтому привлекала мух, так что податели милостыни, бросая в чашу деньги, сразу отводили глаза.

Скрывать сытое тело тоже было непросто, но за год – за два он сильно подрос и поэтому оставался по-прежнему худым, несмотря на хороший завтрак, добрый ужин и сладкий сон.

Получил Торби и бесценное образование уличного мальчишки. В Джаббалпуре, столице Джаббала и Девяти миров, главной резиденции Великого Саргона, обитали три с лишним тысячи лицензированных нищих, вдвое больше, чем уличных торговцев. Здесь было больше питейных заведений, чем храмов, а храмов больше, чем в любом другом

городе Девяти миров. По улицам слонялось бесчисленное множество уличного вора, татуировщиков, продавцов наркотиков, шлюх, форточников, подпольных менял, карманников, гадалок, грабителей, наемных убийц и мошенников, крупных и мелких. Его жители похвалялись тем, что на проспекте Девяти миров, пройдя не больше одного ли от пилона близ космопорта, человек с деньгами мог купить все, что только существует в разведанной части Вселенной, от звездолета до десяти гран звездной пыли, от подмоченной репутации до тоги сенатора... вместе с сенатором в придачу.

Формально Торби не имел отношения к преступному миру: у него был легальный статус (раб) и узаконенная профессия (нищий). На деле же он вращался в уголовной среде, наблюдая ее изнутри. На социальной лестнице он стоял на самой нижней ступени.

Будучи рабом, Торби научился лгать и воровать так же естественно, как другие дети учатся вести себя в обществе, но при этом гораздо быстрее. Однако он убедился в том, что подобными талантами наделены многие обитатели городских низов. Такие дарования расцветали тут буйным цветом, достигая высших уровней искусства. По мере того, как Торби вырос, осваивал язык и лучше узнавал улицу, Баслим начал отпускать его из дому одного – то с каким-нибудь поручением, то в лавку за провизией, а то и на промысел. Сам старик при этом оставался дома. В итоге Торби «попал в дурную компанию» и «опустился», если, конечно, можно опуститься ниже самых низов.

Однажды он вернулся домой с пустым горшком. Баслим не сказал Торби ни слова, но тот сам пустился в объяснения:

– Слышь, пап, я здорово поработал!

Он достал из набедренной повязки красивый шейный платок и с гордостью его развернул.

Но Баслим не улыбнулся и даже не прикоснулся к платку:

– Где ты это взял?

– Позаимствовал.

– Это ясно. У кого?

– У одной леди. Она такая красотка.

– Дай-ка взглянуть на метку. М-да... похоже, это леди Фаския. Да, она действительно красотка. Однако почему ты не в тюрьме?

– Да ладно, пап! Это было так легко. Меня Зигги научил, он все эти штучки знает, он ловкий! Видел бы ты его в деле!

Баслим задумался. Можно ли привить понятие о нравственности выброшенному на улицу котенку? Старик решил не пускаться в абстрактные этические словоизлияния, чтобы объяснить мальчику, что к чему. Ни детство Торби, ни его нынешнее окружение не позволяли общаться с ним на таком уровне.

– Торби, ты хочешь сменить профессию? Почему? У нас ты платишь комиссионные полиции, взносы в гильдию, делаешь подношения в храме в дни праздников и живешь себе без забот. Разве мы когда-нибудь ходили голодными?

– Нет, пап, но ты взгляни на него! Небось на стеллар потянет!

– Я бы сказал – не меньше двух. Но барыга даст тебе за него два минима, да и то если расщедрится. В чаше ты принес бы больше.

– Ну... я еще научусь как следует... Это куда интереснее, чем нищенствовать. Ты бы посмотрел, как работает Зигги!

– Я видел, как работает Зигги. Он и впрямь мастер.

– Самый лучший!

– И все-таки, по-моему, он работал бы еще лучше, будь у него две руки.

– Ну, может, и так, хотя в деле хватает и одной. Но он учит меня работать и левой, и правой.

– Это хорошо. Вероятно, тебе бесполезно будет узнать, что может настать день, когда и ты недосчитаешься одной руки, как это произошло с Зигги. Ты знаешь, как он потерял руку?

– Как?

– Тебе известно, какое полагается наказание, если тебя поймают?

Торби не ответил, и Баслим продолжал:

– Попадаешься в первый раз – теряешь руку. Этим Зигги заплатил за выбор профессии. Да, он хорош, потому что до сих пор живой и в деле. Но знаешь ли ты, как наказывают, если попадаешься второй раз? Нет, другую руку тебе уже не оттяпают. Так как, знаешь?

Торби проглотил слюну:

– Ну, точно не...

– Думаю, ты об этом слышал, только вспоминать не хочешь. – Баслим чиркнул большим пальцем по горлу. – Вот что ждет Зигги в следующий раз. Его укоротят. Судьи его светлости полагают, что мальчик, не способный усвоить один урок, не усвоит и второй, поэтому его укорачивают.

– Но я не попадусь, пап! Я буду жуть какой осторожный... как сегодня. Даю слово!

Баслим вздохнул. Да, этот ребенок верит, что уж с ним-то ничего подобного не случится.

– Торби, принеси-ка мне свою купчую.

– Зачем, пап?

– Принеси, принеси...

Мальчик притащил купчую, и Баслим перечитал ее: «Один ребенок мужского пола, регистрационный номер (выколот на левом бедре) 8ХК40367».

– Гони девять минимов и катись отсюда! – Старик посмотрел на Торби и с удивлением заметил, что с того памятного дня парень вырос на целую голову. – Принеси мой карандаш. Я дам тебе вольную. Я все время хотел это сделать, да не к спеху было. Но теперь сделаю, а завтра поутру пойдешь в Имперский архив и все зарегистрируешь.

У Торби отвисла челюсть.

– Зачем, пап?

– Разве ты не хочешь быть свободным?

– Э... ну, пап... мне нравится быть твоим.

– Спасибо, парень, но я вынужден так поступить.

– Ты хочешь сказать, что выгоняешь меня?

– Нет, можешь остаться, но только как вольноотпущенник. Видишь ли, сынок, хозяин несет ответственность за своего раба. Будь я из благородных, меня бы просто оштрафовали за твой проступок. Но раз я... В общем, если я потеряю еще и руку, как потерял ногу и глаз, мне, наверное, не выжить. Поэтому лучше тебя освободить, если ты собрался осваивать ремесло Зигги. Такой риск – слишком большая роскошь для меня. Я и так уже слишком много лишился. Если что случится – пусть уж лучше сразу укоротят. Так что придется тебе жить на свой страх и риск.

Он не стал щадить Торби и не сказал ему, что на бумаге закон был куда суровее, чем на практике. Провинившегося раба чаще всего просто конфисковывали, продавали, а стоимость его шла на возмещение убытков потерпевшего, если владелец раба был не в состоянии расплатиться сам. В том случае, если владелец оказывался простолюдином и судья считал, что он несет не только юридическую, но и реальную ответственность за проступок раба, его могли подвергнуть еще и порке.

И тем не менее Баслим верно изложил закон. Коль скоро хозяин вершит суд и расправу над своим рабом, он должен нести личную ответственность за действия своего раба, вплоть до смертной казни.

Впервые со дня начала их партнерства Торби заплакал:

– Не отпускай меня, пап... Ну пожалуйста! Я должен принадлежать тебе.

– Очень жаль, сынок, но... Впрочем, я ведь сказал: ты не обязан уходить.

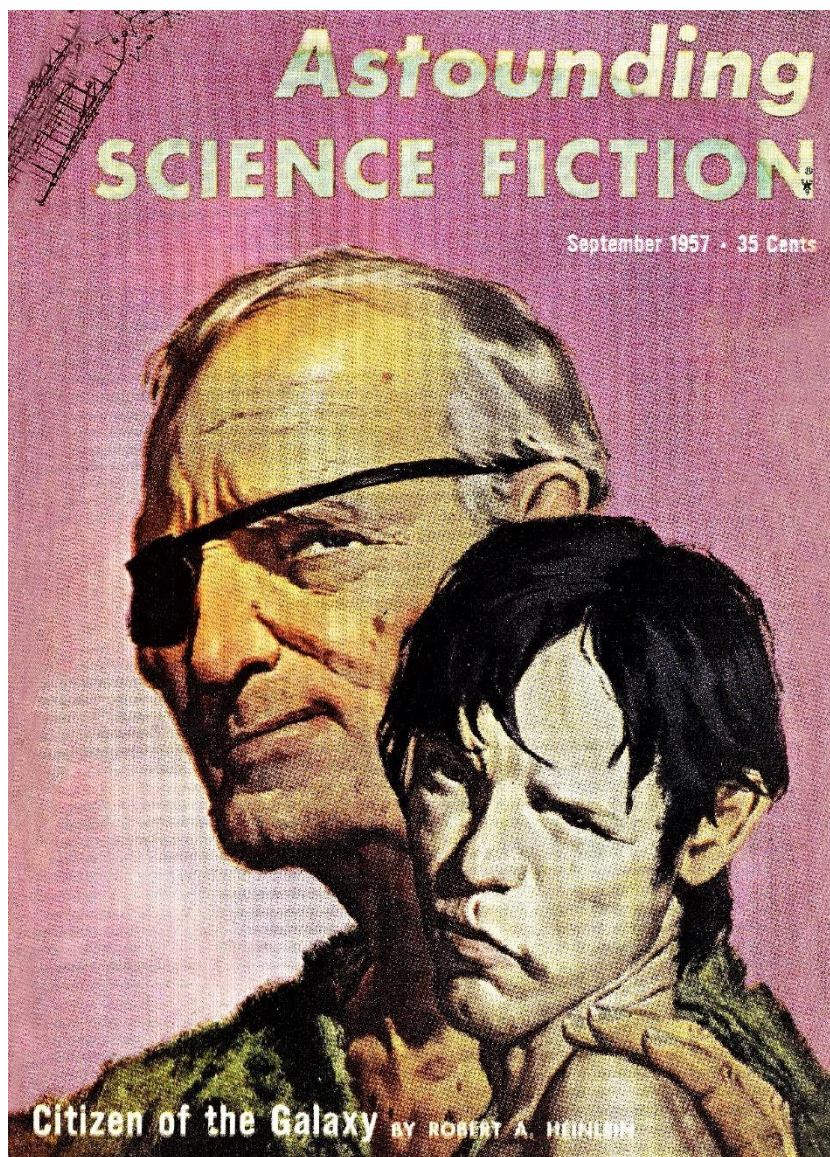
– Ну пожалуйста, пап... Я больше не буду воровать!

Баслим взял его за плечо:

– Взгляни-ка на меня, Торби. Хочу предложить тебе уговор.

– Все, что угодно, пап. До тех пор, пока...

– погоди, сперва послушай. Я сейчас не буду подписывать твои бумаги, но я хочу, чтобы ты обещал мне две вещи.

– Ну конечно! Какие?

– Не спеши. Во-первых, ты должен обещать, что никогда ничего ни у кого не украдешь. Ни у настоящих дам, что ездят в портшезах, ни у нашего брата. У первых воровать слишком опасно, у вторых... позорно, хотя вряд ли ты понимаешь, что значит это слово. Во-вторых, обещай, что никогда мне не соврешь. О чем бы ни шла речь.

– Обещаю... – тихо сказал Торби.

– Говоря о вранье, я имею в виду не только деньги, которые ты от меня прячешь. Я обо всем сразу. Между прочим, тюфяк – неважный тайник для денег. Посмотри мне в глаза, Торби. Ты знаешь, что у меня есть связи по всему городу?

Мальчик кивнул. Ему приходилось носить записки старика в странные места и вручать их самым неожиданным людям.

– Если будешь воровать, я об этом узнаю рано или поздно. Если будешь мне лгать – я поймаю тебя на лжи рано или поздно. Лгать кому-то еще – это твое дело, но вот что я тебе скажу: прослыть лгуном – все равно что лишиться дара речи, потому что люди не прислушиваются к шуму ветра, это уж точно. Итак, в тот день, когда я узнаю, что ты что-то украл... или в тот день, когда я поймаю тебя на лжи... я подписываю твои бумаги и освобождаю тебя.

– Хорошо, пап...

– Но это еще не все. Я вышвырну тебя пинком со всем достоянием, которым ты владел, когда я купил тебя, – лохмотьями и полным набором синяков. Между нами, все будет кончено. И если я когда-нибудь снова увижу тебя, то плюну на твою тень.

– Хорошо, пап... Я не буду никогда, пап!

– Надеюсь. Ложись спать.

Баслим лежал без сна и с тревогой думал о том, что, возможно, он был слишком суров. Но, черт побери, разве не суров этот мир? Но, черт побери, этот мир жесток, и он должен научить ребенка в нем жить.

Потом он услышал шорох, – казалось, крыса грызет что-то в углу. Баслим замер и прислушался. Чуть погодя мальчик тихонько поднялся с тюфяка и подошел к столу. Потом раздался приглушенный звон монет о дерево. Торби вернулся на свое ложе.

И только когда мальчуган начал похрапывать, Баслиму наконец удалось заснуть.

Глава 3

Баслим уже давно научил Торби читать и писать на интерлингве и саргонезском, пуская в ход то оплеухи, то иные способы поощрения, поскольку интерес Торби к интеллектуальным предметам был близок к нолю. Но происшествие с Зигги и осознание того, что Торби растет, напомнили Баслиму, что время не стоит на месте, во всяком случае – для детей.

Торби так и не смог вспомнить, где и когда до него дошло, что Баслим вовсе не попрошайка-нищий или, во всяком случае, не только нищий. Он мог бы догадаться теперь об этом по тому серьезному образованию, которое он стал получать и которое проводилось при помощи таких неожиданных устройств, как магнитофон, проектор и гипнопедический аппарат, но мальчик уже ничему не удивлялся. Что бы ни делал папа, он всемогущ и всегда прав. Торби достаточно хорошо знал нищих, чтобы видеть разницу между ними и Баслимом. Но мальчик не тревожился: папа есть папа, это такая же данность, как солнце и дождь.

Вне дома они никогда не говорили о своих домашних делах, даже о том, где находится их жилище. Гости к ним не ходили. Торби имел двух-трех приятелей, а у Баслима их было много, десятки, если не сотни, и старик, по-видимому, знал, хотя бы в лицо, всех жителей города. Но в дом он не пускал никого, кроме Торби. Однако мальчик был уверен, что папа, помимо нищенства, занимается чем-то еще.

Однажды ночью они, как обычно, легли спать, но на рассвете Торби разбудил какой-то шум, и он сонным голосом позвал:

– Папа?

– Это я. Спи.

Но мальчик встал и зажег свет. Он знал, что Баслиму трудно пробираться в темноте без ноги, а когда папе хотелось пить или было нужно что-нибудь еще, Торби всегда подавал.

– Что случилось, пап? – спросил он, поворачиваясь к Баслиму, и вздрогнул от удивления. Перед ним стоял какой-то незнакомый человек, по виду настоящий джентльмен!

– Не пугайся, Торби, – сказал незнакомец папиным голосом. – Все в порядке, сынок.

– Папа?

– Да, сынок. Прости, что напугал тебя, мне следовало сперва переодеться, а уж потом входить. Но так уж получилось. – Он принялся снимать свою элегантную одежду.

Стянув вечерний парик, Баслим снова стал прежним папой... Вот только...

– Пап, что у тебя с глазом?

– Глаз? Ах это... его так же легко вынуть, как и вставить. С двумя глазами я выгляжу лучше?

– Не знаю. – Торби с опаской взглянул на глаз. – Что-то он мне не нравится.

– Вот как? Ну что ж, тебе не часто придется видеть меня в этом обличье. Но уж коли ты проснулся, то можешь мне помочь.

Но проку от Торби было немного. Все, что проделывал сейчас Баслим, было для него в диковинку. Сначала Баслим вытащил кюветы и бачки из буфета, в задней стенке которого обнаружилась еще одна дверца. Затем он вынул искусственный глаз и, осторожно развинтив его на две части, пинцетом достал из него крохотный цилиндр.

Торби наблюдал за его действиями, не понимая ничего, но отмечая, что движения отца отличаются необыкновенной осторожностью и ловкостью. Наконец Баслим сказал:

– Ну вот, все в порядке. Посмотрим, получились ли у меня снимки.

Вставив цилиндрик в микропроектор, он просмотрел пленку и с мрачной улыбкой сказал:

– Собирайся. Позавтракать мы не успеем. Можешь взять с собой кусок хлеба.

– Что случилось?

– Быстрее. Время не ждет.

Торби надел набедренную повязку, разрисовал и измазал грязью лицо. Баслим ждал его, держа в руках фотографию и небольшой плоский цилиндрик, размером в полминута. Показав фото Торби, он сказал:

– Посмотри. Запомни это лицо.

– Зачем?

Баслим забрал фотографию:

– Ты сможешь узнать этого человека?

– Э-э-э... Дай-ка взглянуть еще разок.

– Ты должен узнать его. Смотри внимательнее.

Торби посмотрел и вернул снимок:

– Хорошо. Я его узнаю.

– Ты найдешь его в одном из баров около космопорта. Сперва загляни к Мамаше Шаум, потом в «Сверхновую», затем в «Деву под вуалью». Если там его не будет, обойди всю Веселую улицу, пока не найдешь. Ты обязан найти его до начала третьего часа.

– Найду, пап.

– Затем положишь в свою чашу несколько монет и вот эту штуку. Можешь плести ему все, что угодно, только не забудь обронить, что ты – сын Баслима Калеки.

– Я все понял, папа.

– Тогда ступай.

По дороге к космопорту Торби не тратил времени зря. Накануне был карнавал Девятой Луны, и прохожих на улице

почти не было, так что мальчик не стал делать вид, будто собирает подаяние, а двинулся кратчайшим путем через задние дворы, заборы и проулки, стараясь не попадаться на глаза невыспавшимся ночным патрульным. До места он добрался быстро, но нужного человека найти не смог: того не оказалось ни в одной из указанных Баслимом пивнушек. В других заведениях на Веселой улице его тоже не было. Срок уже истекал, и Торби начинал тревожиться, когда вдруг увидел мужчину, выходящего из бара, в котором мальчик уже побывал.

Торби быстрым шагом пересек улицу и поравнялся с незнакомцем. Рядом с ним шел еще один человек – это было плохо. Но Торби все же приступил к делу:

– Подайте, благородные господа! От щедрот своих...

Второй мужчина кинул ему монетку. Торби поймал ее ртом.

– Будьте благословенны, господин... – Он повернулся к первому мужчине. – Умоляю вас, благородный сэр. Не откажите несчастному в милостыне. Я сын Баслима Калеки и...

Второй мужчина хотел дать ему оплеуху:

– Пшел вон!

Торби увернулся.

– ...сын Баслима Калеки. Бедному старому Баслиму нужны еда и лекарства, а я – один-единственный сын...

Человек с фотографии полез за кошельком.

– Не давайте, – посоветовал ему спутник. – Все эти нищие – ужасные лгуны, и я дал ему достаточно, чтобы он от нас отвязался.

– На счастье... перед взлетом, – ответил человек с фотографии. – Ну-ка, что там у нас? – и, сунув пальцы в кошелек, заглянул в чашу и что-то туда положил.

– Благодарю вас, господа. Да пошлет вам судьба сыновей.

Торби отбежал в сторону и заглянул в чашу. Крошечный плоский цилиндр исчез.

Потом он неплохо поработал на Веселой улице и, прежде чем идти домой, заглянул на площадь. К его удивлению,

отец сидел на своем излюбленном месте у помоста для торгов и смотрел в сторону космодрома. Торби присел рядом:

– Все в порядке.

Старик что-то пробурчал в ответ.

– Почему ты не идешь домой, пап? Ты, должно быть, устал. Того, что я собрал, нам вполне хватит.

– Заткнись. Подайте, миледи! Подайте бедному калеке!

В третьем часу стартовал корабль, его рев перешел в инфразвук и стих, после этого старик как будто расслабился.

– Что это был за корабль? – спросил Торби. – Это не синдонианский лайнер.

– Вольный торговец «Цыганочка». Пошел к Окраине... на нем улетел твой приятель. А теперь иди домой и позавтракай. Хотя нет, лучше зайти куда-нибудь, купи себе завтрак, ты это заслужил.

Отныне Баслим не скрывал от Торби своих занятий, не имевших отношения к профессии, но и не объяснял ему, что к чему. Бывали дни, когда на промысел выходил лишь один из них, и в таких случаях нужно было идти на площадь Свободы, поскольку выяснилось, что Баслима очень интересуют взлеты и посадки кораблей, особенно невольничьих, равно как и аукционы, которые проводились сразу же после прибытия таких судов.

Обучаясь, Торби приносил старику все больше пользы. Баслим, по-видимому, был уверен в том, что у всякого человека хорошая память, и пользовался любой возможностью, чтобы внушить свою уверенность мальчику, несмотря на его недовольное ворчание.

– Пап, неужели ты думаешь, что я смогу все запомнить? Ты мне даже посмотреть не дал!

– Я показывал страницу не меньше трех секунд. Почему ты не прочел, что здесь написано?

– Ничего себе! Да у меня времени не было!

– А я прочел. И ты тоже можешь. Торби, ты видел на площади жонглеров? Помнишь, как старый Мики, стоя на

голове, жонглировал девятью кинжалами, да еще крутил на ногах четыре обруча?

– Да, конечно.

– Ты мог бы это повторить?

– Нет.

– А мог бы этому научиться?

– Ну... не знаю.

– Кого угодно можно научить жонглировать... для этого нужно лишь не жалеть времени и оплеух. – Старик взял ложку, карандаш и нож и запустил их в воздух. Через несколько секунд один предмет упал на пол, и Баслим вновь обратился к мальчику: – Когда-то я немножко занимался этим для забавы. Что же касается жонглирования мыслями, то... ему тоже может научиться любой.

– Покажи мне, как ты это сделал, пап.

– В другой раз, если будешь себя хорошо вести. А сейчас ты учишься правильно пользоваться своими глазами. Торби, жонглирование мыслями было придумано давным-давно одним мудрым человеком, доктором Реншоу⁸ с планеты Земля. Ты, наверное, слышал о Земле?

– Э-э-э... Ну конечно я слышал.

– Только мне почему-то, кажется, ты не веришь в ее существование.

– Ну, я не знаю... Но все эти рассказы о замерзшей воде, которая падает с неба, о людоедах десятифутовой высоты, о башнях, которые выше Президиума, о крошечных людях, которые не больше кукол и живут на деревьях, – нет, пап, я же не дурак какой-то.

Баслим вздохнул и подумал о том, что с тех пор, как у него появился сын, ему приходилось вздыхать уже не одну тысячу раз.

– В этих легендах намешано много всякой чепухи. В этих историях много путаницы. Когда-нибудь, когда ты

⁸ Сэмюел Реншоу (1892–1981) – американский психолог, автор книги «Язык психологии и психология языка».

научишься читать, я дам тебе книги, которым можно верить.

– Но я уже умею читать.

– Тебе только кажется, что умеешь. Земля действительно существует, Торби. Это и впрямь необыкновенная и прекрасная планета, самая необыкновенная из планет. Там жило и умерло очень много мудрых людей... ну и, разумеется, обычный процент дураков и мерзавцев. Кое-что из той мудрости дошло и до нас. Сэмюел Реншоу был как раз одним из таких мудрецов. Он доказал, что большинство людей проводят свою жизнь как бы в полусне. Более того, ему удалось показать, каким образом человек может пробудиться полностью и жить по-настоящему: видеть глазами, слышать ушами, чувствовать языком вкус, думать мозгами и хорошенько запоминать то, что он видел, слышал, ощущал или думал.

Старик показал мальчику свою культию:

– Потеряв ногу, я не стал калекой. Своим единственным глазом я вижу больше, чем ты двумя. Я мало-помалу глохну, но я не так глух, как ты, ибо запоминаю все, что слышал. Так кто из нас калека? Но ты не вечно будешь калекой, сынок, потому что я намерен обучить тебя по методу Реншоу, если мне удастся вбить знания в твою тупую башку!

Когда Торби начал учиться использовать свой разум, он обнаружил, что ему это нравится; мальчик превратился в ненасытного читателя, и Баслиму каждую ночь приходилось приказывать ему выключать проектор и ложиться спать. Многое из того, чем его заставлял заниматься старик, казалось, Торби ненужным. Например, языки, которых он никогда не слышал. Однако для его разума, вооруженного новыми знаниями, эти языки оказались просты, и, когда мальчик нашел у старика катушки и пленки, которые можно было прочесть и прослушать на этих «бесполезных» языках, он внезапно понял, что знать их вовсе не лишне. Он полюбил историю и галактографию; его собственный мир, раскинувшийся на световые годы в физическом пространстве, оказался на деле едва ли не теснее невольничьего барака.

Торби открывал для себя новые горизонты с радостью младенца, обнаружившего впервые собственный кулачок.

Но из математики он не использовал ничего, кроме примитивного умения считать деньги. В конце концов он решил, что математике и не нужен практический смысл – это была просто игра, вроде шахмат, только еще интереснее.

Порой старик задумывался, зачем все это нужно. Баслим уже понял, что мальчик оказался куда одареннее, чем он предполагал. Но было ли это честным по отношению к мальчику? Быть может, так он просто научит его ненавидеть собственную жизнь? Каков шанс у раба-попрошайки на Джаббале? Ноль в энной степени останется нолем.

– Торби!

– Да, пап. Подожди чуток, я как раз на середине главы.

– После дочитаешь. Я хочу поговорить с тобой.

– Да, мой господин. Да, хозяин. Сию минуту, босс.

– И не забывай о вежливости.

– Прости, пап. О чем ты хотел поговорить?

– Сынок, что ты будешь делать, когда я умру?

На лице Торби появилось выражение замешательства.

– Ты плохо себя чувствуешь, пап?

– Нет. Мне кажется, что я смогу протянуть еще много лет. Но может случиться и так, что завтра я не проснусь. В моем возрасте ни в чем нельзя быть уверенным. Что ты будешь делать в этом случае? Займешь мое место на площади?

Торби молчал, и Баслим продолжал:

– Ты не сможешь нищенствовать, и мы оба знаем это. Ты уже вырос и не сможешь достаточно убедительно рассказывать свои сказки. Тебе не будут подавать столько, сколько давали маленькому.

– Я не собираюсь сидеть у тебя на шее, пап, – медленно проговорил Торби.

– Разве я тебя в этом когда-нибудь упрекал?

– Нет, – нерешительно ответил Торби, – я... ну, словом, я думал об этом. Папа, ты мог бы сдавать меня внаем куда-нибудь, где требуются рабочие руки.

Старик гневно взмахнул рукой:

– Это не решение. Нет! Я собираюсь отослать тебя отсюда.

– Но ты обещал, что не станешь этого делать!

– Я ничего не обещал.

– Но мне вовсе не нужна свобода! Если ты освободишь меня, что ж, я останусь с тобой.

– Я имел в виду другое.

После долгой паузы Торби спросил:

– Ты собираешься продать меня, пап?

– Не совсем. В общем... и, да и нет.

Лицо Торби застыло. В конце концов он спокойно произнес:

– Так или иначе... я знаю, что ты имеешь в виду... и я полагаю, возражения тут неуместны. Это твое право, и ты был лучшим... хозяином... в моей жизни.

– Я тебе не хозяин!

– Так написано в бумагах. Это же подтверждает номер у меня на ноге.

– Не говори так! Никогда так не говори!

– Раб должен говорить именно так либо вообще молчать.

– В таком случае умолкни, ради бога! Давай-ка я все тебе объясню, сынок. Здесь тебе не место, и мы оба это знаем. Если я умру, не успев освободить тебя, то ты перейдешь во владение Саргона.

– Пусть сперва поймают меня!

– Поймают. Но, даже дав тебе вольную, я не решу твоих проблем. Какие гильдии принимают вольноотпущенников? Нищие? Возможно. Но ты вырос, и тебе все труднее попрошайничать. Большинство освобожденных, как ты знаешь, продолжают работать на прежних хозяев, ибо рожденные свободными не любят копаться в дерьме. Они недолюбливают вольноотпущенников и ни за что не соглашаются работать вместе с ними.

– Не беспокойся, пап. Я не пропаду.

– А я беспокоюсь. Так что слушай меня. Я собираюсь продать тебя знакомому, который вывезет тебя с планеты. На обычном корабле, не на невольничьем. Но вместо того, чтобы доставить тебя туда, куда положено по грузовой декларации...

– Нет!

– Придержи язык! Тебя отвезут на планету, где рабство запрещено законом. Не могу сказать, куда именно, потому что не знаю маршрута корабля и даже того, на какой именно звездолет ты попадешь; детали еще надо будет продумать. Но я уверен, что ты сумеешь хорошо устроиться в любом свободном обществе.

Баслим умолк, чтобы еще раз взвесить и оценить мысль, которая пришла ему в голову. Быть может, послать парня на планету, где родился он сам, Баслим? Нет. И не только потому, что это очень трудно устроить, но и потому, что там не место для молокососа-эмигранта... Нужно отправить его в один из пограничных миров, где человеку достаточно острого ума и трудолюбия. Есть несколько таких не очень далеко от Девяти миров. Баслим вновь пожалел о том, что не смог узнать, откуда Торби родом. Может быть, дома у него есть родственники, люди, которые помогли бы мальчику. Какого черта! Почему нет никакого метода идентификации, распространенного на всю Галактику!

– Это лучшее, что я могу сделать, – продолжал Баслим. – От момента продажи до старта корабля тебе придется побыть на положении раба, но что значат несколько недель по сравнению с возможностью...

– Нет!

– Не глупи, сынок.

– Может быть, я говорю глупости. Но я не сделаю этого. Я остаюсь.

– Вот как? Сынок... мне неприятно это говорить, но ты не можешь мне помешать.

– Да?

– Ты сам говорил, что у меня есть бумаги, в которых сказано, что я имею право тебя продать.

– Ох...

– Иди спать, сынок.

Баслим не мог уснуть. Часа через два после разговора он услышал, как Торби тихонько поднялся. По шороху Баслим мог проследить каждое его движение. Торби оделся (то есть попросту обмотался набедренной повязкой), вышел в соседнюю комнату, порывлся в хлебнице, напился впрок воды и ушел. Его чаша для подаяний осталась дома: он даже не приблизился к полке, на которой та обычно стояла.

После его ухода Баслим повернулся на другой бок и попытался уснуть, но сон не шел. Старик было слишком больно. Ему и в голову не пришло остановить мальчика: Баслим слишком уважал себя, чтобы не признавать права других на самостоятельные решения.

Торби не было четверо суток. Он вернулся ночью, и Баслим слышал его шаги, но и теперь не сказал мальчику ни слова. Зато он впервые за эти дни смог уснуть спокойным и крепким сном. Утром он встал, как обычно, и произнес:

– Доброе утро, сынок.

– Доброе утро, пап.

– Займись завтраком. Мне нужно кое-что сделать.

Вскоре они сидели над мисками горячей каши. Баслим, как всегда, ел аккуратно и равнодушно. Торби только ковырял кашу ложкой.

– Папа, когда ты собираешься меня продать? – наконец выпалил он.

– А я не собираюсь.

– Вот как?

– В тот день, когда ты убежал, я сходил в архив и выправил вольную грамоту. Ты свободный человек, Торби.

Торби с удивлением посмотрел на старика и опустил глаза. Маленькие горки каши, которые он нагребал ложкой, тут же расплывались. Наконец он сказал:

– Жаль.

– Если бы тебя поймали, то ты был бы беглым рабом, и я хотел этого избежать.

– Ох! – Торби задумался. – А за это полагается порка и клеймо? Спасибо, папа. Пожалуй, я вел себя глупо.

– Ты прав. Но я думал не о наказании; порка и клеймо – штуки, о которых быстро забываешь. Я думал о том, что после второй поимки все могло бы быть гораздо хуже. Лучше уж сразу быть укороченным, чем пойманным с клеймом.

Торби совсем забыл о своей каше.

– Папа, а что делает с человеком лоботомия?

– Мм... Можно сказать, что лоботомия облегчает труд на ториевых рудниках... впрочем, давай-ка не будем говорить о таких вещах за столом. Ты поел? Тогда бери чашу и не теряй времени. Нынче утром аукцион.

– Ты хочешь сказать, что я могу остаться?

– Здесь твой дом.

С того дня Баслим больше не предлагал мальчику уйти. Освобождение Торби ничего не изменило ни в их расписании дня, ни в их отношениях. Торби сходил в Имперский архив, внес налог, а заодно и традиционный дар, как полагалось в таких случаях. После этого номер на его теле был перечеркнут татуированной линией, а рядом выкололи печать Саргона, номера книги и страницы, на которой было записано, что он отныне свободный гражданин Саргона, обязанный платить налоги, нести воинскую службу и голодать без препятствий и ограничений.

Служащий, наносивший татуировку, взглянул на серийный номер Торби и сказал:

– Непохоже, чтобы эта штука была у тебя от рождения. Что, обанкротился твой старик? Или предки тебя продали, чтобы поскорее избавиться?

– Не твое дело!

– Не умничай, парень, или ты узнаешь, что иголка может колоть больнее. А теперь отвечай мне вежливо. Согласно твоему клейму, ты принадлежал фабрике, а не частному

лицу, и, судя по тому, как оно расплылось и выцвело, тогда тебе было пять-шесть лет. Так, когда и где тебе его тиснули?

– Я не знаю. Правда, не знаю!

– Вот как? То же самое я говорю своей жене каждый раз, когда она задает всякие вопросы... да не дергайся ты! Я уже почти закончил. Ну что ж... поздравляю тебя с вступлением в ряды свободных людей. Сам-то я свободен уже давно, и вот что я хочу сказать тебе, парень: да, ты почувствуешь свободу, но это не значит, что тебе от этого будет легче жить.

Глава 4

После освобождения жизнь Торби мало в чем изменилась, разве что пару дней у него болела нога. И он действительно становился все менее удачливым попрошайкой: здоровому юноше подавали куда меньше, чем изможденному ребенку. Баслим зачастую просил Торби отвести его на площадь, а потом отсылал с поручением или отправлял домой учиться. Но в любом случае один из них всегда сидел на площади. Порой Баслим куда-то исчезал, иногда даже не предупредив сына, и, когда такое происходило, Торби приходилось весь день сидеть на площади, отмечая прибытия и отправления кораблей, запоминая все, что происходило на аукционе, и собирая у шатающихся возле космопорта зевак, женщин без вуалей и посетителей пивнушек информацию обо всем, что проходило через порт.

Как-то раз Баслим исчез на целых две девятидневки; когда Торби проснулся, старика не было дома. Он отсутствовал намного дольше, чем когда бы то ни было; Торби пытался убедить себя, что отец сможет позаботиться о себе в любой обстановке, но перед его мысленным взором постоянно вставала картина: мертвый старик, лежащий где-нибудь в сточной канаве. Тем не менее он продолжал ходить на площадь, посетил три аукциона и записал все, что видел и был в состоянии понять.

Наконец Баслим вернулся. Он сказал лишь:

– Почему ты записывал вместо того, чтобы запоминать?
– Я запоминал, но боялся что-нибудь забыть. Ведь было так много всего!

– Эх-х!

После этого Баслим стал еще более молчаливым и сдержанным, чем был до сих пор. Торби думал, что отец, возможно, чем-то недоволен, но задавать такие вопросы Баслиму было бессмысленно. Как-то раз ночью старик сказал:

– Сынок, мы так и не решили, что ты будешь делать, когда меня не станет.

– Разве? Я думал, мы все решили, пап. Это только моя проблема.

– Нет, я просто отложил это... из-за твоего глупого упрямства. Но я не могу больше ждать. У меня будет для тебя приказ, и ты должен будешь его выполнить.

– Погоди-ка, пап! Если ты думаешь, что тебе удастся заставить меня уйти от тебя...

– Да помолчи ты! Я же сказал: «когда меня не станет», то есть, когда я умру, ясно? Я не говорю об этих моих отлучках по делам. Так вот, ты найдешь одного человека и передашь ему послание. Я могу положиться на тебя? Ты ничего не упустишь? Не забудешь?

– Что ты, папа! Конечно! Но мне не нравится, когда ты так говоришь. Ты будешь жить долго и даже, может быть, меня переживешь.

– Возможно. Ну а теперь ты заткнешься и выслушаешь меня. А потом сделаешь то, что я тебе скажу.

– Да, сэр.

– Ты найдешь одного человека (на это может уйти какое-то время) и передашь ему послание. Затем он кое-что поручит тебе... я надеюсь. Я хочу, чтобы ты сделал все, что он скажет. Обещаешь?

– Конечно, пап, раз ты этого хочешь.

– Можешь считать это последней услугой старику, который старался сделать для тебя все, что в его силах, и сделал бы еще больше, будь он на это способен. Это последнее, чего

я хочу от тебя, сынок. Не утруждай себя сжиганием жертвоприношений за упокой моей души, сделай лишь две вещи: передай послание и сделай все, что он попросит.

– Я обещаю, папа, – торжественно ответил Торби.

– Ну вот и хорошо. А теперь за дело.

«Один человек» мог оказаться одним из пяти. Все они были шкиперами на звездолетах вольных торговцев и не имели отношения к Девяти мирам, но иногда забирали здесь груз. Просмотрев список, Торби сказал:

– Насколько я помню, пап, только один из этих кораблей садился в нашем порту.

– Все они бывали тут в свое время.

– Но один из них может появиться здесь очень нескоро.

– Возможно, придется ждать годы. Но когда это произойдет, ты должен немедленно доставить послание.

– Любому из них? Или всем?

– Первому, который появится.

Послание было коротким, но запомнить его оказалось нелегко, потому что оно было составлено на трех языках – в зависимости от того, кто окажется получателем. И ни одного из этих языков Торби не знал. Баслим не стал объяснять смысла сообщения – он лишь потребовал, чтобы оно было заучено наизусть на всех трех языках.

После того как Торби в седьмой раз промямлил первый вариант, Баслим в отчаянии заткнул уши:

– Нет, нет, так не пойдет, сынок! Этот акцент!

– Но я стараюсь, – угрюмо ответил Торби.

– Я знаю, но я хочу, чтобы послание можно было понять. Ты помнишь, как я делал тебя сонным и говорил с тобой?

– Мм..., да я каждый вечер сонный. И сейчас тоже.

– Тем лучше.

Баслим погрузил его в легкий транс. Это оказалось не просто, потому что Торби стал менее восприимчив к гипнозу, чем в детские годы. Все же Баслиму это удалось. Затем он записал послание в гипнопедический аппарат, запустил его и проиграл Торби с постгипнотической установкой, по

которой тот, проснувшись, должен был в точности воспроизвести весь текст.

У Торби получилось. В течение последующих двух ночей Баслим ввел ему в память послание на двух других языках, а потом неоднократно проверял выученное. Услышав имя шкипера и название корабля, Торби должен был произнести текст на подходящем к случаю языке.

Баслим никогда не посылал Торби за городскую окраину: рабу требовалось специальное разрешение на поездку, и даже вольноотпущенники должны были отмечаться в дни отъезда и приезда. Но по столице Торби пришлось побегать. Спустя три девятидневки после заучивания текстов Баслим дал ему записку, которую нужно было доставить на корабельную верфь, которая была личной территорией Саргона, а не частью города.

– Возьми свою вольную грамоту, а чашу оставь дома. Если тебя остановит полицейский, скажи, что ты ищешь какую-нибудь работу в доках.

– Он подумает, что я псих.

– Но пропустит тебя внутрь. Они нанимают вольноотпущенников дворниками или чернорабочими. Записку держи во рту. Кого ты должен найти?

– Невысокого рыжеволосого человека, – повторил Торби, – с большой бородавкой над левой ноздрей. Он держит закусочную напротив главных ворот. Бороды у него нет. Я должен купить у него пирожок с мясом и сунуть записку вместе с деньгами.

– Все верно.

Торби нравилось ходить в новые, незнакомые места. Он не удивлялся тому, что отец на полдня отправил его в поход вместо того, чтобы связаться с кем нужно по видеофону: люди их класса не пользовались такой роскошью, как видеофон. Что до императорской почты, то мальчику не доводилось получать или отправлять писем, и он считал почту самым ненадежным способом связи.

Его путь огибал территорию космопорта и проходил через заводской район. Ему нравилась эта часть города: здесь постоянно, бывало, что-нибудь интересное, район был многолюдный и шумный. Торби перебегал дорогу перед самым носом грузовиков и весело откликался на брань водителей. Он заглядывал во все открытые двери, гадая, зачем нужны все эти механизмы и как это рабочие умудряются целый день простоять на одном месте, вновь и вновь проделывая одну и ту же операцию, – они же не рабы, в конце концов. Наверняка они свободные люди: рабам не разрешалось работать на силовых установках, разве что на плантациях, именно это и было причиной прошлогодних бунтов, когда Саргон принял решение в пользу простолюдинов.

Правда ли, что Саргон не спит и видит своим глазом все, что происходит в Девяти мирах? Отец сказал, что все это чепуха и Саргон – такой же человек, как все. Но как тогда ему удалось стать Саргоном?

Миновав заводской район, мальчик оказался возле космоверфи. В такую даль его еще не заносило. Тут стояли на капитальном ремонте несколько звездолетов, два корабля поменьше только строились, их окутывали стальные кружева лесов. При виде кораблей у Торби чаще забило сердце, ему вдруг нестерпимо захотелось куда-нибудь полететь. Да, он уже путешествовал на корабле целых два раза – а может быть, даже три? – но это было давно, и он не желал лететь в невольничьем трюме. Разве такой перелет назовешь путешествием?

Торби так увлекся, что едва не прошел мимо закусочной. Он вспомнил о ней, лишь заметив главные ворота. Они были вдвое шире обычных и охранялись. Над воротами аркой выгибался большой знак, увенчанный гербом Саргона. Закусочная располагалась прямо напротив; Торби проскользнул сквозь поток машин, которые сновали в воротах, и вошел в заведение.

За стойкой стоял не тот человек, который был нужен Торби: лысый, но оставшиеся волосы – черные, и никаких бородавок на носу.

Торби вышел на улицу и, с полчасика побродив вокруг, вернулся обратно. Нужный человек так и не появился. Буфетчик явно заметил, что мальчик что-то высматривает, поэтому Торби подошел к нему и спросил:

– У вас есть сок солнечных ягод?

Буфетчик осмотрел его с головы до ног:

– А деньги есть?

Торби уже привык к проверкам своей платежеспособности. Он выудил монетку. Внимательно ее осмотрев, буфетчик откупорил бутылку:

– У стойки не пей, и так мало места.

Свободных табуреток было полно, но Торби не обиделся: он знал свой социальный статус. Мальчик отошел от стойки, но не настолько далеко, чтобы навлечь на себя подозрение в попытке умыкнуть пустую бутылку, и сделал большой глоток. Посетители входили и выходили, и мальчик внимательно разглядывал каждого, надеясь, что рыжий, возможно, заскочит сюда перекусить. И вообще он держал ухо востро.

Наконец буфетчик посмотрел на Торби:

– Ты что, собираешься вылизать ее изнутри?

– Уже допил, спасибо! – Торби поднялся, отставил бутылку и сказал: – Последний раз, когда я сюда заходил, здесь работал такой рыжий парень...

Бармен опять посмотрел на него:

– Ты что, его приятель?

– Да нет. Просто захожу иногда хлебнуть холодненького и привык, что он тут отирается...

– Покажи-ка пропуск.

– Что? Да мне вовсе не...

Буфетчик хотел схватить его за руку, но Торби по долгу службы прекрасно умел уворачиваться от тычков, пинков и затрепчин, так что тот поймал лишь воздух.

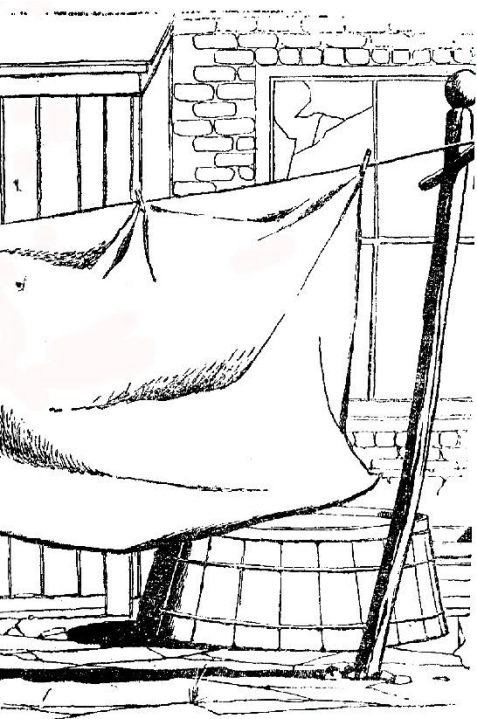
Он выбежал из-за стойки, но Торби был уже на улице и бросился в гущу движения. Он уже почти пересек улицу, сделав два резких поворота, когда заметил, что бежит к воротам, а буфетчик что-то кричит стоящим около них стражникам.

Торби развернулся и нырнул обратно в поток машин. К счастью, движение было насыщенным, здесь шел весь грузопоток верфи. Торби успел трижды побывать на волосок от смерти, пока не увидел переулочек, упирающийся в скоростную автостраду. Он проскользнул между двумя грузовиками, со всех ног промчался по переулку, свернул в первую же подворотню, пробежал до конца, спрятался за пристройкой здания и затаился.

Звуков погони он не услышал.

Торби не раз приходилось спасаться бегством, и он не боялся преследования. В технике бегства есть два этапа: во-первых, отрыв от погони, во-вторых, отход, чтобы обезопасить себя от случайностей. Первую задачу он выполнил, и теперь оставалось лишь покинуть район так, чтобы его не засекли, – медленным шагом, без резких движений. Путая следы, он двинулся в сторону от центра города, повернул налево на поперечную улицу, затем еще раз налево, в переулочек, и теперь находился где-то позади закусочной; такую тактику он выбрал чисто подсознательно. Погоня всегда движется от центра, так что закусочная последнее место, где они будут его искать. Торби прикинул, что через пять-десять минут буфетчик вернется за стойку, а стража – к воротам: они не могли оставлять свои посты без присмотра. В общем, Торби мог спокойно пройти по переулочку и отправиться домой.

Он осмотрелся. Вокруг раскинулись пустыри. Земля на продажу, еще не застроенная фабриками. Нагромождение лавчонок, контор мелких дельцов, лачуг и убыточных мелких предприятий. Торби увидел, что стоит на задах маленькой прачечной. Здесь торчали шесты, висели веревки, валялись деревянные корыта. Из трубы в пристройке валил пар. Торби сообразил, что закусочная через два дома отсюда. Он вспомнил выведенную от руки вывеску:

«Домашняя прачечная
„Маджестик“ – самые низкие
цены».

Можно было обойти здание и... но сперва лучше проверить. Торби распластался на земле, осторожно выглянул из-за угла и осмотрел переулок.

О черт! По переулку шли двое патрульных. Дал же он маху! Они не перестали гоняться за ним, а объявили общую тревогу. Озираясь, Торби подался назад. Куда деваться? В прачечную? Нет. В пристройку? Патруль ее обязательно проверит. Остается только бежать... чтобы угодить в лапы другого патруля. Торби знал, что полиция может оцепить район очень быстро. На площади он сумел бы проскользнуть сквозь самую густую цепь, но здешние места ему незнакомы.

Его взгляд упал на перевернутое корыто... мгновение – и Торби уже лежал под ним. Здесь было очень тесно: колени пришлось поджать к подбородку, а в спину вонзились какие-то щепки. Он испугался, что набедренная повязка, возможно, торчит наружу, но сделать уже ничего было нельзя: слышались чьи-то шаги. Они замерли рядом с корытом, и мальчик затаил дыхание. Кто-то влез на днище и стоял на нем.

– Эй, мать! – раздался мужской голос. – Давно ты здесь?

– Давно. Не задень шест, а то повалишь мне белье!

– Мальчишку видела?

– Какого мальчишку?

– Молодого, но высокого, как взрослый. С пушком на подбородке. В набедренной повязке, без сандалий.

– Кто-то промчался тут, словно за ним черти гнались, – равнодушно отозвался женский голос над головой Торби. – Я не успела его разглядеть, веревку натягивала.

– Так это он и есть, наш мальчишка! Куда он делся?

– Прыгнул через забор и шмыгнул между теми домами.

– Спасибо, мать! Пошли, Джуби!

Торби ждал. Женщина продолжала возиться, стоя на корыте; дерево скрипело под ее ногами. Потом она слезла на землю и села на корыто. Легонько постучав, она тихо сказала:

– Сиди, где сидишь. – И мгновение спустя Торби услышал, как она уходит.

Торби дожидался ее, пока не заныли кости. Но он решил сидеть до темноты. Конечно, был риск попасться ночному патрулю, который после наступления комендантского часа останавливает всех, кроме знати, но выбраться отсюда за светом было и вовсе невозможно. Торби не мог понять, с какой стати ради него объявили общую тревогу, но выяснять это ему совсем не хотелось. Время от времени он слышал, как кто-то – может быть, та женщина? – ходит по двору.

Наконец, примерно через час, он услышал скрип несмазанных колес. Кто-то постучал по корыту:

– Когда я подниму корыто, сразу же прыгай в тачку. Она прямо напротив тебя.

Торби не ответил. Дневной свет резанул глаза, он заметил маленькую тележку и в следующее мгновение уже был в ней, прижавшись ко дну, стараясь занять как можно меньше места. Сверху на него навалили кучу белья. Но, прежде чем белье закрыло ему обзор, он увидел, что корыто, служившее ему убежищем, со всех сторон обвешано веревками, на которых висели простыни, скрывая его от постороннего взгляда.

Чьи-то руки разложили вокруг Торби тюки, и он услышал голос:

– Сиди тихо и жди команды.

– Хорошо, и миллион благодарностей! Когда-нибудь я отплачу вам за вашу доброту.

– Забудь об этом. – Женщина тяжело вздохнула. – У меня когда-то был муж. Теперь он на рудниках. Меня не интересует, что ты там натворил. Но патрулю я никого не сдам.

– Ой, я очень сожалею...

– Умолкни!

Маленькая тележка затряслась, подскакивая на ухабах, а немного погодя Торби почувствовал, что под колесами – ровное покрытие. Иногда они останавливались; тогда женщина брала один из тюков, уходила на несколько минут,

возвращалась и сваливала в тележку кучу грязной одежды. Торби ждал с профессиональным долготерпением нищего.

Прошло немало времени, прежде чем повозка опять запрыгала на ухабах. Наконец она остановилась, и женщина вполголоса сказала:

– Когда я скажу, вылезай с правой стороны и тут же уходи. И не мешкай.

– Понял. Спасибо еще раз!

– Умолкни!

Тележка прокатилась еще немного, замедляя ход, и женщина скомандовала:

– Давай!

Торби мгновенно отбросил узлы с бельем, выпрыгнул и приземлился на ноги – все одним движением. Прямо перед ним виднелся проход между двумя зданиями, ведущий на улицу. Торби рванул по нему, не забыв оглянуться через плечо.

Тележка скрылась за углом. Мальчик так и не увидел лица ее хозяйки.

Два часа спустя он оказался в знакомом районе. Опустившись на землю рядом с Баслимом, Торби сказал:

– Плохи дела.

– Почему?

– Ищейки. Их там было целое полчище.

– Подайте, благородный господин!.. Ты проглотил записку?.. Подайте во имя ваших родителей!

– Конечно!

– Держи чашу! – Баслим встал на руки и одно колено и пополз прочь.

– Пап! Давай я тебе помогу.

– Оставайся на месте.

Торби остался, обиженный тем, что отец не захотел выслушать его рассказ. После наступления темноты он поспешил домой. Баслим сидел в кухне-ванной, обложившись аппаратурой, и нажимал кнопки диктофона и проектора

одновременно. Торби взглянул на проецируемую страницу и отметил, что текст написан на непонятном ему языке, а в каждом слове – семь букв, не больше и не меньше.

– Привет, пап! Сделать ужин?

– Тут негде... и некогда. Поешь хлеба. Что произошло?

Уминая хлеб, Торби рассказал ему о своих приключениях. Баслим только кивнул:

– Ложись. Придется опять гипнотизировать тебя. У нас впереди длинная ночь.

Материал, который диктовал Баслим, состоял из цифр и бесчисленных трехсложных слов, в которых мальчик не видел смысла. Легкий транс принес приятную сонливость, и слышать голос Баслима, доносящийся из диктофона, было приятно.

Во время очередного перерыва, когда Баслим приказал ему проснуться, Торби спросил:

– Пап, для кого все эти послания?

– Если у тебя будет возможность передать их, ты узнаешь, не сомневайся. А возникнут сложности – попроси погрузить тебя в легкий транс, и все вспомнится.

– Кого попросить?

– Его... Не важно кого. А теперь засыпай. Ты спишь.

Старик щелкнул пальцами.

Диктофон продолжал бормотать. Торби смутно осознавал, что Баслим куда-то уходил и только что вернулся. Протез его был пристегнут, и Торби это удивило: отец надевал его только дома. Затем до него донесся запах дыма, и он рассеянно подумал, что на кухне что-то горит и надо пойти проверить. Но он был не в силах даже шевельнуться, и бессмысленные слова продолжали вливаться ему в уши.

Потом до него дошло, что это он сам рассказывает Баслиму заученное.

– Я все правильно запомнил?

– Да. А теперь иди отдыхать. Остаток ночи можешь спать спокойно.

Утром Баслима не оказалось дома. Торби даже не удивился: в последнее время поступки отца стали еще более непредсказуемы, чем раньше. Позавтракав, мальчик взял чашу и отправился на площадь. Дела шли из рук вон плохо, отец был прав: Торби выглядел слишком здоровым и сытым, чтобы быть удачливым попрошайкой. Может, стоит научиться выкручивать суставы, как это делает Бабка-Змея? Или купить контактные линзы с нарисованной катарактой?

Около полудня в порт прибыл грузовой звездолет, не значившийся в расписании. Наведя обычным способом справки, Торби выяснил, что это был вольный торговец «Сису»⁹, приписанный к порту Новая Финляндия на планете Шива III.

Все эти сведения он, как всегда, должен был сообщить отцу при встрече. Однако шкипер «Сису» капитан Крауза входил в число тех пятерых, кому Торби должен был передать послание старика, если что-то случится.

Это нервировало Торби. Он знал, что отец жив и здоров, и встречу с капитаном Краузой представлял себе делом отдаленного будущего. Однако, быть может, отцу следует знать, что «Сису» прилетел? Торговцы появлялись и улетали, порой проводя в порту лишь несколько часов. И никто не знал, когда именно это может случиться.

Торби подумал, что он может добраться до дому за пять минут, – возможно, отец даже поблагодарит его. В худшем случае старик выберит его за уход с поста на площади, но Торби сможет наверстать упущенное, прислушавшись к сплетням и пересудам.

Торби покинул площадь.

Руины старого амфитеатра протянулись на треть периметра нового. Дюжина лазов вела в лабиринт, который когда-то был казармами для рабов, а оттуда бесчисленные ходы тянулись в ту часть развалин, где Баслим оборудовал себе жилье. И он сам, и Торби каждый раз выбирали новый

⁹ Sisu (фин.) – упорство, стойкость, упрямство, терпение.

путь домой и старались приходить и уходить незаметно для всех.

На этот раз Торби спешил, поэтому направился к ближайшему лазу, но там стоял полицейский. Торби прошел мимо, сделав вид, будто направляется к маленькой овощной лавочке на улице, примыкавшей к развалинам. Остановившись, он заговорил с хозяйкой:

– Как дела, Инга? Нет ли у тебя хорошей, зрелой дыни, которую ты собираешься выбросить на помойку?

– Нет для тебя никаких дынь.

Торби показал ей деньги:

– Как насчет вон той, побольше? Отдай мне ее за полцены, и я не стану обращать внимание на подпорченный бок. – Он наклонился к хозяйке. – Чую я, тут пахнет жареным?

Она подмигнула, кивая на патрульного:

– Исчезни.

– Облава?

– Исчезни, я сказала.

Торби кинул на прилавок монетку, взял яблоко и пошел прочь, посасывая сок. Он не спешил.

Осторожная разведка показала, что развалины оцеплены полицией. У одного из входов под присмотром патрульных понуро столпилась горстка оборванных троглодитов. По оценкам Баслима, в подземелье обитало не менее пятисот человек. Торби в этом сомневался, поскольку ему лишь изредка доводилось видеть входящих в развалины людей и еще реже – слышать чужие шаги под землей. Только двоих из задержанных он знал в лицо.

Через полчаса Торби, с каждой минутой волновавшийся все больше, обнаружил лаз, о котором полиция, похоже, не знала. Понаблюдав за ним несколько минут, мальчик под прикрытием кустов шмыгнул вниз. Он тотчас же оказался в крошечной тьме и двигался осторожно, постоянно прислушиваясь. Считалось, что у полицейских есть очки, позволяющие видеть в темноте, но Торби не был в этом уверен –

мрак нередко помогал ему избежать встречи с патрулем. И все же он решил не рисковать.

Внизу и вправду была полиция: он услышал шаги и увидел лучи двух фонариков, которыми полицейские освещали путь. Если сыщики и имели очки ночного видения, то этим двоим их, наверно, забыли дать. Они явно что-то искали, держа наготове парализующие пистолеты. Но развалины были для Торби домом родным, а полицейские их совсем не знали. Многие годы, два раза в день, он пробирался тут в крошечной темноте, узнал эти коридоры как свои пять пальцев и превратился в настоящего спелеолога – со специфическим уклоном.

В какой-то момент они чуть его не поймали. Он двигался впереди них, достаточно далеко, чтобы не попасть под луч фонарика, по краю обошел дыру, ведущую на нижний уровень, нырнул в ближайшую дверь и стал ждать. Полицейские подошли к дыре, осмотрели узкий выступ, по которому Торби так ловко прошел в темноте, и один из них сказал:

– Без лестницы не обойтись.

– Да брось ты, найдем где-нибудь ступеньки или спуск. – И они ушли.

Торби немного выждал, затем вернулся и спустился в дыру.

Через несколько минут он уже был у своих дверей. Торби осматривался, прислушивался и принимался до тех пор, пока не убедился, что поблизости никого нет. Потом он подкрался к двери и протянул палец к замку. И тут же понял: что-то не так.

Двери не было. Вместо нее зияла дыра.

Торби замер, напрягая все органы чувств. Пахло чужаками, но запах уже наполовину выветрился; не было слышно ни шороха, ни вдоха. Тишину нарушал только стук водяных капель, падавших из крана на кухне.

Торби решил осмотреться. Оглянувшись, он не увидел лучей фонариков, вошел в прихожую и повернул выключатель, установив самый слабый свет.

Но свет не зажегся. Мальчик перепробовал все положения переключателя. Тщетно. Он прошел через чистенькую комнату Баслима, огибая раскиданные по ней вещи, добрался до кухни и протянул руку к свечам. На обычном месте их не оказалось, но Торби все же нашел одну штуку. Рядом лежали спички. Торби зажег фитиль.

Полный разгром!

Было похоже, что тут прошел обыск, быстрый и тщательный, когда важен только результат. Искали, мало заботясь о порядке. Из шкафов и с полок все было вывалено наружу, продукты рассыпаны по полу. Матрасы в большой комнате вспороты, набивка вытащена. И все же в этом беспорядке угадывались признаки совершенно ненужного, бессмысленного вандализма.

Торби огляделся. Подбородок его дрожал, к глазам подступили слезы. У двери валялся протез отца, и Торби, увидев его сложный механизм, разбитый ударом тяжелого сапога, разразился рыданиями. Ему пришлось поставить свечу на пол, чтобы не уронить ее. Он поднял сломанную ногу, прижал ее к груди, словно куклу, и опустился на пол, всхлипывая и раскачиваясь из стороны в сторону.

Глава 5

Следующие несколько часов Торби провел в темных коридорах неподалеку от их разрушенного жилища, возле первой развилки, где он мог бы услышать отца, если тот вернется домой, и откуда легко мог уйти, если появится полиция.

Он почувствовал, что засыпает, вздрогнул, очнулся и решил, что неплохо было бы узнать, который час; у Торби было такое ощущение, будто он сидит здесь не меньше недели. Вернувшись домой, он отыскал и снова зажег свечу. Но их единственные часы, их домашняя «Вечность», оказались разбитыми. Радиоактивная капсула, разумеется, продолжала отсчитывать время, но стрелки стояли. Торби

посмотрел на них и заставил себя подумать о том, как ему теперь быть.

Будь отец на свободе, он бы уже вернулся. Но его схватила полиция. Может, они допросят его и отпустят?

Нет, не отпустят. Насколько Торби было известно, отец никогда не причинял Саргону вреда. С другой стороны, он уже давно знал, что Баслим не просто безобидный старый нищий. Торби понятия не имел, зачем отец делал все то, что не вязалось с образом «безобидного старого нищего», но полиция, по-видимому, знала или подозревала. Примерно раз в год полицейские «чистили» развалины, бросая в самые подозрительные лазы гранаты с рвотным газом; в итоге приходилось проводить пару ночей где-нибудь в другом месте, и только. Но на сей раз полицейские провели настоящую облаву. Они пришли, чтобы схватить отца, и они что-то искали.

Полиция Саргона руководствовалась принципами более древними, чем правосудие: если они предполагали, что человек виновен, они снова и снова допрашивали его все более суровыми методами, пока он не начинал говорить... Методы допроса были настолько хорошо всем известны, что задержанные предпочитали признаться еще до начала дознания. Однако Торби был уверен, что полиции не удастся заставить отца говорить о том, о чем он не захочет говорить.

Так что допрашивать его будут долго.

Быть может, они уже мучают его в эту самую минуту. У Торби судорожно сжался желудок.

Он должен вырвать папу из их лап.

Но как? Разве в силах один муравей штурмовать Президиум? А шансы Торби были немногим выше, чем у этого муравья. Баслим может сидеть в камере местного полицейского участка. Самое подходящее место для такой мелкой сошки. Но Торби почему-то был уверен, что папа его не мелкая сошка... В таком случае он мог оказаться, где угодно, хоть в застенках самого Президиума.

Торби мог бы отправиться в местный участок и спросить, куда девали его хозяина, однако репутация полиции Саргона была такова, что ему это даже не пришло в голову. А если бы он попытался выдать себя за ближайшего родственника, его тут же посадили бы в другую камеру и начали бы выколачивать ответы на те же вопросы, которые задают сейчас Баслиму, чтобы проверить, правду ли говорит старик (если, конечно, он им что-нибудь вообще говорит).

Торби не был трусом, он просто понимал, что ножом воду не разрежешь. Он мог что-то сделать для отца только окольными путями. Он не мог «качать права», у него не было прав. Такая мысль даже не пришла ему в голову. Будь его карманы набиты стеллерами, можно было бы решиться на подкуп. Но у Торби едва ли наберется два минима. Оставалось действовать потихоньку, и для этого ему нужна была информация.

Он пришел к такому решению, как только понял, что полиция не освободит отца ни сейчас, ни позже. И все-таки в надежде на невозможное Торби написал записку, сообщая папе, что вернется завтра, и положил ее на полочку для сообщений.

Когда он выглянул наружу, была уже ночь. Торби никак не мог сообразить, сколько времени он провел в подземелье – то ли полдня, то ли около полутора суток. Поэтому он изменил свои планы: поначалу он собирался найти зеленщицу Ингу и расспросить ее, но, поскольку полиции поблизости не было, он мог спокойно идти куда угодно, разумеется, стараясь не нарываться на ночные патрули. Но куда ему идти? Кто сможет или захочет дать ему нужную информацию?

У Торби были десятки друзей, сотни людей он знал в лицо. Однако на всех его знакомых распространялось действие комендантского часа – Торби встречался с ними только днем и даже не знал, где они ночуют. Но был один район, где комендантский час не действовал: заведения на Веселой улице и примыкавших к ней переулках на ночь не закрывались. Ради процветания торговли и в интересах

залетных космонавтов бары, игорные дома и прочие гостеприимные заведения для чужаков в этом районе около космопорта круглые сутки держали двери нараспашку. Простолюдины и вольноотпущенники могли оставаться там на всю ночь, правда от начала комендантского часа до рассвета он не мог оттуда уйти без риска быть задержанным патрулем.

Но риск не волновал Торби: он не собирался попадаться кому-либо на глаза и, хотя район патрулировался полицией, хорошо знал их привычки. Они ходили парами, держась освещенных мест, и покидали свой маршрут лишь для подавления очень шумных нарушений правопорядка. Этот район привлекал Торби еще и тем, что слухи о любом событии разносились тут задолго до того, как о нем сообщали в новостях, и были много полнее скудных официальных сообщений, в которых факты либо перевирались, либо просто замалчивались.

Наверняка на Веселой улице найдется хоть один человек, который знает, что случилось с отцом.

В загульный район Торби проник, пробираясь по крышам. Спустившись по водосточной трубе в темный двор, он вышел на Веселую улицу и остановился поодаль от фонарей, высматривая патрульных или знакомых. Народу кругом было полно, но в основном это были приезжие. Торби знал всех владельцев и почти всех работников каждого из заведений по обе стороны улицы, но войти в них не спешил, опасаясь попасть в лапы полиции. Он хотел найти человека, которому доверял, и поговорить с ним где-нибудь в подворотне.

Ни полиции, ни знакомого лица. Ан нет! Вон тетушка Сингам.

Из всех гадалок, промышлявших на Веселой улице, тетушка Сингам была самой лучшей, потому что никогда не нагадывала ничего, кроме удачи. И если предсказания тетушки не сбывались, клиенты были на нее не в обиде: приветливый голос тетушки звучал очень уж убедительно. Ходили слухи, что она приумножила свое состояние, продавая

информацию полиции, но Торби не верил этим сплетням, потому что им не верил отец. Тетушка наверняка была в курсе всех новостей, и Торби решил рискнуть. Если она и стучит в полицию, то сможет сказать лишь, что он жив и на свободе, а это они и так знали.

За углом справа от Торби находилось кабаре «Райский порт». Перед ним-то и расстелила свой коврик тетушка, дожидаясь конца представления, когда на улицу повалят клиенты.

Торби огляделся по сторонам и быстрым шагом прошел вдоль стены почти до самого кабаре.

– Тсс! Тетушка!

Гадалка испуганно оглянулась, потом лицо ее приняло равнодушное выражение. Не разжимая губ, но достаточно громко, чтобы он мог ее услышать, она проговорила:

– Беги, сынок! Прячься! Ты что, с ума сошел?

– Тетушка... куда они его упекли?

– Забейся в нору и закрой за собой вход! За твою голову назначена награда!

– Награда? Брось, тетушка, кто станет платить за меня награду? Скажи лучше, где они его держат. Ты знаешь?

– Не держат они его!

– «Не держат»? Как это?

– Ты что, не знаешь? Ох, бедный мальчик! Они его укоротили.

Торби был так потрясен, что потерял дар речи. Хотя Баслим не раз говорил с ним о своей смерти, Торби никогда не воспринимал его слова всерьез. Он даже представить себе не мог, что отец когда-нибудь умрет и покинет его.

Она говорила что-то еще, но Торби не слышал, и ей пришлось повторить:

– Ищейки! Сматывайся!

Торби посмотрел через плечо. В их сторону шли двое патрульных. Самое время удирать! Но с одной стороны была улица, с другой – глухая стена. И ни одной лазейки, кроме

дверей в кабаре... Если он шмыгнет туда в том наряде, что на нем был, прислуга просто кликнет патруль.

Но другого выхода не было. Торби повернулся к полицейским спиной и вошел в узкое фойе кабаре. Там никого не оказалось. На сцене шло последнее действие, и даже зазывалы не было видно. Зато тут стояла стремянка, а на ней ящик с прозрачными буквами, которые вывешивались снаружи для оповещения об очередном представлении. Торби бросил на них взгляд, и тут его осенила идея, которая преисполнила бы сердце Баслима гордостью за своего питомца. Схватив ящик и стремянку, Торби вернулся на улицу.

Полицейские были уже близко, но Торби, не обращая на них внимания, приладил стремянку под небольшим освещенным навесом над входом и полез вверх, держась к патрульным спиной. Его тело было ярко освещено, но лицо и плечи скрылись в тени над верхней строчкой афиши. Одну за другой он принялся снимать буквы, из которых было составлено имя звезды нынешнего представления.

Двое полицейских подошли вплотную и остановились прямо под ним. Торби постарался унять охватившую его дрожь и продолжал трудиться с апатичной размеренностью наемного работника, выполняющего осточертевшую ему работу. Снизу послышался голос тетушки:

– Добрый вечер, сержант!

– Добрый вечер, тетушка. Чем сегодня дуришь головы клиентам?

– Вот еще, зачем мне это? Я вижу в будущем твоим прелестную юную деву, руки ее прекрасны, как птицы. Дай мне ладонь, может быть, я прочту там ее имя.

– А что скажет моя жена, не знаешь? Нет, сегодня мне не до болтовни, тетушка. – Сержант посмотрел на мальчика, меняющего над входом вывеску, и потер подбородок. – Мы ловим отродье старого Баслима. Ты его не видела?

Он еще раз поднял голову, наблюдая за возней наверху, и его зрачки слегка расширились.

– Я что, сиюю тут и сплетни собираю, по-твоему?

– Мм... – Полицейский повернулся к напарнику. – Рой, пошарь-ка в заведении у Туза и не забудь про сортир. А я понаблюдаю за улицей.

– Есть, сержант!

Напарник ушел, и старший полицейский вновь повернулся к гадалке:

– Плохи дела, тетушка... Кто бы мог подумать, что старый Баслим, этот калека, станет шпионить против Саргона?

– И в самом деле, кто? – Она наклонилась вперед. – А правда, что он умер от страха прежде, чем его укоротили?

– У него был при себе яд. Старик, видно, заранее знал, что ему грозит. Из норы его вытащили почти мертвым. Вот уж позлился наш капитан.

– Зачем его укорачивали, если он уже помер?

– Ну-ну, ты же знаешь, тетушка: закон есть закон. Вот его и укоротили, хотя мне это тоже не нравится. – Сержант вздохнул. – Это печальный мир, тетушка. Как подумаю о несчастном парнишке, которому этот старый мошенник задурил голову... А теперь комендант с капитаном ждут не дождутся получить от парня ответы на вопросы, на которые так и не ответил старик.

– Какая им от него польза?

– Да никакой, естественно. – Сержант поковырял землю концом дубинки. – Но будь я на месте этого парня и знай, что старик помер, и у меня нет ответов на разные вопросы... я был бы уже ой как далеко отсюда. Нашел бы ферму подальше от города, где нужна дешевая рабочая сила. Но раз я не он, то пусть мне этот парень только попадется, от меня так просто не убежишь, уж я его отведу на допрос к капитану.

– Скорее всего, он сейчас зарылся где-нибудь в бобовые грядки и помирает от страха.

– Возможно. Но это все же лучше, чем расхаживать по городу в укороченном виде. – Сержант еще раз осмотрел улицу и крикнул: – Ладно, Рой! Чего ты там застрял?

Прежде чем уйти, он еще раз взглянул на Торби.

- Ну, пока, тетушка. Если увидишь его, кликни нас.
- Разумеется. Хайль Саргон!
- Хайль, хайль...

Полицейский медленно пошел прочь, а Торби продолжал делать вид, будто работает. Он изо всех сил пытался унять нервную дрожь. Из кабаре повалил народ, и тетушка заголосила, суля счастье, удачу и милости фортуны – все за одну монетку. Торби уже собирался спуститься, сложить стремянку, забросить ее в кабаре и смыться, когда в его лодыжку вцепилась чья-то рука.

- Что ты здесь делаешь?

Торби похолодел, но тотчас сообразил, что это всего лишь управляющий, разгневанный тем, что его вывеску разобрали. Не глядя вниз, Торби сказал:

– А что случилось? Вы же сами мне заплатили, чтобы я снял эту афишу.

- Я? Заплатил тебе?

– Ну, конечно. Вы сказали мне... – Торби скосил глаза вниз и притворился изумленным и смущенным. – Ой, это были не вы!

- Еще бы! А ну, слезай!

- Не могу! Вы держите меня за ногу!

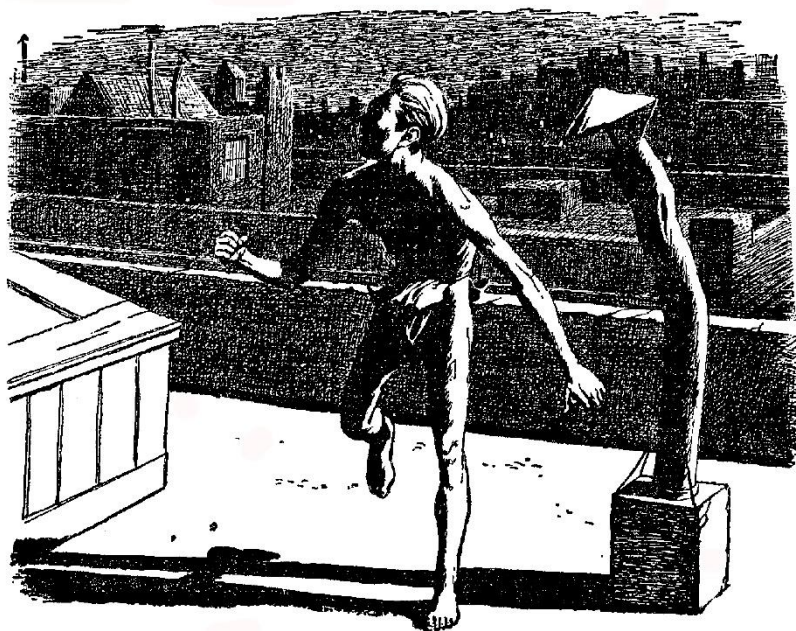
Человек отпустил Торби и отступил на шаг, чтобы мальчик мог спуститься.

– Не знаю, какой идиот велел тебе... – Увидев попавшее в луч света лицо мальчика, он запнулся и закричал: – Эй, это же парень того нищего!

Мужчина попытался его схватить, и Торби бросился бежать. Он лавировал между прохожими, а вслед ему неся вопль:

- Патруль! Патруль! Полиция!

Потом он снова оказался в темном дворе и, подгоняемый адреналином в крови, взлетел по водосточной трубе, словно по лестнице. Он остановился, лишь преодолев добрую дюжину крыш, уселся возле дымохода и, переведя дух, попытался собраться с мыслями.

Итак, отец мертв. Этого не могло быть, но это случилось. Старина Подди не стал бы говорить, не знай он наверняка. И голова отца в эту минуту торчит на колу возле пилон вместе с головами других бедолаг! На миг представив себе это ужасное зрелище, Торби сжался в комок и заплакал.

Прошло немало времени, прежде чем он поднял голову и встал на ноги, вытирая глаза костяшками пальцев.

Папа мертв. Ладно, что же теперь делать?

Во всяком случае, папа сумел избежать допросов. К горечи в душе Торби примешалась гордость. Папа был по-настоящему умным человеком, и, хотя они его поймали, он все же напоследок посмеялся над ними.

И все-таки, как же теперь быть?

Тетушка Сингам предупредила: надо скрыться. Сержант Подди предельно ясно сказал, чтобы он сматывался из города. Хороший совет. Если Торби не хочет, чтобы его укоротили, надо покинуть город затемно. Отец не хотел бы, чтобы

Торби сидел, дожидаясь ищеек: надо действовать быстро и без промедления. К тому же папе уже ничем не поможешь, он мертв... Эй, постой-ка!

«Когда я умру, ты найдешь человека и передашь ему послание. Я могу положиться на тебя? Ты ничего не забудешь?»

Да, папа! Ты можешь быть уверен: я ничего не забыл и передам все слово в слово! И тут Торби впервые вспомнил, почему он вернулся домой раньше обычного: в порт прибыл корабль «Сису»; его шкипер был одним из тех людей, которые значились в списке отца. «Первому из тех, кого ты встретишь» – вот что сказал Баслим. Я не потерял голову, папа; я немножко растерялся, но теперь я вспомнил, я сделаю! Я сделаю то, что ты говорил. С яростной решимостью Торби сказал себе: это послание наверняка и есть то самое последнее и самое важное дело, которое не успел завершить отец. Ведь они сказали, что он шпион. Ну что ж, он поможет отцу довести дело до конца. Я все сделаю, папа! Мы им еще покажем!

Торби не мучали угрызения совести из-за той «измены», которую он собирался совершить: его привезли сюда как раба, против воли, он не испытывал никакой преданности Саргону, и Баслим никогда не пытался привить ему подобные чувства. Самым сильным из всех чувств, которые он питал к Саргону, был суеверный страх, но даже он отступил под натиском яростной жажды мести. Сейчас Торби не боялся ни полиции, ни самого Саргона; он просто хотел избежать встречи с ними, чтобы выполнить последнюю волю Баслима. Ну а если его поймают, то... он надеялся, что все же успеет сделать все необходимое прежде, чем его укоротят.

Если «Сису» все еще в порту...

О, он должен быть там! Тем не менее первым делом нужно узнать, не покинул ли корабль планету... Хотя, впрочем, нет, сначала нужно укрыться, пока не рассвело. Улизнуть от шпигов сейчас в миллион раз важнее, чем раньше,

именно сейчас, когда до его тупой башки дошло, что есть еще кое-что, что он может сделать для папы.

Скрыться, убедиться, что «Сису» еще в порту, передать послание его шкиперу... и это притом, что вся полиция района брошена на его поиски...

Может быть, лучше добраться до космоверфи, где его никто не знает, и, вернувшись в порт кружным путем, найти «Сису»? Нет, так не годится: он уже чуть не попал в лапы тамошних патрулей, и все потому, что не знал местности. А здесь ему, по крайней мере, знаком каждый дом и большинство жителей.

Но ему нужна помощь. Не может же он просто выйти на улицу и заговорить с первым попавшимся космонавтом! Кто из друзей поможет ему... рискуя нарваться на неприятности с полицией? Зигги? Не будь дураком: Зигги тут же его продаст за обещанную награду. За пару минимов Зигги продаст родную мать – Зигги считает, что тот, кто не думает о своей выгоде в первую очередь, в последнюю и всегда – просто со-сунок.

Кто же? Торби с огорчением подумал, что все его друзья одного с ним возраста и, так же, как и он, мало что могут сделать. Он не знал, где ночует большинство из них, и, уж конечно, не мог рыскать по округе днем, чтобы встретиться с кем-нибудь. Что же касается тех немногих, что жили вместе с родителями и адреса которых он знал, то, во-первых, им вряд ли можно доверять, а во-вторых, их родичи сразу же побегут в полицию. В большинстве своем законопослушные граждане из тех, что были ему ровней, старались не лезть не в свое дело и не ссориться с властями.

Ему нужен кто-то из друзей папы.

Их он повычеркивал почти так же быстро. О большинстве этих людей он не мог сказать наверняка, близкие это друзья или просто знакомые. Единственный человек, до которого можно добраться и который сумеет помочь, – Ма-маша Шаум. Как-то раз она приютила Торби и Баслима,

когда их выкурили газом из подземелья, и у нее всегда находилось для Торби доброе слово и холодное питье.

Приближался рассвет, и мальчик тронулся в путь.

Мамаша Шаум содержала пивную и гостиницу в дальнем конце Веселой улицы, прямо напротив ворот порта, через которые звездолетчики выходили в город. Спустя полчаса, миновав немало крыш, пару раз спустившись в темные дворы и один раз перебежав через освещенную улицу, Торби оказался возле ее заведения. Он не осмелился войти прямо в дверь: его увидело бы слишком много народу и Шаум была бы вынуждена вызвать патруль. Он подумал было о черном ходе и присел на корточки между двумя мусорными баками, присматриваясь, но потом рассудил, что, судя по голосам, на кухне битком народу.

Но когда он добрался до крыши, почти рассвело. Он все-таки отыскал чердачный люк, но ни открыть его, ни сломать голыми руками оказалось невозможно. Торби посмотрел во двор, рассчитывая спуститься вниз и, плюнув на все, проникнуть в дом с черного хода. Солнце почти взошло, и надо было спрятаться любой ценой. Заглянув за край крыши, он заметил вентиляционные отверстия – по одному с каждой стороны чердака. Они были едва ли шире его плеч, но они вели в дом. Их проемы были забраны деревянными ставнями, но после нескольких неудачных попыток и посадив множество царапин ему все же удалось выбить одну из них ногой. Затем он попытался выполнить почти невозможный трюк. Босыми ногами Торби ступил на край проема и скользнул внутрь. Он влез по пояс, но набедренная повязка зацепилась за острые обломки ставни и не дала ему пролезть дальше. Он застрял, как пробка. Ноги оказались внутри, а руки, грудь и голова – снаружи. Он торчал из стены, как горгулья и был не в силах пошевелиться, а небо делалось все светлее и светлее.

Мальчик рванулся что есть силы, и повязка порвалась. Он провалился вниз, ударившись головой и едва не потеряв сознание. Он замер и перевел дух, а затем кое-как приладил

ставню на место. Конечно, она теперь не задержит всяких вредных зверьков, но снизу, с расстояния в четыре этажа, может обмануть глаз. Только теперь до него дошло, что он чуть не свалился с высоты этих четырех этажей.

Крыша была такая низкая, что по чердаку можно было передвигаться только ползком. Торби лихорадочно обшарил его в поисках люка. Первая попытка не увенчалась успехом, и мальчик даже засомневался, есть ли он здесь вообще. Торби знал, что в некоторых домах есть лаз на чердак, но, вообще-то, он мало что знал о такого рода жилищах, поскольку Торби не часто доводилось в них бывать.

Он смог отыскать лаз, только когда солнечные лучи пробились через вентиляционные отверстия и осветили чердак. Лаз оказался с противоположной стороны, ближе к улице.

И он был заперт снизу.

Но крышка оказалась не такой прочной, как ставня. Торби осмотрелся, нашел тяжелый прут, брошенный здесь каким-то строителем, и стал долбить им дерево. В конце концов он выбил сучок, отложил прут в сторону и заглянул в отверстие.

Под ним была комната; Торби разглядел кровать, на которой лежал человек.

Он решил, что большей удачи и быть не может. Ему предстоит иметь дело только с одним человеком, и он уговорит его найти Мамашу Шаум, не поднимая тревоги. Он перестал наблюдать, сунул в отверстие палец и нащупал запор, потом ногтем отодвинул защелку и бесшумно поднял крышку.

Человек на кровати даже не шевельнулся.

Торби спустился в люк, уцепившись пальцами за его края, потом прыгнул и сжался в комок, стараясь не шуметь.

Человек уже сидел на постели, нацелив на него пистолет.

– Долго же тебя пришлось ждать, – произнес женский голос. – Уже целый час слушаю, как ты там скребешься.

– Матушка Шаум! Не стреляйте!

Она подалась вперед, всматриваясь в мальчика:

– Мальчишка Баслима. – Женщина тряхнула головой. – Да, парень, видочек у тебя... и от тебя пахнет жареным, как от горящего матраса... Зачем ты сюда забрался?

– Мне больше некуда идти.

Она нахмурилась:

– Я полагаю, это комплимент... хотя лично я предпочла бы заразиться проказой. – Она вылезла из постели в одной ночной рубашке и, прошлепав босыми ступнями к окну, выглянула наружу. – Ищейки здесь, ищейки там... ищейки обнюхивают каждый угол и распугивают моих клиентов... Ты, парень, наделал больше переполоху, чем те бунты на заводах. Почему бы тебе сразу не покончить с собой?

– Вы не спрячете меня, матушка?

– Кто сказал, что не спрячу? Я никогда еще никого не закладывала. Но я вовсе не обязана радоваться этому. – Она сердито посмотрела на мальчика. – Когда ты ел в последний раз?

– Э-э-э... Не помню.

– Сейчас соберу чего-нибудь... полагаю, заплатить ты не сможешь? – Она бросила на Торби колючий взгляд.

– Я не голоден. Матушка, вы не знаете, «Сису» еще в порту?

– Что? Не знаю. Впрочем, знаю; да, он еще здесь, вечером ко мне заходили двое мальчиков из экипажа. А зачем тебе?

– Я должен передать шкиперу послание. Я должен с ним встретиться. Обязательно!

Мамаша Шаум издала полный отчаяния стон:

– Он вламывается в дом порядочной женщины, будит ее посреди ночи, он валится ей на голову, рискуя ее жизнью, здоровьем и лицензией. Он весь грязный, ободранный и весь в крови, и он, конечно же, изгадит мои чистые полотенца, а ведь цены в прачечной еще те! Он голодный и не может заплатить за еду... И после всего этого он еще смеет нагло требовать, чтобы я бегала по его поручениям!

– Я не голоден... и меня вовсе не волнует, дадут мне помыться или нет. Но я должен увидаться с капитаном Краузой.

– Будь любезен, не командуй в моей собственной спальне. Насколько я знаю старого мошенника, с которым ты жил, он избаловал тебя и недостаточно часто лупил. Тебе придется подождать, пока не придет кто-нибудь с «Сису», чтобы я могла передать весточку капитану. – Она повернулась к двери. – Вода в кувшине, полотенце – на вешалке. Давай отмывайся!

Мамаша Шаум вышла.

Умывшись, Торби почувствовал себя лучше. На туалетном столике нашелся заживляющий порошок, и он обработал свои царапины. Шаум вернулась и положила перед Торби солидный кусок мяса между двумя ломтями хлеба, поставила кувшин молока и, ни слова не говоря, вышла из комнаты. Торби и мысли не допускал, что сможет есть после смерти папы, но теперь у него вновь разыгрался аппетит. Встреча с Мамашей Шаум успокоила мальчика.

Хозяйка вернулась:

– Дожевывай и прячься. Ходят слухи, что полиция собирается обыскать каждый дом.

– Да? Тогда мне пора сматываться.

– Заткнись и делай то, что я говорю. Прячься.

– Куда?

– Сюда, – ответила она, указывая пальцем.

В углу был встроенный в стену шкафчик с пуфиком наверху. Главным его недостатком были размеры. Шириной он был с человеческое туловище, но высота его составляла лишь треть роста взрослого мужчины.

– Сюда? Вряд ли я туда втиснусь.

– То же самое подумают и сыщики. Давай быстрее. – Она откинула крышку, вытащила какое-то барахло и приподняла заднюю стенку шкафчика. В стене открылось отверстие, ведущее в смежную комнату. – Суй туда ноги и не воображай, что ты первый, кто здесь прячется.

Торби влез в шкафчик и, просунув ноги в отверстие, лег на спину; опущенная крышка была в нескольких сантиметрах от его лица. Мамаша Шаум набросала сверху тряпья.

– Как ты там?

– Все в порядке. Матушка, а он правда мертв?

Ее голос смягчился.

– Да, малыш. Это очень печально.

– Вы уверены?

– Поначалу я тоже сомневалась, зная старика. И решила прогуляться к пилонам, убедиться. Это он. И знаешь, что я тебе скажу? У него на лице улыбка, будто он, как всегда, перехитрил их... Да так оно и есть. Они ох как не любят, когда человек умирает до допроса. – Она опять вздохнула. – Поплачь сейчас, если хочешь, но только тихо. Услышишь кого-нибудь – молчи.

Крышка захлопнулась. Торби боялся задохнуться, но через некоторое время понял, что в шкафчике были дыры для вентиляции. Воздуха не хватало, но дышать было можно. Он повернул голову, чтобы наваленная сверху одежда не давила на нос.

Потом он немного поплакал и уснул.

Его разбудили шаги и голоса, раздавшиеся очень вовремя: спросонья он едва не сел в своем укрытии. Крышка над ним приподнялась и вновь захлопнулась, оглушив его; мужской голос сказал:

– В этой комнате пусто, сержант!

– Посмотрим! – Торби узнал голос Подди. – Ты забыл про чердак. Давай лестницу.

– Там ничего нет, – сказала Мамаша Шаум. – Наверху ничего, кроме воздуха, сержант.

– Я сказал: «посмотрим».

И через несколько минут добавил:

– Дай-ка фонарик... Хм... вы правы, Мамаша... Но он здесь был!

– Что?

– В том конце крыши выломана ставня и пыль потревожена. Я думаю, он пробрался через чердак, спустился в вашу спальню и убежал.

– Святые и дьяволы! Меня могли убить в собственной постели. И это защита нашей полиции?

– Вы же не пострадали... И все-таки я посоветовал бы вам починить ставню, иначе у вас поселятся змеи и прочие их родственники. – Он помолчал и продолжил: – Мне думается, он хотел отсидеться где-нибудь в этом районе, но понял, что это опасно, и вернулся в развалины. Что ж, если так, мы, конечно же, выкурим его оттуда еще до вечера.

– Вы полагаете, я смогу спокойно лечь в свою постель?

– Полагаешь, ему нужна старая кошелка, вроде тебя?

– Фи, как грубо! А я-то собиралась предложить вам промыть горло от пыли.

– Да? Ну что ж, идемте на кухню и обсудим это. Быть может, я не прав.

Торби услышал, как они уходят и уносят лестницу. Наконец он осмелился снова дышать.

Вскоре Мамаша Шаум вернулась и, ворча, откинула крышку:

– Можешь размять ноги. Но будь готов сигануть обратно. Три пинты моего лучшего пива! Тоже мне полицейские!

Глава 6

Шкипер «Сису» появился в тот же вечер. Капитан Крауза был высоким, красивым и крепким мужчиной; озабоченное выражение лица и жесткая складка у рта говорили о привычке командовать и нести на своих плечах бремя ответственности. Он был явно зол на себя и на того человека, который осмелился оторвать его от повседневных забот из-за какой-то глупости. Капитан бесцеремонно оглядел Торби с ног до головы:

– Так что, матушка Шаум, это и есть тот человек, который говорил, будто у него ко мне срочное дело?

Капитан изъяснялся на языке торговцев Девяти миров, жаргонном варианте саргонезского, лишенном склонений и спряжений и имевшем чисто рудиментарный позиционный синтаксис. Но Торби понимал это наречие. Он ответил:

– Если вы – капитан Фьялар Крауза, то у меня есть к вам послание, благородный господин.

– Не называй меня «благородным господином». Да, я и есть капитан Крауза.

– Да, благор... то есть я хотел сказать, да, капитан.

– Если у тебя есть что сказать, то я слушаю.

– Да, капитан. – И Торби принялся излагать послание Баслима на языке Суоми: – «Капитану Фьялару Краузе, шкиперу звездолета „Сису“, от Баслима Калеки. Приветствую тебя, мой старый друг! Я передаю привет также твоей семье, клану и всей родне. Свидетельствую мое уважение твоей достопочтенной матери. Я говорю устами своего приемного сына. Он не понимает финского; я обращаюсь к тебе в частном порядке. Когда ты получишь это послание, меня уже не будет в живых...»

Крауза, уже начавший улыбаться, вдруг вскрикнул от изумления. Торби умолк.

– Что он говорит? – вмешалась Мамаша Шаум. – Что это за язык?

– Это мой язык, – отмахнулся Крауза. – Так это правда? То, что говорит мальчишка?

– Какая правда? Откуда мне знать? Я не понимаю эту трескотню.

– О! Прошу прощения! Он говорит, что старый нищий, который болтался на площади и называл себя Баслимом, умер. Это правда?

– Ага! Конечно, это правда. Я сама могла сказать вам, кабы знала, что вам интересно. Все знают о том, что он мертв.

– Похоже, все, кроме меня. А что с ним случилось?

– Его укоротили.

– Укоротили? За что?

Она пожала плечами:

– Почему мне знать? Ходят слухи, что он не то отравился, не то сделал еще что-то. В общем, убил себя сам, чтобы не попасть к ним на допрос. Но я не знаю наверняка. Я всего лишь бедная старая женщина, стараюсь жить честно, а цены с каждым днем растут... Полиция Саргона не делится со мной своими секретами.

– Но, если... впрочем, не важно. Он обвел их вокруг пальца? Это очень на него похоже. – Крауза обернулся к Торби. – Ну что ж, продолжай, закончи свое послание.

Прерванный на полуслове, Торби был вынужден вернуться к самому началу.

Крауза с нетерпением дождался, пока мальчик дошел до слов «...уже не будет в живых. Мой сын – это все, что у меня было, и я доверяю его твоим заботам. Прошу тебя помочь ему и воспитать его, как это сделал бы я. Я хотел бы, чтобы ты при первой же возможности передал мальчика капитану какого-либо военного корабля гвардии Гегемонии. Скажи, что он – похищенный гражданин Гегемонии и что ему нужно помочь в поисках семьи. Если они возьмутся за дело как следует, то смогут установить его личность и вернуть парня родным. В остальном всецело полагаюсь на твой опыт. Я велел ему слушаться тебя и полагаю, что он будет это делать. Он хороший мальчик, разумеется, со скидкой на возраст и житейский опыт, и я с легким сердцем доверяю его тебе. А теперь я должен уйти. Я прожил долгую и богатую событиями жизнь и вполне доволен ею. Прощай».

Капитан закусил губу, и на его лице появилось такое выражение, будто он с трудом сдерживает слезы. Наконец он хрипло произнес:

– Все ясно. Что ж, парень, ты готов?

– Сэр?

– Я забираю тебя с собой. Или Баслим тебе не сказал?

– Нет, сэр. Но он велел мне делать все, что вы скажете. Я должен пойти с вами?

– Да. Как скоро ты сможешь отправиться в путь?

Торби сглотнул:

– Хоть сейчас, сэр.

– Тогда идем. Я должен вернуться на корабль. – Капитан осмотрел Торби. – Матушка, нельзя ли подыскать для него что-нибудь попримечнее? Не могу же я взять на борт такого оборванца. Впрочем, не надо. Тут на улице есть лавочка, я сам куплю ему костюм и все, что нужно.

Женщина слушала его с возрастающим изумлением.

– Вы забираете его на свой корабль? – спросила она наконец.

– А вы против?

– Что? Вовсе нет... если вас не заботит, что его разорвут на куски.

– О чем это вы?

– Вы с ума сошли? По пути отсюда до ворот порта вы встретите не меньше шести ищеек, которые ради вознаграждения готовы землю рыть!

– Хотите сказать, что этот парень в бегах?

– Как вы думаете, чего ради я стала бы прятать его в своей спальне? Он жжется почище кипящего сыра!

– Но почему?

– Откуда мне знать? Только это так.

– Вы же не думаете, будто такой вот парнишка может знать о делах Баслима так много, что они...

– Давайте не будем говорить о том, что делал или мог сделать Баслим. Я – законопослушная гражданка Саргона... и мне вовсе не хочется, чтобы меня укоротили. Вы говорите, что берете мальчишку на свой корабль. Я говорю «отлично!». Я рада избавиться от хлопот. Но как?

Крауза пощелкал костяшками пальцев.

– Я полагал, – медленно проговорил он, – что должен лишь провести его через ворота и заплатить эмиграционный сбор.

– Вы ошиблись, так что забудьте об этом. Нет ли возможности взять его на борт, минуя ворота?

Капитан явно встревожился:

– Тут настолько строго с контрабандой, что мой корабль будет конфискован, если парня засекут. Вы просите меня рискнуть своим кораблем... своей головой... и всем экипажем.

– Я не прошу вас рисковать. У меня своих забот достаточно. Я лишь объяснила, как обстоят дела. Если хотите знать мое мнение, то попытка увезти Торби – чистое безумие.

– Капитан Крауза... – подал голос Торби.

– Чего тебе, парень?

– Папа велел мне делать все, что вы скажете... Но я уверен, что он не захотел бы, чтобы вы рисковали своей шеей из-за меня. – Торби проглотил подкативший к горлу комок.
– Я не пропаду. Со мной все будет в порядке.

Крауза нетерпеливо рубанул ладонью воздух.

– Нет! «Нет!» – сурово произнес он. – Баслим хотел, чтобы я это сделал... а долги надо платить! Всегда!

– Не понимаю.

– А тебе и не нужно понимать. Баслим хотел, чтобы я забрал тебя с собой, значит быть по сему. – Он повернулся к Мамаше Шаум. – Вопрос один: как это сделать? У вас есть какие-нибудь идеи?

– Мм... Есть одна мыслишка. Пойдемте обсудим ее. – Она повернулась. – А ты, Торби, лезь назад в свое укрытие и будь осторожен. Возможно, мне придется кое-куда сходить.

На другой день, незадолго до наступления комендантского часа, большой портшез покинул Веселую улицу. Патрульный остановил его, и из-за занавески высунулась голова Мамаша Шаум. Патрульный удивился:

– Уезжаете? Кто же будет заботиться о ваших клиентах, Мамаша?

– У Мюры есть ключи, – ответила женщина. – Но ты, как добрый друг, все же пригляди за моим заведением. Мюре не хватает моей твердости.

Мамаша Шаум вложила что-то в ладонь полицейского. Это «что-то» тотчас исчезло.

– Договорились. Вас не будет всю ночь?

– Надеюсь, что нет. Возможно, лучше иметь пропуск, как ты думаешь? Я хотела бы, завершив дела, сразу вернуться домой.

– Сейчас с пропусками строго.

– Все еще ищут мальчишку того нищего?

– В общем-то, да. Но мы его найдем. Если он удрал за город, то сдохнет с голоду. Если остался здесь, его затравят.

– Ну, меня-то вы с ним не спутаете. Так как насчет краткосрочного пропуска для старой женщины, которой нужно нанести частный визит? – Она положила на дверцу руку – между пальцами торчал уголок банкноты.

Патрульный взглянул на бумажку и заозирался по сторонам:

– До полуночи хватит?

– Думаю, этого достаточно.

Полицейский вытащил книжку с бланками, что-то нацарапал в ней, потом вырвал страничку и протянул женщине. Как только она взяла документ, деньги исчезли.

– И пожалуйста, не задерживайтесь позже полуночи.

– Надеюсь управиться раньше.

Он заглянул в портшез, затем осмотрел его снаружи. Четверо носильщиков стояли спокойно, не говоря ни слова, да оно и неудивительно, поскольку все они были лишены языка.

– Откуда они? Из гаража «Зенит»?

– Я всегда вызываю оттуда.

– Кажется, я их узнаю. Неплохо подобраны.

– Осмотри их хорошенько. Может, среди них – сын нищего.

– Эти здоровые волосатые скотины? Бросьте, матушка!

– Пока, Шол.

Носильщики плавно подняли портшез и трусцой двинулись вперед. За углом Шаум приказала им замедлить ход и плотно задернула занавески. Похлопала по разбросанным вокруг диванным подушкам:

– Как ты там?

– Вы меня почти раздавили, – ответил слабый голос.

– Лучше быть раздавленным, чем укороченным. Сейчас станет чуть полегче. Ну и острые же у тебя коленки!

Всю последующую милю она сосредоточенно переодевалась и обвешивалась драгоценностями. Затем опустила вуаль так, что видны были только ее живые черные глаза. Покончив с этим, высунула наружу голову и отдала несколько приказаний старшему носильщику; портшез свернул направо, к космопорту. Когда они добрались до высокого глухого забора, уже почти стемнело.

Ворота для космонавтов находятся в самом начале Веселой улицы. Пассажирский выход был расположен восточнее, в здании эмиграционного контроля. Еще дальше, в районе складов, были торговые ворота, через которые везли грузы, и таможня. Еще дальше, в нескольких милях, находились ворота космоверфи. А между верфью и торговыми воротами была маленькая калитка для знати, для тех ее представителей, у которых хватало денег на содержание собственных космических яхт.

Портшез достиг ограды космопорта неподалеку от торговых ворот, свернул и двинулся вдоль стены к воротам, представлявшим собой несколько проездов, ведущих к разгрузочным докам. Каждый проезд преграждал барьер, подле которого надлежало разгружать прибывшие фургоны. Здесь работали инспекторы Саргона: взвешивали, обмеряли, протыкали и просвечивали грузы, прежде чем пропустить их за барьер, откуда портовые машины доставляли их к кораблям.

Этой ночью барьер третьего дока был открыт: заканчивалась погрузка вольного торговца «Сису». Его хозяин

наблюдал за ее ходом, препираясь с инспекторами и не забывая время от времени, как было заведено с незапамятных времен, «подмазывать» скрипучий механизм таможи. В расчетах ему помогал младший офицер корабля, стоявший рядом с блокнотом и карандашом.

Лавируя между фургонами, портшез приблизился к открытому доку. Оглянувшись, хозяин «Сису» заметил даму под вуалью, обозревавшую царящую здесь суматоху. Мельком посмотрев на часы, Крауза сказал младшему офицеру:

– Еще одно место, Ян. Отправляйтесь с этим грузовиком, а я поеду на последнем.

– Есть, сэр. – Молодой человек забрался в машину и велел шоферу трогаться.

Освободившееся место тут же занял пустой грузовик. Работа шла быстро, но хозяин нашел к чему придраться. Он был чем-то недоволен и потребовал начать все сначала. Старший грузчик хотел было возмутиться, но хозяин прервал его, вновь взглянув на часы:

– Время еще есть. Я не хочу, чтобы контейнеры поломались прежде, чем мы доставим их к кораблю. Груз денег стоит. Так что уложите его получше.

Портшез двинулся вдоль забора. Вскоре совсем стемнело. Дама под вуалью посмотрела на светящиеся часы-перстень и велела носильщикам перейти на рысь.

Наконец они добрались до калитки для знати. Дама высунула голову и крикнула:

– Открывайте!

У ворот дежурили двое охранников. Один – в маленькой караулке, другой снаружи. Он открыл ворота, но, как только портшез двинулся вперед, преградил дорогу жезлом. Остановившись, носильщики опустили портшез на землю. При этом его правая дверца была обращена к воротам.

Дама крикнула:

– С дороги! Яхта лорда Мерлина!

Преградивший путь охранник заколебался:

– Есть ли у миледи пропуск?

– Ты что, сдурел?

– Если у госпожи нет пропуска, – медленно проговорил тот, – то, возможно, она предъявит какое-нибудь подтверждение тому, что лорд Мерлин ожидает ее?

Голос женщины доносился из темноты; у охранника хватило ума не светить ей в лицо фонариком. У него был многолетний опыт общения с благородными господами. И все же голос дамы звучал сердито, она кипела от злости, будто котел.

– Ну, если ты и впрямь сдурел, что ж, свяжись с лордом. Позвони ему на яхту, и я уверяю тебя, ты очень его обрадуешь!

Из будки вышел второй охранник:

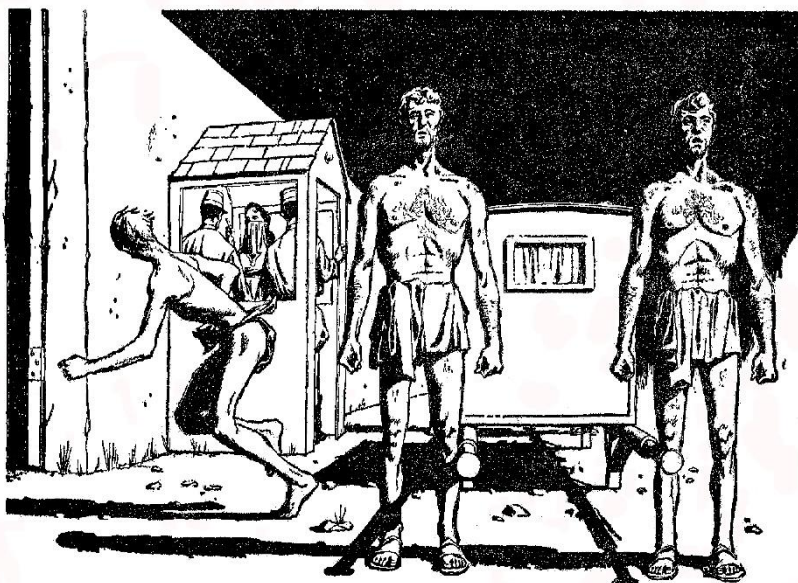
– Что-то случилось, Шон?

– О нет.

Двое охранников принялись шептаться. Младший отправился в караулку звонить на яхту лорда Мерлина, второй остался ждать снаружи.

Однако у дамы, похоже, кончились остатки терпения. Распахнув дверцу, она выскочила наружу и, словно разъяренная тигрица, ринулась в караульное помещение, сопровождаемая изумленным охранником. Звонивший отнял палец от клавиш, так и не добившись соединения, оглянулся... и почувствовал, что у него подгибаются ноги. Он и не представлял себе, что дела его настолько плохи. Перед ним стояла не ветреная инфанта, удравшая от своей дуэньи, а разгневанная матрона, вполне способная упечь человека на общественные работы, а то и куда подальше. И, судя по ее норову, она вполне могла так и сделать. Охранник с разинутым ртом слушал ее цветистую едкую брань и думал о том, что сегодняшний день – самый черный и мрачный из всех за все годы его службы у калитки для благородных господ и леди.

Внимание обоих стражников было целиком поглощено красочной речью Мамаши Шаум. Тем временем от портшеза отделилась маленькая фигурка, шмыгнула в открытые

ворота и вскоре исчезла из виду, скрывшись во мраке, окутывавшем стартовую площадку. Торби бежал, каждую секунду ожидая жуткого обжигающего разряда из парализующего пистолета, но у него достало храбрости не потерять голову и ориентировку. Отыскав по разметке нужную полосу, он ничком бросился на асфальт, хватая ртом воздух.

А в это время у ворот Мамаша Шаум умолкла, чтобы перевести дух.

– Госпожа, – попытался как-то успокоить ее один из охранников, – если вы дадите нам возможность дозвониться до...

– Забудьте об этом! Впрочем, нет! Помните! Не далее завтрашнего дня вы получите весточку от лорда Мерлина. – Мамаша Шаум рухнула на сиденье портшеза.

– Госпожа, прошу вас...

Она пропустила его слова мимо ушей и отдала отрывистое приказание рабам. Те подняли портшез и сразу пошли рысью. Рука одного из стражников дернулась к поясу, словно он почуял что-то неладное, но потом замерла.

Охранник не рискнул подстрелить носильщика знатной дамы, что бы там ни было у нее на уме.

К тому же на самом деле она ничего такого не сделала.

Когда владелец «Сису» наконец-таки остался доволен тем, как загружена последняя машина, он забрался на трейлер, взмахом руки велел водителю трогаться и двинулся вперед, к кабине.

– Эй, ты! – крикнул он, постучав в заднее окошко.

– Да, капитан? – донесся слабый голос водителя.

– Я видел знак «стоп» на дороге, там, где она выходит на полосу, ведущую к кораблям. Я заметил, что большинство водителей даже не обращают на него внимания.

– Ах этот? Та дорога обычно пуста. Ею пользуются только благородные, потому и стоит знак.

– Об этом я и говорю. В любой момент может появиться кто-то из них, и я просрочу старт из-за дурацкой дорожной аварии с участием кого-то из вашей знати. А тогда меня могут задержать на много девятидневок. Так что остановитесь там, ясно?

– Как скажете, капитан. Чай, деньги вы платите.

– Это точно.

Банкнота в полстеллара пропутешествовала через щель в кабину.

Когда грузовик притормозил, Крауза подошел к заднему борту. Машина остановилась, капитан наклонился и втащил в кузов Торби:

– Тихо!

Мальчик кивнул, сдерживая дрожь. Капитан достал инструменты и занялся одним из контейнеров. Вскоре стенка у контейнера отвалилась, и капитан, откинув джутовую ткань, принялся выгребать наружу листья верги, стоившие бешеных денег на любой другой планете. Вскоре получилось нечто вроде большой норы, а фунтов сто листьев оказались разбросаны по полю.

– Лезь сюда!

Торби протиснулся в нору, стараясь сжаться как можно плотнее. Крауза натянул ткань, прибил планки и запечатал контейнер поддельной печатью инспекции, вручную изготовленной в мастерских звездолета. Потом выпрямился и смахнул со лба пот. Машина свернула к погрузочной площадке «Сису».

Капитан лично проследил за окончанием погрузки. Рядом стоял инспектор Саргона, отмечая каждый контейнер, каждый ящик, исчезающий в трюме. Потом Крауза должным образом отблагодарил инспектора и шагнул в подъемник вместо того, чтобы воспользоваться пассажирским лифтом. Оператор осторожно повел подъемник вверх, так как в гондоле стоял человек. Трюм был заполнен почти до отказа; груз уже принайтовили, и экипаж взялся за последние ящики. Даже капитан приложил руку, во всяком случае помог перекантовать один из контейнеров. Освободив груз от талей, экипаж задраил грузовой люк и начал герметизацию. Капитан Крауза вновь полез в карман и, достав инструмент, начал вскрывать контейнер.

Два часа спустя Мамаша Шаум стояла у окна спальни и смотрела в сторону космопорта. Она бросила взгляд на часы. С башни взмыла зеленая ракета. Через несколько секунд в небо взметнулся столб белого пламени. Когда донесся рев двигателей, женщина мрачно усмехнулась и спустилась посмотреть, как идут дела. Ведь одной Мюре нипочем не справиться.

Глава 7

Первые несколько миллионов миль полета Торби провел в тягостных сомнениях, не совершил ли он ошибку.

Он потерял сознание от испарений листьев верги и очнулся в крошечной одноместной каюте. Пробуждение было болезненным: хотя на «Сису» во время прыжка поддерживалась стандартная сила тяжести, его тело почувствовало незначительное отличие от гравитации на Джаббале, а

кроме того, ощутило и более тонкую разницу между искусственным полем тяготения и естественным притяжением планеты. Его тело решило, что он вновь попал в лапы работорговцев, и ему впервые за многие годы приснился кошмар.

Его усталый, одурманенный мозг мучительно медленно выплывал из жуткого сна.

Наконец Торби окончательно пришел в себя и, осмотревшись, сообразил, что находится в безопасности на борту «Сису». Он облегченно вздохнул и с волнением подумал о том, что он куда-то летит. Новизна и перемены оттеснили на задний план даже горечь потери Баслима. Он огляделся.

Помещение, в котором он находился, имело форму куба с длиной стороны, превышавшей собственный рост Торби на фут или чуть больше. Он лежал на койке, занимавшей половину каюты, и под ним был настоящий, удивительно мягкий матрас из теплого, упругого и гладкого материала. Торби потянулся и зевнул, удивляясь роскоши, в которой живут торговцы. Затем спустил ноги на палубу и встал.

Койка беззвучно поднялась и утонула в переборке. Торби, как ни старался, не смог понять, каким образом снова опустить ее. Наконец он прекратил свои потуги. Он выспался и теперь хотел осмотреться.

Когда он открыл глаза, потолок слабо светился, а когда встал, свет стал ярче. Но и при свете он не увидел дверей. С трех сторон его окружали металлические панели, каждая из которых могла оказаться дверью, но ни на одной не было видно ни петель, ни замков, ни других привычных деталей.

Торби подумал, что его вполне могли запереть, но это его не беспокоило. Он жил в подземелье, а трудился на площади, так что ему были неведомы ни клаустрофобия, ни агофобия; Торби лишь хотелось найти дверь, и он подосадовал, что не может этого сделать. Даже если дверь закрыта, капитан Крауза вряд ли станет держать его взаперти слишком долго, подумал Торби. Но дверь так и не нашлась.

На палубе лежали шорты и рубашка. Он проснулся обнаженным, как спал всегда. Взяв одежду, Торби робко помял ее в руках, дивясь ее великолепию. Он вспомнил, что примерно такие же вещи носят большинство космонавтов, и его на миг охватил восторг оттого, что теперь и ему доступна подобная роскошь. Но мгновение спустя его разум отверг столь дерзкое предположение.

Однако затем Торби вспомнил, что капитан Крауза не хотел, чтобы мальчик появлялся на борту в своей обычной одежде, – да, капитан собирался зайти в лавку на Веселой улице, где продают товары для космонавтов! Он так и говорил!

Наконец Торби убедил себя в том, что одежда приготовлена для него. Для него! Набедренная повязка исчезла, а капитану вряд ли хочется, чтобы Торби ходил по кораблю нагишом. Он не страдал излишней застенчивостью; условности на Джаббале больше касались высших сословий. Тем не менее одежду носили все.

Торби оделся, дивясь собственному нахальству. Сначала он натянул шорты задом наперед и лишь потом, заметив оплошность, надел их как следует. Рубашку, похожую на пуловер, он также надел неправильно, но это не так бросалось в глаза. Полагая, что он сделал все как нужно, Торби не стал переодеваться. Он почувствовал неодолимое желание посмотреться в зеркало. Шорты и рубашка были простого покроя, без особенных украшений, светло-зеленого цвета, из крепкого недорогого материала; это была обычная роба, взятая со склада корабля. Одежду такого типа столетиями носили мужчины и женщины многих планет. Но истинно говорю вам, и Соломон во всей славе своей не был одет, как Торби! Оглаживая костюм, он мечтал только об одном: чтобы кто-нибудь еще увидел его в этом великолепии. Он принялся с удвоенным рвением разыскивать дверь.

Дверь отыскалась сама. Проведя рукой по переборке, Торби почувствовал дуновение и, оглянувшись, увидел, что одна из панелей исчезла. За ней был коридор.

По выгнутому коридору к Торби приближался молодой человек. Торби был вне себя от радости, увидев, что одежда на человеке мало чем отличается от его. Он шагнул вперед и вежливо приветствовал юношу на саргонезском жаргоне торговцев.

Глаза молодого человека скользнули по Торби, но он прошел мимо, как будто здесь больше никого не было. Торби запнулся, озадаченный и немного обиженный. Потом повторил приветствие на интерлингве.

Человек исчез прежде, чем Торби успел пустить в ход другие известные ему языки. Он пожал плечами и решил не обращать внимания. Нищему обижаться не пристало – таким меньше подадут. Торби принялся изучать звездолеты.

За двадцать минут ему удалось увидеть немало интересного. Во-первых, «Сису» оказался намного больше, чем он думал. До сих пор ему не доводилось видеть космический корабль изнутри, разве что сомнительного достоинства интерьеры невольничьего трюма. На расстоянии звездолеты, стоявшие на площадке космопорта, выглядели весьма внушительно, но не такими громадами! Во-вторых, Торби удивило число людей на борту. Он знал, что экипажи грузовиков Саргона, курсирующих между планетами Девяти миров, состоят из шести-семи человек, а здесь он за считанные минуты встретил в несколько раз больше людей обоих полов и самых разных возрастов.

В-третьих, Торби с огорчением заметил, что к нему здесь относятся пренебрежительно. Люди либо вовсе не удостоивали его взглядом, либо не отвечали на обращенные к ним слова; если бы он вовремя не отступал в сторону, они, похоже, запросто могли бы пройти сквозь него. Единственным человеком, с которым ему почти удалось пообщаться, была крошечная девочка, едва научившаяся ходить. В ответ на его попытку заговорить она посмотрела на него серьезными, чуть печальными глазами, но ее тут же утатила женщина, которая даже не взглянула на Торби.

Такое обращение было ему хорошо знакомо; именно так знать Джаббала относилась к людям его касты. Благородные не видели их, бедняков как бы не существовало, и даже милостыню им передавали через рабов. На Джаббале Торби не обижало подобное отношение – это было естественно и в порядке вещей, и он не чувствовал себя из-за этого отверженным или оскорбленным. Его всегда окружали добрые друзья, такие же, как и он, бедняки, и Торби никогда не ощущал себя изгоем.

Но, зная он, что члены экипажа «Сису» будут относиться к нему так же, как джаббалская знать, он ни за что не взойшел бы на борт, даже чтобы скрыться от ищеек. Однако такого он никак не ожидал. Капитан Крауза, услышав послание Баслима, отнесся к мальчику дружелюбно, пусть даже по-отечески грубовато, и Торби полагал, что экипаж «Сису» станет воспринимать его так же, как командир звездолета.

Он бродил по стальным коридорам, чувствуя себя привидением в царстве живых, и в конце концов, загрузив, решил вернуться в каюту, в которой проснулся час назад. Но тут же понял, что заблудился. Он по памяти восстановил дорогу назад (уроки Баслима пошли ему впрок), но обнаружил лишь безликий туннель. Торби начал поиски сызнова и, ощутив некое неудобство, решил, что найдет он свою каюту

или нет, но туалет отыщет, даже если ему придется схватить кого-нибудь и как следует встряхнуть, чтобы дознаться, где это место.

Он сунулся в какую-то дверь, но, услышав исполненный негодования женский визг, поспешно повернулся и вышел. Дверь за его спиной тут же захлопнулась.

Вскоре его догнал шедший быстрым шагом мужчина, который заговорил с ним на интерлингве:

– Какого черта ты тут шляешься и повсюду суешь свой нос?

Торби почувствовал облегчение. Нет ничего хуже одиночества. Уж лучше брань, чем полное пренебрежение.

– Я заблудился, – робко произнес он.

– А чего тебе на месте не сиделось?

– Я не знал, что должен был..., простите, благородный сэр. К тому же там не было туалета.

– Ясно. Туалет расположен напротив твоей каюты.

– Я не знал, благородный сэр.

– Мм... да уж, конечно, не знал. Кстати, я не «благородный сэр», а первый помощник главного энергетика. Постарайся запомнить. Пошли.

Мужчина схватил Торби за руку и быстро потащил его по лабиринту к тому самому туннелю, откуда он только что вышел. Мужчина провел его рукой по шву в стальной переборке.

– Вот твоя каюта.

Панель скользнула в сторону.

Потом мужчина повернулся и точно так же тронул противоположную переборку:

– Это галльон для холостяков правого борта. – Увидев, что Торби смутился при виде незнакомых приспособлений, человек с легким презрением проинструктировал его, а потом проводил мальчика обратно в каюту. – Оставайся здесь. Поест тебе принесут.

– Первый помощник главного энергетика, сэр?

– Что еще?

– Нельзя ли мне поговорить с капитаном Краузой?

Мужчина удивился:

– Ты полагаешь, у шкипера нет других забот, кроме как заниматься тобой?

– Но...

Офицер ушел, и Торби обращался к стальной переборке.

Вскоре появилась еда. Юнец, притащивший поднос, держался так, словно в каюте вообще никого не было. Спустя некоторое время он принес еще несколько тарелок и забрал опустевшие. Торби почти удалось заставить его обратить на себя внимание: уцепившись за поднос, он заговорил на интерлингве. В глазах молодого человека сверкнула искра понимания, но он ответил лишь презрительным:

– Фраки!

Торби не знал этого слова, но интонацию, с какой оно было произнесено, понял прекрасно.

Фраки – это маленькая безобразная полуящерица, питающаяся падалью, обитатель Альфы Центавра – Прайм III, одного из первых миров, заселенных людьми. Это мерзкое, практически безмозглое создание с отвратительными повадками. Мясо фраки способен съесть только умирающий с голоду. Кожа его неприятна на ощупь и противно воняет.

Но «фраки» означает нечто большее. Так обычно называют «крота» – того, кто не высовывает носа дальше своей планеты, не нашего, не человека, изгоя, иностранца, дикаря, существо, недостойное даже презрения. В древних земных культурах названия большинства животных использовались в качестве оскорблений: свинья, собака, корова, акула, скунс, червяк – всего не перечислить. Но ни одно из этих слов не носило столь оскорбительного смысла, как «фраки».

К счастью, Торби смог понять лишь одно: молодой человек не желает с ним разговаривать... это было ясно и без слов.

Вскоре Торби задремал. Но хотя его и научили движением руки открывать дверь, он так и не сумел найти

комбинацию поглаживаний, толчков и надавливаний, которая помогла бы ему откинуть койку. Пришлось ночевать на голом полу. Утром доставили завтрак, но Торби не сумел остановить того, кто его принес, или хотя бы нарваться на новое оскорбление: в туалете напротив ему встретились несколько юношей. Они по-прежнему не обращали на Торби внимания, но, понаблюдав за ними, он обнаружил, что в туалете можно стирать одежду. Ее полагалось засунуть в специальную машину, которая, поработав несколько минут, выдавала шорты и рубашку свежими и отглаженными. Торби был так очарован техникой, что выстирал свежестыранное... целых три раза. Ему все равно больше нечем было заняться. Следующую ночь он опять провел на полу.

Торби сидел на корточках посреди каюты, чувствуя глубокую тоску и боль при воспоминании об отце и жалея, что покинул Джаббал, когда кто-то поскребся в его дверь.

– Можно войти? – осторожно спросил голос, произносивший саргонезские слова с сильным акцентом.

– Входите! – с готовностью отозвался Торби и вскочил на ноги, чтобы открыть дверь. Перед ним стояла женщина средних лет с милым добрым лицом. – Добро пожаловать, – сказал он по-саргонезски и отступил в сторону.

– Благодарю вас за вашу милость... – Она запнулась и быстро спросила: – Вы говорите на интерлингве?

– Разумеется, мадам.

– Хвала небесам, – пробормотала она на английском Системы. – Мой саргонезский на этом исчерпан. – И перешла на интерлингву: – Тогда давайте говорить на этом языке, если вы не возражаете.

– Как вам будет угодно, мадам, – ответил Торби на интерлингве и добавил по-английски: – Если, разумеется, вы не предпочтете другие языки.

Она удивилась:

– На скольких же языках вы говорите?

Торби задумался.

– На семи, – ответил он, – и понимаю еще несколько, но не осмелюсь утверждать, что говорю на них.

Ее удивление росло с каждой минутой.

– Возможно, я ошиблась. Но, простите мою неосведомленность и поправьте, если я не права, мне сказали, что вы – сын нищего из Джаббалпура.

– Я сын Калеки Баслима, – с гордостью произнес Торби. – Саргон в милости своей выдал ему лицензию на нищенство. Мой покойный отец был ученым человеком, и мудрость его была известна всей площади, от края до края.

– Верю... Так что, все нищие Джаббала такие же замечательные полиглоты?

– Что вы, мадам! Большинство говорят лишь на площадном жаргоне. Но мой отец не позволял мне этого... только на работе, разумеется.

– Разумеется. – Женщина моргнула. – Хотела бы я быть знакомой с твоим отцом.

– Спасибо, мадам. Может быть, присядете? Мне очень жаль, но я могу предложить вам только палубу. Но зато вся она в вашем распоряжении.

– Благодарю. – Она уселась с гораздо большим трудом, чем Торби, который провел в позе лотоса тысячи часов, надрывая глотку мольбами о подаении.

Торби никак не мог решить, закрыть ли ему дверь, или же дама (на саргонезском он называл бы ее «миледи») оставила ее открытой нарочно. Он чувствовал, что тонет в океане незнакомых обычаев и условностей, и общественное устройство корабля было ему совершенно непонятно. Он разрешил эту проблему при помощи здравого смысла, сприв:

– Предпочитаете ли вы закрыть дверь или держать ее распахнутой, мэм?

– А? Не имеет значения. Хотя, впрочем, пусть остается открытой. Здесь по правому борту живут холостяки, а я обитаю на женской половине у левого борта, с незамужними женщинами. Но я пользуюсь некоторыми льготами и

дополнительными свободами... ну, скажем, как комнатная собачка. Я – «фраки», но меня терпят. – Последние слова она произнесла с кривой усмешкой.

Торби не уловил смысла большинства слов.

– Собака? Это животное, произошедшее от волка?

Она пристально посмотрела на него:

– Ты учил этот язык на Джаббале?

– С самого раннего детства я жил только на Джаббале.

Простите, если я выражаюсь неправильно. Может быть, лучше поговорим на интерлингве?

– Нет-нет... Ты прекрасно говоришь на английском Системы. Твое терранское произношение гораздо лучше моего. А я так и не сумела вытравить из гласных свое происхождение. Но мне хватает и того, что меня понимают. Кстати, я забыла представиться. Я не торговец. Я антрополог, и они позволили мне совершить путешествие на их корабле. Меня зовут доктор Маргарет Мейдер.

Торби склонил голову и сложил ладони:

– Большая честь для меня. Меня зовут Торби, сын Баслима.

– Мне тоже очень приятно, Торби. Зови меня Маргарет. Мой титул здесь ничего не значит, поскольку он не имеет отношения к корабельной иерархии. Знаешь ли ты, что такое «антрополог»?

– Простите, мэм... Маргарет.

– Название громкое, но означает простую вещь. Антрополог – это ученый, исследующий человеческое общежитие.

– Разве это наука? – с сомнением спросил Торби.

– Иногда я и сама в этом сомневаюсь. Но это – достаточно сложные исследования, потому что люди могут устраивать свою совместную жизнь бесчисленным количеством способов. Существует шесть признаков, общих для всех людей и отличающих нас от животных: три из них относятся к анатомии, к тому, как работает наше тело, а три других приобретаются обучением. Все остальное: поступки людей, их вера, обычаи и экономические практики – чрезвычайно

разнообразно. Антропологи изучают эти переменные. Ты знаешь, что такое «переменная»?

– «Икс» в уравнении? – неуверенно предположил Торби.

– Совершенно верно! – радостно ответила женщина. – Мы изучаем «иксы» в человеческих уравнениях. Именно этим я и занимаюсь. Я изучаю образ жизни вольных торговцев. У них принят самый, вероятно, необычный во всей истории людей способ решения этой сложной задачи – как быть человеком и выжить. Они уникальны.

Она беспокойно шевельнулась:

– Торби, ты не будешь возражать, если я пересяду в кресло? Мое тело уже не так гибко, как в молодости.

Торби покраснел:

– Мадам, у меня ни одного нет. Я не...

– Одно из кресел расположено прямо за твоей спиной. И еще одно – за моей. – Она привстала и прикоснулась рукой к стене. Панель скользнула в сторону, и из небольшой ниши развернулось мягкое кресло.

Увидев его озадаченное лицо, она спросила:

– Разве они тебе не показали? – и сделала то же самое с другой стеной; в каюте появилось еще одно кресло.

Торби осторожно присел, потом позволил себе расслабиться и уселся всем телом, почувствовав, что кресло само приняло наиболее удобную форму. На его лице появилась широкая улыбка.

– Здорово!

– А ты знаешь, как раскрыть откидной столик?

– Столик?

– Боже праведный, неужели они вообще ничего тебе не показали?

– Ну... сначала тут была койка. Но я потерял ее.

Доктор Мейдер что-то пробормотала и сказала вслух:

– Можно было догадаться. Торби, я восхищаюсь этими торговцами. Я даже иногда испытываю к ним нежные чувства. Но порой они бывают такими высокомерными, эгоистичными, упертыми, самодовольными и

непрошибаемыми. Впрочем, я не должна критиковать наших хозяев. Вот. – Она дотронулась руками до двух кружков на стене, и исчезнувшая койка появилась вновь.

Теперь, при двух откинутых креслах, в каюте почти не осталось места. Пожалуй, тут мог бы стоять только один человек.

– Лучше я уберу ее. Ты заметил, что я делала?

– Дайте я попробую.

Маргарет показала Торби и другие встроенные предметы, которые прятались, казалось бы, в совершенно гладкой стене: два кресла, койку, шкафчики для одежды. Торби обнаружил, что в его распоряжении дополнительные две смены одежды, две пары мягких корабельных туфель, еще несколько странных, на его взгляд, предметов: книжные полки, на которых, кроме пачки экземпляров «Устава „Сису“», не было ничего, фонтанчик для питья, лампа для чтения в кровати, интерком, часы, зеркало, пульт управления температурой в комнате, а также еще какие-то устройства, назначения которых он не мог понять, поскольку сроду не видал таких вещей.

– Что это? – наконец спросил он.

– Это? Наверно, микрофон для связи с кабиной старшего помощника. А может быть, имитация, а настоящий где-нибудь спрятан. Но не беспокойся: на этом корабле почти никто не говорит на английском Системы, и старший помощник не исключение. Тут пользуются своим «секретным» языком, да только никакой он не секретный: самый обычный финский. У каждого торговца свой язык – один из терранских, а для связи между кораблями официально принят общий «секретный» язык, представляющий собой упрощенную церковную латынь, но и на латыни они не говорят: свободные корабли общаются на интерлингве.

Торби слушал вполуха. Ему было просто приятно находиться в обществе, и он наслаждался тем, как к нему относится Маргарет. Но от этого он поневоле задумался об отношении остальных обитателей «Сису».

- Доктор Мейдер... а почему они не говорят с людьми?
- Что?
- Вы – первый человек, заговоривший со мной.
- Ага. – Она сразу же погрузилась. – Мне следовало догадаться. Они попросту не замечают тебя?
- Ну... они кормят меня.
- Но разговаривать не желают. Бедный мой! Торби, они не хотят говорить с тобой потому, что ты не относишься к «народу». Так же, как и я.
- С вами они тоже не разговаривают?
- Теперь разговаривают. Для этого потребовалось прямое распоряжение старшего помощника и много терпения с моей стороны. – Она нахмурилась. – Торби, в каждой клановой культуре – а я не знаю более клановой, чем эта, – есть такое специальное слово... здесь это слово «народ». Оно обозначает их самих. «Я и моя жена, мой сын Джон и его жена, мы четверо, и больше никто». Такая точка зрения отсекает их от всех прочих групп людей и отрицает право других считаться людьми. Тебе уже довелось слышать слово «фраки»?
- Да. Но я не знаю, что это такое.
- Фраки – это безвредное, но достаточно противное животное. В их устах «фраки» означает «чужак».
- Ну что ж, я действительно чужой для них.
- Да, но это также означает, что ты никогда не станешь ничем иным. Это означает, что ты и я – недочеловеки, стоящие вне закона – их закона.
- Торби растерялся:
- Значит ли это, что мне придется безвылазно сидеть в каюте и ни с кем не разговаривать?
- Великое небо! Не знаю. Но ведь я-то разговариваю с тобой...
- Спасибо!
- Посмотрим, что я сумею для тебя сделать. Торговцы отнюдь не жестоки, они всего лишь упертые провинциалы. Им и в голову не приходит, что ты способен что-то чувствовать. Я поговорю с капитаном. У нас назначена встреча, когда

корабль покинет физическое пространство. – Она взглянула на часы. – Господи, уже столько времени! Я пришла поговорить о Джаббале, а мы о нем даже не обмолвились! Ты позволишь мне прийти еще?

– Я хотел бы вас видеть почаще.

– Ну вот и хорошо. Культура Джаббала изучена неплохо, но, как мне кажется, ни один исследователь не имел возможности взглянуть на нее с вашей точки зрения. То, что ты оказался профессиональным нищим, весьма и весьма меня обрадовало.

– То есть?

– Видишь ли, исследователи, которым разрешали посещать Джаббал, общались в основном с высшей знатью планеты. О жизни рабов они могли судить... ну, скажем, поверхностно, а не изнутри. Понимаешь?

– Думаю, да, – кивнул Торби, – и если вам захочется узнать о жизни рабов побольше, то я к вашим услугам.

– Ты был рабом?!

– Я вольноотпущенник... О, мне следовало сказать вам раньше, – проговорил он, ощущая некое неудобство и даже опасение, что новообращенный друг, узнав о его социальном происхождении, отнесется к нему с презрением.

– Что ты! Да я счастлива узнать об этом! Торби, ты просто кладезь сокровищ! Слушай, милый, мне нужно бежать, я опаздываю. Ты не будешь возражать, если я к тебе вскоре загляну?

– Ну конечно нет, Маргарет! – И он честно добавил: – Ведь мне все равно больше нечего делать.

Этой ночью Торби спал на своей новой чудесной кровати. Все утро он провел в одиночестве, но не скучал, так как у него появилась масса игрушек, с которыми он мог забавляться. Он извлекал предметы и вновь заставлял их прячаться, восхищаясь тем, как они складываются сами в себя, чтобы занять как можно меньше места. Он решил, что это

какое-то колдовство. Баслим говорил, что магии и волшебства не существует, однако Торби одолевали сомнения: папа знал все на свете, но факты были сильнее любых слов. На Джаббале уйма колдунов, а если они не занимаются магией, то, чем же, простите, они занимаются?

Он уже в шестой раз раскладывал койку, когда раздался пронзительный звук, от которого Торби едва не выпрыгнул из башмаков. Это была корабельная сирена, призывающая весь экипаж занять места по боевому расписанию. На этот раз это была всего лишь учебная тревога, но Торби об этом не знал. Уняв сердцебиение, он приоткрыл дверь и выглянул наружу. По коридору сломя голову бежали люди.

Мгновение спустя их и след простыл. Торби вернулся в каюту и попытался привести в порядок свои мысли. Вскоре его острый слух уловил,

что мягкое шуршание системы вентиляции стихло. Но Торби не знал, что ему делать. Сейчас он должен был прятаться в особом помещении вместе с детьми и теми, кому не полагалось участвовать в боевых действиях, но не ведал об этом.

Поэтому он просто ждал.

Снова зазвучала сирена, но на сей раз ее сопровождал звук горна, и опять по коридорам помчались люди. Тревога повторялась снова и снова: экипаж отрабатывал «общий аврал», «пробоину в корпусе», «отказ энергосистемы», «отказ системы подачи воздуха», «радиационную опасность» и так далее – все приемы, которые обычно предлагаются космонавтам во время учений. В какой-то момент погас свет, и несколько мгновений Торби испытывал пугающее ощущение свободного падения, когда отключилось искусственное поле тяготения корабля.

Вся эта непонятная суэта продолжалась достаточно долго, и наконец мальчик услышал звук отбоя, а вентиляционная система вновь заработала нормально. Никому даже в голову не пришло побеспокоиться о Торби; старая женщина, командовавшая небоеспособным населением корабля, не заметила отсутствия фраки, хотя пересчитывала по головам даже животных, находящихся на борту.

Сразу же после тревоги Торби вызвали к старшему помощнику.

Человек, открывший его дверь, схватил мальчика за плечо и вытащил наружу. Поначалу Торби терпел, но, пройдя несколько шагов, взбунтовался: он был сыт по горло подобным обращением.

Чтобы выжить в Джаббалпуре, он был вынужден научиться приемам подлой уличной драки; однако этот его противник явно изучал боевое искусство, столь же прагматичное, но построенное на научных основах и самообладании. Торби нанес один-единственный удар, после чего был прижат к переборке с вывернутым и едва не сломанным запястьем.

– Прекрати дурить!
– А куда ты меня тащишь?
– Я сказал, прекрати эти глупости! Тебя вызывает старший помощник. Не зли меня, фраки, или я выбью мозги из твоей башки!

– Я хочу видеть капитана Краузу!

Мужчина слегка ослабил хватку и ответил:

– Увидишь. Но тебя вызывает старший помощник, а она не любит ждать. Ты пойдешь спокойно? Или доставить тебя по частям?

Торби пошел спокойно. Вывернутая кисть вкупе с нажимом на нерв, проходящий между пальцами, были грубым, но убедительным аргументом. Они поднялись по палубам, и мужчина втолкнул его в открытую дверь:

– Старший помощник! Я привел этого фраки.

– Благодарю вас, мастер третьей палубы. Вы можете идти.

Торби понял только слово «фраки». Он встряхнулся, осмотрелся и увидел, что находится в помещении, в несколько раз превосходящем размерами его собственную каюту. Самым заметным предметом обстановки была огромная кровать, но крохотная фигурка, покоящаяся на кровати, довлела над всем окружающим. Оторвав от нее взгляд, Торби только теперь заметил, что по одну сторону кровати молча стоит Крауза, а по другую – еще одна женщина, ровесница капитана.

Женщина на кровати, несмотря на преклонные годы, излучала властность и силу. Она была богато одета – один шарф, прикрывавший ее тонкие волосы, стоил столько денег, сколько Торби никогда не видел зараз. Однако мальчик видел только ее пронзительные, глубоко запавшие глаза. Она посмотрела на него:

– Вот как! Старший сын, мне очень трудно в это поверить. – Она говорила по-фински.

– Мать моя, послание было подлинным.

Женщина фыркнула.

Капитан Крауза со смиренной настойчивостью произнес:

– Мать, выслушайте его сами. – Он повернулся к Торби и сказал на интерлингве: – Повтори послание твоего отца.

При виде друга отца Торби почувствовал облегчение и покорно воспроизвел непонятный ему текст. Старуха выслушала его и обернулась к капитану Краузе:

– Что такое? Он говорит на нашем языке? Какой-то фраки?

– Нет, мать моя, он не понимает ни слова. Это послание Баслима.

Она вновь обратила взгляд на Торби и обрушила на него шквал финских слов. Мальчик вопросительно посмотрел на капитана Крауза.

– Пусть повторит еще раз, – велела женщина.

Капитан отдал приказ. Торби смутился, но с готовностью повторил. Женщина лежала молча, а остальные терпеливо ждали. Гнев и раздражение перекосили ее лицо; наконец она выдохнула:

– Долги надо платить!

– Я тоже так считаю, мать моя.

– Но почему жребий должен был выпасть нам? – сердито спросила она.

Капитан ничего не ответил, и женщина продолжала более спокойно:

– Послание подлинное. Сначала я думала, что все это – сплошная чепуха, и, зная я о твоих намерениях, я запретила бы тебе. Но, старший сын, как ты ни глуп, правда на твоей стороне. А долги надо платить.

Капитан молчал, и женщина гневно воскликнула:

– Ну! Что молчишь? Какой монетой ты собираешься расплачиваться?

– Я уже думал об этом, мать, – медленно проговорил Крауза. – Баслим просил, чтобы мы позаботились о мальчике до тех пор, пока не представится возможность передать его какому-нибудь военному кораблю Гегемонии. Долго ли придется ждать? Год, два года? Тут возникают проблемы.

Правда, у нас есть прецедент – та самая женщина-фраки. Семья приняла ее, не без ропота конечно, но теперь все привыкли к ней и их даже забавляет ее присутствие. Если бы мать вмешалась в судьбу мальчика таким же образом...

– Чепуха!

– Но, мать моя, мы должны это сделать. Долги надо...

– Молчать!

Крауза умолк.

Женщина заговорила слабым голосом:

– Или ты не расслышал, какое бремя взвалил на тебя Баслим? «Помочь ему и воспитать его так же, как это сделал бы я»? Кем был Баслим этому фраки?

– Он называл его приемным сыном. Я думал...

– Ничего ты не думал! Если тебе придется заменить Баслима, то кем ты становишься? Разве можно понять его слова, его просьбу как-то иначе?

Капитан встревожился. Старуха продолжала:

– «Сису» всегда платит долги сполна. Мы не допускаем обмера и обвеса – только в полном объеме. Этот фраки должен быть усыновлен... тобой.

Лицо Краузы внезапно потеряло всякое выражение. Вторая женщина, беззвучно бродившая по комнате, остановилась и выронила из рук поднос.

Капитан проговорил:

– Но, мать моя, что решит семья...

– Семья – это я! – Старуха быстро обернулась ко второй женщине. – Жена старшего сына! Пусть все старшие дочери немедленно придут ко мне!

– Слушаюсь, мать моего мужа. – Она присела в поклоне и вышла.

Старший помощник мрачно посмотрела на потолок, а затем едва сдержала улыбку:

– Все не так плохо, старший сын. Как ты думаешь, что произойдет на следующей встрече Народа?

– Нас будут благодарить.

– Спасибо в трюм не погрузишь. – Она облизнула тонкие губы. – Народ будет в долгу перед «Сису» ... и в статусе кораблей произойдут кое-какие изменения. Мы не прогадаем.

На лице Крауза медленно появилась улыбка.

– Ты всегда была проницательна, мать.

– «Сису» повезло, что им команду я. Возьми мальчишку-фраки и подготовь его. Не будем тянуть с этим делом.

Глава 8

У Торби было две возможности: или спокойно позволить усыновить себя, или возмутиться, но все равно быть усыновленным. Он выбрал первый вариант, разумно решив, что

противиться воле старшего помощника бесполезно и небезопасно. К тому же, хотя ему было неловко и даже неприятно вступать в новую семью сразу после смерти папы, он не мог не сознавать, что это пойдет ему на пользу. Будучи фраки, он занимал самую низшую ступень на общественной лестнице. Даже у раба есть равные ему по положению, рядом с фраки не было никого.

И что было гораздо важнее, Баслим велел ему делать все, что прикажет капитан Крауза.

Усыновление состоялось в тот же день в кают-компании во время ужина. Церемония велась на «секретном» языке, поэтому Торби мало что извлекал для себя из происходящего и еще меньше – из произносимых слов, однако капитан заранее объяснил, что ему надо делать. В салоне собрался весь экипаж «Сису», за исключением вахтенных. Даже доктор Мейдер получила приглашение. Она стояла в дверях, в церемонии не участвовала, зато внимательно слушала и глядела в оба.

Когда внесли старшего помощника, все встали. Она заняла место во главе офицерского стола, где за ней тут же принялась ухаживать невестка, жена капитана. Устроившись поудобнее, старший помощник подала знак, и все сели за стол, причем капитан занял место по ее правую руку. Дежурившие нынче девушки принесли миски с жидкой кашей. Никто к ним не притронулся. Старший офицер ударила ложкой по своей миске и сказала речь, краткую и выразительную.

Затем наступила очередь ее сына. Торби с удивлением услышал часть переданного им послания: он сумел уловить последовательность звуков.

Капитану ответил старший механик, мужчина, выглядевший старше Краузы, а затем взяли слово еще несколько мужчин и женщин из тех, кто постарше. Старший помощник задала вопрос, и экипаж хором произнес единодушный ответ – это было согласие. Ей не пришлось спрашивать, согласен ли кто-нибудь против.

Торби пытался поймать взгляд доктора Мейдер, когда капитан обратился к нему на интерлингве. Мальчик одиноко сидел на табурете и чувствовал себя не очень уютно, особенно потому, что взгляды, которые он на себе ловил, были не слишком дружелюбны.

– Подойди сюда!

Торби поднял глаза и увидел, что на него смотрят капитан и его мать. Женщина выглядела чуть раздраженной, хотя, вполне возможно, ей вообще была свойственна такая манера. Торби поспешил к ним.

Она опустила ложку в миску и слегка прикоснулась к ней языком. Борясь с ощущением, что делает что-то не то, но помня наставления капитана, Торби осторожно зачерпнул своей ложкой из ее миски и робко проглотил содержимое. Женщина потянулась к нему и, пригнув вниз его голову, ткнулась сухими губами в обе его щеки. Он вернул ей этот символический поцелуй, чувствуя, как весь покрывается гусиной кожей.

Затем Крауза пригубил немного из миски Торби, а тот в свою очередь – из капитанской. Потом Крауза взял нож и, зажав острие между большим и указательным пальцем, прошептал на интерлингве:

– Смотри не заори.

И уколол плечо Торби.

Торби с презрением подумал, что Баслим научил его переносить куда более сильную боль. Кровь брызнула струей. Крауза вывел Торби на середину зала, где все могли его видеть, что-то громко воскликнул и опустил руку мальчика так, чтобы кровь стекала на палубу, где вскоре скопилась небольшая лужица. Капитан наступил на нее, растер кровь ботинком, опять что-то громко произнес, и все, кто был, в ответ восторженно закричали. После этого он вновь обратился к Торби на интерлингве:

– Твоя кровь – в нашей стали, наша сталь – в твоей крови!

Торби почти всю свою жизнь встречался с симпатической магией и хорошо понимал ее дикую, чуть ли не

разумную логику. Он почувствовал прилив гордости, ощутив себя частицей корабля.

Жена капитана заклеила порез пластырем. Затем Торби обменялся едой и поцелуями с ней, а потом и со всеми присутствующими. Он обошел все столы, всех своих новообретенных братьев, сестер, кузин и тетюшек. Вместо поцелуев мужчины жали ему руку и хлопали его по плечам. Подойдя к столу, за которым сидели незамужние девушки, он заколебался, но те не стали его целовать – хихикая, повизгивая и краснея, они торопливо прикоснулись к его лбу кончиками пальцев.

За его спиной дежурившие девушки убирали со столов миски с кашей, которая оказалась чисто ритуальным блюдом, символизирующим скудость рациона, которым Народу пришлось бы при необходимости довольствоваться в космосе, и накрывали столы для пира. Торби пришлось бы нахлебаться каши по самые уши, если бы он вовремя не сообразил, что нужно не есть ее, а только облизывать ложку. Однако, усевшись как полноправный член семьи за стол холостяков правого борта, он уже не ощущал тяги к лакомствам, поданным в его честь. Приобретение более восьмидесяти новых родственников оказалось нелегким делом. Торби устал, перенервничал и вовсе не чувствовал голода.

Он все же попытался поесть. Вскоре до его уха долетело чье-то замечание, в котором он узнал только одно слово – «фраки». Подняв голову, Торби увидел напротив молодого человека, смотревшего на него с неприятной ухмылкой.

Глава стола, сидевший справа от Торби, постучал по столу, привлекая внимание:

– Сегодня вечером мы будем говорить только на интерлингве и таким образом будем следовать обычаю, который позволяет нашему новому родственнику изучить язык постепенно. – Он холодно посмотрел на юношу, с презрением глядевшего на Торби. – А ты, мой двоюродный кузен по браку, должен уяснить – я больше не стану напоминать, –

что мой младший приемный брат является для тебя старшим. После ужина зайдешь ко мне в каюту.

Юноша выглядел испуганным:

– О старший кузен, я только говорил, что...

– Придержи язык.

Старший вежливо обратился к Торби:

– Нужно пользоваться вилкой. Народ не ест мясо руками.

– Вилкой?

– Лежит слева от твоей тарелки. Смотри на меня, и скоро научишься. Не давай окружающим повода смеяться над тобой. Кое-кому из наших мальчишек еще предстоит выяснить, что решения бабушки – закон для всех нас.

Из своей каюты Торби был переведен в менее роскошное помещение большего размера, предназначенное для четырех холостяков. Его соседями оказались Фриц Крауза, старший неженатый сводный брат и старший по столу холостяков правого борта, Челан Крауза-Дротар, сводный двоюродный брат Торби, и Джери Кингсольвер, его сводный племянник по старшему женатому брату.

Торби быстро постигал финский язык. Однако первые слова, которые ему пришлось выучить, оказались вовсе не финскими, а были заимствованными или изобретенными для обозначения тонкостей родственных отношений. Языки отражают культуру, которую обслуживают; в большинстве языков есть слова для обозначения таких понятий, как «брат», «сестра», «отец», «мать», «тетя», «дядя», а также приставки для обозначения связи поколений. В некоторых языках, например, не делается различия между отцами и дядьями, и такие языки отражают клановые обычаи общества. С другой стороны, в ряде языков, например норвежском, понятие «дядя» расщепляется на женскую и мужскую линии – «морброр» и «фарброр».

Для вольных торговцев было обычным делом выражать такие сложные отношения родства, как «сводный двоюродный дядя по супружеству с материнской стороны, ныне

покойный», одним-единственным словом, которое означало только это отношение и ничего другого. Таким образом, можно было обозначить отношения между любыми двумя точками на генеалогическом древе. Большинство культур имеют в своих языках около дюжины необходимых в данном случае слов, но у торговцев их было более двух тысяч. Их языки содержали четкие и краткие термины, обозначающие различные поколения, прямые и побочные линии, кровных родственников и свойственников, отношения возрастов в пределах одного поколения, пол говорящего и пол человека, о котором он говорит, пол родственников, образующих линию, кровное родство и свойство, а также то, жив ли член семьи, о котором идет речь, или уже умер.

Первой задачей Торби было выучить слова и родственные связи, ими обозначаемые, и научиться правильно обращаться к каждому из более чем восьмидесяти родственников; он должен был усвоить тончайшие оттенки родства, близость и старшинство; он должен был знать также титулы, с которыми каждому родственнику надлежало обращаться к нему. Не запомнив всех этих сведений, он попросту не мог разговаривать с окружающими, так как при первом же слове допустил бы грубейшие нарушения этикета.

Он должен был научиться сопоставлять пять признаков каждого члена команды «Сису»: внешность, полное имя (его самого теперь звали Торби Баслим-Крауза), семейный титул, титул, с которым данный член семьи обращается к нему, а также корабельный ранг (например, «старший помощник», «второй помощник кока правого борта»). Он усвоил, что к каждому следует обращаться по семейному титулу, если речь идет о делах семьи, по корабельному званию, если речь идет о служебных обязанностях, и по имени – в отдельных случаях и лишь с разрешения старшего. Прозвища практически отсутствовали, так как прозвище можно было употребить только сверху вниз и ни в коем случае – снизу вверх.

Не выучив всех этих правил, он не мог считаться полноправным членом семьи, хотя и был в нее формально принят. Уклад жизни на корабле представлял собой кастовую систему с таким сложным комплексом обязанностей, привилегий и предписанных реакций на обязательные действия, что даже строго расчлененное и стиснутое многочисленными правилами общество Джаббала в сравнении выглядело хаосом. Жена капитана приходилась Торби «матерью», но она также была заместителем старшего помощника, и его обращение к ней зависело от того, что он хотел ей сказать. Поскольку Торби попал на корабль холостым мужчиной, этап материнских отношений между ними закончился, не успев начаться; тем не менее она относилась к юноше тепло и всегда подставляла щеку для поцелуя, точно так же, как и его соседу по комнате старшему брату Фрицу.

Однако в роли заместителя старшего помощника она была столь же холодна, как сборщик налогов.

В ее положении были свои сложности: она не могла стать старшим помощником до тех пор, пока старуха не соблаговолит умереть. Пока же она была руками и голосом своей свекрови, и слугой ее тела. Теоретически старшие должности были выборными; на практике же это была однопартийная система с единственным кандидатом. Крауза стал капитаном, потому что его отец был капитаном; его жена стала заместителем старшего помощника только потому, что была супругой капитана, и ей предстояло занять пост старшего помощника и командовать им и всем кораблем – точно так же, как это делала мать Краузы, – по той же причине. До тех же пор высокий статус жены капитана был сопряжен с самой тяжелой работой на корабле, без сна и отдыха, ибо старшие офицеры служили пожизненно... разве что их снимали с поста, судили и приговаривали к изгнанию на какую-нибудь планету – за неудовлетворительную работу, или в леденящую пустоту космоса – за нарушение древних и непреложных законов «Сису». Однако такие случаи были так же редки, как двойное затмение солнца. Мать Торби могла

рассчитывать лишь на смерть свекрови от сердечной недостаточности, удара или от иной неожиданности, подстерегающей человека преклонных лет.

Торби, как младший приемный сын капитана Краузы, старшего мужчины в семейном клане, номинального главы клана «Сису» (настоящим главой была его мать), оказался по клановому статусу выше трех четвертей своих родственников (корабельного ранга ему еще не присвоили). Однако старшинство отнюдь не облегчило ему жизнь. Ранг приносит привилегии. Но вместе с ними на человека возлагаются ответственность и обязанности, груз которых перевешивает удобства, доставляемые льготами.

Научиться нищенствовать было куда проще.

Торби с головой ушел в эти новые для него проблемы и по несколько дней не виделся с доктором Маргарет. Как-то раз, торопливо шагая по главному коридору четвертой палубы – теперь он всегда спешил, – Торби случайно на нее наткнулся.

Он остановился.

– Привет, Маргарет!

– Привет, торговец. А я уж было решила, что ты больше не разговариваешь с фраки.

– Что вы, Маргарет!

Она улыбнулась:

– Я шучу. Поздравляю тебя, Торби. Я рада за тебя: это было лучшее решение в сложившихся обстоятельствах.

– Благодарю вас. Я тоже так думаю.

Перейдя на английский Системы, она с материнской заботливостью спросила:

– Я слышу сомнение в твоем голосе, Торби. Что-нибудь не так?

– Да нет, все в порядке. – И вдруг он выпалил всю правду:

– Маргарет, я никогда не смогу понять этих людей!

– В начале каждого полевого исследования я ощущаю то же самое, – мягко проговорила она, – а это было самым сложным. Так что же тебя беспокоит?

– Ну... Я не знаю. И боюсь, никогда не сумею разобраться. Возьмем Фрица – он мой старший брат. Он много помогал мне, но, когда я не оправдывал его ожиданий, он начинал орать мне прямо в ухо. Один раз даже ударил меня. Я ответил ему, и мне показалось, что он вот-вот взорвется.

– Клевать – привилегия петуха, – пробормотала Маргарет.

– Что?

– Не важно. Это не научное сравнение, и люди – не куры. Так что же произошло?

– Ну, он тут же стал холодно-вежлив и сказал, что прощает мне и все забудет, принимая во внимание мое невежество.

– *Noblesse oblige*¹⁰.

– Простите?

– Извини, у меня в голове полно старого хлама. И что же он? Забыл, простил?

– Начисто. Стал слаще сахара. Не знаю, из-за чего он так разъярился и почему успокоился после того, как я его ударил. – Торби развел руками. – Это же неестественно.

– Неестественно. Но в жизни вообще очень мало естественного. Мм... Торби, я могу тебе помочь. Возможно, я понимаю Фрица лучше, чем он сам. Потому что я – не одна из Народа.

– Я этого не понимаю.

– А я понимаю. Такая у меня работа. Фриц родился среди торговцев. Многие из того, что он знает – а он очень умный молодой человек, – лежит в области подсознательного. Фриц не может объяснить многие свои поступки: он не думает, а просто действует. Ну а я два последних года сознательно изучала все, что видела и слышала. Поэтому я могу дать тебе совет каждый раз, когда ты стесняешься спросить одного из них. Со мной ты можешь разговаривать совершенно свободно: у меня нет никакого статуса.

¹⁰ Положение обязывает (фр.).

– Ух ты! Маргарет, вы вправду мне поможете?

– В любой момент, когда у тебя есть время. Но я не забыла и твоего обещания рассказать мне о Джаббале. А теперь не буду тебя задерживать. Ты ведь торопишься.

– В общем-то, нет. – Он застенчиво улыбнулся. – Просто, когда я спешу, мне не приходится так часто говорить с людьми... а я обычно не знаю, как это делать.

– Понятно. Торби, у меня есть фотографии, списки имен, семейная классификация и обязанности каждого члена экипажа. Это поможет тебе?

– Еще бы! Фриц думает, что достаточно показать мне человека и один раз объяснить, кто он есть, – и я всех узнаю!

– Тогда пойдем ко мне в каюту. Не стесняйся: мне разрешено принимать у себя для работы всех, кого бы я ни пожелала. Дверь открывается в общий коридор, и тебе не придется заходить на женскую половину.

Благодаря урокам Баслима и дотошности доктора Мейдер, Торби, обложившись со всех сторон фотографиями и списками, за полчаса усвоил все необходимые сведения. Кроме того, доктор Мейдер приготовила также полное генеалогическое древо «Сису». Торби впервые видел его – такого не было ни у одного из его новых родственников: они не нуждались в памятках, потому что знали все наизусть.

Маргарет показала Торби место на древе, где располагался он сам:

– Крестик означает, что, хотя ты и находишься в прямом септе¹¹, родился ты не его членом. А вот еще пара людей, переведенных из побочных ветвей в септ... я полагаю, это было сделано для того, чтобы назначить их на ведущие должности. Экипаж «Сису» называет себя «семьей», но, в сущности, данная группа представляет собой фратрию¹².

– Что это?

¹¹ В антропологии септом называется сообщество, члены которого верят в то, что ведут происхождение от единого общего предка.

¹² Фратрия (греч.) – братство.

– Группа родственников, не происходящих от одного общего предка, практикующая экзогамию – обычай искать супругов вне группы. Законы экзогамии продолжают действовать, однако их дополнило правило двух половин. Ты знаешь, как действуют эти половины?

– Они несут вахту по очереди.

– Да, но ты знаешь, почему на вахте правого борта больше холостяков, а на вахте левого – незамужних женщин?

– Мм... Пожалуй, не знаю.

– Женщины, принятые с других кораблей, попадают в левую половину, а местные холостяки – в правую. Все девушки с твоей половины должны уйти по обмену... если только они не найдут себе мужа среди очень немногих разрешенных кандидатов. Тебя должны были бы принять в эту половину, но тогда у тебя был бы другой отец. Видишь эти имена, где крестик и голубой кружок? Одной из этих девушек предстоит стать твоей супругой... если ты не найдешь себе невесту на другом корабле.

Эта мысль неприятно поразила Торби.

– А я обязан это сделать?

– Если тебе присвоят корабельное звание, соответствующее твоему семейному положению, то тебе придется отбиваться от кандидаток палкой.

Это не обрадовало Торби. Запутавшись в семейных делах, он скорее захотел бы обзавестись третьей ногой, чем жениться.

– Большинство сообществ, – продолжала Маргарет, – практикуют и эндогамию, и экзогамию одновременно: человек ищет себе супруга вне семьи, но в среде своего народа, расы, религии или еще какой-то большой группы. И вы, вольные торговцы, не исключение. Можно вступить в брак с членом другой мойете, но не с фраки. Однако ваши правила создают не совсем обычное положение: каждый корабль представляет собой патрилокальный матриархат.

– Что?

– Термин «патрилокальный» означает, что жена переходит жить в племя мужа, ну а матриархат... скажи, кто управляет кораблем?

– Капитан.

– Так ли?

– Ну, отец, разумеется, слушается бабушку, но она стареет, и...

– Никаких «но». Настоящим хозяином является старший помощник. Поначалу меня это удивляло: я думала, что такое положение существует только на этом корабле. Но нет, это правило распространяется на весь Народ. Мужчины ведут торговлю, управляют кораблем и энергоустановкой, но властвует всегда женщина. В рамках системы это имеет смысл, и брачные обычаи становятся более-менее осмысленными.

Однако Торби явно не желал продолжать обсуждение проблем, связанных с женитьбой.

– Ты еще не видел, как корабли меняются дочерьми торговцев. Девушки покидают родной корабль с криками и плачем, и их приходится тащить чуть не волоком... но, попав на другой корабль, они тут же вытирают слезы и готовы улыбаться и флиртовать, высматривая себе мужа. Подцепив подходящего парня и сумев выпихнуть его вперед, девушка получает шанс стать главой суверенного государства. А слезы ее высыхают очень быстро потому, что в своей семье она была никем. Теперь подумай: если бы хозяевами были мужчины, такой обмен девушками вылился бы в обычную работорговлю; а так у девушки появляется возможность использовать свой шанс.

Доктор Мейдер отвела взгляд от записей:

– Обычаи, которые облегчают людям совместное существование, практически никогда не планируются заранее. Но обычаи эти полезны, в противном случае они отмирают. Торби, тебя раздражает то, как ты должен обращаться со своими родственниками?

– Еще бы!

– Что для торговца самое главное?

Торби задумался:

– Пожалуй, семья. Все зависит от положения, которое ты занимаешь в семье.

– Вовсе нет. Главное – это корабль.

– Говоря «корабль», вы подразумеваете «семья».

– Как раз наоборот. Если торговец чем-то недоволен, куда ему деваться? Он не может жить в космосе без корабля, как не может даже представить себе жизнь на планете среди фраки. Ему противна сама мысль об этом. Корабль для торговца – все, даже воздух для дыхания создается кораблем, так что приходится учиться жить в нем. Но необходимость постоянно пребывать бок о бок с одними и теми же людьми почти невыносима, а избавиться друг от друга невозможно. Напряжение может дойти до предела, и кто-нибудь будет убит... а то и корабль подвергнется разрушению. Но человеку свойственна способность приспосабливаться к любым условиям. Обряды, этикет, образцы поведения, предписываемые реакции являются смазкой для скрипучего механизма общественных отношений. Когда напряжение нарастает и становится невыносимым, вы прячете голову в ритуал и формальности. Поэтому Фриц перестал сердиться.

– Как это?

– Он не мог злиться дольше. Ты что-то сделал неправильно, и сам этот факт показал, что ты еще невежествен. Фриц забылся на мгновение, но потом вспомнил, кто ты есть, и его гнев улетучился. Люди не позволяют себе злиться на детей; вместо этого они стараются наставить их на путь истинный... пока он не привыкнет следовать вашим сложным правилам автоматически – как это делает Фриц.

– Да, я, кажется, понял. – Торби вздохнул. – Но все это не так-то просто.

– Потому что ты родился в другом мире. Но ты усвоишь это, и в будущем следовать всем правилам станет не труднее, чем дышать, и почти так же полезно. Обычаи подсказывают человеку, кто он такой, какому миру принадлежит и

что он обязан делать. Лучше нелогичные обычаи, чем никаких; людям без них не прожить. С точки зрения антрополога, «справедливость» означает поиск работоспособных обычаев.

– Мой отец, я имею в виду Калеку Баслима, говорил, что единственный путь к справедливости – это честное отношение к другим людям. И при этом не нужно обращать внимание на то, как они поступают с вами.

– Разве это противоречит моим словам?

– Пожалуй, нет.

– Полагаю, Баслим счел бы Народ справедливым. – Она потрепала мальчика по плечу. – Не волнуйся, Торби. Веди себя хорошо, и в один прекрасный день ты женишься на какой-нибудь из этих прекрасных девушек. Ты будешь счастлив.

Это пророчество отнюдь не воодушевило Торби.

Глава 9

К тому времени, когда «Сису» достиг Лозиана, Торби уже доверили нести вахту – дело, достойное настоящего мужчины. Поначалу его поставили работать помощником в медпункте. Продвижению Торби по службе помогла его математическая подготовка.

Торби продолжал учиться в корабельной школе. Баслим дал ему хорошее образование, но учителя не замечали этого, поскольку старик даже не затрагивал большинства предметов, которые считались необходимыми на корабле. Тут учили финскому языку, потому что на нем говорила вся семья, истории Народа и «Сису», торговым правилам и деловым навыкам, экспортно-импортным законам многих планет, гидропонике, экономике корабля, профилактике безопасности и борьбе за живучесть. Баслим уделял особое внимание языкам, математике, галактографии и истории. Торби быстро схватывал новые предметы лишь благодаря методике Реншоу, которой столь настойчиво обучал его

Баслим. Торговцам требовалась прикладная математика для ведения бухгалтерской отчетности, астронавигации и управления термоядерными процессами в двигателях корабля. Первую дисциплину Торби усвоил молниеносно, вторую – почти так же, а когда он дошел до третьей, преподаватели с удивлением обнаружили, что этот бывший фраки, по-видимому, уже изучал многомерную геометрию.

Они поспешили сообщить капитану о том, что на корабле появился математический гений.

Это было явным преувеличением, тем не менее Торби тут же перевели на компьютер системы управления огнем правого борта.

Наибольшую опасность для торгового корабля представляют начальный и конечный отрезки пути, на которых звездолет движется с досветовыми скоростями. Теоретически возможно обнаружить и перехватить корабль, движущийся в несколько раз быстрее света, когда он покинул нашу четырехмерную реальность; на деле же это ничуть не проще, чем попасть пущенной из лука стрелой в дождевую каплю во время полуночной бури. Однако быстрому и маневренному кораблю не составит особого труда выследить и атаковать громоздкий медлительный грузовик, если он идет ниже скорости света.

«Сису» мог развивать ускорение в сто стандартных единиц гравитации, и, стремясь сократить время прохождения опасных участков, экипаж выжимал из двигателей все до последней капли. Тем не менее для достижения световой скорости при ускорении километр в секунду за секунду требовалось три с половиной дня.

Половину недели экипаж проводил в тягостном, изматывающем нервы ожидании. Удвоение ускорения сократило бы это время наполовину, а «Сису» стал бы столь же резвым, как рейдер¹³, но это потребовало бы в восемь раз большей

¹³ Рейдер – надводный или подводный военный корабль, самостоятельно действующий в одиночку на коммуникациях противника с целью их максимально затруднить или прервать.

камеры термоядерного реактора и одновременно утяжеления защитного экрана, вспомогательного оборудования и парамагнитной капсулы, сдерживающей термоядерную реакцию. Прирост массы сводил бы к нолю грузоподъемность корабля.

Торговцы зарабатывают на жизнь тяжким трудом; даже если бы в космосе не шныряли охотящиеся за ними пираты, они не могли бы позволить себе приносить свои доходы в жертву экспоненциальным законам многомерной физики. У «Сису» были лучшие двигатели, какие только могла себе позволить семья, но их мощности не хватало, чтобы оторваться от преследователя, идущего налегке.

К тому же маневренность грузовика оставляла желать лучшего. Входя в лишенную тропинок ночь N-пространства, «Сису» был вынужден строго выдерживать принятый курс, иначе при выходе из этого пространства он мог бы оказаться слишком далеко от места назначения; одна такая ошибка – и рейс может закончиться не прибылью, а убытками. И что еще неприятнее, капитану судна приходилось быть готовым мгновенно выключить тягу или рисковать тем, что внутреннее гравитационное поле разрушится и экипаж будет размазан по стенкам, словно клубничный джем, ибо хрупкие человеческие тела подверглись бы стократным перегрузкам.

Вот поэтому капитан и наживает себе язву; не страшно, что ему приходится возиться с грузом, ломать голову над скидками и комиссионными, пытаться угадать, на каком товаре можно больше заработать. И в долгих прыжках через вечную черноту тоже нет ничего плохого – только в это время он и может расслабиться, повозиться с детьми. Убивают его начало и конец полета, долгие, мучительные часы, когда ему, возможно, придется в долю секунды принимать решение, от которого зависят жизнь или свобода всех членов его семьи.

Если бы рейдеры стремились лишь уничтожить грузовые корабли, то у «Сису» и ему подобных судов не было бы

ни малейшего шанса спастись. Но рейдеру нужен груз и рабы; просто расстреляв звездолет, он ничего не выигрывал.

Торговцы же в свою очередь не скованы подобными соображениями. Для них идеальным выходом было и остается уничтожение атакующего корабля. Самонаводящиеся торпеды с атомной боеголовкой баснословно дороги, и их использование изрядно сказывалось на доходах семьи, но если компьютер говорил, что цель может быть поражена, тут уж плевали на экономию, лупили наотмашь, в то время как рейдер использовал оружие уничтожения только для своего спасения. Пираты стремились ослепить грузовик, спалив его приборы, и подойти к нему достаточно близко, чтобы парализовать находящийся на борту экипаж или, если это не удается, убить людей, сохранив звездолет и груз.

Торговец уходил, когда мог, и дрался, если его к этому принуждали. Но, вступив в бой, он бился насмерть.

Двигаясь с субсветовой скоростью, «Сису» всеми своими приборами ловил каждый шорох мультипространства, прислушивался к шепоту доносящихся из N-космоса сообщений и к «белому шуму» кораблей, разгоняющихся с многократными перегрузками. Данные поступали в корабельный астронавигационный аналог космоса, откуда приходили ответы на вопросы: где находится этот другой корабль? Каким курсом идет? С какими скоростью и ускорением? Успеет ли он перехватить нас прежде, чем мы нырнем в N-пространство?

Если ответы несли угрозу, обработанная информация передавалась в боевые компьютеры правого и левого борта, и «Сису» готовился к бою. Комендоры активировали атомные боеголовки самонаводящихся торпед, оглаживали их полированные бока и потихоньку бормотали свои заклинания; главный механик вскрывал рычаг самоподрыва, который мог превратить энергоустановку в чудовищных размеров водородную бомбу, и молился, чтобы в последний момент ему хватило решимости отправить свою семью в приют смерти. Капитан подавал сигнал, переводящий корабль с

вахтенной системы на боевое дежурство. Коки гасили огонь в плитах; инженеры, следящие за вспомогательными системами, перекрывали циркуляцию воздуха; фермеры прощались с зелеными всходами и спешили занять свои места по боевому расписанию; матери, имеющие маленьких детей, участвовали в переключке, затем привязывались к койкам и крепко держали своих чад на руках.

А потом начиналось ожидание.

Но только не для Торби и тех, кто был занят у компьютеров системы управления огнем. Пристегнутые к своим креслам ремнями, они обливались потом, зная, что в течение ближайших минут или часов жизнь «Сису» находится в их руках. Боевые компьютеры, обработав данные, после миллисекундной медитации решали, могут ли торпеды поразить цель, и предлагали четыре варианта: баллистически «возможно» или «невозможно» при имеющихся условиях, «да» или «нет» при отключении тяги, изменении положения одного, другого или обоих кораблей сразу. С такими ответами справились бы и автоматические цепи, но сами машины думать не умеют. Половина ресурсов любого компьютера предназначалась лишь для того, чтобы оператор мог задать ему свои вопросы: как изменится ситуация в отдаленном будущем – через пять минут или около того – при изменении таких-то параметров... и можно ли поразить цель при таких условиях.

Человек мог ввести любые параметры; интуиция оператора могла спасти корабль – или погубить его. Парализующий луч мчится со скоростью света, а у торпеды нет времени для разгона до скоростей, превышающих несколько сот километров в секунду. Но даже после того, как рейдер подходил на дистанцию поражения и пронзал пространство иглой парализующего луча, торговец мог успеть выпустить самонаводящуюся торпеду, после чего попадал под действие луча... и обретал спасение мгновение спустя, когда пират обращался в пар во вспышке атомного пламени.

Но если оператор на миг опережал события или – что в принципе одно и то же – медлил, осторожничая, лишнюю секунду, он мог проиграть сражение. Нетерпеливый стрелок пускал торпеду мимо цели, слишком осторожный просто не успевал ее запустить.

Опытные люди в годах не годились для этой работы. Лучше всего с ней справлялись подростки либо молодые мужчины и женщины, сообразительные и проворные, уверенные в себе, способные к интуитивному математическому мышлению, смело выходящие за рамки и правила и не боящиеся смерти, поскольку они еще не способны представить себе, что это такое.

Торговцам постоянно приходилось искать способных юнцов. Торби, похоже, обладал математическим чутьем; возможно, у него были и другие способности для работы, схожей с шахматной партией в условиях страшного цейтнота или быстрой игрой в пинг-понг. Его наставником стал Джери Кингсольвер, племянник Торби, живший с ним в одной комнате. По семейному рангу Джери был ниже Торби, но, по-видимому, старше его по возрасту. Вне компьютерной рубки он называл Торби «дядей», находясь же на посту, Торби именовал его «старший стрелок правого борта» и добавлял «сэр».

В течение долгих недель броска сквозь ничто к Лозиану Джери обучал Торби новому для него делу. Сначала предполагалось, что Торби будет учиться на гидропониста, а Джери занимал пост старшего клерка суперкарго, но фермеров на корабле было много, а для штата суперкарго во время полета работы не было вовсе. Капитан Крауза велел Джери как следует поднатаскать Торби в компьютерной.

Разгон до световых скоростей длился половину недели, и, поскольку все это время на корабле поддерживалась боевая готовность, к каждому боевому посту были приписаны два человека, несущие вахты вместе. У Джери в подчинении находилась его младшая сестра Мата, младший стрелок. Компьютер имел два терминала, и функции управления

могли быть переданы любому из них при помощи особого переключателя. Во время боевой тревоги двое стрелков сидели бок о бок: Джери вел наблюдение, а Мата была готова подключиться в любой момент.

После интенсивного курса по управлению машиной Джери посадил Торби за один терминал, Мату – за другой и ввел данные из центра управления корабля. К терминалам были подключены регистрирующие устройства, так что можно было фиксировать действия каждого стрелка, а затем сравнить их с решениями, принятыми в настоящих сражениях, – ведь вводимые данные были записями действительных или предполагавшихся столкновений в прошлом.

Уже очень скоро Торби начал злиться: Мата по сравнению с ним показывала просто невероятные результаты.

Он попытался сосредоточиться, но дело пошло еще хуже. Обливаясь потом и стараясь уследить за маневрами работаровца, некогда попавшего на радары «Сису», Торби постоянно и почти болезненно ощущал соседство стройной темноволосой и довольно симпатичной девушки. Ее проворные пальцы едва уловимыми движениями нажимали кнопки и передвигали рычажки, меняя угол или вектор, а она при этом оставалась спокойной и неспешной, и было до боли унижительно узнать потом, что действия соседки «спасли корабль», в то время как сам он промахнулся.

И что хуже всего, она нравилась ему как девушка, о чем он даже не подозревал, лишь чувствуя, что ее присутствие волнует его.

Закончив очередной учебный бой, Джери связался с ними из центра управления:

– Конец занятия. Оставаться на местах.

Вскоре он вошел в компьютерную и принялся изучать ленты, читая замысловатые символы, пропускающие на чувствительной бумаге, так же легко, как обычный человек читает текст книги. Рассматривая ленты Торби, он скривил губы:

– Стажер, вы стреляли трижды... и ни одна из ваших зверушек не прошла ближе, чем в пятидесяти тысячах километров от вражеского корабля. Речь идет не о расходах – это забота бабушки. Но, стреляя, вы должны поразить врага, а не испугать его. Вам придется еще много поработать, чтобы стрелять без промаха.

– Я старался изо всех сил!

– Этого недостаточно. Давай-ка разберемся с тобой, сестренка.

Подобная фамильярность еще более уязвила Торби. Брат и сестра любили друг друга и не утруждали себя обращением по званиям. Торби как-то попытался называть их по именам... и получил щелчок по носу: он здесь был «стажером», а они – «старшим стрелком» и «младшим стрелком». Тут ничего нельзя было поделывать: на посту он был

младшим. Целую неделю вне занятий Торби называл Джери «приемный племянник», и тот вежливо и неукоснительно именовал его по семейному титулу. Торби в конце концов решил, что это глупо, и вновь стал называть Джери по имени. Но тот все равно продолжал обращаться к Торби во время занятий «стажер». И Мата тоже.

Джери просмотрел записи Маты и кивнул:

– Отлично, сестренка! Ты лишь на секунду проиграла рассчитанному оптимуму, но на три секунды опередила выстрел, который достал этого мерзавца. Я могу с полным правом сказать, что ты действовала отлично... тем более что тот выстрел был сделан мною. Рейдер около Ингстела... помнишь?

– Еще бы. – Мата взглянула на Торби.

Торби почувствовал себя омерзительно.

– Это нечестно! – заявил он, отстегивая ремни.

Джери удивился:

– Что вы сказали, стажер?

– Я говорю, это нечестно. Вы дали задачу, и я взялся за нее с ноля и промахнулся, потому что еще слабо подготовлен. А она лишь нажимала кнопки, чтобы получить ответ, который знала заранее... чтобы унижить меня!

На лице Маты появилось выражение растерянности. Торби шагнул к двери:

– Я не напрашивался на эту работу! Пойду к капитану, пусть он даст мне другое занятие.

– Стажер!

Торби остановился. Джери тихим голосом продолжал:

– Сядьте. Сначала я скажу, а уж затем вы пойдете к капитану – если не передумаете.

Торби сел.

– Хочу сказать две вещи, – холодно произнес Джери. – Во-первых... – Он обернулся к сестре. – Младший стрелок, вы знали о том, какая именно задача будет поставлена?

– Нет, старший стрелок.

– А раньше вы с ней встречались?

– По-моему, нет.

– Откуда вы знаете об этом случае?

– Что? Так вы ведь сами сказали об Ингстелском рейдере. Я никогда не забуду обед, который тогда состоялся, – вы сидели рядом с бабу... рядом со старшим помощником!

Джери повернулся к Торби:

– Вам ясно? Она тоже решала эту задачу с ноля... точно, так же как в свое время и я. И она действовала успешнее меня; я горжусь тем, что у меня такой подчиненный. К вашему сведению, мистер Глупый Младший Стажер, упомянутое сражение состоялось задолго до того, как мой младший стрелок стала стажером. И она эту задачу не решала. Мата лучше вас справилась с заданием – и все тут.

– Ну и хорошо, – мрачно произнес Торби. – Кажется, из меня не выйдет толка. Я сказал – с меня хватит.

– Я не договорил. Никто не напрашивается на эту работу, это сплошная головная боль. Но никто и не бросает ее. Эта работа сама от тебя избавится, если тесты покажут, что ты потерял сноровку. Возможно, я сам уже на пути отсюда. Но вот что я вам скажу. Или вы научитесь этому делу как следует, или я пойду к капитану и сам скажу ему, что вы не подходите. А до тех пор... если я услышу хотя бы звук, вы будете иметь дело со старшим помощником! – Он помолчал и рявкнул: – Приступаем к повторному занятию! Боевой пост! Приготовить оборудование!

И вышел из помещения.

Спустя мгновение вновь послышался его голос:

– Противник! Компьютерный расчет правого борта! Доложить о готовности!

Раздался звонок, приглашающий экипаж к обеду. Мата четко ответила:

– Расчет правого борта к бою готов. Данные получены, приступаю к выполнению задания!

Ее пальцы легли на клавиши. Торби склонился над своим пультом; есть ему совершенно расхотелось.

Несколько дней он говорил с Джери только по делу. Мату он видел лишь на занятиях либо по ту сторону своего обеденного стола; он обращался к ней с холодной вежливостью и старался сравняться с ней в умении работать. Он мог встречаться с ней в другое время: молодые люди общались без помех на людях. Но Мата стала для него своего рода табу – потому, что была его племянницей, и потому, что они принадлежали к одной мойете, хотя, конечно, все это не было препятствием для общественных отношений.

Он не мог избегать Джери: они ели за одним столом, спали в одной комнате. Но у Торби была возможность установить между ними стену формальных отношений; так он и сделал. Никто не сказал ни слова – такие вещи случались нередко. Даже Фриц делал вид, будто ничего не замечает.

Но однажды после обеда Торби пришел в кают-компанию посмотреть фильм, действие которого происходило на Саргоне; когда же фильм закончился, он не успел избежать встречи с Матой – она обошла вокруг, встала прямо напротив него и, обращаясь к Торби почтительно, как к дяде, спросила его, не согласится ли он перед ужином сыграть с ней партию в мяч.

Он уже хотел отказаться, но девушка смотрела ему в глаза с такой трагической надеждой, что он сказал лишь:

– Почему бы и нет? Спасибо, Мата. Сыграем, нагуляем аппетит.

Мата расплылась в улыбке:

– Чудесно! Скажу Ильзе, чтобы заняла стол. Пойдем!

Торби выиграл три партии и одну свел вничью... неплохой результат, если учесть, что его партнером была чемпионка среди женщин, которая позволяла себе взять лишь одно очко форы, когда играла с чемпионом среди мужчин. Торби не думал об этом, а просто получал удовольствие от игры.

Его дела в компьютерной пошли на лад, отчасти из-за его серьезного отношения к делу, отчасти потому, что он хорошо чувствовал комплексную геометрию. Помогало и то,

что он был сыном нищего, и эта древняя профессия обострила его мышление. Джери более не сравнивал вслух успехи Торби и Маты, ограничиваясь лишь кратким комментарием по его адресу: «Уже лучше», или «Продолжайте, стажер», или, что бывало реже, «Стопроцентное попадание». Торби приобрел уверенность в своих силах; он избавился от стеснительности и гораздо чаще появлялся на людях и играл с Матой в мяч.

Путешествие через мрак близилось к концу, когда закончилось последнее занятие, и как-то раз утром Джери командовал:

– Вольно! Я вернусь через пару минут.

Торби с удовольствием стряхнул с себя напряжение, но тут же заерзал; ему казалось, что на этот раз он работал в идеальном согласии со своими приборами.

– Младший стрелок... как вы думаете, он не станет возражать, если я взгляну на свою ленту?

– Думаю, нет, – ответила Мата, – впрочем давайте-ка я сама ее достану. Тогда ответственность ляжет на меня.

– Мне не хочется доставлять вам неприятности.

– Ничего страшного, – серьезно ответила девушка и, потянувшись к терминалу Торби, вытащила ленту, дунула на нее, чтобы та не скручивалась, и внимательно ее изучила. Потом извлекла свои записи и сравнила с лентой Торби.

Она серьезно посмотрела на юношу:

– На этот раз очень хорошо, Торби.

Впервые за все время она назвала его по имени. Но Торби едва ли это заметил:

– Правда? Вы хотите сказать, что...

– Это очень хороший прогон... Торби. Мы оба поразили цель. Но ваши расчеты достигли оптимума между «возможно» и «критический предел», в то время как я поторопилась. Видите?

Торби только учился читать записи с ленты, но он был счастлив услышать это от Маты. Вошел Джери и, взяв обе

ленты, посмотрел на ленту Торби, а затем пригляделся к ней более внимательно.

– Прежде чем спуститься сюда, я взял записи постанализа, – сказал он.

– И что же, сэр? – нетерпеливо спросил Торби.

– Мм... После еды я изучу все это более внимательно, но похоже, что ваши ошибки взаимно погасились.

Мата воскликнула:

– Да ладно, братец, он идеально сработал, и ты прекрасно об этом знаешь!

– Ты так думаешь? – усмехнулся Джери. – Но ты не хотела бы, чтобы у нашего лучшего ученика закружилась голова?

– Фу на тебя!

– Вот тебе и «фу», маленькая уродина. Пошли есть.

Узким проходом они вышли в главный коридор второй палубы и зашагали рука об руку. Торби глубоко вздохнул.

– Тебя что-то беспокоит? – спросил его племянник.

– Ничуть! – Торби обнял обоих за плечи. – Вы, Джери и Мата, еще сделаете из меня настоящего снайпера!

Впервые с того дня, когда он получил взбучку, Торби обратился к своему учителю по имени. И Джери спокойно воспринял его попытку примирения.

– Не торопись с надеждами, кореш. Но я думаю, что мы справились. – И добавил: – О, я вижу, двоюродная бабушка Тора смотрит на нас своим холодным взглядом. И если кого-то интересует мое мнение, то я считаю, что сестрица может еще ходить без посторонней помощи. Я уверен, что двоюродная бабушка тоже так считает.

– И на нее тоже фу! – быстро зашебетала Мата. – Ведь Торби только что справился с заданием на «отлично»!

Замедлившись до субсветовой скорости, «Сису» вынырнул из мрака. Менее чем в пятидесяти миллиардах километров сияло солнце Лозиана, и через несколько дней корабль

должен был совершить очередную посадку. Экипаж «Сису» встал на боевое дежурство.

Мата несла вахту в одиночестве; Джери потребовал, чтобы стажер дежурил вместе с ним. Первая вахта обычно проходила спокойно; даже если рейдер получал по N-космическим каналам связи точную информацию о времени прибытия и месте назначения «Сису», при прыжке во много световых лет было невозможно точно предсказать, где и когда именно корабль покажет свой нос в реальном пространстве.

Джери занял свое кресло через несколько минут после того, как Торби затянул ремни со странным, испытанным многими стажерами ощущением, что это уже не учеба. Джери взглянул на него и ухмыльнулся:

– Расслабься. Если будешь напрягаться, заболит спина и ты долго не выдержишь.

Торби слабо усмехнулся в ответ:

– Я попробую.

– Так-то лучше. Сейчас мы сыграем в одну игру. – Джери вытащил из кармана коробочку и открыл ее.

– Что это?

– «Прощай, радость». Ставим ее сюда... – Джери накрыл коробкой переключатель, определяющий, какой из терминалов становился ведущим. – Ты видишь, в каком положении тумблер?

– Что? Нет.

– Молодец, возьми с полки пирожок. – Джери пощелкал скрытым от Торби переключателем. – Кто из нас будет управлять ракетой, если придется ее запустить?

– Откуда мне знать? Убери ее, Джери; я и так нервничаю.

– В этом и состоит игра. Может быть, на контроле я, а ты лишь впустую давишь кнопки, а может быть, все зависит от тебя, а я сплю в своем кресле. Время от времени я буду щелкать тумблером, но ты не будешь знать, в каком положении я его оставил. Так что при появлении пирата – а он не заставит себя ждать, я это нутром чую, – ты уже не сможешь

надеяться, что старый добрый Джери, человек с твердой рукой, держит ситуацию под контролем. Тогда тебе придется спасти нашу лавочку. Тебе, и никому другому.

Торби с содроганием представил себе расположенные палубой ниже стеллажи с торпедами и людей, застывших в ожидании его решения – единственного правильного решения невероятно трудной задачи жизни и смерти, искривленного пространства, движущихся векторов и комплексной геометрии.

– Ты шутишь, – робко произнес он. – Ты не можешь доверить мне управление. Капитан просто заживо сдерет с тебя шкуру.

– А вот тут-то ты ошибаешься! Всегда приходит день, когда стажер по-настоящему наводит на цель. Только после этого он становится стрелком... или превращается в ангела. Но мы не позволим тебе разволноваться в этот момент. Ни в коем случае! Ты у нас будешь волноваться все время. Вот как это будет делаться. Каждый раз, как только я скажу: «Ну!» – ты будешь угадывать, чей терминал включен. Если угадываешь, я отдаю тебе свой десерт. Не угадываешь – отдаешь мне твою порцию. Ну!

Торби быстро прикинул:

– Я!

– Ошибка! – Джери приподнял коробочку. – Я выиграл твой десерт, сегодня это ягодный торт; у меня даже слюнки потекли. Отвечай побыстрее – ты должен принимать решения мгновенно. Ну!

– Опять ты.

– Верно. Ну!

– Ты!

– Ничего подобного. Видишь? И я все же съем твой торт. Мне стоит выйти, пока я в выигрыше... Ах какой крем! Ну!

Когда на смену пришла Мата, Торби проигрывал Джери десерты за четыре дня.

– В следующий раз начнем при этом счете, – заявил Джери. – Только этот ягодный торт я все-таки возьму. О, я забыл сообщить, что будет главным призом!

– И что же?

– Когда все будет по-настоящему, мы поспорим на три порции. Как только покончим с пиратом, ты сразу же должен будешь отгадать. В настоящем бою награда должна быть больше.

Мата фыркнула:

– Братик, ты хочешь, чтобы он занервничал?

– Ты нервничаешь, Торби?

– Еще чего!

– Перестань беспокоиться, сестренка. Берись-ка за компьютер своими немытыми пальчиками и держись за него крепче!

– Я сменяю вас, сэр.

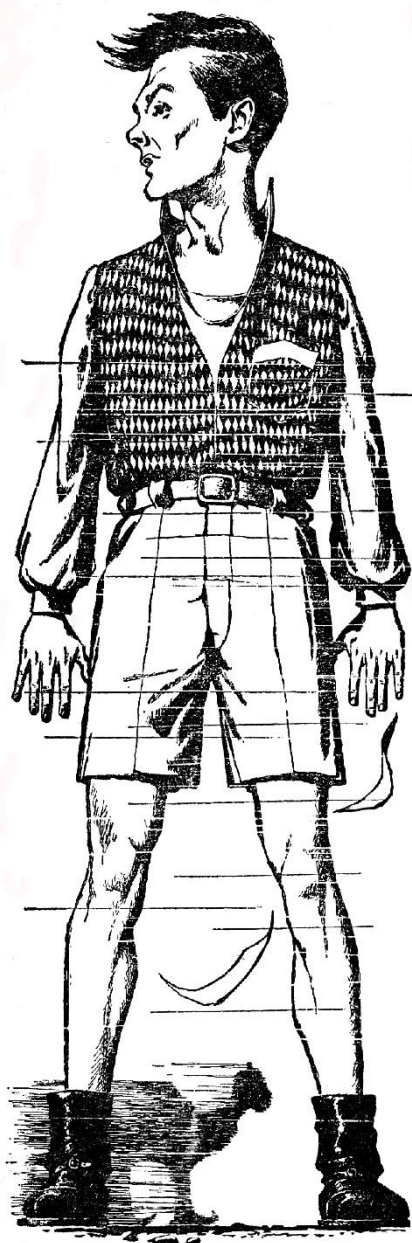
– Пойдем, Торби, нас ждет еда. Ах, ягодный торт!

Три дня спустя счет уравнился, но лишь ценой множества порций сладкого, с которыми Торби пришлось расстаться. «Сису» замедлил ход почти до планетарных скоростей. Солнце Лозиана на экране уже сильно выросло. Торби со слабым сожалением решил, что в этом прыжке его умение не подвергнется испытанию.

И тут сигнал общей тревоги заставил его дернуться в привязных ремнях. Джери что-то говорил, и его голова быстро повернулась к пульту, он осмотрел приборы и впился пальцами в клавиши.

– Приготовиться! – рявкнул он. – Это уже по-настоящему!

Торби стряхнул с себя оцепенение и склонился над панелью. В компьютер уже поступали данные, и тут же на экране появились результаты баллистического расчета. Боже милостивый, он совсем рядом! И как быстро приближается! Как ему удалось так близко подкрасться незамеченным? Торби отбросил посторонние мысли и начал просматривать ответы. Нет, еще нет... хотя уже скоро... Не повернет ли пират

и не сбросит ли скорость?... Попробовать поворот с шестикратным ускорением... достанет ли его ракета?.. А если не повернет, достанет ли тогда...

Он едва почувствовал легкое прикосновение Маты к его плечу. Но очень хорошо расслышал крик Джери:

– Назад, сестренка! Мы засекли его, мы засекли!

На пульте Торби сверкнул огонек, из скрипучего громкоговорителя послышался голос:

– Дружественный корабль, дружественный корабль! Оpoznан лозинский межпланетный патруль! Отбой тревоги, вернуться к обычному расписанию.

Торби глубоко вздохнул, почувствовав, что с его плеч свалился тяжелый груз.

– Продолжать сопровождение! – крикнул Джери.

– Как?

– Выполнять задание! Это не лозианский корабль! Это рейдер! Лозиане так не разворачиваются! Ты накрыл его, парень, накрыл! Врежь ему!

Торби услышал испуганный всхлип Маты и тут же вновь с головой ушел в бой. Что-нибудь изменить? Достанет его торпеда? Достанет ли он его в конусе возможных перемещений? Вот сейчас! Он отдал компьютеру команду.

Голос Джери был едва слышен – казалось, что он произносит слова необычайно медленно.

– Ракета вышла. Думаю, ты накрыл его... но ты слишком торопился. Запусти еще одну, пока они не зацепили нас лучом.

Торби автоматически подчинился. Для принятия иного решения оставалось слишком мало времени. Он велел машине отправлять ракету по той же траектории. И тут он увидел на своем экране, что цель исчезла, и с непонятным чувством пустоты решил, что его первая ракета поразила цель.

– Вот и все! – сообщил Джери. – Ну-с?

– Что?

– Кто запустил ракету? Ты или я? Три десерта.

– Я! – уверенно заявил Торби. Где-то в глубине его сознания мелькнула мысль, что ему не суждено стать настоящим торговцем – таким, как Джери, для которого цель была просто фраки. Или три десерта.

– Ошибка. Три-ноль в мою пользу. Я перепугался и взял управление на себя. Разумеется, после приказа капитана ракеты были разряжены, а пусковые шахты заблокированы... но у меня не хватило духу рискнуть дружественным кораблем.

– Дружественным?

– Конечно. Но для вас, помощник младшего стрелка, все прошло как в настоящем бою... как я и хотел.

У Торби пошла кругом голова. Мата сказала:

– Братец, это нечестно. Ты сжульничал!

– Еще бы. Конечно, я сжульничал. Зато теперь он настоящий стрелок, как ни крути. А мне, как ни крути, достался тройной десерт. Сегодня вечером – мороженое!

Глава 10

Торби недолго оставался помощником младшего стрелка; Джери перешел в стажеры к астронавигаторам, боевой пост у компьютера заняла Мата, и Торби был официально назначен на должность младшего стрелка правого борта. Теперь от него зависели жизнь и смерть семьи, и он был отнюдь не в восторге от этого.

Однако уже очень скоро все опять изменилось.

Лозиан относится к числу «безопасных» планет. Здесь жили цивилизованные негуманоиды, и, поскольку порт не подвергался набегам, в охране посадочных площадок не было необходимости. Мужчины могли спокойно покидать корабль, и даже женщинам это не возбранялось. (Некоторые из женщин, живших на борту, не покидают корабль никогда – за исключением встреч Народа – с того времени, как попали на «Сису» в результате обмена девушек.)

Для Торби Лозиан был первой «чужой» планетой, ведь единственной планетой, которую он ясно помнил, был Джаббал. Поэтому юноша с нетерпением дожидался возможности осмотреть новые для него места. Но на первом месте была работа. После того как юноша был утвержден в звании стрелка, его перевели из гидропонистов на младшую должность в штате суперкарго. Статус Торби значительно повысился: торговля считалась более важным делом, чем ведение хозяйства. Теоретически в его обязанности входило осматривать грузы, но на практике этим занимался старший клерк, а Торби вместе со своими сверстниками из других отделов надрывался, перетаскивая контейнеры. Обработка грузопотока относилась к работам, к которым привлекались все свободные рабочие руки. Портовые грузчики

никогда не допускались на «Сису», даже если из-за этого приходилось оплачивать их простой.

На Лозиане не существовало таможенных пошлин, так что покупатель получал уложенные в контейнеры мешки с листьями верги прямо у люка корабля. Несмотря на вентиляцию, в трюме стоял их пряный дурманный аромат, напомнивший Торби о том, как месяцы назад в нескольких световых годах отсюда он, скрюченный в три погибели беглец, боявшийся укорочения, прятался в норе, устроенной в одном из контейнеров, а незнакомый друг тайком спасал его от полиции Саргона. Сейчас это казалось просто невероятным. «Сису» стал для юноши родным домом, и он даже мыслил на языке семьи.

С внезапным ощущением вины Торби подумал, что в последнее время он слишком редко вспоминает о папе. Неужели он его забыл? Нет, нет! Он ничего не мог забыть... ни папиного голоса, ни его отрешенного взгляда, когда тот начинал сердиться, ни его неуклюжих движений в зябкие рассветные часы, ни его непоколебимого спокойствия при любых обстоятельствах – да, ведь все эти годы он никогда не сердился на мальчика... нет, все же один раз Торби вывел его из себя.

«Я тебе не хозяин!»

Тогда папа разгневался. Это испугало Торби: он ничего не понял.

И лишь теперь, когда миновали месяцы и за кормой остались световые годы, Торби внезапно понял все. Рассердить отца могла только одна вещь: старик был до глубины души оскорблен напоминанием о том, что он, Калека Баслим, рабовладелец. Папа, который утверждал, что умного человека ничто не может оскорбить, потому что правда – не оскорбление, а на ложь не стоит обращать внимания.

И все же он обиделся, услышав правду, ведь формально он стал хозяином Торби, купив его на аукционе. Чепуха! Мальчик никогда не был его рабом, он был старику сыном... папа никогда не вел себя с ним как хозяин, даже если порой

приходилось всыпать ему по заднице. Папа... был просто папой.

Теперь юноша понял, что единственное, что Баслим и впрямь ненавидел, было рабство.

Торби не знал, откуда у него взялась такая убежденность, но... он был уверен. Он не мог припомнить ни одного случая, когда Баслим впрямую говорил бы о рабстве; Торби помнил одно: папа постоянно повторял, что человек всегда должен быть свободен в своих мыслях.

– Эй!

К нему обращался суперкарго.

– Да, сэр?

– Ты двигаешь контейнер или пытаешься заснуть на нем?

Через трое местных суток, когда Торби и Фриц приняли душ и собрались выйти прогуляться, в ванную комнату заглянул боцман и, указав на Торби, произнес:

– От капитана наилучшие пожелания и просьба клерку Торби Баслиму-Краузе зайти к нему.

– Есть, боцман! – отозвался Торби и чертыхнулся про себя. Торопливо оделся, заглянул в свой кубрик и, предупредив Фрица, быстрым шагом отправился к капитану, надеясь, что боцман доложит тому, что Торби был в душе.

Дверь была открыта. Торби начал было докладывать по всей форме, но капитан поднял глаза и сказал:

– Здравствуй, сынок. Входи.

Торби переключился со служебного на семейное обращение:

– Да, отец.

– Собираюсь пойти прогуляться. Может быть, составишь мне компанию?

– Сэр? То есть, я хотел сказать, отец... было бы здорово!

– Прекрасно. Я вижу, ты уже готов. Пойдем. – Он выдвинул ящик стола и протянул Торби несколько изогнутых кусков проволоки. – Это тебе на карманные расходы; можешь купить себе какой-нибудь сувенир.

Торби посмотрел на проволоку:

– Сколько стоят эти штуки, отец?

– Вне Лозиана – ничего. Поэтому оставшиеся ты мне потом вернешь, и я обменяю их на валюту. Лозиане рассчитываются с нами торием и другими товарами.

– Да, но как мне узнать, сколько стоит та или иная вещь?

– Можешь положиться на их слово. Лозиане не мошенничают и не торгуются. Странные создания. Не то что на Лотарфе... Там, если ты берешь кружку пива, поторговавшись какой-нибудь час, считай, тебе крупно повезло.

Торби сказал себе, что понимает жителей Лотарфа гораздо лучше, чем лозиан. Было что-то неприличное в том, чтобы приобретать товар, не поторговавшись хорошенько. Но у фраки варварские обычаи, и к ним приходилось приспособляться. «Сису» гордился тем, что в его отношениях с фраки никогда не случалось недоразумений.

– Ну что, идем? Поговорим по дороге.

Когда они спускались, Торби посмотрел на стоящий поблизости корабль вольных торговцев «Эль-Нидо», принадлежавший клану Гарсиа.

– Отец, мы идем навестить их?

– Нет, мы обменялись визитами сразу по прибытии.

– Я говорю о другом. Будут ли какие-нибудь встречи, вечеринки?

– Ах это? Мы с капитаном Гарсиа решили отложить развлечения. Они торопятся отправиться в путь. Однако нет никаких препятствий к тому, чтобы ты навестил их в свободное от работы время. Но вряд ли стоит это делать. Обычный корабль, очень похож на «Сису», только менее современный.

– Я надеялся, что мне позволят осмотреть их компьютер. Они спустились и вышли на землю.

– Сомневаюсь, чтобы тебе разрешили зайти в компьютерную. Гарсиа очень суеверны.

Когда они отошли от подъемника, к ним подбежал лозианский малыш и принялся носиться вокруг них, сопя и

обнюхивая их ноги. Капитан Крауза позволил маленькому созданию изучить себя, затем мягко произнес:

– Ну ладно, хватит, – и осторожно отодвинул мальчика в сторону.

Подросевшая мамаша свистом подозвала ребенка и, взяв на руки, пару раз шлепнула его. Крауза махнул ей рукой:

– Привет, друг!

– Привет, торговец, – ответила та на интерлингве пронзительным свистящим голосом.

Ростом она была на треть ниже Торби и стояла на четырех лапах, освободив передние. Ребенок опирался на все шесть. Оба, и мать, и дитя, были гладкими, симпатичными и востроглазыми. Они очень понравились Торби; удивило его только одно – у них было два рта: один для приема пищи, другой – чтобы дышать и говорить.

Капитан Крауза продолжил прерванную беседу:

– Ты великолепно взял на прицел тот лозианский корабль.

Торби покраснел:

– Так вы знаете об этом, отец?

– Плохой был бы из меня капитан, если бы я не знал о таких вещах. О, я понимаю, что тебя тревожит. Не думай об этом. Если я указываю тебе цель, ты просто обязан спалить ее. А я обязан отключить твои цепи, если мы опознаем дружественный корабль. Как только я поставлю переключатель на «отбой», твой компьютер не выдаст команды «пуск», ракеты разоружаются, пусковая установка блокируется, и главный механик уже не сможет дать команду на самоуничтожение корабля. Так что даже если ты услышал мой приказ прекратить прицеливание либо в горячке боя ты его не услышал, это ничего не меняет. Заканчивай наведение и стреляй – только так и надлежит поступать.

– Я не знал об этом, отец.

– Разве Джери тебе не объяснил? Ты должен был видеть этот переключатель – такой большой красный, справа на моем пульте.

– Но я ни разу не был в центре управления, отец.

– Да? Что ж, мы исправим это упущение, в один прекрасный день хозяином центра можешь оказаться и ты. Напомни мне об этом... как только мы покинем физическое пространство.

– Слушаюсь, отец.

Торби обрадовался возможности войти в эту святая святых – он был уверен, что едва ли хотя бы половина его родственников побывала там, – но замечание капитана его удивило. Неужели бывший фраки может взять бразды правления кораблем в свои руки? Приемный сын мог вполне законно претендовать на эту беспокойную должность – такое случалось, когда у капитанов не было собственных сыновей. Но бывший фраки?

– Я не уделял тебе должного внимания, сын, – продолжал капитан Крауза. – Того, что заслуживает сын Баслима. Но наша семья так велика, что у меня не хватает времени. Как к тебе относятся новые родственники? Все в порядке?

– Еще бы, отец!

– Мм... рад это слышать. Ведь... Ну, ты знаешь... ты не родился среди Народа.

– Да. Но ко мне все относятся очень хорошо.

– Отлично. О тебе дают только прекрасные отзывы. Похоже, ты очень быстро набираешься ума-разума для... В общем, учишься быстро.

«Для фраки», – Торби с горечью закончил в уме недоговоренную фразу. Капитан продолжал:

– Ты уже побывал в машинном отделении?

– Нет, сэр. Только однажды был на тренажере.

– Сейчас самое подходящее время, пока мы на грунте. Так безопаснее, а молитвы и очистительные обряды занимают меньше времени. – Крауза несколько секунд молчал, потом продолжил: – Впрочем, нет. Подождем окончательного решения вопроса о твоём статусе. По мнению главного механика, тебя надо перевести в его отдел. Ему взбрело в голову, что у тебя все равно не будет детей и он может

воспользоваться этой экскурсией, чтобы зацепить тебя на крючок. Ох уж эти механики!

Торби отлично понял капитана, даже его последний возглас. Все считали механиков слегка свихнувшимися; полагали, что излучение маленькой рукотворной звезды, дающей жизнь кораблю, ионизирует их мозговую ткань. Правда это была или нет, но механикам сходили с рук весьма серьезные нарушения правил этикета. Формула «Невиновен ввиду невменяемости» была молчаливо признававшейся привилегией людей, непрерывно подвергавшихся одной из опасностей ремесла космонавта. Главный механик осмеливался пререкаться даже со старшим помощником.

Однако младшие механики не допускались к вахтам в машинном отделении до тех пор, пока могли надеяться обзавестись потомством. Они обслуживали вспомогательное оборудование и несли тренировочные вахты на тренажере. Торговцы очень серьезно относились к риску вредных мутаций, поскольку были подвержены радиации в гораздо большей степени, чем жители планет. Никто из них не носил на себе явных следов мутации. Что происходило с младенцами, родившимися с отклонениями? Это было окутано тайной, хранимой столь строго, что Торби даже не знал о такой проблеме. Он лишь видел, что вахты при силовых установках несут исключительно пожилые люди.

О том, чтобы обзаводиться потомством, Торби тоже не думал. Юноша лишь уловил в замечании капитана намек на то, что главный механик считал его способным в короткий срок приобрести высокий статус вахтенного механика силовой установки. Торби был поражен столь блестящей перспективой. Люди, посвятившие себя безумным богам ядерной физики, уступали по статусу лишь астронавигаторам... но в душе ставили себя куда выше. Их самооценка была гораздо ближе к истине, чем официальное мнение; даже заместитель капитана, пытающийся с высоты своего положения шпынять вахтенного силовой установки, вполне мог перейти к ответственному занятию пересчитывания груза в

трюме, в то время как механик, отдохнувши малость в лазарете, вернулся бы на прежнее свое место. Неужели бывший фраки мог мечтать о таких высотах? Неужели он смог бы в один прекрасный день стать главным механиком и безнаказанно пререкаться даже со старшим помощником?

– Отец, – нетерпеливо произнес Торби, – главный механик считает, что я мог бы изучать ритуалы машинного отделения?

– А я о чем толкую?

– Да, сэр. Э-э-э... Интересно, почему он так решил?

– Ты прикидываешься? Или ты такой скромник? Тот, кто осилил математику системы управления огнем, сумеет овладеть и ядерной техникой. Но с равным успехом он может заняться и астронавигацией, что ничуть не менее важно.

Механики даже не прикасались к грузам; их единственной обязанностью в портах было заправить корабль дейтерием и тритием и решить другие узкоспециальные задачи. К ведению хозяйства они тоже не привлекались. Они...

– Отец! Я вовсе не прочь стать механиком.

– Вот как? Если ты так думаешь, забудь об этом.

– Но...

– Что «но»?

– Ничего, сэр. Слушаюсь, сэр.

Крауза вздохнул:

– Сынок, я принял на себя определенные обязательства по отношению к тебе, и я постараюсь устроить все наилучшим образом.

Он прикинул, что можно рассказать парню. Мать сказала, что, если бы Баслим хотел, чтобы мальчик знал содержание послания, он передал бы текст на интерлингве. С другой стороны, теперь, когда Торби овладел языком семьи, он вполне справился бы с переводом. Вероятнее всего, он забыл текст.

– Торби, ты знаешь, кто твоя семья?

Юноша удивился:

– Моя семья, сэр, это «Сису».

– Верно! Но я спрашиваю о семье, в которой ты был до того, как появился на корабле.

– Вы говорите о папе? О Баслиме Калеке?

– Нет-нет! Он был твоим приемным отцом – таким же, как и я. Что ты знаешь о семье, в которой родился?

– По-моему, у меня никогда не было семьи, – мрачно произнес Торби.

Сообрав, что задел больное место, Крауза поспешно возразил:

– Нет, сын, не стоит так уподобляться своим приятелям. Если бы не было фраки, с кем бы мы торговали? Чем бы тогда жил наш Народ? Родиться одним из нас – это счастье, но и родиться фраки – вовсе не позор. Каждый атом Вселенной имеет свое предназначение.

– Я ничего не стыжусь!

– Ну-ну, не волнуйся.

– Извините, сэр. Мне нечего стыдиться своих родственников. Просто я не знаю, кто они были. Я же совсем ничего не знаю, может быть, они были даже кем-то из Народа.

Крауза не мог скрыть удивления.

– Что ж, может, так оно и было, – медленно произнес он.

В основном рабов покупали на планетах, которые порядочные торговцы даже и не посещают, многие рождаются в поместьях своих хозяев... но, как ни печально, какой-то процент составляли экипажи кораблей Народа, захваченные рейдерами. Вот этот парень... интересно, пропадал ли какой-нибудь корабль торговцев в соответствующее время? Капитан подумал, нельзя ли во время встречи заняться установлением личности юноши, покопавшись в записях коммодора.

И тут открывались еще кое-какие возможности. Некоторые старшие помощники небрежно относятся к обязанностям, связанным с идентификацией новорожденных, а некоторые дожидаются очередной встречи. Вот мать, она никогда не считалась с расходами на длинные передачи через

Н-пространство и требовала, чтобы дети регистрировались немедленно, – на «Сису» не терпели расхлябанности.

Представим себе, что мальчик был захвачен на торговом корабле, а его данные так и не попали к коммодору. Какая несправедливость – потерять права, положенные человеку по рождению!

В голову капитана закралась мысль. Ошибку можно исправить несколькими путями. Пропадал ли какой-нибудь свободный корабль? Крауза не помнил.

Говорить об этом он тоже не мог. Но какая прекрасная возможность подарить парню чистую родословную! Если только появится эта возможность...

Крауза заговорил о другом:

– В каком-то смысле, парень, ты всегда принадлежал к Народу.

– Извините, отец?

– Баслим был почетным членом Народа.

– Что?! Как это, отец? Какого корабля?

– Всех. Его избрали на встрече. Видишь ли, сын, когда-то очень давно случилось нечто постыдное. Но Баслиму удалось все уладить. И теперь весь Народ в долгу перед ним. Я не могу рассказать тебе больше. Хочу спросить: ты думал о женитьбе?

Это было последнее, что сейчас заботило Торби: больше всего он хотел узнать о том, что сделал папа и как он стал одним из Народа. Но он понял, что его старший собеседник наложил на эту тему запрет.

– Ну... Нет, отец.

– Твоя бабушка считает, что ты начал всерьез заглядывать на девушек.

– Да, сэр, бабушка никогда не ошибается, но... я об этом никогда не задумывался.

– Холостой мужчина неполноценен. Впрочем, мне кажется, что ты еще недостаточно взрослый. Веселись со всеми девчонками и не плачь ни об одной – но помни наши обычаи.

Крауза подумал, что согласно пожеланию Баслима он должен обратиться к Гегемонии за помощью и выяснить, откуда же паренек родом. И будет не совсем удобно, если Торби женится раньше, чем представится такая возможность. Между тем за месяцы пребывания на «Сису» юноша значительно подрос. Смутное ощущение, что сама идея найти потерянных (или подобрать поддельных) родичей для Торби противоречит его обязательствам перед Баслимом, заставляла капитана нервничать.

И тут ему в голову пришла замечательная идея:

– Знаешь, что, сынок? Вполне возможно, девушка, которая тебе нужна, вовсе не на нашем корабле. На женской половине левого борта их не так уж и много, а ведь женитьба – дело серьезное. Жена может поднять твой статус, но может и обратить его в ничто. Так что давай пока не думать об этом. На большой встрече ты сможешь познакомиться с сотнями подходящих девушек. И если ты встретишь ту, которая тебе понравится и которой понравишься ты, мы обсудим это с бабушкой. Если она одобрит твой выбор, мы начнем разговор насчет ее обмена. И скупиться мы не станем. Идет?

Такое решение сулило отсрочку в решении проблемы, и это было очень к стати.

– Отличная мысль, отец!

– На том и покончим.

Крауза с облегчением подумал, что, пока Торби будет встречаться с «сотнями девушек», он сможет порыться в архивах, и ему не придется пересматривать свои обязательства перед Баслимом до того, как он справится с этой задачей. Парень вполне может оказаться потомком Народа – на самом деле его несомненные достоинства исключали даже предположение, что он родился среди фраки. Если так, то пожелания Баслима будут исполнены в точном соответствии с духом и буквой его послания. А до тех пор можно выкинуть это из головы!

Прошагав около мили, они вышли к окраине города. Поглядывая на изящные лозианские корабли, Торби с

раскасянием подумал о том, что едва не сжег одну из этих прекрасных машин. Но потом ему вспомнились слова отца о том, что выбор цели не входит в обязанности стрелка.

Они вступили в зону уличного движения, и Торби тут же забыл о своем беспокойстве. Лозиане не пользуются ни автомобилями, ни такой роскошью, как носилки и портшезы. Пешком они передвигаются вдвое быстрее бегущего человека, а в случае спешки берут некий аппарат, наводящий на мысль о реактивной тяге. Четыре, а порой все шесть лап просовываются в рукава, оканчивающиеся чем-то вроде коньков. Тело поддерживается рамой, на которой установлен и двигатель (принципа его действия Торби так и не понял). В этой нелепой механической сбруе лозиане носились, словно маленькие ракеты, пренебрегая элементарной безопасностью, рассыпая вокруг себя искры, издавая пронзительный визг. На поворотах они напрочь забывали о трении, инерции, гравитации и тормозили в самый последний момент.

Потоки пешеходов и механизированных лихачей свободно смешивались, причем правил дорожного движения, по-видимому, не было и в помине. Казалось, что возрастного ограничения на право вождения тут не существовало, и самые юные лозиане представляли собой лишь еще более безрассудную копию старших.

Торби даже засомневался, сможет ли он улететь с этой планеты живым.

Лозиане мчались навстречу Торби по чужой полосе движения («своих» полос тут вовсе не было), останавливаясь у самых его ног, со свистом проносились мимо – так близко, что у него перехватывало дыхание и бешено колотилось сердце, – но тем не менее всякий раз благополучно избегали столкновения. Торби едва успевал уворачиваться. После нескольких таких прыжков он счел за лучшее следовать примеру своего приемного отца. Капитан Крауза спокойно и упрямо продвигался вперед, как бы рассчитывая на то, что сумасшедшие водители сочтут его неподвижным

предметом. Торби усомнился было в правильности такой тактики, но... похоже, этот метод работал.

Торби никак не мог понять городскую планировку. Машины и пешеходы устремлялись всюду, куда только можно было проехать или пройти, и разделения на общественные и частные территории, по-видимому, не существовало. Сначала они двигались по чему-то, что Торби про себя назвал площадью, а затем, поднявшись по пандусу, – сквозь некое строение, не имевшее отчетливых границ: ни вертикальных стен, ни крыши, потом вновь вышли наружу и спустились сквозь арку, под которой был проход. Торби полностью потерял ориентировку.

Однажды ему показалось, что они проходят сквозь частный дом: им пришлось проталкиваться в толпе, которая была занята чем-то вроде званого обеда. Гости только убрали конечности с их пути.

Крауза остановился:

– Мы почти пришли. Сейчас мы нанесем визит одному фраки, который купил наш груз. Мы встречаемся, чтобы утрясти кое-какие недоразумения, возникшие в ходе торгов. Он оскорбил меня, предложив плату; сейчас нам предстоит вновь стать друзьями.

– Мы что, собираемся отдать товар даром?

– Что бы тебе ответила бабушка? Нам уже заплатили, но сейчас я отдам ему товар бесплатно, а он подарит мне торий в знак своей симпатии ко мне. Обычаи лозиан не позволяют им заниматься таким мерзким делом, как торговля.

– Они не торгуют друг с другом?

– Конечно торгуют. Выглядит это так: один фраки дает другому то, что у него просят. И тут – разумеется, чисто случайно – у второго оказываются в наличии деньги, которые он спешит безвозмездно всучить первому. Потом выясняется, что оба подарка имеют одинаковую стоимость. Лозиане очень хитрые делеagi, сын: лишний кредит нам здесь никогда не перепадет.

– К чему же такие нелепости?

– Если задумываться над тем, почему фраки поступают так или этак, можно свихнуться. Находясь на их планете, ты должен приспособливаться к местным обычаям... так будет лучше всего. Теперь слушай и запоминай. Во время встречи состоится дружеский обед, но... для лозиан это неприемлемо: они «теряют лицо». Поэтому между нами будет установлен экран. Твое присутствие необходимо, потому что там будет лозианин-сын, точнее – дочь. Фраки, с которым я встречаюсь, – мать семейства, а не отец. У меня сложилось впечатление, что у лозиан мужчины находятся в подчиненном положении. Но обрати внимание: когда я буду говорить через переводчика, я буду использовать мужской род.

– Почему же?

– Потому что они достаточно хорошо осведомлены о наших обычаях и знают, что главу дома обозначают мужским родом. Если ты вдумаясь, то поймешь, что в этом есть определенная логика.

Торби задумался. Кто был главой семьи? Отец? Или, может быть, бабушка? Разумеется, старший помощник, отдавая распоряжение, подписывает его «по приказу капитана», но это лишь для того, чтобы... нет. Хотя, как бы то ни было...

Внезапно Торби пришло в голову, что во многих отношениях нелогичны именно традиции семьи. Но капитан продолжал:

– На самом деле мы не станем с ними есть: это не более чем условность. Тебе подадут зеленую тягучую жидкость – просто поднеси ее к губам, иначе она может выжечь тебе кишки. И... – капитан запнулся, оглядываясь на промчавшегося в опасной близости очередного ездока, – будь внимателен, и ты сумеешь понять, как вести себя в следующий раз. О, я совсем забыл! Я спрошу, сколько лет сыну хозяина, и потом такой же вопрос будет задан тебе. Отвечай «сорок».

– Почему сорок?

– Потому что в их понятиях сорок лет – самый подходящий возраст для сына, который помогает отцу.

Они прибыли на место – непохоже, чтобы тут было частное владение. Тем не менее они присели на корточки напротив двух лозиан, третий прижался к ним сбоку. Разделяющий их экран был размером с шарфик, Торби мог все видеть поверх него. Он пытался смотреть в оба, слушать и вникать, но ему мешало оживленное движение. Лозиане проносились мимо и даже порой между сидящими, пронзительно и весело визжа.

Хозяин начал с обвинения капитана Краузы; он говорил, что тот обманом заставил его совершить постыдный поступок. Переводчика было почти невозможно понять, но он проявил удивительное мастерство в употреблении бранных выражений интерлингвы. Торби не мог поверить своим ушам и ожидал, что отец либо тут же повернется и уйдет прочь, либо затеет скандал.

Однако Крауза спокойно выслушал и выступил с вдохновенной, исполненной поэтики речью, обвиняя лозиан во всевозможных пороках – от порчи грузов и оснастки кораблей до распространения токсикомании и наркомании на звездных путях.

Произнесенные слова настроили договаривающиеся стороны на дружественный лад. Лозианин преподнес капитану торий и выразил намерение подарить ему своих сыновей и все свое имущество.

Крауза с благодарностью принял дар и выразил желание расстаться с «Сису» и всем, что было на борту.

Затем стороны сделали широкий жест и вернули друг другу подарки. В итоге был сохранен «статус-кво», и каждый оставил у себя в качестве символа дружбы лишь то, чем уже завладел к нынешнему моменту: лозианин – много центнеров листьев верги, торговец – слитки тория. Оба сошлись во мнении, что верга и торий – сущая безделица, пустяк, не более чем символ нежной дружбы. В приливе нахлынувшего чувства лозианин подарил капитану своего сына, и Крауза тут же преподнес ему (или ей?) в подарок

Торби. Последовавший затем обмен мнениями выявил, что оба они слишком молоды, чтобы покидать родные гнезда.

Возникшее затруднение было разрешено предельно просто: дети обменялись именами. Торби стал обладателем имени, которое ему вовсе не нравилось и которого он даже не мог произнести. Затем последовал «обед».

Торби даже представить не мог, как можно пить эту отвратительную зеленую бурду. Поднеся ее ко рту, он почувствовал, как его ноздри опалило огнем, и закашлялся. Капитан предостерегающе посмотрел на него.

«Поев», они тут же двинулись в обратный путь. Никаких «до свидания», просто поднялись с места и отправились во-свояси. Пробираясь, словно лунатик, сквозь уличную толчею, капитан Крауза задумчиво произнес:

– Для фраки они вовсе не плохие существа. Никакого авантюризма, и притом кристально честны. Меня всегда интересовало, что бы они стали делать, если бы я принял всерьез какой-нибудь из их подарков. Вероятно, отдали бы без всяких возражений.

– Не может быть!

– Не будь так уверен в этом, парень. Я вполне мог бы обменять тебя на этого недозрелого лозианчика.

Торби умолк.

Покончив с делами, Крауза помог Торби сделать покупки и сориентироваться на местности, что принесло юноше немалое облегчение, ибо он не знал ни что купить, ни как пройти к кораблю. Приемный отец отвел его в лавку, хозяин которой говорил на интерлингве. Лозиане производят массу вещей, исключительно сложных на вид, о назначении которых Торби мог только догадываться. По совету капитана он выбрал маленький полированный кубик, внутри которого, если его потряхивать, проецировались бесконечные виды Лозиана. Торби протянул продавцу одну из проволочных «банкнот», и тот дал ему сдачу: деньги висели у него на шее, на манер ожерелья. Затем лозианин подарил Торби магазин со всем его содержимым.

Торби через Карузу передал продавцу свои сожаления, что ему нечего предложить взамен, кроме как поступить к нему в услужение до конца своих дней. Из этой неловкой ситуации они вышли, обменявшись учтивыми оскорблениями.

Наконец на горизонте показался космопорт, и, увидев вдаль родные контуры «Сису», Торби почувствовал облегчение.

В каюте сидел Джери, задрал ноги на стол и заложив руки за голову. Он хмуро посмотрел на Торби.

– Привет, Джери!

– Здравствуй.

– Топтал почву?

– Нет.

– А я прогулялся. Смотри, что я купил! – Торби протянул племяннику волшебный кубик. – Потряси его, и каждый раз новое изображение.

Джери посмотрел одну картинку и вернул кубик обратно:

– Очень интересно.

– Ты чего такой смурной? Съел что-нибудь не то?

– Нет.

– Тогда в чем дело?

Джери опустил ноги на палубу и посмотрел на Торби:

– Я возвращаюсь в компьютерную.

– Что?

– Да нет, статуса я не потерял. Это только на время, пока я кого-нибудь не обучу.

Торби похолодел:

– Ты хочешь сказать, что меня выставляют?

– Нет.

– Так что же случилось?

– Мату обменяли.

Обменяли Мату? Навсегда? Маленькую Матти с серьезными глазами и веселым смехом? Торби ощутил, как накаывает грусть, и, к своему удивлению, осознал, насколько это для него важно.

– Не верю!

– Не валяй дурака!

– Когда это случилось? Куда ее отправили? Почему мне ничего не сказали?

– Ясное дело, на «Эль-Нидо», это единственный корабль Народа в порту. Ее увели около часа назад. Я не предупредил тебя потому, что сам не знал... до тех пор, пока меня не вызвали в бабушкину каюту, чтобы я попрощался с сестрой. – Джери нахмурился. – Когда-нибудь это должно было произойти... но я думал, что бабушка непустит Мату до тех пор, пока она не утратит навыков стрельбы.

– Тогда зачем, Джери? Почему?

Джери встал и холодно произнес:

– Больше я ничего не могу сказать, мой приемный дядя. Торби пихнул его обратно в кресло:

– Не увиливай, Джери. Я твой «дядя» только потому, что меня так называли. Но я по-прежнему все тот же бывший фраки, которого ты обучал мастерству стрельбы, и мы оба это знаем. Так поговорим как мужчина с женщиной. Давай выкладывай все начистоту.

– Тебе это не понравится.

– Уже не нравится! Матти ушла... Слушай, Джери, в каюте нет никого, кроме нас. Что бы то ни было, ты должен рассказать мне все. Клянусь тебе сталью «Сису», что я не собираюсь тут устраивать игрища в «дядюшку-племянника». Что бы ты здесь ни сказал, семья никогда об этом не узнает.

– Возможно, бабушка нас сейчас слушает.

– Если так, то я приказываю тебе говорить и беру всю ответственность на себя. Но она нас не слушает – она в это время обычно спит. Говори же!

– Ладно. – Джери мрачно посмотрел на собеседника. – Ты сам напророчился. Значит, ты хочешь сказать, что не имеешь ни малейшего понятия о причинах, побудивших бабушку выставить с корабля мою сестренку?

– Конечно нет. Иначе я бы не спрашивал.

Джери нетерпеливо фыркнул:

– Торби, я знал, что ты тупой. Но я не знал, что ты к тому же глухой, слепой и немой.

– Оставь свои комплименты. Расскажи суть дела.

– Мату обменяли из-за тебя. Из-за тебя. – Джери с отвращением посмотрел на Торби.

– Из-за меня?!

– Из-за кого же еще? С кем Мата чаще всех играла в мяч? С кем сидела рядом в кинозале? Подумай, кого из новых членов семьи постоянно видели рядом с девушкой, принадлежащей к одной с ним мойете? Я намекну тебе – его имя начинается на «Т».

Торби побледнел:

– Джери, мне и в голову не приходило...

– Значит, ты был единственным на корабле, кто этого не видел. – Джери пожал плечами. – Впрочем, тебя я не обвиняю. Это была ее ошибка. Она бегала за тобой, тупой клоун! И лишь одного я не мог себе представить: что ты ничего не знаешь. Я не раз пытался тебе намекать.

В таких делах Торби разбирался не лучше, чем птица разбирается в баллистике.

– Я не верю.

– Веришь не веришь... какая разница? Все это видели. Впрочем, это могло сходить вам с рук, пока все было открыто и невинно – а я внимательно следил, не переступаете ли вы грань, – если бы сестрица не потеряла головы.

– Что же произошло?

– Она сделала нечто такое, что побудило бабушку расстаться с вышколенным стрелком. Мата пришла к ней и попросила, чтобы ее удочерил кто-нибудь из другой семейной ветви. Святая простота! Она решила, что раз уж ты

усыновлен, то не имеет никакого значения тот факт, что она твоя племянница, – остается лишь немного переиграть, и она сможет выйти за тебя замуж. – Джери хмыкнул. – Если бы тебя усыновили в другой ветви, у нее еще могло бы что-то получиться. Но она, очевидно, рехнулась, если решила, что бабушка – бабушка! – согласится на такой скандал.

– Да, но... мы ведь, в сущности, не были родственниками. Да я и не собирался жениться на ней.

– Ну хватит! Я уже устал от тебя.

Торби бродил по кораблю, не желая возвращаться в каюту и встречаться с Джери. Он чувствовал себя потерянным и одиноким. Торби был совершенно сбит с толку: жизнь семьи показалась ему столь же странной, а обычаи непонятными, как у лозиан.

Ему не хватало Маты. До сих пор у него не возникало такого ощущения. Общество девушки было приятным, но таким же привычным, как трехразовое питание и прочие удобства, к которым Торби уже привык, живя на корабле. И вот теперь он скучал без нее.

Если уж она так этого хотела, то почему они не исполнили ее желание? Не то чтобы Торби мечтал об этом, но... коль скоро ему все равно суждено обзавестись женой, Мата была бы ничуть не хуже любой другой. Она нравилась Торби.

Наконец он вспомнил, что на корабле есть человек, с которым можно об этом поговорить. И Торби отправился со своей печалью к доктору Мейдер.

Он поскребся в ее дверь и тотчас же услышал: «Войдите!» Она встретила его, обложившись ворохом своих вещей. На ее носу красовалось пятно, а ее обычно аккуратно прибранные волосы были в беспорядке.

– А, Торби! Очень хорошо, что ты пришел. Мне сказали, что ты вышел в город, и я боялась, что разминусь с тобой.

Она говорила на английском Системы, Торби отвечал ей на том же языке.

- Вы хотели видеть меня?
- Чтобы попрощаться. Я возвращаюсь домой.
- Ой. – Торби вновь ощутил болезненный толчок – такой же, как когда он услышал от Джери о Мате. Внезапно он с грустью осознал, как ему не хватает папы. Он взял себя в руки и ответил: – Мне очень жаль. Я буду скучать по вас.
- И я тоже буду скучать, Торби. В этом огромном корабле ты был единственным человеком, рядом с которым я ощущала себя словно дома... это странно, ведь твоя и моя жизни отстоят друг от друга так далеко, как только возможно. Мне будет не хватать наших с тобой бесед.
- И мне тоже, – простодушно ответил Торби. – Когда вы уходите?
- «Эль-Нидо» уходит в прыжок завтра. Но я должна перебраться не позже сегодняшнего вечера. Мне нельзя опоздать к старту, иначе я не смогу попасть домой еще несколько лет.
- «Эль-Нидо» идет на вашу планету? – В голове мальчика начал складываться фантастический план.
- Нет, нет. Корабль направляется на Таф Бету – шесть. Но там бывают почтовые корабли Гегемонии, и на них я смогу добраться домой. Слишком удачный шанс, чтобы упустить его.
- Хитроумный план померк в голове юноши – он с самого начала был нелеп. Торби мог решиться поселиться на незнакомой планете, но Мата не была фраки.
- Доктор Мейдер продолжала:
- Все устроила старший помощник. – Она невесело улыбнулась. – Она была рада избавиться от меня. Я даже надеяться не могла, что у нее что-то получится: я хорошо помню, с каким трудом мне удалось попасть на «Сису»; полагаю, за этим стоит какая-то сделка, о которой бабушка не упоминает. Итак, я покидаю вас... и мне вновь предстоит полная изоляция на женской половине. Не беда: я потрачу это время на обработку полученных данных.

Эти слова напомнили Торби о том, что Маргарет может встретиться на женской половине с Матой. Смущаясь и запынаясь, он принялся объяснять, о чем пришел поговорить. Доктор Мейдер слушала его со всей серьезностью, продолжая упаковывать вещи.

– Я знаю, Торби. Я узнала об этой печальной истории раньше тебя.

– Маргарет, вы когда-нибудь сталкивались с подобной нелепицей?

Она замялась:

– В жизни случаются куда более... нелепые вещи.

– Но ведь в этом ничего такого не было! И если Мата захотела, то почему бабушка не пошла ей навстречу... вместо того, чтобы отправлять девушку к чужим людям? Я... мне бы это было легче. Я уже привык.

Женщина-фраки улыбнулась:

– Это самое необычное признание в любви, какое я когда-либо слышала, Торби.

– Вы могли бы передать ей кое-что от меня?

– Торби, если ты хочешь передать свои уверения в вечной любви или что-нибудь в этом духе, то лучше не надо. Твоя бабушка сделала для своей правнучки самое лучшее, что было в ее силах. Сделала это быстро, с любовью и мудростью. Сделала это, исходя из интересов Маты, а не насущных потребностей «Сису», ведь Мата была превосходным стрелком. Бабушка, как и подобает старшему помощнику, исходила из высших соображений; она оценила интересы общества в долговременной перспективе и решила, что они перевешивают потерю одного стрелка. Я начинаю восхищаться ею, только, между нами, раньше я ненавидела старушонку. – Она вдруг улыбнулась. – Лет через пятьдесят Мата тоже примет подобное мудрое решение. Семья «Сису» – очень крепкий клан.

– Провалиться мне на месте, если я что-нибудь понимаю!

– Это оттого, что ты почти такой же фраки, как и я... и не имеешь моей подготовки. Торби, о большинстве вещей

можно говорить, плохи они или хороши, только зная истинную их подоплеку; сами по себе плохи или хороши очень немногие вещи. Поступки, которые квалифицируются в определенном обществе как правильные или неправильные, действительно являются именно таковыми. Возьмем такой обычай Народа, как экзогамия. Ты, вероятно, думаешь, что это способ уменьшить опасность мутаций. По крайней мере, в корабельной школе вас учили именно так.

– Конечно. И поэтому я не могу понять, зачем...

– Секундочку. Именно поэтому ты и не понимаешь, почему твоей бабушке пришлось пойти против. Но для Народа чрезвычайно важно устраивать браки между членами экипажей разных кораблей. И дело не только в генах – они имеют второстепенное значение, – а в том, что корабль слишком мал, чтобы быть устойчивой культурой. Корабли должны постоянно обмениваться идеями и достижениями, иначе тот же «Сису», да и сама культура Народа погибнут, так что закон соблюдается строжайшим образом. Поэтому данный обычай защищен самым сильным табу. Малейшее отступление от него – то же самое, что крохотная пробоина в борту корабля, появление которой ведет к губительным последствиям, и устранить их можно лишь самыми решительными мерами. Ну... теперь ты понимаешь?

– Э-э-э... нет, не думаю.

– Сомневаюсь, что сама бабушка отчетливо понимает это; она лишь знает, что хорошо и что плохо для семьи, и действует прямо и решительно. Ты все еще хочешь что-нибудь передать?

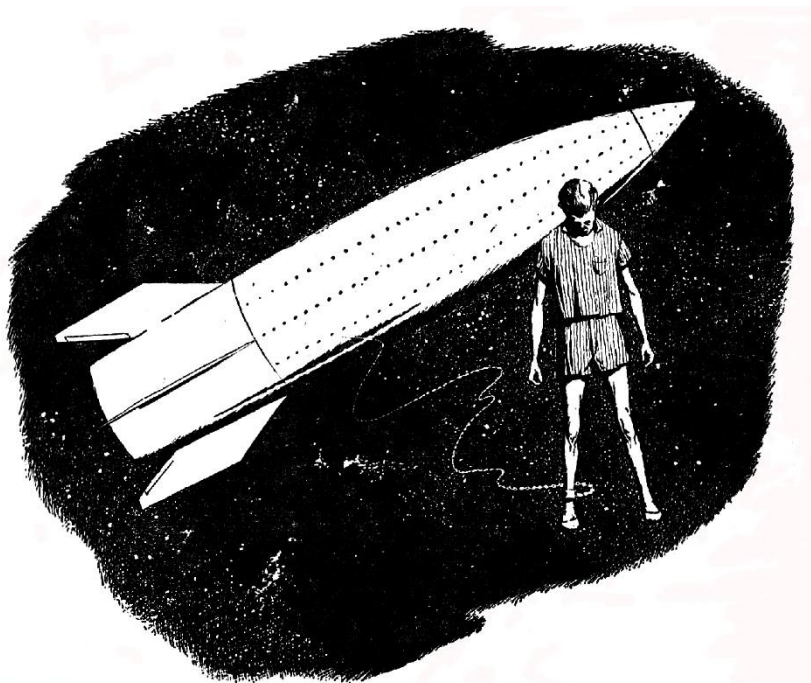
– Ну... Не могли бы вы передать Мате, что мне очень жаль, – нам даже не удалось попрощаться.

– Мм... хорошо. Только, пожалуй, не сразу.

– Вот и отлично.

– Теперь чувствуешь себя лучше?

– В общем, да... ведь вы говорите, что так будет лучше для Маты. – Торби внезапно взорвался: – Но, Маргарет, я не понимаю, что творится со мной! Мне казалось, что все стало

на свои места, и вот теперь моя уверенность рассыпалась в прах. Я мыслю и чувствую, как настоящий фраки и сомневаюсь, смогу ли я стать истинным торговцем.

Лицо собеседницы внезапно омрачилось.

– Однажды ты обрел свободу, и забыть это будет не так-то просто.

– Как вы сказали?

– Тебе довелось многое пережить, Торби. Твой приемный отец – я имею в виду первого, Баслима Мудрого, – купил тебя как раба и усыновил, дав тебе такую же свободу, какой пользовался и сам. А теперь второй твой отец из самых лучших побуждений усыновил тебя и тем самым сделал тебя рабом.

– Что вы, Маргарет! – возразил Торби. – Как вы можете такое говорить?

– Если ты не раб, то кто же?

– Ну, я – вольный торговец. Во всяком случае, отец надеется, что я смогу им стать, если мне удастся избавиться от моих привычек фраки. Но я не раб. Народ свободен. Мы все – свободные люди.

– Все вместе вы свободны... но не по отдельности.

– Что вы имеете в виду?

– Народ свободен. Это составляет главный предмет их гордости. Любой торговец скажет вам, что именно свобода делает их Народом и отличает от фраки. Народ свободен, странствуя среди звезд и нигде не пуская корней. Столь свободен, что превращает свой корабль в суверенное государство, которое никого ни о чем не просит, странствует где хочет, дерется с любым врагом, не нуждается ни в каком пристанище, не вступает ни с кем в союз, который бы его не устраивал. О да, Народ свободен! Старушка-Галактика еще не ведала такой полной свободы. Общество, насчитывающее менее сотни тысяч человек, раскинулось в пространстве в четверть миллиарда кубических световых лет, и эти люди совершенно вольны двигаться в любую сторону в любое время. Такой культуры не было никогда и, быть может, не будет. Свободны, как само небо... более свободны, чем звезды, поскольку те движутся твердо установленными путями. Да-да, конечно, Народ свободен! – Женщина некоторое время молчала. – Но какой ценой куплена эта свобода?

Торби заморгал.

– Я скажу тебе. Нет, не ценой благосостояния. Такого высокого среднего уровня жизни, как у Народа, история еще не знала. Доходы от вашей торговли просто баснословны. За них не приходится платить ни физическим, ни душевным здоровьем. Мне не доводилось видеть сообществ, в которых болели бы так мало. Вам не пришлось оплачивать свободу счастьем либо самоуважением. Вы все счастливы, а ваша гордость выходит за рамки приличия... разумеется, вам есть чем гордиться. Но за свою беспрецедентную свободу вы заплатили... самой свободой. Нет, я не говорю загадками. Народ свободен... за счет потери личной свободы каждого из

вас, и капитан со старшим помощником отнюдь не являются исключением: они лишь еще более несвободны, чем кто бы то ни было из вас.

Ее слова прозвучали как оскорбление.

– Как мы можем быть свободными и несвободными одновременно? – возразил Торби.

– Спроси об этом Мату. Торби, ты живешь в стальной тюрьме, за стенами которой тебе разрешено проводить не более нескольких часов раз в пару месяцев. Правила внутреннего распорядка на корабле значительно строже, чем в любой тюрьме. То, что целью этих правил является сделать вас всех счастливыми – и они это делают, – сейчас не важно. Вы должны повиноваться им. Вы спите, где прикажут, едите по звонку и только то, что предложат, – и совершенно несущественно, что пища вкусная и обильная, важно то, что у вас нет выбора. Девяносто процентов времени вы делаете то, что вам прикажут. Вы так стиснуты правилами, что большая часть того, что вы говорите, – не живая речь, а предписанный ритуал. За целый день можно не произнести ни одной фразы, которой не было бы в законах «Сису». Верно?

– Да, но...

– «Да» без всяких «но»! Скажи, Торби, у кого из людей меньше свободы? У рабов? Можешь ли ты подобрать слово точнее?

– Но нас нельзя продать!

– Рабство часто существовало в форме, не допускавшей продажу или покупку людей. Их просто передавали по наследству. Так же, как на «Сису». Торби, быть рабом означает принадлежать хозяину и не иметь надежды на перемены. Вы, рабы, называющие себя Народом, не имеете даже надежды, что вас отпустят на волю.

Торби нахмурился:

– Вы полагаете, из-за этого мне сейчас так плохо?

– Мне кажется, твой рабский ошейник душит тебя, он не беспокоит твоих друзей, ведь они с ним родились, но ты

когда-то был свободен. – Женщина осмотрела свои пожитки. – Мне пора отправляться на «Эль-Нидо». Поможешь мне?

– Буду рад.

– На встречу с Матой не рассчитывай.

– Я и не думал об этом, – соврал Торби, – только хотел помочь вам. Мне очень жаль, что вы уходите.

– Честно говоря, я рада, что отправляюсь домой, но мне не хочется прощаться с тобой. – Она помедлила. – Я тоже хотела бы тебе помочь. Торби, антрополог не должен вмешиваться в чужую жизнь, но я уже ухожу, а ты никогда не был настоящей частичкой этой культуры. Ты сможешь понять намеки старой женщины?

– Вы совсем не старая!

– Еще одна любезность. Я уже бабушка, хотя старший помощник, пожалуй, удивилась бы, услышь она это от меня. Торби, мне казалось, что ты сумеешь привыкнуть к этой тюрьме. Теперь я в этом не уверена. От привычки быть свободным не так-то легко избавиться. Милый, если ты почувствуешь, что ты не в силах это выдержать, дождись, когда корабль опустится на планету, где царят свобода, демократия и гуманизм, и беги отсюда прочь. Это нужно сделать до того, как бабушка решит тебя женить, ибо промедление – твоя погибель!

Глава 12

От Лозиана к Финстеру, от Финстера к Тоту IV, от Тота IV к Вуламурре – «Сису» прокладывал свои пути в пространстве диаметром в девяносто световых лет. В центре этой сферы располагалась легендарная Терра, колыбель человечества. «Сису» никогда не опускался на этой планете; Народ предпочитал миры, где прибыль – выше, полиции – меньше, а люди сходят с ума не от головоломного законодательства, а по иным причинам.

История «Сису» утверждала, что первый корабль семьи был построен на Терре и там же появился на свет первый капитан Крауза, который был (по слухам) урожденным фраки. Но с тех пор семья сменила шесть кораблей, а история «Сису» была верна только в общих чертах, незначительные подробности вполне могли оказаться искажены. Тот «Сису», сталь которого служила домом нынешнему поколению семьи, был зарегистрирован в Новой Финляндии, на Шиве III... в этот порт корабль более не возвращался, но местные налоги уплачивались регулярно – это давало семье законное право в погоне за прибылью свободно перемещаться в цивилизованном секторе Галактики. Администрация Шивы III понимала нужды вольных торговцев и не докучала им инспекциями и проверками, пока те исправно платили положенные взносы. Очень многие корабли Народа сочли удобным зарегистрироваться на этой планете.

На Финстере Торби познакомился еще с одним способом ведения дел. Здешние фраки, известные науке под замысловатым латинским названием и которых Народ называл «эти

чертовы слизняки», жили в телепатическом симбиозе с лемуруподобными существами, обладавшими очень чувствительными развитыми конечностями. Предполагалось, что неуклюжие монстры, доминирующие в этом симбиозе, отвечают за мыслительную деятельность, а лемуroidы – за манипуляции их тонкими конечностями.

Планета поставляла на рынок чудесно ограненные драгоценные камни, сырую медь и некое растение, содержащее алкалоид, нашедший применение в психиатрии. Оставалось лишь догадываться о том, что еще здесь можно приобрести. Местные жители не имели ни устной, ни письменной речи, так что общение с ними было крайне затруднено.

Здесь Торби научился новому для себя методу торговли – безмолвному аукциону, который изобрели финикийские торговцы еще в те времена, когда африканское побережье простиралось за пределы известного мира.

Торговцы выложили вокруг «Сису» штабелями товары, которые они могли предложить: необходимые местным жителям тяжелые металлы, «вечные» часы, которыми те уже научились пользоваться, и прочие предметы, к которым семья надеялась их приучить. После этого люди вернулись на борт. На корабле Торби подошел к старшему клерку Арли Краузу-Дротару и спросил:

– Мы так и оставим товары снаружи? На Джаббале они тут же исчезли бы, стоило лишь повернуться к ним спиной.

– Разве ты не видел, что комендоры установили пулеметы?

– Нет, я был в нижнем трюме.

– Так вот, пулеметы заряжены, и при них неотлучно находятся стрелки. Местные твари абсолютно лишены морали, но отнюдь не глупы. Однако теперь они будут так же честны, как кассир, за которым наблюдает босс.

– И что же дальше?

– Будем ждать. Они осмотрят наши товары и через некоторое время... через день, может быть, через два... принесут свои и уложат рядом с нашими. Мы еще немного подождем;

может быть, они чего-нибудь добавят. А может, уберут принесенное и предложат что-либо другое, и мы рискуем перехитрить самих себя и упустить какой-нибудь ценный товар. Возможно, нам придется разделить штабель надвое, чтобы показать, что нас устраивает товар, но не цена. Может случиться и так, что мы не пожелаем брать их товар ни за какую цену. И придется переместить наш штабель к тому их товару, который нам нужен. Но и тогда мы не станем трогать того, что они принесут: мы будем выжидать. Наконец в течение долгого времени ни мы, ни они не будем ничего передвигать. Значит, цена устраивает обе стороны, и мы забираем их товар, а они уносят наш. Потом мы забираем свои товары, за которые они не дали нужной нам цены, а они уносят все то, что отвергли мы.

Но и это еще не все. К этому моменту и те и другие уже знают, чего хочет партнер и какую цену он готов предложить. Они вновь принесут что-нибудь, и мы в ответ выставим то, что, как нам уже известно, они захотят взять. Совершается еще несколько сделок. По окончании второго этапа у нас не остается товаров, которые они хотели бы взять по цене, устраивающей обе стороны. Очень хороший способ. На планетах, где мы можем общаться при помощи речи, все проходит куда сложнее.

– Да, но так тратится очень много времени.

– А ты знаешь еще что-нибудь, чего у нас больше, чем времени?

Неспешный аукцион тянулся, как фильм в замедленной съемке. Обмен грузами, цена которых была известна заранее, прошел без сучка без задоринки; заминка возникала с экспериментальными предложениями – устройства, хорошо расхोdivшиеся на Лозиане, по большей части не вызывали у жителей Финстера интереса. Шесть упаковок складных ножей, которые предназначались для Вуламурры, были проданы здесь по весьма приличной цене. Однако наибольший ажиотаж вызвали предметы, которые вообще не считались товаром.

Бабушка Крауза, хотя и была прикована к постели, время от времени объезжала помещения корабля с личной инспекцией; в результате таких проверок кого-нибудь обязательно наказывали. Незадолго до прибытия на Финстер она пожелала осмотреть детскую и каюты холостяков. Первое, на чем остановились ее глаза, были книжки с комиксами. Бабушка велела конфисковать этот «мусор, годящийся только для фраки».

Затем осмотру подверглись каюты холостяков, в то время как накануне был пущен слух, будто бы бабушка намерена ограничиться детской и женской половиной, так что юноши не успели припрятать картинки с голыми красотками.

Бабушка была шокирована! После изъятия комиксов и фотографий было велено разыскать журналы, из которых они были вырезаны. Кипу контрабандной макулатуры передали механикам, чтобы те распылили эту гадость на атомы.

Там журналы попались на глаза суперкарго, в голове у которого зародилась идея получше. Конфискованную «литературу» вынесли из корабля и бросили рядом с другими товарами.

Напротив пачки бумажного хлама появилась кучка причудливо ограненных самоцветов: хризобериллы, гранаты, опал, хрусталь.

Суперкарго, растерянно моргая, осмотрел эти сокровища и отправился с докладом к капитану.

Книжки и журналы выложили отдельными экземплярами. Местные жители принесли еще камней.

В конце концов все экземпляры разъяли на страницы и выложили их по одной. Было достигнуто окончательное соглашение: за каждую цветную картинку туземцы отдали по одному камню. В этот момент даже самые хитроумные юнцы, сумевшие уберечь свои любимые фотографии, внезапно воспылали патриотизмом и проявили врожденную деловитость: в конце концов, они могли пополнить свои

запасы в ближайшем цивилизованном порту. Из детской была изъята очередная порция комиксов с приключениями.

Впервые в истории комиксы и журналы с красотками были оценены в ювелирных изделиях, вес которых многократно превышал вес бумаги.

За Тотом IV следовала Вуламурра. Каждый перелет приближал корабль к месту большой встречи Народа; корабль охватила карнавальная лихорадка. Членов экипажа освобождали от работы, чтобы дать возможность попрактиковаться на музыкальных инструментах, вахты перетасовывались так, чтобы могли спеться квартеты, для атлетов был составлен тренировочный план, а их самих освободили от всех вахт, кроме боевых, и они выкладывались в спортзале так, что едва доползали до своих постелей. Обсуждая планы шикарных приемов, должных послужить вящей славе «Сису», люди спорили до хрипоты и головной боли.

Через N-пространство летели длиннющие послания, и главный механик гневно протестовал против скандального перерасхода энергии, ядовито намекая на высокую цену трития. Однако старший помощник, посмеиваясь, одобряла все расходы. Проходили дни, и морщины бабушки все чаще складывались в непривычную для нее улыбку, словно она знала что-то, о чем предпочитала покамест помалкивать. Торби дважды заметил, как она улыбалась, глядя на него. Это насторожило юношу: он считал за благо не привлекать внимания бабушки. В полной мере ему довелось удостоиться ее внимания недавно, и это ему не очень-то понравилось. Торби сжег рейдер, и в его честь был устроен обед, на котором он сидел за одним столом со старшим помощником.

Пират появился на экране «Сису», когда корабль поднимался с Финстера – весьма необычное для нападения место, поскольку в окрестностях планеты никогда не было особенно оживленного движения. Тревога прозвучала всего через четыре часа после старта, когда «Сису» набрал всего

пять процентов световой скорости, так что надежды оторваться от преследователя не было никакой.

Справляться с ситуацией выпало Торби; компьютер левого борта вышел из строя – у него произошел «нервный срыв», и электронщики, обливаясь потом, возились со схемами еще со времени последнего прыжка. Племянник Торби, Джери, вернулся к астронавигаторам. Новый стажер кое-чему подучился во время длительного перелета от Лозиана, но это был безусый юнец, и Торби не очень-то ему доверял, но не стал возражать, когда Джери решил, что Кенан Дротар готов нести вахту, пусть он и не прошел боевое крещение. Джери стремился поскорее вернуться в центр управления по двум причинам. Во-первых, он не желал терять высокого статуса, а во-вторых, о чем он даже сам не думал и не говорил, компьютерная была тем самым местом, где он когда-то работал с покинувшей корабль младшей сестрой.

И поэтому, когда появился рейдер, разбираться с ним пришлось Торби.

Он приступил к расчетам с довольно скверным чувством, ведь Торби знал, что компьютер левого борта выбыл из строя. Жизнь стрелка значительно облегчает вера в сверхчеловеческие способности команды, работающей на другом борту: «Если даже я лопухнусь, эти умники все равно его прикончат». Тем временем другая команда думает то же самое о нем. Эти мысли приносили людям столь необходимое в бою спокойствие.

На сей раз Торби был лишен этой моральной поддержки. Как и любой другой поддержки – финстериане не летали в космос; было невозможно даже предположить, что рейдер принадлежит им. Не мог он быть и торговцем: он слишком быстро ускорялся. Не был это и гвардеец Гегемонии: Финстер находился слишком далеко от цивилизованного мира. Торби с уверенностью, от которой его затошнило, подумал о том, что через несколько часов ему придется запустить

ракету и поразить цель либо уже очень скоро он вновь станет рабом и та же участь постигнет его семью.

Все эти соображения путали расчеты, парализовали мысль.

Но вскоре юноша забыл о неисправном компьютере, о семье, даже о самом пирате. Маневры рейдера стали всего лишь потоком поступающих на терминал данных, превратившись в задачу, которую обучен был решать. Его напарник вскочил в другое кресло и пристегнулся ремнями, когда еще не успел отзвучать сигнал боевой тревоги. Торби не слышал ответов напарника и даже не заметил, когда звон умолк. Вскоре в компьютерную ворвался Джери, присланный капитаном; но Торби и его не заметил. Джери вытянул из кресла стажера, уселся в него сам и, заметив, что включен терминал Торби, даже не прикоснулся к переключателю. Не говоря ни слова, он взглянул на настройки Торби и начал прорабатывать альтернативные решения, готовый подключиться сразу после того, как Торби запустит ракету, чтобы тут же выстрелить еще раз. Торби по-прежнему ничего не замечал.

Внезапно динамик заговорил низким голосом капитана Краузы: – Стрелок правого борта... вам нужно помочь маневром?

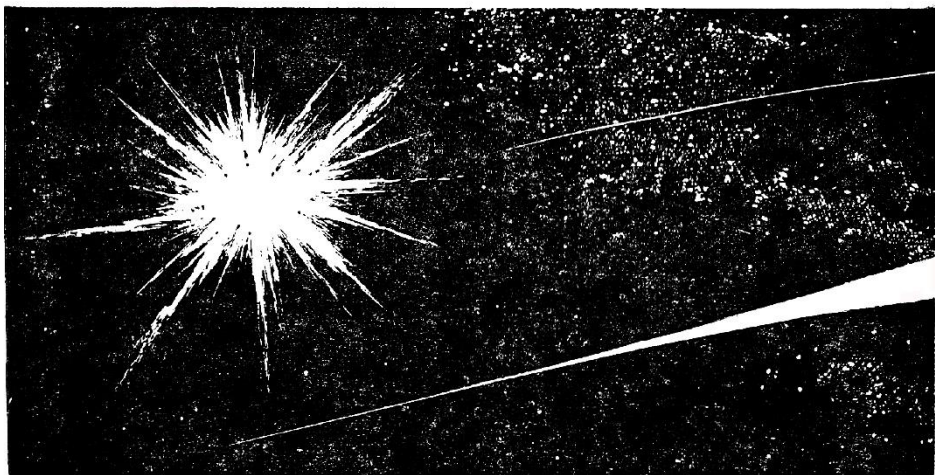
Торби не слушал. Джери посмотрел на него и ответил:

– Не советую, капитан.

– Очень хорошо.

Старший стрелок левого борта, грубо нарушая требования устава, примчался в компьютерную и, утирая пот со лба, наблюдал за безмолвным поединком. Торби его не замечал. Для него в этот момент существовали только рукоятки, клавиши и кнопки, ставшие продолжением его собственной нервной системы. И даже когда ему нестерпимо захотелось чихнуть, Торби подавил это желание, даже сам того не заметив.

Сверившись с последними данными, он ввел тончайшие поправки, автоматическим движением нащупал кнопку и

отдал команду запустить ракету в момент достижения расчетной кривой максимума. Двумя секундами позже атомная ракета покинула пусковую шахту и легла на курс.

Джери потянулся к переключателю, но его рука замерла на полпути; Торби отчаянно застучал по клавишам, запуская вторую ракету по траектории, вычисленной с поправкой на возможное выключение целью двигателей. Затем поток данных прервался; корабль ослеп: его коснулся парализующий луч.

Последующий анализ показал, что луч действовал семьдесят одну секунду. Джери пришел в себя, когда луч исчез; он увидел, как Торби ошеломленно осмотрел свой терминал и вновь начал лихорадочно действовать, подготавливая очередную пуск в соответствии с последними полученными им данными.

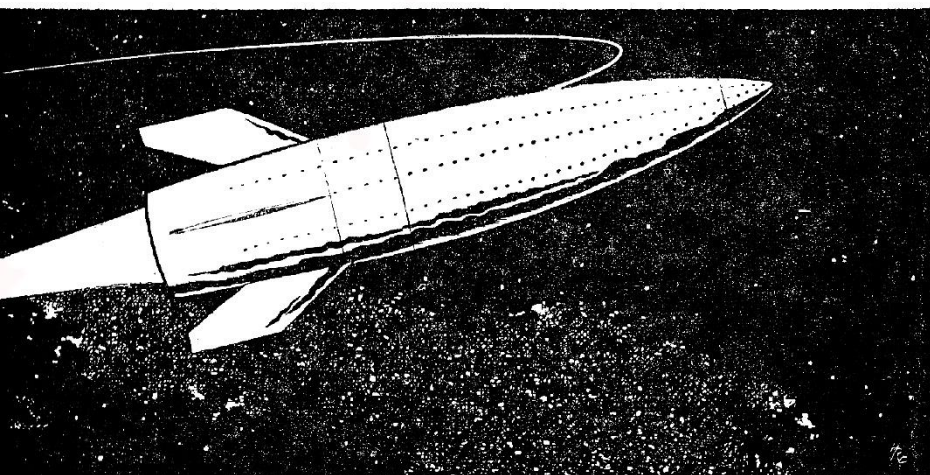
Джери положил ему на плечо руку:

– Бой окончен, Торби.

– Что?

– Ты накрыл его. Отличный выстрел. Мата могла бы гордиться тобой.

Ослепшие «глаза» корабля ремонтировали целый день, а тем временем капитан продолжал разгон: ничего другого

ему не оставалось делать. Наконец «Сису» вновь обрел зрение и двумя днями позже благополучно нырнул в безопасный мрак многомерного пространства. Этим же вечером в честь Торби был дан обед.

Бабушка произнесла обычную речь, вознеся благодарственную молитву за спасение семьи. И не кто иной, как сын «Сису», ныне сидящий рядом с ней, был орудием счастливого, но совершенно заслуженного избавления. Затем старший офицер вновь откинулась на подушки и приступила к еде; ей прислуживала невестка.

Торби не радовала выпавшая на его долю честь. Он с трудом припоминал ход поединка, и ему казалось, что его чувствуют по ошибке. Он долгое время провел в полузабытьи, и лишь теперь к нему вновь возвращалось понимание происходящего и заработало его воображение.

Он понимал, что это были всего лишь пираты. Пираты и работорговцы, они пытались захватить «Сису» и продать в рабство семью. Сколько Торби помнил себя, он ненавидел работорговцев – не просто безликий институт рабства, а именно работорговцев он ненавидел с младых ногтей, еще до того, как узнал это слово.

Он был уверен, что папа одобрил бы его; он знал, что тот при всей его мягкости укоротил бы всех работоторговцев в Галактике, не проронив и слезинки.

И тем не менее Торби не чувствовал себя счастливым. Он продолжал думать о живом корабле, на который вдруг обрушилась смерть, превратив его в сгусток излучения. Он посмотрел на свой указательный палец и задумался. Его занимала извечная дилемма, которая преследует всех людей с несложившейся системой ценностей, людей, едящих мясо, но предпочитающих, чтобы туши свеживал кто-нибудь другой.

Трое суток перед званым обедом Торби не спал, и это было по нему видно. Он начал нехотя ковыряться в еде.

Проглотив очередной кусок, он вдруг заметил, что на него внимательно смотрит бабушка. Торби поперхнулся, забрызгав парадную куртку.

– Что с тобой? Уснул? – сердито заговорила старший помощник.

– Ох, извините, бабушка. Вы что-то мне говорили?

Торби уловил предостерегающий взгляд матери, но было уже поздно. Бабушка насупилась:

– Это я жду, когда ты мне что-нибудь скажешь.

– Да, да... сегодня чудесный день...

– Не вижу в нем ничего особенного. Видишь ли, в космосе редко бывает плохая погода.

– Я хотел сказать, что у нас отличный обед. Просто прекрасный. Спасибо вам за то, что устроили его, бабушка.

– Это уже лучше. Не забывайте, молодой человек: когда джентльмен обедает с дамой, он должен поддерживать приятную беседу. Может быть, у фраки это и не принято, но Народ соблюдает это правило неукоснительно.

– Да, бабушка. Благодарю вас, бабушка.

– Давай-ка начнем сначала. Мы все рады присутствовать на этом обеде. Да. Мы стараемся сделать так, чтобы каждый из нас чувствовал себя равным другим членам семьи, и для этого мы стремимся оценивать заслуги каждого по

достоинству. Приятно иметь случай – наконец-то – согласиться с остальной семьей в признании твоего достоинства... достойного всякой похвалы, а может – даже исключительного. Поздравляю тебя. А теперь твоя очередь.

Торби залился румянцем.

Бабушка слегка поморщилась и спросила:

– Как ты готовишься к встрече?

– Я не знаю, что делать, бабушка... видите ли, я не умею ни петь, ни танцевать, играю только в шахматы и в мяч. К тому же я ни разу не бывал на встречах. Я даже понятия не имею, что это такое.

– Конечно же не имеешь...

Торби почувствовал себя виноватым.

– Бабушка... – произнес он, – должно быть, вы побывали на очень многих встречах. Расскажите мне о них.

Это был удачный ход. Бабушка расслабилась, заулыбалась и, понизив голос, заговорила:

– Знаешь, теперь уж не бывает встреч, какие я видывала в свои молодые годы...

С этого момента Торби открывал рот только для того, чтобы издать очередное восхищенное восклицание. Семье пришлось очень долго ждать, пока бабушка разрешит встать из-за стола.

– ...и у меня была масса предложений от сотни кораблей, вот что я тебе скажу. Я была восхитительным созданием с маленькой ножкой и вздернутым носиком. Многие предлагали моей бабушке соблазнительные условия, но я знала, что мое место – на «Сису», и сумела настоять на своем. Ах как я была резва! Танцевала всю ночь напролет, а к утру вновь была свежа, словно...

В общем, если обед и не очень удался, то и провала не было.

Поскольку у Торби не нашлось никаких талантов, он стал актером.

Тетку Торби, главного распорядителя продовольственного склада и лучшего повара семьи, охватил литературный зуд в самой его тяжелейшей форме: тетя Афина Крауза-Фогарт разродилась пьесой. Произведение, описывавшее жизнь первого капитана Краузы, должно было продемонстрировать безупречный аристократизм семьи «Сису». Первый Крауза представал в виде святого с сердцем из стали. Преисполненный отвращения к мерзким фраки, он построил «Сису» (сам, в одиночку) и возвел на борт свою супругу (в черновике она значилась под фамилией Фогарт, но, прежде чем передать рукопись для прочтения бабушке, в текст вставили ее девичью фамилию) и своих замечательных детей. На последних страницах пьесы описывалась волнующая сцена: «Сису» взмывает ввысь, чтобы нести свет культуры и процветание в самые далекие уголки Галактики.

На роль первого Краузы назначили Торби. Услышав об этом, он едва не лишился дара речи, ведь он проходил пробу только потому, что ему велели. Тетка Афина была поражена не меньше его самого и, читая вслух список артистов, запнулась и прочитала имя Торби еще раз. Однако бабушка, казалось, была довольна. Она посещала репетиции и даже сделала несколько замечаний, с благодарностью принятых автором.

Главную женскую роль играла Лоан Гарсиа, девушка, недавно пришедшая в семью с «Эль-Нидо». Торби не подружился с девушкой, полученной кораблем в обмен на Мату; он не имел ничего против нее, просто не хотелось. Однако найти общий язык с Лоан оказалось нетрудно. Это была темноволосая симпатичная девушка с приятными манерами. Тем не менее, когда ему велели в нарушение всех запретов поцеловать ее на виду у бабушки и прочих зрителей, он перепутал все слова роли.

После его первой попытки бабушка с отвращением воскликнула:

– Что ты делаешь? Собираешься укусить ее? И не отпускай ее сразу, будто она радиоактивна! Это же твоя жена,

болван! Ты только что привел ее на свой корабль и остался наедине со своей любимой женщиной! Давай же! Нет, нет! Афина!

Торби огляделся невидящим взором, но тем не менее заметил Фрица. Глаза того были выпучены, на губах играла блаженная улыбка.

– Афина! Подойди сюда, дочка, и покажи этому недотепе, как нужно целовать женщину! Поцелуй его сама, а потом пусть он попробует еще раз. Все по местам!

Тетка Афина была вдвое старше Торби, и он стеснялся ее гораздо меньше. Он неуклюже последовал ее наставлениям и наконец сумел поцеловать Лоан, не упав от этого в обморок.

Вероятно, это была хорошая пьеса; она очень понравилась бабушке, которая с нетерпением ожидала увидеть ее во время встречи.

Но на Вуламурре бабушка умерла.

Глава 13

Вуламурра – утопающая в зелени планета первопроходцев, только что принятая в состав Терранской Гегемонии; на ней «Сису» сделал последнюю остановку перед тем, как направиться напрямик к месту, где должна была состояться встреча. Здесь было вдоволь продовольствия и сырья, а местные фраки с удовольствием скупали промышленные товары. «Сису» распродал множество лозианских изделий и драгоценностей с Финстера. Однако Вуламурра крайне скупно отпускала товары, которые могли бы принести значительную прибыль, и атомное топливо здесь было дорогим: планета относилась к разряду слаборазвитых и неохотно расставалась с радиоактивными материалами, в которых так нуждалась зарождающаяся местная промышленность.

Поэтому урана «Сису» приобрел немного, но вдоволь отборного мяса и прочих деликатесов. Семья всегда стремилась иметь на своем столе изысканную пищу; сейчас в

трюмы корабля было загружено гораздо больше продовольствия, чем мог съесть экипаж, однако этими лакомствами можно было похвастаться на встрече.

За остальное планета расплатилась тритием и дейтерием. Первоначально построенная здесь фабрика водородных изотопов предназначалась для нужд кораблей Гегемонии, однако продукции фабрики хватало всем. В последний раз «Сису» заправлялся на Джаббале, так как лозианские корабли приводятся в движение другими ядерными реакциями.

Несколько раз Торби вместе с отцом выходил в порт Нью-Мельбурн. Здесь был в ходу английский Системы; Крауза знал этот язык, но местные фраки проглатывали окончания и растягивали гласные, так что капитан понимал едва ли половину. Но для Торби в местном произношении не было ничего странного, – казалось, будто он уже слышал когда-то такое. Поэтому Крауза брал его с собой в качестве переводчика.

В этот день им предстояло завершить сделку по приобретению топлива, для чего требовалось подписать разрешение на частную сделку. Затем подписанные документы следовало заверить в Центральном банке и отвезти на топливную фабрику. После того как на всех бумагах появились печати и были внесены необходимые суммы, капитан сел поболтать с директором. Крауза умел держать себя с фраки на равных и дружелюбно, ничем не показывая, что их разделяет колоссальная социальная пропасть.

Пока они болтали, Торби мучился сомнениями. Директор рассказывал о Вуламурре:

– Любой толковый мужик с крепкими руками и головой, способный держать ушки на макушке, может отправиться в незаселенный район, получить землю и ковать свое счастье.

– Вне всякого сомнения, – согласился капитан. – Я видел ваш мясной скот. Эти животные просто великолепны.

Торби тоже согласился. Быть может, на Вуламурре не хватало асфальта, театров и водопровода, но возможностей

на планете было через край. Кроме того, это был симпатичный приятный мир, в котором витал дух свободы. Доктор Мейдер словно бы именно его имела в виду, когда советовала: «...дождись, когда корабль опустится на планету, где царят свобода, демократия и гуманизм и беги отсюда прочь!»

Жизнь на «Сису» в последнее время стала более приятной, хотя теперь он лучше осознавал всеобъемлющее, всеподчиняющее воздействие семьи на его личную жизнь. Юноше даже начинало нравиться быть актером; сцена оказалась презабавным местом; он даже научился обниматься так, что на лице бабушки появлялась улыбка. Помимо прочего, хотя все происходило лишь на сцене, обнимать Лоан было очень приятно. Она целовала его и шептала: «Мой муж! Мой благородный муж! Мы вместе покорим Галактику!»

От ее слов у Торби мурашки пробегали по телу. Он считал, что Лоан – великолепная актриса.

Они очень подружились. Лоан было любопытно узнать, чем занимается бортовой стрелок, и как-то раз под бдительным присмотром двоюродной бабушки Торы юноша устроил ей экскурсию в компьютерную.

На лице девушки появилось восхитительное выражение замешательства.

– Что такое N-пространство? Мы видим глазами длину, ширину, толщину... неужели могут быть и иные измерения?

– Давай обратимся к логике. Ты ощущаешь четыре измерения... те три, о которых ты уже говорила, плюс четвертое – время. Его ты не видишь, но измерить можешь.

– Да, но при чем здесь логика?

– Сейчас поймешь. Что такое точка? Это некое место в пространстве. Но представь себе, что нет никакого пространства, даже четырех обычных измерений. Пространства нет. Можно ли в таких условиях представить себе точку?

– Я как раз об этом думаю.

– Об этом нельзя даже думать, не думая одновременно о пространстве. Если ты представляешь себе точку, то думаешь о том, что она расположена в каком-то конкретном месте. Скажем, ты выбираешь линию и представляешь себе точку на этой линии. В общем, точка – это какое-то определенное место, и, если это место некуда поместить, точка обращается в ничто. Понимаешь?

– Послушайте, дети, – вмешалась двоюродная бабушка Тора. – Нельзя ли продолжить ваш разговор где-нибудь в другом месте? У меня ноги устали.

– Простите, двоюродная бабушка Тора. Обопритесь на мою руку.

Беседу продолжили в кают-компании.

– Так ты уяснила себе, что для существования точки нужна линия?

– Кажется, да. Если у точки нет возможности где-то находиться, ее нет вообще.

– А теперь подумаем о линии. Ты согласна с тем, что она не может существовать без поверхности?

– О, это уже сложнее.

– Но если ты сумеешь это себе представить, то справишься и с остальным. Линия – это упорядоченная последовательность точек. Но откуда берется порядок? Оттого что линия лежит на поверхности. Если линия не принадлежит никакой поверхности, она просто схлопывается в саму себя. У линии ведь нет ширины. Ты даже не увидела бы, что она схлопнулась, ведь тебе не с чем ее сравнить. Потому что если ее точки не расположены в «упорядоченной последовательности», то, значит, все они одинаково близки друг к другу. Это не линия, а полный хаос. Понимаешь?

– С трудом.

– Итак, точке нужна линия, а линии – поверхность. В свою очередь поверхность должна быть частью трехмерного пространства, иначе ее структура тоже разрушается. Трехмерное пространство должно быть частью гиперпространства, которое его вмещает... и так далее. Каждое измерение

нуждается в еще более высоком измерении, иначе геометрия не может существовать. Само пространство не может существовать. – Торби хлопнул по столу. – Но пространство существует, отсюда мы знаем, что гиперпространство тоже существует, несмотря на то что мы его не видим, как не видим протекающие секунды.

– Но эта цепочка должна на чем-то закончиться!

– Ничего подобного. Размерность пространства бесконечна.

Девушка поежилась:

– Это пугает меня.

– Не бойся. Даже главный механик имеет дело лишь с первой дюжиной размерностей. Кстати, когда корабль покидает физическое пространство, мы все как бы выворачиваемся наизнанку. Ты это замечаешь?

– Нет. Мне в это не верится.

– Это трудно себе представить, поскольку у нас нет соответствующих органов чувств. Переход может произойти в тот самый момент, когда ты ешь суп, но ты даже капли не прольешь, несмотря на то что суп тоже выворачивается наизнанку. Это всего лишь математическая концепция, вроде корня квадратного из минус единицы, но с этой самой концепцией мы соприкасаемся, переходя скорость света. Нет нужды видеть многомерное пространство, ощущать его или понимать; нужно лишь разработать соответствующие логические символы. Однако многомерное пространство вполне реально, если только слово «реальность» вообще что-то значит. До сих пор никто не видел электрона. И мысли тоже. Ты не можешь видеть мысль, не можешь измерить, взвесить, попробовать на вкус, тем не менее «мысли – это одна из самых реальных вещей в Галактике», – процитировал Торби Баслима.

Она с восхищением посмотрела на него:

– Ты, должно быть, страшно умен, Торби. «Никто не может увидеть мысль...» Мне это нравится.

Торби с достоинством выслушал похвалу.

Вернувшись в каюту, он застал Фрица, который читал, лежа в постели. После разговора с приятным собеседником Торби пребывал в приподнятом настроении.

– Привет, Фриц! Учишься? Или прожигаешь свои молодые годы?

– Ага, учусь. Изучаю изобразительное искусство.

Торби скользнул взглядом по обложке:

– Смотри, как бы бабушка тебя не поймала.

– Ну, я же должен был запастись товаром для этих чокнутых слизняков с Финстера?

Вуламурра была «цивилизованной планетой», и холостяки восполнили свои запасы образчиков «истинного искусства».

– А ты выглядишь так, будто тебе удалось сбить цену у лозианина. Чего ты такой довольный?

– Только что поболтали с Лоан. Я немножко просветил ее насчет N-пространства... просто удивительно, как быстро она все схватывает.

– Да, Лоан умная девушка, – рассудительно произнес Фриц. – Когда же бабушка объявит о помолвке?

– О чем ты?

– Что, помолвка не состоится?

– Что за глупости!

– Мм... хорошая у тебя подружка. И умная к тому же. Знаешь ли ты, насколько она умна?

– Ну?

– Она настолько способный человек, что ей доверили преподавать в школе «Эль-Нидо». Ее специальностью была математика. Точнее – многомерная геометрия.

– Не может быть!

– Я случайно видел ее документы... впрочем, спроси сам.

– И спрошу! Почему же она не преподает математику на нашем корабле?

– Об этом надо спросить бабушку. Послушай, Торби, мой тощий недоразвитый братец, мне иногда кажется, что в детстве тебя уронили на голову. Несмотря на все эти

недостатки, я люблю тебя за ту неуклюжую элегантность, с которой ты вытираешь слюну со своего подбородка. Хочешь выслушать совет старшего мудрого брата?

– Говори. Все равно ведь не замолчишь.

– Спасибо. Лоан – чудесная девушка, и я полагаю, что было бы приятно решать вместе с ней уравнения до последнего дня твоей жизни. Но мне нестерпимо видеть человека, который делает покупку, не обойдя прежде всего рынка. Если ты продержишься хотя бы до следующего прыжка, ты увидишь, что у Народа есть еще несколько хорошеньких девушек. Несколько тысяч.

– Но я вовсе не ищу себе жену!

– Ну-ну... это в конце концов одна из обязанностей мужчины. Все же подожди встречи, и тогда мы займемся покупками. А теперь умолкни, я возвращаюсь к изучению искусства.

– Можно подумать, это я болтаю!

Торби не стал спрашивать у Лоан, чем она занималась на «Эль-Нидо», но теперь у него открылись глаза, и он понял, что, сам того не зная, играл главную роль в спектакле «Уха-жер». Это его испугало. Торби припомнил совет доктора Мейдер: «Прежде чем бабушка решит женить тебя, беги... иначе тебе конец!»

Отец болтал с представителем вуламурской администрации, а Торби продолжал мучиться сомнениями. Не покинуть ли «Сису»? Если уж он не собирается всю жизнь быть торговцем, то лучше всего сделать это сейчас, пока он холост. Разумеется, можно было потянуть время, как Фриц. Нельзя сказать, что Торби начал хуже относиться к Лоан, даже несмотря на то, что она его одурачила.

Но если он хочет распрощаться с кораблем – а Торби не сомневался в том, что не сможет долго терпеть размеренную монотонную жизнь торговца, – то Вуламурра была лучшим местом для исполнения подобного замысла, и другой такой возможности могло не представиться долгие годы. Ни каст,

ни гильдий, ни бедности, ни иммиграционных законов – да они готовы были принять даже мутанта! Торби встречал здесь шестипалых, волосатых, альбиносов, людей с волчьими ушами, гигантов и других уродцев. Вуламурре пригодился бы любой, лишь бы он мог работать.

Что ему делать? Сказать: «Простите, пожалуйста», выйти из каюты и бежать без оглядки? Или «заблудиться» и ждать, пока корабль стартует? Нет, так поступить ни с отцом, ни с «Сису» Торби не мог – он был слишком многим обязан им обоим.

Что же тогда? Заявить бабушке, что он хочет уйти? Она отпустит его в безжизненное пространство, между звездами! Бабушка сочтет желание покинуть «Сису» величайшим из грехов.

Кроме того... Приближается встреча. Торби испытывал неодолимое желание увидеть это зрелище. К тому же было бы нехорошо уйти, так и не сыграв в пьесе. Торби не придумывал себе причин для отсрочки; уже заболев сценой, он все еще думал, что не хочет играть героя мелодрамы. Так ему казалось, а на самом деле не терпелось показаться у рампы.

Окончательное решение придется отложить.

Капитан Крауза притронулся к его плечу:

– Нам пора.

– Ох, извините, отец... я задумался.

– Это хорошее дело, продолжай напрягать мозги. Прощайте, директор, и спасибо. Надеюсь, встретиться с вами во время следующего визита на вашу планету.

– Вряд ли вы найдете меня здесь. Я собираюсь уволиться с фабрики и пойти куда глаза глядят. Возьму землю. Если вам прискучат стальные палубы, место на Вуламурре для вас всегда найдется. И для вашего парнишки.

Лицо Краузы ничем не выдавало охватившего его отвращения.

– Благодарю вас. Но мы, торговцы, даже представления не имеем, с какого конца братья за плуг.

– Что ж, каждой кошке своя крыса.

Когда они вышли на улицу, Торби спросил:

– Что он хотел сказать, отец? Кошек я видел, но что такое крыса?

– Животное вроде сорси, только более тощее и злое. Но директор имел в виду, что каждый человек должен быть на своем месте.

– О!

Некоторое время они шли молча, и Торби размышлял, на своем ли месте он находится сейчас.

Капитан Крауза думал о том же. Недалеко от «Сису» стоял еще один корабль, и, глядя на него, Крауза испытывал угрызения совести. Это было почтовое судно Гегемонии, экипаж которого составляла гвардия. В памяти Краузы неумолчно звучали слова Баслима: «...как только появится возможность, передай мальчика командиру любого военного корабля Гегемонии».

Стоявший рядом корабль не был «военным», но это не имело значения: намерения Баслима были совершенно ясны, и этот корабль вполне отвечал требованиям. Долги надо платить. К сожалению, мать поняла эти слова буквально. Капитан понимал отчего: она решила предъявить мальчика на встрече. Она собиралась извлечь максимальную выгоду из того факта, что «Сису» платит долги Народа. Что ж, это можно было понять.

Но это несправедливо по отношению к мальчику! Или?..

У Краузы были свои причины взять Торби на встречу. Он нисколько не сомневался, что родственники мальчика были из Народа, и надеялся отыскать подтверждение этому в архиве Коммодора.

С другой стороны... Он был согласен с решением матери насчет Маты Кингсольвер. От этой кокетки, которая едва не загнала парня в угол, надо было избавиться как можно скорее. Но неужели мать не подумала, что теперь он понимает, для чего все это было сделано?

Нет, он не должен был позволять! Во имя «Сису», нет! Конечно, мальчик слишком юн, и свадьбу следовало

отложить – по крайней мере до тех пор, пока не удастся доказать, что Торби родился среди Народа. Тогда можно было бы считать, что долг Баслиму уплачен.

Однако, глядя на стоящий поодаль почтовый корабль, Крауза понимал, что, хотя он и обвиняет мать в нежелании честно выполнить пожелание Баслима, сам он поступает ничуть не лучше.

Но ведь он делает это ради самого парня!

Как же поступить честно?

Что ж, есть один честный выход. Взять парня и в его присутствии открыть матери все карты. Полностью объяснить Торби смысл послания Баслима. Сказать ему, что сейчас есть возможность посадить его на почтовый корабль и отправить в Центральные миры. Растолковать, что он должен делать, чтобы отыскать свою семью. Но прежде объяснить ему, что он, Крауза, также считает, что Торби рожден среди Народа и что эту возможность нужно исследовать в первую очередь. И кстати, прямо сказать ему, что мать пытается связать его женитьбой. Вероятно, она поднимет шум и начнет цитировать закон, но тут уж ничего не поделаешь: данный случай не касается старшего помощника; Баслим возложил эту обязанность на Краузу. К тому же поступить так было бы справедливо: парень должен выбрать сам.

Держась строго и подтянуто, но подавляя внутреннюю дрожь, капитан отправился к матери.

У выхода из лифта их ожидал боцман:

– Старший помощник выражает вам свое почтение и желает встретиться с капитаном Краузой.

– Вот так совпадение, – мрачно сказал капитан. – Пойдем, сынок. Встретимся с ней вдвоем.

– Да, отец.

Пройдя по коридору, они оказались у каюты старшего помощника. Жена Краузы стояла у дверей.

– Здравствуй, дорогая. Боцман сказал, что мать посылала за мной.

– Это я посылала.

– Значит, он что-то спутал. Хорошо, только, пожалуйста, говори побыстрее. Мне нужно увидеться с матерью немедленно.

– Он ничего не перепутал. Тебя действительно вызвала старший помощник.

– Что?

– Капитан, ваша мать умерла.

Капитан выслушал эти слова с каменным лицом, но затем их смысл дошел до его сознания. Тогда, распахнув дверь, он ринулся к постели матери, упал на колени и обнял маленькую опустевшую оболочку. Из груди его вырвались глухие страшные звуки, говорящие о глубокой скорби, которая ломает самых крепких людей, когда они уже не в силах носить ее в себе.

Торби смотрел на происходящее с благоговейным ужасом и, вернувшись к себе, погрузился в раздумья. Юноша пытался понять, отчего ему так скверно. Он не любил бабушку; собственно, она ему даже не нравилась.

Так почему же он чувствует себя таким потерянным? Почти так же, как после смерти папы. А ведь папу он любил, а ее – нет.

Оказалось, что не он один в таком состоянии; весь корабль был потрясен. На борту не было ни одного человека, который мог бы представить себе «Сису» без бабушки; она и была «Сису». Словно вечное пламя, двигавшее корабль, она была его неисчерпаемой движущей силой, активной, незаменимой и неизменной. И внезапно она исчезла.

Она стала придремывать, как обычно поворчав по поводу того, как плохо соблюдается распорядок дня на Вуламурре, – но что поделаешь с этими фраки! Но она заснула, следуя многолетней привычке, которую не могли нарушить никакие расписания.

Когда ее невестка пришла, чтобы разбудить бабушку, та уже спала вечным сном.

Блокнотик, лежащий у кровати, был испещрен множеством записок. «Поговорить с сыном об этом». «Велеть Торе

сделать то». «Гл. мех. – проверить температурный режим». «Обсудить с Афиной праздничное меню». Рода Крауза вырвала листок, разгладила его и вызвала боцмана, чтобы тот нашел ее супруга.

Капитан не стал обедать. Из зала убрали бабушкино кресло; на его месте расположилась новая старший помощник. Поскольку капитан отсутствовал, она дала знак главному механику; тот, в согласии с ритуалом, сначала предложил прочесть по усопшей молитву; старший помощник вторила ему в нужных местах. Обед проходил в молчании. Похороны отложили до встречи.

Старший помощник поднялась с места.

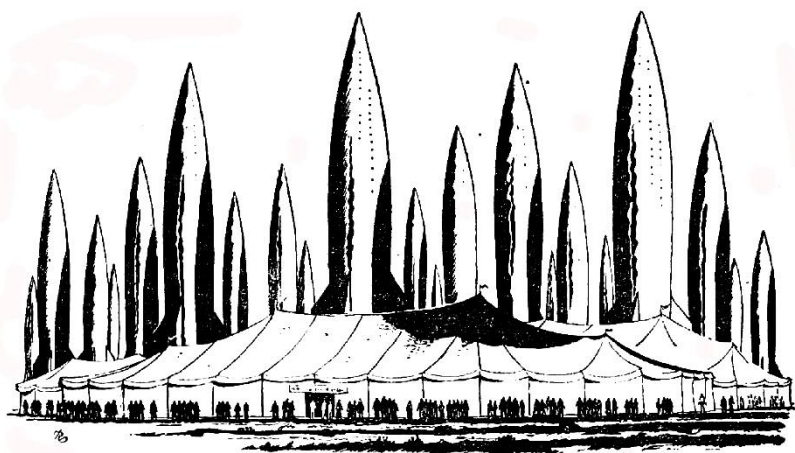
– Капитан хотел бы сообщить, – произнесла она тихим голосом, – что он благодарит всех, кто пытался с ним встретиться. Он приступит к своим обязанностям завтра. – Она немного помолчала. – «Атомы приходят из космоса, атомы возвращаются в космос. Дух „Сису“ пребывает вовеки».

И внезапно Торби ощутил, что он больше не одинок.

Глава 14

Большая встреча превзошла все ожидания Торби. Корабли тянулись многомильной вереницей, более восьмисот вольных торговцев расположились концентрическими окружностями вокруг площадки диаметром в четыре мили. «Сису» занял место на внутренней дуге – что порадовало мать Торби – рядом с кораблями, о существовании которых юноша и не подозревал: «Кракен», «Деймос», «Джеймс Б. Куинн», «Светлячок», «Бон-Марше», «Дом Педро», «Цеквадрат», «Омега», «Эль-Нидо», – Торби вспомнил о Мате, – «Святой Кристофер», «Вега», «Вега-прим», «Галактический банкир», «Цыганочка», – Торби торопливо набрасывал схему расстановки кораблей, – «Сатурн», «Чан», «Сельская лавочка», «Джозеф Смит», «Алоха»...

Их было слишком много. Можно было осмотреть большую их часть, если посещать по десять кораблей за

день. Но были и другие дела, и поглазеть было на что. Торби отбросил такую мысль.

Внутри круга был выстроен огромный временный стадион, он был намного больше Нового амфитеатра в Джаббалпуре. Здесь должны были происходить выборы, погребения и свадьбы, атлетические состязания, представления и концерты. Торби вспомнил о том, что ему предстоит участвовать в спектакле, – и его охватила сценическая лихорадка.

Между стадионом и кругом кораблей оставили место для лавочек, аттракционов, игровых площадок, образовательных и развлекательных выставок, палаток торговцев, танцевальных залов, которые не закрывались круглые сутки, стендов с техническими новинками, шатров гадалок, столиков для азартных игр, баров под открытым небом, прилавков с прохладительными напитками, где было все – от соков ягод с Плеяд до бурой жидкости, выдаваемой за старинную кока-колу с Терры, производимую нынче на Гекате.

Попав в этот водоворот, Торби чувствовал себя так, будто он вновь бродит по Веселой улице – широкой, пестрой и раз в семь более многочисленной. Нынче у фраки была возможность сказочно разбогатеть, дурача хитрейших деляг в Галактике. В этот день люки на кораблях были распахнуты настежь, торговцы чувствовали себя свободными, и местные купцы вполне могли продать вам вашу же шляпу, стоило лишь на секунду оставить ее на прилавке.

Фриц взял Торби с собой, дабы уберечь от неприятностей, хотя и сам не слишком разбирался, что к чему: до сих пор он побывал лишь на одной большой встрече. Старший помощник обратилась к молодым людям с наставлением, напомнив, что «Сису» всегда отличался безупречной репутацией, а затем выдала каждому по сотне кредитов, предупредив, что эти деньги надо растянуть до конца встречи.

Фриц посоветовал Торби оставить большую их часть на борту:

– Поиздержавшись, мы сможем выпросить у отца еще немного. Но таскать с собой всю сумму просто глупо.

Торби не возражал. Он не удивился, почувствовав в кармане руку воришки. Схватив его за кисть, он повернулся, чтобы взглянуть, кого поймал.

Сначала вернул себе свой бумажник, потом внимательно пригляделся к карманнику. Это был совсем юный чумазый фраки, который до боли в сердце напомнил Торби о Зигги, только у этого парнишки были целы обе руки.

– Ничего, в другой раз повезет, – утешил его Торби. – У тебя еще нет навыка.

Мальчишка, казалось, был готов заплакать. Торби уже хотел было его отпустить, но спохватился:

– Фриц, проверь свой бумажник.

Фриц зашарил по карманам. Бумажник исчез.

– Ах чтоб меня...

– Давай его сюда, малыш.

– Я не брал! Отпустите меня!

– Давай, давай... пока я не открыл тебе башку!

Наконец мальчишка вытащил бумажник Фрица, и Торби отпустил его.

– Зачем ты это сделал? – спросил Фриц. – Я уже искал полицейского.

– Именно поэтому.

– Что? Скажи толком.

– Когда-то я пытался освоить эту профессию. Это не так-то просто.

– Ты? Неудачная шутка, Торби.

– А ты помнишь меня? Бывшего фраки, сына нищего? У меня приступ ностальгии из-за этой нелепой попытки перераспределить наши богатства. Знаешь, Фриц, там, где я вырос, карманники имели определенный статус. Я же был простым нищим.

– Только не рассказывай об этом матери!

– Не стану. Но я – тот, кто я есть, я знаю, кем я был, и не собираюсь этого забывать. На карманника я так и не выучился, но нищим я был хорошим. Меня учил настоящий мастер. Мой папа. Баслим Калека. Я не стыжусь его, и никакие законы «Сису» не заставили бы меня это сделать.

– А я и не пытался тебя стыдить, – спокойно ответил Фриц.

Они пошли дальше, протискиваясь сквозь веселящуюся толпу. Торби сказал:

– Не сгонять ли нам в рулетку? Мне кажется, я заметил, в чем тут дело.

Фриц покачал головой:

– Не стоит. Ты посмотри на эти так называемые выигрыши.

– Не хочешь – не надо. Меня, в сущности, интересовало, как они жульничают с этим колесом.

– Торби...

– Да? Чего это у тебя такая торжественная физиономия?

– Знаешь ли ты, кем на самом деле был Баслим Калека?

Торби задумался:

– Он был моим папой. Если бы он хотел, чтобы я знал о нем больше, то он бы мне рассказал.

– Мм... пожалуй, да.

– Ты что-то знаешь?

– Кое-что.

– Меня интересует одна вещь. Бабушка велела усыновить меня в уплату какого-то долга. О чем идет речь?

– Э-э-э... Я и так уже сказал достаточно.

– Как знаешь.

– К черту! Все равно все остальные об этом знают. И еще не раз скажут на нынешней встрече.

– Нет-нет, не позволяй себя уговорить, Фриц.

– Ну... видишь ли, Баслим не всегда был нищим.

– Я давно это понял.

– Не мне говорить о том, кем он был. Народ годами держал эти сведения в тайне. И никто не дал мне понять, что их можно разгласить. Но одно обстоятельство известно всему Народу... а ты теперь один из нас. Когда-то давным-давно Баслим спас целую семью. Народ никогда этого не забудет. Это была «Ганза» ... кстати, «Нью-Ганза» стоит вон там. Видишь? На ней щит нарисован. Большого я не могу тебе рассказать: на всю эту историю наложено табу – дело было настолько постыдным, что мы никогда о нем не говорим. Я и так сказал достаточно. Но ты можешь пойти на «Нью-Ганзу» и попросить показать тебе их старые журналы. Если ты объяснишь им, кто ты такой и какое отношение имел к Баслиму, они не посмеют тебе отказать. Хотя старший помощник после твоего визита запрется у себя в каюте и будет рыдать всю ночь.

– Хм... я не настолько хочу это знать, чтобы заставлять даму плакать. Ну что, Фриц? Покатаемся?

Так они и сделали – и Торби обнаружил, что даже после прыжков со сверхсветовой скоростью и ускорений в сотню g обыкновенные американские горки – развлечение чересчур возбуждающее. Он едва не потерял свой ланч.

Большая встреча, заполненная радостями и встречами старых и новых друзей, преследует также и серьезные цели.

Помимо похорон, поминальных служб по погибшим кораблям, свадеб, обменов юными девушками, здесь заключались сделки, затрагивавшие интересы всего Народа. Самыми важными были сделки по приобретению кораблей.

На Гекате были лучшие космоверфи во всей исследованной части Галактики. Точно, так же как у людей, потомство появлялось и у кораблей. К нынешнему дню «Сису» был явно перенаселен и располагал большим богатством в виде тория и урана; наступило время разделять семью. По меньшей мере треть всех семей испытывали острую потребность в жизненном пространстве; фраки – торговцы кораблями потирали руки, предвкушая, какими будут комиссионные. Однако звездолеты нельзя было продавать, как прохладительные напитки; порой маклеры и брокеры в своих мечтах возносились слишком уж высоко. Но, как бы то ни было, в течение ближайших недель предстояло продать около сотни кораблей.

Некоторые из них – новые суда, сошедшие со стапелей «Галактического транспорта, лтд», дочерней корпорации известных во всем цивилизованном мире «Галактических предприятий», либо «Корпорации космических инженеров», «Кораблей Гекаты», «Двигателей, инкорпорейтед», «Гаскомба и сыновей», – на торги пришли все гиганты промышленности. Предложения были на любой вкус. Брокер, не работающий на корпорации, мог иметь исключительное право на продажу подержанного судна или знать по слухам, где есть судно, владельцы которого могут заинтересоваться хорошей ценой, – любой мог поймать удачу за хвост – надо было только не зевать. Ярмарка близилась к концу, и это было самое подходящее время для того, чтобы обзванивать клиентов и потратиться на дорогостоящие послания через N-пространство.

Семья, которой не хватало места на корабле, могла решить свои проблемы двумя способами: купить новое судно

и разделиться, образовав две семьи, либо же объединиться с другим кораблем, чтобы купить третий, который принадлежал бы им на паях. Разделение повышало статус: это свидетельствовало о том, что семья состоит из умелых торговцев, которые могут обеспечить своим детям место в мире, не прибегая к посторонней помощи. Однако на практике обычно выбирали другой путь – объединение и приобретение судна в складчину, причем даже в этом случае нередко бывало так, что для выкупа нового корабля приходилось закладывать все три.

Последний раз «Сису» разделялся тридцать лет назад. Все эти годы семье сопутствовал успех, и она могла бы разделиться вновь уже самостоятельно. Однако десять лет назад на последней большой встрече бабушка предложила, чтобы «Сису» гарантировал оплату чужого новорожденного корабля – гарантировал вместе с кораблями-родителями. Новый корабль дал в честь «Сису» банкет и нырнул во тьму, из которой больше не возвращался. Космос беспределен. Помянем пропавший корабль на очередной встрече.

В итоге «Сису» пришлось выплачивать треть от сорока процентов стоимости пропавшего корабля, и это был тяжелый удар. Корабли-родители, разумеется, рассчитаются с «Сису»: долги должны быть оплачены, но после разделения они и так выжали из себя все, что могли, и от них оставались лишь кожа да кости. С неимущего должника требовать нечего: остается лишь ждать.

Бабушка была не глупа. Корабли-родители, «Цезарь Август» и «Дюпон», были родственно связаны с «Сису»; о своих надо заботиться. К тому же это была неплохая сделка: торговец, не желающий предоставлять кредит, очень скоро понимает, что и ему никто не поможет. Во всяком случае, «Сису» мог смело выписывать чек и рассчитывать на то, что он будет принят любым вольным торговцем с подобающим почтением.

Однако к моменту разделения семьи у «Сису» было меньше наличных, чем должно быть.

В первый же день по прибытии капитан Крауза посетил «Норберта Винера», на котором держал свой флаг коммодор. Супруга капитана осталась на борту, где у нее было забот выше головы: став старшим помощником, она почти не смыкала глаз. Сегодня она работала за письменным столом, иногда отвлекаясь на телефонные разговоры со старшими помощниками других кораблей по телефонной сети, установленной местными службами специально для встречи. Когда ей принесли поесть, она жестом велела отложить завтрак, но тот так и оставался нетронутым вплоть до возвращения ее мужа. Крауза вошел в каюту и устало опустился в кресло. Прежде чем заговорить, она подсчитала что-то на логарифмической линейке, а затем проверила ответ по калькулятору.

– Если взять корабль Гаскомба «Ф-два», то процент по кредиту будет чуть больше пятидесяти процентов.

– Рода, ты же знаешь: «Сису» не под силу приобрести корабль самостоятельно.

– Не торопись, дорогой. Вместе с нами подпишутся «Гас» и «Дюпон», а их подпись – то же самое, что наличные.

– Если им хватит на это денег.

– «Нью-Ганза» тоже присоединится – с учетом сложившихся обстоятельств – и...

– Рода! Две встречи назад ты была еще девчонкой, но все равно должна помнить, что тот долг лег равным бременем на всех, не только на «Нью-Ганзу». Это было единодушное решение.

– Я была достаточно взрослой, чтобы стать твоей женой, Фьялар! Не стоит читать мне законы. «Нью-Ганза» наверняка ухватится за эту возможность... если условия сделки останутся в тайне до окончания времен. Ты не ходил посмотреть на «Галактическую лямбду»?

– Мне незачем смотреть: я читал ее техническое описание. Слишком маленькая мощность.

– Ну ты даешь! Восемьдесят g ты называешь «слишком маленькой мощностью»?

– Если бы тебе пришлось сидеть в моем кресле, ты бы сказала то же самое. Корабли класса «Лямбды» проектировались для перевозки грузов в пределах Гегемонии: это все, на что они способны.

– Ты слишком консервативен, Фьялар.

– И таким останусь, если речь идет о безопасности судна.

– Не сомневаюсь. И мне придется искать решение, которое удовлетворило бы твои предрассудки. Ну что ж, «Лямбда» – лишь один из возможных вариантов. Есть еще... ну, ты знаешь, о чем я говорю. Можно купить за бесценок.

Крауза нахмурился:

– Несчастливый корабль.

– Да, придется его изрядно почистить, чтобы избавить тебя от этих мрачных мыслей. Но подумай о цене.

– Тут не только «мрачные мысли», сама знаешь, что это за корабль. Видишь ли, мне до сих пор ни разу не доводилось слышать о старшем помощнике, покончившем с собой. И о сошедших с ума капитанах я тоже не слыхал. Честно говоря, я удивлен, что они добрались сюда.

– Я тоже. Но, как бы то ни было, корабль здесь, и его выставят на продажу. А очистить можно любое судно.

– Не знаю, не знаю.

– Не будь суеверным, дорогой. Тут только надо потщательнее проводить обряд, а это уж ты оставь мне. Ну ладно, давай забудем об этом корабле. Мы можем скинуться с другим кораблем.

– А я думал, что ты решила взвалить это дело только на нас.

– Да нет, я просто прикидываю наши возможности. Кстати, у нас есть более важные дела, чем оснащение в одиночку нового корабля.

– Еще бы! Силовая установка, вооружение, начальный капитал, опытные офицеры на ключевых постах – да что

там, мы не сможем составить экипаж для двух кораблей. Да ты возьми хотя бы стрелков. Если...

– Не волнуйся. С этим мы справимся. Фьялар, ты не думал о том, чтобы стать заместителем коммодора?

Крауза осекся на полуслове:

– Рода! Ты не заболела?

– Нет.

– Я знаю десяток шкиперов, достойных занять это место. Я никогда не стану коммодором, и, что еще важнее, я не хочу им быть.

– Я могу согласиться на пост резервного заместителя: коммодор Денбо намерен подать в отставку сразу после того, как будет выбран новый заместитель. Можешь не сомневаться: уже на следующей встрече ты станешь коммодором.

– Просто нелепо!

– Почему мужчины так непрактичны? Фьялар, у тебя в голове только центр управления и дела торговли. Если бы я тебя не подталкивала, ты не смог бы стать даже заместителем капитана.

– Какая ты ненасытная, право!

– Я не жалею, мой милый. Тот день, когда я взшла на борт «Сису», был для меня большим днем. Но послушай меня. Нас поддержат многие, не только «Гас» и «Дюпон». Поможет любой корабль, с которым мы пожелаем объединиться. Я собираюсь отложить решение до окончания нынешних выборов. Все утро ко мне поступают разные предложения от сильных кораблей с хорошими связями. В конце концов остается «Нью-Ганза».

– И что же «Нью-Ганза»?

– Если ганзейцы назовут твое имя в нужный момент, ты будешь избран без голосования, всеобщим согласием.

– Рода!

– Тебе даже пальцем пошевелить не придется. И Торби тоже. Вы вдвоем покажетесь на людях и продемонстрируете свои мужественные натуры, далекие от политиканства. Я

сама все сделаю. Кстати, сейчас поздновато выводить из игры Лоан, но я сделаю все, чтобы прекратить это как можно быстрее. Ваша мать не видела всей перспективы целиком. Мне очень хочется, чтобы мои сыновья женились, но в нынешней обстановке очень важно, чтобы Торби не женился и не имел невесты до тех пор, пока не пройдут выборы. А теперь... ты уже был на флагманском корабле?

– Конечно.

– Так на каком корабле родился Торби? Это может иметь огромное значение.

Крауза вздохнул:

– Торби не рожден среди Народа.

– Что? Вздор! Ты хочешь сказать, что идентификация неточна... Так... Какой из пропавших кораблей нам подходит?

– Я же сказал: он не из Народа! Нет ни пропавших кораблей, ни исчезнувших детей – ничего, что подходило бы к его случаю. Он должен быть либо значительно старше, либо моложе, чем он есть.

Старший помощник покачала головой:

– Не верю.

– Или не хочешь верить?

– Я действительно не верю. Торби родился среди Народа. Об этом можно судить по его походке, по его манерам, его способностям... да вообще по нему самому! М-да... Я сама просмотрю эти досье.

– Давай. Если уж ты не веришь мне...

– Ну, Фьялар... Я же не говорила, что...

– А что же ты сказала? Скажи тебе, что снаружи идет дождь, когда ты этого не хочешь, и ты...

– Ах, милый! Ты же знаешь, что на Гекате в это время года не бывает дождей. Я только...

– О небо!

– Не выходи из себя. Капитану это не к лицу.

– А ты думаешь, капитану нравится, когда в его словах сомневаются на его собственном корабле!

– Прости, Фьялар. – Она понизила голос. – Я не хотела тебя обидеть. Если я расширю круг поисков или пороюсь в несистематизированных материалах – ты же знаешь, как неаккуратно относятся к данным о погибших кораблях, – мм... в общем, ты понимаешь, как было бы здорово, если бы еще до выборов удалось узнать, кто были родители Торби. И поскольку до тех пор я не разрешу ему жениться, известие о том, что сразу после выборов состоится помолвка, обеспечит нам мощную поддержку.

– Рода!

– Что, дорогой? Если удастся прояснить вопрос с семьей Торби, нас поддержит вся группа «Вега», особенно если мы выберем невесту среди их девушек...

– Рода!

– Не перебивай, дорогой.

– Дай и мне сказать. Капитану. Слушай, супруга: Торби родился среди фраки. Более того, Баслим был в этом уверен... и дал мне совершенно ясное поручение найти его семью. Я надеялся – да я и сам верил: архивы покажут, что Баслим ошибался. – Крауза нахмурился и закусил губу. – Крейсер из Гегемонии прибудет сюда через две недели. Тебе должно хватить этого времени, чтобы удостовериться, что я умею рыться в файлах не хуже любого клерка.

– Что ты имеешь в виду?

– А разве не понятно? Долги нужно возвращать... и нам предстоит еще одна плата.

Женщина внимательно посмотрела на капитана:

– Муж мой, ты сошел с ума?

– Мне это нравится ничуть не больше, чем тебе. Торби не только хороший мальчик; он еще и самый лучший стрелок из всех, какие у нас были.

– Стрелок! – с горечью ответила она. – Как ты можешь думать об этом? Фьялар, если ты воображаешь, что я позволю отдать одного из своих сыновей фраки... – Голос ее прервался.

– Он и есть фраки.

– Ничего подобного! Он – «Сису», так же, как и я. Меня приняли в семью так же, как и его. Мы оба – «Сису» и останемся ими навсегда.

– Это уж как тебе угодно. Я надеюсь, что в глубине души Торби всегда останется «Сису». Но долги должны быть оплачены.

– Этот долг отдан сполна, и уже давно!

– Записи это не подтверждают.

– Чушь! Баслим просил вернуть мальчика его семье. Какой-то семье фраки – если у фраки вообще бывают семьи. Так мы приняли Торби в свою семью, в свой клан и септ. Неужели это не лучший способ выполнить просьбу Баслима? Или ты считаешь более уместным вышвырнуть мальчика в какой-нибудь клоповник фраки? Или ты так низко ценишь «Сису»?

Она посмотрела на него, и Крауза с горечью подумал о том, что мнение, будто чистая кровь Народа гарантирует им высокие мыслительные способности, наверное, и вправду справедливо. В спорах с фраки он никогда не терял головы. Но мать – а теперь вот и Рода – всегда умела как-то так повернуть дело, что он оказывался не прав.

Но если мать, как бы тверда она ни была, никогда не требовала невозможного, то Рода... что ж, она стала старшим помощником лишь недавно... И Крауза сдержанно произнес:

– Старший помощник, эта обязанность возложена лично на меня, а не на «Сису». И у меня нет иного выбора.

– Вот как? Что ж, капитан, мы еще вернемся к этому разговору. А теперь, со всем уважением к вам, сэр, у меня еще масса дел.

Торби прекрасно проводил время на встрече, но все же не так весело, как он ожидал; мать частенько вызывала его к себе, когда с визитами на «Сису» прибывали старшие помощники других кораблей. Порой они являлись со своими дочками и внучками, и Торби приходилось развлекать девушек, пока старшие вели свои беседы. Он старался изо всех

сил и уже очень скоро мог запросто грубовато трепаться со сверстниками. И даже научился изображать что-то вроде танца, куда лучше тех бедолаг, у кого обе ноги левые или коленки сгибаются не в ту сторону. И теперь он мог без содрогания и озноба брать девушку за талию под звуки музыки.

Гости расспрашивали его о папе. Он старался отвечать вежливо, но его раздражало то обстоятельство, что, казалось, все знали о Баслиме больше, чем он. Разумеется, за исключением действительно важных вещей.

Однако светские обязанности, оказывается, можно было поделить. Торби сообразил, что он младший сын, а старший, Фриц, тоже не женат, и обратился к нему за помощью, обещая вернуть этот должок позже.

Фриц в ответ рассмеялся:

– Что такого ты можешь предложить мне взамен времени, проведенного на встрече?

– Ну...

– Вот-вот. А если серьезно, старина, то мать и слушать не станет, даже если я сойду с ума и предложу свои услуги. Она назвала тебя, и она имела в виду именно тебя. – Фриц зевнул. – Слушай, парень, я смертельно устал! Та рыженькая с «Сент-Луиса» готова была плясать всю ночь. Так что отстань от меня, я должен выспаться перед банкетом.

– У тебя не найдется лишней парадной куртки?

– Занимайся стиркой сам. И перестань шуметь.

И вот как-то утром, спустя месяц после прибытия на Гекату, капитан взял Торби с собой. Мать не могла задержать мальчика: ее не было на борту. Был День памяти. Служба должна была начаться не раньше полудня, но мать вышла заранее, чтобы утрясти кое-какие вопросы с завтрашними выборами.

Торби занимали совсем другие мысли. Служба должна была кончиться поминовением папы. Крауза рассказал мальчику, что он должен будет делать, и пообещал помочь ему прорепетировать, но Торби все же волновался. Его

отнюдь не успокоила весть о том, что нынче вечером должна состояться премьера «Духа „Сису“».

Еще больше Торби расстроился, когда увидел у Фрица экземпляр сценария, который тот тщательно зубрил.

– Учю твою роль! – недовольно пробормотал Фриц. – Отец велел мне подготовиться на случай, если ты вдруг сломаешь ногу или упадешь от волнения в обморок. Но не беспокойся: я не собираюсь отнимать твой триумф, я лишь должен помочь тебе расслабиться, если ты, конечно, сможешь сделать это, когда тысячи глаз станут смотреть, как ты лижешься с Лоан.

– А ты сумел бы?

Фриц задумался:

– Можно попробовать. Лоан выглядит просто восхитительно. Может быть, мне стоит самому переломать тебе ноги?

– Голыми руками?

– Не соблазняй меня. Торби, это всего лишь предосторожность. Точно так же и вы, стрелки, несете вахты парами. Но ничто меньшее, чем сломанная нога, не избавит тебя от обязанности произносить эту чушь!

Торби и Крауза вышли из корабля за два часа до начала службы. Капитан заметил:

– Мы можем пока неплохо провести время. День памяти – великий праздник, особенно если ты сумеешь настроить свои мысли как надо. Однако сиденья там жесткие, и служба очень длинная.

– Да, отец... расскажите мне, что я должен буду делать во время поминовения моего папы, Баслима?

– Ничего особенного. Ты будешь сидеть в первом ряду и подавать реплики во время молитвы по усопшим. Ты знаешь слова?

– Не уверен.

– Я запишу их для тебя. Что же касается остального... будешь делать то же, что и я для своей матери, твоей бабушки. Смотри, а когда наступит твоя очередь – делай то же самое.

- Понятно, отец.
- А теперь успокойся.

К удивлению, Торби, капитан Крауза встал на движущуюся дорожку, уходившую в сторону от места встречи, а затем свистом подозвал автомобиль. Экипаж мчался гораздо быстрее, чем было принято ездить на Джаббале, и почти так же лихо, как на Лозиане. Едва успев обменяться парой слов с водителем, они прибыли на железнодорожную станцию. Поездка была такой стремительной, что Торби не успел даже разглядеть город Артемиды.

Он удивился еще раз, когда отец купил билеты:

– Куда мы едем?

– За город. – Крауза посмотрел на часы. – У нас масса времени.

Монорельсовая дорога давала восхитительное ощущение скорости.

– С какой скоростью мы движемся, отец?

– Полагаю, около двухсот километров в час. – Краузе пришлось повысить голос.

– А кажется, что еще быстрее.

– Достаточно быстро, чтобы свернуть шею. Быстрее и ехать-то нельзя.

Ехали они полчаса. Металлургические заводы и фабрики больших верфей уродовали местный ландшафт, но все это было ново и необычно, и, рассматривая то, что открывалось взгляду, Торби решил, что принадлежащие Саргону заводы – мелкие лавочки по сравнению со всем, что он увидел здесь. За зданием станции, на которой они сошли, тянулась длинная высокая стена; Торби разглядел стоящие за ней звездолеты.

– Куда мы приехали?

– На военный космодром. Мне нужно встретиться с одним человеком, и сегодня самое подходящее время.

Они подошли к воротам. Крауза остановился и осмотрелся: вокруг никого не было.

– Торби...

- Да, отец?
- Ты не забыл то послание, которое мне передал Баслим?
- Сэр?
- Ты можешь его повторить еще раз?
- Ну, не знаю, отец. Это было так давно.
- Все же попробуй. Итак: «Капитану Фьялару Краузе, шкиперу звездолета „Сису“, от Баслима Калеки. Приветствую тебя, мой старый друг...»
- «...Приветствую тебя, мой старый друг, – подхватил Торби. – Я передаю привет также твоей семье, клану и всей родне...» Смотри-ка, я все помню!
- Разумеется, – мягко сказал Крауза, – ведь сегодня День памяти. Давай дальше.
- Торби продолжал. Он услышал голос отца, звучащий из его уст, и по щекам юноши потекли слезы.
- «...Свидетельствую мое уважение твоей достойной матери. Я говорю устами своего приемного сына. Он не понимает финского...» – но я же все понимаю!
- Продолжай.
- Когда Торби дошел до слов «...я уже умру...», голос его сорвался. Крауза яростно потер нос и велел говорить дальше. Торби сумел добраться до конца текста, хотя голос предательски дрожал. Крауза дал ему выплакаться, потом строго приказал вытереть лицо и взять себя в руки.
- Сынок, ты понял, о чем шла речь в середине текста?
- Да... да, я понял все.
- Тогда ты понимаешь, что я обязан сделать.
- Я должен... покинуть «Сису»?
- А что говорил Баслим? «При первой возможности...»
- Так вот она, эта первая возможность, и мне пришлось очень постараться, чтобы ее получить. И скорее всего, это последняя возможность. Баслим не подарил, а лишь одолжил мне тебя, сынок. И вот я должен отдать долг. Ты понимаешь это?
- Да... полагаю, да.
- Тогда приступим к делу. – Крауза полез во внутренний карман куртки, достал пачку банкнот и сунул их Торби. –

Клади в карман. Я должен бы дать гораздо больше, но это все, что мне удалось прихватить, не вызвав подозрений твоей матери. Надеюсь, что смогу переслать тебе еще до того, как вы уйдете в прыжок.

Торби взял пачку, даже не посмотрев на деньги, хотя такой суммы ему еще не доводилось держать в руках.

– Отец... ты хочешь сказать, что я уже ушел с «Сису»?

Крауза отвернулся и некоторое время молчал.

– Знаешь, сынок... так будет лучше. Прощание не доставляет удовольствия, только память приятна. К тому же иначе ничего не получится.

Торби сглотнул:

– Да, сэр.

– Пойдем.

Они быстро зашагали к пропускному пункту и уже почти вошли внутрь, когда Торби остановился и сказал:

– Отец... но я не хочу уходить!

Крауза посмотрел на него без всякого выражения:

– Ты не обязан.

– Но ты, кажется, говорил, что обязан?

– Нет. На меня была возложена обязанность доставить тебя и передать сообщение, доставленное мне Баслимом. На этом мои обязанности кончаются, и долг выплачен. Не я приказываю тебе покинуть семью... Это идея Баслима, он сделал так из лучших намерений, руководствуясь заботой о твоём благе. Должен ли ты выполнять его пожелания – это дело твое и Баслима. Я не могу решать это за тебя. Что бы ты ни был должен Баслиму, это не имеет отношения к долгу Народа перед ним.

Крауза ждал, а Торби молчал, пытаясь собраться с мыслями. Чего хотел от него папа? Что он велел ему сделать? «Я могу положиться на тебя?» Да, но чего ты хочешь, пап? «Не надо никаких пожертвований... только передай послание и сделай все, что потребует тот человек». Да, пап, но он ничего от меня не требует!

– У нас мало времени, – нетерпеливо произнес Крауза. – Мне пора возвращаться. Имей в виду, сынок, твое нынешнее решение будет окончательным. Если ты откажешься покинуть «Сису» сегодня, другого шанса у тебя не будет. Я в этом уверен.

«Самая последняя вещь, о которой я тебя прошу... могли я положиться на тебя?» – услышал мальчик торопливый голос папы, звучавший в его голове.

Торби вздохнул:

– Мне кажется, я должен сделать так, как ты говоришь, отец.

– Я тоже так думаю. А теперь поспешим.

Стража у ворот не спешила их пропустить, особенно после того, как Крауза, хоть и подтвердив свою личность и личность сына по корабельным документам, отказался сообщить, какое у него дело к командиру гвардейского крейсера «Гидра», заявив лишь, что оно «неотложное и официальное».

Наконец в сопровождении подтянутого вооруженного фраки они подошли к подъемнику корабля и были переданы другому стражнику. Их проводили по коридору к двери с табличкой «Секретарь корабля – входить без стука». Торби понял, что «Сису» был не столь велик, как он думал до сих пор. Ни разу в жизни юноше не доводилось видеть столько полированной стали. Он успел лишь мельком пожалеть о своем решении.

Секретарем корабля оказался вежливый подтянутый молодой человек со знаками отличия лейтенанта. Он был столь же тверд, как и стража у ворот.

– Простите, капитан, но вам придется изложить свою просьбу мне... если вы хотите встретиться с командиром.

Крауза промолчал и лишь поплотнее уселся в кресло.

Симпатичный молодой человек покраснел и забарабанил пальцами по крышке стола. Потом он поднялся на ноги:

– Прошу прощения, я на секунду...

Вскоре он вернулся и сказал невыразительным голосом:

– Командир может уделить вам пять минут.

Он провел Торби и Краузу в еще более просторный кабинет и оставил их там. За столом, заваленным бумагами, сидел человек постарше. Он был без кителя, и знаков различия не было видно. Он привстал, протянул руку и осведомился:

– Капитан Крауза, из вольных торговцев? Корабль «Си...зо»? Не так ли? Я полковник Брисби, командир корабля.

– Рад посетить ваше судно, капитан.

– Рад встретиться с вами. О чем вы хотите поговорить? – Он взглянул на Торби. – Это ваш младший офицер?

– И, да и нет.

– То есть?

– Полковник, не могли бы вы сказать, какой у вас допуск секретности?

– Что? Ноль-восемь. Зачем это вам?

– Сейчас поймете. Этот мальчик – Торби Баслим, приемный сын полковника Ричарда Баслима. Полковник поручил мне доставить его к вам.

Глава 15

– Что?!

– Это имя что-нибудь говорит вам?

– Разумеется. – Командир взглянул на Торби. – Но я не вижу сходства.

– Я сказал вам, что он – приемный сын. Полковник усыновил его на Джаббале.

Брисби прикрыл двери и сказал Краузе:

– Полковник Баслим мертв или же «пропал без вести и предположительно мертв» последние два года.

– Я знаю. Все это время мальчик был со мной. Я могу сообщить вам некоторые обстоятельства смерти Баслима, если они вам неизвестны.

– Вы были его связным?

- Да.
- Подтвердить можете?
- Икс-три-ноль-семь-девять код ФТ.
- Можно проверить позже. А пока примем это за истину.

Скажите: откуда вы знаете, что ваш парень действительно Торби Баслим?

Торби не прислушивался к разговору. В его ушах стоял непрекращающийся шум, словно при перегрузке прицельного оборудования; каюта то расширялась, то вновь становилась тесной. Он понял, что сидящий перед ним офицер был знаком с папой, и это хорошо... но что он говорил насчет того, что папа был полковником? Папа был Баслимом Калеккой, дипломированным нищим милостью... милостью...

Полковник Брисби отрывистым голосом приказал Торби сесть, и он с радостью подчинился. Брисби включил вентилятор и повернулся к капитану Краузе:

– Ну ладно, вы меня убедили. Не знаю, согласно какой инструкции я должен это делать... правда, нам вменено в обязанность помогать людям из корпуса «Икс», однако тут несколько иной случай. Но я не могу подвести полковника Баслима.

– Это может быть «помощь гражданину в бедственном положении», – предложил Крауза.

– Да? Не знаю, как это можно применить к человеку, находящемуся на планете Гегемонии, который явно не находится в беде... разве что побледнел немного... Впрочем, я постараюсь.

– Спасибо, шкипер. – Крауза посмотрел на часы. – Я могу идти? Мне уже пора.

- Секундочку. Вы что, просто оставите мальчика у меня?
- Боюсь, что это единственный выход.

Брисби пожал плечами:

– Как скажете. Может, хотя бы позавтракаете? Я бы хотел порасспросить вас о полковнике Баслиме.

– Простите, не могу. Если захотите со мной увидеться – приезжайте на встречу.

– Приеду. Ну хотя бы кофе выпейте. – Командир потянулся к кнопке.

– Шкипер, – произнес Крауза с беспокойством, глядя на часы, – мне нужно уехать немедленно. Сегодня у нас День памяти... И через пятьдесят минут начнутся похороны моей матери.

– Почему вы не сказали сразу? Господь с вами! Вы не успеете.

– Боюсь, что так... но я должен успеть.

– Мы это сейчас исправим. Минуточку... – Брисби распахнул дверь. – Эдди, аэрокар для капитана Краузы! И побыстрее! Взять его на борт и посадить там, где он попросит. Мигом!

– Есть, шкипер!

Брисби обернулся, вскинул брови и вышел в приемную. Рот Краузы, сидевшего лицом к Торби, горестно искривился.

– Подойди сюда, сынок.

– Да, отец.

– Мне пора идти. Может быть, тебе все же удастся посетить встречу... когда-нибудь.

– Я постараюсь, отец!

– Если же нам не суждено увидаться, то помни: твоя кровь в нашей стали, наша сталь в твоей крови. Ты был и остаешься «Сису».

– Сталь в крови...

– Удачи в делах, сынок. Будь умницей.

– Удачи в делах... Ох, отец!

– Не надо! А то я не выдержу. Слушай, сегодня я буду давать ответы вместо тебя. Ты больше не должен появляться там.

– Да, сэр.

– Я и твоя мать – мы оба любим тебя.

Брисби постучал в открытую дверь:

– Ваша машина готова, капитан.

– Иду, шкипер. – Крауза расцеловал Торби в обе щеки и быстро двинулся к выходу. Последнее, что увидел Торби, была его широкая спина.

Вскоре вернулся Брисби. Усевшись в кресло, он посмотрел на мальчика и сказал:

– Я даже не знаю толком, что с тобой делать. Ну ладно, придумаем что-нибудь. – Он нажал кнопку. – Эдди, пусть боцман разыщет где-нибудь свободную койку. – И обернулся к Торби. – Мы все уладим, если ты не слишком привередлив. Я знаю, что вы, торговцы, живете в роскоши.

– Сэр?

– Что такое?

– Баслим был полковником? Вашей службы?

– Мм... в общем, да.

Торби задумался на несколько минут, и старые воспоминания нахлынули на него с неожиданной силой. Он нерешительно произнес:

– Мне кажется, у меня есть послание... для вас.

– От полковника Баслима?

– Да, сэр. Меня нужно погрузить в легкий транс, но мне кажется, я смогу вспомнить начало и так. – Торби произнес несколько кодовых групп. – Это предназначено для вас?

Полковник Брисби вновь проворно прикрыл дверь и со всей серьезностью сказал:

– Ни в коем случае не используй этот код, пока ты не будешь абсолютно уверен, что тебя слушает тот, кому положено, и что комната проверена и не прослушивается.

– Простите, сэр.

– Ничего страшного не произошло. Однако любая информация, закодированная этим шифром, является строго секретной. Надеюсь, содержание послания за два года не утратило актуальности. – И вновь нажал кнопку. – Эдди, отставить боцмана. Пришли ко мне офицера-психолога. Если его нет на борту, пусть его разыщут.

Он посмотрел на Торби:

– Я все еще не знаю, что с тобой делать. Лично я предпочел бы держать тебя в сейфе.

Длинное послание было вытянуто из Торби в присутствии только самого Брисби, его старшего заместителя подполковника Стэнка, на корабле его попросту звали Стинки¹⁴, и бортового психолога капитана медицины Исадора Кришнамурти. Дело шло туго; доктору Кришнамурти нечасто доводилось пускать в ход гипноз. Торби был напряжен и не поддавался воздействию, а подполковник, отчаянно богохульствуя, никак не мог управиться с записывающей аппаратурой. Наконец психолог выпрямился, вытирая со лба пот.

– Я думаю, это все, – устало произнес он. – Но что это значит?

– Забудьте все, что слышали, док, – посоветовал Брисби.

– А еще лучше, сразу перережьте себе горло.

– Ого! Ну, спасибо, босс.

– Шеф, давайте прокрутим его еще раз, – предложил Стэнк. – Думаю, я заставлю этот сумасшедший агрегат работать лучше. К тому же у парня дикий акцент, и я опасаясь за достоверность информации.

– Ничего подобного. У мальчика чистое земное произношение.

– Ну, значит, дело в моих ушах. Они подвергались вредному влиянию – я слишком долго пробыл на борту.

– Так вот почему так засорен язык ваших офицеров, – хладнокровно проговорил Брисби. – Стинки, птичка, а правда, что все вы, которые с Рифа, записываете сначала на бумажке то, что вам говорят, если хотите понять?

– Только при разговорах с уроженцами Аралеша... ничего личного, сэр, вы же сами спросили. Так, может быть, повторим? Было бы неплохо отсеять шум.

– Ваше мнение, док?

¹⁴ Стинки (Stinky) – прозвище, образованное от имени подполковника (Stancke), означает «вонючка».

– Хм... пациент устал. Нельзя ли в другой раз?
– Можно. Теперь он останется у нас надолго. Ладно, будите его.

Вскоре Торби передали сержанту с поручением, чтобы тот подыскал ему койку. Через несколько литров кофе, поднос сэндвичей и пропущенный обед полковник и его помощник начисто переписали тысячи слов последнего донесения Баслима Калеки. Стэнк откинулся на спинку кресла и свистнул:

– Можете расслабиться, шеф, эта штука останется актуальной еще пару сотен лет.

– Да, – серьезно ответил Брисби. – И, прежде чем это случится, погибнет немало хороших парней.

– Точно. И вы знаете, что поражает меня больше всего? Этот мальчишка-торговец, который мотался по всей Галактике, неся в голове донесение «перед-прочтением-сжечь». Может, спустимся где-нибудь и по-тихому отравим его?

– И потом писать бесчисленные объяснительные?

– Ну что ж, может быть, доктор Криш сумеет стереть ему память, не прибегая к лоботомии.

– Думаю, если кто-нибудь тронет этого парня пальцем, полковник Баслим восстанет из мертвых и придушит его. Ты знал Баслима, Стинки?

– Он читал мне курс психологического оружия на последнем году обучения в Академии. И сразу после этого ушел в корпус «Икс». Самый блестящий ум, который я когда-либо встречал – конечно, если не считать вашего, папаша-сэр-босс.

– Не напрягайся. Без сомнения, он был великолепным учителем, да и во всем остальном всегда оказывался на высоте. Но если бы ты знал его еще раньше! Мне посчастливилось служить у него в подчинении. Даже теперь, когда я команду кораблем, я часто спрашиваю себя: «А как поступил бы на моем месте Баслим?» Он был лучшим командиром корабля из всех, у кого я служил. Тогда он второй раз стал полковником – ему ведь дали уже маршала, но он предпочел

понижение в звании, чтобы сбежать от кабинетной работы и получить корабль.

Стэнк покачал головой:

– А я жду не дождусь того дня, когда сяду в уютном кабинетике и начну писать инструкции, которые никто не будет читать.

– Ты не Баслим. Ему не нравилась простая, непыльная работа.

– Я не герой. Я всего лишь соль земли. Скажите, шеф, вы были с ним во время спасения «Ганзы»?

– Неужели я не носил бы тогда нашивку? Нет, слава богу, меня тогда перевели в другое место. Баслиму пришлось сражаться врукопашную. У них там была сущая мясорубка.

– А может, у вас хватило ума не напрашиваться в добровольцы?

– Стинки, даже такой толстый лентяй, как ты, и тот мигом шагнул бы вперед, если бы Баслиму потребовались добровольцы.

– Я не лентяй. Просто не привык зря суетиться. Я только вот чего не понимаю: какого черта командир корабля сам повел десантную группу?

– Старик подчинялся только тем правилам, с которыми был согласен. Он хотел лично свалиться на голову работников, потому что ненавидел их лютой ненавистью. Он вернулся героем, и что оставалось делать Департаменту? Ждать, пока Баслим не выйдет из госпиталя, чтобы отдать его под трибунал? Знаешь, Стинки, даже эти генералы из штаба способны понять, что к чему, если их хорошенько ткнуть носом. Поэтому они наградили его «за отважное поведение при чрезвычайных обстоятельствах» и определили на должность с ограниченными обязанностями. Однако с тех пор каждый раз, когда возникают подобные «чрезвычайные обстоятельства», ни один офицер не может оправдания ради сослаться на уставы. Приходится следовать примеру Старика.

– Только не мне, – твердо заявил Стэнк.

– И тебе тоже. Когда ты будешь командиром и возникнет необходимость делать что-нибудь неприятное, ты будешь это делать, втягивая живот и выпячивая грудь, с героическим выражением на своей упитанной физиономии. И ничего ты с этим не поделаешь. Тебя будет подталкивать пример Баслима.

Они легли только на рассвете. Брисби собирался поспать подольше, но, следуя старой привычке, поднялся лишь на несколько минут позже обычного. И он ничуть не удивился, застав своего заместителя, так хваставшегося своей ленью, уже за работой.

Полковника дожидался лейтенант из финансовой части. Он держал в руке телеграмму, и Брисби понял, в чем дело. Прошлой ночью, после того как они просидели несколько часов, разбивая текст донесения Баслима на части, чтобы послать их по разным каналам, полковник вдруг вспомнил, что, перед тем как лечь спать, он должен организовать для приемного сына Баслима идентификационный поиск. Брисби вовсе не был уверен в том, что след ребенка, подобранного на Джаббале, может отыскаться среди досье граждан Гегемонии. Но даже если бы Старик послал полковника вычерпать космос ведром, значит ему нужно именно это, и никаких отговорок. Полковник Брисби испытывал к Баслиму, живому или мертвому, уважение младшего офицера к старшему. Поэтому он написал депешу и поручил дежурному офицеру после побудки взять у Торби отпечатки пальцев и закодировать их. И только после этого полковник позволил себе вздремнуть.

Проснувшись, Брисби первым делом увидел свою телеграмму.

– До сих пор не отправили? – осведомился он.

– Фотолаборатория как раз заканчивает кодировать отпечатки пальцев. Однако офицер связи распорядился передать депешу мне на подпись, поскольку ее содержание не касается корабельных служб.

– Ну так подписывай! Неужели я должен заниматься такими пустяками?

Казначей понял, что Старик опять не выспался.

– Плохие новости, шкипер.

– Выкладывай, что там у тебя.

– Я не знаю, откуда взять деньги. Сомневаюсь, что у нас найдутся средства, даже если мы сумеем обосновать требуемые расходы.

– Расходы меня не волнуют. Придумай что-нибудь и гони депешу. Пусти ее под общим кодом, каким-нибудь «ноль-ноль-и-что-там-еще».

– «Непредвиденные накладные расходы на административные нужды». Не сработает, шкипер. Идентификационный поиск гражданского лица за счет корабля не спишешь. Конечно, я могу присвоить исходящий номер, и вы получите ответ, но...

– Именно этого я и хочу. Мне нужен ответ.

– Да, сэр. Однако через пару дней вся эта история достигнет ушей Центрального ревизионного управления, закрутится бумажное колесо и выплюнет карточку с красной пометкой. Затем они заморозят мою зарплату до тех пор, пока я не покрою всю истраченную сумму. Таким приемом они заставляют нас выучивать законы назубок и хорошенько считать.

– Ты разбиваешь мне сердце. Ну ладно. Отправляй телеграмму и, если ты боишься подписывать ее, сообщи мне исходящий номер. Я сам подпишу запрос своим именем и званием. Идет?

– Да, сэр. Но, шкипер...

– Слушай, у меня была трудная ночь.

– Да, сэр. Однако закон требует, чтобы я давал вам советы. Разумеется, вы не обязаны к ним прислушиваться.

– Еще бы, – мрачно отозвался Брисби.

– Шкипер, вы хотя бы имеете представление о том, как дорого обходится идентификационный поиск?

– Не думаю, чтобы это было очень уж дорого. И не понимаю, чего ты так всполошился. Я хочу лишь, чтобы клерк оторвал зад от стула и порылся в архивах. Мне кажется, они постесняются присылать нам счет. Все будет сделано в порядке взаимной любезности.

– Мне очень жаль, но я так не думаю, потому что вы требуете неограниченного поиска. Поскольку вы не назвали конкретную планету, запрос прежде всего попадет в Тихосити, в архив по делам живых и умерших. Или вы желаете ограничиться только живыми?

Брисби задумался. Если Баслим считал, что Торби попал к нему из Внутренних миров, то, вероятнее всего, его семья считает мальчика погибшим.

– Нет.

– Это уже хуже. Объем информации по умершим втрое больше, чем по живым. Так что для начала его будут разыскивать в архивах Тихо. Это отнимет немало времени даже у компьютера – ведь у них около двадцати миллиардов дел! Предположим, что вы получили нулевой результат. Тогда запрос последует в аналогичные учреждения на всех планетах, поскольку Центральный архив не успевает обновлять данные, а правительства многих планет вообще их не высылают. Счет все разбухает, особенно если сообщения идут через N-пространство. Полный код отпечатков пальцев занимает объем солидной книги. Конечно, если вы будете запрашивать по одной планете зараз и используете обычную почту...

– Нет.

– Ну что ж... Шкипер, а почему бы не ввести ограничение? Скажем, тысячу кредитов... или сколько вы сможете выделить, если... я хотел сказать, «когда» ... они подпишут ваши расходы.

– Тысячу кредитов? Смешно!

– Если я не прав, то ограничение не играет роли. А если прав – а я прав, – то тысячи кредитов хватит для начала, и ваша шея будет в относительной безопасности.

Брисби сердито посмотрел на него:

– Слушай, ты здесь работаешь вовсе не для того, чтобы объяснять мне, почему я не могу чего-то сделать.

– Да, сэр.

– Ты здесь для того, чтобы объяснять, как мне сделать то, что я хочу сделать. Поройся в своих книгах и найди законный способ, как это сделать. Бесплатно.

– Слушаюсь, сэр.

Брисби не сразу вернулся к делам. Он просто кипел – когда-нибудь эта бюрократическая паутина так опутает армию, что просто невозможно будет вывести корабль в пространство. Полковник готов был поспорить, что Старик ушел в корпус «Икс» с чувством облегчения. Агенты корпуса не были стеснены бюрократией; если кто-нибудь из них считал необходимым потратить какую-то сумму, он так и делал, шла ли речь о десяти кредитах или десяти миллионах. Вот так и нужно работать: взять на службу человека и затем доверять ему безоговорочно. Никаких рапортов, бланков – ничего, только делай то, что должен делать.

Потом он взял со стола квартальный отчет о расходе топлива и работе оборудования. Отложив его в сторону, полковник достал чистый бланк депеши и составил сопроводительную записку к донесению Баслима, информируя бюро корпуса «Икс» о том, что внештатный связной, доставивший донесение, все еще находится в распоряжении отправителя и что, по мнению ононого, имеется возможность получить дополнительную информацию, если отправитель будет уполномочен продолжить работу со связным по своему усмотрению.

Шкипер решил не передавать депешу в группу криптографии, открыл сейф и принялся кодировать сам. Он уже заканчивал работу, когда в дверь вновь постучался казначей. Брисби поднял глаза:

– Ну что, нашел нужный параграф?

– Кажется, да. Я поговорил со старшим помощником.

– Короче.

– Итак, у нас на борту находится некое лицо...
– Только не говори мне, что я должен получать на это разрешение!

– Вовсе нет, шкипер. Прокормить мы его прокормим. Вы можете держать его на борту сколько угодно, и я ничего не замечу. Все идет нормально, пока не наступает время вносить расходы в официальные документы. Но скажите, как долго вы собираетесь держать его на корабле? Наверное, не день и не два – судя по тому, что вы затеяли идентификационный поиск.

Командующий нахмурил брови:

– Возможно, мальчик останется здесь надолго. Для начала я хотел бы узнать, кто он и откуда. Потом, если окажется, что мы идем в нужном ему направлении, я хочу подбросить его – никуда этого не записывая. Если же мы идем не в ту сторону, то я передам его на какой-нибудь подходящий корабль. Это трудно объяснить, но это необходимо.

– Хорошо. Тогда почему бы не призвать его на военную службу?

– Что?

– И тогда все станет на свои места.

Брисби нахмурился:

– Понятно. Я могу взять его с собой на законных основаниях... а затем передать парня кому-нибудь еще. А зачисление дало бы тебе табельный номер. Но... хорошо, предположим, что он окажется с Шивы-три, а зачисление еще не состоялось. Что же, прикажешь ему просто смыться с корабля? Кстати, я отнюдь не уверен в том, что он хочет в гвардию.

– Спросите его. Сколько ему лет?

– Сомневаюсь, что он сам знает. Он же бродяга.

– Тем лучше. Итак, вы берете его на корабль. Затем, когда мы наконец определим, откуда он родом, вы обнаруживаете ошибку в его возрасте, и как-то так оказывается, что он достигает совершеннолетия как раз вовремя, чтобы получить законное увольнение на своей родной планете.

Брисби моргнул:

– Неужто все казначеи такие мошенники?

– Только самые лучшие. Вам не нравится такая комбинация, сэр?

– Очень даже нравится. Хорошо, я обдумую ваше предложение. И я придержу это донесение. Пошлем попозже.

Казначей сделал невинное лицо:

– О нет, сэр, мы вовсе не станем его отправлять.

– Почему?

– В этом не возникнет необходимости. Мы примем его на службу для заполнения вакансии в штате корабля. Пошлем его данные в Управление личного состава. Они начнут обычную проверку: имя, родная планета – скажем, Геката, поскольку мы выбрали его здесь. Тем временем мы будем уже далеко. Они выяснят, что мальчик здесь не зарегистрирован. Тогда они обратятся в Управление безопасности, и те вышлют нам распоряжение, запрещающее упомянутому лицу нести службу на должностях, требующих допуска. И это все, что грозит парню, ведь может оказаться и так, что этот бедный невинный гражданин просто не регистрировался. Однако рисковать они не могут и поэтому начнут именно тот поиск, которого вы и добивались. Сначала – в Тихо, затем по всему космосу, да еще с грифом «срочно», поскольку тут замешаны соображения безопасности. Допустим, они что-то найдут. Тогда, если он не разыскивается за убийство, все ограничится обычной волокитой. Если не найдут ничего, то им придется поломать голову – регистрировать ли его или предложить ему в двадцать четыре часа покинуть пределы Галактики. Ставлю семь против двух, что они предпочтут закрыть глаза, ну разве что прикажут кому-нибудь на борту наблюдать за парнем и сообщать о его подозрительном поведении. Вся прелесть состоит в том, что поиск будет проведен за счет Управления безопасности.

– Ты считаешь, у меня на корабле есть агенты безопасности, о которых мне не известно?

– А вы как думаете?

– Мм... не знаю, но будь я шефом безопасности, я обязательно имел бы таких! Вот дьявол, а ведь если я доставлю отсюда к Украине гражданское лицо, об этом тоже кто-нибудь сообщит, даже если я не сделаю соответствующей записи в вахтенном журнале.

– Я бы не удивился, сэр.

– Давай вали отсюда! А я вызову парня и узнаю, как он отнесется к этой идее. – Брисби нажал кнопку. – Эдди!

Вместо того чтобы вызвать Торби к себе, полковник отправил его на обследование к врачу. Не имело смысла говорить с мальчиком о зачислении, не узнав прежде, способен ли тот нести службу. Перед ланчем к Брисби явился майор медицинской службы Штейн в сопровождении капитана Кришнамурти.

– Итак?

– По состоянию здоровья мальчик годен, шкипер. А психолог пусть доложит свои соображения сам.

– Отлично. Кстати, сколько лет парню?

– Он сам не знает.

– Да, да, – нетерпеливо согласился Брисби. – Ну а сами-то вы что думаете?

Доктор Штейн пожал плечами:

– А какова структура его генов? В каких условиях он рос? Не подвергался ли мутациям, влияющим на скорость развития организма? Какова сила тяжести на планете, где он жил? Метаболический индекс планеты? По внешнему виду ему можно дать и десять стандартных лет, и тридцать. Могу лишь произвольно прикинуть его возраст, исходя из предположения, что он не подвергался существенным мутациям и жил в условиях, приближающихся к земным, и вынести ничем не подтвержденное заключение, что его возраст не меньше четырнадцати и не больше двадцати двух стандартных лет. Пока женщины не научатся рожать детей, на теле которых была бы укреплена табличка с их данными, точнее сказать невозможно.

– То есть можно предположить, что ему восемнадцать?

– Ну, в общем, да.

– Хорошо, напишите чуть поменьше этого – пусть будет рекрутирование несовершеннолетнего.

– На его коже имеется татуировка, – вмешался Кришнамурти. – Это может помочь нам. Метка раба.

– Час от часу не легче! – Брисби подумал о том, что донесение в корпус «Икс» все же придется отправить. – Датированная метка?

– Только на вольной, дата по саргонезскому летоисчислению, соответствует его рассказу. Рабское клеймо фабричное. На нем дата не указана.

– Это плохо. Ну что ж, если медицинских противопоказаний нет, я могу поговорить с ним лично.

– Полковник?

– Да, Криш?

– Я бы не рекомендовал брать его на службу.

– Что? Мне казалось, он психически не менее здоров, чем вы сами.

– Вне всяких сомнений. Но тут есть немалый риск.

– В чем же дело?

– Сегодня утром я исследовал его под легким гипнозом. Скажите, полковник, у вас когда-нибудь была собака?

– Нет. На моей родной планете они не водятся.

– Очень полезные лабораторные животные, многие их характеристики аналогичны человеческим. Так вот, если вы возьмете щенка и станете его травить, бить и унижать, он превратится в злобного хищника. Возьмите его кровного брата, ласкайте его, разговаривайте с ним, кладите спать с собой, но тренируйте его – и получите довольное жизнью, послушное домашнее животное. Возьмите из того же выводка третьего щенка, ласкайте его по четным дням и лупите по нечетным. Он будет сбит с толку и не сможет существовать ни в той, ни в другой роли; он не сможет одичать, но так и не поймет, что требуется от домашнего животного. Вскоре он перестанет есть и спать, потеряет контроль над собой, лишь будет дрожать и съеживаться.

– Хм... и часто вы, психологи, прибегаете к подобным экспериментам?

– Лично мне не доводилось. Но в литературе такие опыты описаны... и в случае с этим молодым человеком можно провести кое-какие параллели. В детстве, когда его личность только формировалась, мальчику довелось перенести целый ряд травматических воздействий, последнее из которых случилось с ним лишь вчера. Он растерян и подавлен. Как собака, он готов в любой момент огрызнуться и укунить. Его ни в коем случае нельзя подвергать дальнейшим испытаниям; его нужно окружить заботой и доставить в клинику, где ему окажут психотерапевтическую помощь.

– Ф-фу!

Офицер-психолог пожал плечами. Брисби поспешил извиниться:

– Прошу прощения, доктор. При всем уважении к вашему профессионализму я осведомлен об этом случае гораздо больше вас. Два последних года мальчик находился в превосходных условиях. – Брисби вспомнилось трогательное прощание, невольным свидетелем которого он был. – А до тех пор он жил на попечении полковника Ричарда Баслима. Слышали о таком?

– Я знаю, какой репутацией он пользовался.

– Я готов поставить на кон свой корабль, что Баслим не мог испортить мальчика. Да, парню пришлось перенести тяжелые времена. Но его воспитал самый сильный, разумный и гуманный человек из всех, кто когда-либо носил нашу форму. Вы ставите на своих собак. Я – на полковника Ричарда Баслима. Итак... вы советуете мне зачислить его?

Психолог колебался. Брисби вновь спросил:

– Итак?

– Не волнуйся, Криш, – вмешался майор Штейн, – все равно ответственность на мне.

– Чтобы принять решение, – сказал Брисби, – мне нужен прямой ответ.

Доктор Кришнамурти медленно произнес:

– Предположим, я подтверждаю, что нет никаких оснований в отказе от призыва, но при этом запишу свое особое мнение?

– Зачем?

– Совершенно очевидно, что вы хотите зачислить мальчика. Но если он что-нибудь натворит, моя запись поможет ему избежать трибунала, все ограничится лишь отставкой по состоянию здоровья. У него и так хватало неприятностей.

Полковник Брисби хлопнул его по плечу:

– Молодчина, Криш! Джентльмены, на этом наше совещание закончено.

Торби провел беспокойную ночь. Боцман разместил его в помещении старших сержантов, и члены экипажа отнеслись к нему хорошо. Однако мальчика привела в замешательство та подчеркнутая вежливость, с которой окружающие отводили взгляд от яркой формы «Сису». До сих пор он с гордостью ощущал, как ладно сидит на нем его форма; теперь же он с грустью понял, что всякая одежка годится на своем месте. Ночью, прислушиваясь к храпу, доносившемуся со всех сторон, – чужие, фраки, – он мечтал вернуться к Народу, где его понимали и считали своим.

Ворочаясь на жесткой койке, он думал о том, кому достанется его место на «Сису»?

Живет ли сейчас кто-нибудь в той каморке, которую он по-прежнему именовал «домом»? Починил ли новый жилец дверь, содержит ли комнаты в чистоте и порядке, как папа? И что он сделал с папиным протезом?

Засыпая, он видел перед собой и «Сису», и папу, и видения смешивались. Наконец, когда перед ним поплыли обезглавленная бабушка и летящий наперерез пират, папа прошептал: «Больше не будет плохих снов, Торби. Никогда. Только хорошие сны».

И только тогда он заснул спокойно – и проснулся в этом ужасном месте, а вокруг были болтливые фраки. Завтрак

был обильным, но ему было далеко до высоких стандартов тетки Афины, впрочем, голодным Торби не остался.

После завтрака ему довелось в полной мере ощутить свое бедственное положение. Ему велели раздеться и подвергли унижительному осмотру. Впервые Торби увидел, что медики могут столь бесцеремонно обходиться с человеческим телом, – а он терпеть не мог, когда его тыкают и шупают.

И когда командир послал за Торби, тот уже не испытывал радости оттого, что увидится с человеком, который знал папу.

Именно в той каюте он прощался с отцом, и это помещение рождало у него неприятные воспоминания.

Он бесстрастно выслушал объяснения Брисби, чуть-чуть оживившись только после того, как понял, что ему будет присвоен статус – не очень высокий, догадался он. Но тем не менее. У фраки тоже существовало это понятие, но ему не приходило в голову, что оно может иметь для них какое-нибудь значение.

– Тебя никто не принуждает, – заключил Брисби, – но это значительно облегчило бы выполнение воли Баслима – я имею в виду, найти твою семью. Тебе ведь тоже этого хочется?

Торби едва не выпалил, что знает, где его семья. Но он тут же сообразил, что имеет в виду Брисби: его кровных родственников, существования которых Торби даже не мог себе представить. Да и были ли у него кровные родственники?

– Полагаю, да, – медленно проговорил он. – Точно не знаю.

– Мм... – Брисби подумал о том, каково приходится картине, потерявшей свою раму. – Полковник Баслим очень настоятельно просил меня найти твою семью. Мне будет проще это сделать, если ты официально станешь одним из нас. Ну? Гвардеец третьего класса... оклад тридцать кредитов в месяц, еды до отвала, а спать – сколько получится. И еще слава. В общем, не много.

Торби поднял глаза:

– Скажите, это та же сем... та же служба, где был мой папа? Полковник Баслим, вы его так называете? Он служил здесь?

– Да. Он занимал гораздо более высокий пост, чем я предлагаю тебе. Но служба – та же самая. Мне кажется, ты хотел сказать «семья». Мы считаем свою службу одной большой семьей. Полковник Баслим был одним из самых уважаемых ее членов.

– Тогда я хочу, чтобы меня усыновили.

– Зачислили.

– Пусть будет «зачислили», мне все равно.

Глава 16

При более близком знакомстве фراقي оказались неплохим народцем.

У них был свой тайный язык, хотя сами они полагали, что разговаривают на интерлингве. Прислушиваясь к их речи, Торби обогатил свой словарный запас несколькими сотнями существительных и парой десятков глаголов, после этого он лишь иногда спотыкался на идиомах. Он обнаружил, что окружающие с уважением относятся к тем световым годам, которые он намотал в космосе в бытность свою торговцем. Впрочем, представителей Народа тут считали несколько странными. Торби не спорил: фراقي в этом не разбирались.

Поднявшись с Гекаты, гвардейский крейсер Гегемонии «Гидра» отправился к мирам Окраины. Перед самым прыжком пришел денежный перевод, к которому суперкарго «Сису» приложил бумагу, гласящую, что это – одна восемьдесят третья часть доходов звездолета, полученных по пути от Джаббалпура до Гекаты. Словно он девушка, которую обменяли, подумалось Торби. Сумма была велика до неприличия, но в бумаге Торби не нашел пункта, по которому из его доли вычитался процент за использование основного капитала – стоимости самого корабля. Этот пункт, как ему

казалось, должен быть здесь при правильном расчете, ведь он же не родился на этом корабле. Жизнь среди Народа научила нищего мальчишку смотреть на деньги с такой стороны, с какой он никогда не увидел бы их, собирая подаяние. Баланс должен сходиться, и долги должны быть выплачены.

Он спросил себя, что бы сказал папа, увидев такую кучу денег. Торби почувствовал изрядное облегчение, узнав, что может сдать их на хранение казначею.

Вместе с деньгами прибыла записка с несколькими теплыми словами и пожеланием удачи, куда бы ни забросило Торби, подписанная: «С любовью. Мать». От этих слов Торби сперва приободрился, но потом почувствовал себя еще хуже.

Фриц прислал пакет личных вещей Торби, вложив в него листок со словами:

«Дорогой брат, о последних событиях толком никто ничего не знает, но на старом корабле царит напряженность. Не будь это невозможно, я бы сказал, что старшие члены семьи разошлись во мнениях. Что же до меня, то я не составил себе никакого мнения и хочу лишь сказать, что уже скучаю по твоей пустой болтовне и глупой морде. Не грусти и не забывай считать сдачу.

Фриц

Р. С. Кстати, пьеса имела головокружительный успех. Лоан – просто прелесть».

Прибывшие с «Сису» пожитки Торби запихал подальше: теперь, когда он стал гвардейцем, они смущали его. Он выяснил, что гвардия не была замкнутым обществом, вроде Народа, и для того, чтобы стать гвардейцем, не требовалось никакого чуда: если человек соответствовал предъявляемым требованиям, никто не спрашивал его о том, откуда он прибыл и кем был раньше. «Гидра» набирала экипаж на многих планетах, для этой цели служили компьютеры

Управления личного состава. Торби видел вокруг себя высоких и маленьких, костлявых и толстых, лысых и волосатых, людей с признаками мутации и без таковых. Сам Торби был близок к норме, а то, что он из вольных торговцев, воспринималось окружающими как безобидная эксцентричность; это делало его чем-то вроде космонавта, хотя он и был всего только рекрутом.

В сущности, от остальных его отличало лишь то, что он был новобранцем. Может, на бумаге он и «гвардеец третьего класса», но все равно он – салага, и салагой останется, пока не покажет себя как следует, тем более что Торби не проходил даже начальной подготовки.

Однако его положение было ничуть не хуже, чем у любого новобранца в любом воинском подразделении, гордящемся своим *esprit de corps*¹⁵. Он получил койку, место за столом, служебные обязанности, и сержант говорил ему, что он должен делать. Торби мыл палубу, а во время тревоги, если отказывала связь, должен был исполнять роль вестового при офицере-оружейнике. Это значило, что его можно было заставить сгонять за чашкой кофе.

А больше его никак не нагружали. Торби разрешалось участвовать в общем разговоре после того, как выскажутся старшие; когда за карточным столом не хватало партнеров, его приглашали поучаствовать в игре; ему пересказывали все корабельные сплетни, и он пользовался привилегией одалживать старшим носки и свитеры, если у них возникала такая нужда. Торби уже умел быть младшим; это оказалось совсем нетрудно.

«Гидра» заступила на боевую вахту; разговоры в столовой крутились вокруг возможной «охоты». Корабль мог развить ускорение в триста единиц и вступал в бой с пиратами даже в тех случаях, когда торговец класса «Сису» постарался бы избежать встречи с рейдером. Хотя «Гидра» имела многочисленный экипаж и тяжелое вооружение,

¹⁵ Дух подразделения, командный дух (фр.).

большую часть корабля занимали силовая установка и топливные баки.

Стол, за которым сидел Торби, возглавлял младший офицер, артиллерист второго класса Пибби по прозвищу Децибел. Как-то раз во время обеда, когда все вокруг обсуждали, куда пойти после еды – в библиотеку или в кают-компанию на стереофильм, – Торби, погруженный в свои раздумья, услышал свое прозвище;

– Верно, Торговец?

Торби гордился своим прозвищем, но ему не нравилось, когда его произносил Пибби; тот самодовольно считал себя великим остряком и любил заботливо осведомиться: «Как дела?» – сопровождая вопрос таким жестом, будто считает деньги. До сих пор Торби старался не обращать на него внимания.

– Что «верно»?

– Слушай, а не прочистить ли тебе уши? Или ты вообще не способен слышать ничего, кроме шелеста купюр и звона монет? Я рассказывал ребятам о нашей беседе с офицером-оружейником: чтобы чаще ловить пиратов, нужно гоняться за ними, а не прикидываться торговцем, слишком трусливым, чтобы сражаться, и слишком жирным, чтобы убежать.

Торби еле сдержал гнев:

– Кто вам сказал, что торговцы боятся вступать в бой?

– Брось трепаться! Кто хоть раз слышал, чтобы торговец уничтожил пирата?

Возможно, Пибби говорил вполне искренне: торговцы предпочитали не распространяться о своих победах. Но Торби еще больше разозлился:

– Я, например.

Он хотел сказать, что слышал о том, как торговцы взрывали пиратов; Пибби же воспринял его слова как похвалу.

– Ты? Неужели? Послушайте, ребята, да наш корабейник, оказывается, герой! Он поджег пирата своими собственными маленькими ручонками! Ну, так расскажи нам. Ты

подпалил его волосы? Или подсыпал ему в пиво цианистый калий?

– Я сбил его, – ответил Торби, – одноступенчатой самонаводящейся ракетой «Марк-девятнадцать» производства «Вифлием-Антарес» с двадцатимегатонной плутониевой боеголовкой. Я произвел пуск по расчетной траектории поражения с дистанции действия парализующего луча.

Воцарилась тишина. Наконец Пибби холодно осведомился:

– Где ты об этом прочитал?

– На ленте, записанной во время боя. Тогда я был старшим стрелком правого борта. Компьютер левого борта вышел из строя, и я точно знаю, что пирата сжег мой выстрел.

– Так он офицер-артиллерист! Кончай трепаться, Торговец!

Торби пожал плечами:

– Я и был им. Точнее, офицером-стрелком. Собственно ракетами я не занимался.

– Скромничаешь, Торговец? Болтать легко.

– Тебе лучше знать, Децибел.

Услышав свое прозвище, Пибби задохнулся от возмущения: Торби не имел права позволять себе такую фамильярность. Из угла послышался другой голос, весело заявивший:

– Это уж точно, Децибел, болтать легко. А Расскажи-ка нам о схватках, в которых участвовал ты сам. Ну, давай!

Говоривший не имел звания, однако он служил в штабе писарем и не боялся раздражения Пибби.

Пибби сверкнул глазами.

– Хватит болтать! – рявкнул он. – Баслим, я жду тебя в восемь ноль-ноль в боевой рубке. Там мы посмотрим, какой из тебя стрелок.

Торби вовсе не горел желанием испытывать свои силы: он ничего не знал о вооружении «Гидры». Однако приказ есть приказ, и в назначенное время он предстал перед ухмыляющимся Пибби.

Но ухмыляться тому пришлось недолго. Аппаратура «Гидры» не имела ничего общего с компьютерами «Сису», но принципы стрельбы были теми же самыми, и старший сержант-оружейник (кибернетист) не нашел ничего удивительного в том, что бывший торговец умеет стрелять. Он постоянно искал таланты, а люди, способные рассчитывать траектории ракеты в сумасшедшей обстановке боя на субсветовых скоростях, встречаются среди гвардейцев так же редко, как и среди торговцев.

Он расспросил Торби о компьютерах, на которых тот работал, и покачал головой:

– Дюссельдорфскую спаренную установку я видел только на схемах; используемые там принципы уже давно устарели. Но уж коли ты сумел поразить цель с помощью такого барахла, то мы найдем тебе применение. – Сержант обернулся к Пибби. – Спасибо, Децибел. Я сам сообщу офицеру-оружейнику. Баслим, ты остаешься здесь.

– У него есть работа, сержант, – возмутился Пибби.

Сержант Лютер лишь пожал плечами:

– Доложи начальству, что Баслим нужен мне здесь.

Торби был потрясен, услышав, как прекрасное оборудование «Сису» называют барахлом. Но уже очень скоро он понял, что имел в виду Лютер: чудовищный боевой мозг «Гидры» был настоящим гением среди компьютеров. В одиночку Торби ни за что не управился бы с ним – вскоре его назначили артиллеристом третьего класса (кибернетистом), что в определенной степени избавляло его от придиорок Пибби. Только теперь он начал чувствовать себя настоящим гвардейцем, пусть еще и самым молодым, но все же признанным членом команды.

«Гидра» шла на сверхсветовой скорости к одному из миров Окраины, Ультима-Туле¹⁶, где она должна была заправиться и начать поиск пиратов. Никаких сведений о личности Торби пока не поступало, и он довольствовался своим статусом в команде, в которой когда-то служил папа. Торби было лестно думать о том, что Баслим мог бы гордиться им. Юноша скучал по «Сису», однако на корабле, где не было женщин, жить было гораздо проще, и дисциплина на «Гидре» была не столь жесткой, как на вольном торговце.

Однако полковник Брисби не давал Торби забывать, с какой целью его зачислили в экипаж. Между командиром и новобранцами огромная дистанция, и те смели поднять на шкипера глаза лишь во время инспекции. Тем не менее Брисби регулярно посылал за Торби.

Брисби получил из корпуса «Икс» полномочия обсудить донесение Баслима с его связным, не забывая, впрочем, о высшей степени секретности. Полковник вновь вызвал Торби к себе.

Сначала Торби предупредили держать рот на замке. Брисби объяснил ему, что излишняя разговорчивость может повлечь за собой самое тяжелое наказание, какое только способен наложить трибунал.

¹⁶ Ультима-Туле (лат. Ultima Thule) – по представлениям древних греков, последний предел обитаемого мира.

– Однако главное не в этом. Мы должны быть уверены, что такой вопрос даже не возникнет. Иначе нам не о чем говорить.

Торби замялся:

– Откуда мне знать, что я должен держать рот на замке, если я даже не понимаю, о чем именно я должен молчать?

– Я ведь могу и приказать тебе, – раздраженно произнес Брисби.

– Да, сэр. И я отвечу: «Есть, сэр!» Но убедит ли это вас в том, что я не рискну предстать перед трибуналом?

– Но... Тьфу, черт! Я собираюсь говорить с тобой о работе полковника Баслима. Но ты должен молчать об этом в тряпочку, понял? Иначе я разорву тебя на кусочки вот этими руками! И ни одному сопляку я не позволю валять дурака, если речь идет о работе Старика!

Торби с облегчением перевел дух:

– Почему вы не сказали об этом сразу, шкипер? Я не позволю себе проронить ни слова, если речь идет о папе, – ведь это было первое, чему он меня научил.

– Вот как? – Брисби улыбнулся. – Впрочем, я мог догадаться сам. Ладно.

– Ну а с вами-то, – задумчиво проговорил Торби, – можно об этом говорить?

Брисби изумленно посмотрел на него:

– Я не подумал, что это палка о двух концах. Но это так. Я могу показать депешу из корпуса, предписывающую мне обсудить с тобой донесение Баслима. Это тебя убедит?

Через минуту Брисби показывал депешу с самым высоким грифом секретности самому младшему и самому необученному своему офицеру, чтобы убедить новобранца, что его старший командир имеет право с ним поговорить. В тот момент это казалось вполне разумным решением, немного погодя, когда полковник еще раз его обдумал, оно уже не казалось таким разумным.

Торби прочел депешу и кивнул:

– Готов ответить на любой ваш вопрос, шкипер. Я уверен, папа не стал бы возражать.

– Отлично. Ты знал о том, чем он занимался?

– Ну... и, да и нет. Кое-что я видел. Я знаю, чем именно он интересовался, потому что он заставлял меня наблюдать и запоминать. Я передавал его послания, и каждый раз они были совершенно секретны. Но я так и не понял почему. – Торби нахмурился. – Говорили, что он шпион.

– «Сотрудник разведывательной службы» звучит лучше. Торби пожал плечами:

– Если он шпионил, он так бы это и назвал. Папа всегда и все называл своими именами.

– Да, он называл все своими именами, – согласился Брисби, вспоминая о тех сокрушительных головомойках, которые Баслим некогда задавал ему. – Давай-ка я объясню тебе. Мм... ты знаешь историю Земли?

– Самую малость.

– История Земли – это история человеческой расы в миниатюре. Задолго до начала космической эры, когда мы еще не заполнили планету, всегда существовали неосвоенные территории. Каждый раз, когда открывали новые земли, происходило следующее: впереди шли торговцы, желавшие попытать счастья, за ними бандиты, нападавшие на честных людей, а потом шел поток рабов. То же самое происходит и сегодня, когда мы пересекаем не океаны и прерии, а космическое пространство. Приграничные торговцы – это авантюристы, идущие на риск ради больших прибылей. Преступники – будь то грабители с большой дороги, морские пираты или космические рейдеры – появляются всюду, где нет полиции. И те и другие – временное явление. Работоторговля – совсем другое дело. Это самая ужасная из привычек человечества, и с ней труднее всего покончить. На каждой новой территории она воссоздается вновь, и корни ее вырвать очень нелегко. Стоит лишь какой-либо культуре заболеть этим недугом, и работоторговля укореняется в экономической системе, в законах, в повседневных привычках и

отношениях людей. Ее запрещают, пытаются подорвать ее устои, но она, словно сорняк, готова вновь прорасти в мышлении людей, считающих рабовладение своим «естественным» правом. Спорить с ними бесполезно: таких людей можно только убить, но изменить их образ мыслей невозможно.

Брисби вздохнул:

– Видишь ли, Торби, гвардия – это лишь полицейская и почтовая служба; уже два столетия Галактика не знает крупных войн. В наши обязанности входит невыполнимая по своей сути задача поддержания порядка на окраинах цивилизованного мира, на границе сферы протяженностью по экватору около трех тысяч световых лет – никто даже представить не может себе, как велико это пространство. Наш мозг не вмещает такие масштабы.

Человечество не в силах обеспечить его охрану. И протяженность этой границы растет с каждым годом. Полиция планет порой добивается успехов, но что касается нас, то, чем дальше, тем больше проблем. Для большинства из нас это работа, благородная работа, но эта работа никогда не завершится.

Однако для полковника Ричарда Баслима она была страстью. Особенно он ненавидел торговлю людьми, сама мысль о которой приводила его в ярость – я сам тому свидетель. Он потерял ногу и глаз – я думаю, ты знаешь об этом, – спасая людей, захваченных кораблем работорговца. Многие офицеры сочли бы свой долг исполненным и отправились домой на заслуженный отдых. Но только не наш старый служака! Несколько лет он преподавал в Академии, затем попросился в тот единственный корпус, который мог принять его, как бы сильно он ни был изувечен, и предложил свой план.

Девять миров – это становой хребет работорговли. Саргон колонизирован достаточно давно и, после того как получил самостоятельность, не признает Гегемонию. В Девяти мирах не соблюдаются права человека, и там не собираются

это менять. Так что нам путь туда заказан, а они не могут посещать наши миры.

Полковник Баслим решил, что мы сумеем сделать торговлю людьми невыгодной, если узнаем, каков ее механизм на Саргоне. Он понимал, что работоторговцы должны иметь суда, базы, рынки сбыта и что это не какое-то извращение, а вполне рентабельный бизнес. И он решил отправиться туда изучать его на месте.

Это была абсурдная затея – один человек против целой империи из девяти планет... однако корпус «Икс» как раз такими задачами и занимается. Но даже они не могли бы послать туда Баслима, если бы он не предложил схему отправки донесений. Агент, находящийся в Девяти мирах, лишен возможности передвижения, не может воспользоваться и почтовой связью, поскольку между нами и ними нет почтовых путей, и уж, конечно, абсолютно невозможно связываться через N-пространство. Это было бы еще заметнее, чем духовой оркестр.

Но у Баслима была идея. Единственные, кто посещает и нас, и Девять миров, – это вольные торговцы. Однако они бегут от политики как от огня – полагаю, ты знаешь об этом не хуже меня – и всеми силами стараются не нарушать местных обычаев. Но у Баслима с ними установились особые отношения.

Я думаю, ты знаешь, что те люди, которых он спас, были именно вольными торговцами. Баслим сообщил в корпус «Икс», что имеет возможность передавать донесения через своих друзей. И ему разрешили попробовать. По-моему, никто даже не догадывался, что он захочет избрать для прикрытия личину нищего; сомневаюсь, чтобы он планировал такое заранее, Старик был великим импровизатором. Как бы то ни было, он обосновался на Саргоне, годами вел наблюдение и слал свои сообщения.

Это все, что было известно до сих пор, и я хотел бы выжать из тебя все, что знаешь ты. Ты можешь рассказать нам о методах его работы. В его сообщении, которое я переслал,

нет ни слова о методах. Другие агенты могли бы использовать его опыт.

– Я расскажу вам все, что знаю, – грустно ответил Торби.
– Но мне известно немногое.

– Ты знаешь больше, чем думаешь. Попробуем вытащить содержимое твоей памяти под гипнозом?

– Все, что угодно, если это поможет делу папы.

– Поможет. И вот еще что... – Брисби пересек кабинет и вернулся, держа в руках лист бумаги, на котором был изображен силуэт звездолета. – Что это за корабль?

Торби вытаращил глаза:

– Саргонезский крейсер.

Брисби схватил другой листок:

– А это?

– Хм... похож на работорговца, который садился в Джаббалпуре дважды в год.

– Ничего подобного! – яростно воскликнул Брисби. – Даже близко не лежало. Это картинки из наших архивов, тут изображены корабли, построенные нашей крупнейшей верфью! И если ты их видел в Джаббалпуре, то эти корабли – копии либо куплены у нас!

Торби задумался:

– Они сами строят свои корабли.

– Да, мне так и говорили. Но полковник Баслим передавал нам серийные номера судов – одному богу известно, как он добывал эти сведения; может быть, ты догадаешься. Он утверждает, что работорговцы получают поддержку из наших миров! – с невыразимым отвращением произнес Брисби.

Торби регулярно посещал каюту капитана – иногда для того, чтобы встретиться с Брисби, порой – чтобы подвергнуться расспросам под гипнозом, проводимым доктором Кришнамурти. Брисби каждый раз напоминал, что идентификационный поиск продолжается, и внушал мальчику, что тот не должен падать духом: установление личности может

занять много времени. Постоянные напоминания изменили отношение Торби к поиску. Раньше он считал его чем-то бесполезным, теперь же думал о нем как о вполне реальном деле, могущем уже очень скоро принести ощутимые результаты. Торби даже начал задумываться о своей семье, гадал, кем был он сам, – как было бы здорово узнать это, стать таким же, как все прочие люди.

Брисби был гораздо менее оптимистичен: в день старта с Гекаты он получил предписание не допускать Торби к работе на жизненно важных участках. Полковник надеялся, что поиск сразу даст положительный результат, и держал это известие при себе, так как был непоколебимо уверен, что Баслим никогда не ошибается и вскоре все прояснится.

Когда Торби перевели в боевую рубку, Брисби вспомнил о предписании и забеспокоился – то был «секретный» отсек, закрытый для посетителей. Полковник успокоил себя мыслью, что непосвященный не сможет увидеть там ничего, что могло бы повлиять на безопасность судна, и, кроме того, парень имел отношение к куда более щекотливым делам. Брисби понимал, что ему удалось узнать очень важные вещи – например, о том, как Старик использовал личину одноногого попрошайки, чтобы скрывать оперативную деятельность, которую он проводил на двух ногах, причем и вправду вел жизнь нищего: он и мальчик жили только на подаяния. Брисби восхищался его способностью к перевоплощению: это была прекрасная школа для других агентов.

Однако Старик всегда был неподражаем.

Поэтому Брисби допустил Торби к боевым вахтам. Он не стал официально оформлять перевод, чтобы не пришлось докладывать об этом в Управление личного состава. И с нетерпением ждал сообщения о личности мальчика.

Когда оно прибыло, Брисби совещался с заместителем. Документ был зашифрован, однако Брисби тут же разглядел номер, присвоенный Торби: он сам много раз писал его, отправляя депеши в корпус «Икс».

– Смотри-ка, Стинки! Здесь говорится о том, кто такой наш найденыйш. Подай-ка машинку: сейф открыт.

Через десять минут сообщение было расшифровано. Текст гласил:

ПОЛНЫЙ ИДЕНТИФИКАЦИОННЫЙ ПОИСК ТОРБИ БАСЛИМ ГВРД-3 РЕЗУЛЬТАТ НУЛЕВОЙ НАСТОЯЩИМ ПРИКАЗЫВАЕМ СНЯТИЕ БОРТА ЛЮБОМ ПУНКТЕ ПОСЛЕДУЮЩЕЙ ПЕРЕДАЧЕЙ ГЕКАТУ ЦЕЛЯХ РАССЛЕДОВАНИЯ ШЕФ УПР ЛИЧН СОСТ.

– Стинки, что за ерунда?

Стэнк пожал плечами:

– Так уж легли кости, босс.

– У меня такое ощущение, будто я обманул Старика. Он был уверен, что у мальчишки есть гражданство.

– Не сомневаюсь, что многие миллионы граждан попали бы в суровое положение, пытаюсь подтвердить свою личность. Возможно, полковник Баслим был прав, но сейчас это нельзя доказать.

– У меня и в мыслях нет передавать куда-то парня. Я чувствую себя ответственным за него.

– Вы ни в чем не виноваты.

– Ты никогда не служил с полковником Баслимом. С ним было легко... Единственным его требованием была стопроцентная надежность. И мне кажется, что я не оправдал его надежд.

– Не стоит упрекать себя. Вы должны подчиниться предписанию.

– Тогда можно сразу с этим и покончить! Эдди! Пригласи ко мне стрелка Баслима!

Торби заметил, что шкипер мрачен, но он нередко бывал не в духе.

– Стрелок третьего класса Баслим по вашему приказанию прибыл!

– Торби...

– Да, сэр?

Торби удивился: до сих пор шкипер называл его по имени только во время сеансов гипноза.

– Пришло сообщение о результатах поиска.

– Как? – От неожиданности Торби забыл о правилах обращения к старшему по званию. Он ощутил прилив радости: наконец-то он узнает, кто он такой!

– Они не смогли идентифицировать тебя. – Брисби помолчал и отрывисто спросил: – Понимаешь?

Торби сглотнул застрявший в гортани комок:

– Да, сэр. Они не знают, кто я такой. Я... никто.

– Ничего подобного! Ты остался тем, кем был.

– Да, сэр. Это все? Я могу идти?

– Минутку. Я должен передать тебя обратно на Гекату. – И, увидев выражение лица юноши, торопливо добавил: – Но ты не беспокойся. Скорее всего, они позволят тебе продолжить службу, если ты изъявишь желание. В конце концов они ничего не имеют против тебя: ты не сделал ничего плохого.

– Да, сэр, – механически повторил Торби.

Никто и ничто – Торби ослепило внезапное видение старого-старого кошмара: он стоит на помосте, слушает, как аукционист выкликает его номер, и видит устремленные на него холодные взгляды. Но он взял себя в руки и до конца дня держался совершенно спокойно. И лишь в темном кубрике он вцепился зубами в подушку и прошептал, глотая слезы: «Папа... Ох, папа!»

Форма гвардейца скрывала татуировку на левом бедре Торби, но в душевой она была видна всем. Когда это произошло в первый раз, Торби, нимало не смущаясь, объяснил любопытствующим, что она означает. Реакция людей варьировалась от любопытства, легкого недоверия до удивления тем, что на корабле есть человек, прошедший через такие испытания – пленение, торги, рабство – и невероятным, чудесным образом вновь обретший свободу. Большинство

гражданских даже не подозревали, что рабство до сих пор существует; гвардейцы понимали ситуацию лучше.

Татуировка никого не шокировала.

На следующий день после поступления сообщения о нулевом результате поиска Торби столкнулся в душе с Пибби Децибелом. Мальчик не проронил ни слова: он сторонился Пибби, хотя они и сидели за одним столом. Но сейчас Пибби сам заговорил с Торби:

- Привет, Торговец!
- Здравствуй, - ответил Торби, откручивая кран.
- Что у тебя на ноге? Грязь?
- Где?
- На бедре. Стой спокойно. Дай я посмотрю.

- Убери свои лапы.
- Не будь таким неженкой. Повернись к свету. Что это такое?
- Метка раба, - вежливо пояснил Торби.
- Правда? Так ты раб?
- Был им.
- Тебя держали в кандалах? Может быть, ты даже целовал хозяйскую ногу?
- Отстань!
- Вы только послушайте его! Знаешь, что, мальчик-торговец? Я думаю, ты сам нарисовал эту печать, чтобы все об этом говорили. Так же как о том, что ты спалил пиратский корабль.

Торби прикрыл кран и вышел из душа.

За обедом, черпая из миски картофельное пюре, он слышал голос Пибби, но, как всегда, пропускал мимо ушей его бесконечную болтовню. А Децибел все не унимался:

– Эй, раб! Передай мне картошку! Не делай вид, будто не слышишь! Прочисти уши!

Торби передал миску с картошкой по самой короткой траектории, и ее содержимое вошло в прямой контакт с физиономией Децибела.

Выдвинутое против Торби обвинение гласило: «Нападение на старшего по званию во время рейса на корабле, находящемся в состоянии боевой готовности». Пибби выступил свидетелем обвинения.

Полковник Брисби сидел, вперив взор в крышку стола, и на его скулах ходили желваки. Он выслушал заявление Пибби:

– Я просил его передать пюре... а он залепил мне его прямо в лицо.

– Это все?

– Ну, сэр, возможно, я не сказал «пожалуйста». Но это не повод...

– Делать выводы я буду сам. Драка имела продолжение?

– Нет, сэр. Нас разняли.

– Отлично. Баслим, хотите что-нибудь добавить?

– Нет, сэр.

– Все было именно так?

– Да, сэр.

Брисби продолжал играть желваками и молча размышлял. Он был полон гнева – чувства, которого не мог себе позволить, находясь при исполнении служебных обязанностей, – он чувствовал, что его обманули. Нет, тут что-то не так.

Он решил повременить с принятием решения.

– Отойдите назад. Полковник Стэнк...

– Да, сэр?

– Там были и другие. Я хотел бы выслушать и их тоже.

– Они ждут вызова, сэр.

– Очень хорошо.

Торби был приговорен к трем дням карцера на хлебе и воде, условно с приостановкой исполнения приговора на тридцать суток испытательного срока, и понижению в звании.

Против Пибби было выдвинуто обвинение (трибунал отклонил предложенные Брисби обвинения и меры наказания) в «подстрекательстве к бунту с использованием оскорбительных выражений, относящихся к расе, вероисповеданию, месту рождения или граждански-правовому статусу другого гвардейца, предшествовавшим вступлению его в должность на борту корабля, находящегося...» – и так далее. Приговор гласил: «Три дня карцера на хлебе и воде, условно с приостановкой исполнения приговора на девяносто дней испытательного срока, и понижение в звании на одну ступень».

Брисби в сопровождении заместителя вернулся в свой кабинет. Лицо полковника было хмуро: разбирательство вывело его из себя. Стэнк сказал:

– Хуже всего, что ты наказал мальчишку Баслима. Мне кажется, он был прав.

– Согласен. Однако «подстрекательство к бунту» не оправдывает самого бунта.

– Разумеется. Но мне не нравится этот тип Пибби. Надо бы выяснить, соответствует ли он занимаемому посту.

– Ну что ж, займись этим. Но, черт возьми, у меня такое чувство, будто я сам спровоцировал эту драку.

– Что?!

– Два дня назад мне пришлось рассказать Баслиму о том, что его не смогли идентифицировать. Он вышел отсюда в шоке. Надо было послушаться психолога. Парень перенес тяжелые испытания и теперь не способен верно реагировать на соответствующие – я хотел сказать, несоответствующие – раздражители. И я рад, что дело ограничилось пьюре и не дошло до поножовщины.

– Ну, босс! Едва ли можно убить миской картошки!

– Тебя не было здесь в тот момент, когда я сообщил мальчику плохие новости. Ты не видел, насколько болезненно это для него было.

На пухлое лицо Стэнка легла тень задумчивости.

– Босс, сколько лет было мальчику, когда его захватили в плен?

– Криш считает, около четырех.

– Скажите, шкипер, в той дыре, где вы родились, в каком возрасте у вас взяли отпечатки пальцев, определили группу крови, сфотографировали глазное дно и так далее?

– Как только я пошел в школу.

– У меня тоже. И готов спорить, на большинстве планет эти данные снимаются не раньше.

Брисби моргнул:

– Так вот почему у них нет ничего о Баслиме!

– Возможно. А вот на Рифе ребенка идентифицируют сразу после рождения.

– И у нас тоже. Но...

– Да, да, это общее правило. Но как это делают?

Брисби побледнел и грохнул кулаком по столу:

– Отпечатки ступней! А мы их не выслали. – И рявкнул в микрофон: – Эдди! Баслима ко мне, немедленно!

Торби угрюмо спарывал шеврон, который он с таким удовольствием носил, увы, так недолго. Неожиданный приказ перепугал его чуть ли не до полусмерти. Но он поспешил исполнить его.

Брисби бросил на него короткий взгляд:

– Баслим, снять обувь!

– Сэр?

– Снять обувь!

Ответ на запрос Брисби в Управление личного состава с приложением отпечатков ступней был получен через сорок восемь часов. «Гидра» получила его во время завершающего этапа пути к Ультима-Туле. Полковник Брисби расшифровал сообщение лишь после того, как корабль благополучно опустился на поверхность планеты.

Ответ гласил:

ГВАРДЕЕЦ ТОРБИ БАСЛИМ ИДЕНТИФИЦИРОВАН
ПРОПАВШИЙ ТОР БРЕДЛИ-РАДБЕК ТЕРРА НЕ ГЕКАТА
ПЕРЕСЛАТЬ РАДБЕКА БЫСТРЕЙШИМ ПОЧТ ИЛИ КОММ
ТЕРРУ УВОЛЬНЕНИЕ ПРИБЫТИИ БЛИЖ РОДСТВ УВЕДОМ-
ЛЕНА ПОВТОРЯЮ БЫСТРЕЙШИМ ШЕФ УПР ЛИЧ СОСТ.

Брисби прищелкнул языком:

– Полковник Баслим никогда не ошибался – мертвый или живой, он никогда не ошибается!

– Босс...

– Да?

– Прочитайте еще раз. Обратите внимание на то, кто он.

Брисби перечитал сообщение и сдавленным голосом произнес:

– Ну почему такие истории случаются именно с «Гидрой»? – И крикнул, распахнув дверь: – Эдди!

Торби пробыл на прекрасной Ультима-Туле всего лишь два часа двадцать семь минут. Пройдя в космосе триста световых лет, из всех ее прелестных пейзажей он увидел лишь кусок летного поля между «Гидрой» и почтовым курьером гвардии «Ариэль». Через три недели Торби прибыл на Терру. Голова его шла кругом.

Глава 17

Прекрасная Терра, мать миров! Какой поэт, посчастливилось или нет ему посетить Землю, не пытался передать тоску человечества по своей колыбели... ее прохладные зеленые холмы, гряды облаков, волнующиеся океаны, ее чарующее материнское тепло.

Торби впервые увидел легендарную Терру на экране почтового курьера «Ариэль». Шкипер почтового корабля капитан гвардии Н'Ганги прибавил резкость и показал юноше остроконечные тени египетских пирамид. Торби не знал об

их историческом значении и устоялся в другое место на экране. Однако ему понравилось смотреть на планету из космоса: он впервые удостоился такой привилегии.

На «Ариэле» было довольно скучно. Почтовый корабль – это, по сути, один двигатель плюс крошечная полезная нагрузка, экипаж – три механика и три астронавигатора; они либо несли вахту, либо спали. Поначалу к Торби отнеслись с прохладцей – капитан Н’Ганги был раздосадован указанием «подождать пассажира» с «Гидры». Почтовые суда не любят задержек, скорость доставки превыше всего.

Но Торби вел себя прилично, разносил еду с камбуза и проводил все свободное время, роясь в библиотеке (представлявшей собой ящик под койкой шкипера), и к тому времени, когда корабль вошел в Солнечную систему, раздражение капитана улетучилось... Но когда он получил приказ садиться на поле «Галактических предприятий», вместо того чтобы идти на базу гвардии, Н’Ганги вновь впал в ярость.

Однако, вручая Торби свидетельство об отставке и чек от казначея, капитан пожал юноше руку.

Выглянув наружу, Торби вместо веревочного трапа (подъемников на почтовых кораблях не бывает) увидел поданное к борту подъемное устройство. Его платформа оставалась у комингса, и мальчику оставалось лишь ступить на нее. Внизу его поджидал мужчина в форме «Галактических предприятий».

– Мистер Радбек?

– Да, полагаю, это я.

– Прошу сюда, мистер Радбек, если позволите.

Они спустились на лифте под землю в прекрасно отделанный зал. Торби, все эти недели не имевший возможности толком помыться в тесной стальной коробке, почувствовал себя неудобно. Он робко огляделся.

Его встречали восемь или десять человек, ближе всех стояли седовласый самоуверенный мужчина и молодая женщина. Их одежда стоила годовичного жалованья гвардейца. Костюм мужчины Торби оценить не смог, но наметанный глаз торговца оценил платье женщины: чтобы выглядеть так, одновременно и скромно, и вызывающе, надо платить большие деньги.

С точки зрения Торби, впечатление несколько портила ее дизайнерская прическа – величественное сооружение зеленого, переходящего в золотой, цвета. Торби только моргнул, рассмотрев покрой ее одежды: ему доводилось видеть богатых дам Джаббалпура, в жарком климате которого одежда служила лишь украшением, но, по-видимому, здесь иначе относились к проблеме – какие участки тела оставлять голыми. Торби с тоской подумал о том, что ему вновь придется привыкать к новым обычаям.

Важный мужчина встретил его при выходе из лифта.

– Тор! Добро пожаловать домой, мой мальчик! – Он схватил Торби за руку. – Я Джон Уимсби. Сколько раз, бывало, я качал тебя на коленях! Зови меня «дядя Джек». А это твоя кузина Леда.

Девушка с зелеными волосами положила руки на плечи Торби и поцеловала его. Он не ответил на поцелуй, потому что опешил от неожиданности.

– Как хорошо, что ты вернулся домой, Тор! – сказала она.

– Э-э-э... спасибо.

– А теперь поздоровайся со своими дедом и бабушкой, – воскликнул Уимсби. – Профессор Бредли... и твоя бабушка Бредли.

Бредли был старше Уимсби: с аккуратно подстриженной бородкой, сухощавый и стройный, несмотря на легонько выпирающее брюшко. Как и Уимсби, он был при параде: пиджак, трико с набивкой и короткая накидка, впрочем, не столь изысканного покроя. У женщины было доброе лицо и живые голубые глаза; ее одежда не имела ничего общего с платьем Леды, но шла ей. Она чмокнула Торби в щеку и тихо произнесла:

– Будто сын домой вернулся.

Ее супруг с жаром встряхнул руку юноши:

– Не правда ли, это чудо, сынок? Ты выглядишь точь-в-точь так же, как наш мальчик – твой отец. Верно, дорогая?

– Так и есть!

Завязалась общая беседа, и Торби с трудом заставлял себя держаться непринужденно; он был смущен и сбит с толку. Очутиться среди этих чужих людей, которые утверждали, что они его кровные родственники, оказалось труднее, чем быть усыновленным семьей «Сису». Неужели эти старики и впрямь его бабушка и дедушка? В глубине души Торби никак не мог поверить в это, хотя умом и понимал, что это действительно так.

Торби с облегчением вздохнул, когда мужчина – кажется, Уимсби? – назвавший себя его дядей Джеком, вежливо, но твердо сказал:

– Пора отправляться. Готов поспорить, мальчик устал. Я отвезу его домой.

Мистер и миссис Бредли пробормотали, что они согласны, и вся компания двинулась к выходу. Остальные

присутствующие, все – мужчины, которых юноше не представили, потянулись следом. В проходе их подхватила движущаяся дорожка, которая набирала скорость до тех пор, пока стены вокруг не слились в сплошную полосу. По мере приближения к выходу скорость уменьшалась – они проехали мили три, по прикидкам Торби, – и наконец дорожка остановилась, чтобы они могли сойти.

Здесь былолюдно; потолок виднелся высоко над головой, а стен не было видно за толпой народа. Торби уловил запах, присущий любой транспортной станции. Сопровождавшие их молчаливые мужчины блокировали толпу, и они двинулись по прямой, не обращая внимания на окружающих. Несколько человек попытались прорваться сквозь оцепление, и одному мужчине это удалось. Он сунул под нос Торби микрофон и быстро заговорил:

– Мистер Радбек, что вы думаете о...

Охрана быстро оттеснила его от Торби. Мистер Уимсби поспешно произнес:

– Потом, потом. Свяжитесь с моим офисом, и вам обо всем расскажут.

Со всех сторон (но только с высоты и очень издалека) на них были нацелены объективы. Они нырнули в другой проход, и за их спинами тут же сомкнулись створки ворот. Очередная дорожка доставила их к скоростному лифту, на котором они поднялись в небольшой закрытый аэропорт. Их уже ожидал аппарат и у его борта еще один, поменьше, – два гладких блестящих приплюснутых эллипсоида. Уимсби остановился.

– Все хорошо? – спросил он у миссис Бредли.

– О да, разумеется! – ответил вместо нее профессор.

– Вам понравился этот аэрокар?

– Конечно. Отличный полет, и обратный, я думаю, будет не хуже.

– Тогда нам пора прощаться. Я позвоню вам, когда он наконец придет в себя и осмотрится. Договорились?

– Да, да, еще бы! Мы будем ждать. – Бабушка чмокнула юношу в щеку, а дедушка хлопнул по плечу.

Затем Торби, сопровождаемый Уимсби и Ледой, вошел в большой аэрокар. Шкипер приветствовал Уимсби и отдал честь Торби. Тот кое-как сумел ответить.

Мистер Уимсби остановился в центральном проходе:

– Почему бы вам, дети, не пойти вперед и не насладиться полетом? Мне нужно позвонить в несколько мест по делам.

– Конечно, папочка.

– Ты извинишь меня, Тор? Дела не ждут, и дяде Джеку пора возвращаться к своему станку.

– Конечно... дядя Джек.

Леда провела его вперед, и они заняли места в прозрачной сферической кабине. Аэрокар поднимался вертикально вверх, пока не набрал высоту в несколько тысяч футов. Сделав круг над пустынной равниной, он направился на север, к горам.

– Тебе удобно? – спросила Леда.

– Еще бы. Только я потный и грязный...

– В конце салона есть душ, но скоро мы будем дома. Давай уж лучше насладимся полетом, как говорит папочка.

– Хорошо.

Торби не хотелось прерывать знакомство со сказочной Террой. Она выглядит совсем как Геката, решил он. Нет, скорее похожа на Вуламурру – вот только прежде ему не доводилось видеть столько разных построек. И горы... Он приоткрыл глаза:

– Что это за белая штука? Мел?

Леда выглянула наружу:

– Да это же снег! Горы Сангре-де-Кристос¹⁷.

– Снег, – повторил Торби. – Замерзшая вода.

– Ты что, раньше не видел снега?

¹⁷ Сангре-де-Кристос – горный хребет на юге штата Колорадо и севере штата Нью-Мексико; является частью массива Скалистых гор.

– Я слышал о нем. Но он не такой, каким я его себе представлял.

– Это в самом деле замерзшая вода, но не совсем: снег более мягкий. – Леда вспомнила предупреждение отца: она ничему не должна удивляться.

– Я научу тебя кататься на лыжах, – сказала она.

Позади осталось много миль, и прошло несколько минут, пока Леда объясняла, что такое лыжи и зачем люди пользуются ими. Торби подумал: этой штукой можно заняться позже, но лучше не надо. Леда сказала, что сломанная нога – самое худшее, что ему грозит. Так ли это смешно? К тому же она объяснила, какой холодный этот самый снег. В сознании Торби холод был связан с голодом, побоями и страхом.

– Может быть, я научусь, – с сомнением в голосе заявил он. – Но скорее всего, у меня не получится.

– Конечно ты научишься! – Леда сменила тему разговора: – Прости мое любопытство, но у тебя есть небольшой акцент...

– Я даже не знал, что говорю с акцентом...

– Я не хотела тебя обидеть.

– И не обидела. Полагаю, я подцепил его в Джаббалпуре. Там я жил дольше всего.

– Джаббалпур... Дай вспомнить... это...

– Столица Девяти миров.

– Ах да! Одна из наших колоний.

Торби представил себе, как такое предположение было бы воспринято Саргоном.

– Э-э-э... Не совсем так. Сейчас это суверенная империя, и по традиции они считают, что так было всегда. Они не любят признавать себя выходцами с Терры.

– Какая странная точка зрения!

Стюард принес напитки и легкие закуски. Тор взял запотевший бокал и осторожно отхлебнул. Леда продолжала:

– Чем ты там занимался? Ходил в школу?

Торби вспомнил терпеливые уроки папы, но решил, что Леда имеет в виду нечто другое:

– Я попрошайничал.
– Как?
– Я был нищим.
– Извини?
– Попрошайка. Лицензированный нищий. Человек, который просит милостыню.

– Да, я тебя поняла, – ответила она. – Я знаю, что такое нищий: я читала книги. Но, Тор, извини меня, я всего лишь домашняя девочка. Я немножко удивилась.

Она была отнюдь не «домашней девочкой», а умной женщиной, прекрасно приспособленной к своей среде. С тех пор как умерла ее мать, Леда вела хозяйство в доме отца, уверенно общалась с жителями других планет и с грациозностью поддерживала светскую беседу на трех языках во время званных обедов. Леда умела ездить верхом, танцевать, петь, плавать, кататься на лыжах, вести хозяйство, считать, хотя и с трудом, читала и писала, если возникала крайняя необходимость, и вполне разумно вела беседу. Она была интеллигентной, красивой, доброжелательной женщиной, чем-то вроде профессиональной охотницы за черепами, в культурном, разумеется, смысле, – способной, ловкой, обученной.

Однако этот странный пропавший и вновь нашедшийся кузен оказался для нее диковинкой. Помедлив, она задумчиво произнесла:

– Прости мое невежество, но на Земле нет ничего подобного. Я не могу такое представить. Наверно, это было ужасно?

Торби мысленно вернулся назад, в то время, когда он сидел в позе лотоса на площади, пристроившись рядом с папой и ведя с ним беседу.

– Это было счастливейшее время в моей жизни, – просто ответил он.

– О! – Это было все, что она могла сказать в ответ.

Однако папочка оставил их наедине для того, чтобы она получила возможность заняться делом. Расспрашивая человека о нем самом, всегда можно рассчитывать на успех.

– Как все это начиналось, Тор? Я даже представления не имею, как такое происходит.

– Меня научили. Видишь ли, меня продали с торгов, и...

– Торби подумал, как бы объяснить ей, кем был для него папа, и решил повременить с этим. – В общем, меня купил старый нищий.

– Купил?

– Я был рабом.

Леда почувствовала себя так, будто ступила в воду и внезапно ушла в нее с головой. Скажи Торби, что он был каннибалом, вампиром или колдуном, она была бы потрясена меньше. У нее наступило нечто вроде мысленного удушья.

– Тор, прости меня, если я была невежлива, но мы все хотим знать, как ты жил все это время. Господи, ведь прошло уже пятнадцать лет с тех пор, как ты пропал! Но если ты не хочешь об этом говорить, так и скажи. Ты был чудесным ребенком, и я так любила тебя – только, пожалуйста, не лупи меня, если я спрошу что-нибудь не, то.

– Ты не веришь мне?

– А что мне остается делать? На Земле уже много столетий нет рабства.

Торби пожалел о том, что покинул «Гидру», но тут же отбросил эту мысль прочь. Служа в гвардии, он понял, что очень многие фракции во Внутренних мирах не имеют никакого понятия о рабстве.

– Ты знала меня маленьким?

– О да!

– Как же получилось, что я не помню тебя? Впрочем, я не помню ничего из тех времен, когда я еще не был... Я даже Терру не помню.

Леда улыбнулась:

– Я на три года тебя старше. Когда я видела тебя в последний раз, мне было шесть, и я все хорошо помню. Тебе было три года, поэтому ты забыл.

– Да. – Торби пришло на ум, что у него появилась возможность узнать свой возраст. – А сколько тебе сейчас?

Леда криво улыбнулась:

– Сейчас мне столько же лет, сколько и тебе, и так будет до тех пор, пока я не выйду замуж. Так и быть, Торби, если ты задашь неправильный вопрос, я тоже не стану обижаться. На Земле не принято расспрашивать женщину о ее возрасте; ты всегда должен делать вид, будто считаешь ее моложе, чем она есть.

– Вот как? – Торби задумался над столь забавным обычаем. Среди Народа женщины старались прибавить себе лет, поскольку это повышало их статус.

– Да, так. Например, твоя мать была чудесной женщиной, и я не знала ее возраста. Когда нас познакомили, ей можно было дать двадцать пять лет, а может быть, и сорок.

– Ты была знакома с моими родителями?

– О да! Дядюшка Крейтон был очаровательным мужчиной с грохочущим голосом. Он постоянно совал в мою маленькую ручку кипу долларов, чтобы я могла купить себе конфет и воздушных шариков. – Леда нахмурилась. – Но я не могу вспомнить его лица. Глупо, правда? Впрочем, не обращай внимания, Тор. Ты можешь рассказывать мне все, что угодно. Буду рада услышать все, о чем ты не захочешь умолчать.

– Мне нечего скрывать, – ответил Торби. – Но хотя меня, видимо, похитили, я этого совсем не помню. Я совсем не помню родителей, будто у меня их совсем не было. Я был рабом, сменил несколько планет и многих хозяев, а потом попал в Джаббалпур. Там меня продали вновь, и это оказалось самым счастливым событием в моей жизни.

Светская улыбка сползла с лица Леды. Она без всякого выражения проговорила:

– Ты это вправду? Или разыгрываешь меня?

Торби охватило чувство, с древности знакомое всем путешественникам, возвращающимся из странствий.

– Если ты думаешь, что с рабством покончено... Видишь ли, Галактика чрезвычайно обширна. Я могу закатать штанину и показать тебе...

– Что показать?

– Татуировку раба. Клеймо, которое ставит работорговец на свой товар. – Торби обнажил левую ногу. – Видишь? Вот дата моего освобождения – это на саргонезском, что-то вроде санскрита, я не думаю, что ты сможешь прочесть.

Леда смотрела округлившимися глазами:

– Какой кошмар! Просто ужас!

Торби опустил штанину.

– Все зависит от хозяина. Но в любом случае ничего хорошего.

– Но почему никто с этим не борется?

Он пожал плечами:

– Это не так-то просто.

– Но... – Леда умолкла, увидев входящего отца.

– Привет, дети! Тебе нравится полет, Тор?

– Да, сэр. Пейзажи просто потрясающие.

– По сравнению с Гималаями Скалистые горы – всего лишь жалкое нагромождение камней. Но наши Тетоны¹⁸ действительно великолепны... кстати, вот они показались. Скоро мы прибудем. – Он указал вперед. – Видишь? Там находится Радбек.

– Это название города?

– Раньше, когда он был деревней, его именовали Джонсоновой Дырой, или как-то наподобие этого. Но я говорил не о Радбек-Сити, я имел в виду наш дом... твой дом, Радбек. Над озером виднеется башня, а за ней – Большие Тетоны. Самое потрясающее зрелище в мире. Ты – Радбек из Радбека, который около Радбека... Радбек в кубе, как говорил твой

¹⁸ Тетоны – горная гряда, расположенная на северо-западе штата Вайоминг и юго-востоке штата Айдахо, является частью массива Скалистых гор.

отец... Он вошел в нашу семью после женитьбы и был весьма равнодушен к этому имени. А мне нравится: оно похоже на раскат грома, и это прекрасно, что Радбек возвращается в свою обитель.

Торби блаженствовал в ванне под острыми струями душа и в горячем бассейне, стенки которого массировали его, словно тысячи пальцев; затем он нырнул в теплую воду плавательного бассейна, которая тут же стала прохладной. Здесь Торби держался с опаской, поскольку не умел плавать.

Камердинера у него тоже никогда не было. Он заметил, что в доме Радбеков немало людей, вероятно несколько десятков, не так уж много для дома таких огромных размеров, но Торби понял, что большинство из них были слугами. Это произвело на него определенное впечатление, впрочем, не очень сильное: он знал, как много рабов держат в богатых домах Джаббала. Торби даже не догадывался о том, что иметь живых слуг на Терре – невероятная роскошь, большая, чем портшез на Джаббале или хлебосольство встреч. Торби лишь понял, что в его распоряжении трое слуг, присутствие которых весьма стесняло его. Торби отказался от их помощи во время купания и лишь позволил побрить себя, поскольку здесь пользовались классическими опасными лезвиями, а собственная его электробритва не работала от сети дома Радбеков. Помимо этого, он лишь покорно выслушал советы, касающиеся незнакомого одевания.

Одежда, которая ожидала Торби в гардеробе, не вполне подходила ему по размеру; старший камердинер тут же перекроил и вновь склеил ее, бормоча извинения. Он заканчивал прихорашивать Торби и взбивал на его груди жабо, когда появившийся дворецкий объявил:

– Мистер Уимсби приветствует Радбека и приглашает его в Большой зал.

Следуя за ним, Торби запоминал дорогу.

Дядя Джек, одетый в черное с красным, ожидал его вместе с Ледой, на которой было... Торби даже растерялся:

цвета ее платья менялись столь причудливым образом, что их едва ли можно было определить. Но выглядела она прекрасно. Теперь ее прическа отливала всеми цветами радуги. Торби высмотрел среди ее украшений камень с Финстера и подумал, не на «Сису» ли он был привезен, – очень забавно, но, вполне возможно, сам Торби укладывал его в контейнер.

– Итак, ты здесь, мой мальчик! – весело заявил дядя Джек. – Освежился? Мы не станем тебя утомлять, это просто семейный обед.

На обеде присутствовали двенадцать человек. Он начался в Большом зале, где звучала музыка, а неслышно ступавшие по паркету слуги разносили напитки и закуски. Торби одного за другим представляли прибывших:

– Радбек из Радбека, леди Уилкс, это твоя тетя Дженнифер, она приехала из Новой Зеландии, чтобы познакомиться с тобой... Радбек из Радбеков, мистер Брудер, судья, наш главный советник. – И так далее.

Торби запоминал имена, связывая их с лицами, и думал, что все это очень похоже на семью, хотя родственные отношения тут не были столь четкими. Он затруднялся определить место каждого гостя в семейной иерархии. Торби никак не мог понять, какое из восьмидесяти с лишним известных ему родственных отношений, название которых включает слово «кузина», применимо к Леде; в конце концов он решил, что она – его двоюродная сестра, поскольку дядя Джек носил фамилию Уимсби, а не Радбек. Таким образом, Леда становилась для Торби табу в матримониальном плане – что не на шутку встревожило бы девушку, если бы она об этом узнала.

Торби понял, что является членом септа богатой семьи. Однако ему так и не сказали, каков его собственный статус, да и в статусах гостей он не разобрался. Две юные девушки одна за другой присели перед ним в реверансе. В первый раз он решил, что девушка поскользнулась, и попытался помочь ей; когда вторая сделала то же самое, он ответил приветствием, сложив вместе ладони.

Старшие женщины, по-видимому, ожидали от него почтительного отношения. Положение судьи Брудера он не смог классифицировать. Тот не был представлен как родственник – и в то же время обед был семейным. Он окинул Торби оценивающим взором и проворчал:

– Рад, что вы вернулись домой, молодой человек. Должен быть в Радбеке Радбек. Ваши каникулы доставили нам немало хлопот, не правда ли, Джон?

– Да уж, – согласился дядя Джек. – Но теперь все в порядке. Не будем торопиться. Пусть парень придет в себя.

– Конечно, конечно. Не станем сразу распахивать шлюзы.

Торби подумал: что бы это могло быть – шлюзы, – но Леда тут же подошла к нему, взяла за локоть и повела в Банкетный зал. Остальные двинулись следом. Торби усадили с одного конца стола, а дядя Джек занял место напротив. Справа от Торби расположилась тетя Дженнифер, а слева – Леда. Тетя Дженнифер засыпала юношу вопросами, тут же давая на них собственные ответы. Торби сообщил ей, что он совсем недавно покинул службу в гвардии, – похоже, она так и не смогла понять, что он не был офицером; Торби не стал ее убеждать. О Джаббалпуре он рассказывать не стал – Леда отбила у него охоту говорить об этом. Впрочем, для беседы нашлась другая тема – Торби спросил о Новой Зеландии, и в ответ получил лекцию из путеводителя.

Затем им занялась Леда, закончившая беседу с судьей Брудером; тетка Дженнифер обернулась к мужчине, сидевшему справа от нее.

Посуда, которой пользовались за столом, выглядела иногда довольно странно, особенно щипцы для бифштексов и какие-то шпильки – ими скреплялось мясо. Однако ложки были ложками, вилки – вилками; поглядывая на Леду, Торби управлялся с ними вполне сносно. Блюда подавались в полном соответствии со строгим обеденным ритуалом, но он видел, как таким же образом обслуживали бабушку. Не забыл Торби и полных колкостей и ехидства уроков Фрица, так что он чувствовал себя за столом вполне уверенно. И

только в самом конце он растерялся. Старший дворецкий поставил перед ним громадный бокал и, плеснув туда жидкости, замер в почтительном ожидании. Леда прошептала:

– Пригуби, кивни и отставь.

Торби подчинился, и слуга исчез.

– Не пей, это очень крепкое, – добавила Леда. – Кстати, я попросила папу: никаких тостов.

Наконец обед завершился. Леда вновь подсказала:

– Вставай.

Торби поднялся на ноги, остальные последовали его примеру.

«Семейный обед» оказался только началом. Дядя Джек показывался лишь за столом, да и то не всегда. Он оправдывал свое отсутствие, говоря: «Кто-то должен поддерживать огонь в очаге. Дела не ждут». Как торговец, Торби прекрасно понимал, что бизнес есть бизнес, но он с нетерпением ждал долгого обстоятельного разговора с дядей Джеком. Вместо этого ему приходилось принимать участие в светских развлечениях.

Леда сочувствовала ему, но помочь ничем не могла: она и сама толком ничего не знала.

– Папочка невероятно загружен делами. Всякие там компании и прочее. Все это слишком сложно для меня. Давай поторопись: нас ждут.

Их всегда кто-нибудь ждал. Танцы, катание на лыжах – Торби нравилось ощущение скорости, но сам способ перемещения казался ему рискованным, особенно после того, как он влетел в сугроб, едва не врезавшись в дерево, – игра в карты, обеды с молодыми людьми, где Торби занимал один конец стола, а Леда усаживалась на другом, затем опять танцы, полеты в Йеллоустон, где они кормили медведей, полуденные пирушки, вечеринки в саду. Хотя поместье Радбек располагалось в Тетонских горах среди снегов, в доме был огромный тропический сад с таким прозрачным куполом, что Торби даже не догадывался о его существовании, пока

Леда не заставила его коснуться крыши рукой. У Леды была масса веселых приятелей, и постепенно Торби научился болтать ни о чем. Молодые люди называли его Тор вместо Радбек, а Леду величали Бездельницей. Они обращались к Торби с фамильярным уважением и не скрывали интереса к тому, что он служил в гвардии и побывал во многих мирах, но чересчур личных вопросов не задавали. Сам же Торби, наученный горьким опытом, предпочитал не откровенничать.

В конце концов непрерывное веселье начало ему надоедать. Побывать на встрече приятно, но тот, кто привык работать, предпочитает взяться за дело.

Перелом произошел, когда он в компании десятка приятелей отправился кататься на лыжах. Когда Торби остался в одиночестве на склоне для новичков, с вершины скатился мужчина и затормозил рядом, взметнув снежный вихрь. Каждый день в поместье прилетали новые люди; вновь прибывшего звали Джоэл Делакура.

– Привет, Тор.

– Привет, Джоэл.

– Я хотел бы с тобой поговорить. У меня есть одна идея, и я хочу обсудить ее с тобой, когда ты примешься за дела. Нельзя ли встретиться с тобой так, чтобы вокруг не крутились десяток-другой секретарш?

– Как только я примусь за дела?

– Или позже, когда тебе будет удобно. Мне необходимо поговорить с человеком, который может принимать решения, в конце концов, ведь ты же наследник. Я не хотел бы встречаться с Уимсби... даже если он и согласится принять меня. – Вид у Джоэла был озабоченный. – Мне нужно всего десять минут. Ну, скажем, пять, если я не сумею заинтересовать тебя сразу. «Слово Радбека»? Идет?

Торби попытался вникнуть в смысл сказанного. Взяться за дела? Наследник? Он осторожно ответил:

– Я не хотел бы давать никаких обещаний, Джоэл.

Делакура пожал плечами:

– Ну что ж... и все-таки подумай над этим. Я могу доказать, что дело прибыльное.

– Подумаю, – согласился Торби и стал оглядываться в поисках Леды. Уединившись с ней, он пересказал содержание беседы с Джоэлом.

Она чуть заметно поморщилась:

– Пожалуй, ничего страшного в этом нет, ведь ты ничего не обещал. Я знаю лишь, что Джоэл – прекрасный инженер. Но лучше спроси у папочки.

– Я не об этом. Скажи, что он имел в виду, говоря «браться за дело»?

– Ну, постепенно ты возьмешь в свои руки...

– Что возьму?

– Все. Ты же Радбек из Радбека.

– Что значит «все»?

– Ну-ну... – Она обвела рукой горы, озеро и Радбек-Сити, видневшийся вдаль. – Все это. Радбек. Целую массу вещей. То, что принадлежит тебе лично, например ранчо в Австралии, дом на Майорке. И дела. «Радбек ассошиэйтс» включает в себя многое – на Земле и на других планетах. Я даже не знаю, с чего начать. Но все это твое, ну, может быть, «наше», ведь здесь участвует вся семья. Но ты – Радбек из Радбека; как сказал Джоэл – наследник.

Торби глядел на нее, чувствуя, как пересыхают его губы. Облизнув их, он проговорил:

– Почему мне не сказали?

Леда расстроилась:

– Тор, дорогой, мы собирались дать тебе немножко времени. Папа не хотел беспокоить тебя.

– Да уж, – ответил Торби. – Вот теперь я забеспокоился. Самое время поговорить с дядей Джеком.

Дядя Джек вышел к обеду, но было слишком много гостей. Когда все ушли, Уимсби отвел Торби в сторону:

– Леда сказала мне, будто бы тебя что-то волнует.

– Не совсем. Я хотел бы кое-что прояснить.

– Прекрасно – я так и думал, что тебе скоро надоест праздная жизнь. Что ж, пойдем ко мне в кабинет.

Войдя в кабинет, Уимсби отпустил секретаря и спросил:

– Что тебя интересует?

– Меня интересует, – медленно проговорил Торби, – что означает «быть Радбеком из Радбека».

Уимсби развел руками:

– Все... и ничего. Ты номинальный глава дела с тех пор, как погиб твой отец... если, конечно, он погиб.

– Есть какие-то сомнения?

– Полагаю, нет. Но ты вернулся.

– Если он погиб, то кем стал я? Леда сказала, будто бы я владею всем. Что это значит?

Уимсби усмехнулся:

– Ты же знаешь девчонок. Их головы не годятся для бизнеса. Право собственности на наши предприятия распределено среди множества людей, большую часть которых составляют наши служащие. Если твои родители мертвы, к тебе переходит контрольный пакет «Радбек ассошиэйтс», которая, в свою очередь, владеет пакетами – иногда контрольными пакетами акций – в самых разных областях. Сейчас я не стану их перечислять. Я управляю компанией при помощи целого штата юристов, так как сам я ведаю практической стороной дела, и у меня нет времени беспокоиться о том, кто какой частью владеет. Кстати, ты мне напомнил... у тебя не было пока случая тратить особенно много денег, но они могут тебе понадобиться, – Уимсби выдвинул ящик и достал книжечку. – Вот тебе мегабак. Когда кончится, обращайся ко мне.

Торби перелистал книжку. Земные деньги не смущали его: сотня долларов – кредит, который он представлял себе в виде пяти буханок хлеба (трюк, которому он научился у суперкарго), тысяча кредитов – суперкредит, тысяча суперкредитов – мегабак. Столь простая система, что Народ предпочитал пересчитывать деньги разных планет через земную валюту.

Однако здесь была сотня листов по десять тысяч кредитов...

– Это и есть мое наследство?

– О нет, это лишь карманные деньги. Точнее, чеки. Ты можешь разменять их в любом магазине или банке. Знаешь, как это делать?

– Нет.

– Перед тем как сунуть в щель автомата, оставь на чувствительной пластинке отпечаток большого пальца – но не раньше. Скажешь Леде, пусть тебя научит. Если бы эта девчонка так же легко зарабатывала деньги, как тратит их, то ни мне, ни тебе не пришлось бы работать вообще. Однако, – добавил Уимсби, – уж коли мы здесь, давай-ка провернем одно маленькое дельце. – Он достал папку и вытащил из нее бумаги. – Ничего сложного, тебе нужно лишь подписать каждый документ на последней странице и поставить рядом отпечаток большого пальца; потом я позову Берта, и он все нотариально заверит. Они все уже открыты на нужной странице. Давай-ка я придержу их, чтобы листы не скручивались.

Он показал пальцем, где должна стоять подпись. Торби поколебался и, вместо того чтобы расписаться, потянул документ к себе. Но Уимсби не позволил его забрать:

– Что случилось?

– Прежде чем подписывать, я должен прочитать. – Торби вспомнил, как занудно втолковывала это ему бабушка.

Уимсби пожал плечами:

– Это обычные документы, которые для тебя приготовил судья Брудер, – и, положив документ поверх остальных, собрал их в пачку и сунул обратно в папку. – Эти бумаги содержат распоряжение мне продолжать то, что я и так делаю. Кто-то ведь должен заниматься работой.

– Зачем же моя подпись?

– Мера предосторожности.

– Не понимаю.

Уимсби вздохнул:

– Дело в том, что в бизнесе ты не разбираешься. Впрочем, никто от тебя этого и не ожидает; у тебя не было возможности учиться. Вместо тебя приходится работать мне: дело не ждет.

Он помедлил и добавил:

– Проще всего будет объяснить это так. Когда твой отец и мать отправлялись в свое второе свадебное путешествие, им пришлось назначить того, кто будет вести дела в их отсутствие. Естественно, они выбрали меня, поскольку я уже тогда вел их дела, а до того дела твоего дедушки: он умер до их отлета с Земли. Так что, пока они развлекались, компанией управлял я. Не подумай, что я жалею: от такой чести не отказался бы ни один член семьи. К сожалению, твои родители не вернулись назад, и я продолжал исполнять свои обязанности.

Но теперь вернулся ты, и мы должны убедиться в том, что все в порядке. Во-первых, следует официально объявить твоих родителей умершими, причем сделать это нужно до тех пор, как ты вступишь в права наследования. Это займет немало времени. И вот перед тобой я, твой управляющий – управляющий делами всей семьи, – и ты не даешь мне никаких деловых указаний. В этих бумагах и содержатся такие указания.

Торби поскреб подбородок:

– Если я еще не вступил в права наследования, то почему вам что-то нужно от меня?

Уимсби улыбнулся:

– Я сам задаю себе этот вопрос. Однако судья Брудер считает необходимым предусмотреть все варианты. С тех пор как ты стал совершеннолетним...

– «Совершеннолетним»?

Для Торби это был новый термин; у торговцев человек считался достаточно взрослым для всего, что он был в состоянии сделать.

Уимсби принялся объяснять:

– Как только тебе исполняется восемнадцать лет, ты вступишь в «законный возраст», после чего дела значительно упрощаются. Отныне в суде тебя не должен представлять опекун. У нас имеются полномочия, переданные нам твоими родителями, теперь к ним добавятся твои, и уже не важно, как долго суд будет устанавливать, мертвы твои родители или нет, и разбираться с их завещаниями. Я, судья Брудер и остальные, кто занимается делами, смогут продолжать их и дальше. Тем самым мы избегаем потери времени... которая могла бы обойтись компании во много мегабаков. Ну, теперь ты понимаешь?

– Думаю, да.

– Отлично. Давай же покончим с этим. – Уимсби начал снова открывать папку.

Бабушка всегда говорила, что, прежде чем подписывать, нужно прочесть бумаги и хорошенько все обдумать.

– Дядя Джек, я хотел бы прочесть их.

– Но ты ничего не поймешь!

– Может быть, вы и правы. – Торби взял папку. – Но я должен их изучить.

Уимсби потянул папку к себе:

– В этом нет необходимости.

На Торби накатила волна упрямства.

– Вы же говорили, что судья Брудер подготовил их для меня?

– Да.

– Поэтому я хочу взять их с собой и попытаться разобраться в них. Я – Радбек из Радбека, и я должен знать, что я делаю.

Уимсби помедлил, затем пожал плечами:

– Ну что ж, попробуй. Ты сам убедишься в том, что я продолжаю делать для тебя то, что делал и прежде.

– И все же я хотел бы знать, что я делаю.

– Ну что ж! Спокойной ночи.

Торби читал бумаги до тех пор, пока не начали слипаться глаза. Язык документов был малопонятен, но, по-видимому,

в них действительно было написано то, о чем говорил дядя Джек, – инструкции Джону Уимсби продолжать рутинное управление сложной организацией. Торби заснул с головой, полной терминов типа: «полная доверенность на ведение дел», «все виды деятельности», «распоряжение всеми видами денежных средств», «подлежит отмене только при обоюдном согласии», «отказ от личного вмешательства», «полное доверие», «доверенность на голосование на всех собраниях акционеров, как ежегодных, так и внеочередных» и так далее.

Засыпая, Торби вдруг сообразил, что так и не попросил посмотреть распоряжения, которые оставили его родители.

Ночью ему порой грелился голос бабушки: «...и все хорошенько обдумай! Если ты не понимаешь, о чем идет речь, не знаешь законов, по которым дела будут претворяться в жизнь, – не подписывай, независимо от того, какой ты мог

бы получить доход. Поспешность может погубить торговца точно так же, как и лень».

Торби беспокойно ворочался в постели.

Глава 18

В поместье Радбеков почти никто не спускался к завтраку. Но завтракать в постели не входило в привычки Торби; он ел в саду в одиночестве, нежась в лучах горного солнца, в окружении тропических цветов, любуясь великолепием заснеженных склонов. Снег очаровал его – он даже представить себе не мог, что в мире могут существовать такие восхитительные вещи.

Однако в это утро Уимсби вышел в сад, едва Торби успел усесться за завтрак. Тут же появилось еще одно кресло, и слуга немедленно подал еще один прибор.

– Только кофе, – сказал Уимсби. – Доброе утро, Тор.

– Доброе утро, дядя Джек.

– Ну как, изучил документы?

– Что, сэр? Ах да. Я заснул, пока их читал.

Уимсби заулыбался:

– Верно, юридический язык действует как снотворное. Так что же, ты убедился в том, что документы содержат именно то, о чем я говорил?

– Полагаю, да.

– Ну вот и хорошо.

Уимсби отставил в сторону чашку с кофе и обратился к слуге:

– Принесите мне телефон домашней связи... Тор, вчера вечером ты просто вывел меня из себя.

– Простите, сэр.

– Тем не менее ты прав. Ты должен прочитывать все, что собираешься подписать, – эх, если бы у меня хватало на это времени! Мне приходится верить сотрудникам на слово, иначе у меня не оставалось бы времени на политику... И мне показалось, что ты должен сделать то же самое по отношению ко мне. Однако твоя осторожность весьма похвальна. – Он поднял трубку телефона. – Картер, принесите бумаги из комнаты Радбека. В сад.

Торби подумал, что Картер вряд ли отыщет их: в его покоях был сейф, но он так и не понял, как им пользоваться, и спрятал бумаги за книгами. Он начал было объяснять, но дядя Джек уже говорил:

– Есть еще кое-что, с чем ты, возможно, пожелаешь ознакомиться, – список недвижимости, которая принадлежит тебе... или будет принадлежать тебе, когда разберутся с завещанием. Это имущество не имеет отношения к бизнесу.

Торби просмотрел список в искреннем изумлении. Неужели он владеет островом под названием Питкэрн... на пятнадцати чего-то южного и ста тридцати западного – что это все такое? Купол на Марсе... Охотничьи угодья на Юконе – где он, этот Юкон, и почему там надо охотиться? Пойти на такой риск, как стрельба, можно только в открытом космосе... И что значит все остальное?

Он попытался найти знакомое ему название:

– Дядя Джек... а как же Радбек?

– Э-э-э... Так ты в нем и находишься.

– Да... но принадлежит ли он мне? Леда что-то такое говорила...

– Ну, в общем, да. Но здесь есть оговорка. Дело в том, что твой прапрадедушка решил, что поместье не может быть продано... так что в Радбеке всегда будет Радбек.

– Ясно.

– Мне думается, осмотр твоих владений мог бы доставить тебе немало удовольствия. Я уже распорядился подать аэрокар. Тебе понравился тот, на котором мы сюда прилетели?

– Что? О господи, ну конечно же! – Торби заморгал.

– Ну и чудесно. Он принадлежал твоей матери, и я оказался слишком сентиментален, чтобы отправить его на свалку. Однако в его конструкцию внесены все последние улучшения. Можешь взять с собой Леду; она знакома с большинством мест из этого списка. Возьми с собой друзей и развлекайся, сколько тебе заблагорассудится. Мы можем найти подходящего сопровождающего.

Торби отложил список в сторону:

– Может быть, я так и сделаю, дядя Джек... немного погодя. Но сейчас я хотел бы взяться за дела.

– Что?

– Сколько времени надо, чтобы стать юристом на Терре? Лицо Уимсби прояснилось.

– Я понимаю. Овладение языком юриспруденции дается не так просто. Это займет от четырех до пяти лет.

– В самом деле?

– Тебе придется провести два или три года в Гарварде или еще в какой-нибудь хорошей бизнес-школе.

– Это действительно необходимо?

– Уверяю тебя.

– Что ж... полагаю, вы знаете об этом куда больше меня.

– Так оно и есть! По крайней мере, сейчас.

– Но неужели я не могу узнать кое-что о бизнесе до того, как начну учиться? Я же не имею ни малейшего представления о том, что это такое!

– На это уйдет уйма времени.

– И тем не менее я хочу начать учиться уже сейчас.

Уимсби начал было хмуриться, но потом заулыбался и пожал плечами:

– Тор, ты упрям, как твоя мать. Хорошо, я оборудую для тебя кабинет в нашем головном офисе в Радбек-Сити и

подберу штат людей, которые помогут тебе. Но, предупреждаю тебя, это не игрушки. Не человек командует делами, а дела командуют им. Ты становишься их рабом.

– Что ж... тем не менее я должен попробовать.

– Рад это слышать.

Замигал телефон, стоявший возле чашки Уимсби. Он поднял трубку, послушал, нахмурился и произнес:

– Подожди. – Он обернулся к Торби. – Этот болван не может найти бумаги.

– Я собирался вам сказать... Я спрятал их, потому что не хотел оставлять на виду.

– Понятно. И где же они?

– Ох... Полагаю, что найти их сумею только я сам.

Уимсби сказал в трубку:

– Ладно, я разберусь, – и, передав телефон слуге, обернулся к Торби. – Так тащи их сюда, если не возражаешь.

У Торби такого желания не возникло. Он успел проглотить лишь четыре куса, и ему не понравилось, что ему выдают поручения во время еды. Радбек он или не Радбек? Или все еще вестовой у офицера?

– Я займусь этим после завтрака.

Дядя Джек с трудом скрыл раздражение. Он сказал:

– О, прошу прощения. Но если ты слишком занят, то не будешь ли так любезен сказать мне, где они все-таки лежат? У меня впереди тяжелый день, так что я хотел бы покончить с этими мелочами и взяться за работу. Если ты ничего не имеешь против.

Торби вытер губы.

– Я бы предпочел, – медленно произнес он, – не подписывать их сейчас.

– Как? Но ведь ты сам сказал, что твое любопытство удовлетворено!

– Нет, сэр. Я сказал лишь, что прочел документы. Но я не понял их. Дядя Джек, где бумаги, подписанные моими родителями?

– Что? – Уимсби быстро взглянул на юношу. – Зачем тебе?

– Хочу с ними ознакомиться.

Уимсби задумался:

– Должно быть, лежат в сейфе в Радбек-Сити.

– Отлично. Я еду туда.

Уимсби вскочил на ноги.

– Ты уж извини меня, но мне пора заняться делами, – едко произнес он. – Молодой человек, когда-нибудь вы поймете, что я сделал для вас! А сейчас, несмотря на то что вы решили отказаться от сотрудничества, я должен продолжать исполнять свои обязанности.

Он резко повернулся и ушел. Торби обиделся – он вовсе не собирался отказываться от сотрудничества... но уж если они ждали годы, то почему бы им не подождать еще немного и не дать ему шанс?

Он вытащил бумаги из тайника и позвонил Леде. Она ответила, не включая экрана:

– Тор, дорогой, чего ради ты вскочил среди ночи?

Торби стал объяснять, что он хочет узнать, где находится бизнес-офис семьи.

– Я подумал, что ты могла бы мне подсказать.

– Ты уже поговорил с папочкой?

– Он пообещал организовать для меня кабинет.

– Я не просто расскажу, я провожу тебя. Только сначала позволь девушке привести в порядок лицо и выпить стакан апельсинового сока.

Поместье было связано с конторами в Радбек-Сити скоростным подземным туннелем. Они вышли в небольшой изолированный холл, в котором сидела пожилая секретарша. Подняв глаза, она сказала:

– Здравствуйте, мисс Леда! Рада вас видеть!

– И я рада вас видеть, Агги. Пожалуйста, передайте папочке, что мы приехали.

– Да-да, сейчас. – Она вопросительно посмотрела на Торби.

– Ох, – сказала Леда. – Я совсем забыла. Это Радбек из Радбека.

Агги торопливо вскочила на ноги:

– Ой, простите! Я не знала... прошу прощения, сэс!

Дальнейшее происходило с ошеломляющей быстротой. Уже через минуту Торби очутился в кабинете, полном спокойного величия, с такой же секретаршей, которая называла юношу его двойным именем и предложила звать себя Долорес. У него сложилось впечатление, будто в стенах скрываются бесчисленные джинны, готовые выскочить по мановению ее пальца.

Леда подождала, пока он устроится, и сказала:

– Если уж ты намерен превратиться в скучного лысого бизнесмена, то я, пожалуй, пойду, – затем, поглядев на Долорес, добавила: – А может быть, ты вовсе и не собираешься скучать? Может, мне стоит остаться? – Но все же ушла.

Торби был опьянен свалившимся на него ощущением богатства и власти. Старшие служащие называли его «Радбек», младшие – «Радбек из Радбека», а совсем юные – к месту, не к месту – добавляли к имени «сэс», так что он легко различал их статус по тому, как они к нему обращались.

Хотя он не включился в дела – видеть Уимсби ему доводилось очень редко, а судья Брудер, тот и вовсе был недоступен, – однако все, в чем Торби нуждался, появлялось мгновенно. Одно слово Долорес – и рядом возникает солидный молодой человек, объясняя непонятную юридическую статью, еще слово – и появляется оператор со стереопроектором и фильмами, разъясняющими суть деятельности предприятия, где бы оно ни находилось – хоть на другой планете. Торби просматривал ленты целыми днями, но им конца не было.

Его офис столь стремительно наполнялся книгами, катушками, картами, брошюрами, слайдами, папками и плакатами, что Долорес пришлось переоборудовать смежную комнату в библиотеку. Цифры на диаграммах описывали в форме налоговых сводок деятельность предприятий столь

громадных, что иначе в их делах разобраться было невозможно. Цифр было так много, и они были таким сложным образом связаны, что у юноши разламывалась голова. Он начинал сомневаться в своем призвании быть финансовым магнатом. Оказывается, дело не ограничивалось тем, что тыходишь в кабинет, сопровождаемый почтительными приветствиями, и все твои пожелания выполняются без промедления. Какой смысл в занятии, от которого ты не получаешь удовольствия? Быть гвардейцем гораздо проще.

И все же ощущать свою значимость было приятно. Большую часть жизни Торби был никем, в лучшем случае он был самым младшим.

Видел бы его сейчас папа! В столь изысканной обстановке, с парикмахером, приводящим его прическу в порядок, пока он работает (Баслим подстригал ему волосы под горшок), с секретаршей, заранее угадывающей его пожелания, и десятками людей, сгорающих от желания услужить ему. Но каждый раз, когда папа являлся ему во снах, на лице его было укоризненное выражение; Торби начинал думать, что же он сделал не так, и вновь окунался с головой в море цифр.

Картина постепенно прояснялась. Главным предприятием было «Радбек энд ассошиэйтс, лимитед». Насколько мог понять Торби, сама эта фирма ничего не производила. Она была учреждена в форме частного инвестиционного треста и лишь владела всем остальным. Большая часть имущества, которое перешло бы к Торби после установления факта гибели его родителей, представляла собой долю собственности в этой компании. Он не владел ею целиком; узнав, что обоим его родителям принадлежало лишь восемнадцать процентов из многих тысяч акций, Торби почувствовал себя едва ли не нищим.

Потом он выяснил, что такое «голосующие акции» и «неголосующие»; ему принадлежало восемнадцать сороковых частей всех голосующих, остаток распределялся среди родственников и посторонних.

«Радбек энд ассошиэйтс» владела акциями других компаний, и это только запутывало картину. «Галактические предприятия», «Галактическая вексельная корпорация», «Галактический транспорт», «Межзвездный металл», «Налоги трех планет» (на самом деле это предприятие орудовало на двадцати семи планетах), «Гавермейерские лаборатории» (которые занимались всем, от барж и пекарен до исследовательских станций) – список был бесконечным. Кажалось, все эти корпорации, тресты, картели и банки переплетаются, словно спагетти. Торби выяснил, что ему принадлежит (через его родителей) пай в компании «Хонас бразерс», причем владение осуществлялось посредством цепочки из шести компаний: 18 % от 31 % от 43 % от 19 % от 44 % от 27 % – в итоге доля получалась столь микроскопическая, что он сбился со счета. Однако его родители владели напрямую семью процентами акций той же «Хонас бразерс», так что выходило, что косвенный пай в одну двадцатую процента давал право осуществлять контроль деятельности компании, но приносил незначительный доход, а прямые семь процентов приносили в сто сорок раз больше, но не давали права контроля.

Для Торби стало откровением то обстоятельство, что управление и владение связаны между собой очень слабо; до сих пор он считал, что «владеть» и «управлять» – суть одно и то же. Если вы, например, владеете чашей для подачи или форменной курткой, то вы, разумеется, вправе ими распоряжаться!

Слияния, разделы и поглощения корпораций и компаний смущали его и вызывали чувство протеста. Все это было так же сложно, как боевой компьютер, но при этом лишено холодной компьютерной логики. Торби пытался вычерчивать схемы, но все впустую. Владение каждым объектом порождало хитроумное сплетение обычных и привилегированных акций, облигаций ранних и поздних выпусков, ценных бумаг со странными наименованиями и непонятными функциями; порой одна компания напрямую владела

частью другой, а оставшейся частью владела через третью компанию, две компании могли владеть отчасти друг другом, либо компания владела частью самой себя, словно змея, вцепившаяся себе в хвост. Во всем этом не прослеживалось смысла.

Это не было «бизнесом» – в том значении, какое вкладывал в это слово Народ: купить, продать, получить прибыль. Такой «бизнес» напоминал глупую игру, ведущуюся по диким правилам.

Но Торби беспокоило не только это. До сих пор он не знал, что Радбеки занимаются строительством космических кораблей. «Галактические предприятия» контролировали «Галактический транспорт», одно из многочисленных подразделений которого выпускало звездолеты. Поначалу Торби ощутил прилив гордости, но потом в его душе поселилась смутная тревога: что-то такое говорил полковник Брисби..., и папа вроде бы подтвердил... «крупнейшая» или, может быть, «одна из крупнейших» земных верфей была связана с работоторговлей.

Он пытался уговорить себя, что думать так глупо, – этот роскошный офис был настолько далек от грязного бизнеса работоторговли, насколько это было возможно. Но как-то ночью, уже засыпая, он буквально подскочил на кровати от мысли, пронизанной черной иронией: а вдруг один из невольничьих кораблей, в вонючем трюме которого он валялся, мог в тот момент быть собственностью паршивого забитого раба, каким он был тогда?

Это был кошмарный сон, и Торби прогнал прочь страшную мысль, которая тем не менее лишила его всякого удовольствия от работы.

Как-то вечером он изучал длинный меморандум из юридического отдела, так сказать, краткий сводный перечень интересов «Радбек энд ассошиэйтс», и вдруг поймал себя на мысли, что зашел в тупик. Складывалось впечатление, будто писавший намеренно затушевывает смысл. Казалось, что текст написан на древнекитайском языке, да что там –

еще хуже! Ведь тот же саргонезский включал в себя немало китайских слов.

Торби отпустил Долорес и сел, уронив голову на руки. Почему, ну почему он не остался в гвардии? Там он был бы счастлив, в том мире все было ему понятно.

Потом он встал и сделал то, что так долго откладывал: позвонил по видеофону своей бабушке и дедушке. Он уже давно намеревался съездить к ним, но первым делом хотел разобраться со своими обязанностями.

Конечно, они обрадовались его звонку!

– Поторопись, сынок, мы будем ждать!

Затем был чудесный полет над прериями и могучей Миссисипи (которая казалась с высоты тоненьким ручейком), над белесыми пятнышками городов и ферм. Аэрокар приземлился в сонном университетском городке Вэлли-Вью, где тротуары были по-старинному неподвижны и само время, казалось, остановило свой ход. Дом стариков, заметно выделявшийся в городке, казался таким тихим и уютным по сравнению с пустынными громадными холлами Радбека.

Но отдохнуть во время визита не удалось. На обед были приглашены гости – ректор колледжа и деканы факультетов, а после обеда явились и другие. Некоторые из них называли Торби Радбеком из Радбека, другие неуверенно обращались к нему «мистер Радбек», третьи, ошибочно полагая, что магнатам свойственна фамильярность, говорили по-свойски «Радбек». Бабушка суетилась вокруг, счастливая, насколько только может быть счастлива хозяйка дома, а дедушка был, как всегда, подтянут и во всеуслышание называл Торби «сынок».

Торби изо всех сил старался не подвести их. Вскоре он понял, что его слова не имеют значения, для людей важен сам факт разговора с Радбеком.

И лишь следующим вечером, который бабушка – с явной неохотой – сделала чисто семейным, Торби смог поговорить со стариками. Ему был нужен совет.

Поначалу они принялись расспрашивать друг друга. Торби узнал, что его отец, женившись на единственной дочери дедушки Радбека, предпочел взять ее фамилию.

– Это можно понять, – объяснял Бредли. – Радбеку нужен Радбек. Марта была наследницей, но Крейтон должен был председательствовать на собраниях, конференциях и обедах, даваемых по этим случаям. Я надеялся, что мой сын пойдет по моим стопам и посвятит себя музе истории. Но когда он женился, то, что мне оставалось, кроме как радоваться за него?

Родители Торби и он сам стали жертвой стремления отца сделаться самым-самым Радбеком из Радбека: он хотел лично осмотреть как можно больше колоний своей экономической империи.

– Твой отец всегда отличался добросовестностью, и, когда дедушка Радбек скончался, до того, как Крейтон закончил свое, так сказать, ученичество, он оставил во главе компании Джона Уимсби. Я полагаю, ты знаешь, что Джон – второй муж младшей сестры твоей другой бабушки, Арии, а Леда, разумеется, его дочь от первого брака.

– Нет, я не знал об этом.

Торби перевел эти сведения на язык семейных отношений «Сису» ... и с удивлением понял, что Леда принадлежит к другой ветви, – если, конечно, на Земле обращали внимание на такие вещи, что было сомнительно. И дядя Джек во все не был «дядей», а... ну как это сказать по-английски?

– Джон был секретарем и доверенным лицом твоего другого дедушки, и он был идеальным выбором; он знал дела лучше, чем кто бы то ни было, не считая самого дедушки Радбека. Когда мы пришли в себя после потрясения, вызванного вашим трагическим исчезновением, мы поняли, что жизнь должна продолжаться и что Джон способен справляться с делами так успешно, как если бы он сам был Радбеком.

– Он просто замечательный! – прошептала бабушка.

– Да, верно. Я должен сказать тебе, что после женитьбы Крейтона мы с бабушкой стали жить гораздо лучше. Зарплата в колледже совсем не такая, какой она должна быть. Крейтон и Марта были весьма щедры. После того как наш сын исчез, у нас с бабушкой могли появиться трудности, если бы Джон не сказал, что нам не о чем беспокоиться. Он внимательно следил, чтобы наше благосостояние оставалось на прежнем уровне.

– И даже выросло! – с воодушевлением прибавила бабушка Бредли.

– Да, да. Вся семья – мы считаем себя частью семьи Радбек, хотя продолжаем с гордостью носить нашу собственную фамилию, – так вот, вся семья совершенно удовлетворена тем, как Джон ведет дела.

Однако Торби интересовали вовсе не достоинства «дяди Джека».

– Вы упоминали, что мы стартовали с Акки, направляясь к дальним звездам, но так и не прибыли туда? Странно, ведь это так далеко от Джаббала.

– Я думаю, ты прав. В колледже есть только малый галактический атлас, и я должен признать: действительно, очень трудно представить, что дюйм на карте оборачивается многими световыми годами в пространстве.

– В данном случае – ста семьюдесятью световыми годами.

– Давай-ка подсчитаем, сколько это в милях?

– Это столь же бессмысленно, как измерять в микронах длину дивана, на котором вы сидите.

– Ну-ну, сынок. Не будь таким педантом.

– Что вы, дедушка! Я лишь размышлял о том, как далеко отстоит место, где нас взяли в плен, от той точки, где меня в последний раз продали.

– Я уже один раз слышал от тебя слово «продали». Ты должен понимать, что этот термин неточен. Ведь на самом деле крепостное право, практикуемое на Саргоне, не является рабовладением. Оно идет от древнеиндийской системы

гильдий или «каст» – стабильной социальной системы, подразумевающей взаимные обязательства верхов и низов. Ты не должен называть эту систему «рабством».

– Я не знаю другого слова для перевода саргонезского выражения.

– Я мог бы предложить несколько, хотя и не знаю саргонезского. Видишь ли, этот язык мало где изучают. Но, дорогой Тор, ты ведь не изучал человеческую историю и культуру, так что положиись на мой авторитет в области, в которой я считаюсь специалистом.

– Ну что ж... – Торби ощутил замешательство. – Я не очень хорошо знаю английский Системы, и я не знаком с историей... ведь этой истории очень много.

– Верно. Я первый с этим соглашусь.

– Но я не могу перевести лучше – меня продали, и я был рабом!

– Ну-ну, сынок.

– Не спорь с бабушкой, дорогой, будь умницей.

Торби умолк. Он уже упоминал о том, что несколько лет был нищим, и бабушка пришла в ужас от такого бесчестья, хотя прямо об этом не говорила. И он обнаружил, что, хотя дедушка и знает об очень многих вещах, когда дело касалось вещей, которые Торби видел своими глазами, он рассуждал с обычной своей уверенностью, не будучи никогда прав. Он с грустью подумал, что это происходит от осознания взрослыми своего превосходства над младшими и что с этим ничего не поделаешь. Он слушал рассуждения бабушки об истории Девяти миров. Бредли категорически не соглашался со взглядами, бытовавшими на Саргоне, но, в общем-то, его точка зрения была близка к тому, чему учил Торби Баслим, – за исключением рабства. Он обрадовался, когда разговор вновь вернулся к организации дела Радбеков. Торби заговорил о своих затруднениях.

– Рим не в один день строился, Торби.

– Мне кажется, я никогда не смогу научиться! Я уже подумывал о возвращении в гвардию.

Дедушка нахмурился:

– Это было бы неразумно.

– Почему, сэр?

– Если ты не чувствуешь призвания к бизнесу, найдутся другие не менее почетные занятия.

– Считаете, что служба в гвардии к ним не относится?

– Мм... мы с твоей бабушкой относим себя к пацифистам философского толка. Нельзя отрицать, что покушению на человеческую жизнь нет морального оправдания.

– Никогда! – подтвердила бабушка.

Торби подумал, что бы сейчас сказал папа? Черт возьми, он знал, что ради освобождения рабов Баслим готов был крушить все направо и налево!

– А что бы вы сделали, если бы на вас шел пират?

– Кто?

– Пират. Представьте, что у вас на хвосте висит пират и приближается с каждой секундой.

– Думаю, следует убегать. Оставаться и вступать в драку аморально. Видишь ли, Тор, насилием ничего нельзя добиться.

– Но вы не можете бежать: у пирата более мощные двигатели. Выход один: ты или он.

– В таком случае следует сдаться; это лишает смысла его намерения... как доказал бессмертный Ганди.

Торби глубоко вздохнул:

– Дедушка, простите меня, но его намерения вовсе не лишаются смысла. Вам приходится драться. Рейдеры захватывают рабов. Больше всего я горжусь тем, что мне удалось сжечь один из них.

– «Сжечь один из них»?

– Я накрыл его самонаводящейся ракетой. Разнес корабль в клочья.

Бабушка ахнула. Повисла тишина. Наконец дедушка сухо сказал:

– Тор, боюсь, ты подвергся дурному влиянию. Вероятно, ты в этом не виноват. Но у тебя масса неверных

представлений как о фактах, так и об их оценке. А теперь прислушайся к логике. Если ты «сжег» его, то откуда тебе знать, что он был намерен – как ты это говоришь? – «брать рабов». Что бы он с ними делал? Ничего.

Торби продолжал молчать. Очень важно, с какого края площади ты смотришь на мир... если у тебя нет статуса, тебя никто не будет слушать. Это правило действует везде.

– Давай-ка не будем больше говорить на эту тему, – продолжал дедушка Бредли. – Что же касается всего остального, то я дам тебе тот совет, который хотел дать твоему отцу: если ты не чувствуешь призвания к делу, то даже не пытайся им заниматься. Но сбежать в гвардию, словно мальчишка, начитавшийся романтических книжек... нет, сынок! Однако тебе еще долго не придется ломать голову, ведь Уимсби – очень способный управляющий; тебе не придется принимать никаких решений. – Дедушка поднялся на ноги. – Насколько я мог понять из бесед с Джоном, он не прочь нести свою ношу еще немного... а если это потребуется, то и больше того. А теперь пойдем спать. Завтра рано вставать.

Наутро Торби уехал, провожаемый вежливыми заверениями, что их дом – его дом, и в конце концов юноша стал подозревать, что именно так оно и есть. Проведя ночь без сна, он принял решение и с ним явился в Радбек-Сити. Он хотел жить, видя вокруг себя переборки и палубы корабля. Он хотел вернуться к тому делу, которому служил папа; быть миллиардером – не его удел.

Сначала нужно сделать вот что. Добраться до бумаг, подписанных его родителями, сравнить их с теми, которые были приготовлены для него, – ведь отец, вероятно, хорошо знал, что нужно делать, – затем подписать их, чтобы дядя Джек мог спокойно продолжать работу после того, как Торби покинет планету. Дедушка был прав: Джон Уимсби прекрасно разбирается в делах, которых он, Торби, совершенно не понимает. Он должен быть благодарен дяде Джеку. Перед тем как проститься, надо будет его

поблагодарить. А затем – покинуть Терру и вернуться к людям, с которыми он говорит на одном языке.

Войдя в свой офис, он тут же связался с кабинетом дяди Джека, но того не было в городе. Торби решил написать ему записку, выдержанную в самых вежливых выражениях, – о да! надо попрощаться с Ледой.

Он позвонил в юридический отдел и попросил разыскать документы, оставленные его родителями, и прислать их к нему в кабинет.

Вместо документов появился судья Брудер.

– Радбек, зачем вам документы, которые вы затребовали из сейфа?

– Я хотел бы взглянуть на них, – объяснил Торби.

– Брать бумаги из сейфа могут только руководящие работники компании.

– А кто же я?

– Боюсь, что вы всего лишь мальчишка, который плохо представляет себе, что происходит вокруг. Со временем вы будете допущены к руководству фирмой, но сейчас вы всего лишь гость, пытающийся разобраться в делах своих родителей.

Торби проглотил эту пилюлю: как бы ни звучали слова судьи, в них была доля истины.

– Я собирался проконсультироваться об этом с вами. А как продвигается дело об установлении факта смерти моих родителей?

– Торопитесь похоронить их?

– Разумеется, нет. Но дядя Джек сказал, что без этого не обойтись. Так как же обстоят дела?

Брудер фыркнул:

– Никак. И все из-за вашего упрямства.

– То есть?

– Молодой человек, неужели вы думаете, что служащие компании начнут процесс, который может принести неисчислимы убытки, если вы не сделали необходимых шагов, чтобы предотвратить их? Разбирательство с завещаниями

может затянуться на годы, в течение которых дела будут стоять на месте... только потому, что вы отказываетесь подписать документы, подготовленные мной много недель назад.

– Хотите сказать, что, пока я не подпишу их, ничто не сдвинется с места?

– Совершенно, верно.

– Не понимаю. Допустим, я умер – или вообще не появился на свет. Неужели дела останавливаются каждый раз, когда умирает Радбек?

– Мм... В общем, нет. С разрешения суда дела ведутся своим чередом. Но выто теперь здесь! И нам приходится с этим считаться. Так вот, мое терпение иссякает. Похоже, вы думаете, что, прочтя несколько балансовых отчетов, вы начали разбираться в бизнесе. Ничего подобного! Например, вы убеждены, что имеете право потребовать документы, врученные Джону Уимсби лично, документы, которые даже не являются собственностью компании. И если вы сейчас попытаетесь лично возглавить фирму – если, конечно, мы поддержим ваше требование признать смерть ваших родителей, – то, насколько я могу судить, нас ожидают многочисленные неприятности, пока вы ищете свой баланс. Мы не можем себе этого позволить. Компания не может себе этого позволить. Радбек не может себе этого позволить. Так что я хотел бы, чтобы бумаги были подписаны сегодня же, и без всяких проволочек! Вам ясно?

Торби набычился:

– Я не стану подписывать.

– Что значит «не стану»?

– Я не подпишу ни единой бумаги до тех пор, пока не буду твердо знать, что она означает. Тем более, что я не видел документов, оставленных моими родителями.

– Мы еще посмотрим!

– Я буду стоять на своем до тех пор, пока не разберусь, что здесь происходит!

Торби обнаружил, что разобраться будет непросто. Дела шли как прежде, но что-то изменилось. У него появились смутные подозрения, что та помощь, которой он пользовался, изучая бизнес, подавалась не самым лучшим образом. Он начал тонуть в потоке непонятных цифр, не имевших отношения к делу, и в неясных «заключениях» и «анализах», которые ничего не анализировали. Но он знал так мало, что подозрения возникли далеко не сразу.

Они перешли в уверенность с того дня, когда он бросил вызов судье Брудеру. Долорес трудилась, как всегда, не покладая рук, и все окружающие по-прежнему рьяно бросались ему на помощь, но обильный приток информации стал иссякать, пока наконец не прервался вовсе. Перед Торби извинялись, приводя массу причин, по которым было совершенно невозможно найти то, что он просил. То «обзор еще не готов», то «человек, который за это отвечает, сейчас в отъезде», то «эти данные хранятся в сейфе, но в конторе нет ни одного служащего, имеющего к ним доступ». К дяде Джеку и судье Брудеру пробиться стало невозможно, а их помощники демонстрировали вежливую беспомощность. Дядю Джека нельзя было поймать даже в поместье. Леда каждый раз сообщала юноше, что «папочка отбыл в деловую поездку».

В собственном офисе Торби начали происходить странные вещи. Хотя библиотека была устроена Долорес, она сама не могла ничего найти и даже припомнить, где находятся бумаги, размещенные в библиотеке на хранение. Наконец Торби потерял терпение и накричал на нее.

Она восприняла все его упрёки с олимпийским спокойствием:

– Прошу прощения, сэр. Я стараюсь изо всех сил.

Торби смягчился. Он достаточно насмотрелся на портовых грузчиков и отлично чувствовал, когда люди начинали «тянуть волынку». Но стоящее перед ним несчастное

создание было тут ни при чем; он зря набросился на нее. Торби примирительно сказал:

– Извините меня, Долорес. Возьмите выходной.

– О нет, сэр, я не могу.

– Кто вам это сказал? Отправляйтесь домой.

– Я бы не хотела...

– Что ж, дело ваше. Во всяком случае, прилягте на диванчик в дамской комнате – в общем, отдохните. Это приказ. Увидимся завтра.

Встревоженная, Долорес ушла. Торби уселся за свой девственно-чистый стол с отключенным терминалом и задумался.

Ему нужно было побыть в одиночестве, позабыв на время о потоке цифр и прочей информации. Ему нужно было переварить полученные данные. Немного погодя Торби стал прикидывать, что же ему удалось раскопать.

Итак, дядя Джек и судья Брудер изолировали его за отказ подписать доверенности.

Далее. Он может быть «Радбеком из Радбека», но до тех пор, пока его родителей не признают погибшими, дела будет вершить дядя Джек.

Далее. Судья Брудер недвусмысленно намекнул ему, что до тех пор, пока Торби не признает свою некомпетентность и не подпишет доверенности, никаких шагов в этом направлении не будет предпринято.

Далее. Он так и не узнал, какие распоряжения оставили его родители. Он пытался этого добиться – и потерпел неудачу.

И последнее. Оказывается, «владеть» и «управлять» – совершенно разные вещи. Дядя Джек управляет всем тем, чем владеет Торби; сам же Уимсби владеет лишь одной, для формальности, акцией, что позволяет ему возглавлять совет директоров. Леде принадлежит куда больший кусок, поскольку она – член семьи Радбек, но, вероятно, дядя Джек контролирует и ее долю тоже. Сама Леда в дела не вмешивается.

Вывод...

Какой же отсюда следует вывод? Может быть, дядя Джек занимается какими-то махинациями и боится допустить Торби к своим секретам? Не похоже. Дядя Джек получает столь солидные оклады и премии, что только законченный сквалыга захотел бы иметь еще больше денег – денег как средств к существованию. Счета родителей, похоже, в полном порядке и уже принесли весьма солидный доход. Мегабак, который ему выдал дядя Джек, вряд ли сколь-нибудь подорвал его благосостояние. Еще одна статья расходов – содержание дедушки и бабушки Бредли плюс незначительные расходы на семью и содержание поместья – ничего серьезного, какая-нибудь пара мегабаков.

Вывод: дядя Джек был боссом, ему нравится быть боссом, и он хочет оставаться боссом так долго, как это будет возможно.

Статус... Уимсби занимает высокое положение и будет стремиться его сохранить. Торби подумал, что он наконец понял дядю Джека. Уимсби говорил Торби о том, что на его плечи возложена очень тяжелая ноша; он взвалил ее на себя потому, что ему нравилось быть боссом, – точно так же капитаны и старшие помощники вольных торговцев трудятся в поте лица, несмотря на то что все остальные члены семьи получают равную с ними долю. Дядя Джек здесь – «старший помощник», и он не намерен передавать свой статус человеку, который втрое моложе его и (скажем честно) совершенно не разбирается в деле, понимать которое просто обязан, находясь на этом посту.

Осознав это, Торби почувствовал, что лучше всего было бы подписать эти доверенности для дяди Джека, который своим трудом заслужил это место, тогда как Торби всего лишь его унаследовал. Вероятно, дядя Джек был жестоко разочарован, когда Торби вернулся живым; судьба нанесла ему тяжелый удар.

Так пусть все остается ему! Уладить дела – и прочь отсюда, назад, в гвардию.

Однако Торби отнюдь не был готов сложить оружие перед судьей Брудером. В жизни его достаточно пинали, и естественной реакцией Торби стало сопротивление любой власти, которую он не признавал; этот рефлекс выжгли в его душе плетью. Он сам не отдавал себе в этом отчета и лишь понимал, что надо проявить упорство. Торби чувствовал, что папа дал бы ему именно такой совет.

Подумав о папе, Торби вспомнил кое-что еще. Не замешаны ли Радбеки, хотя бы и косвенно, в работоторговле? Он понял, зачем папа заставлял его продолжать борьбу: он не мог уйти, пока не узнает все подробности и не положит конец этой мерзейшей ситуации, если она существует. Но как это выяснить? Он был Радбек из Радбека, но при этом его опутали тысячами нитей, как парня из папиной сказки... «Гулливер и его звездолет»... вот как она называлась.

Итак, папа докладывал в корпус «Икс» о том, что крупные кораблестроители каким-то образом связаны с правительством Саргона и пиратами-работоторговцами. Пиратам крайне необходимы корабли. Корабли... На прошлой неделе Торби читал книгу, в ней рассказывалось о каждом звездолете, выпущенном «Галактическим транспортом», – от номера 0001 до самых последних. Юноша отправился в библиотеку. Хм... толстая красная книга, а не магнитная лента.

Она исчезла, как и многие другие вещи в последнее время. Однако, интересуясь кораблями, Торби успел вызубрить ее наизусть почти целиком. Он принялся набрасывать заметки.

Большинство звездолетов несли службу внутри Гегемонии, некоторые принадлежали Радбекам, некоторые – другим компаниям. Торби с удовольствием подумал о том, что многие из них были приобретены торговцами. Однако были корабли, зарегистрированные на имя владельцев, которых он не мог определить... А ведь Торби казалось, что он знает, хотя бы по названиям, все компании, занятые законной межзвездной торговлей в пределах Гегемонии, и уж во

всяком случае, он смог бы припомнить любой клан вольных торговцев.

Но, сидя за столом, даже с книгой в руках, сделать определенные выводы было невозможно. Может быть, здесь, на Терре, в этом вообще не разобраться. Может быть, дядя Джек и судья Брудер даже не подозревают о том, что за их спинами творятся грязные дела.

Торби включил галактический атлас, установленный по его настоянию в кабинете. Атлас охватывал только исследованную часть Галактики, но, несмотря на это, масштаб был чрезвычайно мелок.

Торби взялся за ручки управления. Для начала он высветил зеленым Девять миров. Затем добавил желтого, отметив им опасные места, которых избегали торговцы. Зажег две планеты, между которыми был захвачен корабль его родителей, и подобным же образом обозначил все пропавшие суда Народа, относительно которых он знал направление последнего прыжка.

Результатом стало созвездие из разноцветных огоньков, расположенных весьма близко друг к другу – в масштабе межзвездных расстояний, конечно, – в том же секторе, где находились Девять миров. Торби взгляделся в эту картину и присвистнул. Папа знал, о чем говорил, но без такого наглядного изображения трудно было представить ситуацию целиком.

Юноша вспомнил о линиях регулярных рейсов и заправочных станциях, установленных в том районе «Галактическим транспортом» ... затем высветил оранжевым цветом офисы банков «Галактической вексельной корпорации», размещенные по соседству.

И принялся сосредоточенно изучать полученную схему.

Это еще нельзя было считать неопровержимым доказательством, но с какой целью в том секторе они развили такую бурную деятельность?

Он должен это выяснить.

Торби увидел, что Леда приказала накрыть стол в саду. Они сидели вдвоем, и снег покрывал искусственный небосвод сверкающим куполом. Свечи, цветы, струнное трио и сама Леда делали картину восхитительной, но она не радовала глаз Торби, хотя девушка ему нравилась, а сад был его любимым уголком в Радбек-Холле. Они уже почти кончили есть, когда Леда сказала:

– Я бы не пожалела доллара, чтобы узнать, о чем ты думаешь.

Торби виновато потупился:

– Да так... ни о чем.

– Должно быть, это «ничто» очень тебя тревожит.

– Ну... да.

– Ты не хочешь рассказать об этом Леде?

Торби прикрыл глаза. Дочь Уимсби была последним из людей, с кем он захотел бы откровенничать. Его беспокойство было вызвано раздумьями о том, что ему придется делать, если вдруг вскроется, что семья Радбек замешана в делах работоторговцев.

– Мне кажется, бизнес не мое призвание.

– Отчего же? Папочка говорит, что твоя голова потрясающе воспринимает цифры.

Торби фыркнул:

– Тогда почему он не... – и тут же умолк.

– Что он «не»?

– Ну...

Черт возьми, должен же он поговорить с кем-нибудь... с кем-то, кто ему посочувствует – или прикрикнет на него в случае необходимости. Как папа. Или Фриц. Или полковник Брисби. Вокруг Торби постоянно вертелись люди, но он чувствовал себя совершенно одиноким. Казалось, только Леда старается быть с ним дружелюбной.

– Леда, какую часть того, что я тебе рассказываю, ты передаешь отцу?

К его удивлению, девушка покраснела:

- Зачем ты так говоришь, Тор?
- Ну, вы же очень близки с ним.

Она внезапно поднялась с места:

- Если ты позавтракал, то давай прогуляемся.

Торби поднялся из-за стола, и они побрели по дорожкам сада, наблюдая снегопад, прислушиваясь к завыванию ветра над куполом. Леда привела его в укромный, далекий от дома уголок, скрытый кустами, и присела на валун.

- Отличное место для разговора с глазу на глаз.
- Здесь?

– Когда в саду установили подслушивающие устройства, я отыскала местечко, где могла целоваться, не опасаясь папочкиных соглядатаев.

Торби удивился:

- Ты что, серьезно?
- Разве ты не понимаешь, что тебя записывают везде, кроме горнолыжных склонов?

– Я даже не думал... И мне это не нравится.

– А кому это может понравиться? Но это обычная мера предосторожности, ведь речь идет о такой важной персоне, как Радбек. И ты не должен ругать за это папочку. Мне пришлось потратить несколько кредитов, чтобы узнать, что сад прослушивается далеко не так тщательно, как ему кажется. И если тебе есть что сказать, и ты не хочешь, чтобы тебя подслушал папочка, то говори сейчас. Он об этом никогда не узнает. Обещаю тебе.

Торби помедлил, внимательно осматриваясь вокруг. Он решил, что если где-нибудь поблизости установлен микрофон, то он должен быть замаскирован под цветок... что было вполне возможно.

- Пожалуй, стоит подождать до лыжной прогулки.
- Расслабься, дорогой. Если ты мне доверяешь, то уж поверь, что это место вполне безопасно.
- Ну ладно. – Торби заговорил, выплескивая накопившееся в его душе раздражение... Он поделился подозрениями

в том, что дядя Джек ставит ему палки в колеса, чтобы не отдавать власть. Леда слушала его с серьезным видом. – Ну вот. Скажешь, что я сумасшедший?

– Тор, – произнесла она, – ты не догадываешься, что папочка меня тебе подсовывает?

– Что?

– Не понимаю, как ты этого до сих пор не заметил. Только если ты совершенно... Наверное, так оно и есть. Но это чистая правда. Это один из тех браков по расчету, который все окружающие восприняли бы «на ура» – все, кроме тех двоих, кто имеет к нему самое прямое отношение.

Услышав столь удивительное утверждение, Торби разом забыл о своих тревогах:

– Ты хочешь сказать, что... ну, что ты... – Он окончательно смутился и замолчал.

– О господи, дорогой ты мой! Если бы я собиралась так поступить, разве стала бы я говорить об этом с тобой? Признаюсь: перед тем как ты появился здесь, я обещала папочке обдумать такую возможность. Однако ты не обращал на меня внимания, а я слишком горда, чтобы проявлять в таких условиях настойчивость, даже если от этого зависело бы процветание Радбеков. Так что там насчет доверенностей, которые оставили Марта и Крейтон и которые папочка не желает тебе показывать?

– Да, мне их не показывают, а я не собираюсь подписывать документы, пока их не увижу.

– А если покажут, ты подпишешь?

– Ну... может быть, и подпишу. Но я хотел бы знать, какие распоряжения оставили мои родители.

– Не понимаю, почему папочка отказывается выполнить столь естественное пожелание. Разве что... – Леда нахмурилась.

– Разве «что»?

– Как насчет твоей доли? Тебе ее передали?

– Какой доли?

– Да твоей же! Ты знаешь, какой долей владею я. Когда я родилась, Радбек передал ее мне – я имею в виду твоего дедушку. Вероятно, тебе предназначалось примерно вдвое больше, поскольку ты должен был стать настоящим Радбеком.

– У меня ничего нет.

Леда мрачно кивнула:

– Вот одна из причин, почему папочка и судья не желают показывать тебе документы. Наши личные доли ни от кого не зависят, они только наши, и по достижении совершеннолетия мы можем делать с ними все, что нам заблагорассудится. Твои родители голосовали твоими акциями, так же как папочка до сих пор голосует моими. Однако сейчас никакие доверенности в отношении твоих акций, которые были подписаны в прошлом, не имеют законной силы. Ты можешь потребовать свою долю, и им придется либо выполнить твое пожелание, либо пристрелить тебя. – Леда покачала головой. – Нет, конечно, убивать тебя не станут. В общем-то, мой отец во многих отношениях совсем не плохой человек.

– Я и не считал его плохим.

– Я не люблю его, но восхищаюсь им. Но, если разобраться, я – Радбек, а он – нет. Глупо, не правда ли? В сущности, в нас, Радбеках, ничего особенного нет; мы лишь скуповатые, прижимистые крестьяне. Но и меня кое-что беспокоит. Помнишь Джоэла Делакруа?

– Тот самый парень, который хотел поговорить со мной наедине?

– Верно. Так вот, он больше здесь не работает.

– И что же?

– Разве ты не знал, что Джоэл был восходящей звездой в инженерном отделе «Галактических»? Официально объявлено, что Джоэл нашел себе другое место. Он сам говорит, что его уволили за попытку переговорить с тобой за их спиной. – Леда нахмурилась. – И я не знала, чему верить. Теперь я верю Джоэлу. Так что же ты собираешься делать, Тор, –

поднять лапки кверху или доказать, что ты в самом деле Радбек из Радбека?

Торби пожевал губу:

– Я бы хотел вернуться в гвардию и выкинуть из головы всю эту суету. Мне всегда хотелось узнать, что это такое – быть богатым. И вот я стал им и понял, что это – сплошная головная боль.

– Так ты все бросаешь? – В ее голосе промелькнуло презрение.

– Я этого не говорил. Я намерен остаться и выяснить, что же тут происходит. Не знаю только, с чего начать. Ты считаешь, что я должен грохнуть кулаком по столу дяди Джека и потребовать свою долю акций?

– Мм... только чтобы рядом стоял адвокат.

– Тут и так полно юристов!

– Поэтому тебе не обойтись без адвоката. Чтобы снять с судьи Брудера скальп, надо найти классного специалиста.

– Где же его искать?

– Господи, я ни разу не обращалась к адвокатам. Но поискать можно. А теперь давай-ка побродим и поболтаем, чтобы не вызывать подозрений.

Торби провел утомительное утро, изучая статьи законов, касающихся деятельности корпораций. Сразу после ланча ему позвонила Леда:

– Тор, ты не хочешь прокатиться со мной на лыжах? Ветер стих, и снег – то, что надо. – Она многозначительно посмотрела ему в глаза.

– Ну...

– Да собирайся же!

Торби собрался. Они молчали до тех пор, пока не отошли достаточно далеко от дома. Тогда Леда заговорила:

– Человек, который тебе нужен, – это Джеймс Дж. Гарш из Нью-Вашингтона.

– Я так и думал, что ты позвонила мне только из-за этого. Ты действительно собираешься кататься? Я бы хотел сию минуту вернуться в кабинет и связаться с ним.

– Ну ты даешь! – Леда печально покачала головой. – Тор, мне, наверно, придется выйти за тебя замуж только для того, чтобы стать тебе матерью. Итак, ты возвращаешься домой и звонишь адвокату, который не состоит на службе у Радбеков, адвокату с высочайшей репутацией. Как ты думаешь, что произойдет потом?

– Что же?

– Скорее всего, ты проснешься в тихом местечке в окружении мускулистых нянек. Я провела бессонную ночь и теперь уверена, что они играют всерьез. Поэтому мне пришлось выбирать. Мне хотелось бы, чтобы папочка продолжал вести дела, но если он затеял грязную игру, то я на твоей стороне.

– Спасибо, Леда.

– Он говорит «спасибо»! Тор, я сделаю это ради Радбека. Но давай ближе к делу. Ты не можешь просто так полететь в Нью-Вашингтон, чтобы встретиться с адвокатом. Насколько я знаю судью Брудера, он уже принял всевозможные меры на такой случай. Однако ты мог бы отправиться осматривать свои владения... и начать со своего дома в Нью-Вашингтоне.

– Хитро придумано.

– Я сама поражаюсь своей хитрости. Если хочешь, чтобы все прошло гладко, ты пригласишь с собой меня – папочка велел помочь тебе осмотреться.

– Ну конечно, Леда. Если тебя не затруднит.

– Пусть это тебя не беспокоит. Мы и в самом деле осматриваем некоторые достопримечательности, в Департаменте Северной Америки, например. Меня беспокоит одно: как нам ускользнуть от охраны?

– Охраны?

– Без охраны не путешествует ни один человек, занимающий такое высокое положение, как Радбек. Иначе тебя замучают репортеры и сумасшедшие.

– Мне кажется, – медленно произнес Торби, – что тут ты не права. Я ездил к бабушке и дедушке, и со мной не было никаких охранников.

– Они умеют не мозолить глаза. Готова спорить, что во время твоего визита к старикам в доме находилось не меньше двух телохранителей. Видишь того одинокого лыжника? Готова поклясться, что он катается вовсе не ради удовольствия. Так что нам нужно придумать способ оторваться от них на то время, пока ты беседуешь с Гаршем. Но не беспокойся; я что-нибудь придумаю.

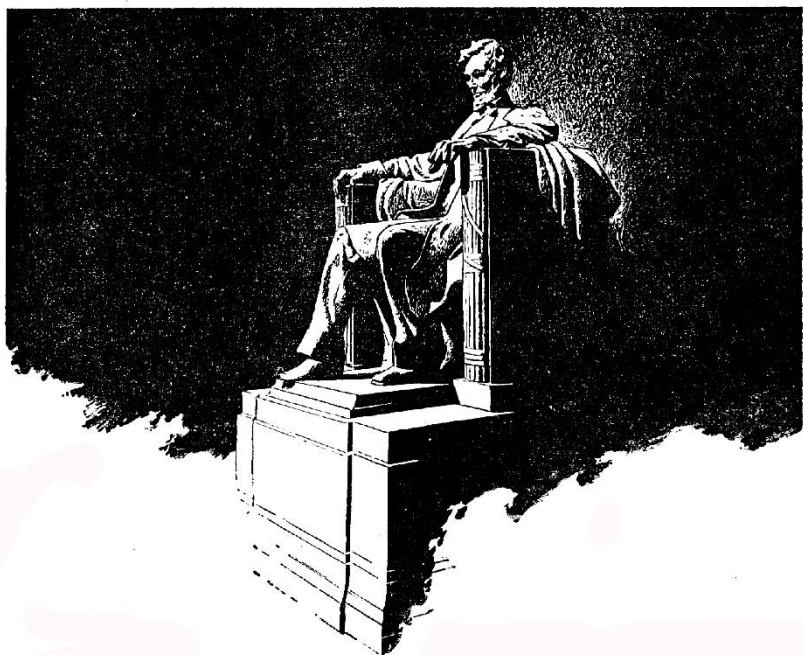
Торби с интересом осматривал великую столицу, но ему не терпелось приступить к делу, ради которого они сюда приехали. Леда с трудом сдерживала его прыть:

– Первым делом – достопримечательности. Мы должны вести себя естественно.

Дом по сравнению с поместьем казался более чем скромным – двадцать комнат, и только две из них большие. Он содержался в таком виде, будто хозяева покинули его лишь накануне. Двоих слуг он узнал – они работали и в поместье. К услугам наших путешественников был автомобиль с шофером и дворецким в ливрее Радбеков. Казалось, шофер заранее знает, куда их нужно везти. Они ехали под зимним субтропическим солнцем, и Леда показывала посольства и консульства различных планет. Когда они проезжали мимо величественного здания штаб-квартиры гвардии Гегемонии, Торби велел притормозить и едва не свернул себе шею, разглядывая его.

Леда спросила:

– Твоя альма-матер? – И прошептала: – Смотри внимательно. Здание напротив главного входа – именно то место, куда тебе нужно попасть.

Около копии Мемориала Линкольна они вышли из машины, поднялись по ступеням, и их охватило чувство, знакомое миллионам людей, когда-либо смотревших на этот гигантский монумент. Торби внезапно подумал, что статуя очень похожа на папу – не буквально, но что-то такое в ней было. Его глаза затуманили слезы.

Леда прошептала:

– Здесь я всегда чувствую волнение, словно в церкви. Ты знаешь, кем он был? Линкольн – основатель Америки. Древняя история – она потрясает.

– Он сделал кое-что еще.

– Что же?

– Освободил рабов.

– О! – Она серьезно посмотрела ему в глаза. – Это так много значит для тебя?

– Очень много.

Торби хотел было рассказать Леде о главной причине, побудившей его броситься в драку: ведь они были одни, и это место наверняка не прослушивалось. Но не смог. Юноша знал, что папа не возражал бы, но он обещал полковнику Брисби.

Торби с трудом разбирал надписи на стенах; эти буквы и грамматика были в ходу еще до того, как английский стал английским Системы. Леда потянула его за рукав и прошептала:

– Пойдем. Я не могу долго оставаться здесь... Иначе я начну плакать.

Они отошли на цыпочках.

Леда объявила, что ей хочется посмотреть шоу в «Млечном Пути». Они вышли из машины, велел шоферу вернуться за ними через три часа десять минут. За билет в двойную ложу Торби пришлось заплатить спекулянту бешеные деньги.

– Ну вот! – воскликнула девушка, как только они заняли свои места. – Полдела сделано. Дворецкий, конечно, выпрыгнет из машины, как только она завернет за угол, но от шофера мы на некоторое время освободились: поблизости нет ни одной стоянки. И все же дворецкий будет торчать рядом, если он дорожит своим местом. Полагаю, в эту самую минуту он как раз покупает билет. А может быть, он уже здесь. Не оглядывайся.

Они поднялись по эскалатору.

– Это даст нам выигрыш в несколько секунд. Он не сможет последовать за нами, пока мы не скроемся из виду. А теперь слушай. Люди, сидящие на наших местах, уйдут, когда мы покажем билеты. Только я собираюсь заплатить одному из них, чтобы он оставался на месте. Надеюсь, это будет мужчина, потому что нашему опекуну потребуется лишь несколько минут, чтобы определить, где мы находимся... несколько секунд, если он уже успел узнать номер нашей ложи. Когда он найдет нашу ложу, он увидит, что я сижу там с мужчиной. В темноте он не разглядит его лица, но меня

узнает, так как я специально надела платье, которое светится в темноте. Этим он удовлетворится. Ты покинешь здание через любой выход, кроме главного; возможно, там будет дежурить шофер. Постарайся вернуться к выходу за несколько минут до того, как подадут машину. Если не успеваешь, бери такси и езжай домой. А я стану громко жаловаться, что тебе не понравилось шоу и ты ушел.

Торби решил, что корпус «Икс» много потерял, не завербовав Леду в свои ряды.

– А вдруг они сообщат, что потеряли мой след?

– Найдя нас, они будут так счастливы, что даже пикнуть не посмеют. Вот мы и пришли – давай действуй. Увидимся!

Торби вышел из здания через боковой выход, заблудился, обратился к полицейскому и наконец отыскал здание, стоявшее напротив штаб-квартиры гвардии. Просмотрев список, он выяснил, что кабинет Гарша находится на тридцать четвертом этаже, и уже через пару минут Торби стоял перед секретаршей, губы которой, казалось, были способны произносить только одно слово: «нет».

Она холодно сообщила юноше, что советник принимает только по предварительной записи. Не желает ли он изложить свое дело кому-нибудь из помощников советника?

– Имя, будьте любезны!

Торби огляделся. Приемная была переполнена людьми. Секретарша щелкнула переключателем.

– Говорите! – потребовала она. – Я включила систему против подслушивания.

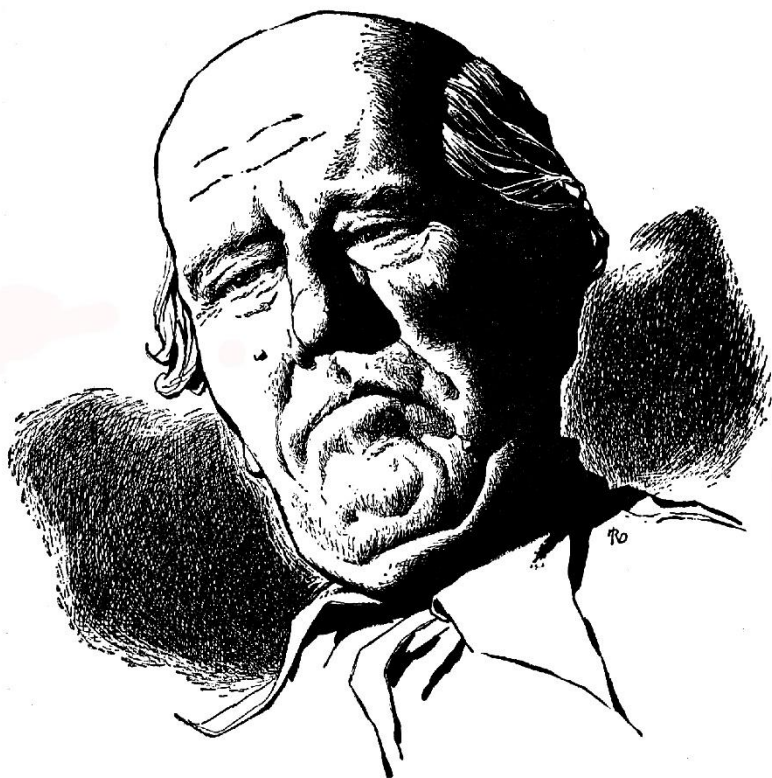
– Пожалуйста, передайте мистеру Гаршу, что с ним хотел бы встретиться Радбек из Радбека.

Торби показалось, что она собирается приказать ему не нести чепухи. Но она торопливо встала и куда-то ушла.

Скоро она вернулась и тихо произнесла:

– Советник может выделить вам пять минут. Пройдите сюда, сэр.

Кабинет Джеймса Гарша являл собой разительный контраст всему зданию и приемной, да и сам его владелец был

похож на неприбранную постель. Он носил брюки, а не трико, и над ремнем нависал солидный живот. Сегодня адвокат явно не брился, и его седая щетина была под стать лохматым остаткам волос, окружавшим плешь. Он даже не приподнялся с кресла.

– Радбек?

– Да, сэр. Мистер Джеймс Дж. Гарш?

– Он самый. Покажите документы. Кажется, я видел вас в выпуске новостей, но не могу припомнить когда.

Торби протянул ему идентификационную карточку. Гарш изучил общегражданский документ, а затем и более редкое и трудноподделываемое удостоверение «Радбек энд ассошиэйтс» и протянул их обратно.

- Садитесь. Чем могу быть полезен?
- Мне нужен совет... и помощь.
- Именно этим товаром я и торгую. Но у вас есть Брудер и целая толпа юристов. Чем я, именно я могу быть полезен?
- Э-э-э... Это останется между нами?
- «Конфиденциально», сынок. Мы говорим: «конфиденциально». Юриста не спрашивают о таких вещах: он либо честен, либо нет. Что касается меня, то я честен наполовину. Тебе придется рискнуть.
- Ну... в общем, это длинная история.
- Так изложи ее покороче. Говори. Я слушаю.
- Вы согласитесь меня представлять?
- Говори. Я слушаю, – повторил Гарш. – Может быть, я засну. Сегодня я чувствую себя не лучшим образом. Впрочем, со мной всегда так.
- Ну ладно. – Торби приступил к рассказу.
- Гарш слушал, прикрыв глаза и сцепив пальцы на животе.
- Вот и все, – закончил наконец Торби, – за исключением того, что я очень хочу разобраться во всем этом, чтобы вернуться в гвардию.
- Гарш впервые проявил интерес к его словам:
- Радбек из Радбека? В гвардию? Не говори глупостей, сынок.
- На самом деле я не «Радбек из Радбека». Я рядовой гвардеец и попал во все это по независящим от меня обстоятельствам.
- Я знаю эту часть твоей истории; авторы слезливых статей уже давно ее мусолят. У каждого из нас возникают обстоятельства, которые от нас не зависят. Дело в том, что человек не может покинуть свою работу, особенно если это действительно его работа.
- Это не моя работа, – упрямо заявил Торби.
- Хватит пустых слов. Для начала мы добьемся признания твоих родителей умершими. Затем потребуем представить их завещания и доверенности. Если противник начнет тянуть волынку, мы получим судебное предписание. И даже

могущественный Радбек не устоит перед простой бумажкой «явиться в суд или будете арестованы за неуважение». – Гарш покусал ноготь. – Может пройти некоторое время, прежде чем будут установлены имущественные права и определено твое положение. Суд может дать полномочия тебе, либо тому, кто упомянут в завещании, либо вообще кому-нибудь третьему, но только не Уимсби и не Брудеру, если все, что ты рассказал, – правда. На такое не решились бы даже судьи, которых Брудер держит в кармане; это было бы уже слишком, и всякий судья знает, что такое решение будет отменено.

– Но что я могу сделать, если они даже не начнут процесса по установлению факта смерти моих родителей?

– А кто сказал, что ты должен их ждать? Ты заинтересованная сторона, а они недотягивают даже до статуса *amicus curiae*¹⁹. Я что-то такое слышал, что они наемные служащие, имеющие по одной, чисто номинальной, акции на брата. Ты – номер первый, самое что ни на есть заинтересованное лицо. Так действуй же! А как насчет других родственников? Двоюродные братья? Сестры?

– Двоюродных нет. А о других ближайших родственниках я ничего не знаю. Впрочем, у меня есть дедушка и бабушка Бредли.

– Я и не думал, что они еще живы. Они не станут совать тебе палки в колеса?

Торби хотел было сказать «нет», но передумал:

– Не знаю.

– Ближе к делу станет ясно. Другие родственники... впрочем, о них мы сможем узнать, только когда заглянем в завещание, на что, вероятно, потребуется решение суда. Кстати, есть ли у тебя возражения против дачи показаний под гипнозом? Под воздействием химических препаратов? Против детектора лжи?

¹⁹ В юридической практике так называют человека, который, не выступая на процессе в качестве стороны, добровольно или по приглашению суда высказывает свои рекомендации (лат.).

- Нет. А что?
- Ты самый важный свидетель смерти родителей, их длительное отсутствие не является решающим доказательством.
- Даже если их нет очень долго?
- Смотря по обстоятельствам. Временной промежуток лишь одно из обстоятельств, которые рассматривает суд, в законах об этом ничего не сказано. Когда-то считалось, что достаточно семи лет, но теперь эта статья отменена. Нынче на вещи смотрят шире.
- С чего начнем?
- У тебя есть деньги? Или их от тебя прячут? Я дорого стою. Обычно я беру плату за каждый вдох и выдох.
- Ну... у меня есть мегабак... и еще несколько тысяч. Около восьми.
- Хм... я еще не сказал, что берусь за твое дело. А ты не задумывался над тем, что твоей жизни может угрожать опасность?
- Нет, никогда.
- Сынок, ради денег люди делают странные вещи. Но ради власти над деньгами они творят еще более ужасные вещи. Всякий, кто живет рядом с миллиардом кредитов, подвергает себя опасности. Это ничуть не лучше, чем держать дома гремучую змею. На твоём месте, почувствовав недомогание, я сам бы подобрал себе врача. Я с опаской входил бы в двери и сторонился открытых окон. - Он задумался. - Поместье Радбек сейчас не самое лучшее место для тебя; не искушай их. Кстати, здесь тебе бывать не следует. Ты уже вступил в Дипломатический клуб?
- Нет, сэр.
- Вступи немедленно. Все будут удивлены, если ты этого не сделаешь. Я туда частенько заглядываю. В районе шести часов. У меня там нечто вроде отдельного кабинета. Номер двадцать-одиннадцать.
- Двадцать-одиннадцать?

– Я все еще не сказал, что берусь за дело. Ты не думал над тем, что мне делать, если я его проиграю?

– Что? Нет, сэр.

– Что за город ты упоминал? Джаббалпур? Вот туда-то мне тогда и придется переехать. – Гарш внезапно улыбнулся. – Но у меня что-то боевое настроение, а, Радбек? Бру-дер... Что ты там говорил про мегабак?

Торби вытащил книжку чековых сертификатов и передал ее адвокату. Просмотрев, Гарш спрятал ее в ящик стола:

– Пока не станем получать по ним деньги: они наверняка следят за твоими тратами. Имей в виду: дело обойдется гораздо дороже. До свидания. Увидимся через пару дней.

Торби ушел в прекрасном настроении. До сих пор ему ни разу не доводилось видеть такого меркантильного, хищного и корыстного старика – он напомнил Торби покрытых шрамами профессиональных грабителей, шнырявших вокруг Нового амфитеатра.

Выйдя на улицу, Торби увидел штаб-квартиру гвардии. Еще раз окинув здание взглядом, он быстро нырнул в плотный поток автомобилей и, перебежав улицу, поднялся по ступенькам.

Глава 21

В огромном холле Торби увидел ряды расположенных по периметру кабинок. Протолкавшись сквозь толпу, он вошел в одну из них. Приятный женский голос сказал:

– Наберите на клавиатуре вашу фамилию. Номера отдела и кабинета сообщите устно в микрофон. Дождитесь, пока не загорится свет, и изложите свое дело. Напоминаем вам, что рабочий день окончен и вас примут только в случае чрезвычайной ситуации.

Торби набрал на машине «Торби Баслим», а затем сказал: «Корпус Икс».

Он ждал. Записанный на пленку голос повторил:

– Назовите в микрофон ваше имя, отдел и номер...

Внезапно динамик умолк. Мужской голос сказал:

– Повторите еще раз.

– Корпус «Икс».

– По какому делу?

– Лучше посмотрите в своих досье, кто я такой.

Наконец послышался другой женский голос:

– Следуйте за световым указателем на потолке. Не теряйте его из виду.

Торби поднимался по эскалаторам, спускался в туннели и наконец вошел в дверь без таблички, где его встретил мужчина в гражданском. Он провел Торби еще через две двери. В результате он оказался лицом к лицу еще с одним мужчиной в штатском. Тот поднялся и сказал:

– Радбек из Радбека? Я – генерал Смит.

– Если можно, Торби Баслим, а не Радбек.

– Важно не имя, а личность. Я тоже не Смит, но сойдет и так. Полагаю, у вас есть документы?

Торби вновь полез за карточкой:

– У вас, наверное, есть мои отпечатки пальцев.

– Сейчас их доставят. Вы не против оставить их еще раз?

Пока Торби отпечатывал «пальчики», на столе генерала появилась дактилоскопическая карточка. Сунув изображения в компаратор, Смит, казалось, тут же о них забыл, но, пока на приборе не вспыхнула зеленая лампочка, он обменивался с юношей лишь вежливыми фразами.

– Ну ладно, Торби Баслим... Радбек. Чем могу быть тебе полезен?

– Скорее – чем я могу быть полезен вам?

– Вот как?

– Я пришел сюда по двум причинам, – заявил Торби. – Во-первых, думаю, мне есть что добавить к последнему донесению полковника Баслима. Вы знаете, о ком я говорю?

– Я был с ним знаком и очень его уважал. Продолжай.

– Во-вторых, я хочу вернуться в гвардию и поступить в корпус «Икс». – Торби не мог припомнить, когда он принял

это решение, но оно было твердо – не только носить форму папы, но продолжать его дело. Его работу.

Смит приподнял брови:

– Даже так? Радбек из Радбека?

– С этим я сейчас разбираюсь. – Торби в двух словах объяснил, что сейчас он должен вступить во владение имуществом своих родителей и организовать его работу. – А потом я свободен. Я понимаю, что говорить о корпусе «Икс» слишком дерзко для стрелка третьего класса – ох нет, меня же разжаловали за драку, – для рядового гвардейца, но, думаю, я знаю достаточно, чтобы быть полезен. У меня есть друзья среди Народа... среди вольных торговцев, я хотел сказать. Я знаю несколько языков. Знаком с условиями жизни в Десяти мирах. Я побывал в разных местах, это, конечно, не так много, и я не астронавигатор, но успел полетать. К тому же я видел, как работал пап... полковник Баслим, и думаю, что смог бы делать нечто подобное.

– Чтобы работать успешно, ты должен быть влюблен в это дело. Зачастую нам приходится делать неприятные вещи... какие уважающий себя человек делать не станет, если только не считает их абсолютно необходимыми.

– Но я уже делал это! Я был рабом. Вы знали об этом? Может быть, мне поможет то, что я знаю, каково это – быть рабом.

– Возможно. Хотя из-за этого ты можешь поддаться эмоциям. К тому же мы занимаемся не только маршрутами работорговли. Мы не можем обещать новичку, что дадим ему какую-то конкретную работу. Ему приходится делать то, что прикажут. Мы выжимаем из людей все до последней капли. В нашем корпусе очень высокий уровень потерь.

– Я буду делать все, что мне прикажут. Так получилось, что больше всего меня интересует работорговля. Большинство людей на Земле, похоже, даже не знают о том, что она существует.

– Большей части из того, с чем мы имеем дело, для общества вовсе не существует. Можно ли ожидать от людей,

которые окружают тебя на улицах, что они воспримут всерьез невероятные рассказы о далеких мирах? Не забывай: лишь менее одного процента населения хотя бы раз в жизни покидает свои родные планеты.

– Думаю, вы правы. Во всяком случае, убедить их трудно.

– Но это отнюдь не самое сложное в нашей работе. Терранская Гегемония – по сути своей не империя, это свободная конфедерация планет, связанная неким руководством. И между тем, что могла бы сделать гвардия, и тем, что ей позволено, лежит глубокая пропасть. Если ты пришел к нам, надеясь, что уже в течение своей жизни увидишь конец рабства, то выкинь это из головы. По самым оптимистичным оценкам, на это уйдет не менее двух столетий. А к тому времени рабство объявится на планетах, которые сейчас еще не открыты. Таковую проблему раз и навсегда не решишь. Это очень долгий процесс.

– Я лишь хочу узнать: могу ли я принести пользу?

– Не знаю. И дело вовсе не в том, что, по твоим словам, ты был просто рядовым. У нас в корпусе очень много людей такого ранга. Корпус «Икс» – это идея, а не табельное расписание. Меня не беспокоит проблема поиска работы для Торби Баслима; для него всегда нашлось бы дело, он может хотя бы переводить... Но Радбек из Радбека... М-да, это уже сложнее.

– Я же сказал, что собираюсь покончить с этим!

– Ну что ж, давай подождем, пока это свершится. Ты сам сказал, что не готов вступить в корпус прямо сегодня. А что насчет второй причины твоего появления? Ты хотел чем-то дополнить донесение полковника Баслима?

Торби замялся:

– Сэр, поковник Брисби, мой командир, сказал, будто па... полковник Баслим выявил связи между работоторговцами и нашими крупными судоверфями.

– Он так и сказал?

– Да, сэр. Загляните в донесение Баслима.

– В этом нет нужды. Продолжай.

– Ну... Ведь он говорил о Радбеках? О «Галактическом транспорте»?

Смит задумался:

– Почему ты спрашиваешь у меня, замешана ли твоя компания в работорговле? Это ты должен нам рассказать.

Торби нахмурился:

– У вас найдется галактический атлас?

– В зале, дальше по коридору.

– Можно им воспользоваться?

– Почему бы и нет?

Генерал провел его через отдельный коридор в конференц-зал, в котором был установлен стереозэкран, поблескивающий созвездиями. Такого большого атласа Торби еще не видел.

Управление было достаточно сложным, и Торби долго выяснял назначение рычагов пульта. Затем он принялся за работу. Его лицо исказилось от напряжения. Он высвечивал разноцветными огнями звезды, воссоздавая ту картинку, которую прежде построил на атласе в своем кабинете. Он ничего не объяснял, и генерал молча следил за его работой. Наконец Торби сделал шаг назад:

– Это все, что я знаю.

– Ты кое-что упустил. – Генерал добавил несколько желтых и несколько красных огоньков, затем неторопливо обозначил еще дюжину пропавших кораблей. – Но воспроизвести все это по памяти – это здорово, и ты замечательно умеешь суммировать данные. Я вижу, ты не забыл про корабль своих родителей. Наверно, личный интерес помогает. – Генерал отошел назад. – Итак, Баслим, ты задал вопрос. Готов ли ты на него ответить?

– Полагаю, «Галактический транспорт» увяз в этом по уши! Не все, конечно, но руководители в этом замешаны. Поставка кораблей. Ремонт и топливо. Может быть, финансирование.

– Мм...

– А как иначе все это объяснить?

– А ты понимаешь, что они скажут, если ты обвинишь их в торговле рабами?

– Не в самой торговле. Думаю, напрямую они не участвуют.

– Но связаны с ней. Сначала они заявят, что и слыхом не слыхали о какой-то там работоторговле и что все это бред сумасшедшего. Потом они заявят, что лишь торгуют кораблями, а разве продавец скобяной лавки отвечает за то, что купленным у него ножом муж зарезал жену?

– Аналогия неверна.

– Они не согласятся с тобой. Они заявят, что не нарушали никаких законов, и даже если допустить, что где-то существует рабство, то как они могут нести ответственность за действия людей, которые творят зло за много световых лет отсюда? Тут они отчасти правы: нелепо ожидать от людей того, чего они сами делать не желают. Потом найдется какой-нибудь лощеный тип, который отважится заявить, что-де рабство, когда оно еще существовало, не было таким уж злом, так как большинство населения были бы счастливы избавиться от ответственности, возлагаемой на свободного человека. И добавит, что, мол, если они не станут продавать корабли, этим займется кто-то другой – таковы уж законы бизнеса.

Торби подумал о сотнях безымянных маленьких Торби, скорчившихся в темноте и плачущих от страха, боли и одиночества в вонючих трюмах кораблей работоторговцев – кораблей, которые, возможно, принадлежат ему.

– Один удар хлыста выбил бы дурь из его башки!

– Это уж точно. Но на Земле отменены телесные наказания. Иногда я думаю – не рановато ли? – Генерал взглянул на экран. – Я запишу эту схему. Тут есть некоторые аспекты, о которых мы еще не думали. Спасибо, что пришел к нам. Если появятся еще идеи, добро пожаловать.

Торби понял, что его просьба о зачислении в корпус не воспринята всерьез.

– Генерал Смит... я мог бы сделать кое-что еще.

– А именно?

– До того, как вступить в корпус... если вы меня возьмете, конечно... или после – я не знаю, как у вас это делается... Я, Радбек из Радбека, мог бы посетить на своем собственном корабле те самые места – красные, наши. Может быть, босс сумел бы докопаться до таких вещей, которые недоступны секретному агенту.

– Возможно. Но ты, вероятно, знаешь, что твой отец уже пытался однажды совершить инспекционный полет. И знаешь, чем это кончилось. – Смит поскреб подбородок. – Кстати, мы так и не смогли разобраться с этим. Пока ты не вернулся, мы считали исчезновение обычным несчастным случаем. Яхта с тремя пассажирами, экипажем из восьми человек, без груза на борту не очень-то заманчивая добыча для пиратов, которые чаще всего прекрасно знают, что они делают.

Торби был поражен:

– Так вы думаете, что...

– Я ничего не думаю. Но хозяева, желающие разузнать о делишках своих служащих, которыми те занимаются в нерабочее время и в отдаленных местах, частенько обжигают пальчики. А твой отец явно что-то подозревал.

– Насчет работоторговли?

– Не стану гадать. Он стал проверять лично. Тот самый район. А теперь мне нужно идти. Приходи ко мне еще... или позвони, и к тебе придет кто-нибудь из наших.

– Генерал Смит... Скажите, могу ли я обсуждать наш разговор с другими людьми? И что именно я могу обсуждать?

– Что? Да все, что угодно. Если только не будешь примешивать сюда корпус и гвардию. Но известные тебе факты... – Смит пожал плечами. – Кто тебе поверит? Однако имей в виду: обсуждая свои подозрения с деловыми партнерами, ты рискуешь вызвать у людей неприязнь к себе лично... и это чувство иногда будет искренним. Что же касается остальных... Даже не знаю.

Торби вернулся так поздно, что Леда уже начала терять самообладание, сгорая от любопытства. Однако ей пришлось скрывать свое нетерпение – не только из боязни быть подслушанной, но также из-за пожилой тетки, которая за-вернула к ним засвидетельствовать свое почтение Радбеку из Радбека, да так и осталась на ночь. И только на следующий день, осматривая в музее Пятого мая²⁰ реликвии ацтеков, они смогли поговорить.

Торби поведал ей о своем разговоре с Гаршем, а потом решил пойти еще дальше:

– Вчера я сделал попытку вернуться в гвардию.

– Тор!

– Не беспокойся, я не бросаю это дело. Но у меня есть важная причина. Гвардия – единственная организация, пытающаяся положить конец работорговле. Но как раз поэтому я не могу вступить в нее сейчас. – Он рассказал о своих подозрениях относительно связи Радбеков с работорговлей.

Леда побледнела:

– Тор, это самая кошмарная идея, какую я когда-либо слышала. И я не могу в это поверить.

– Я был бы рад узнать, что это неправда. Но, как бы то ни было, кто-то ведь строит им корабли и ремонтирует их! Работорговцы – не инженеры, они – паразиты.

– Я пока еще с трудом верю в то, что рабство вообще существует.

Торби пожал плечами:

– Десять плеток убедили бы любого.

– Тор! Ты хочешь сказать, что тебя секли плетьюми?!

– Точно не помню. Но у меня вся спина в шрамах.

По пути домой Леда не проронила ни слова.

Торби еще раз встретился с Гаршем, потом они с Ледой отправились на Юкон в обществе старой тетки, которая не

²⁰ Пятое мая – национальный праздник Мексиканской Республики, учрежден в честь победы над французскими оккупантами под городом Пуэбла (ныне столица одноименного штата) в 1862 г.

желала оставить их в покое. Гарш принес на подпись Торби кое-какие документы и сказал:

– Первый шаг должен быть сделан в Радбеке, ведь там официальная резиденция твоих родителей. И второе: я покопался в старых газетных подшивках...

– И что же?

– Твой дедушка действительно отписал тебе солидную долю. Эта история наделала много шума, когда ты родился. В биржевых бюллетенях перечислены номера всех акций до единой. Так что этим мы тоже их крепко прижмем – одновременно с иском. Не хочу отделять одно от другого.

– Вам лучше знать.

– Но я не советую тебе возвращаться в Радбек до тех пор, пока все не будет улажено. Вот мои координаты. Если придется, ты сможешь даже позвонить мне по телефону. Но было бы гораздо лучше, если бы ты предоставил мне возможность связываться с тобой.

Торби обдумал несколько вариантов, не забывая о том, что он постоянно находится в окружении телохранителей.

– Может быть, вы... или какой-нибудь молодой человек сможет позвонить моей кузине и передать кодированное сообщение? Ей постоянно звонят разные люди, чаще всего – молодые. Она тут же сообщит мне, и я отыщу безопасное место, откуда смогу позвонить вам.

– Неплохая мысль. Он спросит, знает ли она, сколько дней осталось на рождественские покупки. Ну все, увидимся в суде. – Гарш улыбнулся. – Ну и потеха же будет! И обойдется тебе очень, очень дорого. До свидания.

Глава 22

– Хорошо отдохнул? – Дядя Джек ухмылялся ему в лицо.
– Ну и погонялись же мы за тобой. Не стоило этого делать, мой мальчик!

Торби хотелось ударить его. Телохранители, впихнув юношу в комнату, отпустили его руки, но стянули ему запястья веревкой.

Дядя Джек перестал улыбаться и взглянул на судью Брудера.

– Тор, ты так и не смог понять, как много мы с судьей сделали для твоих отца и дедушки. Естественно, мы знали, как следует поступать. Но ты доставил нам немало неприятностей, и сейчас мы покажем тебе, как следует обращаться с маленькими детьми, которые не ценят добра. Мы хорошенько проучим тебя. Готовы, судья?

Брудер кроважно оскалился и вытащил из-за спины хлыст.

– Привяжите-ка его к лавке!

Торби проснулся в холодном поту. Боже, ну и кошмар! Он оглядел тесный гостиничный номер и попытался вспомнить, где теперь находится. Уже несколько дней

Торби ежедневно переезжал с места на место, иногда – на другой конец планеты. Он уже достаточно освоился с нравами и обычаями Земли, чтобы не привлекать к себе внимания, и даже купил себе поддельные документы, не уступавшие по качеству настоящим. Это оказалось не так уж трудно: Торби быстро выяснил, что подпольный бизнес везде живет по одним и тем же законам.

Наконец он вспомнил: он находится в Южной Америке.

Прозвенел будильник. Полночь – пора уматывать отсюда. Юноша оделся и, бросив взгляд на свой багаж, решил оставить его. Спустившись по черной лестнице, он вышел из отеля через заднюю дверь.

Тетке Лиззи не нравился холодный климат Юкона, но она терпела. В конце концов кто-то позвонил Леде и напомнил, что на рождественские покупки осталось лишь несколько дней, и тогда они уехали. Торби ухитрился позвонить лишь из Ураниум-Сити. С экрана улыбался Гарш.

– Увидимся в окружном суде графства Радбек, четвертое отделение, в девять пятьдесят девять утра четвертого января. А теперь исчезни и замети следы.

В Сан-Франциско Леда в присутствии тетки Лиззи заката Торби скандал. Она хотела ехать в Ниццу, Торби настаивал на Австралии. Наконец он гневно заявил:

– Забирай аэрокар, я поеду один!

Он выбежал вон и купил себе билет до Большого Сиднея.

Он проделал старый как мир трюк с туалетной комнатой, на метро перебрался на другую сторону залива и, убедившись в том, что избавился от своего телохранителя, пересчитал деньги, которые Леда сунула ему тайком во время их прилюдной ссоры. Оказалось, чуть больше двухсот тысяч кредитов. Там была еще записка с извинениями: Леда не смогла собрать больше, так как деньги потребовались неожиданно.

Сидя в южноамериканском порту, Торби подсчитал, сколько у него осталось наличности, и решил, что потратил

совсем неплохо – и время, и деньги. Куда только девалось и то и другое!

В Радбек-Сити его чуть не растерзали репортеры; все вокруг буквально кишело ими. Протолкавшись сквозь толпу, он вошел в здание суда и плюхнулся на скамью рядом с Гаршем в девять пятьдесят восемь. Старик кивнул:

– Сиди здесь. Сейчас выйдет Хиззонер.

Появился судья, и секретарь провозгласил древнюю формулу:

– ...Приблизьтесь, и вас выслушают!

Гарш проворчал:

– Этот судья у Брудера на поводке.

– Тогда что мы здесь делаем?

– Ты платишь мне, чтобы беспокоился я. Любой судья хорош, когда он знает, что за ним внимательно наблюдают. Оглянись.

Торби осмотрелся. Помещение забито представителями прессы, так что простым гражданам даже стоять было негде.

– Я неплохо потрудился, поверь мне. – Гарш ткнул пальцем в первые ряды. – Вон тот носатый толстяк – посланник Проксимы. А старый мошенник рядом с ним – председатель Комитета по законности. А вон тот... – Гарш умолк.

Дядю Джека Торби не увидел, но судья Брудер восседал за другим столом, не глядя на юношу. Леда тоже не появлялась, и Торби остро почувствовал одиночество. Покончив со вступительными формальностями, Гарш уселся и прошептал:

– Юная леди велела передать, что она желает тебе удачи.

Торби принял участие только в даче показаний, и то после многих отводов, контротводов и предупреждений суда. Произнося формулу присяги, он заметил в первом ряду отставного председателя Верховного суда Гегемонии, который как-то раз обедал в Радбеке. Что происходило потом, Торби не помнил, потому что давал показания в глубоком трансе, окруженный гипнотерапевтами.

Несмотря на то, что каждый пункт обсасывался до бесконечности, лишь однажды слушания едва не приобрели драматический характер. Суд принял возражение Брудера, выдержанное в таком тоне, что по рядам прокатился возмущенный ропот и кто-то даже застучал ногами. Судья побагровел:

– К порядку! Иначе судебный пристав очистит зал!

Началось рассмотрение вопроса об удалении публики из зала, сопровождавшееся протестом репортеров. Однако передние ряды сидели неподвижно, не сводя глаз с судьи. Высокий посланник Веганской лиги наклонился к своему секретарю и что-то ему прошептал; тот зашелестел клавишами стенографической машинки.

Судья прочистил горло:

– Пока не прекратится беспорядок... суд не потерпит неуважительного отношения...

Торби не без удивления выслушал его заключительную реплику:

– ...Из чего следует вывод, что Крейтон Бредли-Радбек и Марта Бредли-Радбек погибли одновременно в результате катастрофы и отныне считаются умершими. Да упокоятся их души в мире. И пусть будет сделана соответствующая запись. – Судья ударил по столу своим молотком. – Если имеются завещания и если здесь присутствуют опекуны или душеприказчики, то пусть они подойдут ко мне!

О собственных акциях Торби даже не упоминалось. Он расписался в получении сертификатов в комнате судьи. Ни Уимсби, ни Брудер при этом не присутствовали.

Когда они с Гаршем выходили из зала, юноша глубоко вздохнул:

– Мне даже не верится, что мы наконец победили.

Гарш усмехнулся:

– Не обманывай себя. Мы лишь выиграли по очкам первый раунд. Дальнейшее обойдется куда дороже.

На лице Торби появилось глубокое разочарование. Их окружили охранники Радбека и принялись расталкивать толпу.

Гарш оказался прав. Брудер и Уимсби крепко сидели на своих местах, управляли «Радбек энд ассошиэйтс» и сдаваться не собирались. Торби так и не увидел доверенностей, выданных его родителями. В сущности, он лишь хотел убедиться в том, что, как он подозревал, единственное различие между теми бумагами и документами, подготовленными судьей Брудером, состояло в словах «подлежит отмене» и «подлежит отмене только по обоюдной договоренности».

Однако, как только суд потребовал предоставить доверенности, Брудер заявил, что они были уничтожены при очистке архивов от ненужных бумаг. За оскорбление суда его приговорили к десяти дням заключения, но исполнение приговора было отсрочено, и на этом все кончилось.

Но хотя Уимсби и лишился контроля над акциями Крейтона и Марты Радбек, не получил их и Торби; они были изъяты из обращения вплоть до утверждения завещаний. А тем временем Уимсби и Брудер продолжали распоряжаться «Радбек энд ассошиэйтс», пользуясь поддержкой большинства директоров. Торби не имел права даже появляться в офисе компании, не говоря уж о его бывшем кабинете.

Уимсби покинул поместье Радбек, и ему выслали его личные вещи. В апартаменты дяди Джека Торби вселил Гарша, и старик частенько оставался там ночевать: у них была масса работы.

Как-то раз Гарш сказал Торби, что уже возбуждено девяносто семь дел, касающиеся его имущества; некоторые – против Торби, некоторые – в его пользу. Часть дел отложена, но многим уже дан ход. Завещания были по сути своей просты: Торби был единственным крупным наследником. Но были и десятки мелких наследников, и еще были многочисленные родственники, желавшие пожить хотя чем-

нибудь, если завещания не будут утверждены. Вновь был поднят вопрос о законности признания умершими родителей Торби, вопрос об «одновременности» гибели или гибели в разное время, встал даже вопрос о подлинности личности юноши. Во всех этих делах не было даже и следа присутствия Уимсби и Брудера: заявления подавались родственниками и держателями акций, и Торби был вынужден заключить, что кандидатура дяди Джека устраивает очень многих людей.

Однако по-настоящему юношу огорчил только иск, поданный его бабушкой и дедушкой Бредли: они требовали установить над ним опеку ввиду его недееспособности. В качестве доказательства, помимо того неоспоримого факта, что сложная жизнь Терры ему в новинку, приводилась выдержка из медицинского заключения, полученного в гвардии. Доктор Кришнамурти утверждал, что Торби «потенциально нестабилен эмоционально и в состоянии стресса не может нести полной ответственности за свои действия».

Гаршу пришлось устроить Торби скандальный публичный осмотр у личного врача генерального секретаря Ассамблеи Гегемонии. Торби был официально признан вменяемым. И тут же последовал шквал требований акционеров признать юношу профессионально непригодным для ведения дел «Радбек энд ассошиэйтс», как того требовали частные и общественные интересы.

Торби был измучен этими нападками; он начинал понимать, что быть богатым слишком разорительно. Ведение дел в суде и содержание поместья требовали денег, а Торби был по уши в долгах. Он не мог воспользоваться своими же богатствами, так как Уимсби и Брудер продолжали утверждать, будто бы его личность сомнительна, хотя этот вопрос был уже неоднократно решен в пользу Торби.

Прошло немало времени, прежде чем суд, на три степени выше, чем Окружной суд Радбека, предоставил наконец ему право голосовать акциями своих родителей (под надзором суда, который вправе был аннулировать свое решение) и

право голосовать их акциями до тех пор, пока не будет окончательно улажен вопрос об их имуществе.

Торби созвал общее собрание акционеров для выборов руководства компании, пользуясь правом инициативы акционера, как это предусматривалось уставом.

Собрание было устроено в конференц-зале поместья. Его посетило большинство акционеров, живших на Терре, хотя многие из них были представлены по доверенностям. В последнюю минуту в зал впорхнула Леда, весело крикнув:

– Привет всем!

Потом она обернулась к отчиму:

– Папочка, я получила извещение и решила повеселиться, так что вскочила в автобус и примчалась сюда. Надеюсь, я ничего не пропустила?

Она лишь мельком глянула на Торби, хотя он сидел на возвышении вместе с директорами. Юноша почувствовал облегчение и обиду одновременно: он не виделся с Ледой с тех пор, как они расстались в Сан-Франциско. Он знал, что девушка живет где-то в Радбек-Сити и нередко появляется в городе, но Гарш сказал, чтобы он даже не пытался встречаться с ней.

– Только круглый дурак может волочиться за женщиной после того, как она ясно дала понять, что не желает его видеть.

Поэтому он просто напомнил себе, что он должен вернуть ей одолженные деньги – с процентами, – и чем быстрее, тем лучше.

Уимсби попросил тишины и объявил, что в соответствии с повесткой дня собранию предстоит выдвинуть кандидатов и провести выборы.

– Рассмотрение несущественных прежних дел откладывается по общему согласию.

Молоток с грохотом опустился на крышку стола.

– Сейчас секретарь огласит список кандидатов на пост председателя правления. – На лице Уимсби сияла триумфальная улыбка.

Эта улыбка встревожила Торби. С учетом его собственной доли и доли родителей он располагал примерно сорока пятью процентами акций. Зная имена акционеров, возбудивших против него дела, а также пользуясь другими косвенными источниками информации, он мог заключить, что Уимсби контролирует около тридцати одного процента; Торби нужно было набрать еще шесть. Он рассчитывал, что ему поможет громкое имя «Радбек из Радбека», но надежда была весьма слабая, хотя Уимсби было необходимо набрать из оставшихся голосов втрое больше. Торби не был уверен в том, что дядя Джек еще не «положил их в карман».

Но он встал и от имени своих акций выдвинул собственную кандидатуру:

– Тор Радбек из Радбека.

Затем акционеры один за другим отказывались от права выдвижения кандидатуры, и наконец прозвучала фамилия Уимсби. Других выдвижений не было.

– Секретарь будет вызывать по списку! – объявил Уимсби.

– Прошу сообщить, сколько у вас имеется собственных голосующих акций и сколько вы представляете по доверенности. Клерк сверит номера акций с записями в реестре. Тор Радбек... из Радбека!

Торби проголосовал всеми своими сорока пятью процентами и опустился на место, внезапно почувствовав себя смертельно уставшим. Но он достал карманный калькулятор. Всего было девяносто четыре тысячи голосующих акций, и Торби не мог позволить себе считать в уме. Секретарь зачитывал номера, и клерк уткнулся в свои записи. Для того чтобы победить с преимуществом в один голос, Торби нужно было набрать пять тысяч шестьсот пятьдесят семь голосов.

Он медленно набирал голоса независимых акционеров: двести тридцать два, девятьсот шесть, тысяча девятьсот семнадцать – некоторые напрямую, другие – по доверенностям. Однако на счету Уимсби тоже прибывало. Некоторые акционеры объявляли, что отдают свои голоса доверенному лицу, иные вовсе не отзывались. По мере того, как зачитывались все новые и новые имена, обладатели которых никак не реагировали, Торби начинал подозревать, что все их доверенности находятся в руках Уимсби. Однако счет голосов, отданных за «Радбека из Радбека», рос – две тысячи двести пять, три тысячи тридцать шесть, четыре тысячи триста девять... и на этом остановился. На оставшиеся имена никто не откликнулся.

Гарш склонился к уху Торби:

– Остались только наши приятели.

– Я знаю. – Торби спрятал калькулятор. Он чувствовал себя скверно: все же Уимсби победил.

Было ясно, что секретаря заранее проинструктировали, чьи имена назвать под занавес.

– Его честь Курт Брудер!

Брудер отдал свой единственный голос Уимсби:

– Наш председатель мистер Джон Уимсби!

Уимсби встал, радостно улыбаясь:

– Лично мне принадлежит только одна акция. Но в силу доверенностей, которые я получил и которые находятся у секретаря, я...

Торби не стал слушать и потянулся за своей шляпой.

– Подсчет голосов завершен, и я объявляю... – начал секретарь.

– Нет!

Со своего места поднялась Леда:

– Я присутствую здесь лично! Это мое первое собрание, и я намерена участвовать в голосовании!

Уимсби поспешно забормотал:

– Все в порядке, Леда, ты не должна вмешиваться. – Он обернулся к секретарю. – Это не повлияет на результат.

– Еще как повлияет! Я отдаю свои тысячу восемьсот семьдесят голосов Тору, Радбеку из Радбека.

Уимсби вытаращил глаза:

– Леда Уимсби!

– Мое официальное имя – Леда Радбек! – звонким голосом объявила девушка.

– Незаконно! – вскричал Брудер. – Голоса подсчитаны! Это уж слишком...

– Какая чушь! – крикнула Леда. – Я здесь, и я голосую. Я отозвала свою доверенность. Это зарегистрировано в почтовом отделении на первом этаже, и я убедилась, что документ доставлен и зарегистрирован в «главном офисе корпорации» – я правильно выражаюсь, судья? – за десять минут до начала собрания. Если не верите – убедитесь сами. Впрочем, какая разница? Я сама здесь. Можете меня потрогать. – Она обернулась к Торби и улыбнулась ему.

Торби попытался выдавить ответную улыбку и гневно прошептал Гаршу:

– Почему вы держали это в секрете?

– Чтобы наш «честный Джон» не сообразил, что ему следует выпросить, занять или купить недостающие голоса. Тогда он вполне мог выиграть. Леда по моему совету держала его в счастливом неведении. Вот это девушка! Смотри не упусти ее, Торби.

Пятью минутами позже Торби, бледный и потрясенный, поднял молоток, брошенный Уимсби, и посмотрел в зал.

– Приступаем к выборам членов правления, – объявил он нетвердым голосом.

Список, составленный им и Гаршем, не вызвал возражений. В него было внесено лишь еще одно имя: Леда Радбек.

Она вновь вскочила на ноги:

– О нет! Ты не можешь так со мной поступать!

– Возражение отклоняется. Вы взяли на себя ответственность, так несите ее.

Она открыла рот, пытаясь возразить, потом закрыла его и села на место.

Как только секретарь объявил результаты, Торби обратился к Уимсби:

– Вы же еще и генеральный управляющий?

– Да.

– Вы уволены. Ваша акция аннулирована. Не пытайтесь вернуться в свой бывший офис. Забирайте свою шляпу и уходите.

Брудер вскочил с места. Торби обернулся к нему:

– И вы тоже. Пристав, проводите их к выходу.

Глава 23

Торби мрачно глядел на высокую стопку бумаг, каждая из которых была помечена грифом «срочно». Он взял один документ, начал его читать... и отложил в сторону:

– Долорес, переключите все вызовы на меня и можете идти домой.

– Сэр, я могу задержаться.

– Я же сказал: отправляйтесь домой. Как ты сможешь подцепить мужа с такими кругами под глазами?

– Да, сэр. – Она переключила коммутатор. – Спокойной ночи, сэр.

– Спокойной ночи.

Хорошая девушка, ей можно доверять, подумал он. По крайней мере, ему хотелось на это надеяться. Торби вовсе не хотел оказаться «метлой, которая чисто метет». Администрация должна продолжать работу. Он набрал номер.

Безликий голос произнес:

– Скрэмбл семь²¹.

– «Прикованный Прометей», – ответил Торби, – плюс девять будет шестнадцать.

– Скрембл организован.

– Здесь тоже, – подтвердил Торби.

²¹ Скрэмбл (от англ. скрэмблер) – «взбалтыватель», «перемешиватель»; аппарат для шифровки телефонных разговоров. Диалог в романе посвящен установлению скрэмблерного режима.

На экране появилось лицо генерала Смита.

– Привет, Тор.

– Джейк, мне очень жаль, но нашу ежемесячную встречу опять пришлось отложить. Мне бы не хотелось этого делать, но посмотрите на мой стол.

– Никто и не думал, что ты станешь отдавать делам корпуса все свое время.

– Черт побери! Именно это я и собирался сделать: разгрести дерьмо, приставить к делу подходящих людей и уйти в корпус! Но это не так-то просто.

– Тор, ни один нормальный офицер не позволит себе расслабиться до тех пор, пока в его подразделении не будет наведен порядок! И мы оба знаем, что у тебя на многих участках неладно.

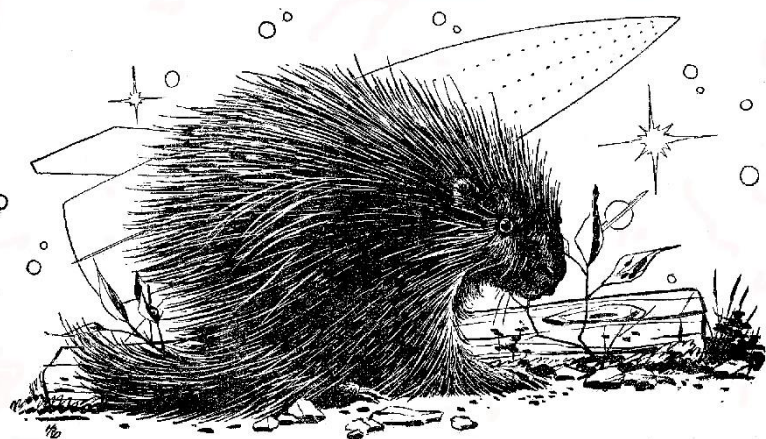
– Так... В общем, я пока не могу с вами встретиться. У вас есть пара минут?

– Валяй, – смиростивился Смит.

– Мне кажется, я нашел одного парня, который мог бы охотиться на дикобразов. Вы не забыли?

– Еще бы. «Никто не ест дикобразов».

– Точно! Но чтобы понять ваши слова, мне пришлось отыскать изображение этого животного. Пользуясь лексиконном торговцев, можно сказать так: чтобы придушить какое-

либо дело, надо сделать его неприбыльным. Нападение на корабли с целью захватить людей в рабство – по сути своей обычный бизнес, так что покончить с ним можно, лишь сделав его убыточным. И это сделают шипы дикобраза на потенциальных жертвах.

– Если бы у нас были такие шипы... – сухо ответил начальник корпуса «Икс». – А что, у тебя есть какие-то идеи насчет оружия?

– За кого вы меня принимаете? За гения? Ну ладно, скажу: кажется, мне удалось найти одного. Его зовут Джоэл Делакруа. По-видимому, этот парень – ярчайшая звезда МТИ²². Как-то раз я говорил с ним о задачах, которые мне приходилось решать на посту корабельного стрелка «Сису». И он тут же предложил одну великолепную идею... Он сказал: «Тор, это же просто смешно: какой-то дурацкий парализующий луч выводит из строя корабль, мощности которого хватило бы, чтобы зажечь маленькую звезду».

– Очень маленькую. Но я с ним согласен.

– Отлично. Так вот, я отправил Джоэла в наши «Гавермейерские лаборатории» в Торонто. Как только ваши ребята одобряют его планы, я дам ему грузовик денег и полную свободу действий. Я расскажу ему все, что знаю сам о тактике рейдеров и прочих вещах, – надиктую на пленку, может быть, потому что у меня не будет времени работать с ним лично. Меня тут буквально разрывают на части.

– Но ему потребуются хорошие помощники. В домашней мастерской такие исследования провести невозможно.

– Знаю. Я представлю вам имена, как только у меня будет время этим заняться. Для проекта «Дикобраз» Делакруа получит столько средств и людей, сколько будет нужно. Скажите лишь, сколько таких установок я смогу продать гвардии?

– Что?

²² МТИ – Массачусетский технологический институт.

– Я должен заниматься бизнесом. Если будут убытки, меня попросту уволят. Я мог бы осыпать проект «Дикобраз» дождем мегабаков, но я должен отчитаться перед директорами и акционерами. Если выйдет что-то путное, я мог бы продать несколько сотен установок вольным торговцам и какое-то количество передать своим собственным предприятиям. Но для того, чтобы оправдать расходы, мне нужна уверенность, что у меня будет большой потенциальный рынок. Сколько может взять гвардия?

– Тор, ты напрасно беспокоишься. Даже если ты не изобретешь сверхоружия – кстати, тут твои шансы невелики, – то все равно исследования, производимые твоими лабораториями, окупятся. Акционеры ничего не потеряют.

– Я не зря беспокоюсь. Я добился своего поста лишь незначительным большинством голосов; собрание акционеров может вышвырнуть меня на улицу хоть завтра. Конечно, исследования окупятся, но это может произойти не скоро. Можете быть уверены: о каждом кредите, который я потратил, тут же узнают люди, желающие от меня избавиться, – так что мне нужны очень веские оправдания.

– Может быть, заключим контракт на исследовательские работы?

– И чтобы ваш подполковник дышал в затылок моим ребятам и говорил, что они должны делать? Я же сказал: мы намерены предоставить им полную свободу действий.

– М-да... Может быть, составить протокол о намерениях? Хорошо, составьте смету по максимуму. Придется просить аудиенции у главнокомандующего. Он сейчас находится на Луне, а я не смогу выкроить время, чтобы отправиться туда лично, по крайней мере на этой неделе. Так что придется подождать несколько дней.

– Я не намерен ждать, я намерен считать, что вы сможете это устроить. Джейк, я хочу расправиться со своими делами и завязать с этой сумасшедшей работой – если не возьмете меня в корпус, я пойду служить простым артиллеристом.

– Зайди ко мне сегодня вечером. Я зачислю тебя и тут же прикажу исполнять свои обязанности на том месте, которое ты сейчас занимаешь.

У Торби отвисла челюсть.

– Джейк, вы не можете так поступить со мной!

– Если ты будешь таким идиотом, что поступишь под мое начало, я так и сделаю, Радбек!

– Но... – Торби умолк. Спорить не имело смысла; впереди еще была бездна работы.

– Хочешь сказать что-нибудь еще? – добавил Смит.

– Э-э-э... нет.

– Я займусь Делакура завтра же. Увидимся позже.

Торби дал отбой, и на душе стало еще пасмурнее. Дело было не в полушутливой угрозе генерала; необходимость потратить большие средства, принадлежавшие другим людям, на проект, который мог провалиться, тоже не беспокоила его. Просто он взялся за работу, которая оказалась гораздо труднее, чем можно было ожидать.

Он взял из стопки верхний лист и вновь положил его обратно. Нажав клавишу, соединился с поместьем. На экране появилось лицо Леды.

– Я сегодня опять задержусь. Ты уж извини меня.

– Ну что ж, придется перенести начало ужина на более поздний срок. Пускай гости развлекаются, а я присмотрю на кухне за канapé.

Торби покачал головой:

– Не надо, садитесь за стол. В крайнем случае, поужинаю прямо здесь. Может быть, даже заночую.

Леда вздохнула:

– Если, конечно, ты вообще ляжешь спать. Давай договоримся, мой милый глупыш: ты отправишься в постель не позже полуночи и встанешь не раньше шести. Обещаешь?

– Хорошо. Постараюсь.

– Уж постарайся, или будешь иметь дело со мной. Пока! На сей раз Торби даже не прикоснулся к верхнему листу.

Он просто сидел и размышлял. Хорошая девушка Леда, она даже пыталась помочь ему в делах, пока не стало ясно, что бизнес не самая сильная ее сторона. Но Леда оказалась единственным огоньком во тьме, единственной, кто неизменно оказывал Торби поддержку. И не будь женитьба проклятием для гвардейца... нет, он не мог так поступить с Ледой; к тому же Леда не давала ему повода думать, что она вообще захочет выйти за него. Кстати, он поступил очень некрасиво, отказавшись в последнюю минуту явиться на званый ужин. И вообще, в последнее время он вел себя не лучшим образом. Надо постараться быть более внимательным к девушке.

На первый взгляд все казалось самоочевидным: взять управление в свои руки и провести дезинфекцию в секторе, ведущем дела с Саргоном, а потом поручить все это кому-нибудь другому. Но чем глубже он вникал в ситуацию, тем больше видел сложностей. Налоги... дела с налогами всегда были чертовски запутанны. Вот, скажем, программа расширения, которую продавливала Веганская группа – откуда ему знать, стоящее ли это дело, ведь он там не бывал и ничего не видел! А если бы и побывал, и посмотрел – разве это помогло бы ему? И как найти время?

Это смешно, но владелец сотен звездолетов автоматически лишается времени, чтобы прокатиться хотя бы на одном из них. Может быть, через год-два...

Черт побери, но эти проклятые завещания даже и тогда не будут еще утверждены окончательно! Уже прошло два года, а суды все тянут эту резину. Неужели вопрос о смерти родителей нельзя решить прилично и просто, как это делают торговцы?

И пока тянется дело, он не может взяться за работу папы.

Конечно, кое-что сделать удалось. Он предоставил корпусу «Икс» доступ к архивам Радбеков, тем самым прояснив некоторые детали; Джейк рассказал ему о рейде, вычистившем один из рассадников работорговли. Успех налета

обеспечили сведения, полученные от служащих компании, которые даже не догадывались о значении этих сведений.

А может быть, все-таки кто-то догадывался? Порой ему казалось, что Уимсби и Брудер все знали, иногда он думал, что нет, ведь все документы свидетельствовали о полной законности их деятельности... Правда, иногда их партнерами оказывались сомнительные личности. Но кто знал, что это за люди?

Торби открыл ящик стола и извлек оттуда папку, на которой не было надписи «срочно» только потому, что он вообще никогда не выпускал ее из рук. По его мнению, папка содержала самые неотложные дела компании, а может быть, и всей Галактики – даже более срочные, чем проект «Дикобраз», который представлялся делом отдаленного будущего. То, что было в этой папке, могло нанести тяжелый удар по работоторговле или, как минимум, серьезно подорвать ее. Однако дело шло медленно, и впереди был непочатый край работы.

Слишком много дел. Бабушка любила повторять, что никогда не следует покупать больше яиц, чем влезает в корзину. Интересно, где она выискала такое сравнение? Вольные торговцы не покупали яиц. А у Торби скопилось множество корзин и явный излишек яиц для каждой из них. И каждый день приносит новую корзину.

Разумеется, в трудную минуту он мог спросить себя: «А что бы сделал на моем месте папа?» Брисби говорил так: «Я просто задаю себе вопрос: как бы поступил полковник Баслим?»

Это помогало, особенно когда он вспоминал о словах судьбы, который призывал его проявить осторожность в тот день, когда акции его родителей окончательно перейдут к нему:

– Никто не может обладать чем-либо единолично, и чем больше богатство человека, тем в меньшей степени оно принадлежит ему. Вы не в силах распоряжаться собственностью по своему собственному усмотрению и не имеете права

делать глупости. Ваши интересы перекрываются интересами акционеров, служащих и всего общества в целом.

Прежде чем приступить к проекту «Дикобраз», Торби мысленно обсудил это предостережение с папой.

Судья был прав. Как только Торби возглавил компанию, его первым желанием было сразу же прекратить всякую деятельность Радбеков в зараженном работоторговлей секторе и тем самым нанести ей сокрушительный удар. Но это было невозможно. Борясь с преступниками, нельзя наносить ущерб тысячам и миллионам честных тружеников. Здесь требовалось более осторожное хирургическое вмешательство.

Именно этим Торби и пытался заниматься сейчас. Он принялся изучать содержимое безымянной папки.

В дверь просунулась голова Гарша.

– Я гляжу, ты все погоняешь себя хлыстом? Что за спешка, парень?

– Джим, где найти десяток честных людей?

– Хм... Диоген был бы счастлив найти хотя бы одного. И с этим не смог справиться.

– Вы знаете, о чем я толкую. Мне нужны десять честных грамотных специалистов, которые могли бы возглавить представительства Радбеков на различных планетах. («И таких, против которых не возражал бы корпус», – добавил про себя юноша.)

– Ничего себе проблемка.

– А что еще можно сделать? Я бы заменил ими управляющих, работающих в этом чертовом секторе. Просто уволить управляющих нельзя; нам придется перевести их на другие должности. Потому что мы не знаем, замешаны ли они в этом деле. А новым людям мы сможем доверять, они разберутся в принципах работоторговли и поймут, что именно нужно искать.

Гарш пожал плечами:

– Да, похоже, это лучшее, что только можно придумать. Но не думай, что нам удастся решить задачу одним лихим

наскоком; столько честных и квалифицированных специалистов зараз не найти. И уж, конечно, парень, вряд ли ты сумеешь отыскать решение прямо сейчас, даже если будешь паялиться в эти списки всю ночь напролет. Когда ты станешь стариком вроде меня, то поймешь, что нельзя заниматься всем сразу, если не хочешь загнать себя в гроб. Все равно когда-нибудь ты умрешь, и работу продолжит кто-то другой. Ты мне напоминаешь человека, который собрался сосчитать все звезды на небе. Чем быстрее он считал, тем больше вспыхивало звезд. Так что он плюнул и пошел ловить рыбу. Тебе это тоже не помешает, и чем раньше, тем лучше.

– Джим, чего ради вы связались со мной? Все уже давно ушли, а вы все здесь.

– Потому что я старый идиот. Кто-то ведь должен тебе помочь. А может, я обрадовался возможности хорошенько врезать по такому грязному делу, как работорговля. И это – единственный доступный мне способ. Я уже слишком стар и толст, чтобы действовать по-другому.

Торби кивнул:

– Это уж точно. Вот я мог бы бороться по-своему, но, черт побери, у меня так много обязанностей, что я не в силах выкроить ни секунды на все то, что мне следовало бы делать, и уж конечно, у меня никогда не будет ни малейшей возможности делать то, что я хочу!

– Сынок, так было и будет всегда. Чтобы выстоять в этой жизни, ты должен время от времени позволять себе делать то, что тебе больше всего хочется. Давай начнем прямо сейчас. Не станем ничего планировать на завтра, а просто прихватим пакет с бутербродами и отправимся глазеть на хорошеньких девушек.

– Я планировал поужинать здесь.

– Ничего подобного. Даже стальной корабль порой нуждается в ремонте. Так что бросай все, и пошли.

Торби глянул на стопку бумаг:

– Ну ладно.

Старик жевал бутерброд, прихлебывал пиво и смотрел на хорошеньких девушек. На его лице играла улыбка невинного удовольствия. Они действительно были хорошенькие: Радбек-Сити привлекал для шоу самые высокооплачиваемые таланты.

Торби не обращал на них ни малейшего внимания. Он размышлял.

Человек не должен забывать о возложенной на него ответственности. Не должен капитан, не должен и старший помощник. Но Торби не видел никакой возможности вступить в корпус Баслима, не нарушая этого принципа. И все

же Джим прав: здесь также было поле битвы с грязным бизнесом – торговлей невольниками.

Даже если ему не нравится такой способ борьбы? Даже тогда. Полковник Брисби, вспоминая о Баслиме, как-то раз сказал: «...если ты предан делу свободы, то ради нее отказываешься от своей собственной свободы... живешь, как нищий, как раб... или даже гибнешь ради того, чтобы жила свобода».

Да, папа... но я не знаю, как взяться за это дело. Я хотел бы, но я лишь пытаюсь, иду ощупью, ведь у меня нет никаких способностей к этой работе.

– Чепуха! – сказал папа. – Ты можешь выучиться всему, если сумеешь себя заставить. И ты научишься, если мне удастся вбить знания в твою тупую башку!

Из-за плеча папы выглядывала бабушка, кивая в знак одобрения и серьезно глядя на юношу. Торби кивнул ей в ответ:

– Да, бабушка! Хорошо, папа! Я постараюсь.

– Надо не просто постараться. Этого мало.

– Я сделаю это, папа.

– А теперь давай ужинать.

Торби послушно потянулся за ложкой, но увидел, что перед ним вместо миски с похлебкой лежит бутерброд.

– Что ты бормочешь? – спросил Гарш.

– Ничего. Принял одно решение.

– Дай своим мозгам отдохнуть и раскрой пошире глаза. Для всего есть свое время и свое место.

– Вы правы, Джим.

– Доброй ночи, сынок, – шепнул старик-нищий. – Добрых снов... и удачи тебе!

КУКЛОВОДЫ

Лертону Блассингейму

1

Действительно ли они разумны? Я имею в виду, сами по себе. Не знаю – и не думаю, что мы когда-нибудь узнаем. Правда, я не ученый, я тут по другой части.

Если взять, к примеру, Советы, то там они ничего нового не изобрели – просто взяли коммунистический принцип «власть ради власти» и распространили его на все сферы жизни без всяких там «гнилых либеральных сантиментов», как выражаются комиссары. С другой стороны, в связке с животными они были чем-то намного большим, чем просто животные.

(Я все еще не привык к тому, что больше нигде не увидишь собак. Когда мы с ними наконец-то схлестнемся, они ответят нам за несколько миллионов собак. И кошек. За одного конкретного кота я спрошу с них сам, лично.)

А если то, что у них есть, – всего лишь инстинкт, я очень надеюсь не дожить до того дня, когда мы столкнемся с кем-нибудь вроде них, только разумными. Потому что я знаю, кто тогда проиграет. Я, вы. Так называемый человеческий род.

* * *

Для меня все началось очень ранним утром двенадцатого июля 2007 года: телефон зазвонил так пронзительно, что и мертвый бы, наверно, проснулся. Я пошарил вокруг себя, пытаясь найти штуку, которая его отключает, а потом вспомнил, что оставил ее в пиджаке на другом конце комнаты.

– Ладно, – проворчал я. – Слышу. Выключи этот чертов зуммер.

– Чрезвычайная ситуация, – произнес голос у меня в ухе.
– Доложиться лично.

Я коротко посоветовал, как им поступить с их чрезвычайной ситуацией.

– У меня трехдневный отпуск, – добавил я.

– Явиться к Старику, – не унимался голос. – Немедленно! Это был совсем другой разговор.

– Иду, – ответил я, рывком уселся на постели – аж в глазах потемнело – и нос к носу столкнулся с блондинкой.

Она тоже села и уставилась на меня круглыми от удивления глазами. Я вытаращился на нее, мучительно пытаюсь вспомнить, кто она такая и откуда тут взялась.

– С кем это ты разговариваешь? – спросила она.

– Я? Разговариваю?

Я замолчал, пытаюсь придумать подходящую ложь, но тут в голове у меня окончательно прояснилось, и я сообразил, что нет надобности сочинять слишком уж хорошую ложь, поскольку блондинка не могла слышать моего собеседника, – наш Отдел не пользуется стандартными телефонами. Аудиореле имплантировано под кожу за левым ухом и работает за счет костной звукопроводимости.

– Прости, детка, – сказал я. – Кошмар приснился. Я часто разговариваю во сне.

– А-а... Но сейчас-то ты в порядке?

– Да, все хорошо, я уже проснулся, – заверил я и встал, чуть покачнувшись. – Спи дальше.

– Ладно, ладно... – И она тут же уснула.

Я пошел в ванную и вколол себе в руку четверть грана «Гиро». Потом три минуты вытрясал из себя душу вибромассажером, а стимулятор собирал ее по кускам воедино. Из ванной я вышел новым человеком – ну почти новым, так скажем. Осталось только прихватить пиджак. Блондинка тихо посапывала в постели.

Я пустил свое подсознание по ее следу и понял – с некоторым сожалением, – что ничего ей не должен. Поэтому ушел не прощаясь. В квартире не оставалось ничего, что могло бы меня выдать или хотя бы намекнуть ей, кто я такой.

* * *

На базу я попал через кабинку в туалете на станции метро «Макартур». Разумеется, вы не найдете наше заведение в телефонной книге. Строго говоря, его вообще нет. Может, и меня тоже нет. Выдумка, иллюзия. Еще туда можно попасть через крохотный магазинчик под вывеской «Редкие марки и монеты». Даже не пытайтесь здесь пройти – вам постараются всучить «Черный двухпенсовик»²³.

Короче, искать нашу контору бесполезно. Как я и говорил, нас просто не существует.

Есть вещи, которые ни один руководитель государства знать не может, – например, насколько хороша его разведывательная служба. Понятно это становится, только когда она его подводит. Чтобы этого не произошло, есть мы. Так сказать, подтяжки для дяди Сэма. Подтяжки в дополнение к ремню. В ООН о нас никогда не слышали, да и в ЦРУ тоже, надеюсь. Кто-то сказал однажды, что наши расходы закрывает Департамент продовольственных ресурсов, но так ли это, я не знаю; мне платят наличными.

А все, что о нашей организации знаю я, – это полученная мной подготовка и задания, на которые меня посылает Старик. Интересные, в общем-то, задания, если вам все равно, где вы спите, что едите и как долго проживете на свете. Я три года провел за железным занавесом, научился пить

²³ Первые современные почтовые марки, выпущенные в Англии в 1840 г., были черными (по одному пенни) и синими (по два). И «Черный пенни», и особенно более редкие «Синие двухпенсовики» высоко ценятся коллекционерами, а вот «Черный двухпенсовик» может быть только подделкой.

водку, не морщась и шипеть по-русски, как кот, – то же на кантонском, курдском и некоторых других скверных на вкус языках. Могу вас заверить, что там, за железным занавесом, нет ничего такого, чего не найдется в Падуке, штат Кентукки. Только здесь оно больше и лучшего качества. Тем не менее они там как-то живут.

Будь я поумней, давно бы уволился и нашел себе нормальную работу.

Вот только со Стариком тогда поработать больше не доведется. А для меня это много значит. Нет, он вовсе не добрый начальник. Он вполне способен сказать: «Парни, нам нужно удобрить вот это дерево. Прыгайте в яму, и я вас засыплю».

И мы прыгнем. Все как один.

И если у него будет хотя бы пятидесятитрехпроцентная уверенность, что это – Дерево Свободы, он похоронит нас заживо.

* * *

Когда я вошел, Старик поднялся из-за стола и, прихрамывая, двинулся мне навстречу. Я снова задался вопросом, почему он не привел свою ногу в порядок. Подозреваю, что он гордится обстоятельствами, при которых заработал свою хромоту, но так ли это, я никогда не узнаю. Человек в положении Старика гордится своими достижениями втайне, его профессия не допускает публичных почестей.

На его лице расцвела зловещая ухмылка. Большой голый череп и крупный римский нос делали его похожим то ли на Сатану, то ли на Панча.

– Привет, Сэм, – сказал он. – Мне, право, жаль, что пришлось вытащить тебя из постели.

Черта с два ему жаль, конечно.

– У меня отпуск, – коротко ответил я.

Конечно, Старик есть Старик, но ведь отпуск есть отпуск, и он, черт возьми, выпадает нечасто!

– Верно, и ты все еще в отпуске. Мы отправляемся отдыхать.

У Старика весьма своеобразные представления об отдыхе, поэтому я, разумеется, не поверил.

– Ладно. Теперь меня зовут Сэм, – сказал я. – А фамилия?

– Кавано. А я твой дядюшка Чарли. Чарльз М. Кавано, пенсионер. И познакомься – это твоя сестра Мэри.

Входя, я сразу заметил, что он в комнате не один, но отложил осмотр на потом. Старик, когда хочет, умеет привлекать к себе внимание целиком и удерживать его сколько нужно. Теперь же я взглянул на свою «сестру» внимательно и невольно задержал взгляд. Оно того стоило.

Стало понятно, почему для работы вместе Старик назначил нас братом и сестрой: это разом избавляло его от некоторых проблем. Как профессиональный актер не может намеренно испортить диалог, так и обученный агент не может выйти из заданного образа. И теперь я должен был относиться к ней как к родной сестре – довольно злая шутка, если разобраться!

Высокая, стройная, и спереди все как положено. Хорошие ноги. Широкие – для женщины – плечи. Огненно-рыжие волнистые волосы и, как бывает только у рыжих от рождения, что-то от ящерицы в форме черепа. Лицо скорее правильное, чем красивое, белые острые зубы. И она смотрела на меня оценивающим взглядом, как на кусок мяса.

Я еще не вошел в роль. Мне сразу захотелось опустить одно крыло, задрать другое и пуститься в брачный танец. Наверно, по мне это было заметно, потому что Старик мягко напомнил:

– Спокойно, Сэмми, спокойно, в семье Кавано инцеста не будет. Моя любимая невестка как следует вас обоих воспитала. Сестра, конечно, в тебе души не чает, и ты ее тоже любишь, но чисто по-родственному. Ты заботлив и галантен до тошноты. Как говорится, старая добрая Америка.

– Боже, неужели все так плохо? – спросил я, не сводя глаз с «сестры».

– Хуже.

– А, черт, ладно. Привет, сестренка. Рад познакомиться.

Она протянула мне руку – твердую и ничуть не слабее, чем у меня.

– Привет, братец.

Глубокое контральто! Моя слабость. Черт бы побрал Старика!

– Могу добавить, – продолжил он все тем же ласковым голосом, – что сестра тебе дороже собственной жизни. Чтобы защитить ее от опасности, ты готов даже умереть. Мне не очень приятно сообщать тебе это, Сэмми, но, по крайней мере в настоящий момент, сестра для Отдела важнее, чем ты.

– Понятно, – ответил я. – Спасибо за деликатность.

– Сэмми...

– Ладно, она – моя обожаемая сестра. Я защищаю ее от собак и посторонних мужчин. Спокойный, как слон. Когда начинаем?

– Сначала зайди в «Косметику». Они сделают тебе новое лицо.

– Пусть лучше сделают новую голову. Ладно, увидимся. Пока, сестренка.

Голову мне, конечно, новую не сделали, зато примостили мой персональный телефон у основания черепа и заклеили сверху волосами. Шевелюру выкрасили в тот же цвет, что и у новообращенной сестры, осветлили кожу и сделали что-то такое со скулами и подбородком. Из зеркала на меня уставился самый настоящий рыжий – такой же, как сестренка. Я смотрел на свои волосы и пытался вспомнить, какого же цвета они были изначально, много-много лет назад. Затем задумался: а как на самом деле выглядит моя сестренка, так же как сейчас? Хотелось бы надеяться. А эти ее белые зубки... Стоп! Брось, Сэмми! Она – твоя сестра. Точка.

Я надел приготовленный мне костюм, и кто-то сунул мне в руку заранее уложенную дорожную сумку. Старик и сам, очевидно, побывал в «Косметике»: на голове у него вился

бледно-розовый пух. С его лицом тоже что-то сделали. Не скажу точно, что, но теперь мы, без сомнения, выглядели родственниками – троица законных представителей этой странной расы рыжеволосых.

– Пошли, Сэмми, – сказал Старик. – У нас мало времени. Я все расскажу в машине.

Мы выбрались в город новым маршрутом, о котором я еще не знал, и оказались на стартовой платформе Нортсайд, высоко над Нью-Бруклином, откуда открывался вид на Манхэттенский кратер.

Я вел машину, а Старик говорил. Когда мы вышли из зоны действия городской службы управления движением, он велел мне задать автопилоту направление на Де-Мойн, штат Айова, после чего я присоединился к Мэри и «дядюшке Чарли» в салоне. Первым делом Старик поведал нам наши легенды, сначала кратко, а потом дополнил деталями, чтобы ввести нас в курс дела.

– Короче, мы – беззаботная счастливая семейка, туристы, – закончил он. – И если нам придется столкнуться с чем-то непредвиденным, то мы себя так и поведем – как любопытные бестолковые туристы.

– А что за проблема? – спросил я. – Или будем разбираться на ходу?

– Мм... Посмотрим.

– Хорошо. Хотя на том свете чувствуешь себя гораздо лучше, если знаешь, за что туда попал, правда, Мэри?

«Мэри» промолчала. Редкое для женщины качество – умение молчать, когда нечего говорить. Старик бросил на меня оценивающий взгляд, машина, расположенная у него в голове, переварила полученную информацию, и он спросил:

– Сэм, ты слышал о летающих тарелках.

– Э-э-э... Не уверен.

– Ты же учил историю! Ну соберись!

– А, эти... Повальное помешательство на тарелках, еще до Беспорядков? Я думал, ты имеешь в виду что-то недавнее и настоящее. Тогда были просто массовые галлюцинации...

– Ой ли?

– Я, в общем-то, не изучал статистическую аномальную психологию специально, но уравнения, кажется, помню. Тогда само время было ненормальное; человека, у которого все шарики на месте, могли запросто запереть в психушку.

– А сейчас, по-твоему, наступило царство разума, да?

– О, я еще не сошел с ума, чтобы утверждать такое... – Я порылся у себя в памяти и нашел нужный ответ. – Вспомнил: интеграл Дигби для данных второго и более высокого порядка. Вероятность того, что летающие тарелки – за вычетом объясненных случаев – лишь галлюцинация, равна, по Дигби, девяноста трем и семи десятым процента. Я запомнил, потому что это был первый раз, когда сообщения об инопланетянах собрали, систематизировали и оценили. Одному Богу известно, зачем правительство затеяло этот проект.

Старик выслушал меня и с совершенно невинным видом сказал:

– Держись за сиденье, Сэмми: сейчас мы едем осматривать летающую тарелку. И может быть, как настоящие туристы, даже отпилим себе кусочек на память.

2

– Следил за новостями в последнее время? – продолжал Старик.

Я мотнул головой. Глупо спрашивать, я же был в отпуске.

– Полюбопытствуй при случае, – посоветовал он, – узнаешь много интересного. Ладно, проехали. Семнадцать часов... – Старик сверился с часами на пальце, – и двадцать три минуты назад неопознанный космический корабль приземлился в окрестностях Гриннелла, штат Айова. Тип

неизвестен. Форма дискообразная, около ста пятидесяти футов диаметром. Откуда – неизвестно, но...

– Они что, не отследили траекторию? – перебил я.

– Они. Не. Отследили, – отчеканил он. – Вот фото, сделанное после посадки с космической станции «Бета».

Я взглянул на снимок и передал Мэри. Обычная, не очень четкая фотография с высоты пять тысяч миль. Деревья как мох, тень облака, испортившая самую хорошую часть снимка, и серый круг – возможно, и в самом деле космический аппарат, но с таким же успехом это могла быть нефтяная цистерна или резервуар для воды. Я внезапно задался вопросом: сколько же гидропонных ферм в Сибири мы разбомбили, принимая их за атомные установки?

Мэри вернула фото, и я сказал:

– Похоже на тент для общих собраний в летнем лагере. Что еще нам известно?

– Ничего.

– Как «ничего»? Спустя семнадцать часов? Там должно быть полно наших агентов!

– Посылали. Двое были в окрестностях, четверо отправились к объекту. Ни один не вернулся. Я очень не люблю терять агентов, Сэмми, особенно когда это не дает никаких результатов.

До сих пор я не задавался вопросом, чего ради Старик лично рискует на задании, – оно не выглядело рискованным. И тут я вдруг сообразил, насколько серьезная сложилась ситуация, коли Старик поставил на карту всю организацию, – ибо он и есть Отдел. Смелости ему не занимать, но и здравого смысла тоже. Он не рискнул бы собой, если бы не знал наверняка, что другие с заданием не справятся и что выполнить это задание надо любой ценой.

Мне стало немного не по себе. Обычно агент обязан спасти свою шкуру – чтобы выполнить задание и доложить о результатах. В данном случае получалось, что вернуться с результатами должен Старик, вторая по значимости – Мэри,

а сам я – не дороже скрепки. Радоваться тут, понятно, нечему.

– Один агент успел-таки кое-что сообщить, – продолжил Старик. – Он отправился к месту посадки, изображая обычного зеваку, и передал по личному телефону, что это, по-видимому, космический корабль, хотя он не смог определить тип двигателя. Но это мы уже знали из новостей. Затем сообщил, что корабль открылся и он пытается подобраться ближе, за полицейский кордон. Последнее, что он сказал, было: «Вот они. Маленькие существа, примерно...» – и больше ни слова.

– Маленькие человечки?

– Он сказал «существа».

– Что в местных новостях?

– Полно всего. Студия стереовещания из Де-Мойна сообщила о посадке и направила туда съемочную группу. Все снимки, что они передали, были сделаны с воздуха и изда- лека. На всех – только дискообразный объект. Затем в течение двух часов – ни снимков, ни новостей, а после этого крупные планы и новое объяснение.

Старик замолчал.

– И что? – спросил я.

– Розыгрыш. «Космический корабль» поддельный, из жести и пластика. Собран двумя подростками в лесу, неподалеку от фермы, где они живут. Фальшивку запустил один комментатор, у которого чувства юмора больше, чем здравого смысла. Он сам и подбил ребят на это дело, чтобы слепить сенсацию. Его, мол, уже уволили, а сообщение о пришельцах из космоса – не более чем очередная утка.

Я поежился:

– Утка, значит. И тем не менее мы потеряли шестерых сотрудников. Наша задача – отыскать их?

– Нет. Думаю, мы их уже не найдем. Нам нужно узнать, почему триангуляция объекта с этого снимка, – он помахал фотографией, полученной с космической станции, – не

совсем точно совпадает с тем, что сообщили в новостях, и почему стереостанция Де-Мойна прерывала свою передачу.

Мэри впервые нарушила молчание:

– Я бы хотела поговорить с этими мальчиками с фермы, – сказала она.

* * *

Я опустил машину на дорогу в пяти милях от Гриннелла, и мы принялись искать ферму Маклейнов; в новостях виновниками переполоха были названы Винсент и Джордж Маклейны. Найти ее оказалось несложно. На первой же развилке стоял большой, профессионально сделанный щит с надписью: «ПРОЕЗД К КОСМИЧЕСКОМУ КОРАБЛЮ», а чуть дальше уже теснились припаркованные по обеим сторонам дороги машины – наземные, летающие и даже трифибии. На повороте к ферме стояло несколько наспех построенных ларьков, в которых торговали прохладительными напитками и сувенирами. И еще там был полицейский-регулирующий.

– Остановись, – сказал Старик. – Нам тоже посмотреть не помешает, а?

– Точно, дядюшка Чарли, – согласился я.

Старик выпрыгнул из машины и двинулся вперед, помахивая тростью. От его хромоты и следа не осталось. Я помог Мэри выбраться, и она на мгновение прильнула ко мне, опершись на мою руку. При этом она посмотрела мне в глаза, напустив на себя вид наивной скромницы.

– Мм... Какой ты сильный, братишка, – сказала она.

Мне захотелось ее отшлепать, но вместо этого я только смущенно ухмыльнулся. Агент Старика – в роли этакой сентиментальной простушки. Ну прямо как улыбка у тигра.

«Дядя Чарли» всю изобразил богатого старика на отдыхе – приставал к людям с расспросами, суетился, цеплялся к полицейскому. Затем купил в ларьке сигары и, когда

мы подошли, небрежно махнул рукой с дымящейся сигарой в сторону сержанта.

– Инспектор говорит, это надувательство, мои дорогие. Местные мальчишки подшутили. Едем дальше?

Мэри сделала разочарованное лицо:

– Что, никакого космического корабля нет?

– Почему же? Есть – если, конечно, это можно назвать космическим кораблем, – ответил полицейский. – Идите за толпой, там его найдете. И я пока еще сержант, а не инспектор.

«Дядюшка Чарли» угостил его сигарой, и мы двинулись через пастбище в сторону редкого леса. Пройти за ворота фермы стоило доллар, и многие сразу поворачивали обратно, поэтому люди на тропе встречались редко. Я держался настороже и страстно желал, чтобы вместо радиотелефона у меня на затылке были глаза. Согласно вводной, шесть агентов прошли этой дорогой – и ни один не вернулся. Мне не хотелось становиться седьмым.

Дядя Чарли и сестренка шли впереди, Мэри без умолку несла какие-то глупости. Она каким-то образом умудрялась выглядеть меньше ростом и моложе, чем была в начале поездки. Наконец мы добрались до поляны и увидели «космический корабль».

Больше ста футов диаметром, но сделан – явно на скорую руку – из тонкой жести и листового пластика, выкрашенного серебрянкой. Формой – как две суповые тарелки одна на другой. Кроме этого, и смотреть не на что. Тем не менее Мэри пискнула:

– Ой, как здорово!

Из люка на вершине этой чудовищной конструкции высунул голову парнишка лет восемнадцати-девятнадцати с глубоким устойчивым загаром на прыщавом лице.

– Хотите посмотреть внутри? – спросил он и добавил, что это будет стоить еще по пятьдесят центов с каждого.

Дядя Чарли раскошелился.

Galaxy

SCIENCE FICTION

SEPTEMBER 1951

35¢

ANC

У самого люка Мэри в нерешительности остановилась. Оттуда вынырнула еще одна прыщавая физиономия – точная копия первой. Парни хотели помочь Мэри спуститься, но она вдруг отпрянула, и я тут же оказался рядом, решив, что лучше помогу ей сам. Однако в данном случае я на девяносто девять процентов руководствовался профессиональными соображениями, потому что нутром чуял здесь какую-то опасность.

– Там темно, – дрожащим голосом произнесла Мэри.

– Не бойтесь, – сказал второй парень. – Мы сегодня весь день тут людей водим. Меня, кстати, зовут Винс Маклейн. Ну идите же, девушка.

Дядя Чарли опасливо заглянул в люк, словно заботливая курица, сопровождающая выводок на прогулке.

– Там могут быть змеи, – решил он. – Мэри, тебе лучше туда не ходить.

– Да что вы! Какие змеи?! – принялся уговаривать нас первый Маклейн.

– Ладно, джентльмены, деньги оставьте себе. – Дядя Чарли взглянул на палец с часами. – Мы уже опаздываем, дорогие мои. Пошли.

По тропе я опять шел позади них – постоянно настороже, аж волосы на затылке дыбом встали.

Мы вернулись к машине, и я вырулил на дорогу. Едва мы тронулись с места, Старик резко спросил:

– Ну? Что ты увидел?

Я парировал вопросом на вопрос:

– Насчет первого сообщения никаких сомнений? Того, что оборвалось?

– Абсолютно.

– Этой штукой в лесу агента не обманешь даже в темноте. Он видел другой корабль.

– Разумеется. Что еще?

– Сколько, по-вашему, может стоять этот муляж? Новая жесь, краска и, судя по тому, что я разглядел через люк, примерно тысяча футов бруса для крепежа...

– Продолжай.

– Ну, свой дом Маклейны годами не красили, да и сарай тоже. На этой ферме только что вывески не хватает – «Заложено». Ясное дело, они не сами оплачивали эту шуточку.

– Безусловно. Ты, Мэри?

– Вы заметили, дядюшка, как они со мной обращались?

– Кто? – резко спросил я.

– Полицейский и эти двое парней. Когда я включаю режим сексапильной милашки, с мужчинами обязательно должно что-то происходить. Здесь же – никакой реакции.

– По-моему, они обратили на тебя внимание, – возразил я.

– Ты не понимаешь. Я просто чувствую реакцию. Всегда чувствую. Что-то с ними не так. Они словно мертвецы. Или внухи – если ты понимаешь, о чем я.

– Гипноз? – предположил Старик.

– Возможно. «Или действие наркотиков», – сказала она, нахмутив брови, но на лице ее осталось сомнение.

– Хм... – Старик задумался, потом сказал: – Сэмми, на следующем разъезде сверни налево. Нам нужно осмотреть место в двух милях к югу отсюда.

– Место посадки, вычисленное по фотоснимку?

– А что же еще?

Однако добраться нам туда не удалось. Мост впереди рухнул, а разогнаться, чтобы перескочить реку по воздуху, было негде, да и правила дорожного движения для летающих машин этого не разрешали. Мы заехали с юга, по единственной оставшейся дороге, но там нас остановил полицейский. Сказал, что проезда нет из-за пожара. Кустарник, мол, горит, и, если мы поедем дальше, нам придется участвовать в тушении. И вообще, ему положено бы отправить меня туда сразу.

Мэри захлопала ресницами и наврала, что ни она, ни дядюшка Чарли не умеют водить машину. Полицейский смилостивился и оставил нас в покое.

После того как мы отъехали на приличное расстояние, я спросил:

- Что насчет него?
- В смысле?
- Евнух?
- Ни в коем случае! Очень симпатичный мужчина.

Меня это задело.

Взлететь и сделать заход на триангулированную точку Старик запретил. Сказал, это будет бесполезно. Мы отправились в Де-Мойн и, вместо того чтобы припарковаться у въезда в платную зону, заплатили за въезд в город и вскоре остановились перед студией местного стереовещания. «Дядюшка Чарли» принялся скандалить и прорвался-таки в кабинет генерального директора, ведя нас за собой на буксире. Старик врал на ходу, хотя, может быть, «Чарльз М. Кавано» и в самом деле был какой-нибудь шишкой в Федеральном управлении связи – как знать?

Очутившись в кабинете и закрыв за собой дверь, Старик продолжал строить из себя Высокое Начальство.

- Что это за глупый розыгрыш с летающей тарелкой, сэр? Я требую четкого ответа и предупреждаю, что от этого может зависеть судьба вашей лицензии.

Директор, однако, не испугался; подобные угрозы, видимо, лишь действовали ему на нервы.

- Мы передали опровержение по всем каналам, – сказал он. – Нас просто подставили. Но виновный уже уволен.

- Этого явно недостаточно, сэр.

Человечек – фамилия его была Барнс – пожал плечами:

- А чего еще вы от нас ожидаете? Мы что, должны были на дыбу его вздернуть?

Дядя Чарли ткнул в его сторону сигарой:

- Предупреждаю, сэр, со мной шутки плохи. Я совсем не убежден, что два молодых олуха и младший репортер могли самостоятельно провернуть этот возмутительный розыгрыш. Тут пахнет деньгами, сэр. Да-да, деньгами. И где их

искать, как не здесь, на самом верху... А теперь скажите-ка мне, сэр, что именно вы сде...

Мэри сидела рядом со столом Барнса. Она что-то сделала со своей одеждой, выставив напоказ значительную часть тела, и уселась в такой позе, что мне сразу вспомнилась картина Гойи «Маха обнаженная». Спустя несколько секунд она подала Старика сигнал – большой палец вниз.

Барнс вроде бы не должен был этого заметить: мне казалось, что он смотрит только на Старика. Однако заметил. Он повернулся к Мэри, лицо его словно помертвело, а рука потянулась к ящику стола.

– Сэм! Убей его! – коротко приказал Старик.

Я выстрелил. Луч отжег ему ноги, и туловище Барнса грохнулось на пол. Не самый удачный мой выстрел: я думал прожечь дыру в животе.

Пальцы Барнса все еще тянулись к упавшему пистолету, и я отпихнул оружие носком ботинка. Человек с отстреленными ногами уже не жилец, однако умирает не сразу, и я хотел избавить его от мучений, но тут Старик рявкнул:

– Не трогать! Мэри, назад!

Мы подчинились.

Старик осторожно, словно кошка, обследующая незнакомый предмет, подобрался ближе. Барнс издал долгий булькающий вздох и затих – смерть от болевого шока. Старик осмотрел его и осторожно потыкал тростью.

– Босс, пора сваливать, а? – сказал я.

Не оборачиваясь, он ответил:

– Здесь ничуть не опасней, чем где-то еще. Возможно, их в этом здании полно.

– Кого «их»?

– Откуда я знаю? Их, таких вот, как этот. – Он указал на тело Барнса. – Нам как раз и нужно узнать, кто они такие.

Мэри судорожно всхлипнула – первая непритворная женская реакция с момента нашего знакомства – и выдохнула:

– Он еще дышит. Смотрите!

Тело лежало лицом вниз. Пиджак на спине медленно поднимался и опадал, словно легкие Барнса продолжали работать. Старик присмотрелся и ткнул в спину тростью.

– Сэм. Иди-ка сюда.

Я подошел.

– Раздень его, – приказал он. – Только в перчатках. И осторожно.

– Взрывное устройство?

– Заткнись. И поаккуратнее.

Я не знаю, что Старик ожидал там найти, но, должно быть, он догадывался, в чем дело. Я всегда думал, что у него в голове компьютер, который делает верные логические заключения, даже когда фактов всего ничего, – как те

музейные умники, что восстанавливают облик доисторических животных по одной-единственной косточке.

И я поверил ему на слово. Натянул на руки перчатки – специальные перчатки агентов: в них можно размешивать пальцем кипящую кислоту, нашарить монетку в полной темноте и на ощупь отличить орел от решки, – а затем принялся переворачивать Барнса, чтобы расстегнуть пиджак.

Спина у него по-прежнему шевелилась. Мне это совсем не понравилось – в этом было что-то неестественное, – и я приложил ладонь между его лопаток.

У нормального человека там позвоночник и мышцы. Здесь же было какое-то желе, мягкое и податливое. Я резко отдернул руку.

Мэри молча подала мне стильные ножницы со стола Барнса, и я разрезал ими пиджак. Затем распахнул разрез, и мы стали смотреть. Под пиджаком оказалась тонкая, почти прозрачная рубашка, а между рубашкой и кожей, от шеи и до середины спины, было что-то еще – толщиной около двух дюймов, отчего и казалось, что человек сутулится или на спине у него небольшой горб.

И эта штука пульсировала, как медуза.

На наших глазах «горб» медленно пополз со спины, прочь от нас. Я протянул руку, чтобы задрать рубашку, но Старик стукнул тростью мне по пальцам.

– Ты все-таки реши, что тебе нужно, – сказал я, потирая костяшки пальцев.

Он молча засунул трость под рубашку и задрал ее к плечам. Тварь оказалась вся на виду.

Серая, чуть просвечивающая, пронизанная какими-то более темными структурами, бесформенная, она походила на гигантский ком лягушачьей икры. Это было определенно живое существо, потому что оно пульсировало, вздрагивало и перетекало с одного места на другое. Пока мы смотрели, оно стекло вниз, заполнило пространство между рукой и грудной клеткой Барнса и застыло там, неспособное двинуться дальше.

– Бедняга, – тихо произнес Старик.

– А? Это?

– Нет. Барнс. Когда все это закончится, напомните мне, что ему полагается «Пурпурное сердце»²⁴. Надо будет проследить. Если закончится. – Старик выпрямился и принялся расхаживать по кабинету, словно напрочь забыл про серый ужас, угнездившийся под рукой мертвого Барнса.

Я попятился, не спуская с твари взгляда и держа ее под прицелом. Быстро передвигаться она, похоже, не могла, летать, видимо, тоже, но кто ее знает, на что она способна. Мэри подошла, прижалась ко мне плечом, словно ища утешения, и я обнял ее свободной рукой.

На столике у стены громоздилась неаккуратная стопка круглых коробок со стереопленкой. Старик взял одну, вытряхнул кассету на пол и вернулся к нам.

– Это, я думаю, подойдет.

Он поставил коробку на пол рядом с серой тварью и принялся загонять ее внутрь, подпихивая тростью. Вместо этого тварь перетекла еще глубже под руку Барнса и спряталась под его телом почти целиком. Я взял труп за другую руку и оттащил в сторону. Тварь сначала цеплялась, но потом шлепнулась на пол. Мы с Мэри настроили оружие на минимальную мощность и под руководством Старика все-таки загнали тварь в коробку, поджигая пол то с одной стороны, то

²⁴ «Пурпурное сердце» – военная медаль США, учрежденная во время Войны за независимость Джорджем Вашингтоном. Ею награждают солдат, погибших или получивших ранения в результате боевых действий противника.

с другой. Тварь заполнила коробку почти до краев, и я тут же закрыл ее крышкой.

Старик сунул коробку под мышку.

– Что ж, вперед, мои дорогие.

На пороге кабинета он задержался, чтобы через полуприкрытую дверь «попрощаться» с Барнсом, затем закрыл дверь, остановился у стола секретарши и сказал:

– Я зайду к мистеру Барнсу завтра... Нет, еще не знаю во сколько. Предварительно позвоню.

И мы неторопливо двинулись к выходу: Старик прижимал к себе левой рукой коробку с тварью, я настороженно вслушивался, не поднял ли кто тревогу. Мэри без умолку болтала, изображая маленькую дурочку. Старик даже остановился в фойе купить сигару и расспросил клерка, как доехать до нужного нам места, – этаким добродушный старикан, немного бестолковый, но с чрезвычайно высоким самомнением.

Сев в машину, он сказал, куда ехать, и предупредил, чтобы я не превышал скорость. Спустя некоторое время мы остановились у авторемонтной мастерской и заехали в гараж. Старик велел позвать управляющего, а когда тот явился, сказал:

– Машина срочно нужна мистеру Мэлоуну.

Это была кодовая фраза, я и сам такой пользовался, только в тот раз куда-то торопился «мистер Шеффилд». И я знал, что через двадцать минут от машины останутся только безликие запчасти в ящиках на полках.

Управляющий окинул нас взглядом, отослал двоих механиков из кабинета и коротко ответил:

– Сюда, пожалуйста, через эту дверь.

* * *

Мы очутились в квартире престарелой супружеской пары, там я и Мэри стали брюнетами, а Старик вернул свою лысину. У меня появились усы, которые ничего не добавили

к моей внешности. Мэри, надо заметить, выглядела с темными волосами ничуть не хуже, чем с рыжими. Вариант «Кавано» отбросили: Мэри превратилась в медсестру, я – в шофера на службе у богатого старика-инвалида – как положено, с пледом и вечными капризами.

На улице нас ждала новая машина. Назад добрались спокойно. Возможно, нам даже незачем было менять морковного цвета шевелюры. Я держал экран настроенным на студию Де-Мойна, но, если полиция и обнаружила труп мистера Барнса, репортеры об этом еще не знали.

Мы двинулись напрямиком в кабинет Старика – настолько прямо, насколько это было возможно в наших лабиринтах, разумеется, – и там открыли коробку. Перед этим Старик послал за доктором Грейвсом, руководителем биологической лаборатории Отдела, и все делалось при помощи механических манипуляторов.

Оказалось, нам больше нужны не манипуляторы, а противогазы: кабинет наполнила вонь разлагающейся органики, как от гангренозной раны. Пришлось захлопнуть коробку и включить вентиляцию на полную.

– Что это за чертовщина? – спросил Грейвс, брезгливо наморщив нос. – Похоже на мертвого младенца.

Старик вполголоса выругался.

– Это ты мне расскажешь. Работать манипуляторами, в скафандрах, в стерильном боксе, и я запрещаю думать, что эта тварь уже мертва.

– Если она жива, то я – королева Анна.

– Кто тебя знает? Поэтому не рискуй. Вот все, что я могу сказать: это – паразит, способный присасываться к хозяину, например к человеку, и управлять им. Происхождение и метаболизм почти наверняка инопланетные.

Грейвс фыркнул.

– Инопланетный паразит на человеке? Невозможно. Биохимия была бы несовместимой.

Старик только крякнул.

– Черт бы тебя побрал, с твоими теориями! Когда мы захватили его, он прекрасно чувствовал себя на человеке. Если, по-твоему, это означает, что организм земной, тогда я хочу знать, откуда он взялся и где искать остальных. Хватит предположений. Мне нужны факты.

– Будут тебе и факты! – раздраженно ответил биолог.

– Шевелись. Стоп! Не используй материала больше, чем нужно для твоих исследований. Основная часть мне нужна в качестве доказательства. И выкинь из головы дурацкую мысль, что тварь мертва. Может быть, этот аромат – просто защитная реакция. Живая она чрезвычайно опасна. Если тварь переберется на кого-то из твоих сотрудников, мне, скорее всего, придется его убить.

Последняя фраза несколько поубавила Грейвсу гонора, и он молча вышел.

Старик откинулся на спинку кресла, тяжело вздохнул и закрыл глаза. Казалось, он уснул. Мы с Мэри молчали. Минут через пять он открыл глаза, посмотрел на меня и спросил:

– Сколько «горчичников» размером с тварь, что унес Док, могло прибыть на космическом корабле размером с тот муляж, что мы видели?

– А был ли корабль? – спросил я. – Фактов пока немного.

– Немного, но они неопровержимы. Корабль был. И он все еще где-то там.

– Нам нужно было обследовать место посадки.

– Там бы нас и похоронили. Те шестеро парней тоже не дураки были. Отвечай на мой вопрос.

– Не могу. Размеры корабля все равно ничего не говорят о его грузоподъемности, когда не знаешь тип двигателя, дальность перелета и какие условия нужны пассажирам... Это как спрашивать, сколько веревки в мотке. Если хочешь ответ с потолка, я бы сказал, этих тварей там бы поместилось несколько сотен, может, несколько тысяч.

– Мм... да, пожалуй. А это значит, что в Айове сейчас бродят несколько сотен или несколько тысяч зомби. Или

евнухов, как назвала их Мэри. – Старик на секунду задумался. – Но как пробраться мимо них в гарем? Нельзя же, в самом деле, перестрелять всех сутулых в Айове. – Он едва заметно улыбнулся. – Разговоры пойдут.

– Могу подбросить другой занятный вопросец, – сказал я. – Если вчера в Айове приземлился один корабль, то сколько таких приземлится завтра в Северной Дакоте? Или в Бразилии?

– Да уж... – Старик погрустнел. – Я, так и быть, отвечу на твой вопрос. Знаешь, сколько веревки в твоём мотке?

– Сколько?

– Как раз хватит, чтобы удавиться. Идите пока, ребятки, отмойтесь и повеселитесь. Может, это последняя ваша возможность. С базы не уходить.

Я отправился в «Косметику», вернул себе прежний цвет кожи, восстановил свой обычный внешний вид, отмок в ванной и побывал у массажиста, затем – прямоком в наш бар. Решил выпить и разыскать Мэри. Я, правда, не представлял себе, как она будет выглядеть – блондинка, брюнетка или рыжеволосая, – но ни секунды не сомневался, что узнаю ножки.

Оказалось, волосы у нее рыжие. Мэри сидела за отгороженным столиком и потягивала напиток. Выглядела она практически так же, как в тот момент, когда я увидел ее впервые.

– Привет, сестренка, – сказал я, втискиваясь рядом.

– Привет, братец. Залезай сюда, – ответила она и подвинулась.

Я заказал бурбон с водой, которые мне были нужны в медицинских целях, а потом спросил:

– Ты и в самом деле так выглядишь?

Она покачала головой:

– Бог с тобой. В действительности у меня две головы и полоски как у зебры. А ты?

– Меня мамаша придушила подушкой, едва увидела, так что я до сих пор не знаю.

Она снова окинула меня оценивающим взглядом, а потом сказала:

– Ее нетрудно понять. Но у меня нервы покрепче, так что все в порядке, братишка.

– Спасибо на добром слове, – ответил я. – И знаешь, давай оставим эти глупости насчет братишек и сестренки. А то я как-то скованно себя чувствую.

– Хм... По-моему, тебе это только на пользу.

– Мне? Нисколько. Я вообще тихий. И очень даже ласковый. – Я мог бы еще добавить, что с такими девушками лучше волю рукам не давать: если ей не понравится, глядишь, и без рук можно остаться. У Старика другие не работают.

Она улыбнулась:

– Да ну? Зато я не ласкова. Во всяком случае, сегодня. – Мэри поставила бокал на стол. – Допивай лучше и повторим.

Что мы и сделали. Мы продолжали сидеть рядом, просто наслаждаясь теплом и – до поры до времени – покоем. При нашей профессии такие минуты выпадают нечасто, и от этого их еще больше ценишь.

Одним из достоинств Мэри было то, что она никогда не врубала свою сексапильность на полную мощность, разве что в профессиональных целях. Наверное, она сознавала... нет, я абсолютно уверен, что она сознавала, какой ударной силой в этом плане обладает. Но она была слишком джентльменом, чтобы испытывать эту силу на живых людях. И она держала свой регулятор на минимуме, как раз чтобы нам обоим было тепло и уютно.

И пока мы так сидели, лениво переговариваясь, мне ни с того ни с сего подумалось, как хорошо Мэри выглядела бы во втором кресле у камина. Работа у меня такова, что раньше я никогда всерьез не думал о супружестве, и вообще, девочки – это только девочки, и незачем раздувать вокруг них ажиотаж. Но Мэри сама была агентом; с ней и поговорить можно по-человечески. Я вдруг понял, что чертовски одинок и тянется это уже очень давно.

– Мэри...
– Да?
– Ты замужем?
– Э-э-э... А почему ты спрашиваешь? Вообще-то, сейчас – нет. Но какое тебе... Я хотела сказать, какое это имеет значение?

– Может, и имеет, – упрямо продолжал я.

Она покачала головой.

– Я серьезно, – продолжал я. – Вот взгляни на меня: руки-ноги на месте, совсем не стар еще и всегда вытираю ноги в прихожей. Чем не пара?

Она рассмеялась, впрочем, вполне добродушно:

– Мог бы подготовить текст и получше. Думаю, сейчас ты импровизировал.

– Точно.

– Ладно, за это прощаю. Фактически я уже забыла. Но знаешь, волчара, тебе следует поработать над техникой. Со всем ни к чему терять голову и предлагать женщине брачный контракт только из-за того, что сегодня она отказалась с тобой переспать. Однажды какая-нибудь из них поймает тебя на слове.

– Я не шутил, – сказал я.

– Да? И какое содержание ты предлагаешь?

– Черт возьми, женщина! Если ты настаиваешь на таком контракте, то я и на это согласен. Можешь оставить себе свою зарплату, я готов переводить тебе половину своей... если не захочешь уходить в отставку.

Она покачала головой:

– Мне это не нужно. Я не стала бы требовать контракта, во всяком случае от мужчины, за которого сама захочу выйти замуж...

– И видимо, ты не хочешь.

– Просто я пыталась доказать, что это у тебя не всерьез.
– Мэри внимательно на меня посмотрела. – Хотя, возможно, я ошибалась, – добавила она мягко.

– Да, – сказал я. – Ты ошибалась.

Она снова покачала головой:

– Агентам не следует жениться. Ты и сам это знаешь.

– Агентам не следует жениться ни на ком, кроме агентов.

Она начала отвечать, но запнулась. Мой собственный телефон за ухом заговорил голосом Старика, и я понял, что она слышит то же самое.

– Срочно ко мне в кабинет! – приказал Старик.

Мы молча встали. В дверях Мэри положила руку мне на плечо и посмотрела в глаза:

– Вот поэтому говорить о браке сейчас просто глупо. У нас работа не закончена. Пока мы разговаривали, ты постоянно думал о деле, и я тоже.

– Я не думал.

– Не играй со мной! Сэм... Представь себе, что ты женат и, проснувшись, вдруг видишь одну из тех тварей на плечах у своей жены. Представь, что она управляет твоей женой. – В ее глазах царил ужас, но она продолжала: – А теперь представь, что я проснулась и увидела одну из них у тебя на плечах.

– Готов рискнуть. И я не позволю им подобраться к тебе.

Она прикоснулась к моей щеке:

– Верю.

Когда мы вошли к Старiku, он поднял голову только для того, чтобы коротко бросить:

– Отлично. Поехали.

– Куда? – спросил я. – Или мне не следовало задавать этот вопрос?

– В Белый дом. К президенту. А теперь заткнись.

Я заткнулся.

3

В начале лесного пожара или эпидемии есть короткий промежуток, когда их можно остановить минимальными усилиями, если действовать четко и своевременно. Разные умники могут описать это экспоненциальными

уравнениями, но не нужна математика, чтобы понять: результат зависит от ранней диагностики и оперативных действий, предпринятых до того, как процесс выйдет из-под контроля. И Старик уже решил, что нужно сделать президенту: объявить на всей территории страны чрезвычайное положение, оцепить Де-Мойн и окрестности и стрелять в любого, кто попытается оттуда выскользнуть, будь то спаниель или бабушка с печеньем в корзинке. А затем начать выпускать жителей по одному, раздевая и обыскивая на наличие паразитов. Одновременно задействовать радарные службы, ракетчиков и космические станции для обнаружения и уничтожения других кораблей.

Предупредить все страны, включая те, что за железным занавесом, попросить их о помощи, но не очень-то церемониться с международными законами, потому что речь идет о выживании человечества в борьбе против инопланетных захватчиков. И не важно, откуда они пришли – с Марса, с Венеры, со спутников Юпитера или вообще из другой звездной системы. Главное – отразить вторжение.

Старик расколол это дело, проанализировав его, и выработал правильное решение всего за сутки с небольшим. У него была уникальный дар: факты удивительные и невероятные он подчинял логике с такой же легкостью, как и самые обыденные. Вы скажете, не бог ведь какой дар? Я лично не встречал никого, кто мог бы вот так запросто это проделать. Большинство людей, столкнувшись с фактами, которые противоречат их убеждениям, вообще перестают соображать. Интеллектуалы и недоумки в такой ситуации говорят одно: «Я просто не могу в это поверить».

Только не наш Старик. А к его мнению прислушивается сам президент.

* * *

Охрана из секретной службы работает серьезно. Рентгеноскоп сделал «бип», и мне пришлось сдать лучемет. Мэри

оказалась просто ходячим арсеналом: машина подала сигнал четыре раза, потом еще коротко булькнула, хотя я готов был поклясться, что ей даже корешок от налоговой квитанции негде спрятать. Старик отдал свою трость сразу, не дожидаясь вопросов. Видимо, не хотел, чтобы ее просвечивали рентгеном.

Наши аудиокапсулы выявил и рентгеноскоп, и металлоискатель, но у охранников не было оборудования для хирургических операций. Торопливо посоветовавшись с секретарем президента, начальник охраны решил, что предметы, имплантированные под кожей, оружием можно не считать. У нас взяли отпечатки пальцев, сфотографировали сетчатку и тогда только провели в приемную. Старик тут же вошел в кабинет, чтобы встретиться с президентом наедине.

– Интересно, зачем он нас сюда притащил? – спросил я у Мэри. – Старик сам знает все, что знаем мы.

Она не ответила, так что я стал убивать время, мысленно перебирая лазейки в системе президентской безопасности. За железным занавесом это дело налажено куда лучше, а тут любой мало-мальски толковый убийца легко вырубил бы всех наших охранников. Меня это даже немного возмутило.

Спустя какое-то время нас пригласили войти. Внезапно на меня накатила такой страх перед сценой, что я шел, не чувствуя ног. Старик нас представил, я что-то, запинаясь, ответил, а Мэри молча поклонилась.

Президент сказал, что рад с нами познакомиться, и «включил» свою знаменитую улыбку – ту самую, что вы часто видели на экране телевизора, – отчего мне сразу поверилось, что он действительно рад встрече. У меня внутри потеплело, и я перестал смущаться. И уже ни о чем больше не беспокоился. Сейчас президент с помощью Старика начнет действовать и вычистит весь тот грязный ужас, который мы видели.

Первым делом Старик приказал мне доложить обо всем, что я делал, видел и слышал, выполняя последнее задание. Я доложил – максимально коротко, но ничего не опуская.

Добравшись до того места в рассказе, где мне пришлось убить Барнса, я попытался поймать взгляд Старика, но он смотрел куда-то в пространство, и я не стал упоминать о его приказе стрелять. Сказал просто, что выстрелил, защищая второго агента, Мэри, когда Барнс выхватил пистолет. Старик тут же меня прервал:

– Полный отчет!

Пришлось добавить про его приказ стрелять. Президент бросил на Старика один короткий взгляд и больше никак не отреагировал. Я рассказал о паразите и, поскольку никто меня не останавливал, обо всем, что случилось после, до настоящего момента.

Затем настала очередь Мэри. Она довольно сбивчиво попыталась объяснить президенту, почему рассчитывает на какую-то реакцию со стороны нормальных мужчин – реакцию, которой не было у молодых Маклейнов, полицейского и Барнса, – но тут он сам пришел ей на помощь. Президент улыбнулся и сказал:

– Милая девушка, я вам охотно верю.

Мэри покраснела, президент дослушал ее до конца уже с серьезным выражением лица. Он задал несколько вопросов и на несколько минут задумался. Затем обратился к Старiku:

– Эндрю, твой Отдел всегда оказывал мне неоценимую помощь. Как минимум дважды ваши отчеты влияли на решения в переломные исторические моменты.

Старик фыркнул.

– Значит, «нет», так?

– Я этого не говорил.

– Но собирался.

Президент пожал плечами:

– Я хотел предложить, чтобы твои молодые люди нас на время оставили, но сейчас это не важно. Ты, конечно, гений, Эндрю, но и гении ошибаются. Они переутомляются и теряют ясность суждений. Я не гений, но лет сорок назад я

научился периодически отдыхать. Как давно ты не был в отпуске?

– К черту твой отпуск! Послушай, Том, я предвидел подобную реакцию. И поэтому привел с собой свидетелей. Они не под наркотиками и не получили никаких инструкций. Можешь вызвать своих психологов – пусть попробуют поймать их на лжи.

Президент замотал головой:

– Ты бы не привел свидетелей, которых можно было расколоть. Я не сомневаюсь, что в подобных вещах ты разбираешься лучше любого специалиста, которого я могу пригласить. Взять, например, вот этого молодого человека, – чтобы выгородить тебя, он готов пойти на риск быть обвиненным в убийстве. Ты буквально вдохновляешь на преданность, Эндрю. А что касается молодой леди – право же, Эндрю, я не могу начать военные действия, опираясь только на женскую интуицию.

Мэри шагнула вперед.

– Господин президент, – сказала она очень серьезно, – я абсолютно уверена в том, что говорю. Я всегда это чувствую. Не могу объяснить, как именно, но те люди не имели ничего общего с нормальными мужчинами.

Он поколебался, потом ответил:

– Да, но вы упускаете из виду вполне очевидное объяснение, – возможно, это и в самом деле, извиняюсь, «евнухи». Такие несчастные, увы, встречаются. И по законам вероятности вам запросто могли встретиться четверо за один день.

Мэри умолкла. Зато заговорил Старик:

– Черт побери, Том! – (Я даже вздрогнул: ну разве можно так разговаривать с президентом?) – Я ведь знал тебя еще в те дни, когда ты работал в сенатской комиссии, а сам я был у тебя главной ищейкой. И ты прекрасно понимаешь, что я не пришел бы к тебе с подобной сказкой, если бы мог найти какое-то другое объяснение. Как насчет космического корабля? Что там внутри? Почему я не мог попасть на место

посадки? – Старик вытащил снимок, сделанный с космической станции «Бета», и сунул его под нос президенту.

Это, однако, не произвело на того никакого впечатления.

– Ах да, факты. Эндрю, мы оба с тобой равнодушны к фактам. Но, кроме твоего Отдела, у меня есть и другие источники информации. Вот этот снимок, например. Ты, когда звонил, особо подчеркивал важность фотоснимка. Я проверил эти факты. И местоположение фермы Маклейнов, указанное в земельных книгах округа, полностью совпадает с координатами объекта на этой фотографии. – Президент поднял взгляд и посмотрел на Старика в упор. – Однажды я по рассеянности свернул не в тот квартал и заблудился в своем родном районе. А ведь там, Эндрю, был даже не твой район.

– Том...

– Что, Эндрю?

– Ты, случайно, не сам ездил проверять карты округа?

– Нет, разумеется.

– Слава богу, а то бы сейчас у тебя на плечах уже висело фунта три пульсирующего желе – и тогда храни Господь Соединенные Штаты! Можешь не сомневаться: и клерк в столице округа, и агент, которого ты послал, уже таскают на плечах таких паразитов. – Старик задумчиво посмотрел на потолок. – Да, и шеф полиции Де-Мойна, и редакторы местных газет, и авиадиспетчеры, и полицейские – короче, все люди на всех ключевых постах. Том, я не знаю, с чем мы столкнулись, но они-то наверняка понимают, что собой представляем мы, и планомерно отсекают нервные клетки социального организма, прежде чем эти клетки смогут послать сигналы. Или же взамен истинной выдают ложную информацию, как в случае с Барнсом. Так что, господин президент, вы должны немедленно отдать приказ о жесточайших карантинных мерах в этом регионе. Другого пути нет!

– Да, Барнс... – тихо проговорил президент. – Эндрю, я надеялся, что мне не придется прибегать к этому... – Он

щелкнул тумблером на селекторе. – Дайте мне станцию стереовещания в Де-Мойне, кабинет директора.

Экран на его столе засветился почти сразу. Президент нажал еще одну кнопку, и включился большой настенный экран. Мы увидели кабинет, в котором побывали всего несколько часов назад.

Почти весь экран заслоняла фигура человека – и это был Барнс.

Или его двойник. Если мне случается кого-то убить, эти люди никогда не встают из мертвых. Увиденное меня потрясло, но все же я верю в себя. И в свой лучемер.

– Вы меня вызывали, господин президент? – спросил человек на экране. Судя по голосу, он был несколько ошарашен оказанной ему честью.

– Да, благодарю вас. Мистер Барнс, вы узнаете кого-нибудь из этих людей?

На лице Барнса появилось удивленное выражение.

– Боюсь, что нет. А должен?

Тут вмешался Старик:

– Скажите ему, чтобы пригласил в кабинет своих сотрудников.

Президент удивился, но просьбу выполнил. «Барнс» выглядел озадаченным, но подчинился. В кабинете появилось еще несколько человек, в основном девушки, я узнал секретаршу, что сидела в приемной Барнса. «Ой, да это же президент!» – пискнула вдруг одна из девушек, и они все разом загалдели.

Никто из них нас не узнал. В отношении меня и Старика это неудивительно, но Мэри выглядела так же, как и тогда, а я готов спорить, что у любой женщины, которая ее видела, образ Мэри врезался в память навсегда.

И еще я заметил: все они сутулились.

После этого президент нас просто выпроводил. Прощаясь, он положил руку Старика на плечо и сказал:

– Серьезно, Эндрю, возьми отпуск. – Он опять сверкнул своей знаменитой улыбкой. – Страна без тебя не рухнет в одночасье – я подопру ее своим плечом, пока ты не вернешься.

Спустя десять минут мы уже стояли на холодном ветру на платформе Рок-Крик. Старик словно стал меньше ростом, он впервые показался мне настоящим стариком.

– Что теперь, босс?

– А? Для вас – ничего. Вы оба в отпуске до дальнейших распоряжений.

– Я бы хотел еще раз заглянуть к Барнсу.

– В Айову не суйся. Это приказ.

– Мм... А что ты собираешься делать, если не секрет?

– Ты же слышал президента? Собираюсь махнуть во Флориду. Лягу на горячий песок и буду ждать, пока весь мир не полетит к чертям. Если у тебя хватит ума, ты поступишь так же. Времени осталось совсем немного.

Он расправил плечи и двинулся прочь. Я обернулся, чтобы переговорить с Мэри, но она уже ушла. Его совет прозвучал чертовски хорошо, и мне внезапно пришло в голову, что дожидаться конца света в ее компании будет не так уж плохо. Я быстро огляделся по сторонам, но на платформе ее не было. Тогда я побежал и догнал Старика.

– Прошу прощения, босс, – спросил я, – а куда ушла Мэри?

– А? Конечно отдыхать, куда же еще? Все. Меня не беспокоить.

Я хотел разыскать Мэри по собственной системе связи Отдела, но вспомнил, что не знаю ни ее настоящего имени, ни позывного, ни идентификационного номера. Я подумал было искать ее по описанию, но решил, что это будет просто глупо. Только в «Косметике» знают, как на самом деле

выглядит агент, а они ничего не скажут. Я знал только, что она дважды ходила на задание рыжеволосой, по крайней мере один раз – по собственному выбору, и что выглядела она – на мой вкус – как объяснение, «почему мужчины дерутся». Попробуйте-ка пробейте это по телефону!

Короче, я просто снял номер в гостинице. А когда снял, задумался, почему не уехал из столицы и не вернулся в свою квартиру. Потом я задумался – а там ли еще моя блондинка. Потом задумался, кто она вообще такая, эта блондинка. Потом я уснул.

4

Проснулся я уже в сумерках. В номере имелось настоящее окно – в Отделе хорошо платят, и я могу себе позволить немного роскоши. И теперь я смотрел в окно, наблюдая, как оживает с приходом ночи столица. Огибая мемориальный комплекс, уходила вдаль река. Было лето, и выше по течению, за границей округа, в воду добавляли флуоресцин, отчего река светилась в ночи переливами розового, янтарного и алого цвета. По ярким полосам сновали туда-сюда маленькие прогулочные катера с парочками, у которых, без сомнения, «одно на уме».

На суше, то здесь, то там, посреди старых зданий зажигались прозрачные купола, превращая город в какую-то сияющую сказочную страну. К востоку, где в свое время упала бомба, старых домов не было вообще, и весь район казался огромной корзиной с подсвеченными изнутри пасхальными яйцами.

Из-за своей работы мне приходилось видеть столицу ночью чаще, чем большинству людей, и мне здесь нравилось, хотя я никогда раньше об этом не задумывался. А сегодня у меня возникло такое чувство, будто это в последний раз. Город был так красив! Но не от красоты сдавливало горло – от понимания, что там, внизу, под покровом мягкого света, – люди, живые люди, личности, и все заняты обычными

своими делами, любят, ссорятся, как кому нравится, – короче, каждый делает, черт побери, что ему хочется, «под своей виноградной лозой и под своей смоковницей», и, как там сказано, «никто их не устрашает».²⁵

Я думал обо всех этих милых добрых людях (за исключением парочки случайных подонков) и представил себе, что на каждом сидит присосавшийся за плечами серый слизняк, который двигает их ногами и руками, заставляет говорить, что ему нужно, и идти, куда ему хочется.

Черт бы все побрал, даже под комиссарами жизнь не настолько скверная! Я знаю, о чем говорю, – я был за железным занавесом. Подумав об этом, я дал себе клятву: если победят паразиты, я лучше погибну, но не позволю такой твари ездить у меня на спине, как одна из них каталась на Барнсе. Агенту Отдела это несложно, достаточно откусить ноготь, а если руки связаны или еще что, есть множество других способов. Старик планирует на все случаи жизни.

Но он планировал подобные штуки совсем для иных целей, и я это знал. Наше с ним дело – охранять безопасность тех людей внизу, а вовсе не сбегать, когда приходится слишком туго.

Но сделать сейчас я все равно ни черта не мог. Я отвернулся от окна и подумал, что мне, пожалуй, не хватает компании. В комнате оказался стандартный каталог «эскорт-бюро» и «модельных агентств», какой можно найти почти в каждом большом отеле, за исключением, быть может, «Марты Вашингтон»;²⁶ я полистал его, поглазел на девочек и захлопнул. Мне не нужны были бедовые девчонки, мне нужна была одна, конкретная, острая на язык девчонка, которая стреляет так же легко, как пожимает руку. Но я не знал, где ее искать.

²⁵ «Но каждый будет сидеть под своей виноградной лозой и под своей смоковницей, и никто не будет устрашать их» (Мих. 4: 4).

²⁶ «Марта Вашингтон» – первоначально чисто женский отель на Манхэттене, предназначенный для белых женщин среднего класса.

У меня всегда при себе пузырек с пилюлями «темпус фугит»,²⁷ большинство агентов носит их в кармане, потому что никто не знает, когда потребуется встряхнуть рефлексy, чтобы справиться с трудными ситуациями. И что бы там ни писали всякие паникеры, «темпус» вовсе не вызывает зависимости, как его ближайший аналог гашиш.

Хотя, конечно, какой-нибудь пурист мог бы сказать, что я на него подсел, потому что у меня вошло в привычку принимать «темпус» – время от времени, чтобы свободные сутки показались неделей отпуска. Признаю, что мне нравится легкая эйфория, которую вызывает таблетка в виде побочного эффекта. Но главное – это свойство растягивать субъективное время в десять и более раз, дробить его на мельчайшие отрезки, за счет чего в те же календарные сроки можно прожить гораздо дольше.

Что в этом плохого? Да, разумеется, я знаю ту жуткую историю о человеке, который состарился и умер за месяц, потому что принимал пилюли одну за другой, но я пользуюсь ими лишь изредка.

А может быть, этот человек знал, что делал. Он прожил долгую счастливую жизнь – не сомневайтесь, счастливую – и в конце концов умер тоже счастливым. Какая разница, что солнце вставало для него только тридцать раз? Кто ведет счет счастью и устанавливает правила?

Я сидел, глядя на пузырек с таблетками, и думал, что там достаточно – по моему личному времени – года на два. Если захочу, я могу забраться в норку и закрыть вход...

Я вытряхнул на ладонь две штуки, налил стакан воды. Потом сунул их обратно в пузырек, нацепил пистолет и аппарат связи, вышел из отеля и направился в Библиотеку конгресса.

По дороге остановился в баре, по-быстрому пропустил рюмочку и посмотрел выпуск новостей. Из Айовы ничего не

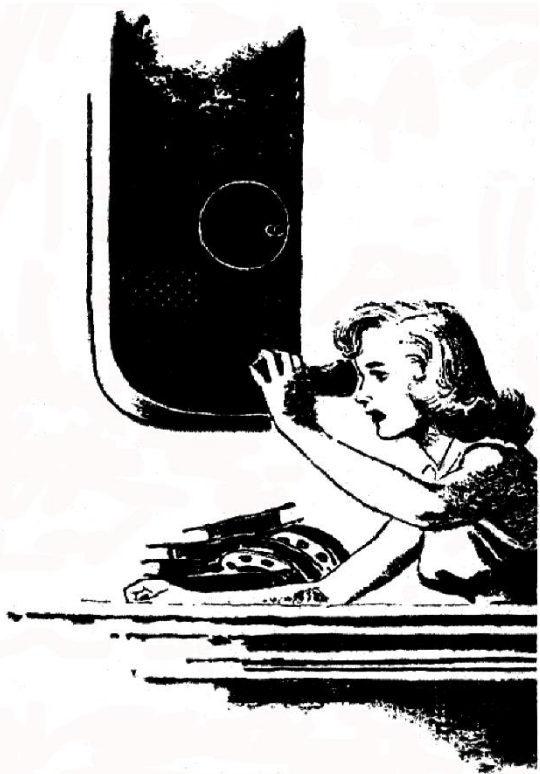
²⁷ Латинское выражение «tempus fugit», означающее «время бежит» и почерпнутое из Вергилия: «Между тем бежит, бежит безвозвратное время» («Георгики», III, 284).

было, но, с другой стороны, когда в Айове вообще что-нибудь случается?

В библиотеке я сразу прошел в общий каталог, уткнулся глазами в бленду и начал просматривать ссылки: от «летающих тарелок» к «летающим дискам», потом к «проекту „Блюдец“»,²⁸ затем пошли «огни в небе», «болиды», «диффузионная теория космического происхождения жизни», а также две дюжины тупиковых маршрутов и всякая околonaучная мура для чокнутых. Где руда, а где пустая порода? Только со счетчиком Гейгера и определишь. Тем более что самая нужная информация прячется, возможно, где-нибудь между баснями Эзопа и мифами об Атлантиде.

Тем не менее через час у меня уже скопилось две горсточки селекторных карточек. Я вручил их весталке за стойкой, и та принялась скормливать их машине. Наконец она закончила и произнесла:

– Большинство пленок, что вы заказали, уже выданы. Остальные документы доставят в зал девять-а. Воспользуйтесь южным эскалатором, пожалуйста.

²⁸ «Блюдец» – официальный проект изучения НЛО, осуществленный ВВС США в 1948 г. и рассекреченный в 1956 г.

В зале 9-а работал только один человек. Когда я вошел, этот человек поднял голову и сказал:

– Ну и ну! Волчара собственной персоной. Как ты меня вычислил? Я была уверена, что ушла чисто.

– Привет, Мэри, – сказал я.

– Привет, – ответила она, – и давай до свидания. Я все еще не стала ласковой, и мне нужно работать.

Я разозлился:

– Знаешь, что, грубиянка, тебе это может показаться странным, но я пришел сюда отнюдь не ради твоих, без сомнения, прекрасных глаз. Время от времени я тоже, случается, работаю. Но можешь успокоиться: как только мои пленки придут, я смоюсь отсюда к чертовой матери и найду себе другой зал. Только для мальчиков.

Она тут же смягчилась и, вместо того чтобы открыть ответный огонь, сказала:

– Извини, Сэм. Когда женщине приходится выслушивать одно и то же по тысяче раз на дню, ей начинает казаться, что никаких других тем и не бывает. Садись.

– Да нет, спасибо, – ответил я. – Лучше поищу свободную комнату. Мне на самом деле нужно поработать.

– Останься, – попросила она. – Видишь, что там написано? Если ты вынесешь пленки из того зала, куда они были доставлены, у сортировочной машин все лампы перегорят от натуги, а у главного библиотекаря будет нервный срыв.

– Я их верну обратно, когда закончу.

Она взяла меня за руку, и я почувствовал, как у меня по коже побежали приятные теплые мурашки.

– Ну пожалуйста, Сэм. Извини меня.

Я сел и ухмыльнулся:

– Теперь меня никто не заставит уйти. Я не ожидал тебя здесь встретить, но теперь, когда мы оба здесь, я не выпущу тебя из виду, пока не узнаю твой номер телефона, адрес и настоящий цвет волос.

– Волчара, – тихо сказала Мэри, наморщив носик. – Ты никогда не узнаешь ни того, ни другого, ни третьего.

Она демонстративно уткнулась в визор проекционной машины, словно меня рядом и не было. Но я видел, что она не сердится.

Труба пневмодоставки глухо икнула, и мои пленки повалились в приемный лоток. Я сложил их стопкой рядом с

соседним проектором, но одна покатилась, ударилась о стопку кассет, что просматривала Мэри, и они рассыпались по столу. Я взял, как мне показалось, свою пленку, взглянул сначала на одну сторону, где стоял серийный номер и точечный код для селекторной машины, перевернул, прочел название и положил в свою стопку.

– Эй! – сказала Мэри. – Это моя!

– Черта с два! – вежливо возразил я.

– Нет, моя! Я заметила этикетку, когда ты ее переворачивал. Я собиралась смотреть ее следующей.

Рано или поздно, но до меня всегда доходит очевидное. Мэри пришла сюда не для того, чтобы изучать историю обуви начиная со Средневековья. Я взял несколько ее пленок и прочел названия на этикетках.

– Так вот почему нужные мне пленки оказались на руках, – сказал я. – Но ты не довела работу до конца. Я нашел кое-что, что ты пропустила. – И я придвинул ей свою стопку.

Мэри просмотрела названия и сгребла все пленки в одну кучу.

– Разделим на двоих или каждый просмотрит все?

– Давай пополам, чтобы отсеять мусор, а потом вместе пробежимся по оставшимся, – решил я. – Поехали.

Даже после того, как я своими глазами увидел паразита на спине бедняги Барнса, после заверений Старика о том, что тарелка действительно приземлилась, я оказался не готовым к тем горам фактов, что можно обнаружить в информационных завалах обычной публичной библиотеки. Черт бы побрал Дигби с его оценочной формулой! Этот Дигби был в душе просто флоксиносинигилипилификатор,²⁹ который не верил ничему, что нельзя пощупать руками и попробовать на зуб.

²⁹ Флоксиносинигилипилификатор – шуточное слово, составленное студентами Итона из нескольких латинских слов (*floccus* + *paucum* + *nihilum* + *pilus*) с общим значением «ничто», «пустяк» и означающее человека, который все считает ненужным и бесполезным.

Факты неопровержимо свидетельствовали, что Землю посещали инопланетные корабли, причем неоднократно.

Множество сообщений было зарегистрировано еще до выхода человечества в космос – начиная с семнадцатого века и даже раньше, хотя вряд ли можно считать достоверными сообщения тех времен, когда «наука» означала ссылки на Аристотеля. Первые систематизированные данные появились в США в 40-е и 50-е годы двадцатого века. Следующий всплеск пришелся на 80-е, в основном из Русской Сибири. Достоверность этих сообщений трудно было оценивать, поскольку не было никаких прямых подтверждений от наших разведчиков, а ко всему, что появляется из-за железного занавеса, по определению следовало относиться как к фальшивке.

Я заметил некую закономерность и начал выписывать даты. Выходило, что странные объекты в небе появлялись в большом количестве примерно с тридцатилетней периодичностью. Я сделал себе пометку: пусть с этим поработает аналитик, разбирающийся в статистической обработке данных, или, еще лучше, можно скормить эти данные Старику, и он сразу увидит правильный ответ в хрустальном шаре, который служит ему мозгом.

Тема летающих тарелок была напрямую связана с «таинственными исчезновениями», и не только потому, что они обе проходили по одной категории, вместе с морскими змеями, кровавыми дождями и прочими необъяснимыми явлениями, но и потому, что по крайней мере в трех хорошо задокументированных случаях пилоты, преследовавшие тарелки, не возвращались на базу и не садились где-либо еще. Официальные инстанции в таких случаях сообщали: «Разбился и не найден» – самая простая отмазка в подобных ситуациях.

Мне в голову пришла новая мысль, и я решил проверить, подчиняются ли таинственные исчезновения тридцатилетнему циклу, и, если да, не соответствует ли он циклу движения какого-нибудь из объектов звездного неба. Это

походило на правду, но я не был уверен: слишком много было данных и очень малы отклонения от среднего. Ведь каждый год множество людей исчезает по иным причинам – от потери памяти до невыносимой тещи.

Но записи актов гражданского состояния велись в течение длительного времени, и не все они были утрачены во время бомбежек. Я пометил это себе, чтобы потом отдать в работу профессиональным аналитикам.

Тот факт, что сообщения вроде бы группировались компактно географически или даже политически, я даже не особо пытался трактовать. Интуитивная гипотеза у меня была только одна. Поставьте себя на место захватчиков; если вы изучаете чужую планету, станете ли вы равномерно обследовать ее всю целиком или выделите области, которые вам показались интересными (какими бы критериями отбора вы ни пользовались), а затем сосредоточитесь на них?

Это было всего лишь предположение, и я готов был отказаться от него ради завтрака, если что.

За ночь работы мы с Мэри не обменялись и тремя словами. Затем, потягиваясь, встали. Я одолжил ей мелочь, чтобы опустить в машину и сделать микрокопии тех записей, которые она отметила (и почему женщины никогда не носят с собой мелочь?), и выкупил свои кассеты.

– Ну и каков приговор? – спросил я.

– Я чувствую себя как воробей, который построил симпатичное гнездышко в водосточном желобе.

Я процитировал стихок³⁰ и сказал:

– Видимо, с нами будет то же самое: ничему не научившись, мы опять построим гнездо в желобе.

– О нет! Сэм, надо срочно что-то делать! Нужно убедить президента. Тут прослеживается четкая закономерность: на этот раз они пришли, чтобы остаться.

³⁰ В стихке («He was a bloody sparrow. Lived up a bloody spout») воробья смывает ливень, потом воробей обсыхает и возвращается в желоб. Более известен детский вариант этого стихка (без сквернословия), где вместо воробья фигурирует паучок.

- Может быть. Думаю, все так и есть.
- Но что же нам делать?
- Лапушка, пришло время тебе понять, что в стране слепых даже одноглазому приходится несладко.
- Не будь циником. Времени нет.
- Верно, нет. Пошли.

Когда мы уходили, рассвет уже занимался, и библиотека был почти пуста.

– Вот что, – сказал я. – Давай возьмем бочонок пива, отвезем ко мне в гостиницу и все это хорошенько обговорим.

Она покачала головой:

- Только не к тебе в гостиницу.
- Черт! Это же по делу!
- Поехали ко мне домой. Всего две сотни миль. Я приготовлю завтрак.

Я вовремя вспомнил основную цель своей жизни, так что не забыл плотоядно ухмыльнуться:

– Это самое лучшее предложение за сегодняшнюю ночь. Но если серьезно: почему не ко мне? Мы бы позавтракали там и сэкономили полтора часа на дороге.

– Не хочешь ко мне домой? Я не кусаюсь.

– Жаль, я на это рассчитывал. Я бы тогда ответил... Нет, мне просто интересно: с чего вдруг такая перемена?

– Ну, может быть, я хотела показать тебе медвежьи капканы, которые красиво расставила вокруг своей кровати. А может, доказать, что я умею готовить. – На ее щеках появились маленькие ямочки.

Я тормознул такси, и мы отправились к ней домой.

* * *

Когда мы вошли внутрь, она оставила меня в прихожей, а сама тщательно обследовала квартиру. Вернувшись, она сказала:

- Повернись. Хочу пощупать твою спину.
- Какого...

– Повернись!

Я заткнулся и сделал то, что она просила. Мэри хорошенько простучала костяшками пальцев мою спину, а потом сказала:

– Теперь можешь проверить меня.

– С удовольствием! – Однако я уже понял, к чему она клонит, и отнесся к делу серьезно. Под платьем не оказалось ничего, кроме девушки и нескольких смертоносных игрушек.

Она повернулась ко мне лицом и облегченно вздохнула.

– Вот поэтому я и не хотела ехать к тебе в гостиницу. Тут мы в безопасности. Первый раз чувствую себя в безопасности, с тех пор как увидела эту тварь на спине директора станции. Квартира полностью герметична. Уходя, я всегда отключаю воздух и оставляю ее запечатанной, как банковское хранилище.

– А что насчет кондиционеров? Может эта тварь пробраться через воздуховод?

– Наверное. Но я не включала кондиционер. Вместо этого открыла резервный баллон, что стоит на случай налета. Так что не бери в голову. Что тебе приготовить?

Я бы предпочел саму Мэри, сервированную на тостике с листиком салата, но вместо этого спросил:

– Нет ли надежды на двухфунтовый стейк, лишь самую малость подогретый?

Мы поделили на двоих пятифунтовый стейк, и я клянусь, что съел меньшую половину. За едой мы смотрели программу новостей, но из Айовы по-прежнему ничего не было.

5

Медвежьих капканов я так и не увидел: Мэри просто заперла дверь в спальню. Я обнаружил это, когда попытался ее открыть. Спустя три часа Мэри меня разбудила, и мы позавтракали во второй раз. Потом мы закурили, и я включил выпуск новостей. Он был посвящен в основном показу

претенденток от разных штатов на звание Мисс Америка. Раньше я с удовольствием смотрел эти шоу, но не сейчас. И поскольку никто из претенденток не сутулился, а их конкурсные костюмы не скрыли бы даже следа от комариного укуса, я быстро потерял интерес к передаче.

– Итак, – спросил я, – что будем делать?

– Надо систематизировать факты, которые мы откопали, и ткнуть президента в них носом. Нужна по-настоящему глобальная операция национального масштаба.

– И как это сделать?

– Нужно снова с ним встретиться.

– Как? – повторил я.

– Ответа у нее не было.

– У нас есть только один маршрут – по официальным каналам, – сказал я, – через Старика.

Я попытался связаться с ним, используя оба наших кода, чтобы Мэри тоже участвовала в разговоре, но в ответ услышал:

– Первый заместитель Олдфилд. Я за Старика – он сейчас недоступен. Выкладывайте.

– Мне нужен сам Старик.

Последовала пауза, после чего он сказал:

– Ни одного из вас в моем списке людей на заданиях нет. Это служебное или личное дело?

– Пожалуй, личное.

– По личным вопросам я вас соединять не стану, а все служебные можете решать со мной.

Я поблагодарил Олдфилда и отключился, чтобы не наговорить ему лишнего. Потом набрал еще один номер. У Старика есть специальный канал связи, в дополнение к обычным, этим сигналом его из могилы поднять можно, но не дай бог кому-то из агентов воспользоваться кодом без важного повода. Я сам им пять лет не пользовался.

Старик ответил букетом ругательств.

– Босс, – перебил я его, – это насчет Айовы...

Он сразу утихомирился:

– Да?

– Мы с Мэри за ночь кое-что накопили в архивах и хотели бы все это с вами обсудить.

Вновь ругательства. Он распорядился передать данные в аналитический отдел и добавил, что при следующей встрече оторвет мне уши.

– Босс! – рявкнул я.

– А?..

– Если вы хотите все бросить, мы готовы сделать то же самое. Мы с Мэри уходим из Отдела прямо сейчас, считайте это официальным заявлением.

Мэри вскинула брови, но промолчала. Старик тоже замолчал надолго. Я уж думал, что он отключился, – как вдруг он выдал усталым голосом:

– Отель «Палмглейд», на севере Майами-Бич. Я на пляже, третий с края.

– Вылетаем.

Я заказал такси, и мы поднялись на крышу. Я посоветовал таксисту сделать крюк над океаном, чтобы не нарваться на полицейские радары над Каролиной, и мы очень быстро добрались.

* * *

Старик прекрасно загорел. Он выслушал наш доклад, с мрачным видом просеивая между пальцами песок. Я даже прихватил с собой маленький проектор, чтобы он мог сам просмотреть записи.

Когда мы дошли до тридцатилетнего цикла, Старик резко вскинул голову, но позволил продолжать, до тех пор, пока мы не дошли до вопроса о возможности такой же цикличности в исчезновениях. Тут он нас прервал и связался с Отделом:

– Дайте мне аналитиков. Алло, Питер? Это босс. Мне нужен график необъяснимых исчезновений начиная с тысяча восьмисотого года. Чьих? Людей, конечно же, а не ключей

от машины. Сгладишь известные факторы и отбросишь стабильный уровень. Мне нужны скачки и спады. Когда? Два часа назад. Ну чего ты еще ждешь?

Отключившись, он с трудом поднялся на ноги, позволил мне вручить ему трость и сказал:

– Ладно, пора возвращаться к станку. Тут мы ничего не сделаем.

– В Белый дом? – с надеждой спросила Мэри.

– Что? Когда ты повзрослеешь? У вас нет ничего такого, что могло бы убедить президента.

– А что же тогда?

– Еще не знаю. И если ничего в голову не приходит, лучше пока помолчи.

Естественно, Старик держал под рукой машину, и мне пришлось ее вести. Передав управление автопилоту, я сказал:

– Босс, кажется, я придумал один фокус, который поможет убедить президента, но вы должны заставить его посидеть тихо пару минуток.

Старик фыркнул.

– План такой: послать двух агентов в Айову – скажем, меня и еще кого-то. Второй агент будет постоянно снимать меня телекамерой. Ваша задача – заставить президента смотреть.

– А предположим, ничего не случится?

– Ну уж я позабочусь, чтобы случилось. Отправлюсь прямо к месту посадки, прорвусь. У вас будут снимки настоящего корабля, с близкого расстояния, и их увидят прямо в Белом доме. А затем я отправлюсь в контору к Барнсу и займусь этой сутулой компанией. Буду сдирать рубашки прямо перед камерой. Просто вскрою этот гадюшник, без всякой деликатности.

– Ты понимаешь, что шансов у тебя не больше, чем у мыши на кошачьем съезде?

– Я в этом не уверен. Насколько я видел, у этих тварей нет никаких сверхчеловеческих способностей. Готов

поспорить, что они жестко ограничены возможностями человеческого тела, которым управляют, или и того меньше. Я вовсе не собираюсь записываться в мученики. И в любом случае вы получите хорошую картинку.

– Хм...

– Это может сработать, – вставила Мэри. – Вторым агентом буду я. Я умею...

– Нет! – сказали мы со Стариком одновременно.

Я тут же покраснел: говорить это – не моя прерогатива. Мэри продолжила:

– Я хотела сказать, что это вполне логичный выбор, поскольку я обладаю... э-э-э... даром выявлять мужчин, которых оседлали паразиты.

– Нет, – повторил Старик. – В этом не будет необходимости. Там, куда он собрался, они все с паразитами. Будем так считать, пока не получим доказательств обратного. Кроме того, я приготовил для тебя кое-что другое.

Мэри следовало бы помолчать, но она спросила:

– Какое? Что может быть важнее?

Вместо того чтобы огрызнуться, Старик спокойно сказал:

– Это задание также важно. Я планирую сделать тебя телохранителем президента, как только смогу убедить его, что дело серьезное.

– О! – Она на секунду задумалась. – Однако, босс...

– Что еще?

– Я не уверена, что сумею выявить женщину с паразитом. Я для этого, э-э-э... не оборудована.

– Что ж, значит, мы уберем от него всех секретарш. И, Мэри... тебе придется следить за самим президентом тоже. Он, видишь ли, тоже мужчина.

Она задумалась.

– Предположим, я решу, что один из них, несмотря ни на что, до него добрался?

– Тогда ты сделаешь то, что нужно, кресло займет вице-президент, а тебя расстреляют за измену. Вот и все. Однако вернемся к первому плану. Мы пошлем Джарвиса с камерой,

и, пожалуй, я добавлю Дэвидсона в качестве дополнительного прикрытия. Пока Джарвис будет снимать тебя, Дэвидсон будет следить за ним, а ты при случае будешь вполглаза приглядывать за Дэвидсоном. Такой веселый хоровод.

– Значит, думаете, нам это удастся?

– Вообще-то, нет, но любой план лучше, чем никакого. И может быть, это их немного расшевелит.

* * *

Мы – Джарвис, Дэвидсон и я – отправились в Айову, а Старик вернулся в Вашингтон. И увез с собой Мэри. Перед самым отъездом она приперла меня к стенке, схватила за уши, крепко поцеловала и сказала:

– Постарайся вернуться, Сэм.

Во мне все зазвенело и заиграло, и я почувствовал себя пятнадцатилетним мальчишкой. Должно быть, впал в детство.

Дэвидсон приземлил машину сразу за рухнувшим мостом, что мы обнаружили в первую поездку. Я указывал, куда ехать, пользуясь крупномасштабной топографической картой, где было отмечено настоящее место посадки космического корабля. В качестве отправной точки мост подходил идеально. За две десятых мили к востоку от места мы свернули с дороги и двинулись к цели напрямик, через кустарник. Никто не попытался нас остановить.

Мы были почти у цели, когда наткнулись на след пожара и решили пройти пешком. Место, указанное на снимке с орбиты, располагалось как раз в центре пожарища, но никакой летающей тарелки там не было. А чтобы доказать, что она тут когда-то садилась, понадобился бы детектив лучше меня. Огонь уничтожил все следы, если они когда-то и были.

Джарвис старательно заснял все, но я уже понял, что этот раунд слизняки у нас опять выиграли. По дороге к машине нам встретился престарелый фермер. Согласно

инструкции, мы сохраняли безопасную дистанцию, хотя он выглядел безобидно.

– Ничего себе пожарчик, – заметил я, заходя сбоку.

– Да уж, – сокрушенно ответил он. – Две мои лучшие дойные коровы сгорели, беда прямо. А вы репортеры?

– Ага, – согласился я, – но, похоже, зря мы сюда ехали.

Мне сейчас очень не хватало Мэри. Возможно, этот тип сутулился от природы. Но если Старик прав насчет корабля – а он должен быть прав, – то этот с виду деревенский проффиля знает о нем и, следовательно, покрывает пришельцев. А значит, у него на спине – паразит.

Я решил, что должен попытаться. Поймать живого паразита и заснять его для Белого дома было гораздо проще в лесу, чем где-нибудь в людном месте. Я бросил взгляд на своих товарищей: они ждали моего сигнала; Джарвис снимал непрерывно.

Когда фермер повернулся, я сбил его с ног, упал сверху и вцепился в рубашку. Джарвис подскочил ближе и приготовился снимать крупным планом. Дэвидсон сместился в сторону, чтобы прикрывать нас. Фермер и охнуть не успел, а я уже оголил ему спину.

И там было чисто. Так же чисто, как у меня, – ни паразита, ни, каких-либо его следов. И на всех других местах, которые я проверил, прежде чем отпустил фермера.

Я помог ему подняться и отряхнуть одежду – он весь перепачкался в пепле, да и я вместе с ним.

– Виноват, – сказал я, – произошла ужасная ошибка.

Фермер трясся от злости:

– Чтоб тебе пусто было, ты... ты!.. – Видимо, он даже не мог с ходу подобрать для меня достаточно сильных выражений, только губы дрожали. – Я на вас в полицию пожалуюсь! А будь мне лет на двадцать поменьше, так я бы и сам всех троих отдела!

– Извини, отец, ошибка вышла.

– Ошибка! – Его лицо скривилось, и я подумал, что он вот-вот заплачет. – Возвращаюсь из Омахи, а у меня тут

пожарище, половина запасов пропала, и зятя нигде нет. Выхожу посмотреть, кто тут шастает по моей земле, а меня чуть на куски не порвали. Ничего себе ошибка! Куда катится этот мир?!

Наверно, я мог бы ему объяснить куда, но не стал. Хотел предложить ему денег, чтобы как-то загладить вину, но он ударил меня по руке, и деньги полетели на землю. Поджав хвосты, мы убрались.

Уже в машине Дэвидсон спросил:

– Ты уверен, что все идет как надо?

– Положим, я могу ошибиться, – сердито ответил я, – но ты когда-нибудь слышал, чтобы ошибался Старик?

– Мм... нет. Я о таком не слышал. Куда теперь?

– Прямо на студию стереовещания. Там-то уж точно ошибки не будет.

– Как бы то ни было, – подал голос Джарвис, – а картинку я записал отличную.

Я не ответил.

* * *

На въезде в платную зону Де-Мойна контролер долго мешкал и не принимал плату. Он заглянул в свой блокнот, потом на наши номерные знаки и сказал:

– Шериф сообщил, что эта машина в розыске. Давайте направо, – и опустил шлагбаум.

– Направо так направо, – не стал спорить я, сдал футов тридцать назад и выжал газ на полную. Машины у нас в Отделе укрепленные, с форсированными движками, что оказалось весьма кстати: барьер тоже сделали на совесть. Миновав заставу, я даже не притормозил.

– Это было занятно, – мечтательно произнес Дэвидсон. – Ты по-прежнему уверен, что все идет как надо?

– Прекрати болтовню! – прикрикнул я. – Может, я и сумасшедший, но я все еще твой начальник. И запомните, вы

оба: скорее всего, мы оттуда не выберемся. Но мы обязаны получить эти кадры.

– Как скажешь, шеф.

Если и была погоня, то я от них оторвался. Я резко затормозил перед входом в студию, мы выскочили из машины и ринулись вперед. Тут уже не до мягких методов дядюшки Чарли. Мы просто влетели в лифт, я нажал кнопку этажа, где размещался кабинет Барнса, мы поднялись и оставили лифт открытым. Секретарша в приемной попыталась нас остановить, но мы, не обращая на нее внимания, двинулись дальше. Девушки за другими столами оторвались от работы и уставились на нас. Я подошел к двери Барнса и дернул за ручку. Заперто. Я повернулся к его секретарше:

– Где Барнс?

– Простите, как мне доложить? – Бесстрашно и вежливо.

Я увидел, что кофточка бугрится над ее плечами. Горбатая. Боже, подумал я, ну уж теперь-то наверняка. Она была здесь, когда я убил Барнса. И, перегнувшись через стол, я задрал ее кофточку.

Точно! Я не мог ошибиться. Уже во второй раз я смотрел на живого паразита.

Меня резко затошнило, но некогда было отвлекаться. Она сопротивлялась, царапалась и даже пыталась меня укушать. Я врезал ей по шее ударом дзюдо, едва не вмазавшись в слизняка, и она обмякла. Потом на всякий случай ткнул ее тремя пальцами под дых, развернул и заорал:

– Джарвис! Крупный план!

Этот идиот копался с камерой, повернувшись ко мне своим толстым задом, затем выпрямился и сказал:

– Абзац. Лампа сдохла.

– Замени ее – живо!

В дальнем конце приемной поднялась из-за стола стенографистка и выстрелила, но не в меня и не в Джарвиса, а в камеру. Попала, но мы с Дэвидсоном тут же уложили ее. Словно по сигналу, сразу шестеро бросились на Дэвидсона.

Оружия у них, похоже, не было, и они просто навалились на него все вместе.

Я все еще держал секретаршу и стрелял из-за стола. Уловив краем глаза какое-то движение, повернулся и обнаружил в дверях кабинета Барнса – Барнса номер два. Я выстрелил ему в грудь, чтобы наверняка зацепить паразита, который, без сомнения, сидел у него на спине. Потом повернулся к бойне.

Дэвидсон уже стоял на ногах, а к нему ползла одна из девушек, похоже раненая. Он выстрелил ей в лицо, и она замерла. Следующий разряд едва не задел мое ухо. Я обернулся и сказал:

– Спасибо! А теперь сваливаем отсюда. Джарвис, быстрее!

Я тащил на руках секретаршу Барнса. Дверь захлопнулась, и мы поехали вниз. Дэвидсон дрожал, Джарвис стоял весь бледный.

– Спокойно, – сказал я, – вы стреляли не в людей. «Вы стреляли в тварей вроде этой», – сказал я, приподнял секретаршу и взглянул ей на спину.

Тут мне чуть плохо не стало. Экземпляр, который я захватил вместе с хозяином, чтобы доставить живьем, исчез. Соскользнул на пол, видимо, и в суматохе куда-то утек.

– Джарвис, ты хоть что-нибудь снял?

Он покачал головой. Я молчал. Молчал и Дэвидсон.

Там, где раньше сидел паразит, вся спина у девушки была покрыта красной сыпью – словно множество крошечных булавочных уколов. Я опустил ее кофточку и усадил на пол, прислонив к стенке лифта. Она еще не пришла в себя, и, вероятно, еще долго не придет. Когда лифт опустился, мы

оставили ее в кабине. Видимо, никто ничего не заподозрил, потому что в вестибюле все было спокойно и по пути на улицу никто не пытался нас остановить.

У машины стоял полицейский и, поставив ногу на бампер, выписывал штрафную квитанцию. Когда мы подошли, он вручил ее мне, укоризненно заметив:

– Ты же знаешь, что здесь стоянка запрещена, приятель.

– Извините, – ответил я и расписался в получении, поскольку это казалось самым быстрым и самым безопасным способом выйти из ситуации.

Потом я отвел машину подальше от тротуара, дождался более или менее свободного окна в потоке транспорта и взлетел прямо с городской улицы, гадая, выпишет он мне за это еще один штраф или нет. Набрав высоту, я поменял номерные знаки и идентификационный код. Старик обо всем позаботился заранее.

Однако, когда мы вернулись, оказалось, его заботит все, что угодно, только не мое задание. Я попытался доложить о результатах еще во время пути, но он прервал меня и приказал по возвращении явиться к нему в офис. Когда мы явились, с ним была Мэри. Одно ее присутствие сказало мне все, что я хотел узнать: если бы, несмотря на мой провал, Старик убедил президента, она бы осталась там.

Старик выслушал отчет, лишь изредка прерывая его недовольным ворчанием.

– Сколько вы видели? – спросил я под конец.

– Передача оборвалась, когда вы таранили барьер, – сообщил он. – Не сказал бы, что президента как-то впечатлило то, что он увидел.

– Видимо, да.

– На самом деле он велел мне тебя уволить.

Я весь напрягся. Я готов был подать в отставку, но сейчас это застало меня врасплох.

– Я и сам прекрасно могу... – начал я.

– Помолчи! – рявкнул Старик. – Я ему сказал, что он может уволить меня, а со своими подчиненными я буду разбираться сам. Ты, конечно, балбес, но пока ты мне нужен.

– Спасибо.

Мэри во время разговора беспокойно расхаживала по кабинету. Я пытался поймать ее взгляд, но ничего не получалось. Затем она остановилась за спиной Джарвиса и подала Старику такой же знак, как в кабинете у Барнса.

Я двинул Джарвиса рукояткой лучемета по голове, и он обмяк в кресле.

– Назад, Дэвидсон! – рявкнул Старик, направив ему в грудь пистолет. – Как насчет него, Мэри?

– С ним все в порядке.

– А он?

– Сэм чист.

Взгляд Старика бегал от одного из нас к другому, и я, признаться, никогда еще не чувствовал себя так близко к смерти.

– Обоим снять рубашки! – приказал он самым неприятным голосом.

Мы подчинились, и Мэри оказалась права по обоим пунктам. Я вдруг задумался, буду ли я осознавать, что происходит, если паразит вдруг окажется у меня на спине.

– Теперь он! – приказал Старик. – Надеть перчатки, оба!

Мы растянули Джарвиса на животе и очень аккуратно срезали с него одежду. Все-таки нам удалось заполучить живой образец.

6

Меня чуть не стошнило. От одной только мысли, что эта тварь ехала со мной в закрытой машине от самой Айовы, мой желудок готов был взбунтоваться. Я, вообще-то, не брезглив, однажды я четыре дня прятался в канализации Москвы, но тот, кто видел паразита и знает, что это такое, меня поймет.

Справившись с тошнотой, я сказал:

– Давайте сгоним его. Может быть, мы еще спасем Джарвиса.

Хотя на самом деле я так не думал. В глубине души мне казалось, что человек, на котором прокатилась такая тварь, уже потерян для нас навсегда. Наверное, мне суеверно представлялось, что они «пожирают душу» человека, что бы это ни значило.

Старик жестом отогнал нас в сторону:

– Забудьте о Джарвисе.

– Но...

– Хватит! Если его вообще можно спасти, то несколько минут погоды не сделают. В любом случае... – Он умолк.

Я тоже промолчал, поскольку и так знал, что Старик имеет в виду: принцип, который гласил, что каждая жизнь ценна сама по себе, теперь требовал исключить Джарвиса из рассмотрения. Когда речь идет о всем народе Соединенных Штатов, жизнь сотрудника Отдела ничего не стоит.

Простите мой пафос. Просто мне нравился Джарвис.

С пистолетом на изготовку Старик ждал, наблюдая за тварью на спине Джарвиса. Затем сказал Мэри:

– Свяжись с президентом. Специальный номер – три ноля семь.

Мэри прошла к его столу и набрала номер. Я слышал, как она говорит что-то в глушитель, но не очень прислушивался: все мое внимание было приковано к паразиту. Он не делал никаких попыток оставить своего хозяина, его тело медленно пульсировало, по нему прокатывалась переливающаяся рябь.

Наконец Мэри оторвалась от аппарата и доложила:

– Я не могу связаться с ним, сэр. На линии один из его помощников.

– Который?

– Мистер Макдоно.

Старик поморщился, и я вместе с ним. Макдоно был весьма неглуп и приятен в общении, но ни разу не изменил

своего мнения о чем-либо с тех пор, как окончил школу. Президент использовал его в качестве буфера.

Старик взял трубку и начал в нее орать, даже не подумав воспользоваться глушителем.

Нет, в настоящее время с президентом связаться нельзя. Нет, и передать сообщение тоже. Нет, мистер Макдоно не превышает своих полномочий. Указание президента было однозначным, и Старик не входит в список исключений, если такой список вообще существует. Да, мистер Макдоно, безусловно, готов организовать встречу. Он постарается как-нибудь втиснуть Старика в график президента, он это обещает. Как насчет следующей пятницы? Что? Сегодня? Исключено. Завтра? Невозможно.

Старик отключил аппарат. Вид у него был такой, словно его вот-вот хватит удар. Затем он дважды глубоко вздохнул, чуть посветлел лицом и сказал:

– Дейв, пригласи сюда доктора Грейвса. Остальным держать дистанцию и не спускать глаз с объекта.

Вскоре появился глава нашей биологической лаборатории.

– Док, – сказал Старик, – у нас есть еще один – живой.

Грейвс перестал вытирать руки, внимательно посмотрел на Джарвиса, потом подошел и поглядел на его спину.

– Интересно, – пробормотал он. – Должно быть, единственный? – И опустился рядом на одно колено.

– Назад!

Грейвс поднял глаза на Старика.

– Но должен же я... – начал он рассудительным тоном.

– Молчать и слушать! Да, ты должен его изучить. Но это второстепенная задача. Во-первых, его нужно сохранить живым. Во-вторых, ты не дашь ему сбежать. И в-третьих, ты должен обезопасить себя.

– Я его не боюсь. Я...

– Бойся! Это приказ.

– Я хотел сказать, что мне нужно будет соорудить что-то вроде инкубатора для ухода за ним, когда мы снимем его с носителя. Тот мертвый экземпляр, который вы мне дали,

мало чем помог в плане изучения их химии, но для нас очевидно, что этим созданиям нужен кислород. Вы же его просто удушили. Понимаете, несвободный атмосферный кислород – он потребляет кислород через своего носителя. Возможно, подойдет большая собака.

– Нет! – резко возразил Старик. – Оставьте все как есть.

– Что? – удивился Грейвс. – А этот человек точно доброволец?

Старик промолчал, а Грейвс продолжил:

– Лабораторные испытания проводятся только на добровольцах. Профессиональная этика, знаете ли.

Похоже, ученых парней просто невозможно приучить к порядку.

Старик взял себя в руки и спокойно сказал:

– Доктор Грейвс, каждый агент в нашей организации добровольно делает все, что я сочту необходимым. Это то, на что они подписываются. Так что будьте любезны выполнять мои приказы. Принесите носилки и заберите Джарвиса. И действуйте предельно осторожно.

Когда Джарвиса унесли, Старик нас отпустил. И мы с Дэвидсоном и Мэри отправились в бар пропустить рюмку-другую. Нам это было сейчас необходимо. Дэвидсона буквально трясло, и, когда первая рюмка не помогла, я попытался успокоить его сам.

– Послушай, Дэйв, мне тоже паршиво из-за тех девушек, но другого выхода у нас не было. Пойми же наконец: не было другого выхода.

– Все было так плохо? – спросила Мэри.

– Ужасно. Я не знаю, скольких мы убили, – может быть, шесть, может быть, дюжину. Не было времени осторожничать. Но мы стреляли не в людей, то есть не в самих людей, – мы стреляли в паразитов. – Я повернулся к Дэвидсону. – Хотя это ты понимаешь?

Вроде мои слова на него подействовали.

– В том-то и дело. Они и в самом деле были уже не люди. Если бы дело требовало, я бы, наверно, смог... наверно, смог

бы даже своего брата застрелить. А эти твари – не люди. Ты стреляешь, а они к тебе ползут и ползут. Они не... – Он замолчал.

Меня переполняла жалость. Вскоре он поднялся и ушел в медпункт разбираться: его что-то там беспокоило. Мы с Мэри продолжали говорить, пытаясь придумать, что делать дальше, но все безуспешно. Потом она сказала, что хочет спать, и отправилась в женскую спальню. В тот вечер Старик приказал всем сотрудникам ночевать на базе, так что я принял на посошок и прошел на мужскую половину, где залез в свой спальник.

Я не уснул сразу. Я слушал гул города над нами и продолжал вспоминать, как это было в Де-Мойне.

* * *

Разбудил меня сигнал тревоги. Сирена еще не смолкла, а я уже оделся, и тут интерком взревел голосом Старика: «Радиационная и химическая тревога! Закройте все входы и выходы! Всему персоналу собраться в конференц-зале! Немедленно!»

Поскольку я выполнял оперативную работу, никаких обязанностей на базе у меня не было, и я направился напрямиком в штаб. Старик, мрачный как тень, собирал всех в зале. Я хотел спросить, что случилось, но полтора десятка других агентов, клерков, стенографисток и прочих оказались там раньше меня, и я решил воздержаться от вопросов. Спустя какое-то время Старик отправил меня к дежурному охраннику узнать, сколько людей находится на базе. Затем он лично провел перекличку, и стало ясно, что в зале собрались все отмеченные в списке прибытия, начиная со старой мисс Хайнс, секретарши Старика, и заканчивая официантом из бара. Все, кроме дежурного охранника и Джарвиса. Тут ошибок быть не должно: за теми, кто входит и выходит, у нас следят более тщательно, чем в банке за деньгами.

После переключки меня снова отправили за дежурным охранником. Но чтобы убедить его оставить пост, пришлось связаться оттуда по телефону с самим Стариком. Лишь после этого он заблокировал дверь и последовал за мной. Когда мы вернулись, Джарвиса уже доставили в зал. Его сопровождали Грейвс и один из его лаборантов. Джарвис, в больничном халате, был на ногах и явно в сознании, но сильно заторможенный.

Увидев его, я начал догадываться, в чем дело. Старик не долго томил нас неведением. Он повернулся к собравшимся и, держась на расстоянии, извлек пистолет.

– Один из паразитов-захватчиков находится среди нас, – начал он. – Для некоторых из вас этим все сказано. Остальным же мне придется объяснить, что в сей момент наша безопасность – и безопасность всей нашей расы – зависит от четкого выполнения приказов и беспрекословного повиновения каждого из вас.

Он кратко, но ужасающе точно описал паразита и обрисовал сложившуюся ситуацию.

– Другими словами, – заключил он, – паразит почти наверняка здесь, в этой комнате. Один из нас выглядит как человек, но на самом деле он – автомат, которым управляет наш самый смертельный и самый опасный враг.

Персонал начал роптать. Люди украдкой поглядывали друг на друга, некоторые пытались встать подальше от других. Секунду назад мы были одной сплоченной командой, теперь превратились в толпу, где каждый подозревал каждого. Я и сам вдруг обнаружил, что невольно отодвигаюсь от стоящего рядом человека, хотя знал бармена Рональда не один год.

Грейвс прочистил горло.

– Шеф, – начал он, – я хочу, чтобы вы поняли: я принял все мыслимые меры...

– Помолчи! Мне не нужны оправдания. Выведи Джарвиса вперед. Сними с него халат.

Грейвс умолк, и они с помощником выполнили приказ. Джарвис не сопротивлялся. Похоже, он едва осознавал, что происходит. От виска через всю левую скулу у него тянулся отвратительный лиловый рубец. Но заторможенный он едва ли был после удара – я не настолько сильно его саданул. Видимо, Грейвс накачал его транквилизаторами.

– Поверните его, – распорядился Старик.

Джарвис не сопротивлялся. На его плечах и на шее слизняк оставил след – мелкую красную сыпь.

– Теперь вы видите, где он сидел.

Когда Джарвиса раздели, люди зашептались, и кто-то из девушек смущенно захихикал. Теперь же в зале воцарилось гробовое молчание.

– А теперь, – сказал Старик, – мы будем ловить этого слизняка! Более того, он нам нужен живьем. Это предупреждение для нетерпеливых ребят, у которых пальцы чешутся спустить курок. Вы все видели, где паразит седлает человека. Предупреждаю: если кто-то его спалит, я сам пристрелю виновного. Если придется стрелять в носителя, чтобы его поймать, цельтесь ниже... Подойди сюда! – С этими словами он направил свой пистолет на меня.

Но на полпути он меня остановил.

– Грейвс! Уберите Джарвиса с дороги. Усадите его у меня за спиной. Нет! Халат оставь на полу.

Грейвс со своим ассистентом провели Джарвиса через зал и вернулись на место. Старик снова обратил на меня внимание:

– Оружие на пол!

Ствол его лучемета смотрел прямо мне в живот. Я медленно достал свой и отпихнул его ногой метра на два в сторону.

– Теперь снимай одежду – полностью.

Нет, я не стеснительный школьник, но все же мне было неловко выполнять такой приказ. Лучемет Старика помог мне преодолеть смущение. Но он не помешал нескольким юным особам захихикать, когда я дошел до главного. Одна

из них довольно громко заметила: «Неплохо!», другая ответила: «Шишечка, я бы сказала».

Я покраснел, как невеста.

Оглядев меня с ног до головы, Старик велел поднять с пола пистолет.

– Прикроешь меня, – приказал он. – И следи за дверью. Теперь ты! Дотти-или-как-там тебя – твоя очередь.

Дотти работала в канцелярии. Оружия у нее, разумеется, не было, и сигнал тревоги, очевидно, выдернул ее из постели, судя по тому, что она куталась в длинный пеньюар. Дотти сделала шаг вперед, остановилась и замерла.

Старик повел лучемером:

– Давай раздевайся!

– Вы что, всерьез? – недоуменно спросила она.

– Быстро!

Дотти чуть не подпрыгнула на месте.

– Хорошо! – сказала она. – Незачем на меня орать. – Она закусила нижнюю губу, медленно расстегнула застёжку на талии и вызывающим тоном добавила: – Думаю, за это мне полагаются премиальные! – и одним движением сбросила с себя одежду.

И тут она испортила весь спектакль, приняв соответствующую позу, – это длилось недолго, всего мгновение, но пропустить такое было невозможно. Должен признаться, что ей было что показать, но я был не в том настроении, чтобы оценить это по достоинству.

– К стене! – прорычал Старик. – Теперь Ренфрю!

Я не знаю, нарочно он чередовал мужчин и женщин или это вышло случайно, но идея была хорошая, поскольку свела протесты к минимуму. Ой, ладно, что я несу? Я же знаю: Старик ничего не делает случайно. После выпавшего на мою долю испытания мужчины действовали быстро и деловито, хотя некоторые все же стеснялись. Что касается женщин, то кто-то хихикал, кто-то краснел, но никто особенно не возражал. В других обстоятельствах я нашел бы ситуацию небезынтересной – ведь мы всегда готовы узнать

друг о друге то, чего раньше не знали. Например, одна девочка, которую мы привыкли называть Грудастая... э-э-э... ладно, замнем это. Спустя двадцать минут почти все в зале разделись. Я в жизни не видел столько квадратных ярдов «гусиной кожи», а разложенного на полу оружия хватило бы на целый арсенал.

Когда очередь дошла до Мэри, она подала хороший пример, разделась по-деловому быстро, без ужимок – Старика нужно было вызвать первой ее, а не эту шалаву Дотти. Даже в чем мать родила Мэри держалась спокойно и с достоинством. А то, что я увидел, никак не поколебало чувства, которое я к ней испытывал.

Мэри внесла заметный вклад в «арсенал». Я решил, что она просто любит оружие. Мне-то самому одной пушки за глаза хватает.

В конце концов разделись все, кроме самого Старика и его секретарши мисс Хайнс, но паразита ни на ком не было. Я думаю, Старик немного побаивался мисс Хайнс. Она была старше его и демонстрировала склонность им командовать. До меня дошло, на ком эта тварь может сидеть, если Старик не ошибается. А он мог и ошибаться: паразит вполне мог сидеть сейчас на потолочной балке, дожидаясь момента, чтобы прыгнуть кому-нибудь на спину.

С недовольным видом Старик потыкал тростью гору одежды. Он знал, что там ничего нет, – должно быть, просто хотел лишний раз в этом удостовериться. Потом он поднял глаза на свою секретаршу:

– Мисс Хайнс, пожалуйста. Вы следующая.

Ну что, братишка, мысленно сказал себя я, сейчас надо будет применить силу.

Она не шелохнулась. Осадив его одним взглядом, она стояла там как памятник оскорбленной невинности.

Я увидел, что он собирается принять меры, поэтому я придвинулся поближе и произнес уголком рта:

– А как насчет вас, босс? Раздевайтесь.

Он дернул головой и бросил на меня удивленный взгляд.

– Я серьезно, – добавил я. – Теперь вас только двое. Паразит у кого-то из вас. Скидывайте шмотки.

Когда надо, Старик способен подчиниться неизбежному.

– Разденьте ее, – буркнул он. – Я следующий.

И он с мрачным видом принялся расстегивать молнию на брюках.

Я сказал Мэри, чтобы взяла двух женщин и раздела мисс Хайнс. Когда я повернулся обратно, Старик уже спустил брюки до колен, и тут мисс Хайнс рванула к выходу.

Между нами стоял Старик, и я не мог стрелять из опасения попасть в него, а все остальные агенты в зале оказались без оружия! Видимо, и это вышло не случайно: Старик опасался, что кто-нибудь, увидев паразита, не сдержится и выстрелит, а слизняк нужен был ему живым.

Пока я мешкал, она уже выскочила за дверь и понеслась по коридору. В коридоре я мог бы ее срезать, но кое-что удержало меня от выстрела. Во-первых, эмоции так быстро не переключишь: ведь для меня это по-прежнему была старушка Хайнс, секретарша моего босса, та самая старая дева, что отчитывала меня за грамматические ошибки в рапортах. А во-вторых, если у нее на спине сидел паразит, то, как было приказано, он нужен был нам живым – и я не хотел рисковать. Я, вообще-то, не лучший стрелок в мире.

Она нырнула в какую-то дверь, я подбежал к ней и снова промедлил – просто в силу привычки: это был женский туалет.

Впрочем, это задержало меня лишь на мгновение. Я пинком распахнул дверь и заскочил внутрь, держа пистолет наготове. И тут меня что-то ударило над правым ухом, и я отправился в долгое неспешное падение на пол.

* * *

О следующих нескольких секундах у меня нет ясных воспоминаний. Видимо, я на какое-то время потерял сознание. Помню борьбу и крики: «Осторожней!», «Черт! Она меня

укусила!», «Руки, руки не суй!». Затем кто-то сказал уже спокойно: «Свяжите ей руки и ноги, только осторожно». Кто-то еще спросил: «А с ним что?» – и в ответ слышалось: «Позже. Он не ранен, просто без сознания».

Потом они ушли, но я все еще был где-то далеко, хотя уже чувствовал, как в меня снова вливается поток жизни. Потом я сел, осознавая, что нужно срочно сделать что-то важное. Поднялся и, пошатываясь, направился к двери. Чуть помедлив, я осторожно выглянул в коридор – там никого не было. Тогда я выскочил из туалета и рванул прочь от конференц-зала.

У наружной двери я притормозил и вдруг с ужасом понял, что не одет. Тогда я метнулся по коридору в мужское крыло. Там схватил первую попавшуюся одежду и напялил на себя. Ботинки оказались малы, но это не имело значения.

Я снова бросился к выходу, нашел тумблер, и дверь распахнулась.

Мне уже казалось, что я ушел чисто, но, когда я был в дверях, кто-то крикнул мне вслед: «Сэм!» Я не стал дожидаться и выскочил за порог. Там я оказался перед шестью дверьми, бросился в одну из них, за ней были еще три. К этой кроличьей норе, которую мы называем «Штабом», ведет целая сеть туннелей, похожих на переплетенные спагетти. Они расположены так, чтобы сколько угодно людей могли приходить и уходить незаметно. В конце концов я вынырнул на одной из станций метро, в киоске, где торговали фруктами и дешевыми книжками, кивнул продавцу, который, похоже, нисколько не удивился, проскочил турникет и смешался с толпой. Раньше я этим маршрутом не ходил.

Потом я сел на реактивный экспресс, идущий на север, но сошел на первой же станции. Перебрался на платформу, откуда отправлялся экспресс в обратном направлении, и встал возле кассы, выбирая, у кого из этих раззяв будет бу-мажник потолще. Выбрал какого-то типа, сел на его поезд, потом сошел на одной с ним остановке и в первом же темном переулке двинул ему по затылку. Теперь у меня

появились деньги, и я был готов действовать. Я не понимал, для чего мне деньги, но знал, что для следующего этапа они нужны.

7

Говорят, язык развивается, чтобы описывать жизненный опыт народа, который на нем говорит. Опыт первичен, язык вторичен. Как мне описать свой опыт, то, что я чувствовал?

Окружающие предметы странным образом двоились, словно я смотрел на мир сквозь подернутую рябью воду, но при этом я не испытывал ни удивления, ни любопытства. Я двигался как сомнамбула, не зная, куда иду и что собираюсь делать, хотя на самом деле не спал и отчетливо понимал, кто я, где нахожусь и чем занимался в Отделе. Не было никакой амнезии, все мои воспоминания были мне доступны. И хотя я не знал, что именно я собираюсь делать, я всегда осознавал, что делаю, и нисколько не сомневался, что эти действия необходимы и целенаправленны.

Говорят, что примерно таким образом работает постгипнотическое внушение. Не мне судить – я гипнозу не поддаюсь.

Большую часть времени я не испытывал никаких эмоций, кроме легкого удовлетворения от выполненной работы. Но так было только на сознательном уровне – повторяю, я был в полном сознании. Где-то глубоко-глубоко в душе я мучительно переживал свое несчастье, мне было страшно, меня терзало чувство вины, однако все это глубоко, далеко, где-то в заваленном, запертом уголке души. Я едва осознавал, что во мне сохранились эти чувства, и никакого влияния они на меня не оказывали.

Я знал, что меня видели, когда я уходил с базы. «Сэм!» – это кричали мне. Под таким именем меня знали только двое, но Старик воспользовался бы настоящим. Значит, меня видела Мэри. Хорошо, думал я, что она показала мне, где живет. К ее следующему появлению нужно будет

подготовить там ловушку. А до того я должен делать свое дело и следить, чтобы меня не поймали.

Используя все свое умение скрываться от преследования, я двигался через район складов. Вскоре я обнаружил подходящее здание. На табличке у входа значилось: «Сдается верхний этаж. Обращаться к агенту по аренде на первом этаже». Я тщательно его осмотрел, запомнил адрес и быстро вернулся на два квартала назад, к почтовому отделению «Вестерн Юнион», а оттуда с первого же свободного аппарата отправил сообщение: «Высылайте два ящика говорящих книжек-малышек. Скидка та же. Грузополучатель Джоел Фриман». Добавил адрес пустого верхнего этажа, и сообщение ушло в агентство «Роско и Диллард», Де-Мойн, штат Айова.

Когда я вышел из кабинки, светящаяся вывеска кругло-суточного сетевого ресторана быстрого питания напомнила мне, что я голоден, но я тут же подавил позыв и больше об этом не вспоминал. Вернувшись на склад, я выбрал в дальнем конце первого этажа угол потемнее и устроился там, ожидая, когда откроется контора.

Должно быть, я уснул. У меня осталось смутное воспоминание о череде клаустрофобных кошмаров.

С рассвета до девяти утра я ошивался возле местной биржи труда, изучая объявления; это было единственное место в районе, где на бездельника не обратили бы внимания. В девять появился агент по аренде, и, когда он открыл свой офис, я снял верхний этаж, приплатив за то, чтобы он предоставил мне помещение немедленно, пока документы проходят регистрацию. Затем поднялся на верхний этаж, отпер дверь и стал ждать.

Примерно в десять тридцать прибыли мои контейнеры. Я позволил водителям уйти. Трое – это для меня многовато, да и не готов я был действовать в любом случае. Когда они ушли, я вскрыл контейнер, достал одну ячейку, прогрел ее и подготовил. После этого я спустился на первый этаж, разыскал агента и сказал:

– Мистер Гринберг, не могли бы вы подняться на минутку? Мне нужно кое-что поменять в освещении.

Он поворчал, но согласился. Когда мы вошли, я закрыл дверь и подвел его к открытому контейнеру:

– Вот здесь, внизу. Наклонитесь – и сразу увидите, что я имею в виду. Мне бы нужно...

Едва он наклонился, я сжал его крепким захватом, задрал пиджак и рубашку, свободной рукой перенес хозяина из ячейки ему на спину и подержал еще немного, пока он не успокоился. Тогда я его отпустил, заправил ему рубашку и отряхнул пыль с пиджака. Когда он пришел в себя, я спросил:

– Какие новости из Де-Мойна?

– Что тебя интересует? Как долго ты отсутствовал?

Я начал объяснять, но он меня перебил:

– Не будем тратить время и переговорим напрямую.

Гринберг задрал рубашку, я сделал то же самое, и мы уселись на закрытом контейнере спиной к спине, чтобы наши хозяева могли соприкоснуться. В мыслях у меня осталась пустота, и я даже не знаю, как долго продолжался их разговор. Помню только, я неотрывно смотрел на муху, вьющуюся у облепленной пылью паутины.

Следующим мы обратили управляющего зданием. Это был здоровенный швед, и нам пришлось удерживать его вдвоем. После этого мистер Гринберг позвонил владельцу склада и настоял, чтобы тот приехал и сам посмотрел на последствия какой-то кошмарной катастрофы, случившейся в здании, – не знаю, что именно он ему говорил, потому что в это время мы с управляющим открывали и прогревали новые ячейки.

Владелец здания оказался очень важным приобретением, поэтому все мы, и он сам в том числе, почувствовали удовлетворение. Он принадлежал к престижному Конституционному клубу, а список его членов читался как «Кто есть кто в финансах, правительстве и промышленности». А что еще важнее, у них работал знаменитый шеф-повар; поэтому

любой член клуба, если он был в городе, предпочитал завтракать в клубе.

Близился полдень, время было дорого. Управляющий отправился купить для меня подходящую одежду и саквояж, а заодно прислал шофера владельца здания к нам наверх, чтобы мы взяли его в оборот. В двенадцать тридцать мы с владельцем отбыли на его машине в город. В моем саквояже находились двенадцать хозяев, еще в ячейках, но уже подготовленные.

В книге посетителей владелец склада записал: «Дж. Хардвик Поттер с гостем». Один из лакеев хотел забрать у меня саквояж, но я сказал ему, что мне необходимо поменять перед ланчем сорочку. Мы копошились перед зеркалом в туалетной комнате, пока там не осталось никого, кроме служителя, а затем «завербовали» его и отправили сообщить администратору клуба, что одному из гостей стало плохо.

После того как мы о нем позаботились, администратор принес еще один белый халат, и я превратился в нового служителя туалетной комнаты. У меня оставалось только десять хозяев, но контейнеры должны были вскорости доставить со склада прямо в клуб. Вместе с первым служителем мы использовали все оставшиеся ячейки еще до того, как обеденный наплыв посетителей закончился. Один из гостей застал нас за делом, и мне пришлось его убить, так как не было времени с ним возиться. Труп мы запихали в шкаф для швабр.

После этого наступило затишье, поскольку контейнеры все еще не привезли. Меня едва не скрутило голодными спазмами, но они быстро ослабли, хотя и не прекратились совсем. Я сообщил об этом администратору, он велел принести для меня ланч в свой кабинет. Это был один из самых вкусных ланчей в моей жизни. Контейнеры прибыли как раз, когда я доедал.

В период затишья, который во всех мужских клубах наступает во второй половине дня, мы полностью захватили

территорию. К четырем часам дня все присутствовавшие – члены клуба, их гости и обслуживающий персонал – были с нами. После чего мы начали обрабатывать вновь прибывших прямо в фойе, куда их впускал швейцар. Ближе к концу дня администратор позвонил в Де-Мойн, чтобы прислали еще четыре контейнера.

И в тот же вечер мы заполучили крупную добычу, можно сказать, приз – заместителя министра финансов. Настоящая победа, ибо Министерство финансов США, помимо всего прочего, отвечает и за безопасность президента.

8

Захват одной из ключевых фигур администрации я воспринял с каким-то рассеянным удовлетворением и больше об этом не думал. Мы – я имею в виду людей-рекрутов – почти совсем не думали, мы знали, что надлежит делать в данный момент, но узнавали об этом, уже действуя, как вышколенная лошадь, которая, получив команду, немедленно ее выполняет и уже готова к следующему сигналу наездника.

Вышколенная лошадь и ее наездник – неплохое сравнение, но все же не полное. Всадник распоряжается умственными способностями лошади лишь отчасти, наши же хозяева получали в свое распоряжение не только разум, но и память, и жизненный опыт каждого из нас. Мы же и общались за них друг с другом, иногда понимая, о чем идет речь, иногда нет. Разговорное общение шло через нас, слуг, но мы никак не участвовали в более важных, прямых переговорах непосредственно между хозяевами. Во время таких совещаний мы просто сидели и тихо ждали, пока наши повелители не наговорятся, затем заправляли одежду, чтобы спрятать их, и делали, что приказано. Одна такая конференция большого масштаба состоялась после того, как был завербован заместитель министра финансов; я знаю о ее содержании не больше, чем вы, хотя я на ней присутствовал.

К словам, что слетали с моих губ по воле хозяина, я имел отношения не больше, чем телефонная трубка к словам, что из нее доносятся. Кстати, все это время аудиореле, имплантированное у меня за ухом, молчало, а свой телефон я оставил на базе. Я, как и он, был всего лишь аппаратом связи, не более того. Как-то, через несколько дней после того, как меня «завербовали», мне случилось передавать администратору клуба новые инструкции о поставках ячеек с хозяевами. Во время разговора я сознавал, что прибыли еще три корабля, но не знал, где они приземлились, в моей голове был лишь адрес в Новом Орлеане, который я назвал.

Впрочем, я совершенно об этом не задумывался, а просто продолжал делать свою работу. После дня в клубе я стал новым «помощником мистера Поттера по особым поручениям» и проводил целые дни – а иногда и ночи – в его кабинете. Возможно, далее мы поменялись ролями: я нередко отдавал устные распоряжения и самому Поттеру. Хотя не исключено, что сейчас я понимаю социальную структуру паразитов гораздо хуже, чем тогда. Их взаимоотношения могли быть более гибкими, более анархическими и гораздо более тонкими, чем я могу себе представить, исходя из приобретенного опыта.

Я знал – и также знал мой хозяин, – что мне опасно показываться на улицах. Через меня мой хозяин немало узнал о структуре, которую мы называли Отделом. Ему было известно, что Старик знает о моей «вербовке» и не оставит поисков до тех пор, пока меня не поймают или не убьют.

Странно, что мой хозяин не подыскал себе нового носителя и попросту не убил меня: «рекрутов» у нас было куда больше, чем наездников. Причем они не испытывали ничего похожего на человеческую щепетильность. Хозяева, только-только извлеченные из транзитных ячеек, часто наносили своим носителям увечья; мы всегда уничтожали таких носителей и подбирали новых.

Напротив, мой хозяин к тому времени, когда он выбрал меня, управлял по меньшей мере тремя человеческими

носителями – Джарвисом, мисс Хайнс и одной из девочек в офисе Барнса, вероятно секретаршей, – и в ходе этого, несомненно, приобрел изощренность и умение контролировать своих человеческих носителей. Он с легкостью мог «менять лошадей».

С другой стороны, станет ли опытный ковбой менять вышколенную рабочую лошадь на новую, еще не объезженную? Возможно, только поэтому меня прятали, и я остался жив. А может быть, я сам не знаю, о чем говорю: что пчела может знать о Бетховене?

Через некоторое время город был «обработан», и мой хозяин начал выводить меня на улицу. Я не хочу сказать, что у каждого жителя города появился горб. Людей было слишком много, а хозяев слишком мало. Но все ключевые позиции в городе занимали теперь наши «рекруты» – от полисмана на углу до мэра и начальника полицейского управления, не говоря уже о мелких городских начальниках, священниках, членах советов директоров крупных компаний и значительной части руководства связи и средств массовой информации. Большинство населения продолжало жить обычной жизнью, не только не обеспокоенное этим «маскарадом», но и ничего о нем не подозревающее.

Разумеется, до тех пор, пока кто-то из них по той или иной причине не оказывался на пути у хозяина. В таких случаях их просто устранили, чтобы заткнуть им рот. Это вело к убыли потенциальных носителей, но никакой нужды экономить их не было.

* * *

Наших хозяев заметно сдерживали трудности общения на большом расстоянии. Оно было ограничено тем, что они могли сказать на человеческом языке по обычным каналам связи. Дополнительные ограничения возникали, если не было уверенности в безопасности канала: тогда приходилось прибегать к кодированным сообщениям вроде того, что

я послал, заказывая первые два контейнера. Без сомнения, у хозяев имелась связь между кораблями и, вероятно, между кораблями и базой, но поблизости не было ни одного корабля; этот город захватили случайно в результате моего рейда на Де-Мойн в прошлой жизни.

Очевидно, такого общения через слуг им было недостаточно. Видимо, для координации действий часто требовался прямой телесный контакт. Я не эксперт по экзотическим психологиям. Некоторые утверждают, что паразиты не отдельные индивидуумы, а клетки более крупного организма. В таком случае... но какая разница? Главное, им нужны были конференции с непосредственным телесным контактом.

На одну из таких конференций меня отправили в Новый Орлеан.

На самом деле я не знал, что туда собираюсь. Однажды утром я, как обычно, вышел на улицу, добрался до стартовой платформы, расположенной в нашем спальном районе, и вызвал такси. Машин было мало. Я подумал, что стоит перейти на другую сторону и поехать общественным транспортом, но мысль была немедленно подавлена хозяином. После долгого ожидания мое такси поднялось к платформе, и я начал в него забираться – я говорю «начал», потому что тут подскочил какой-то шустрый старикан и забрался в такси первым.

Я получил приказ избавиться от него, но приказ был немедленно отменен и тут же последовал второй: действовать осторожно и осмотрительно, поскольку даже хозяева не всегда полностью уверены в себе.

– Извините, сэр, – сказал я, – но эта машина занята.

– Точно, – ответил старик. – Я ее и занял.

Он был воплощенным самомнением, весь, от портфеля до диктаторских замашек. Он вполне мог быть членом Конституционного клуба, но не одним из наших: их всех мой хозяин знал.

– Вам придется найти себе другую, – сказал я, пытаюсь его урезонить. – И покажите-ка чек с номером очереди.

Свой чек я взял со стойки, как только поднялся на платформу. Номер такси совпадал с номером на моем чеке. Деваться ему было некуда, однако старикан даже не пошевелился.

– Вам куда? – требовательно спросил он.

– В Новый Орлеан, – ответил я, впервые узнав, куда направляюсь.

– Тогда вы можете подбросить меня до Мемфиса.

Я покачал головой:

– Это мне не по пути.

– Да это всего пятнадцать минут! – Он, похоже, злился и с трудом держал себя в руках, как будто не привык, чтобы с ним спорили. – Вам, сэр, следовало бы знать правила пользования такси в наше время всеобщего дефицита. Вы не имеете права необоснованно забирать общественный транспорт в единоличное пользование! – Он повернулся к таксисту и потребовал: – Водитель! Объясните этому человеку правила!

Водитель вытащил изо рта зубочистку – лишь для того, чтобы заявить:

– А мне все равно. Взял, отвез, привез. Сами разбирайтесь между собой, или я попрошу у диспетчера, чтобы дал мне другого пассажира.

Секунду я стоял в нерешительности, не получая никаких инструкций, затем осознал, что забрасываю свой багаж внутрь и лезу в такси.

– В Новый Орлеан. С остановкой в Мемфисе.

Водитель пожал плечами и просигналил в диспетчерскую. Второй пассажир фыркнул и перестал обращать на меня внимание.

Когда мы поднялись в воздух, он открыл портфель и разложил на коленях бумаги. Я без всякого интереса наблюдал за ним, затем чуть изменил позу, чтобы легче было достать

пистолет. И тут этот старикашка мгновенно протянул руку и схватил меня за запястье.

– Не так быстро, сынок, – сказал он, черты лица его изменились, и я вдруг узнал сатанинский оскал самого Старика.

У меня хорошая реакция, но я был в невыгодном положении, вся поступающая информация сначала шла от меня к хозяину, там она осмысливалась, и лишь затем ко мне поступала команда действовать. Насколько велика была задержка – миллисекунда? Две? Не знаю. Но, пытаясь вытащить оружие, я уже почувствовал, как в ребра мне ткнулся широкий ствол лучемета.

– Спокойно.

Другой рукой он прижал что-то к моему боку. Я почувствовал укол, и по всему телу разлилось знакомое теплое оцепенение – «морфей» действует быстро. Меня дважды

вырубали этим препаратом, да и давали мне его много раз, так что я знал, как он работает.

Я сделал еще одну попытку достать пистолет и рухнул лицом вперед.

* * *

Очень смутно я осознал, что слышу голоса. Они звучали, кружились надо мной какое-то время, прежде чем я начал понимать, о чем они говорят. Меня грубо перевернули, потом кто-то сказал: «Эй, осторожней! А то эта обезьяна тебя цапнет!» Другой голос: «Не беспокойся. У нее перерезаны сухожилия». Снова первый: «Да, но зубы-то у нее остались».

Да, промелькнуло у меня в голове, если кто-то из вас окажется рядом, я непременно укушу. Насчет сухожилий тоже, казалось, все верно: ни руки, ни ноги меня не слушались. Хотя больше всего раздражало, что меня называли обезьяной. Это просто непорядочно – обзывать человека, когда он не в состоянии за себя постоять.

Потом я почему-то вдруг всплакнул и снова впал в оцепенение.

* * *

– Ну как, сынок, тебе уже лучше?

Старик задумчиво разглядывал меня, облокотившись на спинку кровати. Он стоял по пояс голый, на груди его курчавились седые волосы, а снизу выпирало небольшое брюшко.

– Э-э-э... да, пожалуй. – Я попытался сесть и обнаружил, что не могу двигаться.

Старик зашел сбоку.

– Видимо, можно снять ремни, – сказал он, копаясь с застежками. – Очень не хотелось, чтобы ты поранился или еще что... Вот так.

Я сел, растирая затекшие мышцы.

– А теперь – что ты помнишь? Докладывай.

– Что я помню?..

– Ты был с ними – помнишь? Тебя поймали. Ты помнишь, что происходило после того, как на тебя попал паразит?

Мне вдруг стало страшно, безумно страшно, и я вцепился в постель.

– Босс! Они знают об этом месте! Я сам им сообщил.

– Нет, об этом не знают, – спокойно ответил он, – потому что это не та база, которую ты помнишь. Старую я эвакуировал, когда понял, что ты ушел в самоволку. А об этом местечке, я надеюсь, им ничего не известно. Значит, ты что-то помнишь?

– Конечно помню. Я выбрался отсюда – в смысле, со старой базы – через... – Мысли понеслись вперед, обгоняя слова, и неожиданно я отчетливо увидел, как держу в руке живого влажного хозяина, собираясь пересадить его на спину агенту по аренде.

Меня стошнило прямо на простыню. Старик взял ее уголок, вытер мне губы и мягко сказал:

– Продолжай.

Я с трудом сглотнул и выдохнул:

– Босс, они – повсюду! Город у них в руках.

– Знаю. То же, что в Де-Мойне. И еще в Миннеаполисе, Сент-Поле, Новом Орлеане и Канзас-Сити. Может быть, где-то еще. Я не знаю, я не могу быть везде сразу. – Он поморщился и добавил: – Это как бег в мешках. Мы проигрываем, и очень быстро. Даже в тех городах, о которых нам известно, мы ничего не можем сделать. Это очень...

– Боже! Почему нет?

– Сам сообрази. Потому что «более опытные и мудрые» по-прежнему не убеждены. Потому что, когда паразиты захватывают город, там все остается по-прежнему.

Я усталился на него в недоумении, и Старик поспешил меня успокоить:

– Не бери в голову. Ты – наша первая удача. Первый, кого нам удалось вернуть живым. И теперь выясняется, что ты помнишь, что с тобой происходило. Это очень важно. И твой паразит тоже первый, которого нам удалось поймать и сохранить в живых. У нас появился шанс уз...

Он осекся. Должно быть, у меня на лице читался неприкрытый ужас. Мысль, что мой хозяин жив и может снова мной завладеть, была просто невыносима.

Старик встряхнул меня за плечи.

– Успокойся, сынок, – мягко произнес он. – Ты еще слишком слаб.

– Где он?

– А? Паразит-то? Не беспокойся о нем. Можешь увидеть его, когда захочешь. Он на твоём дублере, орангутанге. Кличка – Наполеон. Под надежной охраной.

– Убейте его!

– Бог с тобой. Он нужен нам живым, для изучения.

Видимо, со мной приключилось что-то вроде истерики, потому что Старик пару раз ударил меня по щекам.

– Соберись! Чертовски неприятно беспокоить тебя, пока ты не выздоровел, но обстоятельства вынуждают. Нам нужно записать все, что ты помнишь, на пленку. Так что соберись и начинай.

Я взял себя в руки и начал диктовать тщательный, подробный отчет обо всем, что мог припомнить. Описал, как снял помещение на складе, как «завербовал» свою первую жертву, затем как мы перебрались оттуда в Конституционный клуб. Старик кивнул:

– Логично. Ты и для них оказался хорошим агентом.

– Ты не понимаешь, – возразил я. – Сам я вообще ни о чем не думал. Знал, что происходит в данный момент, но это все. Будто... ну, будто... – Я замолчал, мне не хватало слов.

– Не важно. Дальше.

– После «вербовки» администратора клуба все пошло гораздо легче. Мы брали их прямо у входа и...

– Имена?

– Да, конечно. Я сам, Гринберг – М. К. Гринберг, Тор Хансен, Дж. Хардвик Поттер, его шофер Джим Уэйкли, сотрудник в туалетной комнате, коротышка по имени Джейк, но от него пришлось избавиться: хозяин просто не отпускал ему времени позаботиться о самом необходимом. Потом был администратор – я так и не узнал его имени... – Я сделал паузу, перебирая в памяти события того напряженного дня и вечера в клубе, стараясь припомнить всех «рекрутов». – О боже!

– Что такое?

– Заместитель министра финансов!

– Хочешь сказать, вы взяли и его?

– Да. В первый же день. Когда это было? Сколько прошло времени? Боже, шеф, ведь Министерство финансов охраняет президента!

Но я разговаривал с пустотой. На том месте, где сидел Старик, уже никого не было.

Я без сил откинулся на спину. Заплакал, уткнувшись в подушку, и вскоре уснул.

9

Проснулся я с жутким привкусом во рту, с больной головой и смутным предчувствием надвигающейся катастрофы. Но по сравнению с тем, что было раньше, можно сказать, я чувствовал себя отлично.

– Как, уже лучше? – спросил чей-то веселый голос.

Надо мной склонилась миниатюрная брюнетка. Очень даже симпатичная, – видимо, я и в самом деле чувствовал себя лучше, поскольку сразу это отметил. Но одета она была довольно странно: белые шорты, клочок почти прозрачной ткани, чтобы поддерживать грудь, и металлический панцирь, закрывающий шею, плечи и позвоночник.

– Ага, лучше, – согласился я, скривившись.

– Неприятный вкус во рту?

– Как после встречи Балканского кабинета министров.
– Держи-ка. – Она вручила мне стакан с каким-то лекарством. Оно было пряным и слегка обжигало, но неприятный привкус сразу пропал. – Нет-нет, не глотай. Выплюнь бяку, а я дам тебе воды.

Я послушался.

– Меня зовут Дорис Марсен, – продолжала она. – Я твоя дневная сиделка.

– Рад познакомиться, Дорис, – ответил я и снова окинул ее взглядом. – Слушай, а что это за странный наряд? Нет, мне нравится, конечно, но ты выглядишь так, будто из комикса сбежала.

Она посмотрела на свои шорты и хихикнула:

– Я и сама чувствую себя словно девица из кордебалета. Но ты привыкнешь. Я, во всяком случае, привыкла.

– Я уже привык. Это здорово и все такое – но зачем?

– Приказ Старика.

Я вдруг понял, в чем дело, и мне сразу стало хуже.

– А теперь будем ужинать. – Дорис взяла поднос и присела ко мне на кровать.

– Я совсем не хочу ничего есть.

– Открывай рот, – твердо сказала она, – а то я вывалю все это тебе на голову. Вот хороший мальчик!

В перерыве между ложками – пришлось-таки есть в порядке самообороны – я успел выдохнуть;

– Я, вообще-то, ничего. Одна доза «Гиро» – и я встану на ноги.

– Никаких стимуляторов, – категорично ответила она, запихивая в меня следующую ложку. – Специальная диета и отдых, а под конец дня – снотворное. Распоряжение доктора.

– А что со мной?

– Крайнее истощение, длительное голодание и первый случай цинги на моей памяти. А, ну и еще чесотка и вши – но с ними мы уже справились. Теперь ты все знаешь, но если

скажешь доктору, что это я проболталась, то я скажу, что ты врешь. А теперь перевернемся на животик.

Я перевернулся на живот, и она стала менять повязки. Похоже, у меня вся спина была в болячках. Мазь поначалу немного жгла, но потом ощущалась прохлада. Обдумав слова Дорис, я попытался вспомнить, как жил при хозяине.

– Не дрожи, – сказала она. – Тебе нездоровится?

– Нет, все в порядке, – ответил я.

Мне действительно удалось унять дрожь и начать все обдумывать спокойно. Насколько я помнил, есть за эти дни мне доводилось не чаще чем раз в два или три дня. Мыться? Попытаюсь вспомнить... черт, за это время я вообще не мылся! Брился, правда, каждый день и надевал свежую сорочку: хозяин понимал, что это необходимое условие маскарада.

Но зато ботинки, насколько я помнил, я ни разу не снимал с тех самых пор, как украл их на старой базе, а они еще вдобавок и малы были.

– Что у меня с ногами? – спросил я.

– Много будешь знать, скоро состаришься, – ответила Дорис. – А теперь перевернись на спинку.

* * *

Мне нравятся медсестры: они всегда спокойные, практичные и очень терпеливые. Ночной сестре, мисс Бриггс, с ее вечно недовольной лошадиной физиономией, до малышки Дорис было, конечно, далеко. Впрочем, у нее была прекрасная для женщины ее возраста фигура, крепкая и хорошо ухоженная. Она носила такой же мюзик-холльный наряд, в каком щеголяла Дорис, но никаких шуточек по этому поводу себе не позволяла, и походка у нее была как у гренадера. У Дорис, слава богу, при ходьбе все очаровательно подпрыгивало.

Ночью я проснулся от какого-то кошмара. Мисс Бриггс отказалась дать мне вторую таблетку снотворного, но

согласилась сыграть со мной в покер и обчистила меня на половину месячного жалованья. Я пытался вытянуть из нее что-нибудь о президенте, потому что полагал, что к этому времени Старик должен был либо выиграть, либо проиграть. Но это оказалось невозможно. Она делала вид, будто вообще ничего не знает о паразитах, летающих тарелках и тому подобном, и при этом сидела передо мной в наряде, который могла надеть только по одной причине!

Тогда я спросил, о чем говорят в новостях. Она ответила, что в последнее время ей некогда было следить за передачами. А когда я попросил поставить мне в палату стереоящик, чтобы я мог ловить последние известия, сказала, что это нужно спрашивать у доктора, который прописал мне «полный покой». Я поинтересовался: и когда же, черт возьми, я смогу увидеть этого самого доктора; а она сказала, что не знает: доктор в последнее время очень занят. Я спросил, как много других пациентов сейчас в лазарете, она ответила, что не помнит. Тут раздался сигнал вызова, и она ушла к другому пациенту.

Пока она ходила, я подтасовал колоду, положил ей на следующую сдачу хорошие карты, не требующие прикупа, – с тем, чтобы мне не делать ставку при торге.

Я уснул поздно и проснулся, лишь когда мисс Бриггс хлопнула меня по лицу холодной мокрой мочалкой. Затем она помогла мне подготовиться к завтраку, который принесла сменившая ее Дорис. На этот раз я ел самостоятельно, а за едой попытался выведать у нее какие-нибудь новости, но также, как и с мисс Бриггс, ничего не добился. Сиделки порой ведут себя так, будто работают не в больнице, а в яслях для умственно отсталых детей.

После завтрака заглянул Дэвидсон.

– Мне сказали, что ты здесь. – На нем были только шорты, и ничего больше, если не считать бинтов на левой руке.

– Это уже больше, чем сказали мне, – пожаловался я. – Что у тебя с рукой?

– Пчела ужалила.

Я не стал развивать тему, раз он не хотел говорить, при каких обстоятельствах его зацепило, – это его личное дело.

– Вчера здесь был Старик. Он выслушал мой отчет и вылетел отсюда пулей. Ты его после этого видел?

– Видел.

– И что? – спросил я.

– Да все нормально. Сам-то как? Психологи уже допустили тебя к секретным материалам?

– А что, кто-то во мне сомневается?

– Да, черт возьми, еще как! Бедняга Джарвис так и не оклемался.

– Серьезно? – Я и думать забыл о Джарвисе. – И как он сейчас?

– Никак. Никто в его голове не копался. Он впал в кому и умер на следующий день после того, как ты сбежал. В смысле – после того, как тебя захватили. Не было никаких видимых причин, просто взял и умер. – Дэвидсон смерил меня взглядом. – Должно быть, ты оказался покрепче.

Я не чувствовал себя «покрепче». Я чувствовал, что вот-вот опять разрыдаюсь, и заморгал глазами, отгоняя подступившие слезы. Дэвидсон сделал вид, будто ничего не заметил, и продолжал говорить:

– Видел бы ты, что тут поднялось, когда ты смылся! Старик рванул за тобой, если можно так выразиться, в одном пистолете и насуспенных бровях. Он бы тебя поймал, но его загребла полиция, и пришлось его самого выручать. – Дэвидсон ухмыльнулся.

Я слабо улыбнулся в ответ. Было в этой сцене что-то одновременно возвышенное и комичное: Старик в чем мать родила несется спасать мир от смертельной опасности.

– Жаль, я это пропустил. А что еще случилось в последнее время?

Дэвидсон пристально посмотрел на меня и сказал:

– Подожди минуту.

Он вышел из палаты, но вскоре вернулся.

– Старик сказал, что можно рассказывать. Что тебя интересует?

– Все! Что вчера произошло?

– Вот вчера-то меня как раз и прижгли. – Он повел забинтованной рукой. – Повезло еще, потому что троих других агентов убили. В общем, шороху много было.

– Но как это случилось? А президент? У него...

Тут в палату ворвалась Дорис.

– Вот ты где! – накинулась она на Дэвидсона. – Я же сказала тебе оставаться в постели! Тебя должны оперировать в больнице Милосердия прямо сейчас! «Скорая» ждет тебя уже десять минут!

Дэвидсон встал, улыбнулся ей и ущипнул за щечку здоровой рукой.

– Без меня все равно не начнут.

– Ну же, скорее!

– Иду.

Они пошли к двери.

– Эй! – выкрикнул я. – А что с президентом?

Дэвидсон оглянулся через плечо:

– С ним-то? С ним все в порядке, ни единой царапины.

И он ушел.

Через несколько минут вернулась рассерженная Дорис.

– Пациенты! – произнесла она так, будто это бранное слово. – Я ему должна была двадцать минут назад укол сделать, чтоб подействовал еще до больницы. А сделала, когда он в машину садился.

– Что за укол?

– А он не сказал?

– Нет.

– Мм... В общем-то, никакого секрета тут нет. Ему левую кисть ампутируют и пересаживают новую.

– Ого!

Теперь он, подумал я, уже не расскажет, чем кончилось, потому что увидимся мы не скоро: когда руку пересаживают, это не шутка; его дней десять под наркозом

продержат. Я вдруг вспомнил о Старике: а он-то выжил в этой передрыге? Да, конечно, выжил, напомнил я себе, Дэвидсон переговорил с ним, прежде чем хоть что-то мне рассказать.

Но это вовсе не значит, что он, например, не ранен. Я снова решил попытаться Дорис:

– А что со Стариком? Он тоже в больнице? Или раскрыть эту тайну будет против ваших священных правил?

– Слишком много разговариваем, – ответила она. – У вас по расписанию второй завтрак и сон.

С ловкостью профессионального фокусника она извлекла откуда-то стакан молочно-белой жижи.

– Рассказывай, девчонка, не то я выплуну эту гадость тебе в лицо.

– Старик? Ты имеешь в виду шефа Отдела?

– Кого же еще?

– Он не в больнице, по крайней мере не в этой. – Она передернула плечиками и поморщилась. – Не приведи господь такого пациента.

В этом я с ней не мог не согласиться.

10

Еще дня два или три меня держали в постели и обращались со мной как с ребенком. Впрочем, я не возражал: последние несколько лет мне просто не доводилось отдыхать по-настоящему. Вероятно, меня держали на транквилизаторах; я заметил, что каждый раз после еды меня клонило в сон. Болячки заживали, и вскоре Дорис мне позволила – точнее, приказала – выполнять легкие упражнения, не покидая палаты.

Потом как-то заглянул Старик.

– Ну-ну, симулируешь, значит?

Я вспыхнул:

– Какая неблагодарность, черт побери! Достань мне штаны, и я тебе покажу, кто симулирует.

– Остынь. – Старик посмотрел мою больничную карту, потом сказал Дорис: – Сестра, принесите этому человеку шорты. Я возвращаю его на действительную службу.

Дорис набросилась на него, как рассерженная наседка:

– А теперь слушайте меня! Вы, может, и большая шишка, но здесь ваши приказы не имеют силы. Если лечащий врач...

– Хватит! И выдайте ему какие-нибудь подштанники. Когда придет доктор, отправьте его ко мне.

– Но...

Старик подхватил ее на руки, поставил лицом к двери и, хлопнув по попке, сказал:

– Быстро!

Она вышла, шипя и фыркая, как рассерженная кошка, и вскоре вернулась – но не с моей одеждой, а с доктором. Старик оглядел их и мягко заметил:

– Док, я послал ее за штанами, а не за врачом.

Тот ответил довольно сухо:

– Я был бы вам признателен, если бы вы не беспокоили моих пациентов.

– Он уже не ваш пациент. Он мне нужен, и я возвращаю его на службу.

– Да? Сэр, если вам не нравится, как я справляюсь со своими обязанностями, я могу подать в отставку немедленно.

Старик упрям, но знает, когда нужно отступить. Он тут же сдал назад:

– Прошу прощения, сэр. Иногда я слишком занят своими проблемами и забываю следовать стандартным процедурам. Не будете ли вы так любезны обследовать этого пациента? Если его можно вернуть на службу, он нужен мне как можно скорей.

У доктора на щеках заиграли желваки, однако он лишь коротко ответил:

– Разумеется, сэр.

Он демонстративно изучил мою карту, затем заставил меня сесть на кровати и проверил мои рефлексy. Лично мне

показалось, что они были довольно вялыми. Потом он задрал мне веко, посветил в глаз фонариком и заявил:

– Ему еще потребуется время, чтобы восстановить силы... Но можете его забирать. Сестра, принесите пациенту одежду.

«Одежда» состояла из шорт и ботинок. Я был одет куда основательней, когда носил больничный халат. Но окружающие были одеты точно так же, и, признаться, при виде людей с голыми плечами, без паразитов, у меня на душе становилось спокойнее. О чем я сразу сказал Старикау.

– Лучшая защита, которая у нас есть, – проворчал он. – Хотя контора теперь смахивает на пляж, полный курортников. Если мы не справимся с этой нечистью до зимы, нам конец.

Старик остановился у двери со свежей надписью: «БИОЛОГИЧЕСКАЯ ЛАБОРАТОРИЯ. НЕ ВХОДИТЬ!»

Он распахнул дверь.

Я попятился:

– Куда это мы идем?

– Взглянуть на твоего дублера, на обезьяну с твоим паразитом.

– Так я и думал. Мне это ни к чему, да и смысла никакого... Нет, спасибо! – Я почувствовал, что меня трясет.

Старик остановился на пороге.

– Послушай, сынок, – терпеливо сказал он, – тебе нужно преодолеть свой страх. И лучший способ – это встретиться с ним лицом к лицу. Знаю, тебе нелегко. Я сам тут провел несколько часов, просто глядя на эту тварь и пытаясь привыкнуть к ее виду.

– Ты ничего не знаешь, откуда тебе знать! – Меня кололо так, что пришлось опереться о дверной косяк.

Он посмотрел на меня:

– Да, видимо, когда поносишь на спине паразита, это все воспринимается по-другому. Джарвис... – Он вдруг оборвал себя.

– Ты чертовски прав, именно по-другому! И ты меня туда не затащишь.

– Нет, я не стану этого делать. Что ж, очевидно, врач был прав. Возвращайся, сынок, и ложись обратно.

Я понял, что Старик на меня не злится. Его голос звучал скорее печально. Он отвернулся и переступил порог лаборатории.

И сделал еще три или четыре шага, прежде чем я позвал:

– Босс!

Старик остановился и повернулся ко мне с непроницаемым лицом.

– Я иду, – добавил я.

– Может быть, не стоит?

– Справляюсь. Просто это трудно... вот так сразу... Нервы...

Старик участливо взял меня под локоть и повел, будто девушку на прогулке. Мы прошли еще одну запертую дверь и очутились в помещении с влажным теплым воздухом. Там в клетке сидела обезьяна.

Ее тело удерживал на месте металлический каркас. Руки и ноги безвольно висели, словно она не могла ими управлять, – так оно и было, как я узнал позднее.

Когда мы вошли, обезьяна вскинула голову и поглядела на нас. На мгновение в ее глазах вспыхнули ум и ненависть. Затем огонь угас, и они стали просто глазами бессловесного животного. Животному было больно.

– С другой стороны, – тихо сказал Старик.

Я бы не пошел, но он все еще держал меня под руку. Мы двинулись в обход клетки. Обезьяна следовала за нами взглядом, но ее тело надежно удерживал каркас. Зайдя сзади, я увидел...

Хозяин. Тварь, которая бог знает сколько времени ездила у меня на спине, говорила моим языком, думала моим мозгом. Мой хозяин.

– Спокойно, – тихо сказал Старик. – Спокойно. Ты привыкнешь к нему. – Он сжал мою руку. – Отвернись ненадолго, это помогает.

Я так и сделал, и это действительно помогло. Не так чтобы сильно, слегка. Я несколько раз глубоко вздохнул и задержал дыхание. Сердцебиение немного успокоилось, и я заставил себя повернуться и взглянуть на паразита.

Ужас, собственно, вызывает не сам его вид. Да, они мерзкие и уродливые, но не больше, чем слизь в пруду, и не такие отвратительные, как личинки, копошащиеся в мусоре.

И дело не в том, что ты знаешь о способностях паразитов: то же самое чувство я испытал и в первый раз, еще до того, как узнал, что это за твари. Я попытался объяснить свои мысли Старiku, и он кивнул, не отрывая взгляда от паразита.

– Да, – сказал он, – у других то же самое. Безотчетный страх, как у птицы перед змеей. Возможно, это их основное оружие. – Он отвел взгляд в сторону, словно даже его железные нервы не выдерживали такого зрелища.

Я тоже не трогался с места, заставляя себя привыкать и пытаюсь удержать завтрак внутри. Говорил себе, что теперь хозяин уже не страшен, что он ничего не может мне сделать. Затем отвел глаза и обнаружил, что Старик за мной наблюдает.

– Ну как? Уже легче?

Я посмотрел на хозяина.

– Немного, – сказал я и с ненавистью добавил: – Но больше всего на свете я хочу его убить. Хочу убить их всех! Я бы всю свою жизнь убивал и убивал этих тварей. – Меня опять затрясло.

Старик серьезно посмотрел на меня, затем протянул свой пистолет:

– Держи.

Я не сразу понял, в чем дело. Своего оружия у меня не было, поскольку мы пришли сюда прямо из больничной палаты. Я взял пистолет и бросил на Старика вопросительный взгляд.

– Э-э-э... зачем?

– Ты же хочешь ее убить. Если тебе это нужно, вперед. Убей. Прямо сейчас.

– Ха! Но ты же говорил, что тварь нужна для изучения.

– Нужна. Но если ты считаешь, что должен ее убить, убей. Это ведь твой хозяин. Если для того, чтобы вновь стать человеком, ты должен ее убить, не стесняйся.

Вновь стать человеком. Мысль звучала в мозгу как набат. Старик знал, какое мне нужно лекарство. Я уже не дрожал. Оружие, готовое извергать огонь и убивать, лежало в ладони как влитое. Мой хозяин...

Я убью его и вновь стану свободным человеком. Если хозяин останется в живых, этого никогда не произойдет. Мне хотелось уничтожить их всех, отыскать и выжечь всех до единого, но первым делом – этого.

Мой хозяин... останется моим хозяином, пока я его не убью. У меня было жуткое и кристально ясное ощущение, что, если нас оставят с ним наедине, я не смогу даже пошевелить пальцем, что я замру и буду покорно ждать, пока он заползает ко мне на спину, снова устраивается между лопатками, нащупывает мой позвоночник и овладевает моим мозгом и всем моим естеством – до самой последней капли.

Но теперь я мог его убить!

Уже без страха, с переполняющим меня ликованием я прицелился.

Старик по-прежнему смотрел на меня.

Я опустил оружие и неуверенно спросил:

– Босс, положим, я убью этого паразита. А другой есть?

– Нет.

– Но ведь он нужен.

– Да.

– Тогда... Черт, зачем ты дал мне пистолет?

– Ты сам знаешь. Если тебе нужно, убей. Если сумеешь обойтись, тогда им займется Отдел.

Я должен был выстрелить. Даже если мы убьем всех остальных, пока будет жив этот, я так и не перестану трястись в темноте от страха... А что касается других, то в одном

только Конституционном клубе можно взять сразу дюжину. Убью этого – и мне уже ничего не страшно: я сам поведу туда группу захвата. Учащенно дыша, я снова поднял пистолет.

Затем отвернулся и кинул его Старику. Тот поймал оружие на лету и спросил:

– В чем дело?

– А? Не знаю. Когда я уже совсем собрался нажать на спуск, мне стало достаточно просто знать, что я могу это сделать.

– Я тоже так решил.

На душе у меня стало тепло и спокойно, словно я только что убил мужчину или переспал с женщиной – словно я действительно прикончил эту тварь. Я смог повернуться к ней спиной и даже не злился на Старика за то, что он тут устроил; вместо этого я чувствовал признательность.

– Я же понял, что ты все подстроил, черт бы тебя побрал! Ну и как тебе роль кукловода?

Но Старик не принял шутки. Вместо этого он очень серьезно сказал:

– Это не про меня. Самое большее, что я когда-либо делал, – это выводил человека на ту дорогу, по которой он сам хотел бы идти. А настоящий кукловод – вот он. – И Старик ткнул пальцем в паразита.

Я обернулся.

– Да... – согласился я, – это настоящий кукловод. И ты даже не представляешь, насколько точно угадал. И, босс... надеюсь, ты никогда об этом не узнаешь.

– Я тоже на это надеюсь, – ответил он серьезно.

Теперь я мог смотреть на хозяина без содрогания. Мне даже захотелось с независимым видом засунуть руки в карманы, вот только у шорт никаких карманов не было.

– Босс, – сказал я, по-прежнему не отводя взгляда от паразита, – если от него что-нибудь останется, когда вы с ним закончите, – я его убью.

– Заметано, – сказал он.

Нас прервал человек, который неожиданно влетел в лабораторию. В шортах и в белом лабораторном халате, он выглядел довольно по-дурачки. Это был не Грейвс, я этого парня не знал. Кстати, Грейвса я больше никогда не видел: наверно, Старик его просто съел.

– Прошу прощения, шеф, – выпалил он, подбегая, – я не знал, что вы здесь! Я...

– Да, я здесь, – перебил его Старик. – Почему в халате? – Его пистолет выскочил из кобуры и нацелился парню прямо в грудь.

Тот уставился на пистолет с таким выражением, будто происходящее показалось ему неудачной шуткой.

– Э-э-э... Так я же работал. Не ровен час, обольешься чем, а там у нас растворы бывают...

– Снять!

– Что?

Старик повел пистолетом и скомандовал мне:

– Приготовься.

Парень торопливо скинул халат и стиснул его в руках, нервно кусая губы. На плечах ничего не было, красной сыпи на спине тоже.

– Теперь ты возьмешь этот халат и к чертовой матери сожжешь, – приказал Старик. – А затем вернешься к работе.

Залившись краской, парень шмыгнул к двери, но у порога остановился, зыркнул на меня и спросил Старика:

– Шеф, вы уже готовы к этой... э-э-э... процедуре?

– Скоро буду. Я дам знать.

Парень открыл было рот, потом закрыл его и вышел. Старик, тяжело вздохнув, убрал пистолет и проворчал:

– Вот так всегда. Отдаешь приказ. Зачитываешь вслух. Заставляешь каждого под ним расписаться. И что толку? Можно даже вытатуировать приказ на их хиленьких цыплячьих грудках, и все равно найдется какой-нибудь умник, который считает, что его это не касается. Ученые!

Последнее слово он сказал с той же интонацией, с какой Дорис говорила свое «Пациенты!».

Я снова повернулся к своему бывшему хозяину. Вид его по-прежнему вызывал у меня отвращение, но теперь оно сопровождалось обостренным ощущением опасности. И не совсем, по правде говоря, неприятным – словно стоишь на краю пропасти.

– Босс, – спросил я, – что вы собираетесь с ним делать?

Он посмотрел на меня, а не на слизня:

– Я собираюсь его допросить.

– Допросить? Но как вы... То есть обезьяна же не...

– Да, обезьяна говорить не может. Нам придется найти добровольца. Человека.

Когда смысл его слов наконец дошел до меня, и я представил себе эту картину, ужас охватил меня почти с прежней силой.

– Ты сошел с ума. Ты не имеешь права так поступать – даже с добровольцами!

– У меня есть это право, и я это сделаю. Мы сделаем все, что потребуется.

– Вы не найдете добровольцев!

– Одного уже нашли...

– Да ну! И кто же это?

– ...но я не хотел бы использовать того человека. Мне нужен другой.

Сама мысль об этом казалась мне отвратительной, и я не стал скрывать своих чувств.

– Доброволец он или нет, это все равно грязное дело. Ладно, один у вас есть, но второго такого психа вы долго искать будете.

– Возможно, – согласился Старик. – Но я все же не хотел бы использовать первого добровольца. А допрос нам необходим, сынок: мы ведем войну при полном отсутствии разведанных. Мы в действительности ничего не знаем о нашем враге, не можем вести с ним переговоры, не знаем, откуда он и что им движет. Мы должны это выяснить, потому что

на кону существование человечества. Говорить с паразитом можно только через человека. Значит, так мы и сделаем. Но мне по-прежнему нужен доброволец.

– Ладно, только меня от этого увольте!

– Я не могу тебя уволить.

Я сказал это наполовину шутя, но он ответил таким тоном, что я чуть заикаться не начал.

– Ты..., да ты с ума сошел! Нужно было убить эту заразу, когда ты дал мне свой пистолет. Знал бы заранее, что ты задумал, так бы и сделал. Но чтобы я добровольно позволил снова посадить паразита себе на спину – нет уж, спасибо, натаскался!

Он продолжал гнуть свое, словно меня и не слышал:

– Кто угодно тут не подойдет. Нужен человек, который сможет это выдержать. Джарвис, как оказалось, был недостаточно крепок, сломался. А про тебя мы знаем, что ты на это способен.

– Я? Да вы ни черта не знаете! Все, что вы знаете, – это то, что один раз я после этого выжил. Я... Еще одного раза мне не выдержать.

– Возможно, это тебя убьет, – спокойно сказал Старик. – Но у тебя больше шансов остаться в живых, чем у кого-либо еще. Ты вошел в эту дверь и вышел из нее, теперь ты обязан уметь повторить этот фокус, стоя на голове. Если взять кого-то другого, я рискую потерять агента.

– С каких пор это начало тебя беспокоить? – усмехнулся я.

– Я даю тебе последнюю возможность решить: согласен ли ты на эксперимент, зная, что это необходимо, что у тебя больше всех шансов и что пользы от тебя будет больше, чем от других, потому что у тебя уже есть опыт? Или ты предпочитаешь, чтобы вместо тебя рисковал своей психикой и своей жизнью какой-то другой агент?

Я попытался объяснить ему, что у меня на душе. Что я не боюсь умереть – в смысле, боюсь не больше обычного. Но мысль о том, что я умру, находясь во власти паразита, была

просто невыносима. Почему-то мне казалось, что такой смертью я заранее обрекаю себя на бесконечные муки в аду. Еще хуже была перспектива ощутить прикосновение слизняка – и не сдохнуть тут же на месте. Однако я не мог выразить это словами – не существовало слов, описывающих то, с чем человечество раньше не сталкивалось. И поэтому я просто пожал плечами:

– Можешь меня уволить, но есть какие-то пределы тому, что человек в силах вынести. Я не соглашусь.

Он повернулся к интеркому на стене.

– Лаборатория, – сказал он, – мы начинаем эксперимент прямо сейчас. Поторопитесь!

– А кто объект? – донеслось из динамика, и я узнал голос парня, который только что тут был. – От этого зависит размер сбруи.

– Первый доброволец.

– Это для которого станок поменьше? – с сомнением спросил голос.

– Да. Тащите сюда.

Я двинулся к двери.

– Куда это ты собрался? – резко спросил Старик.

– Куда подальше! – огрызнулся я. – Я в этом не участвую.

Он сграбастал меня и одним движением развернул обратно – словно был на голову выше и на пару лет моложе, чем я.

– Нет, ты никуда не идешь. Ты знаешь об этих тварях больше всех, и твои советы могут быть полезны.

– Отпусти меня.

– Ты останешься – либо по своей воле, либо я прикажу тебя связать, – раздраженно сказал Старик. – Я сделал скидку на болезнь, но твои фокусы мне надоели!

У меня уже не осталось сил спорить.

– Валяй, ты здесь главный.

Лаборанты вкатили в комнату кресло на колесиках, хотя, по правде сказать, этот предмет обстановки больше напоминал электрический стул: ремни для запястий, локтей, лодыжек и колен, крепления у пояса и груди, но спинка была срезана, чтобы плечи жертвы оставались открытыми.

Кресло установили рядом с клеткой обезьяны, затем убрали заднюю стенку клетки и ближнюю к нему боковую панель. Обезьяна наблюдала за приготовлениями внимательным, настороженным взглядом, но ее конечности по-прежнему безвольно свисали. Тем не менее, когда открыли клетку, мне снова стало не по себе, и я остался на месте только из опасения, что Старик действительно прикажет меня связать.

Лаборанты отошли в сторону и стали ждать, очевидно готовые начать работу. Открылась дверь, и в комнату вошли еще несколько человек, среди них Мэри.

Я растерялся. Мне очень хотелось ее увидеть, и я пытался отыскать ее через медсестер, но они или действительно не знали, кто она, или получили на этот счет какие-то распоряжения. Теперь мы наконец встретились, но при таких обстоятельствах... Черт бы побрал Старика! Ну зачем приглашать на такое «представление» женщину, пусть даже женщину-агента? Должны же быть какие-то рамки!

Мэри бросила на меня удивленный взгляд, затем кивнула. Я ответил таким же кивком – время было не для светских бесед. Выглядела она отлично, как всегда, только очень серьезно. На ней был такой же наряд, как у сиделок, – шорты и полоска ткани на груди, но без этого нелепого шлема и без панциря на спине.

Остальные в этой компании были мужчины в таких же шортах, как на мне и Старике. Они принесли записывающую и стереоаппаратуру и еще какие-то приборы.

– Готовы? – спросил начальник лаборатории.

– Да, поехали, – ответил Старик.

Мэри подошла к металлическому креслу и села. Двое лаборантов опустились на колени и занялись зажимами на ногах. Мэри завела руки за спину и расстегнула крючки, позволив своей ленточке упасть, оставив ее спину голой. Я смотрел на происходящее в морозном оцепенении, словно угодил в кошмар. Потом схватил Старика за плечи, отшвырнул в сторону и, подскочив к креслу, раскидал лаборантов.

– Мэри! – крикнул я. – Вставай! Скорее!

Старик выхватил пистолет и навел на меня.

– Прочь от нее! – приказал он. – Вы трое, взять его и связать!

Я посмотрел на пистолет, потом на Мэри. Она ничего не говорила и не двигалась – ноги у нее уже были пристегнуты, – просто смотрела на меня полным сочувствия взглядом.

– Ладно, Мэри, вставай, – сказал я внезапно севшим голосом. – Мне захотелось посидеть.

* * *

Они убрали кресло, в котором сидела Мэри, и прикатали другое, побольше. Ее кресло мне не подходило: их сделали точно по фигуре. С застегнутыми ремнями ощущение было такое, будто меня залили в бетон. И сразу же начала нестерпимо чесаться спина, хотя к ней пока еще ничто не прикасалось.

К этому времени Мэри в комнате уже не было. Я не заметил, сама она ушла или ей приказал уйти Старик, да это, похоже, и не имело значения. Когда приготовления закончились, Старик подошел, положил руку мне на плечо и тихо сказал:

– Спасибо, сынок.

Я промолчал.

Я не видел, что они делали с паразитом, потому что это происходило у меня за спиной. Я видел, что они принесли с собой устройство, сделанное, похоже, из дистанционного манипулятора для работы с радиоактивными материалами.

Не сомневаюсь, они задействовали именно эту штуку. Мне это было не настолько интересно, чтобы пытаться посмотреть, даже если бы я мог повернуть голову.

Обезьяна только один раз взревела, а потом завизжала, и кто-то крикнул: «Осторожней!»

Затем наступила мертвая тишина, словно все затаили дыхание...

Потом что-то влажное коснулось моей шеи – и я потерял сознание.

* * *

Очнулся я со знакомым ощущением звенящей во мне энергии. Я понимал, что здорово влип, но с осторожностью начал просчитывать варианты спасения. Страх не было. К существам, собравшимся вокруг меня, я испытывал презрение и не сомневался, что в конечном счете как-нибудь их перехитрю.

– Ты меня слышишь? – громко спросил Старик.

– Разумеется, – ответил я. – Незачем орать.

– Ты помнишь, зачем ты здесь?

– Разумеется, помню. Вы хотели задать какие-то вопросы. Чего же вы ждете?

– Что ты такое?

– Ну, это совсем глупый вопрос. Просто посмотри на меня: во мне шесть футов и один дюйм, мышц больше, чем мозга, вес...

– Это не ты. Ты знаешь, к кому я сейчас обращаюсь – к тебе!

– В угадайку играем?

Старик ответил не сразу.

– Ты ничего не выиграешь, притворяясь, будто я не знаю, кто ты такой...

– Увы, но ты и в самом деле не знаешь.

– ...или, точнее, будто я не знаю, что ты – паразит и сейчас разговариваешь, используя тело человека. Я изучал тебя

все то время, что ты жил на теле обезьяны. И то, что я узнал, дает мне преимущество перед тобой. Во-первых, – он принялся загибать пальцы, – тебя можно убить. Во-вторых, ты чувствуешь боль. Тебе не нравятся удары электрическим током, и ты не выносишь температур, которые способен вынести даже человек. В-третьих, ты беспомощен без своего носителя. Я могу снять тебя с этого человека, и ты умрешь. В-четвертых, ты ничего не можешь сделать без своего носителя, а он сейчас бесполезен. Проверь-ка ремни на прочность и не делай глупостей. Так что ты или будешь отвечать на наши вопросы, или умрешь.

Я слушал вполуха. Я уже проверил ремни, без особой надежды, но и без особого страха, и обнаружил, как я и ожидал, что порвать их действительно невозможно. Но это меня несколько не тревожило, я не чувствовал ни беспокойства, ни страха, только какое-то отстраненное удовлетворение от того, что вернулся к хозяину, что свободен от проблем и внутренних конфликтов. Мое дело было служить ему – и только, а дальше будь что будет. А пока я должен был следить за ситуацией, готовый в любой момент выполнить свою работу.

Один ремень на лодыжке вроде был затянут слабее остальных: возможно, мне удастся вытащить ногу... Затем я проверил еще раз ремни на руках. Может, если полностью расслабиться...

Сразу последовали указания – или я сам принял решение: в такой ситуации это одно и то же. Никаких разногласий между мной и хозяином не было: мы думали и действовали как одно целое. Короче, инструкции это были или собственное решение, но я знал, что побег сейчас не удастся. Обводя комнату взглядом, я пытался определить, кто из присутствующих вооружен. Возможно, только Старик: значит, уже легче.

Где-то в глубине души затаилось ноющее чувство вины и отчаяния, знакомое лишь слуге, действующему по воле

инопланетного паразита, но я был слишком занят, чтобы переживать.

– Итак, – продолжал Старик, – ты будешь отвечать на мои вопросы или придется тебя заставить?

– Какие вопросы? – спросил я. – До сих пор я не слышал ни одного вразумительного вопроса.

Старик повернулся к лаборанту:

– Дай мне щекоталку.

Я не почувствовал тревоги, хотя и не понял, что именно он попросил. Я все еще был поглощен проверкой ремней. Если удастся как-то подманить его поближе, чтобы пистолет оказался в пределах досягаемости, и если при этом я сумею высвободить одну руку, тогда я смогу...

Он сунул прут куда-то мне за спину, и я почувствовал дикую боль. Свет в комнате погас, словно кто-то щелкнул выключателем, и на один бесконечный миг меня скрутила

адская судорога. Боль расколола меня на кусочки, и на мгновение я потерял связь с хозяином.

Затем боль схлынула, оставив после себя только обжигающее воспоминание. Но не успел я собраться с мыслями, как связь между нами восстановилась, и я снова оказался в безопасности во власти моего хозяина. Но в первый и единственный раз за всю мою службу меня охватило беспокойство: его дикий страх и боль отчасти передались и мне.

Я посмотрел вниз и увидел алую струйку, бьющую из моего левого запястья. В пылу борьбы я порезался о зажим. Это не имело значения: я оторвал бы себе руки и ноги и убежал бы оттуда на истекающих кровью культах, если бы мог таким образом спасти своего хозяина.

– Ну как, понравилось? – спросил Старик.

Паника, овладевшая было мной, схлынула, я снова наполнился беззаботным ощущением благополучия, но по-прежнему не терял бдительности. Запястья и лодыжки тоже уже не болели.

– Зачем ты это сделал? – спросил я. – Разумеется, ты можешь причинить мне боль, но зачем?

– Отвечай на мои вопросы.

– Задай их.

– Что ты такое?

Ответ появился у меня не сразу. Старик уже потянулся за разрядником, когда я услышал свой собственный голос:

– Мы – народ.

– Народ? Какой народ?

– Единственный народ. Мы изучили вас и знаем вашу жизнь. Мы...

– Внезапно я замолчал.

– Продолжай, – мрачно приказал Старик и повел в мою сторону разрядником.

– Мы пришли, – продолжил я, – чтобы принести вам...

– Принести что?

Я хотел говорить: стержень разрядника покачивался ужасающе близко. Но мне не хватало слов.

– Чтобы принести вам мир, – вырвалось у меня.

Старик фыркнул.

– Мир, – продолжал я, – и удовлетворение... и радость... радость подчинения... – Я снова запнулся: «подчинение» было неправильным словом, я мучился, словно пытался говорить на скверно выученном иностранном языке. – Радость, – повторил я, – радость... нирваны.

Это было правильное слово. Я почувствовал себя собакой, которую погладили по голове за то, что она принесла палку, – весь извивался от удовольствия.

– Давай уточним, – задумчиво сказал Старик. – Вы обещаете, что, если человечество капитулирует перед вашим видом, вы будете заботиться о нас и сделаете нас счастливыми. Правильно?

– В точку!

Старик смерил меня долгим взглядом, но смотрел не в лицо, а куда-то поверх моего плеча, а затем сплюнул на пол.

– Знаешь, – произнес он медленно, – нам, человечеству, уже не раз предлагали такую сделку, хотя, наверное, не в таком грандиозном масштабе. Из этого никогда ни черта не выходило.

Я наклонился вперед, насколько позволяла сбруя.

– Попробуй сам, – посоветовал я. – Это очень быстро, и тогда ты поймешь.

На этот раз он взглянул мне в глаза:

– Может, мне так и следовало поступить. Может, я обязан испытать это не на... испытать это на себе. Не исключено, что когда-нибудь испытаю. Позже. А сейчас, – Старик вновь заговорил быстро и деловито, – сейчас ты будешь отвечать на мои вопросы. Если будешь отвечать сразу и правильно,

ничего с тобой не случится. Будешь медлить, я увеличу ток.
– И он помахал разрядником.

Я съежился, почувствовав поражение. На какое-то мгновение мне показалось, что он согласится, и я уже начал планировать побег.

– А теперь, – продолжал он, – откуда ты прибыл?

Ответа не было... Я не испытывал желания отвечать.

Разрядник придвинулся ближе.

– Издалека! – выпалил я.

– Это не новость. Говори откуда? Где ваша основная база, ваша родная планета?

У меня не было никакого ответа. Старик подождал немного, затем сказал:

– Видимо, придется подстегнуть твою память.

Я тупо следил за ним; в голове – ни единой мысли. Но тут к нему обратился один из помощников.

– Что? – переспросил Старик.

– Возможно, здесь какая-то семантическая проблема, – повторил тот. – Различия в астрономических понятиях.

– Откуда? Паразит знает столько же, сколько знает его носитель. Это мы уже доказали. – Однако он опустил разрядник и задал вопрос по-другому. – Ладно. Солнечная система-то уж тебе точно знакома. Ваша планета внутри или вне Солнечной системы?

Я помедлил, потом ответил:

– Все планеты – наши.

Старик выпятил губу и задумчиво произнес:

– Интересно, что ты имеешь в виду... Впрочем, ладно. Пусть хоть Вселенная целиком. Но где ваше гнездо? Откуда прилетели корабли?

Мне нечего было ему ответить, и я не отвечал. Сидел молча.

Тут Старик неожиданно сунул мне за спину электрод – и я ощутил короткий сокрушительный удар боли.

– А теперь говори, черт бы тебя побрал! С какой вы планеты? С Марса? Венеры? Юпитера? Сатурна? Урана? Нептуна? Плутона? Калки?³¹

Когда он называл очередную планету, я видел их воочию – а ведь я ни разу не бывал вне Земли дальше космических станций. И когда он назвал правильный ответ, я мгновенно это понял, но мысль будто выдернули из меня, едва она возникла.

– Говори! – продолжал он. – Или отведаешь кнута.

– Ни с одной из них, – услышал я свой собственный голос. – Наш дом находится гораздо дальше. Вам никогда его не найти.

Он посмотрел поверх моего плеча, потом заглянул мне в глаза:

– Ты лжешь. Немного электричества поможет тебе снова стать честным.

– Нет! Нет!

– Ну, попытка не пытка.

Он медленно завел руку с разрядником мне за спину. В голове у меня снова вспыхнул правильный ответ, и я уже собрался его выдать, но тут что-то сдавило мое горло, а затем началась боль.

И она длилась и длилась. Я разрывался на части, я пытался говорить, сказать хоть что-то, чтобы остановить боль, но невидимая рука по-прежнему сжимала мое горло, и я не мог.

Сквозь пелену боли я узнал склонившегося надо мной Старика. Лицо его дрожало и расплывалось.

– Достаточно? – спросил он. – Готов говорить?

Я начал говорить что-то, но поперхнулся, и сразу накрыло удушье. Последнее, что я увидел, – это приближающийся хлыст разрядника.

Тут меня разорвало на куски, и я умер.

³¹ Калки – в индуистской мифологии десятая, будущая аватара Вишну.

Надо мной склонились несколько человек, и кто-то из них сказал:

– Приходит в себя. Осторожнее, он может быть агрессивен.

В поле зрения всплыло взволнованное лицо Старика.

– Ты в порядке, сынок? – с тревогой спросил он.

Я отвернулся.

– Отойдите, пожалуйста, – произнес другой голос. – Мне надо сделать ему инъекцию.

– Его сердце выдержит?

– Разумеется – иначе я не стал бы этого делать.

Говоривший опустился рядом со мной на колени, взял меня за руку и сделал мне укол. Потом он встал, посмотрел на свои руки и вытер их о шорты. На шортах остались кровавые полосы.

Я почувствовал, что ко мне возвращаются силы. «Гиро», – подумал я рассеянно, или что-то наподобие. Что бы это ни было, оно вновь собирало меня в единое целое из отдельных кусочков. Вскоре я уже мог сидеть без посторонней помощи. Мы все еще были в комнате с клеткой, а рядом стояло это проклятое кресло. Клетка, отметил я без всякого интереса, снова была заперта. Я начал подниматься на ноги. Старик шагнул вперед и протянул мне руку, но я ее оттолкнул.

– Не трогай меня!

– Извини, – ответил он, затем приказал: – Джонс! Возьми Ито, и давайте за носилками. Отнесите его обратно в лазарет. Док, идите вперед.

– Разумеется.

Человек, который делал мне укол, хотел поддержать меня за руку, но я не позволил.

– Не трогай меня!

Он замер.

– Отойдите от меня – все. Просто оставьте меня в покое.

Врач посмотрел на Старика, тот пожал плечами и жестом приказал всем отойти. Я сам доковылял до двери, затем открыл вторую дверь и выбрался в коридор. Остановился, посмотрел на свои запястья, на лодыжки и решил, что мне так и так нужно в лазарет. Дорис что-нибудь сделает, и, может быть, мне удастся заснуть. Чувствовал я себя так, словно только что провел пятнадцать раундов на ринге и все их проиграл.

– Сэм, Сэм!

Знакомый голос. Мэри подбежала и остановилась, глядя на меня большими, влажными от слез глазами.

– Боже, Сэм... «Что они с тобой сделали?» – произнесла она, всхлипывая, так что я едва разобрал слова.

– Ты еще спрашиваешь? – ответил я и из последних сил залепил ей пощечину. – Стерва!

* * *

Моя палата оказалась свободной, но Дорис нигде не было. Я помнил, что меня должен был сопровождать доктор, но именно сейчас я не хотел видеть ни его, ни, кого-либо еще из той шайки. Я закрыл дверь, улегся на кровать лицом вниз и попытался ни о чем не думать и ничего не чувствовать. Потом за спиной у меня кто-то охнул, и я открыл один глаз: у кровати стояла Дорис.

– Что произошло? – воскликнула она, и я почувствовал ее мягкие прикосновения. – Боже, бедный, да что же это... Лежи, не двигайся. Я позову врача.

– Нет!

– Но тебе нужен врач.

– Нет. Я не хочу его видеть. Ты лучше сама.

Она молча вышла из палаты, но вскоре – во всяком случае, мне показалось, что прошло совсем немного времени, – вернулась и начала обмывать мои раны. Доктора с ней не было.

Она весила, наверное, вдвое меньше меня, но, когда ей было нужно, поднимала и поворачивала меня, словно я и в самом деле был бедным маленьким мальчиком, как она меня называла. Меня это не удивило, я знал, что она сумеет обо мне позаботиться.

Когда Дорис касалась спины, я едва сдерживался, чтобы не закричать. Но все закончилось быстро: она наложила бинты и сказала:

– Теперь на спину, осторожно...

– Я лучше останусь лицом вниз.

– Нет, – твердо сказала она. – Я хочу, чтобы ты кое-что выпил. Будь хорошим мальчиком.

В конце концов я оказался на спине – в основном ее стараниями, – выпил лекарство и спустя какое-то время уснул. Я смутно помню, что потом просыпался и что возле кровати сидел Старик и я будто бы обложил его по-черному. Врача, кажется, тоже видел. Но, возможно, это был сон

* * *

Разбудила меня мисс Бриггс, а вскоре Дорис принесла завтрак – все как раньше, словно я и не покидал больничной койки. Дорис хотела покормить меня с ложечки, но я был вполне в состоянии сделать это сам. Внешне я в общем-то неплохо отделался, хотя ощущение было такое, будто меня сбросили в бочке в Ниагарский водопад. На руках и на ногах, где я порезался о застёжки «кресла», – бинты, но кости остались целы. Душа – вот где болело больше всего.

Не поймите меня неправильно. Старик был вправе послать меня на любое опасное задание – ведь я на это и подписывался. Но я не подписывался на то, что он со мной сделал. Он знал меня как облупленного и попросту загнал в угол, заставил пойти на то, на что я никогда не согласился бы сам. А затем безжалостно использовал.

О, я, бывало, и сам ломал людей, чтобы заставить их говорить. Иногда просто деваться некуда. Но тут было совсем другое, можете мне поверить.

Больше всего я переживал из-за Старика. Мэри?.. Кто она мне, в конце концов? Так, просто еще одна симпатичная крошка. Роль приманки ей удалась, и как же я ее за это ненавидел! Конечно, ничего плохого в том, что она пользуется в своей работе женственностью, нет; Отделу просто не обойтись без женщин-агентов. Шпионки всегда были, а молодые и симпатичные во все времена пускали в ход одни и те же средства.

Но она не должна была соглашаться играть в эту игру против своего же коллеги – во всяком случае, против меня.

Не очень логично звучит, не так ли? Однако мне все в тот момент казалось логичным. Мэри не следовало этого делать. Точка.

И я решил, что с меня довольно. Операцию «Паразит» пусть заканчивают сами. В Адирондаке, в горах, у меня была небольшая хижина с запасом замороженных продуктов на много лет... ну, на год как минимум. У меня хватало таблеток «темпуса», и можно было достать еще. Я решил отправиться туда и наглотаться пилюль, а мир пусть спасает себя сам или катится ко всем чертям – но уже без меня.

А если кто подойдет ближе, чем на сотню ярдов, он либо покажет мне голую спину, либо останется лежать на месте с большой прожженной дырой в груди.

11

Я должен был кому-то обо всем рассказать, и слушать меня выпало Дорис. Возможно, это была секретная информация, но мне было наплевать. Оказалось, что Дорис знает все об операции «Паразит», и не было смысла ничего от нее утаивать. Проблема была в том, чтобы вся история перестала быть секретом... но тут я забегаю вперед.

Дорис возмутилась... ой, ладно, она была зла как тысяча чертей. Ведь она сама меня бинтовала и видела, что со мной сделали. По работе ей, конечно, приходилось видеть и хуже, но сейчас это сделали свои же. И тогда я сказал, что я думаю об участии Мэри.

– Знаешь старую уловку, которую применяют на ското-бойнях? – спросил я. – Одно животное обучают вести остальных внутрь. Вот что Мэри заставили со мной проделать.

Дорис не слышала об этом, но она меня поняла.

– Я так понимаю, ты хотел на ней жениться?

– Да. Глупо, правда?

– Не глупее, чем поступают все мужчины и многие женщины, – но дело не в этом. Не важно, хотела ли она выйти за тебя замуж или нет. Главное, она знала, что ты хотел на ней жениться. Из-за этого ее поступок в восемь тысяч раз гаже. Она понимала, что ты ради нее готов на все. С ее стороны это было просто бесчестно.

Дорис прервала на секунду массаж, ее глаза сузились в щелочки.

– Я эту рыжую никогда не видела, но, если увижу, всю рожу ей расцарапаю!

Я улыбнулся:

– Ты славная девушка, Дорис. Надо полагать, ты играешь с мужчинами честно.

– О, я не ангел, в свое время мне тоже случалось обводить мужиков вокруг пальца. Но если бы я сделала что-то, хоть отдаленно похожее, мне пришлось бы разбить все свои зеркала... Ну-ка, перевернись, я займусь другой ногой.

* * *

А потом появилась Мэри. Сначала я услышал сердитый голос Дорис:

– Туда нельзя.

Голос Мэри:

– Мне нужно.

– Ну-ка назад! – прикрикнула Дорис. – А то я повыдержгаю тебе твои крашенные лохмы.

Последовала короткая пауза, потом за дверью началась возня, которая завершилась звонким шлепком пощечины. Я крикнул:

– Эй, что там происходит?

На пороге они появились вместе. Дорис тяжело дышала, волосы у нее были в беспорядке. Мэри удалось сохранить гордый вид и невозмутимость, но на левой щеке у нее было ярко-красное пятно, размерами и формой совпадающее с ладонью Дорис. Она смотрела только на меня и игнорировала медсестру.

Дорис наконец перевела дух:

– Убирайся отсюда! Он не хочет тебя видеть.

– Я бы хотела услышать это от него, – ответила Мэри.

Я посмотрел на них обеих и сказал:

– Ладно, чего уж там. Раз она здесь... Я все равно хотел ей кое-что сказать. Спасибо, Дорис.

Дорис секунду молчала, потом выпалила:

– Ты дурак! – и вылетела за дверь.

Мэри подошла к кровати.

– Сэм... – сказала она. – Сэм...

– Меня зовут не Сэм.

– Я до сих пор не знаю твоего настоящего имени.

Я заколебался, но времени объяснять, что родители имели глупость наградить меня именем Элихью, не было, и я сказал:

– Какая разница? Сойдет и «Сэм».

– Сэм, – повторила она, – дорогой мой...

– Я не твой дорогой.

– Да, я знаю, – сказала она, склоняя голову. – Но я не знаю почему. Сэм, я пришла сюда, чтобы узнать, за что ты меня возненавидел. Может быть, я не смогу уже ничего изменить, но мне нужно знать.

Я возмущенно фыркнул:

– И ты еще спрашиваешь за что? После того, что ты со мной сделала? Мэри, ты, возможно, холодна как рыба, но отнюдь не глупа! Я знаю это, ведь я с тобой работал.

Она покачала головой:

– Все, наоборот, Сэм. Я совсем не холодна, но часто поступаю глупо. Выслушай меня, пожалуйста. Я знаю, что с тобой сделали. Я понимаю, что ты пошел на все, чтобы избавиться от этого меня. Я понимаю и очень тебе за это благодарна. Но я не понимаю, почему ты меня теперь ненавидишь. Я ведь не просила тебя и не хотела, чтобы ты это делал.

Я промолчал. Спустя какое-то время она спросила:

– Ты мне не веришь?

Приподнявшись на локте, я сказал:

– Я верю тебе. Думаю, ты сама себя убедила, что именно так оно и было. А теперь я расскажу тебе, как было на самом деле.

– Скажи, пожалуйста.

– Ты села в это дурацкое кресло, прекрасно понимая, что я ни за что не позволю им проводить эксперимент на тебе. Ты знала это, признаешься ты себе в этом или нет, – я не знаю, на что способен твой изворотливый женский ум. Старик не заставил бы меня сесть в то кресло ни оружием, ни наркотиками. А ты могла. И заставила. Заставила меня сделать нечто такое, на что я сам никогда бы не пошел. Мне легче умереть было, чем вновь посадить себе на плечи эту мерзость, эту грязь. И все из-за тебя!

Пока я говорил, с лица Мэри постепенно сходила краска, и теперь в обрамлении рыжих волос оно казалось чуть ли не зеленым. Когда я замолчал, она судорожно вздохнула и спросила:

– Ты действительно в это веришь, Сэм?

– А как же еще?

– Сэм, все было не так. Я не знала, что ты там будешь, и страшно удивилась. И я не планировала ничего, кроме как пройти все до конца. Потому что обещала.

– Обещала, – съязвил я. – Как школьница прямо.
– Едва ли школьница.
– Не важно. И так же не важно, знала ли ты о моем присутствии или нет, ты, конечно же, будешь отрицать, но это не имеет значения. Главное другое: мы оба там были, и ты не могла не понимать, что произойдет, если ты поступишь так, как поступила.

– Ох!.. – Мэри немного помолчала. – Значит, ты так это видишь, и я не могу оспаривать факты.

– Пожалуй.

Довольно долго она стояла не двигаясь. Я молчал. Наконец Мэри сказала:

– Сэм... ты как-то говорил, что хочешь на мне жениться.

– Я помню что-то такое, смутно. Это давно было.

– Я и не ожидала, что ты еще раз мне это предложишь. Но из этого следует кое-что еще. Сэм, независимо от того, что ты обо мне думаешь, я хочу, чтобы ты знал: я очень благодарна за то, что ты сделал ради меня. И... Сэм, я уже ласковая. Ты меня понимаешь?

Настала моя очередь посмеяться.

– Женщина до мозга костей! Боже правый, работа женского ума никогда не перестанет меня восхищать и изумлять. Вы почему-то думаете, что всегда можно просто сбросить счет и начать по новой с одной этой козырной карты. – Я насмешливо улыбался, а она тем временем заливалась краской. – Только на этот раз ничего не выйдет. Не беспокойся, я не воспользуюсь твоим щедрым предложением.

Она еще больше покраснела, но ответила ровным тоном:

– Что ж, я сама напросилась. Тем не менее все сказанное остается в силе. И это, и если я могу сделать для тебя что-нибудь еще...

Мой локоть онемел. Я откинулся на подушку:

– Вообще-то, можешь.

Ее лицо засветилось надеждой.

– Что?

– Уйди и оставь меня в покое. «Я устал», – сказал я и от-
вернулся.

Я не слышал, как она ушла, но услышал, как вернулась Дорис. Она оцетинилась, как фокстерьер, – должно быть, они опять пересеклись в коридоре. Она встала передо мной, оперев кулачки в бедра, и выглядела очень хорошенькой и очень рассерженной.

– Ну что, она обвела тебя вокруг пальца?

– Я так не думаю.

– Не ври. Ты весь из-за нее размяк. Я знаю, мужчины всегда так делают. Идиоты! Такой женщине, как эта, достаточно вильнуть задницей, и мужик тут же лапки кверху!

– Ничего подобного. Я ей всыпал по первое число.

– Правда?

– Правда. А потом отправил ее на все четыре стороны.

Дорис глянула на меня с сомнением:

– Хотелось бы верить. По крайней мере, выглядела эта стерва уже не так нагло. – Она сменила тему. – Как ты себя чувствуешь?

– Замечательно! – Это была чистая ложь.

– Массажик?

– Нет, просто подойди сюда, присядь на кровать и поговори со мной. Сигарету?

– Ладно, пока доктор не поймал.

Она присела на кровать. Я прикурил две сигареты и сунул одну ей в рот. Дорис глубоко затянулась, так что лоскуток ткани на ее груди чуть не лопнул от натуги. Я снова подумал, какая же она сладкая ягодка – как раз то, что нужно, чтобы отвлечь мои мысли от Мэри.

Мы немножко поболтали. Дорис высказала свои взгляды о женщинах – оказалось, она в принципе их не одобряет, хотя ничуть не стыдится, что она сама женщина.

– Вот, например, пациентки, – сказала она. – Я сюда почему пошла работать – здесь женщин-больных почти не бывает. Мужчина ценит, что мы для него делаем. А от теток «спасибо» не дождешься, одни попреки.

– И ты бы себя так вела? – спросил я, просто чтобы поддразнить ее.

– Надеюсь, что нет. Слава богу, я совершенно здорова.

Она затушила сигарету и спрыгнула с кровати.

– Мне пора на выход. Кричи, если чего будет надо.

– Дорис...

– Да?

– У тебя не планируется какой-нибудь отпуск в ближайшее время?

– Я хотела взять пару недель в этом месяце. А что?

– Так, подумал. Я собираюсь в отпуск – как минимум в отпуск. У меня есть домишко в Адирондакских горах. Как ты насчет?.. Мы могли бы приятно провести время и забыть весь этот дурдом.

Она показала мне ямочки на щеках:

– Знаешь, очень мило с твоей стороны сделать девушке такое предложение...

Дорис подошла и смачно поцеловала меня в губы. Раньше она такого не делала.

– ...и не будь я старой замужней леди с парой близнецов в придачу, я могла бы его принять.

– Ой!

– Увы. Но спасибо за комплимент. Ты мне настроение поднял.

Она направилась к двери. Я выкрикнул:

– Минутку, Дорис!

Она остановилась, и я сказал:

– Я не знал. Слушай, а может, все равно? В смысле, пожить в моей хижине? Бери своего благоверного и детей, отдохнете там. Я дам тебе шифр от замка и код к спутниковому каналу.

– Ты серьезно?

– Конечно.

– Хорошо, обсудим попозже. Спасибо.

Она вернулась и снова меня поцеловала. Эх, если бы она была не замужем, ну или хотя бы относилась к этому менее серьезно! Потом она ушла.

Чуть позже пришел доктор. Пока он занимался всякой ерундой, которой обычно занимаются врачи, я спросил:

– Та медсестра, мисс Марсден, – она замужем?

– А вам-то что?!

– Я просто хотел узнать...

– Держите ваши руки подальше от моих медсестер, мистер, или я на них варежки из гипса накручу. А теперь выньте язык и скажите: «А-а-а...»

* * *

После полудня заглянул Старик. Я сперва обрадовался: Старика трудно не любить. Потом все вспомнил, и радость померкла.

– Я хочу с тобой поговорить... – начал он.

– Нам не о чем разговаривать. Убирайся!

Он словно бы и не заметил моей дерзости, прошел в палату, подволакивая больную ногу, сел.

– Не возражаешь, если я присяду?

– Похоже, ты уже сидишь.

Это он тоже пропустил мимо ушей. Он сидел, морщил лицо, хмурился и наконец сказал:

– Знаешь, сынок, ты у меня один из лучших сотрудников, но иногда делаешь поспешные выводы.

– Можешь на этот счет больше не беспокоиться, – ответил я. – Как только доктор меня выпишет, я подаю в отставку.

На самом деле я до сих пор ничего не решил, но сейчас я вдруг понял, что по-другому не получится. Я больше не доверял Старика, и следующий шаг был очевиден.

Старик просто не слышал того, что ему не хотелось слышать.

– Ты торопишься и делаешь поспешные выводы. Возьми, например, эту девушку, Мэри...

– Какую еще Мэри?

– Ты отлично понимаешь, о ком я говорю. Тебе она известна под фамилией Кавано.

– Сам ее возьми.

– Не зная подробностей, ты наговорил ей черт-те чего. Расстроил ее. Возможно, лишил меня очень способного агента.

– О-о-о! Я сейчас заплачу.

– Послушай-ка, мальчишка, у тебя нет никаких оснований напускаться на нее со своими обвинениями. Ты просто не знаешь, что произошло.

Я промолчал: попытки объяснить что-то – плохой способ обороны.

– Мне-то ясно, о чем ты думаешь, – продолжал Старик. – Ты считаешь, что она позволила использовать себя в качестве наживки. Но это не совсем так. Она действительно послужила наживкой, но спланировал это все я.

– Знаю.

– Тогда почему ты злишься на нее?

– Потому что без ее активной помощи у тебя ничего бы не вышло. Это, конечно, очень благородный поступок для такого никчемного бессердечного ублюдка, как ты, – взять вину на себя, но ничего не выйдет.

Он опять пропустил мою ругань мимо ушей и продолжал:

– Ты понял все, кроме одного ключевого момента: девушка ничего не знала.

– Черта с два! Она там была.

– И что с того, что была? Сынок, я тебе когда-нибудь лгал?

– Нет, – признал я, – но, если будет нужно, я думаю, солжешь не моргнув глазом.

Похоже, это его задело. Но он все равно ответил:

– Может быть, я и заслужил такие слова. Да, я солгу кому-то из своих людей, если этого потребует безопасность страны. До сих пор мне этого не приходилось делать, потому что я специально отбирал людей, которые на меня работают. В данном случае безопасность страны этого не требует, я не лгу, и тебе придется самому решать, правду я говорю или нет. Мэри ничего не знала. Она не знала, что ты будешь в лаборатории. Не знала, почему ты там оказался. Не знала, что еще не решено, кто сядет в кресло. И не подозревала, что я не собираюсь проводить эксперимент на ней, потому что в качестве подопытного мне подходишь только ты – даже если бы пришлось приказать, чтобы тебя связали и усадили силой. Я бы сделал это, но мой план сработал, и ты согласился сам. Так что засунь свое «черта с два» себе обратно в рот. Она даже не знала, что тебя выписали из лазарета.

Очень хотелось ему поверить, поэтому я изо всех сил сопротивлялся. Если бы он лгал, то лгал бы именно так. А насчет того, станет ли он врать... Не исключено, что его понимание заботы о безопасности страны включает в себя и необходимость как можно скорее вправить мозги двум первокурсным агентам. Мыслит Старик весьма неординарно.

– Слушай меня! – потребовал он, прервав мои глубокие раздумья. Я поднял на него глаза. – Есть еще кое-что, и тебе следует об этом знать. Я хочу, чтобы ты зарубил себе на носу: во-первых, позволь сказать, что все, включая и меня, очень признательны тебе за то, что ты сделал, – независимо от мотивов твоего поступка. Я составил рапорт и не сомневаюсь, что тебе дадут медаль. Это останется в силе, даже если ты уйдешь из Отдела. Если ты решил уйти, я помогу тебе с переводом и всем, чем захочешь.

Он сделал паузу, чтобы перевести дыхание.

– Только не воображай себя таким героем...

– И не думаю!

– ...потому что на самом деле медаль достанется не тому, кому следовало. По справедливости, ее должна получить

Мэри... Спокойно! Я еще не закончил. Тебя пришлось загонять в герои палками, но я тебя не осуждаю: тебе через многое пришлось пройти. Но настоящим, без оговорок, добровольцем была Мэри. Садясь в то кресло, она не знала, что с нею произойдет, не ждала избавления в последнюю секунду, и у нее были все основания полагать, что, даже оставшись в живых, она потеряет рассудок, что гораздо страшнее. Но Мэри согласилась, потому что она – героическая натура, а ты, сынок, ей в подметки не годишься. – Не дожидаясь ответа, он продолжил: – Знаешь, в большинстве своем женщины чертовски глупы и наивны. Но диапазон у них шире. Самые храбрые из них храбрее нас, самые добрые – добрее, а самые подлые, если на то пошло, – стократ подлее любого мужчины. Я пытаюсь тебе сказать, что она проявила больше мужества, чем ты, а ты поступил с ней совершенно по-хамски.

У меня в голове уже все перепуталось, и я не мог решить, правду он говорит или опять пытается мной манипулировать.

– Может быть, и так. Может быть, я сорвался не на того человека. Но если все было так, как ты сказал...

– Именно так.

– ...это тебя совсем не красит. То, что ты сделал, выглядит тогда еще хуже.

Обвинение он принял не дрогнув.

– Сынок, мне очень жаль, если я лишился твоего уважения, но, если будет нужно, я сделаю это снова. Мне, как командиру в бою, нельзя быть особенно разборчивым. Мне еще тяжелее, потому что приходится сражаться другим оружием. Если понадобится, я способен пристрелить свою собаку. Хорошо это или плохо, но такая у меня работа. Если когда-нибудь ты сядешь на мое место, тебе тоже придется так поступать.

– Едва ли это когда-нибудь случится.

– А теперь... Думаю, тебе надо взять отпуск, отдохнуть и все обдумать.

– Я возьму отпуск. Бессрочный.

– Как скажешь.

Он поднялся было, но я его остановил:

– Постой...

– Да?

– Ты мне кое-что обещал, и я хочу напомнить. Насчет паразита... Ты сказал, что я смогу убить его, сам. Вы с ним уже закончили?

– Да, но...

Я начал подниматься с кровати.

– Никаких «но». Дай лучемер. Я сделаю это прямо сейчас.

– Это невозможно. Он мертв.

– Что?! Ты же мне обещал!

– Я знаю, что обещал. Но он сдох, когда мы пытались заставить тебя – в смысле, его – говорить.

Тут меня согнуло и затрясло – от смеха. Я хохотал и никак не мог остановиться. Новость меня ничуть не обрадовала, но я ничего не мог с собой поделать.

Старик встряхнул меня за плечи:

– Перестань! А то плохо станет. Мне жаль, что так вышло, но ничего смешного тут нет.

– Ох, ну как же нет? – ответил я, все еще всхлипывая и хихикая. – Смешнее я в жизни ничего не слышал. Столько канители, сам обгадился, меня с Мэри поссорил – и все впускаю.

– Ха! С чего ты взял?

– С чего? Ну, я-то знаю. Я помню все, что происходило. Вы из него – я хотел сказать, из нас – ни слова не вытянули. Ничего нового тебе узнать не удалось.

– Черта с два!

– Да ни черта вы не добились.

– Ты даже не представляешь себе, насколько успешным оказался эксперимент. Паразит действительно сдох, прежде чем мы хоть что-то выжали из него самого, но зато потом мы вытащили кое-что из тебя.

– Из меня?

– Вчера. Мы накачали тебя наркотиками, загипнотизировали, сняли запись мозговой активности – короче, выжали и повесили сушиться. Паразит многое тебе выболтал, и, когда ты от него освободился, гипноаналитик вытянул из тебя всю информацию.

– Например?

– Например, где они живут. Теперь мы знаем, откуда они прилетают, и можем нанести ответный удар. Титан, шестой спутник Сатурна.

Когда он сказал это, я вновь почувствовал, как сжимается у меня горло, и понял, что он прав.

– Ты, разумеется, сопротивлялся, – рассказывал дальше Старик. – Пришлось привязать тебя к кровати, чтобы ты совсем себя не изувечил. Тебе и без того досталось.

Он явно раздумал уходить. Закинул покалеченную ногу на край кровати и закурил. Видимо, старался проявить дружелюбие. Что до меня, то и я, в общем-то, не хотел уже ссориться; голова кружилась, и очень многое нужно было осмыслить. Титан – это далековато. Пока что люди не забирались дальше Марса, если только экспедиция Сигрейвса не долетела до лун Юпитера. Но она не вернулась, так что этого мы никогда не узнаем.

Однако, если будет нужно, мы сумеем добраться до Титана. Добраться и выжечь этот их гадюшник!

Старик наконец встал и проковылял к двери, но я остановил его:

– Папа...

Я не называл его так уже долгие годы. Он обернулся с удивленным, незащитным выражением на лице:

– Да, сынок?

– Почему вы с мамой называли меня Элихью?

– Э-э-э... Так звали твоего деда по матери.

– Хм... Не самая веская причина, я бы сказал.

– Возможно, ты прав.

Он снова повернулся, но я снова остановил его:

– Пап, какой была мама?

– Твоя мать? Я даже не знаю, что тебе сказать. В общем... они с Мэри очень похожи. Да, очень.

И он вышел, не дав мне возможности спросить что-нибудь еще.

Я отвернулся к стене и спустя какое-то время понял, что уже совсем успокоился.

Я описываю здесь известные всем события так, как видел их сам. Я не пишу историческую хронику. Хотя бы потому, что не видел всю перспективу.

Может, мне стоило больше переживать о судьбах всего мира в то время, когда я думал лишь о собственных делах. Может быть. Правда, я никогда не слышал, чтобы тяжело-раненого слишком заботил текущий ход сражения.

Во всяком случае, тогда мне казалось, что волноваться особенно не о чем. Я знал, что президента спасли при обстоятельствах, которые откроют глаза любому, даже политику, а это было, насколько я понимал, последним реальным препятствием. Слизняки – то есть титанцы – процветали, пока их существование было тайной, а в открытую они вряд ли могли бы противостоять всей мощи Соединенных Штатов. У них не было никаких возможностей, кроме тех, что они заимствовали у своих рабов. Уж я-то об этом знал лучше кого бы то ни было.

Теперь мы зачистим их плацдарм на нашей территории, а потом последуем за ними туда, откуда они пришли. Но планирование межпланетных экспедиций – совсем не моя работа. Я в этом разбираюсь примерно, как в египетском искусстве.

Когда меня выписали, я отправился искать Мэри. Кроме слов Старика, у меня по-прежнему ничего не было, но теперь мне начало казаться, что я и в самом деле выставил себя полным идиотом. Я не ждал, что она обрадуется моему появлению, но хотелось как-то оправдаться.

Вы, наверное, думаете, что разыскать высокую красивую рыжеволосую девушку проще простого? Так бы оно и было, будь она штатным сотрудником. Но она была оперативником, оперативники приходят и уходят, а постоянному персоналу настоятельно рекомендовано заниматься своими делами. Дорис ее больше не видела – по ее словам – и даже разозлилась на меня, что я снова хочу ее найти.

В отделе кадров от меня по-простому отмахнулись: мой запрос не был официальным, имени агента я не знал, и вообще, кто я такой, что обращаюсь к ним с подобными вопросами? Меня отправили в оперативный отдел, то есть к Старику, что меня совсем не устраивало.

Еще бóльшую подозрительность мои вопросы вызвали в отделе пропусков. Я чувствовал себя как шпион в своем собственном Отделе.

Тогда я отправился в биолaborаторию. Начальника я не нашел, пришлось говорить с заместителем. Тот ничего не знал о девушке, участвовавшей в проекте «Интервью», испытуемый был мужчина, это точно – он видел запись. Я сказал ему, чтобы он присмотрелся ко мне повнимательней. Он присмотрелся и сказал:

– О, так ты и есть тот парень? Приятель, тебе здорово там досталось.

После чего отвернулся, почесался и зашуршал бумажками. Я ушел оттуда, не сказав ему спасибо, и отправился в офис Старика. Похоже, другого выбора у меня не осталось.

За столом мисс Хайнс сидела новая секретарша. После той ночи, когда меня взяли, я больше не видел мисс Хайнс. И не расспрашивал, что с ней случилось. Просто не хотел знать. Новая секретарша ввела мой личный код, и – о чудо! – Старик оказался на месте и согласился меня принять.

– Что тебе нужно? – ворчливо спросил он.

– Подумал, может, у тебя есть для меня какая-нибудь работа, – ответил я, хотя собирался сказать совсем другое.

– Вообще-то, я как раз собирался послать за тобой. Ты уже достаточно побездельничал. – Он гавкнул что-то в ин-терком и встал. – Пошли.

Я вдруг почувствовал себя совершенно спокойно и вышел вслед за ним.

– В «Косметику»? – спросил я.

– Сегодня сойдет и твоя собственная физиономия. Мы едем в Вашингтон.

Тем не менее мы зашли в «Косметику», но только для того, чтобы переодеться в уличную одежду. Я получил пистолет – мой собственный отправился в край вечной охоты – и проверил свой аппарат связи.

Охранник на входе заставил нас оголить спины и лишь после этого позволил подойти и отметиться. Потом мы заправили свои рубашки в брюки, поднялись наверх и оказались на самом нижнем уровне Нью-Филадельфии. Так я впервые узнал местоположение новой базы Отдела.

– Надо понимать, этот город чист? – спросил я Старика.

– Если ты действительно так думаешь, у тебя совсем мозги заржавели, – ответил он. – Гляди в оба.

Расспросить его подробней уже не удалось. Присутствие такого большого числа полностью одетых людей здорово действовало на нервы. Я невольно сторонился прохожих и выискивал взглядом сутулых. А подниматься в переполненном лифте до стартовой платформы вообще казалось безумием. Когда мы уселись в машину и ввели маршрут, я так и сказал:

– Какого дьявола тут развели такой гадюшник? Мы только что прошли мимо полицейского, и у него, ей-богу, был горб!

– Возможно. Вполне возможно.

– Вот тебе раз! Что случилось? Я-то думал, у тебя все схвачено, и мы тесним их на всех фронтах.

– Мы пытаемся. У тебя есть какое-то предложение?

– Да это же проще простого. Даже если начнутся морозы, никто не должен ходить с закрытой спиной, пока мы не убедимся, что перебили всех паразитов.

– Верно мыслишь.

– Так в чем... Послушай, а президент знает, что происходит? Как я понял, он...

– Знает.

– Тогда чего он ждет? Когда они захватят всю страну? Ему нужно объявить военное положение и начать действовать. Ты же говорил ему об этом давным-давно.

– Говорил. – Старик задумчиво разглядывал сельский пейзаж внизу. – Сынок, ты действительно думаешь, что этой страной управляет президент?

– Нет, конечно. Но он единственный, кто может что-то сделать.

– Хм... Знаешь, премьера Цветкова иногда называют «узником Кремля». Не знаю, правда это или нет, но наш президент – узник конгресса.

– Ты хочешь сказать, конгресс ничего не предпринял?

– Последние несколько дней, после того как мы предотвратили покушение на президента, я занимался тем, что помогал ему убедить конгрессменов. Тебе никогда не приходилось выступать перед комиссией конгресса, сынок?

Я попытался все это осмыслить. Мы сидим тут, как глупые додо, ждущие, когда их перестреляют, и, если не строимся с места, homo sapiens просто исчезнет с лица земли – так же как додо.

Немного погодя Старик сказал:

– Пора тебе осознать наконец политические реалии. Конгресс, случалось, отказывался действовать перед лицом и более очевидной опасности. А в данном случае опасность совсем не очевидна – до тех пор, пока не свалится тебе прямо на голову. Доказательств очень мало, да и не каждый в них поверит.

– А что насчет заместителя министра финансов? Они же не могут просто проигнорировать случившееся.

– Ой ли? У заместителя министра финансов паразита сорвали со спины прямо в восточном крыле Белого дома, и при этом пришлось убить двух его охранников из секретной службы. И теперь distinguished джентльмен лежит в Центральном армейском госпитале с нервным потрясением и вообще не помнит, что с ним произошло. Министерство финансов сообщило, что предотвращена попытка покушения на президента. По сути верно, но они представили все в ином свете.

– И президент при этом промолчал?

– Советники предложили выждать, пока он не получит поддержку в конгрессе. Большинство у него если и есть, то небольшое, а в обеих палатах полно людей, которые жаждут получить его голову на блюде. Партийная политика – это грубая игра.

– Боже, но ведь в такой ситуации политические дразги – это абсурд!

Старик приподнял бровь:

– Это, по-твоему.

В конце концов я задал вопрос, ради которого и пришел к нему в кабинет: где Мэри?

– Странно, что ты спрашиваешь, – буркнул он. Я промолчал, и он добавил: – Там, где ей положено быть. Она охраняет президента.

* * *

Первым делом мы направились на заседание специального комитета, который изучал доказательства. Это было закрытое мероприятие, но Старика пропустили. Когда мы вошли, там крутили кино. Мы проскользнули на свободные места и стали смотреть. Фильм был про моего человекообразного приятеля Наполеона – сначала сама обезьяна, потом кадры с титанцем у него на спине, а затем титанец крупным планом. От одного его вида мне стало не по себе. Паразиты похожи один на другого как две капли воды, но я знал, чей этот, и был просто счастлив, что он уже мертв.

Потом показали меня. Я видел, как меня привязывают к креслу, и выглядел я, чего уж там говорить, нелучшим образом: настоящий, неподдельный ужас никого не красит. Голос за кадром пояснял, что сейчас происходит.

Я видел, как титанца сняли с обезьяны и пересадили на мою голую спину. Я – на экране – тут же потерял сознание, после чего чуть не потерял сознание в зале. Описывать дальнейшее не хочется: тошно. Я видел, как корчусь от ударов тока, предназначенных для титанца, и меня снова корчило.

Я видел, как в какой-то момент вырвал правую руку из зажимов. Мне об этом не рассказывали, но теперь я понял, почему запястье у меня так долго не заживает.

Но в конце концов я увидел, как тварь сдохла. Ради этого стоило посмотреть и все остальное.

Запись кончилась, и председатель произнес:

– Итак, джентльмены?

– Господин председатель!

– Слово предоставляется джентльмену из Индианы.

– Если говорить без предвзятости по данному вопросу, то вынужден заметить, что в Голливуде делают комбинированные съемки и получше.

В зале захихикали, кто-то крикнул: «Слушайте! Слушайте!» – и я понял, что удача нам в этот раз не светит.

После этого давал показания начальник нашей биологической лаборатории, а затем к месту свидетеля вызвали меня. Я назвал свое имя, адрес и род занятий, после чего мне задали несколько очень поверхностных вопросов о том, что я ощущал, находясь под контролем титанцев. Вопросы читали по бумажке, председатель явно до этого момента их не видел.

Больше всего меня задело то, что мои ответы их совершенно не интересовали. Двое членов комитета вообще читали газеты.

Было всего два вопроса из зала.

Один сенатор спросил:

– Мистер Нивенс... ваша фамилия Нивенс, не так ли?

Я подтвердил.

– Мистер Нивенс, из ваших слов я понял, что вы занимаетесь оперативной работой.

– Да.

– Надо полагать, в ФБР?

– Нет. Мой начальник подчиняется непосредственно президенту.

Сенатор улыбнулся:

– Так я и думал. А теперь, мистер Нивенс... вы ведь профессиональный актер, не так ли? – И он сделал вид, что сверяется со своими бумагами.

Видимо, я пытался отвечать слишком правдиво. Хотел объяснить, что действительно когда-то отыграл в театре один летний сезон, но тем не менее я самый что ни на есть настоящий агент-оперативник. Бесполезно.

– Достаточно, мистер Нивенс. Спасибо.

Второй вопрос задал пожилой сенатор, чье имя я должен был знать. Сенатор пожелал узнать мое мнение о расходовании денег налогоплательщиков на вооружение для других стран – и он использовал этот вопрос для того, чтобы пространно изложить свои собственные взгляды. У меня довольно смутное представление об этой теме, что не имело значения, поскольку высказаться мне все равно не дали. Секретарь сразу же заявил:

– Вы свободны, мистер Нивенс.

Я остался стоять на месте.

– Послушайте, – сказал я, – очевидно, вы мне не верите и считаете, что все было разыграно. Ну так принесите сюда детектор лжи, черт возьми! Или допросите меня под гипнозом. Это не заседание, а комедия какая-то!

Председатель комитета постукал своим молоточком:

– Вы свободны, мистер Нивенс!

Я вернулся и сел на место.

Старик говорил, что цель этого совместного заседания – подготовка резолюции о введении военного положения и предоставлении президенту чрезвычайных полномочий. Председатель спросил, готовы ли конгрессмены рассмотреть резолюцию. Тогда один из читающих газету ненадолго оторвался от своего занятия – только чтобы сказать:

– Господин председатель, я требую очистить зал заседаний от посторонних.

После чего нас выставили за дверь.

– Плохи наши дела, – сказал я Старику.

– Не обращай внимания, – ответил он. – Президент понял, что тут ничего не выйдет, едва только узнал состав комитета.

– И что нам теперь делать? Ждать, когда паразиты захватят весь конгресс?

– Президент собирается обратиться с посланием к конгрессу и потребовать неограниченных полномочий.

– Он их получит?

Старик поморщился:

– Честно говоря, не думаю, что у него есть хоть один шанс.

* * *

Совместное заседание обеих палат конгресса было, естественно, секретным, но мы присутствовали – должно быть, по прямому указанию президента. Мы со Стариком сидели на служебном балкончике позади трибуны спикера. Открывали заседание долго, со всякой канителью и пустой болтовней, затем провели целую церемонию назначения двух представителей от каждой палаты, чтобы уведомить о заседании президента.

Думаю, что президент все это время находился прямо за дверью, потому что явился сразу же, в сопровождении своих помощников и телохранителей, но охрана теперь состояла из наших людей.

Мэри тоже оказалась в свите. Кто-то поставил для нее складной стул рядом с президентским креслом; она поперелистывала свой блокнотик и вручила президенту какие-то бумаги, изображая секретаршу. Но на этом маскарад и закончился. Она врубила свою сексапильность на полную мощь и выглядела словно Клеопатра в теплую ночь – одним словом, так же неуместно, как кровать в церкви. Внимание на нее обращали не меньше, чем на президента. Он это тоже заметил и явно пожалел, что не оставил ее дома,

но было поздно что-либо предпринимать; что бы он ни сделал, получился бы только больший конфуз.

Можете не сомневаться, я тоже это ощутил. Я перехватил ее взгляд, и она подарила мне долгую сладкую улыбку. Я тоже расплылся в улыбке и скалился на Мэри, как щенок колли, пока Старик не ткнул меня локтем в бок. Я попытался вести себя прилично, но все равно был счастлив как мальчишка.

Президент четко и последовательно объяснил конгрессу ситуацию, рассказал, откуда мы об этом узнали и что необходимо сделать. Его доклад звучал просто и рационально, как технический отчет, и примерно столь же эмоционально. Он просто излагал факты. В конце речи президент отложил текст и продолжил:

– Ситуация складывается столь необычная и страшная, столь далекая от всего нашего предыдущего опыта, что для преодоления кризиса я вынужден просить о предоставлении самых широких полномочий. В некоторых районах необходимо будет ввести военное положение. На какое-то время нам придется пойти на значительное ущемление гражданских прав. Свобода перемещения должна быть ограничена. Неприкосновенность от несанкционированных допросов и арестов должна уступить место всеобщему праву на безопасность. Поскольку любой гражданин, независимо от его положения в обществе и лояльности, может против своей воли оказаться прислужником нашего тайного врага, всем гражданам придется смириться с некоторым ограничением своих гражданских прав и в какой-то мере поступиться личным достоинством до полного уничтожения этой заразы. Я с тяжелым сердцем прошу конгресс утвердить эти крайне необходимые меры.

Президент сел.

Настроение зала определить обычно несложно. Конгрессмены были явно обеспокоены, но президент их ни в чем не убедил. Вице-президент взял молоточек и посмотрел на

лидера сенатского большинства: по договоренности он должен был предложить резолюцию.

Что-то пошло не так. То ли лидер большинства покачал головой, то ли просигналил еще как-то, но слова он брать не стал. Неловкая пауза затягивалась, а из зала то и дело выкрикивали: «Господин президент!» и «К порядку!».

Вице-президент, не замечая других желающих выступить, предоставил слово члену своей партии. Я узнал этого человека. Сенатор Готлиб, безотказный партийный активист, проголосовал бы даже за свое собственное линчевание, если бы оно было включено в программу партии. Начал Готлиб с заверений, собравшихся в своей преданности конституции, Биллю о правах и чуть ли не Гранд-Каньону. Затем скромно упомянул о своей долгой и верной службе и очень высоко отозвался о месте Америки в истории.

Я поначалу подумал, что он просто тянет время, пока остальная команда выработает новую партийную линию, потом вдруг понял, к чему все это говорится: он предлагал изменить повестку дня и начать процедуру импичмента, чтобы предать суду президента Соединенных Штатов!

Видимо, не до одного меня дошло не сразу: сенатор настолько украсил свою речь ритуальным словоблудием, что удивительно, как его вообще кто-то понял. Я посмотрел на Старика.

Старик смотрел на Мэри.

Она, в свою очередь, смотрела на него, словно ей не терпелось сообщить какую-то важную новость.

Старик выхватил из кармана отрывной блокнот, что-то торопливо нацарапал, скомкал листок в шарик и кинул его Мэри. Она поймала записку, развернула, прочла и передала президенту.

Тот сидел с совершенно беззаботным видом, словно и не замечал, как один из его старых друзей на глазах у всего конгресса крошит в капусту главу государства и с ним безопасность республики. Он надел свои старомодные очки,

прочитал записку, медленно повернул голову и взглянул на Старика, вопросительно подняв бровь. Старик кивнул.

Президент подтолкнул локтем вице-президента. Тот наклонился, и они о чем-то зашептались.

Готлиб гремел на весь зал о том, что, как ни печально, старая дружба должна уступить высшим интересам и потому... Вице-президент постучал молоточком:

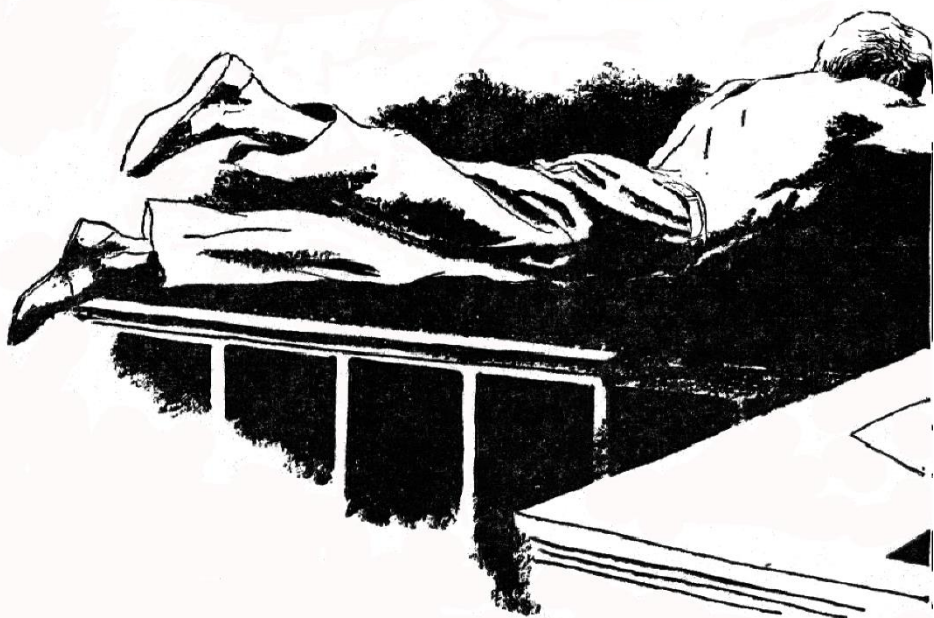
– Прошу прощения, сенатор!

Готлиб изумленно посмотрел на председателя и заявил:

– Я еще не закончил!

– Сенатор, я ни в коем случае не хочу лишать вас слова. Но в силу важности предмета вашего выступления президент Соединенных Штатов просит вас подняться на трибуну и продолжить.

Готлиб бросил на вице-президента недоуменный взгляд, но выбора у него не было. Он вышел в проход и медленно двинулся к президиуму. Стул Мэри загораживал ведущие на трибуну ступеньки, но, вместо того чтобы просто

подвинуться, она вдруг засуетилась, потом подняла стул и повернулась, совсем преградив сенатору путь. Готлиб остановился, и она, покачнувшись, задела его. Тот поймал ее за руку – отчасти чтобы и самому удержаться на ногах. Мэри что-то сказала, он ответил, но слов никто не расслышал. Наконец они благополучно разминулись, и Готлиб прошел к трибуне.

Старик задрожал, как гончая, завидевшая добычу. Мэри посмотрела на него и кивнула.

– Взять его! – сказал Старик.

Меня будто выстрелили из арбалета. Я перемахнул через барьер и в прыжке обрушился на плечи Готлиба. Я слышал, как Старик кричит: «Перчатки, сынок! Перчатки!» – но

времени не было. Голыми руками я разорвал пиджак на спине сенатора и увидел пульсирующее тело близняк под его рубашкой. Я рванул рубашку – и теперь его могли видеть все.

Чтобы зафиксировать то, что творилось в зале в последующие несколько секунд, не хватило бы и шести стереокамер. Я врезал Готлибу под ухо, чтобы не трепыхался. Мэри придала ему ноги. Президент встал над нами и, показывая пальцем, крикнул: «Вот! Вот! Теперь-то вы все видите!» Вице-президент тоже стоял, ошеломленно размахивая своим молоточком. Конгресс превратился в толпу, мужчины кричали, женщины визжали. Где-то надо мной Старик громко раздал приказы президентской охране, как будто стоял на капитанском мостике корабля.

В нашу пользу сыграло то, что заседание проходило при закрытых дверях, а, кроме собственных ребят Старика, вооруженных и дисциплинированных людей в зале не было. Разумеется, там были парламентские приставы – но кто их примет в расчет? Один пожилой конгрессмен вытащил из кармана допотопный кольт, которому следовало бы лежать в музее, но это был единственный инцидент.

Спустя какое-то время оружие в руках телохранителей и стук председательского молоточка установили в зале некое подобие порядка. Слово взял президент. Случай, сказал он, дал вам возможность увидеть врага собственными глазами. Все могут подойти по очереди и посмотреть на пришельца с самого большого спутника Сатурна. Не дожидаясь реакции на свое предложение, он указал на первый ряд и попросил всех сидящих там подняться.

Они начали подходить.

Я присел в стороне от прохода и задался вопросом, что из происшедшего было случайностью. Когда речь идет о Старике, то поди пойми. Знал ли он, что конгресс заражен? Я потерял ушибленное колено и стал следить.

Мэри оставалась возле трибуны. Человек двадцать прошло мимо, одна женщина-конгрессмен успела закатить

истерику, а потом я заметил, что Мэри снова подала знак Старику, и на долю секунды опередил его приказ. Конгрессмен оказался молодым и здоровым, из бывших морских пехотинцев – мне пришлось бы с ним по-настоящему познакомиться, если бы не двое наших парней, стоявших рядом. Втроем мы уложили его на пол рядом с Готлибом, и снова Старику, президенту и вице-президенту пришлось надсаживать глотку, восстанавливая порядок в зале.

После этого волей или неволей всем пришлось проходить личный досмотр. Женщин я хлопал по спине, когда они проходили мимо, и одну поймал сразу. Потом решил, что поймал еще одну, но это оказалось досадной ошибкой: она так заплыла жиром, что я не угадал. Мэри выявила еще двоих, затем очень долго – около трехсот человек – ни одного джекпота. Очевидно, носители сместились в хвост очереди.

Не слушайте, когда вам говорят, что конгрессмены тупые. Им нужны мозги, чтобы победить на выборах, и практическая психология, чтобы сохранить кресло. Восьмерых вооруженных охранников, даже если со мной, Мэри и Стариком получалось одиннадцать стволов, было явно мало. Большинство слизняков сумело бы уйти, если бы секретарь палаты представителей не организовал группу поддержки. С их помощью мы поймали тринадцать слизняков, десять из них живьем. Из носителей только один был тяжело ранен. Но конгресс Соединенных Штатов ни разу не превращался в такой бардак с тех пор, как Джефферсон Дэвис объявил о своем судьбоносном решении.³² Нет, даже после Бомбежки такого не было.

³² Джефферсон Финис Дэвис (1808–1889) – американский военный и политик, первый и единственный президент Конфедеративных Штатов Америки во время Войны Севера и Юга. В январе 1861 г., после отделения южных штатов, выступил в сенате с речью.

Разумеется, президент получил чрезвычайные полномочия, а Старик де-факто стал его начальником штаба. Наконец-то мы могли двигаться вперед, быстро и эффективно... Ха! Вы когда-нибудь пытались быстро провести проект через бюрократическую машину?

«Директивы» следует «приводить в исполнение», «действия» должны быть «скоординированы», а в результате все только обрастает бумажками.

У Старика уже был готов достаточно простой план. Карантин, который мы предлагали, пока зараза еще не расползлась из Де-Мойна, теперь вряд ли бы помог. Прежде чем начинать сражение, нужно было узнать, где враг. Но правительственные агенты не могут проверить двести миллионов человек, люди должны сделать это сами.

Первой фазой осуществления операции «Паразит» должен был стать режим «Голая спина» – что-то я сам заговорил, как бюрократ. Короче, идея заключалась в том, что все – поголовно – должны раздеться до пояса и оставаться раздетыми до тех пор, пока титанцы не будут окончательно обнаружены и уничтожены. Ну, женщинам, разумеется, разрешалось носить бюстгалтеры, ведь паразит не может спрятаться под узенькими бретельками.

Мы на скорую руку подготовили визуальную презентацию, чтобы пустить ее фоном, когда президент вступит с обращением к нации по стереовидению. Быстрыми действиями удалось сохранить в живых семь паразитов из числа тех, что мы поймали в священных залах конгресса; теперь они жили на спинах животных-носителей. Мы решили показать их и запись моего допроса, вырезав из него самые шокирующие эпизоды. Планировалось, что сам президент появится перед камерами в шортах, а профессиональные манекенщицы продемонстрируют образцы одежды этого сезона для «модно раздетых граждан», включая и панцирь для головы и спины, защищающий человека даже во сне.

Мы подготовили ее за одну ночь, литрами потребляя черный кофе, а спичрайтеры президента написали для него соответствующий текст. В качестве ударной концовки передачи должен был пойти фрагмент с заседания конгресса, обсуждающего чрезвычайное положение, где все – мужчины, женщины и обслуживающий персонал – покажут камере свои голые спины.

За двадцать восемь минут до эфира президенту позволили из здания конгресса. Я при этом присутствовал, поскольку Старик с президентом работали всю ночь, а меня держали при себе для различных поручений. Мэри тоже там была, разумеется, – ведь президент был ее персональным подопечным. Мы все были в шортах, поскольку в Белом доме уже вступил в силу режим «Голая спина». Единственными, кто выглядел естественно в таком наряде, были Мэри, которая могла носить что угодно, цветной швейцар, который держался как зулусский король, и сам президент, чье врожденное достоинство ничто поколебать не могло.

Когда раздался звонок, президент не потрудился включить глушилку, и мы слышали его реплики.

– Да, говорите! – сказал он. Спустя какое-то время он добавил: – Ты уверен? Хорошо, Джон, что ты посоветуешь?.. Ясно. Нет, я думаю, это не пойдет... Видимо, мне лучше явиться самому. Скажи им, пусть подготовятся. – Он оттолкнул от себя аппарат и повернулся к помощнику. Его лицо по-прежнему было спокойным.

– Скажи, чтобы задержали эфир. – Затем он повернулся к Старiku. – Пойдем, Эндрю. Нам нужно в Капитолий.

Он послал за своим камердинером и удалился в гардеробную рядом с кабинетом. Когда он вышел, он был одет в строгий костюм для официальных церемоний. Нам он ничего объяснять не стал. Старик приподнял одну бровь, но ничего не сказал, я тоже не осмелился открыть рот. Все остальные как были в «гусиной коже», так и остались. И в таком виде мы пошли в Капитолий.

Там снова шло совместное заседание, уже второе менее чем за двадцать четыре часа. Мы завалились туда всей компанией, и тут у меня возникло кошмарное чувство, будто я оказался в церкви без штанов: все конгрессмены и сенаторы были одеты как обычно. Потом я заметил, что курьеры щеголяют в одних шортах, без рубашек, и мне стало немного легче.

Я до сих пор этого не понимаю. Некоторым, очевидно, легче умереть, чем потерять достоинство. Сенаторы здесь среди первых, да и конгрессмены не отстают, ведь конгрессмен – это человек, который хочет стать сенатором. Они наделили президента всеми полномочиями, которые он запрашивал, обсудили и одобрили режим «Голая спина». Но никто не хотел понимать, что это касается и их самих. В конце концов, их ведь уже досмотрели и признали чистыми. Во всей стране конгресс был единственной группой людей, достоверно свободной от титанцев.

Возможно, кто-то из них и осознал, что это не бог вещь какой довод, но никому не хотелось быть инициатором публичного стриптиза. Должностное лицо обязано сохранять достоинство – и точка. Они сидели одетые и уверенные в себе.

Поднявшись на трибуну, президент выжидал до полной тишины в зале, а затем медленно и спокойно начал раздеваться. Он остановился, только когда был голым по пояс. На мгновение он заставил меня поволноваться, думаю, что были и другие обеспокоенные. Потом он медленно повернулся вокруг, подняв вверх руки. И лишь после этого заговорил:

– Я сделал все, чтобы вы могли лично убедиться, что глава исполнительной власти не стал пленником врага. – Президент выдержал паузу. – А как насчет вас?

Последнее слово он швырнул в лица присутствующих.

Президент повернулся и ткнул пальцем в младшего секретаря:

– Марк Каммингс, как насчет тебя?! Ты лояльный гражданин или ты зомби, работающий на захватчиков? Встать! Рубашку долой, живо!

– Господин президент... – С места поднялась Чарити Эванс из штата Мэн, похожая на симпатичную школьную учительницу. Она встала, и я увидел, что хотя она полностью одета, но на ней вечернее платье. До пола, но с таким вырезом, что дальше некуда. Она повернулась, словно манекенщица: на спине платье заканчивалось у основания позвоночника, спереди поднималось, образуя две хорошо заполненные раковины. – Этого достаточно, господин президент?

– Вполне достаточно, мадам.

Каммингс уже был на ногах и с красным как свекла лицом расстегивал пиджак. В центре зала встал кто-то еще. Сенатор Готлиб. Выглядел он так, что лучше бы ему было оставаться на больничной койке: серые ввалившиеся щеки, иссиня-черные губы. Но держался он прямо и с невероятным достоинством последовал примеру президента. Вместо обычного нижнего белья Готлиб носил старомодное трико, цельное с рукавами и штанинами. Он выпутался из рукавов и тоже повернулся кругом, показывая спину всем собравшимся: на его бледной, как рыбье брюхо, коже алела отметина, оставленная паразитом.

– Вчера вечером, – произнес он, – я стоял в этом зале и говорил вещи, которые в обычных обстоятельствах меня не заставили бы сказать даже под пыткой. Вчера вечером я не принадлежал самому себе. Сегодня я – это я. Вы что, не видите, что Рим горит? – Неожиданно у него в руке появился пистолет. – Всем встать, черт бы вас побрал! Если через две минуты я не увижу чью-то голую спину, стреляю!

Мужчины рядом с ним вскочили и попытались схватить его за руки, но он отмахнулся пистолетом, как мухобойкой, разбив одному из них лицо. Я тоже выхватил пистолет, приготовившись поддержать Готлиба, но в этом не было уже необходимости. До них дошло, что он опасен, как

разъяренный бык, и вокруг мгновенно образовалось пустое пространство.

Несколько секунд ситуация балансировала на грани, а потом вдруг все принялись скидывать одежду, словно духовоборы.³³ Один человек метнулся было к выходу, но его тут же сбили с ног. У него, правда, паразита не оказалось, но зато мы поймали троих других. В эфир президент вышел на десять минут позже, а конгресс начал первое за всю историю заседание «с голыми спинами».

14

ЗАПРИТЕ ДВЕРИ!

ЗАКРОЙТЕ ЗАСЛОНКИ В КАМИНАХ!

НИ В КОЕМ СЛУЧАЕ НЕ ХОДИТЕ В НЕОСВЕЩЕННЫХ МЕСТАХ!

ОСТЕРЕГАЙТЕСЬ ТОЛП!

ЧЕЛОВЕК В ПИДЖАКЕ – ВРАГ: СТРЕЛЯЙТЕ

Всех титанцев в стране должны были обнаружить и убить в течение недели. Не знаю, что еще можно было сделать. В дополнение к непрекращающемуся шквалу пропаганды страну поделили на квадраты и секторы наблюдения с воздуха для поиска летающих тарелок на земле. Вся радиолокационная система слежения встала на постоянное боевое дежурство для обнаружения неопознанных сигналов. Армейские подразделения, от воздушных десантников до

³³ Духоборы – члены русской секты, основанной в XVIII в. воронежскими крестьянами С. Колесниковым и Л. Побирохиным. Духоборы отвергали духовенство, монашество, храмы, церковные таинства, почитание креста и икон, а Библии противопоставляли «внутреннее откровение». Преследуемые православной церковью и гражданскими властями, многие духоборы – около семи с половиной тысяч – в 1898 г. эмигрировали в Канаду; оттуда многие из них попали в США. Разоблачаются же они не так уж часто – в основном при крещении, которое принимают в реке.

станций наведения ракет, готовы были ударить по любому приземлившемуся объекту.

И ничего не происходило. Им просто нечем было заняться. Разбуженная нами машина бессмысленно шипела и дымила, как отсыревший фейерверк.

В незараженных районах люди поснимали рубашки, кто добровольно, кто под принуждением, осмотрели друг друга и не нашли никаких паразитов. Они следили за новостями, недоумевали и ждали, когда правительство объявит, что опасность миновала. Но ничего нового не происходило, и обыватели, как и местные чиновники, начали сомневаться: стоит ли и дальше бегать по улицам в костюмах для загара? Мы прокричали «Волки!», но ни один волк не пришел.

Зараженные районы? Доклады из зараженных районов ничем существенным не отличались от сообщений из других мест.

Наше стереообращение и последующие мероприятия до этих районов просто не дошли. Раньше, в эпоху радио, такого бы не случилось: станция в Вашингтоне, откуда передали экстренное сообщение, могла покрыть трансляцией всю страну. Но стереовидение работает на таких коротких волнах, что требует релейных станций в пределах прямой видимости, поэтому местные каналы обслуживаются местными же станциями – цена, которую мы платим за многоканальное вещание и картинку с высоким разрешением.

В зараженных районах местными станциями управляли слизняки, и люди просто не слышали предупреждения правительства.

Тем не менее к нам в Вашингтон поступало множество сообщений, свидетельствовавших о том, что нас там слышали. Из Айовы, например, шли такие же доклады, как, скажем, из Калифорнии. Губернатор Айовы одним из первых откликнулся на обращение президента и прислал сообщение, в котором пообещал полную поддержку. Полиция штата Айова, сообщил он, курсирует по дорогам и останавливает всех, требуя раздеться до пояса. А авиаперелеты над

Айовой остановлены на время чрезвычайного положения, как и рекомендовал президент. Они даже передали запись выступления губернатора перед избирателями, где он был голый по пояс. Губернатор стоял лицом к камере, и меня так и подмывало сказать ему, чтобы повернулся спиной. Затем пошло изображение с другой камеры: на экране появилась спина крупным планом, а из динамика слышался все тот же бодрый голос губернатора, убеждавший граждан сотрудничать с полицией.

Если какой-то регион Южных Штатов мог считаться рассадником слизней, им могла быть только Айова. Неужели они оставили Айову и перебрались в самые крупные населенные центры?

Мы собрались в конференц-зале канцелярии президента. Президент держал Старика при себе, я увязался за компанию, а Мэри по-прежнему несла бессменное дежурство. Кроме нас, присутствовали министр национальной безопасности Мартинес и начальник Генерального штаба маршал авиации Рекстон. Еще там были какие-то шишки из окружения президента, но не такие важные.

Президент досмотрел передачу из Айовы до конца и повернулся к Старiku:

– И что же, Эндрю? Мне казалось, именно Айову ты предлагал окружить кордоном.

Старик только крякнул с досадой.

– Насколько я понимаю... – начал маршал Рекстон, – хотя у меня не было времени разобраться в ситуации досконально, думаю, они ушли в подполье. Возможно, нам придется прочесать все подозрительные районы дюйм за дюймом.

Старик снова крякнул.

– Прочесывать Айову копну за копной мне совсем не улыбается, – заявил он.

– Как же вы предлагаете справиться с этой проблемой, сэр?

– Да сообразите же, наконец, какой у нас враг! Он не может уйти в подполье. Он не может жить без носителя.

– Очень хорошо. Предположим, что все это правда. Тогда сколько же, по-вашему, паразитов в Айове?

– Да откуда мне знать, черт побери? Они со мной не делаются такими сведениями.

– Но, если предположить по максимуму? Если...

– У вас нет оснований для предположений, – перебил его Старик. – Ребята, вы что, не видите, что титанцы выиграли еще один раунд?

– А?

– Вы только что слушали губернатора. Нам дали взглянуть на его спину – или чью-то чужую спину. Вы заметили, что он ни разу не повернулся перед камерой?

– Повернулся, – сказал кто-то. – Я сам видел.

– У меня определенно сложилось впечатление, что он поворачивался, – медленно произнес президент. – Ты хочешь сказать, что губернатор Паккер под их контролем?

– Безусловно. Вы видели именно то, что они хотели показать. Перед тем как он полностью повернулся, пошло изображение с другой камеры. Люди настолько к этому привыкли, что практически не замечают подобных вещей. Можете не сомневаться, господин президент: все сообщения из Айовы сфабрикованы.

Президент задумался. Министр Мартинес энергично замотал головой и сказал:

– Это невозможно. Допустим, обращение губернатора к избирателям – подделка: хороший актер вполне мог бы его изобразить. Помните инаугурационную речь во время кризиса девяносто шестого, когда настоящий президент свалился с пневмонией? Допускаю, что одну такую трансляцию можно сфабриковать, но у нас были на выбор десятки передач из Айовы. Как насчет репортажей с улиц Де-Мойна? Только не говорите мне, что можно «сфабриковать» сотни голых по пояс людей, расхаживающих по улицам! Или ваши паразиты вдобавок ко всему применяют массовый гипноз?

– Нет, этого они не умеют, насколько мне известно, – признался Старик. – Если бы умели, нам оставалось бы поднять белый флаг и признать, что человечество проиграло. Но с чего вы взяли, что эта передача была из Айовы?

– Как? Черт возьми, сэр, она же пришла по каналу Айовы!

– И что это доказывает? Вы заметили названия улиц? По виду это была типичная улица с магазинами в центре города. И если не обращать внимания на слова комментатора, то какой город мы видели?

Министр замер с открытым ртом. У меня почти идеальная зрительная память, как и положено агенту, и я мысленно прокрутил еще раз только что увиденный сюжет. Мало того что я не мог сказать, какой это город, непонятно было даже, в какой части страны снимали репортаж. Это мог быть Мемфис, Сиэтл или Бостон – или что-то еще. За исключением особых случаев, таких как Кэнел-стрит в Новом Орлеане или муниципальный центр Денвера, американские города похожи друг на друга, как парикмахерские.

– Можете не напрягаться, – продолжал Старик, – я специально высматривал хоть какие-то ориентиры, и мне это не удалось. Объяснение тут очень простое: станция Де-Мойна взяла уличную сцену с голыми спинами из трансляции какого-то незараженного города и передала ее по своему каналу с собственными комментариями. При этом они вырезали все, что могло дать какую-то привязку к местности... и мы это благополучно проглотили. Враг отлично знает нас, джентльмены. Эту партию они продумали до мельчайших деталей и готовы переиграть нас, какой бы ход мы ни сделали.

– Может быть, ты зря паникуешь, Эндрю? – сказал президент. – Может быть, титанцы просто перебазировались куда-то еще?

– Они по-прежнему в Айове, – категорично заявил Старик, – а из этой штуки, – он махнул рукой на стереозэкран, – мы ничего не узнаем.

Мартинес поежился:

– Черт-те что! Вы утверждаете, что мы не можем получить из Айовы ни одного достоверного сообщения, словно эта территория оккупирована.

– Так оно и есть.

– Но я останавливался в Де-Мойне два дня назад, возвращаясь из Аляски. Там все было нормально. Ладно, я не сомневаюсь, что ваши паразиты существуют, хотя сам ни одного не видел. Но давайте тогда отыщем их и вырвем эту заразу с корнем, вместо того чтобы сидеть на месте и выдумывать всякие фантазии.

Старик выглядел усталым, я сам чувствовал, что чертовски устал. Если даже наверху не понимают, как все плохо, то чего ждать от простых людей?

Наконец Старик ответил:

– Чтобы захватить страну, достаточно подчинить себе связь. Вам, мистер Мартинес, лучше поторопиться, а то вы останетесь вообще без связи.

– Но я только...

– Вырывайте их с корнем! – яростно перебил его Старик. – Я вам уже сказал: они в Айове, в Новом Орлеане и еще в десятке других мест. Я свою работу сделал. Вы министр национальной безопасности – вот и выкорчевывайте их. – Он встал. – Господин президент, в моем возрасте нелегко обходиться так долго без сна. Недоспав, я, бывает, срываюсь. Могу я немного отдохнуть?

– Да, конечно, Эндрю.

На самом деле Старик вовсе не сорвался, и, думаю, президент это понял. Старик никогда не срывается, он заставляет срываться других.

Не успел Старик пожелать всем доброй ночи, как снова заговорил министр Мартинес:

– Минуточку! Вы только что сделали несколько категоричных утверждений. Давайте проверим их прямо сейчас. – Он повернулся к начальнику Генерального штаба. – Рекстон!

– Э-э-э... Да, сэр.

– Этот новый пост наблюдения возле Де-Мойна, Форт... или что-то там, назван в честь... этого... не помню...

– Форт-Паттон.³⁴

– Точно, точно. Ну давайте не будем терять времени. Пусть нас соединят по линии связи командования.

– С изображением, – вставил Старик.

– Разумеется, с изображением, и мы покажем этому... Я хотел сказать, увидим истинное положение дел в Айове.

С разрешения президента маршал подошел к стерео-экрану, связался со штабом Министерства безопасности и приказал вызвать дежурного офицера в Форт-Паттоне, штат Айова.

Спустя несколько минут на экране появился молодой офицер на фоне приборов центра связи. Он сидел по пояс голый, а звание и род войск были обозначены на фуражке. Мартинес с победной улыбкой повернулся к Старикку:

– Ну что, видите?

– Вижу.

– Теперь, чтобы удостовериться... Лейтенант!

– Да, сэр! – Молодой офицер, охваченный благоговейным страхом, быстро переводил взгляд с одного известного лица на другое. Поля зрения приемника и передатчика были идеально согласованы: глаза изображения смотрели именно на того, на кого смотрел офицер, как будто он сидел в этом стереоэкране.

– Встаньте и повернитесь, – приказал Мартинес.

– Э-э-э... Есть, сэр! – Дежурный с удивленным видом повиновался, при этом верхняя часть его тела скрылась из поля зрения. Мы видели только голую поясницу – не выше.

– Черт побери! – рявкнул Мартинес. – Сядь и повернись!

– Есть, сэр! – Молодой человек выглядел сильно взволнованным. Он наклонился над столом и добавил: – Секунду, я увеличу угол зрения камеры.

³⁴ Форт-Паттон назван в честь Джорджа Смита Паттона (1885–1945) – одного из главных американских военачальников в период Второй мировой войны.

Изображение вдруг расплылось, и по стереоэкрану забегали радужные полосы, однако голос молодого офицера все еще был слышен:

– Так лучше, сэр?

– Черт побери, мы вообще ничего не видим!

– Не видите? Секундочку, сэр.

После этого мы слышали только его тяжелое дыхание. Неожиданно экран ожил, и я решил было, что наладилась связь с Форт-Паттоном. Но на этот раз на экране появился майор, и кабинет за его спиной казался больше.

– Штаб Верховного командования, – доложило изображение. – Дежурный офицер связи майор Донован.

– Майор, – произнес Мартинес сдержанно, – я был на связи с Форт-Паттоном. Что произошло?

– Да, сэр, я следил на контрольном экране. Небольшие технические неполадки. Мы сейчас же восстановим связь.

– Поторопитесь!

– Есть, сэр!

Экран зарябил и погас.

Старик снова встал.

– Ладно, я пошел спать. Позвоните мне, когда устранят эти «небольшие технические неполадки».

15

Я, честное слово, не хотел, чтобы у вас создалось впечатление, будто Мартинес глуп. Никто поначалу не понимал, на что способны эти твари. Нужно увидеть хотя бы одного паразита, чтобы прочувствовать это нутром.

У маршала Рекстона с головой тоже, разумеется, все в порядке. Они пытались связаться еще с несколькими частями в пораженных районах и, убедившись, что «технические неполадки» возникают слишком удобно для паразитов, проработали всю ночь. Около четырех утра они позвонили Старику, а тот по нашей спецсвязи вызвал меня. Я считаю, что вживленные нам под кожу приемники не должны

использоваться в качестве будильников. Это крайне грубый способ будить человека.

Собрались в том же самом конференц-зале – Мартинес, Рекстон, парочка шишек из его подчинения и Старик. Когда я подошел, явился президент в махровом халате. Мэри следовала за ним по пятам. Мартинес начал что-то говорить, но Старик его перебил:

– Ну-ка покажи спину, Том.

Президент глянул удивленно, Мэри просигналила, что все в порядке, но Старик сделал вид, будто не замечает ее.

– Я серьезно, – добавил он с нажимом.

– Ты прав, Эндрю, – сказал президент спокойно и, скинув халат до пояса, предъявил свою голую спину. – Если я не буду показывать пример, то как мне тогда добиться поддержки от всех остальных?

Старик начал помогать ему влезть обратно в халат, но президент отмахнулся и повесил халат на стул.

– Мне просто нужно к этому привыкнуть. Трудновато в моем возрасте. Итак, джентльмены?

Я тоже считал, что вид голой кожи требует привычки. Выглядели мы довольно нелепо. Худощавый загорелый Мартинес походил на статую из красного дерева. Полагаю, в нем была доля индейской крови. Лицо Рекстона было обожжено высотным загаром, но ниже линии воротника он был таким же бледным, как президент. На его груди красовался черный крест волос, от подмышки к подмышке и от подбородка к животу, а президент и Старик спереди и сзади заросли курчавым седым волосом. При этом мех Старика был настолько густым, что в нем спокойно могли бы гнездиться мыши.

Мэри выглядела как рекламная картинка – съемки с нижнего ракурса, чтобы дать акцент на ножки, выверенные позы и все такое. Что до меня самого... Ну ладно, я красив душой.

Мартинес и Рекстон утыкали всю карту страны булавками: красные – для пораженных районов, зеленые – для

чистых и еще несколько янтарных. Отчеты продолжали поступать, и помощники Рекстона продолжали добавлять новые булавки.

Айова болела корью. Новый Орлеан и центр Луизианы выглядели не лучше. Канзас-Сити тоже. Верховья бассейна Миссури – Миссисипи, от Миннеаполиса и Сент-Пола вплоть до самого Сент-Луиса, были вражеской территорией. Ниже, к Новому Орлеану, красных булавок становилось меньше, но зеленых не было ни одной. Красное пятно расплзлось вокруг Эль-Пасо, и еще два выделялись на Восточном побережье.

Президент спокойно оглядел карту.

– Нам понадобится помощь Канады и Мексики, – сказал он. – Оттуда есть какие-нибудь сообщения?

– Ничего достоверного, сэр.

– Канада и Мексика – это только начало, – серьезно произнес Старик. – Нам понадобится помощь всего мира.

– Видимо, – сказал Рекстон. – А как насчет России?

Ни у кого не нашлось ответа на этот вопрос; да его и раньше никогда не было. Слишком большая страна, чтобы оккупировать, и слишком большая, чтобы не обращать на нее внимания. Третья мировая война не решила российскую проблему, да и никакая война не сможет ее решить. За железным занавесом паразиты могли чувствовать себя как дома.

– Когда придет время, мы с этим разберемся, – сказал президент и провел пальцем по карте. – Связь с Восточным побережьем нормальная?

– Вроде бы все в порядке, сэр, – ответил Рекстон. – Похоже, они не препятствуют транзитному трафику. Тем не менее я перевел всю военную связь на трансляцию через космические станции. – Он взглянул на палец с часами. – Сейчас работает станция «Гамма».

– Хм... Эндрю, эти твари могут захватить космическую станцию? – спросил президент.

– Откуда мне знать? – раздраженно ответил Старик. – Я не знаю, приспособлены для этого их корабли или нет. Скорее всего, они попытаются проникнуть на борт через грузовые ракеты.

Завязалась дискуссия о том, захвачены ли уже космические станции или нет: режим «Голая спина» на них не распространялся. Хотя мы и финансировали их, и строили сами, формально они считались территорией ООН, и президент вынужден был дожидаться, когда Организация Объединенных Наций примет решения по данному вопросу.

– На этот счет можете не беспокоиться, – сказал Рекстон.

– Почему? – спросил президент.

– Наверное, я тут единственный, кто служил на орбитальной станции. Джентльмены, костюмы, что мы сейчас носим, там обычное дело. Появиться там полностью одетым – все равно что заявиться в пальто на пляж. Однако мы сейчас убедимся. – И он отдал распоряжение своему помощнику связаться со станцией.

Президент продолжил изучать карту.

– Насколько нам известно, вся зараза расползается из единственной точки посадки, вот отсюда. – Он ткнул пальцем в Гриннелл в штате Айова.

– Насколько нам известно, – согласился Старик.

– О боже! – выдохнул я, и все повернулись ко мне. Я смутился.

– Продолжай, – сказал президент.

– До того, как меня спасли, было еще три посадки. Это я знаю совершенно точно.

Старик ошеломленно уставился на меня:

– Ты уверен, сынок? Я полагал, мы выжали тебя досуха.

– Конечно уверен.

– Тогда почему раньше не сказал?

– Просто я до сих пор об этом не думал. – Я попытался объяснить им, каково это – быть под контролем, когда знаешь, что происходит, но ощущения как во сне, где все важно

и в то же время не важно. От этих воспоминаний мне даже не по себе стало.

Я, вообще-то, не из слабонервных, но рабство у титанцев бесследно не проходит. Старик положил мне руку на плечо и сказал:

– Успокойся, сынок.

Президент тоже сказал что-то успокаивающее и одобрительно улыбнулся. Эффект присутствия в стерео не может этого передать – наш президент действительно способен ободрить одной улыбкой.

– Главный вопрос в том, где они приземлились. Может быть, мы сумеем захватить корабль, – сказал Рекстон.

– Сомневаюсь. При первой посадке они замели следы буквально в считанные часы, – ответил Старик и задумчиво добавил: – Если это была первая посадка.

Я подошел к карте и попытался хоть что-то вспомнить. Затем указал на Новый Орлеан.

– Один, я почти уверен, сел здесь, – сказал я, продолжая есть карту глазами. – А про два других не знаю. Но знаю, что они были.

– Что насчет этого района? – спросил Рекстон, указав на Восточное побережье.

– Я не знаю, не знаю.

Старик указал на второе красное пятно на Восточном побережье:

– Нам известно, что это вторичное заражение.

Он любезно не упомянул, что источником инфекции здесь послужил я.

– Вы что, не можете вспомнить? – раздраженно сказал Мартинес. – Думайте, молодой человек, думайте!

– Я действительно не знаю. Мы никогда не знали, что планируют хозяева, практически никогда. – Я напрягся так, что у меня голова заболела, затем показал на Канзас-Сити. – Сюда я посылал несколько сообщений, но опять-таки не знаю, то ли заказы на доставку ячеек, то ли еще что.

Рекстон взглянул на карту. Канзас-Сити был утыкан булавками почти как Айова.

– Будем считать, что около Канзас-Сити тоже была посадка. Я поручу своим специалистам разобраться. Они могут провести анализ с точки зрения логистики и вычислить, где приземлился корабль.

– Или корабли, – поправил его Старик.

– Что? Корабли? Конечно. Но нам нужно больше информации. – Рекстон повернулся к карте и задумчиво на нее уставился.

16

Сейчас было поздно локти кусать. Когда приземлилась первая тарелка, угрозу мог устранить один решительный человек одной бомбой. Когда семья Кавано – Старик, Мэри и я – проводила разведку в районе Гриннелла и в Де-Мойне, мы вдвоем могли бы уничтожить всех слизняков, если бы проявили безжалостность и, что более важно, знали бы, что они здесь есть.

Если бы режим «Голая спина» ввели хотя бы к концу первой недели, одного этого хватило бы, чтобы справиться с захватчиками. А так мы быстро поняли, что в качестве наступательной меры режим себя не оправдал. Как способ обороны он был полезен: незараженные районы, во всяком случае, такими и оставались. В отдельных случаях мы даже добились успехов в наступлении: удалось очистить зараженные, но не захваченные полностью города. Вашингтон, например, и Нью-Филадельфию. Нью-Бруклин, где я мог указать конкретные адреса. Все Восточное побережье на карте стало зеленым.

Но по мере поступления информации из центральных районов в середине карты расплзлось большое красное пятно. Теперь, когда настенную карту с булавками заменила огромная, в масштабе десять миль на дюйм, электронная панель во всю стену конференц-зала, сердце страны горело

ярким рубиновым огнем. Панель, разумеется, только дублировала сигналы из военного ведомства; оригинал находился на одном из подземных ярусов Нового Пентагона.

Страна разделилась на две части, словно какой-то гигант пролил на равнинные области в центре красную краску. По краям захваченной паразитами полосы шли две зигзагообразные янтарные дорожки – только там на самом деле велись активные действия: в местах, где в пределах прямой видимости был возможен прием стереопередач как вражеских станций, так и тех, что еще оставались в руках свободных людей. Одна начиналась неподалеку от Миннеаполиса, огибала с запада Чикаго и с востока Сент-Луис, а дальше змеилась через Теннесси и Алабаму к Мексиканскому заливу. Вторая тянулась через Великие равнины и заканчивалась у Корпус-Кристи. Эль-Пасо находился в центре еще одной красной зоны, не соединенной с основной.

Я смотрел на карту и пытался представить себе, что происходит в этих пограничных районах. Конференц-зал был полностью в моем распоряжении. Президент ушел на встречу Кабинета министров и взял с собой Старика. Рекстон со своими офицерами отбыл чуть раньше. Я остался ждать просто потому, что шататься без дела по Белому дому как-то не тянуло. Сидел и с волнением следил, как янтарные огни сменяются красными и, гораздо реже, красные – зелеными или янтарными.

Мне очень хотелось знать, как ночному посетителю без официального статуса получить в Белом доме завтрак. Я бодрствовал с четырех утра, и с тех пор мне перепала только чашечка кофе, поданная камердинером президента. Но завтрак мог подождать, куда более срочно нужно было найти туалет. Я знал, где находится президентский, но мне не хватало нахальства им воспользоваться. Я смутно чувствовал, что этот проступок будет квалифицироваться где-то между государственной изменой и хулиганством.

В поле зрения не было ни одного охранника. Вероятно, комната откуда-то просматривалась. Я полагаю, в каждом

помещении Белого дома есть глаза и уши, но физически в поле моего зрения никого не было.

Наконец я не выдержал и начал пробовать все двери подряд. Первые две оказались заперты, но за третьей обнаружилось то, что я искал. Поскольку тут не было ни таблички «Исключительно для президента», ни мин-ловушек, я им воспользовался.

Когда я вернулся в конференц-зал, там была Мэри.

Мгновение я тупо пялился на нее.

– Я думал, ты с президентом.

– Я была, но меня вытурили, – сказала она, улыбнувшись.

– Вместо меня там Старик.

Я решил:

– Знаешь, Мэри, я давно хотел с тобой поговорить, но до сих пор все не удавалось. Похоже, я... Ну... Короче, мне не следовало... Я имею в виду, что Старик сказал... – Я умолк, обнаружив, что здание тщательно отрепетированной речи лежит в руинах, и наконец выдавил: – В общем, я не должен был говорить то, что тогда сказал.

Она тронула меня за руку:

– Сэм... Сэм, дорогой, ну что ты, успокойся. Ты сказал то, что думал. Исходя из того, что ты знал, это было вполне логично. Главное, что ты сделал это ради меня. Остальное не имеет значения... ну разве что я рада слышать, что ты больше меня не презираешь.

– Ну... Черт возьми, да не будь же такой благородной и всепрощающей. Я этого не вынесу.

Она весело улыбнулась, но эта улыбка показалась мне уже не такой мягкой, как первая.

– Сэм, мне кажется, тебе нравится, когда в женщинах есть капелька стервозности. Предупреждаю, я могу быть и такой. А если ты все еще переживаешь из-за той пощечины, могу вернуть тебе долг. – Она подняла руку и легонько шлепнула меня по щеке. – Ну вот, мы в расчете, и ты можешь об этом забыть.

Выражение ее лица внезапно изменилось. Она размахнулась и... я думал, у меня голова отвалится.

– А это, – яростно прошипела она, – за ту, что я получила от твоей подружки!

В ушах у меня звенело, перед глазами плыло. Если бы я не видел ее голую ладонь, то готов был поклясться, что меня огрели доской.

Мэри смотрела на меня настороженно и вызывающе, и отнюдь не примирительно – скорее даже зло, если раздутые трепещущие ноздри о чем-то говорят. Я поднял руку, и она напряглась – но я просто хотел потрогать пылающую щеку.

– Она вовсе не моя подружка, – сказал я растерянно.

Мы посмотрели друг на друга и одновременно расхохотались. Мэри обняла меня и, все еще смеясь, уронила голову на мое правое плечо.

– Прости, Сэм, – с трудом выговорила она. – Каюсь, я не должна была... бить тебя. Во всяком случае, мне следовало сдержаться и не бить тебя так сильно.

– Черта с два ты в чем-то раскаиваешься, – проворчал я. – Так вломила, что чуть шкуру не содрала.

– Сэм, бедненький. – Мэри дотронулась до щеки, та в ответ полыхнула болью. – Она в самом деле не твоя подружка?

– Нет, не повезло. Хотя я старался.

– Не сомневаюсь. Ну, Сэм, кто твоя подружка?

Эти слова кто-то мог бы принять за кокетство, но сейчас в Мэри не было ни капли кокетства.

– Ты... ты мегера.

– Теперь да, – сказала она удовлетворенно. – Вся твоя – пока ты этого хочешь. Я уже говорила тебе, и это остается в силе. Оплачена и куплена – можешь брать.

Она подняла лицо, ожидая поцелуя, но я ее оттолкнул:

– Бог с тобой, женщина! Я не хочу тебя «оплаченной и купленной».

Это ее нисколько не смутило.

– Я неудачно выразилась. «Оплачена», но не «куплена». Я здесь потому, что сама этого хочу. Теперь-то ты меня поцелуешь?

Могу поклясться чем угодно, что до этого момента Мэри держала свою сексапильность в узде. Как только она поняла, что ответ «да», она выпустила ее на волю. Это было как солнце, выглянувшее из-за туч. Словами не передашь, но других сравнений у меня нет.

Она уже целовала меня один раз. Теперь она поцеловала меня. Французы в этом вопросе умнее нас, у них есть два разных слова, чтобы обозначать такие вещи... но тут было третье. Я чувствовал, что тону в теплом золотистом тумане, из которого совсем не хотелось возвращаться. Наконец мне пришлось оторваться от нее и отдышаться.

– Видимо, мне лучше сесть.

Она сказала:

– Спасибо, Сэм, – и отпустила меня.

* * *

– Мэри, – сказал я спустя какое-то время, – дорогая, я думаю, ты можешь здорово меня выручить.

– Что? – с готовностью отозвалась она.

– Ради бога, скажи, как тут можно добыть какую-нибудь еду? Я с утра без завтрака и умираю с голода.

Мэри удивилась. Думаю, она ожидала чего-то другого, но сказала только:

– Ну конечно!

Не знаю, куда она ходила и как она это сделала. Может быть, просто вломилась в буфетную Белого дома и взяла что понравилось. Но она вернулась через несколько минут с подносом сэндвичей и двумя бутылками пива. Отварная соловина и ржаной хлеб вернули цвет моим щекам. Уписывая третью порцию, я спросил:

– Мэри, как думаешь, долго еще продлится заседание?

– Давай посмотрим, – сказала она, – там четырнадцать человек, включая Старика. Я бы дала им как минимум еще два часа. А что?

– Тогда... – я проглотил последний кусок, – у нас есть время сбежать отсюда, найти бюро регистрации, пожениться и вернуться назад, прежде чем Старик по нам соскучится.

Мэри молчала, разглядывая пузырек в своей бутылке пива.

– Что скажешь? – не отставал я.

Она подняла глаза:

– Я пойду за тебя, если ты этого хочешь. Слов обратно я не беру. Но я не собираюсь начинать отношения со лжи. А правда в том, что лучше бы нам этого не делать.

– Ты не хочешь выходить за меня?

– Сэм, я не думаю, что ты готов жениться.

– Говори за себя!

– Не сердись, дорогой. Я, честно, не собираюсь отказываться. Я – твоя, с контрактом или без, в любое время, в любом месте. Но ты меня еще совсем не знаешь. А узнав поближе... ты мог бы изменить свое мнение.

– У меня нет привычки менять свое мнение.

Она молча посмотрела мне в глаза, а потом отвела печальный взгляд в сторону. Я почувствовал, как кровь бросилась мне в лицо.

– То были совершенно особые обстоятельства, – запротестовал я, – больше такого с нами еще сто лет не случится. Я был сам не свой и...

– Я знаю, Сэм, – остановила она меня. – А теперь ты хочешь мне доказать, что на самом деле ничего такого не было или, по крайней мере, что теперь ты совершенно уверен в собственном рассудке. Но тебе не нужно ничего доказывать. Я не убегу от тебя, и я тебя ни в чем не подозреваю. Просто увези меня куда-нибудь на выходные, а еще лучше – переселяйся ко мне. Если решишь, что я тебе точно подхожу, у тебя будет достаточно времени сделать из меня «порядочную

женщину», как говорила моя прабабушка, хотя одному Богу известно, зачем это нужно.

Вид у меня, должно быть, был невеселый. Она накрыла мою руку своей и сказала очень серьезно:

– Посмотри на карту, Сэм.

Я повернул голову и посмотрел. Красного цвета меньше не стало, даже немного прибавилось: мне показалось, что зона вокруг Эль-Пасо увеличилась.

– Давай сначала разберемся с этим делом, дорогой. После, если не передумаешь, спроси меня снова. А пока у тебя будут все права, и никаких обязательств.

Казалось бы, что может быть лучше подобного предложения? Беда была в том, что мне хотелось совсем другого. Почему мужчина, который всю жизнь бежал от брака как от чумы, вдруг решает, что на меньшее он просто не согласен? Я видел такое сотни раз и никогда раньше не понимал этих людей. А теперь сам оказался на их месте.

* * *

Когда совещание закончилось, Мэри пришлось вернуться к своим обязанностям. А Старик поймал меня и повел прогуляться. Да, именно прогуляться, хотя дошли мы только до Мемориальной скамейки Баруха.³⁵ Там Старик сел, повозился со своей трубкой и молча уставился в пространство. Стояла духота, какая бывает только в Вашингтоне, но парк был почти безлюден. Люди еще не привыкли к режиму «Голая спина».

– Сегодня в полночь начинается операция «Ответный удар», – сказал он наконец.

³⁵ Бернард М. Барух (1870–1965) – легенда Уолл-стрит, один из создателей, идеологов и практиков современного фондового рынка, финансовый советник президентов Вильсона и Рузвельта; имел обыкновение проводить деловые и политические встречи на скамейке в парке Лафайет в нескольких минутах ходьбы от Белого дома. На эту скамейку ему даже адресовали и доставляли почту.

Я ничего не ответил, расспрашивать его было бесполезно. Он помолчал и добавил:

– Мы выбрасываем десант на все ретрансляционные станции, радиостанции, редакции газет и отделения связи «Вестерн Юнион» в красной зоне.

– Неплохо, – отозвался я. – Сколько людей участвует в операции?

Не отвечая на вопрос, Старик произнес:

– Мне это совсем не нравится.

– В смысле?

– Смотри, малыш: президент вышел в эфир и велел всем снять рубашки. Мы видим, что его обращение не достигло зараженной территории. Каков следующий логичный шаг?

Я пожал плечами:

– Видимо, операция «Ответный удар»?

– Операция еще не началась. Думай. Прошло больше суток. Что должно было произойти, но не произошло?

– А я должен догадываться?

– Должен, если ты хоть чего-то стоишь сам по себе. Держи. – Он протянул мне ключ от машины. – Сгоняй в Канзас-Сити и по-быстрому осмотришься. Держись подальше от телестудий, от полицейских, от... Ладно, ты знаешь их тактику лучше меня. Так вот, держись подальше от них. Просто гляди по сторонам и старайся, чтобы тебя не поймали. – Старик взглянул на перстень с часами и добавил: – Вернешься не позже половины двенадцатого. Вперед.

– Не так много времени, чтобы осмотреть целый город, – пожаловался я. – До Канзас-Сити добираться часа три.

– Больше, – сказал Старик. – Не превышай скорость и не привлекай к себе внимания.

– Ты же знаешь, я осторожный водитель!

– Двигай!

И я двинул. Заскочил в Белый дом забрать свою рабочую экипировку. Десять минут убил впустую, убеждая сменяющуюся охрану, что я действительно пробыл там всю ночь и что там на самом деле осталось мое имущество, которое мне

нужно забрать. Машина – та самая, на которой мы прилетели, – стояла на платформе Рок-Крик-парк. Движения почти не было; забирая машину, я поинтересовался у диспетчера, в чем дело.

– Все грузовые и коммерческие перевозки только по земле, – ответил он. – Чрезвычайное положение... Кстати, у тебя есть пропуск?

Я мог бы связаться со Стариком и получить пропуск в два счета, но беспокоить его из-за таких мелочей себе дороже. Поэтому я просто сказал:

– Проверь номер.

Он пожал плечами и сунул мой жетон в свою машинку. Видимо, моя догадка оказалась верной, потому что он удивленно вскинул брови и вернул жетон.

– Да ты крут! – присвистнул он. – Ходишь в любимчиках у самого президента?

Он не спрашивал меня о моем пункте назначения, а я его не сообщал. Его машинка, должно быть, заиграла «Слався, Колумбия!»,³⁶ когда прочитала идентификатор Старика.

Взлетев, я запрограммировал автопилот на полет в Канзас-Сити с максимальной допустимой скоростью и попытался думать. Каждый раз, когда при переходе между зонами контроля машину цеплял радарный луч, в приемнике раздавалось короткое «бип», но экран оставался пуст. Определенно машина Старика могла летать куда угодно, несмотря на чрезвычайное положение. Я попытался представить себе, что произойдет, когда я влечу на этой машине в красную зону, и тут до меня дошло, что имел в виду Старик, когда спрашивал: «Каков следующий логичный шаг?» Пропустит ли меня сеть контроля на территорию, которая, как нам чертовски хорошо известно, заражена титанцами?

³⁶ «Hail Columbia» – патриотическая песня, до 1931 г. служившая неофициальным гимном США. Гимн написал Филипп Файл в 1789 г. на инаугурацию Джорджа Вашингтона под названием «Президентский марш».

Мы привыкли думать, что слово «коммуникации» означает «телевизионные каналы», и ничего иного. Но на самом деле «коммуникация» означает любое движение информации, включая дорогую тетушку Мэми, которая направляется в Калифорнию с ворохом сплетен за пазухой. Слизняки захватили каналы вещания, и обращение президента не прошло, как мы предполагали, однако новости так просто не остановить, такими мерами можно лишь замедлить их распространение. За советским железным занавесом тетя Соня далеко не ездит, это бесполезно. Следовательно, если слизняки планировали удержать власть в занятых регионах, захват средств связи – это лишь первый шаг.

Очевидно, они не столь многочисленны, чтобы перехватывать весь транспорт, но тогда что они предпримут? Я пришел лишь к совершенно бесполезному выводу, что они наверняка что-нибудь придумали и, поскольку по определению я тоже часть «коммуникаций», мне лучше быть готовым ко всему, если я хочу сохранить свою шкуру.

Тем временем Миссисипи и красная зона приближались с каждой минутой. Что же произойдет, когда идентификация моей машины примет станция слежения, захваченная паразитами? Я попытался поставить себя на место титанцев, но, хотя и побывал рабом одного из них, это оказалось невозможным. Сама идея думать, как титанец вызывала у меня отвращение.

Ну хорошо, сказал я себе, тогда что сделает комиссар государственной безопасности, если самолет недружественной державы пересечет железный занавес? Разумеется, собьет его. Нет, не так. Скорее всего, в воздухе угроза для меня даже меньше. Главное – не дать им узнать, где я приземлился. Это же элементарно, нет?

«Элементарно» – если забыть, что имеешь дело с сетью транспортного контроля, о которой с гордостью говорили: «Малая птица не упадет».³⁷ Ее создатели хвастались, что на

³⁷ «Не две ли малые птицы продаются за ассарий? И ни одна из них не упадет на землю без воли Отца вашего» (Мф. 10: 29).

всей территории Соединенных Штатов даже бабочка не сможет совершить вынужденную посадку, не приведя в действие поисково-спасательную систему. Это, конечно, преувеличение, но ведь и я не бабочка.

И я решил сесть вблизи зараженной зоны и проникнуть в нее по земле. Пешком я сумел бы пересечь, наверно, любой периметр безопасности – механический, электронный, патрулируемый или комбинированный. Но на машине, которая каждые семь минут оставляет позади один градус долготы, невозможно петлять и скрываться. И она не может состроить глупую невинную физиономию и изобразить заблудившуюся овечку. Однако, если я отправлюсь пешком, Старик получит доклад, дай бог, к концу сентября, а он нужен ему к полуночи.

Как-то, разоткровенничавшись, Старик сказал, что он никогда не дает агентам подробных инструкций. Человеку, мол, нужно дать задание, а там пусть сам барахтается, либо справится, либо нет. Я тогда предположил, что с его методами он расходует слишком много агентов.

– Пожалуй, – признал он. – Но другие методы еще хуже. Я верю в людей и отбираю тех, кто умеет выживать.

– По какому, интересно, принципу, – спросил я, – ты их отбираешь?

Губы его изогнулись в зловещей ухмылке.

– Это те агенты, что возвращаются с заданий. Так я их и нахожу.

И теперь я должен был принять решение в ближайшие несколько минут. «Элихью, – сказал я себе, – сейчас мы узнаем, к какой категории ты относишься... И чтоб ему пусто было!»

Я установил курс, который вел меня к Сент-Луису, огибал его по широкой дуге и уводил к Канзас-Сити. Но Сент-Луис находился в красной зоне. Оперативная карта показывала, что Чикаго все еще остается в зеленой. Насколько я помнил, янтарная полоса зигзагами уходила на запад чуть выше Ганнибала в штате Миссури, а мне очень хотелось

пересечь Миссисипи где-нибудь в зеленой зоне. Над рекой шириной в милю машина будет сиять на радаре, как осветительная ракета над пустыней.

Я запросил у наземной службы разрешение на спуск до уровня местного движения, но не стал дожидаться ответа, а рванул вниз, перешел на ручное управление, снизил скорость и полетел на север.

На Спингфилдской кольцевой я снова повернул на запад, оставаясь на прежней высоте. Когда показалась река, я выключил ответчик и медленно пересек ее над самой водой. Разумеется, вы не сможете отключить сигнал распознавания в воздухе, если у вас установлен стандартный комплект оборудования, – но у нас в Отделе машины нестандартные. Старик не гнушался гангстерских трюков.

Я рассчитывал, что люди на местной радарной станции если и засекут сигнал, то примут меня за лодку. Я не знал точно, в какой из зон, зеленой или красной, находится станция контроля на том берегу. Кажется, она была в зеленой зоне.

Я уже собрался снова включить ответчик, решив, что так будет безопаснее (или хотя бы менее заметно) влиться в транспортный поток, но тут увидел впереди небольшой разрыв береговой линии. Никакого притока на карте не было, и я решил, что это либо залив, либо новое русло, пробитое весенним половодьем и еще не отмеченное на картах. Опустив машину к самой воде, я направился туда. Протока была узкой и извилистой, а сверху ее почти полностью перекрывали склонившиеся деревья, так что возможности взлететь у меня было не больше, чем у пчелы, залетевшей в тромбон, зато радарная «тень» здесь была идеальная, и я легко мог в ней затеряться.

Через несколько минут я так хорошо затерялся, что меня не нашел бы никакой оператор станции слежения, да я и сам полностью заблудился. Карта мне нисколько не помогала. Протока змеилась, виляла, поворачивала обратно, так что все мое внимание было поглощено ручным управлением и

мне было не до навигации. Удерживая машину от падения в воду, я проклял все на свете и сто раз пожалел, что у меня не трифибия, которую можно посадить на воду.

В деревьях на правом берегу вдруг появился просвет, а за ним полоска ровной земли. Я рванул туда и снизился, так резко затормозив, что меня чуть не разрезало пополам ремнем безопасности. Но зато я стоял на грунте, и мне больше не нужно было изображать зубатку в грязном потоке.

Что делать дальше? Вокруг не было ни души. Я решил, что нахожусь на задах какой-нибудь фермы. Несомненно, где-то рядом проходило шоссе. Я должен был найти его и двигаться дальше по земле.

Но, едва успев так подумать, я понял, что это глупо. От Вашингтона до Канзас-Сити три часа лета, я почти добрался до цели, и сколько я буду добираться до Канзас-Сити? По дорогам – почти три часа. Все, что мне нужно, чтобы завершить поездку, – это оставить машину в десяти или двенадцати милях от Канзас-Сити и пойти пешком. Тогда у меня оставалось бы в запасе три часа на обратную дорогу. Я почувствовал себя как лягушка, которая в каждом прыжке одолевала половину пути до конца бревна и никак не могла допрыгать до финиша. Нужно было возвращаться в воздух. Но я не решался взлетать, не зная, кто здесь контролирует транспортные потоки – свободные люди или слизняки.

Внезапно мне пришло в голову, что стерео я не включал от самого Вашингтона. Я не любитель стерео, между рекламой и откровенным барахлом трудно найти что-то стоящее. Это заставляет задуматься: а что, собственно, такое этот наш «прогресс»? Впрочем, выпуск новостей мне бы сейчас пригодился.

Я не смог найти последние известия. Вместо этого я увидел:

а) лекцию доктора Миртл Дулайтли «Почему мужья начинают скучать». Спонсор – компания по производству гормональных препаратов «Утаген». Я решил, что у доктора Дулайтли богатый опыт в этом вопросе;

б) трио певичек в обтягивающих брючках, исполняющее «Если ты хочешь того, чего, я думаю, ты хочешь, то чего же мы ждем?»;

в) очередной эпизод сериала «Лукреция познает жизнь».

Уважаемая доктор Миртл выступала полностью одетой и могла скрывать на своем теле хоть дюжину титанцев. Трио было одето именно так, как и следовало ожидать, но они ни разу не повернулись к камере спиной. С Лукреции то срывали одежду, то она охотно снимала ее сама, но камера всякий раз переключалась на другой план, или гас свет, и я никак не мог проверить, голая ли у нее спина – в смысле, есть ли там наездник.

Впрочем, это все равно не имело значения. Программы могли записать за неделю или месяц до того, как президент объявил о режиме «Голая спина». Я щелкал

переключателем каналов, пытаюсь отыскать выпуск новостей или прямой эфир, пока не наткнулся на профессиональную елейную улыбку ведущего какой-то программы. Он был полностью одет.

Вскоре до меня дошло, что это одна из тех глупых викторин с раздачей призов. Ведущий говорил: «...и какая-нибудь счастливица, сидящая сейчас у экрана, прямо в эту минуту получит – причем совершенно бесплатно – автоматического домашнего дворецкого, шесть в одном, от „Дженерал атомикс“. Кто же это будет? Вы? Вы? Или, может быть, вы?» Он повернулся к камере спиной, и я увидел его плечи. На нем были рубашка и пиджак, но я отчетливо разглядел, что они вздулись бугром – чуть ли не горб на спине. Я был в красной зоне.

* * *

Выключив стерео, я заметил, что за мной наблюдают – сорванец лет девяти. Он был в одних трусах, но коричневый цвет его плеч говорил о том, что таков его обычный стиль одежды. Я опустил ветровое стекло:

– Эй, парень, где тут шоссе?

Он молча продолжал смотреть на меня, потом ответил:

– Дорога на Мейкон вон там. Скажите, мистер, а это у вас «кадиллак-молния», да?

– Точно. А где это «вон там»?

– А прокатите?

– Времени нет. Где дорога?

Он смерил меня взглядом, прежде чем ответить:

– Возьмите меня с собой, и я покажу.

Я сдался. Пока он забирался в машину и осматривался, я открыл дорожную сумку, достал брюки, рубашку и пиджак и надел их.

– Может, я зря надел рубашку? Люди здесь носят рубашки?

Он накупился:

– У меня есть рубашки!

– Я не говорил, что у тебя их нет. Я просто спросил, носят ли здесь рубашки?

– Носят, конечно. А вы думали, куда прилетели, мистер? В Арканзас?

Я махнул рукой и снова спросил насчет дороги.

– А можно мне нажать на кнопку, когда будем взлетать, да?

Пришлось объяснить, что взлетать мы не будем. Он надулся, но все же согласился показать, куда ехать. Для грунтовок машина была тяжеловата, и мне приходилось вести очень внимательно. Немного погодя он сказал мне свернуть. Мы проехали еще немного, и я остановил машину и спросил:

– Ты покажешь мне все-таки, где шоссе, или тебе задницу надрать?

Он открыл дверцу и выскользнул из машины.

– Эй! – крикнул я.

Мальчишка обернулся и махнул рукой: «Туда!» Я развернул машину и, хотя совсем уже не ожидал, обнаружил шоссе всего в пятидесяти ярдах. Паршивец заставил меня сделать почти полный круг.

Шоссе, конечно, оказалось еще то – ни грамма резины в покрытии. Однако какая-никакая, а дорога, и я двинулся по ней на запад. В общем, я потратил впустую час с лишним.

Мейкон, штат Миссури, выглядел слишком нормальным, и это настораживало. О режиме «Голая спина» тут явно не слышали. Среди прохожих попадались голые по пояс, но это вполне могло объясняться жарой. Куда больше было одетых, и у любого под рубашкой мог прятаться слизняк. Я начал думать, что достаточно будет осмотреть этот городишко и рвануть, пока не поймали, назад. При мысли о том, чтобы двигаться вглубь территории, захваченной паразитами, я нервничал, как проповедник на холостяцкой вечеринке. Поджилки тряслись, и очень хотелось дать ходу.

Однако Старик сказал: «Канзас-Сити». Я обогнул Мейкон по кольцевой дороге и выехал на взлетную полосу на западе. Пристроился в очередь на взлет и направился в Канзас-Сити вместе с беспорядочным роем фермерских вертолетов и другой техники. Приходилось держаться местных ограничений скорости, но это безопасней, чем лезть в магистральный поток с ответчиком, который выдаст мою машину на первом же контрольном пункте.

Взлетную площадку обслуживала автоматика, здесь не было дежурных, даже на заправочной станции. Похоже, мне удалось вписаться в транспортный поток Миссури, не вызвав ни у кого подозрений. Правда, позади оставалась станция контроля на участке штата Иллинойс, которая могла заинтересоваться, куда я делся с маршрута, но это не имело значения.

17

Канзас-Сити практически не пострадал при бомбардировке – только на востоке, где раньше был городок Индепенденс. Соответственно, его и не отстраивали заново. С юго-востока можно проехать прямо в центр города до Своуп-парка, на остальных въездах надо либо ставить машину на стоянку, либо платить за право въехать в город. Или же можно попасть туда воздухом, но опять-таки приходится делать выбор: либо садиться на поле на северном берегу реки и добираться до города туннелями, либо лететь до одной из стартовых платформ в деловом центре к югу от Мемориального холма.

Я отклонил оба варианта. Я хотел, чтобы машина оставалась под рукой, но не желал забирать ее на парковке. В случае чего трудно одновременно отстреливаться и предъявлять парковщику талон. Туннели мне тоже не нравятся, да и лифты на стартовых платформах: там легко устроить человеку ловушку.

Честно говоря, мне вообще не хотелось появляться в городе.

Проехав по шоссе номер 40, я подкатил к платному въезду на Мейер-бульвар. Очередь желающих заплатить за сомнительное удовольствие ехать по городским улицам выстроилась довольно длинная, и, едва сзади подкатила следующая машина, у меня возникло ощущение, что я в ловушке. Я пожалел, что не припарковался и не пошел в город пешком. Однако контролер принял деньги, даже не взглянув в мою сторону. Я очень внимательно на него смотрел, но так и не понял, есть у него наездник или нет.

Облегченно вздохнув, я миновал ворота, но меня сразу же остановили снова. Впереди резко опустился шлагбаум, я едва успел затормозить. В открытое окно тут же сунул голову полицейский.

– Проверка безопасности, – сказал он. – Выходите.

Я возразил, что мою машину только что проверили.

– Не сомневаюсь, – согласился он, – но в городе проводится кампания за безопасность движения. Вот квитанция на машину. Получите ее за шлагбаумом. А вам – вон в ту дверь. – Полицейский махнул рукой в сторону здания у дороги.

– Зачем?

– Проверка зрения и рефлексов. Не задерживайте очередь.

В памяти у меня сразу вспыхнула карта, где Канзас-Сити светился красным. Я не сомневался, что город полностью захвачен, и, следовательно, этот добродушный полицейский наверняка таскает на плечах паразита. Мне даже не нужно было смотреть на его плечи. Выбор у меня был небогатый – я мог либо застрелить его и экстренно взлететь с места, либо подчиниться. От обычного полицейского я бы попробовал откупиться, когда он вручал мне квитанцию на машину. Но у титанцев деньги не в ходу.

Или?..

Недовольно ворча, я выбрался из машины и медленно пошел к зданию. Ближайшая дверь была помечена надписью «ВХОД». Другая была в дальнем конце с надписью «ВЫХОД». Когда я подходил, из нее вышел человек. Мне ужасно хотелось спросить у него, что он там видел.

Здание поставили наспех, и даже дверь там по старинке открывалась вручную. Я толкнул ее ногой, посмотрел влево, вправо и наверх, прежде чем войти. Здесь была пустая приемная с открытой внутренней дверью. Помещение выглядело безопасным.

– Войдите! – крикнули из-за двери.

Держась по-прежнему настороже, я вошел. Там были двое мужчин в белых халатах, один из них – с докторским зеркальцем на голове. Он поднял голову и оживленно сказал:

– Это займет всего минуту. Идите сюда.

Он подошел и закрыл за мной дверь. Я услышал, как щелкнул замок.

Устроились они тут гораздо лучше, чем мы в Конституционном клубе. Если бы у меня было время, я бы полюбился, как тут все здорово организовано. На длинном столе стояли транзитные ячейки с хозяевами, уже вскрытые и прогретые. Второй мужчина держал одну наготове – для меня, как я понял, – наклонив ее к себе, чтобы я не увидел слизняка внутри. Транзитные ячейки сами по себе не должны были вызвать у жертв никаких подозрений: у врачей всегда под рукой полно разных штучек, которые специалисту могут показаться странными.

Дальнейший сценарий мне был ясен: меня попросят поглядеть в окуляры обычного прибора для проверки остроты зрения. «Врач» не даст глазеть по сторонам, заставляя изучать контрольные цифры, а тем временем его «ассистент» подсадит мне хозяина. Никакого насилия, никаких ошибок, никаких протестов.

Как я узнал за время своей собственной «службы», для пересадки вовсе не обязательно оголять спину жертвы.

Достаточно посадить хозяина на шею, и спустя секунду рекрут сам поправит одежду, чтобы спрятать паразита.

– Сюда, пожалуйста, – повторил «врач». – Глазами в окуляры.

Я очень быстро подошел к прибору, заглянул в окуляры и тут же резко обернулся.

«Ассистент» двигался на меня с готовой ячейкой в руке, и, когда я повернулся, он наклонил ее к себе, чтобы я не видел, что внутри.

– Доктор, – сказал я, – у меня контактные линзы. Мне их снять?

– Нет-нет! – нетерпеливо ответил он. – Давайте не будем терять время.

– Но, доктор, я бы хотел, чтобы вы проверили, насколько хорошо они подходят. С левой линзой что-то не так... – Я поднял руки и оттянул веки вверх и вниз. – Вот видите...

– Здесь у нас не клиника, – сердито произнес «врач». – А теперь будьте так добры...

Теперь они оба оказались в пределах досягаемости. Я резко опустил руки и сграбастал их обоих медвежьим хватом, а потом обеими руками вцепился им в спины между лопатками. Под халатами что-то чувствовалось, и меня передернуло от отвращения, но я ухватился и сжал это мягкое и податливое что было сил.

Как-то раз я видел, как наземная машина сбила на дороге кота: беднягу подбросило на четыре фута вверх, спина вывернута, лапы раскидало в стороны. С этими несчастными произошло примерно то же самое: обоих скрутило, как будто все их мышцы одновременно сократились в болезненном спазме.

Возможно, именно это с ними и произошло, когда я схватил и раздавил их хозяев. Я не смог их удержать, они выскользнули у меня из рук и шлепнулись на пол. Но держать их уже не было необходимости – после выламывающей суставки конвульсии они обмякли и потеряли сознание. Возможно, оба были уже мертвы.

В дверь постучали.

– Минутку! – отозвался я. – Доктор сейчас занят.

Стук прекратился. Убедившись, что дверь заперта, я наклонился к «доктору» и задрал на нем халат, чтобы посмотреть, что стало с его хозяином.

Тварь превратилась в расползающуюся слизистую массу, которая уже начинала вонять. То же самое произошло и с наездником «ассистента», что меня от души порадовало: если бы паразиты остались живы, мне пришлось бы сжечь их лучеметом, а сделать это, не задев носителей, не так-то просто. Я оставил людей на полу. Может быть, они умерли, может, выжили и их вновь захватили титанцы – не знаю, но помочь им я тогда ничем не мог.

А вот хозяева, ждущие в ячейках, – это совсем другое дело. Я провел лучом на максимальной мощности и сжег их за считанные секунды. Оставалось еще два больших ящика у стены. Я не знал, есть ли в них хозяева, но у меня не было причины думать иначе. Я жег их до тех пор, пока доски не превратились в угли.

Стук в дверь возобновился. Я торопливо осмотрелся, соображая, куда бы спрятать лежащих на полу людей, но деть их было некуда, и я решил прорываться к машине. Однако у самой двери что-то меня остановило. Не хватало одной детали.

Комната была практически голой, – казалось, в ней нет ничего подходящего для моей цели. Можно было бы использовать халаты «врача» и его «ассистента», но я не хотел к ним прикасаться. И тут мне на глаза попался чехол от прибора для проверки зрения. Я ослабил ворот рубашки, скомкал чехол и, запихав его под рубашку, пристроил между лопатками. Потом застегнул рубашку и надел пиджак. Получилась выпуклость нужного размера.

Потом я вышел на улицу – «...испуганный, для всех чужой, в холодном мире, созданном не мной».³⁸

³⁸ Рефрен из песни короля блюза Би Би Кинга (1925–2015).

Хотя, по правде сказать, я чувствовал себя довольно дерзким.

* * *

Еще один полицейский проверил мою квитанцию, бросил на меня пристальный взгляд и жестом приказал садиться в машину. Когда я сел за руль, он сказал:

– Поедешь в управление полиции, это рядом с мэрией.

– Управление полиции, у мэрии, – повторил я и тронулся с места.

Проехал немного в указанном направлении, свернул на шоссе Николс и, выбрав место, где машин было поменьше, нажал кнопку, меняющую номерные знаки. Я решил, что номер, под которым меня видели на въезде в платную зону, уже в розыске. И я очень жалел, что не могу сменить заодно цвет машины и ее очертания.

Не доезжая до пересечения с магистралью Макджи, я свернул на развязке вниз и покатил по переулкам среди жилых домов. По местному времени было 18:00; через четыре с половиной часа меня ждали в Вашингтоне.

18

С городом что-то было не так. Я попытался сделать скидку на свое взвинченное состояние и понять, что же с ним на самом деле такое, – увидеть не то, что я заранее ожидал увидеть, и не то, что мне хотели показать. Внешне все выглядело как обычно, но в общей картине было что-то неуловимо фальшивое, словно все вокруг пыталось играть какой-то дурно срежиссированный спектакль. И я никак не мог ткнуть пальцем во что-то конкретное, источник фальши неизменно ускользал.

На окраинах Канзас-Сити множество жилых районов, построенных век и более назад. Время как будто прошло мимо них. Дети носятся по газонам, старики прохладными

вечерами посиживают на крылечках, как это делали их деды и прадеды. Если в округе и есть бомбоубежища, то их не видно. Есть у этих громоздких старинных домов, сложенных из камней давно почившими мастеровыми, простое, безыскусное очарование. Глядя на них, удивляешься, как Канзас-Сити ухитрился заработать свою дурную репутацию, – старые районы выглядят островками покоя и безопасности.

Я проезжал по ним, уворачиваясь от собак, мячиков и малышей, которые гонялись за теми и за другими, и пытался ощутить царящую здесь атмосферу. День клонился к вечеру, наступало время затишья, время выпить пива, полить газон, поболтать с соседями.

Внешне все так и было. Впереди по улице я видел женщину, склонившуюся над клумбой. Она была в купальнике с открытой спиной – явно без паразита, и двое ребятишек, что крутились возле нее, тоже. Что же здесь не так?

Погода стояла очень жаркая, жарче даже, чем в Вашингтоне. Я высматривал голые плечи, женщин в купальниках и мужчин в шортах и сандалиях. Канзас-Сити, несмотря на свою репутацию, расположен в Библейском Поясе, и здесь чувствуется пуританское влияние. Горожане не раздеваются по погоде с радостным единодушием, как в Лагуна-Бич или Корал-Гейблсе. Полностью одетый взрослый человек здесь не бросается в глаза даже в самый жаркий день.

Так что я видел людей, одетых и так и этак. Однако пропорции были явно не те. Да, полно ребятишек в одних шортах, но на протяжении нескольких миль я заметил только пять женщин и двоих мужчин с голой спиной.

А их должно быть по меньшей мере пять сотен.

Вдумайтесь в эти цифры. Хотя под некоторыми пиджаками и не скрывались паразиты, простая прикидка давала более девяноста процентов населения во власти титанцев.

Они не просто «захватили» город, как некогда мы захватили Нью-Бруклин. Они его заполнили. Пришельцы не

только заняли все ключевые посты в городе – они стали жителями города.

Мне неудержимо хотелось взлететь прямо с места и на максимальной скорости рвануть прочь из красной зоны. Паразиты знали, что я ускользнул из ловушки на въезде, и наверняка уже искали меня. Возможно, я последний свободный человек, разъезжающий по городу на машине, а вокруг – одни лишь враги!

Я едва справился с собственными паническими мыслями. Агент, позволяющий себе так заводится, ни на что не годен и вряд ли сумеет выкарабкаться, случись ему попасть в сложную ситуацию. Но воспоминания о том, каково это – быть во власти паразита, все еще сохраняли силу, и победа над собой далась мне нелегко.

Сосчитав до десяти, я успокоился и попытался сообразить, в чем тут дело. Видимо, я все-таки ошибался. Паразитов просто не может быть так много: в Канзас-Сити около миллиона жителей. Вспомнился мой собственный опыт: мы отбирали рекрутов и вели учет каждой ячейке. Разумеется, это было незапланированное вторжение, и мы зависели от внешних поставок, тогда как у Канзас-Сити почти наверняка под боком сидела летающая тарелка.

Но даже так что-то не сходилось. Чтобы наводнить Канзас-Сити хозяевами, потребовалась бы не одна, а дюжина тарелок или даже больше. А если бы их было так много, орбитальные станции наверняка бы их засекли и отследили по радарам их посадочные траектории.

А может, не было никаких траекторий? Что, если они просто появились, вместо того чтобы опускаться на землю, как ракеты? Может быть, они использовали старый добрый гипотетический «варп-двигатель»?³⁹ Я не знаю, что такое этот варп-двигатель, да и никто другой, наверное, не знает, но он точно позволил бы высадиться на планету незаметно

³⁹ Варп-двигатель – гипотетическая технология, которая позволит звездолету перемещаться со скоростью выше скорости света за счет деформации пространства-времени.

для радаров. Мы понятия не имели, на что паразиты способны в техническом плане, а строить догадки, опираясь на собственные представления о возможностях науки, и глупо, и опасно.

Однако выводы, которые напрашивались из всего увиденного, противоречили здравому смыслу. Следовательно, прежде чем докладывать, необходимо еще раз проверить. Пока было ясно одно: даже заполонив почти весь город, они тем не менее сохраняли маскарад, и жители Канзас-Сити выглядели как свободные люди. Может быть, я и не настолько сильно выделяюсь.

За своими мыслями я незаметно проехал еще с миллю или больше, не выбирая дороги. Когда я понял, что приближаюсь к торговому району вокруг «Плазы», я тут же свернул: где толпы, там и полиция. Но я зацепил самый краешек района и по пути миновал общественный плавательный бассейн. Я запомнил все, что увидел, и отложил для дальнейшего осмысления. Мой мозг использует свою систему отсрочек и приоритетов: данные, имеющие низкий приоритет, откладываются до тех пор, пока каналы не очистятся от прежней информации и не будут готовы к приему новой.

Проще говоря, до меня обычно доходит задним числом.

И я проехал еще несколько кварталов, прежде чем проанализировал данные по бассейну. Их было немного: ворота заперты, на них табличка: «ЗАКРЫТО В СВЯЗИ С ОКОНЧАНИЕМ СЕЗОНА».

Бассейн закрыли в самое жаркое время лета? Конечно, это может объясняться и какими-то естественными причинами. Плавательные бассейны прогорали в прошлом и будут прогорать еще. Но закрывать такое дело без крайней необходимости, когда оно приносит наивысшую прибыль, противоречит экономическому здравому смыслу. Это случается чрезвычайно редко. Однако именно здесь маскарад мог затрещать по швам, а закрытый бассейн вызовет меньше подозрений, чем открытый, но никем не посещаемый. Ясно, что в своих действиях паразиты старательно учитывают

человеческую точку зрения. Да что там говорить, я сам был одним из них!

Итак, первое – ловушка у въезда в город; второе – слишком мало людей в купальных костюмах; третье – закрытый плавательный бассейн.

Вывод: слизней гораздо больше, чем кто-либо мог себе представить, включая меня самого, побывавшего под их контролем.

Следствие: операция «Ответный удар» планировалась исходя из неверных оценок; толку в ней не больше, чем в охоте на носорога с рогаткой.

Контраргумент: увиденное мной физически невозможно. Мне живо представилось, как министр Мартинес со сдержанным сарказмом разносит мой доклад в пух и прах. Все мои предположения относились только к Канзас-Сити, но даже здесь они были недостаточно обоснованы. Большое спасибо за ваш интерес к этому делу, но сейчас вам нужен длительный отдых и как можно меньше нервного напряжения. А теперь, господа...

Тьфу!

Мне нужны достаточно веские аргументы, чтобы Старик убедил президента и отмел разумные возражения его официальных советников. И добыть их необходимо прямо сейчас. Ведь, даже нарушив все законы движения транспорта, я вряд ли доберусь до Вашингтона быстрее чем за два с половиной часа.

Но что я мог откопать такого, чтобы оно выглядело убедительно? Поехать в центр города, смешаться с толпой, а потом заявить Мартинесу, что я, мол, уверен: почти все встреченные мной были носителями? Как я смогу это доказать? И если уж на то пошло, как я сам в этом удостоверюсь? Ведь у меня нет особого таланта Мэри. До тех пор, пока титанцы старательно изображают, что «все идет как обычно», и доказательств-то, считай, никаких нет. Разве что обилие сутулых людей и почти полное отсутствие обнаженных плеч.

Правда, оставалась ловушка на платном въезде в город. Теперь я достаточно хорошо представлял, как они заполнили город, – главное тут, чтобы хватило ячеек с наездниками. При выезде из города наверняка будет еще одна ловушка, и такие же устроены на стартовых платформах. Каждый, кто отсюда уезжает, становится агентом, каждый, кто приезжает, новым работником.

Я был полностью уверен в своей правоте и не собирался для проверки посещать какую-нибудь стартовую платформу. Я сам когда-то настроил подобную ловушку в Конституционном клубе. Никто из тех, кто в нее вошел, оттуда не сбежал.

Уже проехав, я заметил на углу улицы газетный принт-автомат «Канзас-Сити стар». Объехав квартал кругом, я вернулся. Припарковался, вышел из машины и сунул в щель автомата десятицентовик. Мне показалось, газеты не было чересчур долго, но это можно было списать на счет моей собственной нервозности – я спиной чувствовал, что каждый прохожий на улице на меня уставился.

«Стар», как всегда, была скучна и респектабельна: никаких сенсаций, ни одного упоминания о чрезвычайном положении или о режиме «Голая спина». Статья на первой полосе называлась «Вспышка на Солнце нарушает телефонную связь», а чуть ниже шло шрифтом помельче: «Солнечная активность изолирует город от внешнего мира». И огромное, на три колонки, цветное полустереофото Солнца с обезображенным космической пылью лицом. На фото была отметка Паломарской обсерватории с датой. Та же подпись шла под одной из колонок.

Фото было хорошо сделанной фальшивкой – или они могли взять настоящую из газетного архива. Скучное, но вполне убедительное объяснение, почему какая-нибудь Мэми Шульц, сама еще без паразита, не может дозвониться бабушке в Питсбург.

Остальная часть газеты выглядела вполне обычно. Я сунул ее под мышку, надеясь позже изучить поподробней,

повернулся к машине, но тут из-за угла бесшумно скользнула полицейская машина и остановилась поперек дороги перед самым носом моей. Полицмен вылез из машины и направился ко мне.

Полицейские машины притягивают толпы, словно магнит; секунду назад на углу не было ни души – иначе я бы здесь ни за что не остановился. Теперь же со всех сторон меня окружали люди, а полицейский двигался в мою сторону. Рука у меня невольно дернулась к пистолету, но я сдержался: ведь почти все вокруг были в такой же степени опасны.

Полицмен подошел и остановился:

– Ваше водительское удостоверение. – Более или менее вежливо.

– Сию минуту, – не стал спорить я. – Оно на приборной панели в машине.

Я шагнул мимо него и двинулся в обход машины, словно и не сомневался, что он последует за мной. На какое-то мгновение полицмен замер в нерешительности, затем все же клюнул. Я провел его между двумя машинами к своей и убедился, что он без напарника, – за это отступление от человеческих обычаев паразитов можно было только поблагодарить. Но что более важно, теперь между толпой и мной оказалась моя машина.

– Вот, – сказал я, указывая внутрь, – оно прикреплено к приборной панели.

Он снова на мгновение застыл, затем посмотрел, куда я показываю, и этой доли секунды мне хватило, чтобы применить отработанный недавно прием. Я схватил его левой рукой между лопаток и сдавил изо всех сил.

Повторилась сцена со сбитым на дороге котом. Его тело словно взрывом подбросило в воздух – такой сильной была судорога. Он еще падал на мостовую, а я уже вскочил в машину и выжал газ.

Недостаточно быстро, как оказалось. Маскарад лопнул так же внезапно, как в приемной у Барнса: толпа ринулась

на меня со всех сторон. Одна молодая женщина впилась ногтями в дверцу машины, и ее проволокло футов пятьдесят, прежде чем она отвалилась. Все это время я давил на газ и ускорялся, подрезая и выскакивая на встречную полосу, готовый подняться в воздух, но мне никак не хватало места для взлета.

Слева замаячил просвет боковой улицы. Я рванул туда, но это оказалось ошибкой. Кроны деревьев почти смыкались над головой, и взлетать было негде. За следующим поворотом стало еще хуже. Я проклял градостроителей, которые превратили Канзас-Сити в город-сад.

Поневоле пришлось сбросить скорость. Я по-прежнему высматривал поворот на какой-нибудь бульвар, достаточно широкий, чтобы нарушить правила и взлететь, но теперь двигался не быстрее, чем разрешено в черте города. Мозг снова включился в работу, и я вдруг сообразил, что меня никто не преследует. На помощь пришел мой собственный, чересчур непосредственный опыт взаимодействия с хозяевами. Паразиты ограничены возможностями своих носителей; исключение составляет только их способность к «прямому общению». Они видят лишь то, что видят люди, а информацию получают и передают посредством их же органов либо технических средств, что доступны людям.

Это я знал точно. И потому мог предполагать, что ни один из слизняков на углу, за исключением твари, оседлавшей полицейского, не разыскивал именно мою машину, а с ним я уже разобрался.

Конечно, теперь меня ищут остальные присутствовавшие паразиты, но в их распоряжении только тела и навыки носителей. Следовательно, и думать о них можно не больше, чем о случайных очевидцах; иначе говоря, не принимать всерьез; скрылся и забыл.

В моем распоряжении оставалось примерно полчаса, и я наконец понял, какое доказательство мне нужно: пленник, человек, захваченный паразитом, который сможет

рассказать, что произошло с городом. Я должен был освободить носителя.

Для этого мне нужно было его схватить, не ранить при захвате, убить или убрать его наездника и вывезти человека в Вашингтон. У меня не было времени выбирать жертву и разрабатывать планы, я должен был действовать прямо сейчас. Едва я принял такое решение, впереди показался прохожий. В руке он нес портфель и шел, помахивая им, как человек, который мыслями уже дома, где его ждет ужин. Я поравнялся с ним и позвал:

– Эй!

– Да? – Он остановился.

– Я только что из мэрии, – сказал я. – Нет времени объяснять. Садись в машину, переговорим напрямую.

– Из мэрии? – удивился он – О чем вы?

– Планы изменились, – пояснил я. – Не трать время. Садись!

Он попятился. Я выскочил из машины и схватил его за сгорбленные плечи.

Никакого результата. Ничего – моя рука просто впилась в костлявую человеческую плоть, и человек завопил.

Я нырнул обратно в машину и рванул прочь. Отъехав на несколько кварталов, снизил скорость и задумался. Может, я не прав, может, просто у меня нервы не в порядке и титанцы мерещатся мне там, где их никогда не было?

Нет! Старик внушил мне неукоснительное желание видеть факты такими, как они есть. Ловушка на заставе, купальники, бассейн, полицейский у принт-автомата – эти факты не вызывали у меня никаких сомнений, а последняя неудача говорила лишь о том, что я выиграл ставку на двойное зеро, выбросил две кости по шесть очков, нарвался на того самого одного человека из десяти – или какое тут у них соотношение, – которого еще не захомутали. Я прибавил скорость и начал искать новую жертву.

Мужчина средних лет, поливающий из шланга лужайку, – выглядело это так естественно, что я чуть не проехал

мимо. Однако времени оставалось совсем мало, и на нем был свитер с подозрительной выпуклостью на спине. Если бы я сразу заметил его жену на веранде, наверняка бы не остановился: она была в юбке и в лифчике от купальника – понятное дело, без паразита.

Когда я затормозил, мужчина поднял голову и вопросительно посмотрел на меня.

– Я только что из мэрии, – повторил я старую реплику. – Нам срочно нужно переговорить напрямую. Садись в машину.

– Пойдем в дом, – ответил он. – В машине нас могут увидеть.

Я хотел отказаться, но он уже повернулся и шел к дому. Когда я догнал его, он прошептал:

– Осторожно. Женщина пока не с нами.

– Твоя жена?

– Да.

Мы остановились на крыльце, и мужчина сказал:

– Дорогая, это мистер О’Киф. Нам нужно обсудить кое-какие дела. Мы будем в кабинете.

– Хорошо, дорогой, – ответила она с улыбкой. – Добрый вечер, мистер О’Киф. Ну и жара сегодня, правда?

Я согласился, и она снова занялась своим вязаньем. Мы вошли в дом, и мужчина повел меня в свой кабинет. Мы оба продолжали поддерживать маскарад, поэтому я шел впереди, как и подобает гостю в сопровождении хозяина, хотя мне очень не хотелось поворачиваться к нему спиной.

Должно быть, поэтому я был почти готов к тому, что он двинет меня ребром ладони в основание шеи. Я принял удар, упав на руки почти без вреда для себя, и тут же перекатился на спину.

В учебном центре, если мы, оказавшись на полу, пытались встать, нас били мешочками с песком, и наука запомнилась. Мой тренер по французскому боксу говорил с бельгийским акцентом: «Упав, смелые парни снова встают – и умирают. Будь трусом, наноси удар с пола».

Так что я остался лежать на спине, приготовившись ударить его ногами, если он на меня бросится. Но он тут же отскочил назад. Видимо, у него не было пистолета, и я мог воспользоваться своим. Однако в кабинете оказался настоящий открытый камин – с кочергой, совком и щипцами, – и мужчина боком продвигался туда. В моей досягаемости был только журнальный столик. Я рванулся к нему, перекатился, схватил стол за ножку и швырнул. Попал ему прямо в лицо, когда он уже взялся за кочергу. А мгновение спустя я налетел на него сам.

Его хозяин умирал в моих сжатых пальцах, а сам мужчина бился в конвульсиях, выполняя его последний жуткий приказ, как вдруг раздался душераздирающий крик. В дверях стояла его жена. Я вскочил, ударил ее прямо в двойной подбородок, и она, мгновенно умолкнув, повалилась на пол, а я вернулся к ее мужу.

Потерявшего сознание человека на удивление трудно поднять с пола. У меня больше времени ушло на то, чтобы взвалить его на плечо, чем на то, чтобы вырубить. И он оказался тяжеленький. К счастью, я силой не обижен, руки-ноги на месте, и вскоре я тяжело затрусил с ним к своей машине. Сомневаюсь, что шум драки побеспокоил еще кого-нибудь, кроме его жены, но ее крики всполошили чуть не весь квартал. Из домов по обеим сторонам улицы выскакивали люди. Пока они были еще далеко, но я благодарил судьбу, что догадался оставить дверцу открытой. Я со всех ног припустил к машине.

Спустя секунду я об этом пожалел: сопляк вроде того, что морочил мне голову у реки, сидел там и тыкал пальцем в кнопки на приборной панели. Ругаясь на чем, свет стоит, я бросил пленника в салон и схватил мальчишку. Тот изо всех сил упирался, но я все же выдернул его из машины и швырнул – прямо в руки первому из преследователей.

Это меня спасло. Пока он отдирает мальчишку от себя, я успел прыгнуть на водительское сиденье и рванул с места, даже не закрыв двери и не пристегнув ремни. На первом же

повороте дверца захлопнулась сама, но и я чуть не слетел с сиденья. Проехав какое-то время прямо, я умудрился пристегнуть ремень, затем срезал еще угол и, едва не сбив наземную машину, дал ходу.

Вскочил на широкий бульвар – кажется, Пасео – и ткнул кнопку «Взлет». Возможно, из-за меня столкнулось несколько машин, но беспокоиться об этом у меня не было времени. Еще не набрав высоты, я повернул на восток. Над Миссури шел на ручном управлении и истратил все стартовые ускорители, чтобы набрать скорость. Видимо, эти безответственные действия и нарушение всех правил движения и спасли мне жизнь. Где-то над Колумбией, едва я запустил последний движок, машину тряхнуло взрывной волной. Кто-то пустил ракету-перехватчик, – думаю, это была «адская гончая». Мерзкая штука рванула чуть ли не у меня на хвосте.

Больше, к счастью, в меня не стреляли, и это было замечательно, потому что теперь я был как утка на воде. Правая турбина начала перегреваться – то ли из-за попадания, то ли из-за постоянного форсажа. Я ничего не стал делать, только молча молился, чтобы она не сдохла еще хотя бы минут десять. Когда Миссисипи осталась позади, а индикатор перегрева уполз в зону «опасно», я ее отключил, и дальше машина похромала на одной левой турбине. Больше трехсот миль она вытянуть так не могла, но я выбрался из красной зоны и снова был среди свободных людей.

* * *

До сих пор у меня не было ни минуты, чтобы взглянуть, как там мой пассажир. Он лежал там, куда я его бросил, растянувшись на полу салона, мертвый или без сознания. Но теперь мы оказались в зоне, контролируемой свободными людьми, да и мощности уже не хватало на незаконное превышение скорости, так что никаких причин вести машину вручную не было. Я включил ответчик, дал запрос на

регистрацию в общем транспортном потоке и, не дожидаясь ответа, переключил управление на автоматику. Диспетчер на станции может злиться сколько угодно, может даже написать на меня рапорт, но все равно включит меня в систему. Потом я перебрался в салон и осмотрел пленника.

Он дышал, но все еще был в отключке. На лице вздулся рубец, там, где я врезал ему столом, но вроде бы я ничего ему не сломал, так что, похоже, без сознания он был по другой причине. Я шлепнул его по щеке, придавил ногтями мочки ушей – однако он так и не очнулся.

Мертвый слизняк уже начал вонять, но я не знал, как от него избавиться. Я оставил все как есть и вернулся на водительское сиденье.

Часы на панели показывали 21:37 по Вашингтону, а лететь оставалось добрых шестьсот миль. Выжимая все из одного оставшегося движка, я мог добраться до Вашингтона только после полуночи, а еще нужно было сесть, пробиться в Белый дом и разыскать Старика. Так что свое задание я уже, можно считать, провалил, и Старик, как пить дать, устроит мне разнос.

Я решил рискнуть и попытался запустить правую турбину. Черта с два. Должно быть, ее заклинило и теперь ей требуется капитальный ремонт. Но может быть, это и к лучшему: скоростной двигатель, если он неисправен или разбалансирован, может просто взорваться. Оставив турбину в покое, я попробовал вызвать Старика по телефону.

Телефон не работал. Должно быть, я повредил его во время одной из «разминок», что навязали мне паразиты, но это был первый отказ аппарата на моей памяти. Печатные схемы, транзисторы и прочая начинка заливаются пластиком и устойчивы к ударам, как бесконтактный взрыватель. Я сунул аппарат обратно в карман и подумал, что, видимо, сегодня один из тех дней, когда вообще не стоит вставать с постели. Затем повернулся к панели коммуникатора и ударил кулаком по кнопке экстренного вызова помощи.

– Контроль! – крикнул я. – Контроль! Чрезвычайная ситуация!

Экран засветился, и передо мной возникло изображение молодого человека – я с облегчением отметил, что он сидит по пояс голый.

– Наземная служба. Зона Фокс-одиннадцать. Почему вы все еще в воздухе? Я пытаюсь связаться с вами с того самого момента, как вы вошли в мою зону.

– Сейчас некогда объяснять, – резко сказал я. – Срочно соедините меня с ближайшим армейским подразделением. Дело не терпит отлагательств!

На лице у него появилась неуверенность, но экран замерцал и погас, и сразу возникло новое изображение, на этот раз военного центра связи. На душе стало тепло и спокойно, потому что все как один там сидели тоже по пояс голые, включая и молодого офицера на переднем плане. Я готов был расцеловать его, но вместо этого лишь сказал:

– У меня важное сообщение. Соедините меня через Пентагон с Белым домом.

– Кто вы такой?

– Времени в обрез! Я агент секретной службы, и мои документы вам все равно ничего не скажут. Поторопитесь!

Возможно, я бы его уговорил, но его вытеснил из поля зрения камеры офицер постарше, со значком командира авиакрыла на фуражке.

– Немедленно приземляйтесь! – отрезал он.

– Послушайте, капитан, – сказал я, – у меня срочное сообщение. Вы должны соединить меня через...

– У нас чрезвычайное военное положение, – перебил он.
– Весь гражданский транспорт уже три часа находится на земле. Немедленно приземляйтесь!

– Но я должен...

– Если вы не приземлитесь, вас собьют. Мы взяли вас на сопровождение. Я запускаю ракету-перехватчик – она взорвется в полумиле впереди. Если вы продолжите полет

прежним курсом или выполните любой маневр, кроме захода на посадку, – следующая будет ваша.

– Да послушайте же вы, наконец! Я сажусь, но мне нужно...

Он просто отключился, а мне осталось только бессильно шипеть сквозь стиснутые зубы.

Первая ракета взорвалась даже ближе, чем в полумиле. Пришлось садиться.

Не могу похвастаться мягкой посадкой, но ни я, ни мой пассажир не пострадали. Ждать пришлось недолго. Меня осветили ракетами и налетели со всех сторон, не успел я убедиться, что машина встала на грунт. Меня скрутили, и я лично встретился с тем капитаном. Он даже отправил мой доклад адресату. Правда, уже после того, как его психологи допросили меня под гипнозом и привели в чувство дозой стимулятора. К тому времени в Вашингтоне было 1:13. Операция «Ответный удар» началась один час и тринадцать минут назад.

Старик, выслушав мой доклад, только крикнул, а затем велел мне заткнуться и отыскать его утром.

19

Если бы мы со Стариком, вместо того чтобы рассиживаться на скамейке в скверике, отправились в Национальный зоопарк, мне просто не пришлось бы лететь в Канзас-Сити. Десять титанцев, что мы поймали на объединенной сессии конгресса, плюс еще двоих, пойманных на следующий день, поручили директору зоопарка, который посадил их на плечи несчастных человекообразных – орангутангов и шимпанзе. Никаких горилл!

Директор распорядился запереть их в ветеринарной лечебнице зоопарка. Семейную пару шимпанзе, Абеяра и Элоизу, разделять не стали и поместили в одну клетку. Это, кстати, лишний раз доказывает, как трудно нам перестроить свою психологию, когда мы имеем дело с титанцами.

Даже люди, которые пересаживали слизняков обезьянам, воспринимали результат как обезьян, а не как титанцев.

В соседней клетке размещалась семья больных туберкулезом гиббонов. Из-за болезни их не использовали в качестве носителей, и никакого сообщения между клетками не было. Друг от друга они отделялись выдвижной перегородкой, запертой на замок, в каждой клетке был собственный кондиционер; в общем, бывал я в больницах для людей, где условия были куда хуже. Помню, однажды на Украине...

Однако на следующее утро перегородка оказалась выдвинута, а гиббоны и шимпанзе сидели все вместе. Каким-то образом Абеляр или, возможно, Элоиза открыли замок. Замки там специальные, обезьяны отпереть их не могут, но против комбинации «обезьяна плюс титанец» они не устояли. Винить разработчиков замка тут не в чем.

Два шимпанзе, два титанца плюс пять гиббонов на следующее утро превратились в семь обезьян, на которых сидели семь титанцев.

Это обнаружили за два часа до моего отлета в Канзас-Сити, но Старика не поставили в известность. Иначе он бы

уже знал, что Канзас-Сити наводнен пришельцами. Возможно, я и сам бы об этом догадался. Если бы Старик знал о гиббонах, операцию «Ответный удар» успели бы отменить.

Операция «Ответный удар» провалилась так, как не проваливалась никакая другая в военной истории. Согласно красиво разработанному плану, десант должен был высадиться ровно в полночь одновременно в девяти тысячах шестистах точках, в перечень которых входили редакции газет, диспетчерские транспортные службы, ретрансляционные станции и прочие важные учреждения. Ударные отряды были укомплектованы элитой

воздушного десанта, в основном ветеранами в звании сержантов, с ними шел технический персонал, который должен был наладить связь с захваченными пунктами.

После чего все местные станции должны были передать обращение президента. Предполагалось, что на отвоеванных у врага территориях сразу же вступит в силу режим «Голая спина».

И все. Война закончена, остаются локальные зачистки.

Вы когда-нибудь видели, как птица расшибается, налетая на оконное стекло? Птица не дура, просто у нее нет всей необходимой информации.

* * *

В двадцать пять минут после полуночи начали поступать первые доклады о том, что такие-то и такие-то пункты захвачены. Чуть позже пошли просьбы о подкреплении с других точек. К часу ночи были высланы последние резервные подразделения, но в Вашингтоне по-прежнему считали, что операция развивается успешно – настолько успешно, что в некоторых случаях командиры соединений сами вылетали в районы боевых действий и докладывали с мест.

Больше о них никто ничего не слышал.

Красная зона проглотила ударную группировку, словно ее и не было. Одиннадцать с лишним тысяч боевых машин, более ста шестидесяти тысяч десантников и техников, семьдесят один старший офицер – стоит ли продолжать? Соединенные Штаты потерпели самое страшное со времен Пёрл-Харбора поражение. Не в количественном отношении, поскольку у нас не разбомбили ни один город. Нас переиграли в качественном плане.

Поймите, я не собираюсь критиковать Мартинеса, Рекстона, Генеральный штаб или тех бедолаг-десантников. Операцию тщательно спланировали исходя из того, что представлялось истинным положением вещей, а ситуация требовала быстрых, решительных действий с привлечением

лучших средств, какими мы располагали. Если бы Рекстон не послал туда отборные части, он бы угодил под трибунал: республика была в опасности, и у него хватало ума это осознавать.

Но он не знал о семи обезьянах.

Наверно, только после рассвета до Мартинеса и Рекстона наконец дошло, что победные рапорты сфабрикованы их же людьми. Нашими людьми, но уже захваченными в рабство и участвующими в маскараде. После моего доклада, который опоздал больше чем на час и уже не мог остановить операцию, Старик пытался убедить их не посылать в красную зону подкрепления, но командование несколько ошалело от успехов и хотело поскорее добиться чистой победы.

Старик просил президента, чтобы тот настоял на визуальных проверках, однако связь с операционными группами поддерживалась через орбитальную станцию «Альфа», и каналов для видеоинформации не хватало.

– Успокойтесь, – говорил Рекстон, – они прекрасно знают, с чем им предстоит столкнуться. Как только местные релейные телестанции окажутся в наших руках, наши парни подключатся к наземной трансляционной сети и у вас будет столько видеоподтверждений, сколько вы захотите.

Когда Старик заметил, что к тому времени будет уже поздно, Рекстон не выдержал:

– Черт бы вас побрал! Я не могу остановить солдат посреди боя, чтобы заснять их голые спины! Вы что, хотите, чтобы тысяча человек рисковала жизнью только для того, чтобы у вас перестали трястись поджилки?

Президент его поддержал.

* * *

К утру они получили свои «videоподтверждения». Станции стерео на Центральных равнинах гнали в эфир все те же заезженные передачи: «Мэри Солнышко желает вам доброго утра», «Завтрак с Браунами» и прочее барахло. Ни одна

станция не передала обращения президента, и ни одна станция не признала, что вообще что-то произошло. К четверем утра доклады десантных подразделений вообще перестали поступать, а лихорадочные попытки Рекстона связаться с ними ни к чему не привели. Ударная группировка «Освобождение» просто прекратила свое существование. *Spurlos versenkt*.⁴⁰

Я узнал об этом не от Старика, а от Мэри. Она была маленькой тенью президента, следовала за ним повсюду, и у нее было место в первом ряду. Со Стариком я увиделся только на следующий день в одиннадцать утра. Он выслушал мой доклад, ни разу не перебив, и даже не наорал на меня – отчего я почувствовал себя еще хуже.

Он собирался уже отпустить меня, но я спросил:

– Как насчет моего пленного? Он подтвердил мои выводы?

– А, этот... По последнему отчету, все еще без сознания. Врачи полагают, что он не выживет. Психотехники ничего из него не вытащили.

– Я бы хотел его увидеть.

– Займись лучше своими делами.

– А что, у тебя есть для меня какое-то дело?

– Не сейчас. Думаю, тебе нужно... Нет, лучше вот что: сгоняй в зоопарк. Там тебе кое-что покажут, и ты сразу увидишь в новом свете все, что узнал в Канзас-Сити.

– В смысле?

– Найди доктора Гораса, заместителя директора. Скажешь, что ты от меня.

И я отправился смотреть животных. Хотел взять с собой Мэри, но она была занята.

Доктор Горас, небольшого роста, приятный, общительный человек, здорово смахивающий на одного из своих

⁴⁰ Бесследно исчезла; буквально слова «*Spurlos versenkt*» означают по-немецки «потопить без следа» – так германский поверенный в делах в Буэнос-Айресе граф Люксбург посоветовал обойтись с двумя аргентинскими пароходами в мае 1917 г.

бабуинов, сразу направил меня к доктору Варгасу, специалисту по экзобиологии, тому самому Варгасу из второй экспедиции на Венеру. Он рассказывал мне, что тут произошло, а я смотрел на гиббонов, пытаюсь уложить все это в голове.

– Я видел обращение президента, – сказал доктор Варгас.

– Не вы ли тот человек... Я имею в виду, не вы ли...

– Да-да. Тот самый, – ответил я коротко.

– Тогда вы очень многое можете рассказать нам об этом феномене. У вас была уникальная возможность с ним познакомиться.

– Наверно, должен бы, но, к сожалению, не могу, – нехотя признал я.

– Хотите сказать, что, пока вы были их... э-э-э... пленником, вам не доводилось наблюдать размножение делением?

– Верно. – Я задумался. – Во всяком случае, мне так кажется.

– Вы не помните? Но насколько я понял, после разделения у, э-э-э... жертвы сохраняются все воспоминания?

– Это и так, и не так... – Я попытался объяснить ему то странное, как бы отрешенное состояние, в котором пребывает человек во власти хозяина.

– Я полагаю, это могло происходить, пока вы спали.

– Может быть. Но, кроме сна, есть другие периоды, которые трудно вспомнить. Это их прямые «конференции».

– Конференции?

Я объяснил, и у него загорелись глаза.

– О, вы имеете в виду конъюгации!

– Нет, я имею в виду «конференции».

– Очевидно, мы говорим об одном и том же. Как же вы не понимаете? Конъюгации и деление... Они размножаются по собственной воле, когда поступает достаточно пищи... то есть достаточно свободных носителей. Надо полагать, один контакт на одно деление. Затем, когда появляется возможность, происходит деление, и буквально в считанные часы появляются два новых взрослых паразита. Может быть, даже быстрее.

Я задумался над его словами. Если он прав – а глядя на гиббонов, в этом трудно было усомниться, – тогда почему мы в Конституционном клубе так зависели от поставок? Или может быть, я ошибаюсь? На самом деле я мало что тогда понимал. Делал только то, что приказывал хозяин, и видел только то, что попадалось на глаза. Но почему мы не наводнили Нью-Бруклин, как наводнили Канзас-Сити? Нехватка времени?

По крайней мере, стало понятно, откуда в Канзас-Сити столько паразитов. Имея в наличии космический корабль с запасом транзитных ячеек и достаточно большое «стадо» носителей, титанцы просто начали размножаться, пока не догнали числом землян.

Я не экзобиолог, но я умею делать простые арифметические вычисления. Допустим, в том корабле, который, как мы считали, приземлился около Канзас-Сити, прилетела тысяча слизней. Допустим также, что при благоприятных условиях они делятся каждые двадцать четыре часа.

Первый день – тысяча слизней.

Второй день – две тысячи.

Третий день – четыре тысячи.

К концу первой недели, то есть на восьмой день, их будет сто двадцать восемь тысяч.

Через две недели – больше шестнадцати миллионов.

Однако нет оснований считать, что они делятся только раз в сутки; напротив, случай с гиббонами доказывает, что это не так. И мы не знаем, что летающая тарелка несла в трюме только тысячу транзитных ячеек, – их может быть и десять тысяч, или больше, или меньше. Предположим, они привезли на развод десять тысяч и стали делиться каждые двенадцать часов. Через две недели получится...

БОЛЬШЕ ДВУХ С ПОЛОВИНОЙ ТРИЛЛИОНОВ!!!

Число просто не укладывалось в голове, оно было космического масштаба. На всей Земле не наберется столько носителей, даже если к людям приплюсовать обезьян.

Мы окажемся по колено в слизнях – причем в самое ближайшее время. Даже в Канзас-Сити я не чувствовал себя так скверно.

* * *

Доктор Варгас представил меня доктору Макилвейну из Смитсоновского института. Макилвейн занимался сравнительной психологией, и, по словам доктора Варгаса, именно он написал книгу «Марс, Венера, Земля: исследование побудительных мотиваций». Варгас ожидал, что это произведет на меня впечатление, но я книгу не читал. И вообще, как можно изучать мотивации марсиан, если все они вымерли еще до того, как мы слезли с деревьев?

Они тут же принялись нести какую-то научную тарабарщину, а я продолжал наблюдать за гиббонами. Некоторое время спустя Макилвейн спросил:

– Мистер Нивенс, а как долго длятся эти «конференции»?

– Конъюгации, – поправил его Варгас.

– Конференции, – повторил Макилвейн. – Не упускайте из виду: этот аспект более важен.

– Но позвольте, доктор, – не уступал Варгас, – этому есть параллели в земной биологии. При примитивном воспроизводстве конъюгация – это средство обмена генами, посредством которого мутации распространяются из одного тела на...

– Антропоцентризм, доктор! Вы не знаете, что у этой формы жизни имеются гены.

Варгас покраснел.

– Ну хотя бы эквивалент генов вы позволите мне допустить? – сказал он довольно сухо.

– Не вижу такой необходимости. Я повторяюсь, сэр, вы оперируете аналогиями там, где нет никаких оснований предполагать, что аналогии имеют место. У всех форм

жизни может быть одна, и только одна, общая характеристика, и эта характеристика – стремление выжить.

– И размножаться, – упрямо добавил Варгас.

– А если данный организм бессмертен и ему не нужно размножаться?

– Но... – Варгас недоуменно пожал плечами. – Тут ваш вопрос неуместен. Мы ведь уже знаем, что они размножаются. – Он махнул рукой в сторону обезьян.

– А я полагаю, что это не размножение, – возразил Макилвейн, – я думаю, что мы имеем дело с единым организмом, который стремится захватить для себя побольше жизненного пространства. Нечто подобное происходит, когда мы пристраиваем новое крыло к дому. Нет, право, доктор, я не хочу вас оскорблять, но нельзя же настолько погрязнуть в идее зигот-гаметного цикла, чтобы забыть о возможности существования иных принципов.

– Но во всей Солнечной системе... – начал было Варгас.

– Антропоцентризм, терроцентризм, гелиоцентризм, – перебил его Макилвейн, – это все провинциальные подходы. Возможно, эти существа прилетели к нам из другой звездной системы.

– Ничего подобного! – вставил я. В мозгу вдруг вспыхнуло изображение Титана, и одновременно удушье снова сдавило горло.

На мою реплику никто не обратил внимания. Макилвейн продолжал:

– Если вам нужны аналогии, возьмите амебу – это более ранняя, более простая и гораздо более успешная форма жизни, чем наша с вами. Мотивационная психология амебы...

Дальше я слушать не стал. Свобода слова, конечно, дает человеку право рассуждать о «психологии» амебы, но слушать это я совсем не обязан. Они так и не вернулись к вопросу о том, сколько времени занимает «конференция», а я так и не сказал им, что «конференции» длятся бесконечно.

Затем они занялись экспериментами, что несколько подняло их в моих глазах. Варгас распорядился перевести бабуина с паразитом на спине в клетку к шимпанзе и гиббонам. До этого момента гиббоны вели себя как обычные гиббоны: ухаживали друг за другом, выискивали блох и тому подобное, разве что казались слишком тихими – и зорко следили за каждым нашим движением. Но едва новичок оказался в клетке, они все сошлись в круг, спиной к спине, и начали прямую конференцию, слизняк к слизняку.

– Вот видите, видите?! – Макилвейн взволнованно ткнул пальцем в сторону клетки. – Эти «конференции» нужны им не для размножения, а прежде всего для обмена информацией. Временно разделенный на части организм вновь себя идентифицирует!

Я мог бы сказать ему это же самое без лишней болтовни: хозяин, который долго был без связи, первым делом устраивает прямую конференцию.

– Гипотеза! – фыркнул Варгас. – Голая гипотеза – сейчас у них просто нет возможности размножаться. Джордж!

Он подозвал бригадира лабораторных рабочих и велел доставить еще одну обезьяну.

– Маленького Эйба? – спросил бригадир.

– Нет, мне нужна обезьяна без паразита. Знаешь, что, пусть будет Старый Коммуняка.

Бригадир посмотрел на гиббонов и тут же отвел глаза.

– Док, может, не надо Коммуняку? Жалко.

– Ничего с ним не сделается.

– Может, лучше Сатану? Все равно противный, зараза, его не жалко.

– Хорошо, хорошо! Но давайте побыстрее, не заставляйте доктора Макилвейна ждать.

Привели Сатану, черного как уголь шимпанзе. Возможно, в других обстоятельствах он бывал агрессивен, но только не сейчас. Когда его запустили в клетку, он огляделся по сторонам, отпрянул к дверце и жалобно заскулил. Мы словно казнь наблюдали. Я не мог на это смотреть, но не

мог и отвести взгляд. Просто намотал нервы на кулак. Человек ко всему может привыкнуть, некоторые посвящают жизнь откачке выгребных ям, например, – но панический страх обезьяны оказался заразительным: захотелось бежать.

Поначалу другие обезьяны ничего не предпринимали, просто сидели и смотрели на Сатану, будто суд присяжных, – и продолжалось это довольно долго. Повизгивание Сатаны сменилось низкими стонами, и он закрыл лицо руками.

– Смотрите, доктор! – вдруг воскликнул Варгас.

– Что? Где?

– Люси, старая самка. Вон там. – Он указал пальцем.

То была матриарх семейства чахоточных гиббонов. Она стояла к нам спиной, и я увидел, что слизняк у нее на загривке собрался в ком. По центру его тела сверху вниз пролегла переливающаяся линия.

Потом он начал расползаться, как расколотое яйцо. Всего через несколько минут процесс деления закончился. Один из новых слизняков устроился по центру на позвоночнике Люси, второй медленно стек по ее спине вниз. Обезьяна сидела на корточках, почти касаясь задом пола, и паразит мягко шлепнулся на бетон.

А потом он пополз к Сатане. Обезьяна, должно быть, увидела это сквозь пальцы, потому что хрипло взвыла – и кинулась на потолок клетки.

Вы не поверите, но они отрядили команду, чтобы его притащили обратно, – двух гиббонов, шимпанзе и бабуина. Сатану оторвали от решетки, стащили вниз и уложили мордой в пол.

Слизняк подполз ближе.

Когда до Сатаны осталось добрых два фута, он медленно вырастил псевдоподию – слизистое щупальце, которое затанцевало, словно кобра. Потом оно рванулось и ударило Сатану по ноге. Остальные обезьяны тут же его отпустили, но Сатана остался лежать без движения.

Титанец словно перетек в выращенную псевдоподию, присосался к ноге, а затем медленно пополз вверх. Когда он добрался до основания позвоночника, обезьяна пошевелилась. Не успел он добраться до верхней части ее спины, Сатана сел. Потом встряхнулся и присоединился к остальным обезьянам, остановившись только для того, чтобы взглянуть на нас.

Варгас и Макилвейн опять затеяли яростный спор. Происшедшее их, видимо, совсем не тронуло, а мне хотелось разнести что-нибудь ко всем чертям – за себя, за Сатану, за всех обезьяноподобных.

Варгас настаивал, что это ничего не доказывает, Макилвейн же утверждал, что мы видели совершенно новое, для наших представлений, явление: разумное существо, которое благодаря своей организации стало бессмертным и при этом сохраняло свою индивидуальность... или себя в групповой личности – тут его аргументы несколько путались. Тем не менее Макилвейн предполагал, что это существо хранит непрерывную цепь воспоминаний не только с момента предыдущего деления, но и с возникновения вида. Он описывал слизняка как совокупность четырехмерных червей в пространстве-времени, сплетенных в единый организм, и тут разговор понесло в такие эзотерические дебри, что он стал смахивать на полный бред.

Что до меня – я своего мнения не имел, но и не особенно на этот счет беспокоился. Все это было, несомненно, очень интересно и познавательно, но я о слизняках думал одно – что их нужно убивать. Я хотел убивать их с утра до вечера и как можно больше.

Кстати, насчет концепции непрерывной «родовой памяти»: а не тяжелоовато ли, когда в любой момент ты можешь точно вспомнить, что делал во вторую среду марта ровно миллион лет назад?

Как ни странно, когда я вернулся в Белый дом, Старик оказался свободен и даже хотел поговорить. Президент отбыл на закрытую сессию ООН, а Старика в состав делегации не включили. Я решил, что он выпал из официального окружения, но ничего по этому поводу не сказал.

Он заставил меня полностью отчитаться о том, что я видел в зоопарке, и задал кучу вопросов: сам он там не был. Я присовокупил к докладу и свое личное мнение о Варгасе и Макилвейне.

– Ну прямо как бойскауты, которые хвастаются друг перед другом альбомами с марками. По-моему, они даже не понимают, насколько это серьезно.

Старик ответил не сразу.

– Ты их недооцениваешь, сынок. Если кто и сумеет найти выход, то уж скорее они, чем мы с тобой.

– Ха! – сказал я (хотя, может быть, тогда прозвучало более крепкое словцо). – Да раньше у них все слизняки разбежались. Помнишь Грейвса?

– Я прекрасно помню Грейвса. Ты просто не понимаешь, что такое научная одержимость.

– И как-то не стремлюсь!

– И не поймешь. Но эта одержимость заставляет мир крутиться, без нее нам крышка. Кстати, одного упустили.

– Что?!

– А тебе не рассказали про слона?

– Про какого слона? Они мне вообще ничего не рассказали. Я их, похоже, мало интересовал; они больше друг другом занимались.

– Ты же не слишком обиделся? А насчет слона... Одна обезьяна с наездником каким-то образом сбежала. Позже раздавленный труп обезьяны нашли в слоновнике. И один из слонов исчез.

– Ты хочешь сказать, что где-то бродит слон со слизняком на спине? – Мне чуть плохо не стало, когда я представил

себе эту картину: все равно что танк с кибернетическим мозгом.

– Слониха, – поправил меня Старик. – Это была самка слона. Ее нашли в Мэриленде. Она спокойно поедала на поле капусту. Уже без паразита.

– И куда же он делся? – Я невольно огляделся по сторонам.

Старик усмехнулся:

– Не волнуйся так, здесь его точно нет. В деревне неподалеку пропала летающая машина. Я думаю, что сейчас слизняк уже где-то к западу от Миссисипи.

– Кто-нибудь из людей пропал?

Он снова пожал плечами:

– Это свободная страна, так что кто знает? Одно радует: титанцы не могут скрывать свое присутствие на теле человека за пределами красной зоны.

Последнее звучало правдоподобно: режим «Голая спина», похоже, сработал на все сто. И тут я вновь задумался о том, что я видел в зоопарке, но не осознал сразу. Смутная догадка маячила совсем близко, но никак не давалась в руки. Старик тем временем продолжал:

– Правда, нам потребовались довольно суровые меры, чтобы заставить людей соблюдать режим «Голая спина». Президент до сих пор получает заявления протеста – в основном от всяких блюстителей нравственности. А тут еще и Национальная ассоциация галантерейщиков подключилась.

– В смысле?

– Они так раскудахтались, будто мы собрались продать их дочерей по борделям. Была тут недавно одна делегация, «Матери Республики» или что-то в таком же духе.

– И что, президент вынужден тратить время на это? Сейчас?

– Нет. Их принимал Макдоно. Но он и меня потащил на эту встречу, черт бы его побрал. – Старик скривился. – Мы

им сказали, что они не увидят президента, пока не раздеются догола. Только это их и остановило.

Беспокоившая меня мысль наконец оформилась.

– А знаешь, может быть, и до этого дойдет.

– До чего?

– Придется заставлять людей раздеваться.

Старик закусил губу и задумался.

– На что ты намекаешь?

– А нам точно известно, что паразит может присасываться к человеку только у основания головного мозга?

– Тебе лучше знать.

– В том-то и дело. Мне казалось, я знаю, но теперь совсем не уверен. Пока я был... ну, с ними, мы так всегда и делали. – Я еще раз, более подробно, рассказал Старику, что произошло, когда Варгас подсадил беднягу Сатану к титанцам. – Обезьяна начала двигаться, едва паразит дополз до основания позвоночника, прямо вниз, на самом копчике. Я уверен, титанцы предпочитают присасываться поближе к головному мозгу, но не исключено, что они с таким же успехом могут спрятаться у человека в штанах, вытянув небольшой отросток до спинного мозга.

– Хм... Помнишь, сынок, как в первый раз мы всей толпой искали одну такую тварь, и я заставил всех раздеться догола? Это было не случайно: я хотел убедиться наверняка.

– Видимо, ты был прав. Вот смотри: если им нужно, они могут прятаться на теле, где угодно. В тех же шортах, например. Конечно, в некоторых шортах ничего не скроешь, – тут я вспомнил обтягивающие шортики Мэри, – но вот взять твои «семейные трусы». Там запросто может пристроиться паразит, а люди просто решат, что у тебя отвислый зад. Чуть более отвислый, чем на самом деле, я хотел сказать.

– Хочешь, чтобы я их снял?

– Я могу предложить кое-что получше – назову это «канзасский захват».

Может, это и прозвучало как шутка, но я говорил на полном серьезе. И, не дав ему опомниться, с размаху хватил

пятерней с полусогнутыми пальцами пониже спины. Он был чист. В противном случае его бы тут же скрутило, как бывает, когда сжимаешь паразита. Старик не стал возмущаться, а взял и проверил меня тем же способом.

– Однако это тоже не дело, – грустно заметил он, садясь на место. – Мы не можем ходить и хлопать всех женщин по задницам.

– Может быть, придется, – сказал я. – Если не заставишь всех раздеться.

– Сначала нужно немного поэкспериментировать.

– В смысле? – спросил я.

– Помнишь, у нас были панцири, закрывающие голову и позвоночник? Толку от них немного, разве что спокойнее себя чувствуешь. Так вот, я хочу попросить доктора Гораса пристроить обезьяне такой же панцирь, чтобы только ноги оставались открытыми, и посмотрим тогда, что получится. Можно еще и с другими частями тела поэкспериментировать.

– М-да. Но может, не стоит брать для этого обезьян, босс?

– Почему?

– Э-э-э... слишком уж они на людей похожи.

– Черт побери, нельзя же приготовить омлет...

– ...не разбив яиц. Знаю. Но эта затея мне все равно не нравится. Так или иначе, с этим нужно разобраться.

Я смотрел на Старика и видел, что ему не нравится картина, которая нарисовалась у него в голове.

– Надеюсь, ты окажешься не прав. Мы намучились, убеждая их снять рубашки. Подумать страшно, каково это – заставить их снять еще и трусы.

Он выглядел озабоченным.

– Ну, может, это не понадобится.

– Надеюсь.

– Между прочим, мы возвращаемся на старую базу.

– А что насчет укрытия в Нью-Филадельфии? – спросил я.

– Мы будем держать наготове обе точки. Война может затянуться надолго.

– У тебя есть для меня какая-нибудь работа прямо сейчас?

– Я уже сказал, что война, похоже, надолго. Почему бы тебе не взять какой-нибудь отпуск? Бессрочный. Будешь нужен – вызову.

– Как всегда, – заметил я. – А Мэри уходит в отпуск?

– Тебе-то что?

– Я задал вам прямой вопрос, босс.

– Мэри дежурит при президенте.

– Зачем? Она уже сделала свою работу, и превосходно. Насколько я тебя знаю, у тебя есть другие способы выявить слизняка, помимо ее чутья. Мэри – слишком хороший агент, чтобы прозябать на работе телохранителя.

– Погляди-ка на него! С каких это пор ты начал указывать мне, куда отправлять других агентов? Ну-ка отвечай, но прежде как следует подумай.

– Ладно, проехали, – сказал я, постепенно вскипая. – Короче, если Мэри не уходит в отпуск, то и я не собираюсь, а причины тебя совершенно не касаются.

– Она хорошая девочка.

– А я разве говорил, что нет? Не суй нос в мои дела. А пока дай мне какую-нибудь работу.

– Я уже сказал: ты должен взять отпуск.

– Чтобы у меня не было свободного времени, когда оно появится у Мэри? У нас тут что, институт благородных девиц?

– Я же говорю: тебе нужен отпуск, ты переутомился.

– Тьфу!

– Послушай меня, ты хороший, иногда даже прекрасный агент, когда в форме. Но прямо сейчас не в форме. Устал. Нет, заткнись и слушай: я послал тебя на простейшее задание. Проникнуть в захваченный город, посмотреть все, что там можно увидеть, и доложить в назначенное время. И что делаешь ты? Сначала так перенервничал, что застрял в

пригороде, боясь сунуться в центр. Потом, вместо того чтобы смотреть в оба, три раза едва не спалился. А на обратном пути умудрился сжечь свой транспорт и вернулся позже всех назначенных сроков, когда твоя информация не имела ни малейшего значения. У тебя нервы ни к черту, и все твои рассуждения тоже ни черта не стоят. Убирайся в отпуск немедленно – фактически это будет отпуск по болезни.

Я стоял перед ним, и уши мои горели огнем. Хвала Небесам, он не стал обвинять меня в провале операции «Ответный удар», хотя мог бы добавить еще и это. Я чувствовал, что его слова несправедливы, и в то же время понимал, что в них есть доля правды. Раньше мои нервы были как стальные канаты, а теперь у меня дрожали руки, когда я пытался закурить.

И все же он дал мне задание – первый и единственный раз, когда я выиграл в споре со Стариком.

И задание это было – хуже не придумаешь. Следующие несколько дней я выступал перед всякими пентагоновскими шишками, отвечал на их дурацкие вопросы о том, что титанцы едят на ланч, и объяснял, как лучше подступиться к человеку, которого оседлал паразит. Меня представляли в качестве «эксперта», но добрая половина «учеников» почему-то считала, что они знают о титанцах гораздо больше, чем я.

Никогда не понимал, почему люди так цепляются за свои иллюзии?

21

Операция «Паразит» тем временем, похоже, полностью зашла в тупик. Титанцы удерживали красную зону, но не могли выбраться оттуда незамеченными. Сами мы тоже не пытались больше проникнуть на их территорию, потому что, как ни крути, каждый паразит держал в заложниках одного из наших людей. И такая ситуация могла продлиться еще долгое время.

От ООН помощи ждать не приходилось. Президент хотел от них минимального сотрудничества: всего-то предложил ввести режим «Голая спина» на всей планете, но участники сессии мялись, хмыкали, нерешительно переглядывались и в конце концов переадресовали предложение специальному комитету для дополнительной проверки. А на самом деле нам просто никто не верил. В доме пожар, но люди понимают это, только когда горит прямо под ногами. Врагу такая ситуация, понятно, на руку.

Некоторые страны, впрочем, защищали сами национальные традиции. Финн, который два дня подряд откажется от сауны в компании друзей, на третий уже вызовет подозрения. У японцев насчет наготы тоже никаких комплексов. В относительной безопасности были южные моря и значительная часть Африки. Во Франции сразу после Третьей мировой войны стал невероятно популярен нудизм – во всяком случае, по выходным, – так что паразиту там просто негде спрятаться.

Зато в тех странах, где традиционная стыдливость еще сохраняла силу, титанец мог скрываться до тех пор, пока его носитель не протухнет. Это относилось к самим Соединенным Штатам, Канаде, Англии – особенно к Англии. «Да ладно, старина, бросьте беспокоиться по пустякам. Снять жилетку? Нет, право, это уж слишком!»

Трех слизней (вместе с обезьянами) доставили самолетом в Лондон. Как я понимаю, король, вслед за американским президентом, хотел подать всем пример, однако премьер-министр, подстрекаемый архиепископом Кентерберийским, запретил ему это делать. Сам архиепископ даже не удосужился взглянуть на титанцев: моральный облик, мол, гораздо важнее любых мирских напастей. Средства массовой информации об этой истории умолчали, и, может быть, она не соответствует действительности, но, как бы там ни было, нежные британские тела по-прежнему укрыты от осуждающих соседских взглядов.

Коминформовская пропаганда заработала на полную катушку, едва определилась новая партийная линия по этому вопросу. Всё объявили «выдумкой американских империалистов», предназначенной для «закабаления рабочих». Снова вспомнили «бешеных псов капитализма».

И почему, подумалось мне, титанцы не напали сначала на Россию? Ведь сталинизм как будто сделан прямо под них, на заказ. Потом я задумался: а изменится ли что-нибудь, когда и, если это произойдет? Три поколения людей за железным занавесом прожили с поработанным разумом и паразитами на шеях. Между комиссаром со слизняком и комиссаром без слизняка разницы не будет и на копейку.

Будет только одно отличие: их «чистки» примут иную форму – «уклонистов» начнут ликвидировать, сажая им на шею титанцев, а не отправляя в газовую камеру.

* * *

За исключением тех случаев, когда Старик брал меня поработать рядом с собой, я был далек от центра событий. Я видел войну с титанцами примерно, как обычный человек видит ураган: в моем поле зрения был только маленький кусочек общей картины.

Я довольно долго не видел самого Старика. Задания мне передавал его заместитель Олдфилд. Соответственно, я не знал, что охрана президента передана другим людям и Мэри вернулась на базу. В баре Отдела мы встретились совершенно случайно.

– Мэри! – выкрикнул я, бросился к ней, споткнулся и чуть не полетел на пол.

На ее губах медленно расцвела сладостная улыбка. Мэри подвинулась, чтобы я сел рядом, и прошептала:

– Здравствуй, милый!

Она не спрашивала, чем я занимался, не дулась за то, что я пропал, даже не жаловалась, что меня не было слишком долго. Что прошло, то прошло.

Зато я тараторил без умолку:

– Нет, это просто замечательно! А я-то думал, ты по-прежнему укладываешь президента баиньки. Давно ты здесь? Когда тебе обратно? Слушай, давай я тебя чем-нибудь угощу? О, у тебя уже есть. – Я начал было вводить заказ на «Олд-фешнд»⁴¹ для себя и обнаружил, что Мэри меня опередила: стакан выскочил прямо мне в руку. – О! Как он здесь оказался?

– Я сделала заказ, когда увидела тебя в дверях.

– Мэри, я тебе уже говорил, что ты бесподобна?

– Нет.

– Тогда слушай: ты бесподобна!

– Спасибо.

– Это надо отметить! – Меня продолжало нести. – Надолго освободилась? Слушай, а как бы тебе несколько дней отдохнуть? Не могут же они держать тебя на работе двадцать четыре часа в сутки, неделю за неделей, совсем без передышки? Я сейчас пойду к Старика и скажу ему...

– Я в отпуске, Сэм.

– ...все, что я о нем... А?

– Я в отпуске.

– Seriously? Надолго?

– До вызова. Сейчас все увольнения до вызова.

– Но... И давно ты отдыхаешь?

– Со вчерашнего дня. Сажу здесь и жду тебя.

– Со вчерашнего дня!

А я-то весь вчерашний день читал пентагоновским шишкам лекции, дурацкие лекции, которые совершенно их не интересовали!

– Жди меня здесь. – Я вскочил на ноги. – Никуда не уходи. Сейчас вернусь.

И я помчался в главный офис. Прорвался к первому заместителю, заявив, что у меня безотлагательное дело,

⁴¹ «Олд-фешнд» – коктейль-аперитив из виски, биттера и сахара с долькой апельсина и льдом; подается в особом стакане.

которое требует его личного внимания. Когда я вошел в кабинет, Олдфилд нехотя поднял на меня глаза и угрюмо спросил:

– Ну, тебе-то что еще нужно?

– Шеф, я насчет сеанса вечерних сказок, который планировали для меня на сегодня. Его лучше отменить.

– С какой стати?

– Я болен. Мне давно полагается отпуск по болезни, и я хочу им воспользоваться.

– Ты больной на всю голову, если хочешь знать мое мнение.

– Точно! Я болен на голову. Иногда голоса слышу. И все за мной следят. А еще мне постоянно снится, что я опять у титанцев. – Последнее, к сожалению, было чистой правдой.

– С каких это пор помешательство стало препятствием для работы в Отделе? – Он откинулся в кресле и приготовился слушать, как я буду это оспаривать.

– Слушай, ты меня отпустишь или нет?

Он порывлся в бумагах на столе, нашел нужную и порвал ее на куски.

– Ладно. Телефон держи под рукой. Тебя могут вызвать в любую минуту. А теперь проваливай.

Что я и сделал. Едва я вошел, Мэри подняла взгляд и снова расцвела в улыбке. Я сказал ей:

– Собирайся, мы уезжаем.

Она даже не спросила куда, просто встала. Я схватил свой стакан и одним махом осушил половину, пролив остальное на пол. Мы с Мэри молча поднялись в город, на пешеходный уровень. Только тут я спросил ее:

– Теперь вот что. Где бы ты хотела выйти замуж?

– Сэм, мы ведь это уже обсуждали.

– Конечно обсуждали. А теперь сделаем. Так где?

– Сэм, милый, я сделаю, как ты скажешь. Но я по-прежнему против.

– Почему?

– Знаешь, Сэм, давай поедem ко мне? Я тебе обед приготовлю.

– Согласен, приготовишь, только не там. И сначала мы поженимся.

– Ну пожалуйста, Сэм...

– Давай-давай, жми, парень. Она уже сдается, – раздался чей-то голос над ухом.

Я оглянулся и увидел, что вокруг собралась довольно приличная толпа зрителей. Я помахал руками, едва не заехав в морду юнцу, который лез ко мне с непрошеными советами, и сердито крикнул:

– Вам что, делать всем нечего? Шли бы лучше выпили!

В толпе лишь бесстрастно прокомментировали:

– Я бы на его месте согласился на ее предложение: лучше-то ему все равно не светит.

Я схватил Мэри за руку, молча потащил к такси и, только когда мы забрались в машину, обиженно спросил:

– Ладно. Почему ты не хочешь за меня замуж? У тебя есть какие-то причины?

– Но зачем, Сэм? Я и так твоя. Тебе не нужен контракт.

– Как – зачем? Затем, что я тебя люблю, черт побери!

Мэри какое-то время молчала, и я уже начал думать, что чем-то ее обидел. Потом наконец ответила, но так тихо, что я едва ее расслышал.

– Раньше ты мне этого не говорил, Сэм.

– Разве? Не может быть. Я уверен, что говорил.

– Нет, я уверена, совершенно уверена, что не говорил. Почему?

– Ох... Ну, я не знаю... Видимо, по недосмотру? И вообще, я не совсем понимаю, что означает слово «любовь».

– Я тоже, – тихо произнесла она. – Но мне нравится, как ты это говоришь. Скажи это еще раз, пожалуйста.

– Да? Хорошо. Я люблю тебя. Я люблю тебя, Мэри.

– Сэм...

Она положила голову мне на плечо, прижалась, и я почувствовал, что она вся дрожит. Я легонько встряхнул ее:

– А ты?

– Я? О, я тоже тебя люблю, Сэм. Я люблю тебя с тех самых пор...

– С каких пор?

Я думал, она скажет с тех пор, как я занял ее место во время операции «Интервью», но оказалось – нет:

– Я полюбила тебя, когда ты залепил мне пощечину.

Ну и где тут логика?

Машина тем временем медленно катила вдоль коннектикутского побережья: я сказал водителю просто ехать вперед. Мне пришлось разбудить его, чтобы он высадил нас в Вестпорте. Там мы сразу же направились в мэрию.

Я подошел к стойке в бюро санкций и лицензий и спросил у клерка:

– Мы можем здесь пожениться?

– Это как пожелаете, – ответил он. – Охотничьи лицензии налево, лицензии на собак направо. А здесь золотая середина. Надеюсь. – Он хитро на меня прищурился.

Не люблю всяких умников, да и шутка эта с бородой.

– Очень хорошо, – сказал я сухо. – Вы оформите нам контракт?

– Да не вопрос. Каждый должен это испытать хотя бы раз в жизни – я всегда говорю это моей старухе. – Он достал огромный бланк. – Давайте ваши регистрационные номера.

Мы назвали номера. Он сунул бланк в машинку и вбил их в форму.

– Так. Не регистрировал ли кто-то из вас брак в другом штате?

Мы сказали, что нет. Он продолжал:

– Вы уверены? Если вы сейчас об этом не скажете, и я пущу бумагу в ход, а потом обнаружатся другие контракты, этот контракт утратит силу.

Мы снова подтвердили, что оба никогда не вступали в брак ни в каком другом месте. Он пожал плечами и двинулся дальше:

– Какой срок – возобновляемый или пожизненный? Если срок более десяти лет, такса такая же, как за пожизненный. Если меньше шести месяцев, то это не ко мне: можете получить упрощенный контракт в авторегистраторе вон там, у стены.

Я посмотрел на Мэри.

– Пожизненный, – тихо сказала Мэри.

Клерк удивленно вскинул брови:

– Леди, вы уверены, что делаете правильный выбор? Возобновляемый контракт с автоматическим продлением столь же постоянен, но, если вы передумаете, вам не придется обращаться в суд.

Я вмешался:

– Вы слышали, что сказала леди? Вводите.

– Хорошо-хорошо. По инициативе одной из сторон, с обоюдного согласия или обязательный?

– Обязательный, – ответил я, и Мэри кивнула.

– Обязательный так обязательный, – согласился он, пробежав пальцами по клавиатуре. – Теперь подходим к существу дела: кто платит и сколько? Ежемесячное содержание или дарственный фонд?

– Содержание, – ответил я, поскольку на дарственный фонд моих сбережений просто не хватило бы.

– Ни то ни другое, – твердо сказала Мэри.

– В смысле? – удивился клерк.

– Ни то ни другое, – повторила она. – Это не денежный контракт.

Клерк замер в нерешительности, сначала он посмотрел на меня, потом на Мэри.

– Леди, вы совершаете ошибку, – сказал он самым рассудительным тоном. – Вы же слышали, что сказал джентльмен? Он все делает правильно.

– Нет.

– Может быть, вам перед принятием решения лучше посоветоваться со своим адвокатом? В фойе есть общественный коммуникатор.

– Нет!

– Да чтоб мне сдохнуть тогда, если я понимаю, зачем вам нужен контракт!

– Я тоже не понимаю, – успокоила его Мэри.

– Вы хотите сказать, он вам не нужен?

– Нет! Запишите, как я вам сказала: «Без содержания».

Клерк с беспомощным видом склонился над клавиатурой.

– Теперь, видимо, все. Проще не бывает, – сказал он и забубнил: – Клянётесь – ли – вы – оба – что – изложенные – выше – факты – верны – что – вы – регистрируете – это – соглашение – по – собственной – воле – и – не – под – влиянием – наркотических – препаратов – что – никаких – скрытых – обязательств – и – прочих – юридических – препятствий – к – заключению – и – регистрации – брака – не – существует?

Да, клянемся; да, по собственной; нет, не под влиянием; нет, не существует. Он выдернул форму из машинки.

– Пожалуйста, отпечатки больших пальцев. Хорошо, с вас десять долларов, включая федеральный налог.

Я расплатился, он сунул контракт в копировальную машину и щелкнул переключателем.

– Копии будут высланы вам обоим по адресам, соответствующим вашим серийным номерам. Все. Какого рода церемонию вы предпочитаете? Могу я чем-нибудь помочь?

– Мы не хотим никаких религиозных церемоний, – ответила Мэри, и я с ней согласился.

– Тогда я могу посоветовать как раз то, что вам нужно. Старый добрый доктор Чамли. Никакого предпочтения ни одной из религий, лучшее стереосопровождение в городе – все четыре стены – и настоящий оркестр. Полный набор удовольствий, включая обряд плодородия и прочее, но все чинно, с достоинством. И в завершение вечера – отеческое наставление, прямое и простодушное. После него вы действительно почувствуете себя семьей.

– Нет. – Теперь это сказал я.

– Да полно вам! – принялся уговаривать меня клерк. – Подумайте о молодой леди. Если она сдержит свои обязательства по контракту, второго шанса у нее не будет. Каждая девушка заслуживает, чтобы у нее была свадьба. И честное слово, я не бог весть какие комиссионные получаю.

– Послушайте, вы сами можете нас поженить, не так ли? – спросил я. – Тогда вперед – и покончим с этой процедурой.

Клерк удивился.

– Разве вы не знали? – спросил он – В этом штате люди женятся сами. Вы женаты с того момента, когда поставили отпечатки пальцев на контракте.

Я сказал: «О!», Мэри промолчала, и мы вышли на улицу.

* * *

На посадочной площадке к северу от города я взял напрокат машину – развалюхе исполнилось лет десять, и пахло от нее соответственно, но в ней был автопилот, а это единственное, что имело сейчас значение. Мы облетели город по кругу, срезали над Манхэттенским кратером, а дальше я включил автомат. Мы не слишком много разговаривали по дороге. Да и говорить пока было особенно не о чем. Меня распирало от счастья, и в то же время я ужасно волновался, но затем Мэри меня обняла, и немного погодя я уже не волновался, зато был счастливее куда больше прежнего. Не знаю уж, сколько прошло времени, но скоро – слишком скоро – послышалось «БИП! бип-бип БИП!» радиомаяка в моей хижине. Я высвободился из объятий, взял на себя управление и направил машину к земле.

– Где это мы? – спросила Мэри сонным голосом.

– Над моей хижинкой в горах, – ответил я.

– Я даже не знала, что у тебя есть хижина. Думала, мы летим ко мне.

– Там же полно медвежьих капканов! И кстати, это теперь не моя хижина, а наша.

Она снова меня поцеловала, и я чуть не врезался в землю. Мне пришлось уделить несколько минут машине, а Мэри тем временем выбралась и пошла вперед. Я догнал ее уже у дома.

– Бесподобно, милый!

– Адирондак! Этим все сказано, – согласился я.

Солнце висело над самым горизонтом, а легкая дымка, окутавшая горы, придавала пейзажу какой-то особенную, удивительную объемность.

– Я выбрал это место в основном из-за вот этого вида.

Мэри взглянула на пейзаж и сказала:

– Да-да. Только я имела в виду не горы, а твою... нашу хижину. Давай поскорей зайдем.

– Конечно, – согласился я. – Только это действительно всего лишь простая хижина.

В общем-то, так она и планировалась. Внутри даже бассейна не было. Приезжая сюда, я хотел, чтобы город оставался где-то там, далеко позади. Корпус – стандартный, из стали и стеклопластика, но снаружи обшит имитацией натурального дерева, которую вы бы не отличили от настоящих бревен – если, конечно, не царапать их ножом. Внутри все просто: одна большая гостиная с настоящим камином, мягкими коврами без рисунка и со множеством низких кресел. Все оборудование производства «Компакто специал» упрямотано с глаз долой, в фундамент: кондиционер, энергоблок, система очистки, звуковая аппаратура, водоснабжение и канализация, датчики радиационной опасности, сервоприводы – все, кроме морозильника и прочего кухонного оборудования. Даже стереоз экраны запрятаны так, что в глаза не бросаются, пока не включены. Почти настоящая бревенчатая хижина, но с водопроводом.

– Очень милая хижина, – сказала Мэри серьезным тоном.

– Большой роскошный дом мне бы, наверное, не понравился.

– Значит, нас уже двое. – Я набрал комбинацию, и парадная дверь разошлась в стороны. Мэри тут же прошмыгнула внутрь. – Эй! Куда ты? Вернись! – закричал я.

Она послушалась.

– В чем дело, Сэм? Я что-то сделала не так?

– Еще бы! – Я вытащил ее на улицу, затем поднял на руки, перенес через порог и, поцеловав, поставил на пол. – Вот, теперь ты у себя дома – и самым правильным образом.

Когда мы вошли, включился свет. Мэри обвела гостиную взглядом, повернулась и бросилась мне на шею.

– О дорогой, дорогой! У меня в глазах все расплывается, я ничего не вижу...

У меня в глазах тоже все расплывалось, так что мы взяли тайм-аут для взаимного лечения. Потом она принялась бродить по комнате, присматриваясь, прикасаясь к вещам.

– Знаешь, Сэм, если бы я планировала обстановку сама, я бы сделала все точно так же.

– У меня, к сожалению, только одна ванная, – признался я. – Будем жить в суровых полевых условиях.

– Меня это вполне устраивает. Я этому даже рада: теперь-то я вижу, что ты не водил сюда своих женщин.

– Каких женщин?

– Сам знаешь каких. Если бы ты задумал этот дом как любовное гнездышко, здесь была бы вторая ванная комната.

– Да, тебя не проведешь.

Она не ответила и ушла на кухню. Спустя секунду оттуда донесся радостный визг.

– Что случилось? – спросил я, войдя вслед за ней.

– Я совсем не ожидала найти в холостяцком доме настоящую кухню!

– Ну, я неплохо готовлю. Мне хотелось иметь нормальную кухню, вот я и купил все это.

– Я так рада. А теперь я все-таки приготовлю тебе ужин.

– Хорошо, это твоя кухня. Распожайся. Но может, ты хочешь сначала сполоснуться в душе? Я пропущу тебя

вперед. А завтра мы выпишем каталог, и ты выберешь себе ванную. Ее доставят по воздуху.

– Я не тороплюсь, – сказала она. – Иди первым. Я пока хочу заняться ужином.

Так я и сделал. Видимо, она без особых затруднений освоила кухонную систему управления и контроля, потому что уже через пятнадцать минут, когда я, насвистывая, стоял в душе, впитывая всеми порами горячую воду, она постучала в дверку. Я посмотрел сквозь прозрачную панель двери и увидел силуэт Мэри.

– Можно войти? – спросила она.

– Конечно, конечно! – сказал я. – Места хватит.

Я открыл дверку и посмотрел на нее. Она выглядела чудесно. Какое-то мгновение она стояла неподвижно, позволяя себя разглядывать, при этом на лице ее было такое милое застенчивое выражение, какого я никогда у нее прежде не видел.

Я изобразил чрезвычайное удивление и спросил:

– Дорогая, что случилось? Ты не заболела?

Она изумленно вскинула брови и спросила:

– Я? Что ты имеешь в виду?

– Я не вижу на тебе ни одного пистолета... Нигде.

Она засмеялась и набросилась на меня:

– Какой же ты дурачок! – Она принялась меня щекотать.

Я взял ее левую руку на излом, но она ответила приемом дзюдо, одним из самых мерзких, какие когда-либо рождались в Японии. К счастью, я знал на него ответ, а потом мы оказались на полу душевой, и она вопила:

– Отпусти! Ты мне волосы намочишь!

– Это так важно? – спросил я, не сдвигаясь с места. Мне нравилось там, где я в тот момент находился.

– Думаю, нет, – тихо ответила она и поцеловала меня.

Потом я ее отпустил, и мы, хихикая, принялись оглаживать друг другу синяки. Это был самый замечательный душ в моей жизни.

Семейная жизнь началась у нас с Мэри так гладко и естественно, словно мы были женаты уже двадцать лет. Нет, я не говорю, что медовый месяц прошел скучно (совсем нет) или что у нас не осталось тысячи вещей, которые нам предстояло друг о друге узнать, – суть была в том, что мы словно бы уже знали друг о друге все необходимое, и это превращало нас в семейную пару. Особенно это относилось к Мэри.

В памяти те дни сохранились не очень ясно, и все же я помню каждую их секунду. Помню ощущение счастья и легкой дезориентации. Когда-то мой дядя Эгберт достигал примерно такого же эффекта с помощью кружки кукурузного виски, а мы с Мэри тогда даже не принимали таблеток «тем-пуса». Я был счастлив. Видимо, с годами я успел позабыть, на что это похоже, или просто давно перестал сознавать, что несчастлив. Да, случалось, кто-то вызывал у меня интерес. Случалось, я увлекался. Веселился, пресыщался – но счастлив ни с кем не был.

Мы ни разу не включили стерео и ничего не читали, разве что иногда Мэри зачитывала мне вслух что-то из книг Баума про страну Оз. Это были бесценные раритеты, оставленные мне моим прадедом, – Мэри никогда в жизни таких не видела. Их чтение не возвращало нас в реальность – оно вводило нас еще дальше от нее.

Лишь на второй день мы пешком спустились в поселок, потому что мне хотелось показаться на люди с Мэри. Местные жители думают, что я – писатель, и я поощряю их заблуждение. Поэтому я задержался в магазинчике, чтобы купить пару ламп, конденсатор и ленту для моей пишущей машинки, хотя у меня, разумеется, не было ни малейшего намерения что-то записывать. Я разговаривал с владельцем магазинчика о слизнях и режиме «Голая спина», только чтобы поддержать свой публичный образ, естественно. У них тут недавно случилась ложная тревога, и одного местного в соседнем городке застрелил воинственный

констебль: бедолага по рассеянности появился на публике в рубашке. Владелец магазина был возмущен. Я сказал, что убитый сам виноват: время сейчас беспокойное, военное.

Он покачал головой:

– Я считаю, ничего бы не было, если бы мы тихо занимались своими делами. Господь сотворил людей не затем, чтобы они болтались в космосе. Лучше бы мы бросили эти космические станции и сидели дома, тогда все у нас было бы в порядке.

Я указал ему на то, что слизняки прибыли сюда на собственных кораблях, что это не мы за ними летали, – и поймал предупредительный сигнал от Мэри: не болтать лишку.

Владелец магазина оперся на стойку, наклонился ко мне и спросил:

– Но ведь пока мы не летали в космос, у нас проблем не было?

Я согласился.

– Вот видите? – сказал он торжествующе.

В ответ я промолчал. Как тут спорить?

Больше мы ни с кем не виделись и не говорили. На обратном пути мы проходили мимо хибары местного отшельника Старого Джона по прозвищу Горный Козел. Говорят, Джон раньше держал коз, не знаю, правда ли это, но несет от него как от козла. По моей просьбе он приглядывал за моим домиком, и мы уважали друг друга, то есть без необходимости друг к другу не лезли. Но, увидев его, я помахал рукой.

Он помахал в ответ. Одет Джон был как обычно: старая армейская куртка, вязаная шапочка, шорты и сандалии. Я хотел предупредить его, что тут неподалеку человека застрелили за то, что не соблюдал правила ходить голым по пояс, но передумал. Джон – ярый анархист, он бы еще больше заартачился. Вместо этого я сложил ладони рупором и крикнул:

– Пришли ко мне Пирата!

Он снова махнул рукой, и мы пошли дальше, не подходя к Джону ближе, чем на две сотни футов: разумная предосторожность, поскольку он был с наветренной стороны.

– Кто такой Пират, дорогой? – спросила Мэри.

– Увидишь.

И она увидела. Едва мы вернулись домой, появился Пират. Дверца, что я для него сделал, открывалась на его «мяу», так что он мог входить и выходить, когда заблагорассудится. Пират был здоровенный, наглый, драный когтище, наполовину рыжий персидский, наполовину дворовых кровей. Он вошел с важным видом, высказал мне все, что думает о хозяевах, которые исчезают слишком надолго, затем простил и ткнул мордой мне в ноги. Я потрепал его по спине, и тогда он отправился обследовать Мэри.

Я внимательно наблюдал, что она будет делать. Мэри опустилась на колени и издавала звуки, которые обычно используют люди, понимающие кошачий протокол, однако Пират смотрел на нее подозрительно. Затем вдруг прыгнул к ней на руки и заурчал, как неисправный топливный насос, тыча головой в ее подбородок.

Я облегченно вздохнул.

– Ну слава богу, – сказал я. – А то я уж думал, что он не разрешит тебя оставить.

Мэри подняла глаза и улыбнулась:

– Не волнуйся, я прекрасно лажу с кошками. Я сама на две трети кошка.

– А еще на треть кто?

Она скорчила гримаску:

– Узнаешь.

Она чесала Пирата под подбородком, а он тянул шею и принимал ласку с выражением весьма неприличного похотливого удовольствия на морде. И еще я заметил, что цвет ее волос точно в тон его шерсти.

– Старый Джон заботится о нем, когда меня нет, – объяснил я. – Но Пират принадлежит мне. Или, наоборот.

– Я догадалась, – ответила Мэри. – И теперь я тоже принадлежу Пирату. Верно, Пират?

Кот не ответил, он продолжал бесстыдно нежиться, но было ясно, что она права. У меня и в самом деле камень с души свалился. Котофобы никогда не поймут, почему кошки имеют такое значение для котофилов, но, если бы Мэри оказалась не из нашей логи, это бы постоянно на меня давило.

С тех пор Пират почти все время оставался с нами – или с Мэри, кроме тех случаев, когда я выгонял его из спальни. Мэри и кот протестовали, но тут я был неумолим. Мы даже взяли его с собой, когда спускались в ущелье пострелять по мишеням. Я говорил Мэри, что безопаснее было бы оставить его дома, но она ответила:

– Просто постарайся не попасть в кота. Я-то в него стрелять не буду.

Я заткнулся, несколько уязвленный. Вообще-то, я хороший стрелок и поддерживаю форму постоянными тренировками при каждом удобном случае, даже в свой медовый месяц. Нет, это не совсем правда: по такому поводу я бы плюнул на тренировки, если бы не выяснилось, что Мэри очень любит стрелять. Мэри не просто хорошо натренирована – она первоклассный стрелок, десять из десяти. Она пыталась и меня подтянуть до своего уровня, но такому нельзя научиться, это что-то врожденное.

Пользуясь случаем, я спросил ее, почему она всегда носит с собой минимум два пистолета.

– Всегда может понадобится еще один, – ответила она. – Ну-ка, давай попробуй отобрать у меня пистолет.

Я встал в стойку и начал отрабатывать комбинацию из положения лицом к лицу, с голыми руками против пистолета. Она легко уклонилась от захвата и резко спросила:

– Что ты делаешь? Пытаешься отобрать оружие или приглашаешь потанцевать? Давай по-настоящему!

И тогда я сделал все по-настоящему. Пусть медалей мне не завоевать, но по части кабацких драк я на первых местах. И ей пришлось уступить, иначе я сломал бы ей запястье.

Но когда ее пистолет оказался у меня, я почувствовал, что вторая пушка прижимается к моему пупку. Это был гражданский дамский пистолетик, но из него можно уложить без перезарядки человек двадцать. Я глянул вниз и увидел, что он снят с предохранителя. Моя прекрасная леди легким напряжением одной мышцы могла сейчас проделывать во мне дырку. Не очень широкую, но вполне достаточно и такой.

– Тьфу, черт! «Откуда ты его вынула?» – спросил я.

У меня был хороший повод задать этот вопрос, поскольку мы вышли из дому, не одеваясь. Да и зачем, ведь тут никто не ходит. В конце концов, это моя земля.

И я готов был поклясться, что пистолет у Мэри один – тот, который она несла в руке.

– Он был высоко на шее, под волосами, – спокойно ответила она. – Хочешь посмотреть?

Я посмотрел. Я знал, что там можно спрятать телефон, но я никогда бы не подумал, что там есть место и для пистолета. Хотя, конечно, я не стреляю из дамских пистолетов и не отращаиваю себе длинные огненные локоны.

Тут мне снова пришлось скосить глаза вниз, потому что в мои ребра уперлась дулом третья пушка.

– А этот откуда взялся? – спросил я.

В ответ она захихикала:

– Что, вконец запутался? Этот все время был на виду.

Больше она ничего не сказала, а я так и не догадался. Они же должны были лязгать при ходьбе – так ведь ничего подобного!

Я обнаружил, что могу научить ее кое-чему по части рукопашной, и это немного восстановило мое самоуважение. Голые руки важнее пушек – они чаще спасают вам жизнь. Нет, Мэри и сама все умела: ее руки таили в себе смерть, ноги – вечный сон. Просто всякий раз, как я укладывал ее на

обе лопатки, она обмякала и принималась целоваться. Однажды, вместо того чтобы ответить на поцелуй, я встряхнул ее и сказал, что она относится к делу недостаточно серьезно, но Мэри, понизив голос на октаву, сказала:

– Разве ты не понимаешь, дорогой? Не это мое оружие...

Это вовсе не значило, что «ее оружие» – пистолеты. Она имела в виду что-то более древнее и первобытное. Да, она умела бороться, как разъяренный медведь, и я уважал ее за это. Но она не была амазонкой. Амазонки в постели выглядят совсем по-другому. Истинная сила Мэри заключалась в иных талантах.

Кстати, о том, как меня удалось спасти от слизней, я узнал от Мэри. Она много дней бродила по городу, не находя меня, но при этом скрупулезно фиксируя в рапортах, как идет процесс заражения города. Если бы не ее способность обнаруживать «одержимых», мы, возможно, бесполезно потеряли бы многих агентов, а я бы никогда не освободился от своего хозяина. Благодаря полученным от нее сведениям Старик свернул операции внутри города и сосредоточился на въездах и выездах. И меня спасли, хотя на выезде караулили не меня конкретно... по крайней мере, не думаю, что засаду устроили ради меня одного.

А может, и ради меня одного. Что-то из того, что сказала Мэри, заставляло думать, что они со Стариком посменно, с утра до ночи, обходили главные стартовые площадки города. Но такого просто не может быть: Старик не стал бы в ущерб работе тратить время на поиски одного-единственного агента. Должно быть, я неправильно ее понял.

Мне так и не представился случай уточнить. Мэри вообще неохотно говорила о прошлом. Я спросил ее однажды, почему Старик освободил ее от охраны президента. Она ответила:

– От меня там больше не было пользы, – и отказалась вдаваться в подробности.

Она понимала, что я рано или поздно сам выясню причину: слизи наконец-то узнали о сексе, поэтому она больше

не могла работать в качестве пробного камня для «одержимых» мужчин. Но тогда я об этом не знал, Мэри же считала эту тему гадкой и отказалась о ней говорить. Она вообще не любила обсуждать неприятности.

И поэтому мы касались этих тем в наш медовый месяц так редко, что я почти забыл о титанцах.

Мэри не любила рассказывать о себе, зато охотно слушала мои рассказы. А я настолько размяк от счастья, что говорил обо всем, даже о том, что грызло меня всю жизнь. О том, как демобилизовался и как валял дурака, прежде чем проглотил свою гордость и пошел работать на Старика.

– Я же миролюбив по натуре, – говорил я, – что со мной не так? Старик – единственный человек, которому я способен подчиняться, и я все равно постоянно с ним собачусь. Почему?

Моя голова лежала у нее на коленях. Мэри за уши при-тянула меня к себе и поцеловала.

– Малыш, разве ты не понимаешь? Это не ты такой, это тебя таким сделали.

– Но я всегда был таким, во всяком случае до сих пор.

– Да, с детства. Без матери, с блистательным и сильным отцом. Тебя столько шпыняли, что ты потерял уверенность в себе.

Ее слова так меня удивили, что я вскинулся. Это у меня-то? Нет уверенности в себе?

– Что ты такое говоришь? Да я самый наглый петух на дворе!

– Да, конечно. Или раньше им был. Все к лучшему. – И, воспользовавшись тем, что я убрал голову с ее колен, она встала и сказала: – Пойдем полюбуемся закатом.

– Каким закатом? – недоуменно спросил я. – Мы же только что позавтракали.

Но она была права, а я не прав, обычное дело. Однако путаница со временем вернула меня в реальный мир.

– Мэри, сколько мы уже здесь? Какое сегодня число?

– А это имеет значение?

– Еще как имеет. Прошло, наверно, больше недели. Наши телефоны могут зазвонить в любую минуту – и все: назад, на галеры.

– Да, но зачем беспокоиться заранее?

Она была права, однако я уже не мог успокоиться, пока не узнаю, какое сегодня число. Можно было, конечно, включить стерео, но там наверняка наткнешься на выпуск новостей, а это себе дороже; я все еще притворялся, будто мы с ней в каком-то другом, безопасном мире, где нет никаких титанцев.

– Мэри, – спросил я, – сколько у тебя таблеток «темпуса»?

– Ни одной.

– Ладно. У меня хватит на нас двоих. Давай растянем наш отпуск, пусть он длится подольше. Вдруг нам осталось всего двадцать четыре часа? Можно превратить их в целый месяц субъективного времени.

– Нет.

– Но почему? Давай ловить момент, пока он от нас не убежал.

Она накрыла ладонью мою руку и внимательно посмотрела мне в глаза:

– Нет, дорогой, это не для меня. Я хочу прожить каждое мгновение своей жизни, не омрачая его беспокойством о следующем. – Наверное, я выглядел очень упрямо, и она добавила: – Если хочешь принимать «темпус», я не возражаю, но, пожалуйста, не уговаривай меня.

– Да ну к черту! Я не буду веселиться в одиночку.

Она промолчала, и, должен заметить, это лучший способ выигрывать споры.

* * *

Не то чтобы мы часто спорили. Если я из-за чего-то заводился, Мэри обычно поддавалась, но в конце концов выходило, что не прав я. Несколько раз я пытался разговорить

ее, заставить рассказать о себе – нужно же мне знать о своей жене хоть что-то, – и на один из моих вопросов о прошлом она задумчиво ответила:

– Иногда мне кажется, что у меня вообще не было детства. Может, оно мне просто приснилось?

Я спросил напрямик, как ее зовут.

– Мэри, – спокойно ответила она.

– Это твое настоящее имя? – Я уже давно сказал ей свое, но она по-прежнему звала меня Сэмом.

– Конечно настоящее. С тех пор как ты меня назвал этим именем, я – Мэри.

– Ладно, ты моя дорогая и любимая Мэри. А как тебя звали раньше?

В глазах у нее промелькнула какая-то затаенная боль или обида, но ответила она спокойно:

– Когда-то я носила имя Аллукьера.

– Аллукьера, – повторил я, смакуя его на языке. – Аллукьера. Какое странное и красивое имя – Аллукьера! В нем есть что-то величественное. Моя дорогая Аллукьера...

– Теперь меня зовут Мэри, – отрезала она.

Я понимал, что где-то когда-то с ней случилось что-то ужасное и память о нем до сих пор отзывается болью. Но видимо, мне просто не суждено было о нем узнать. Я почти не сомневался, что когда-то она была замужем. Может, причина в ее первом браке.

А потом я выкинул это из головы. Она была такая, какая есть, теперь и навсегда, и я был счастлив, что могу согреть душу теплом ее присутствия. «Ее разнообразью нет конца. Пред ней бессильны возраст и привычка...»⁴²

* * *

Я продолжал называть ее Мэри, раз ей так больше нравилось, и думал о ней как о Мэри, но имя, которое она когда-

⁴² У. Шекспир. Антоний и Клеопатра. Перевод Б. Пастернака.

то носила, не давало мне покоя. Аллукьера... Аллукьера... Я катал его, как горошину, на языке. Меня не оставляло впечатление, что где-то я его слышал.

И неожиданно я вспомнил. Настойчивая мысль все-таки раскопала информацию на дальних полках памяти, заваленных всяким бесполезным хламом, от которого невозможно избавиться. Была в свое время то ли секта, то ли колония... Они пользовались искусственным языком и даже имена детям давали новые, придуманные...

Точно. Уитмениты. Анархистско-пацифистский культ. Их вышибли из Канады, но они не смогли закрепиться даже в Литл-Америке.⁴³ Их пророк еще написал книгу «Энтропия радости». Я ее не читал, но однажды пролистал, в ней было полно псевдоматематических формул, указывающих путь к достижению счастья.

В мире все «за счастье», так же как все «против греха», но эти сектанты пострадали из-за принятых у них обрядов. Свои сексуальные проблемы они решали очень древним и не совсем обычным по современным понятиям способом, что создавало взрывоопасные ситуации, с какой бы культурой ни соприкасались уитмениты. Даже Литл-Америка была недостаточно далеко, и, если я правильно помню, остатки сектантов эмигрировали на Венеру. Но в таком случае никого из них уже нет в живых.

Короче, думать об этом – только забивать голову. Если Мэри была уитмениткой или выросла в их среде, это ее дело. И уж, конечно, я не допущу, чтобы философия какого-то там культа нарушала согласие в семье; брак, в конце концов, не купчая, а жена – не собственность.

Если это было все, что Мэри хотела скрыть от меня, то я не хотел ничего об этом знать. Мне не нужна была

⁴³ Литл-Америка – общее название пяти американских полярных станций, работавших в Западной Антарктиде на восточной краевой части шельфового ледника Росса, в районе бухт Китовая и Кайнан.

девственность, запаянная в герметичную упаковку, мне нужна была сама Мэри.

22

В следующий раз, когда я упомянул «темпус», Мэри не стала спорить, но предложила ограничиться минимальной дозой. Вполне приемлемый компромисс – увеличить дозу никогда не поздно.

Чтобы препарат подействовал быстрее, я приготовил инъекции. Приняв «темпус», я обычно слежу за часами, и когда секундная стрелка замирает, это означает, что препарат подействовал. Но в моей хижине не было часов, а мы перестали носить свои перстни. Это было утром, мы не спали всю ночь и теперь лежали, обнявшись на полукруглом низком диване у камина.

Мы долго лежали так, в полусне и покое, и я уже начал подумывать, что препарат не сработал. А потом я понял, что восходящее солнце замерло на месте. За панорамным окном повисла птица, и только если смотреть на нее достаточно долго, можно было заметить, что крылья у нее движутся.

Я отвернулся от окна и бросил взгляд на жену, привычно восхитившись изяществом ее ног и выразительными округлостями. Пират свернулся у нее на животе, поджав лапы, словно спрятал их в муфте. Они оба как будто спали.

– Как насчет завтрака? – спросил я. – Я умираю с голоду.

– Готовь, – ответила Мэри. – Если я пошевелюсь, Пират проснется.

– Но ты поклялась любить меня, почитать и кормить завтраком.

Я наклонился и пощекотал ей пятку. Мэри вскрикнула и резко поджала ноги. Пират подскочил и с недоуменным мяуканьем шлепнулся на пол.

– Ну зачем ты? – сказала Мэри. – Из-за тебя я слишком резко дернулась и обидела Пирата.

– Забудь кота, женщина, ты замужем за мной!

Однако я понимал, что не прав. Когда рядом есть кто-то, кто не принимал «темпус», двигаться нужно крайне осторожно. По правде сказать, я просто забыл про кота. Ему наверняка казалось теперь, что мы скачем и дергаемся, как пьяные чертики из табакерки. Я хотел приласкать его и заставил себя двигаться медленнее.

Куда там. Пират бросился к своей дверце. Я мог бы его остановить – ведь для меня он не бежал, а еле полз, – но решил, что не стоит, а то он напугается еще сильнее. Просто оставил его в покое и отправился на кухню.

Должен заметить, что Мэри была права: в медовый месяц «темпус фугит» себя не оправдывает. Экстатическое ощущение счастья, что я испытывал до того, тонуло теперь в вызванной наркотиком эйфории – хотя в тот момент я не осознавал потери, потому что наркотическая эйфория сама по себе убедительна. Но потеря была совершенно реальной: естественное чудо я променял на химическую подделку.

Есть драгоценные мгновения, которые нельзя или не стоит торопить. Мэри, как обычно, оказалась права. В общем-то, день – или месяц – прошел неплохо, но лучше бы я держался за настоящее чувство.

К вечеру действие препарата кончилось. Как всегда, после «темпуса», я чувствовал себя немного раздраженно, однако нашел перстень с часами и занялся проверкой рефлексов. Убедившись, что все вернулось в норму, проверил Мэри, после чего она сообщила, что у нее действие препарата прекратилось минут двадцать назад, – дозы мы отмеряли довольно точно, в соответствии с массой тела.

– Хочешь попробовать еще раз? – спросила она.

Я притянул ее к себе, поцеловал и ответил:

– Нет. По правде говоря, я рад, что все кончилось.

– И я рада.

У меня разыгрался волчий аппетит (тоже обычное после «темпуса» дело, независимо от того, сколько и когда человек ел под препаратом). Я сказал об этом Мэри, и она ответила:

– Сейчас. Я только позову Пирата. Его не было весь день. Весь прошедший день – или месяц – я о нем даже не вспоминал; одно слово – эйфория.

– Не беспокойся о нем, – сказал я. – Он часто пропадает целыми днями.

– Раньше этого не случалось.

– При мне случалось, – успокоил я.

– Боюсь, Пират на меня обиделся. Наверняка обиделся.

– Тогда он, скорее всего, внизу, у Старого Джона. Обычно он так меня наказывает, когда ему не нравится мое обслуживание. Ничего с ним не случится.

– Но уже ночь. А вдруг его сцапает койот?

– Глупости. Койоты не забредают так далеко на восток.

– Ну, тогда лиса или еще кто-нибудь. Ты не возражаешь, дорогой? Я просто выгляну и позову его. – Она направилась к двери.

– Тогда накинь что-нибудь, – потребовал я. – Там сейчас холодно!

Мэри помедлила, потом вернулась в спальню, надела пеньюар, который я купил для нее в поселке, и вышла за дверь. Я подбросил в камин дров и пошел на кухню.

Должно быть, она оставила входную дверь открытой. И пока я мучительно колебался между легкостью приготовления пакетика «Быстросуп» и удовольствием от настоящей еды из настоящих продуктов, я слышал, как она приговаривает: «Плохой, плохой котик! Мамочка из-за тебя волнуется» – тем воркующим голосом, каким люди обычно разговаривают с младенцами и животными из семейства кошачьих.

– Тащи его сюда и закрой дверь! Только пингвинов не пускай! – крикнул я из кухни.

Она ничего не ответила, и я не услышал, что дверь хлопнулась. Тогда я вернулся в гостиную.

Она стояла у порога, но Пирата с ней не было. Я начал что-то говорить, но тут увидел ее глаза. В них застыл невыразимый ужас.

– Мэри! – позвал я и двинулся к ней.

Она вздрогнула, словно только что меня заметила, и повернулась к двери. Двигалась Мэри как-то судорожно, рывками, а когда она повернулась ко мне спиной, я увидел ее плечи.

Под пеньюаром торчал горб.

Не знаю, как долго я стоял на месте. Наверно, только доли секунды, но в память они врезались как целая вечность. Я прыгнул и схватил ее за руки. Мэри обернулась, но теперь я увидел в ее глазах не бездонные колодцы ужаса, а два мертвых омута.

Она врезала мне коленом.

Я сгруппировался, и мне удалось избежать худшего. Да, я знаю, что опасного противника бесполезно хватать за руки, но ведь это была моя жена. Не мог же я просто действовать по накатанной схеме: замах-уклонение-ударить-убить?!

Однако у слизняка подобных сомнений на мой счет не было. Мэри – вернее, эта тварь – показала мне все, на что была способна, а мне пришлось показать все, на что был способен я, – чтобы случайно ее не убить. Не дать ей убить меня, уничтожить паразита, не дать ему перебраться ко мне – иначе мне не удалось бы ее спасти.

Я выпустил одну руку и ударил Мэри по скуле. Удар должен был вырубить ее, но она даже не замедлилась. Я снова обхватил ее, теперь и руками, и ногами, пытаюсь зажать медвежьей хваткой, чтобы обездвижить, не искалечив. Мы упали на пол, и Мэри оказалась сверху. Она попыталась меня укусить, и я ударил ее головой в лицо.

У нее было сильное тело, и я понял, что мне удастся только сдерживать ее за счет большей мышечной массы. Тогда я попытался ее парализовать, воздействуя на болевые точки, но она понимала, что я делаю, знала эти точки не хуже меня, так что мне еще повезло, что я сам не оказался парализованным.

Оставалось одно: раздавить самого слизняка. Но я уже знал, какое жуткое действие это оказывает на носителя. Мэри может умереть, и даже в лучшем случае, если она останется в живых, последствия будут ужасны. Нужно было лишить ее сознания, а паразита сначала снять, а потом только убить... Согнать его огнем или легкими ударами тока.

Согнать огнем...

Времени проработать идею мне не дали: Мэри впилась зубами мне в ухо. Я передвинул правую руку и схватил слизняка. Никакого результата. Мои пальцы, вместо того чтобы погрузиться в слизистое рыхлое тело, наткнулись на плотный роговой или кожистый панцирь – я словно пытался раздавить футбольный мяч. Когда я дотронулся до него, Мэри дернулась и оторвала мне кусок уха, но это был не сокрушающий кости финальный спазм. Паразиту ничего не сделалось, и он по-прежнему держал Мэри в своей власти.

Я попробовал поддеть его, но он держался, как присоска: я даже палец не мог просунуть.

Мэри, однако, тоже времени не теряла, и мне здорово от нее досталось. Я перекатил ее на спину и, все еще сжимая в захвате, умудрился встать на колени. Пришлось освободить ее ноги, чем она тут же воспользовалась, но зато я сумел перегнуть ее через колено, поднялся и волоком потащил ее к камину.

Она поняла, что я задумал, и едва не вырвалась. Она билась, как разъяренная пума, но все же я дотащил ее, ухватил за волосы и заставил запрокинуться над огнем.

Я хотел только обжечь паразита, чтобы он, спасаясь от жара, отцепился. Но Мэри так яростно сопротивлялась, что я потерял равновесие, ударился головой о верхний край камина

и уронил ее спиной на раскаленные угли.

Она закричала и выпрыгнула из огня, увлекая меня за собой. Еще не очухавшись от удара, я вскочил на ноги и увидел, что она лежит на полу. Ее волосы, ее прекрасные волосы горели.

Пеньюар тоже вспыхнул. Я бросился гасить огонь руками и обнаружил, что слизняка на ней уже нет. Продолжая сбивать пламя ладонями, я огляделся по сторонам и увидел,

что он лежит на полу перед камином... и его обнюхивает Пират.

– Брысь! – крикнул я. – Пират! Пошел вон!

Кот поднял голову и вопросительно посмотрел на меня, словно я отвлекал его от новой интересной игрушки. Я продолжал сбивать огонь и, только убедившись, что ни волосы, ни одежда больше не горят, оставил Мэри. У меня даже не было времени проверить, жива ли она. Потому что нужно было кое-что срочно предпринять.

Мне нужен был совок для угля. Я не мог рисковать, хватая тварь голыми руками, – я повернулся к камину, чтобы взять совок...

Но слизняк уже не лежал на полу – он оседлал Пирата. Кот застыл на месте, широко расставив лапы, а слизняк копошился, устраиваясь у него на загривке.

Возможно, все обернулось бы лучше, задержись я еще на несколько секунд. Возможно, слизняк, устроившись на Пирате, сбежал бы на улицу. Я бы не стал преследовать его в темноте. Думаю, не стал бы. Но я прыгнул на Пирата и, падая, успел схватить его за задние лапы, когда он, повинуясь воле титанца, сделал первое движение.

Хватать взбесившегося кота голыми руками по меньшей мере безрассудно, а удержать, если им управляет паразит, просто невозможно... Я спешил к камину, и на каждом шагу он рвал зубами и когтями мои руки.

На этот раз я все сделал правильно. Несмотря на вой и яростное сопротивление Пирата, я повернул его спиной к раскаленным углям и сунул в камин. Пламя охватило его шерсть и мои руки, но я держался до тех пор, пока слизняк не свалился прямо в огонь. Тогда я вытащил Пирата и положил на пол. Он больше не сопротивлялся. Я загасил тлеющую шерсть и вернулся к Мэри.

Она все еще была без сознания. Я присел на корточки рядом с ней и заплакал.

* * *

За час я сделал для Мэри все, что мог. Слева волосы сгорели у нее начисто, плечи и шея были в ожогах. Однако пульс бился сильно, а дышала она пусть часто и неглубоко, но ровно, и я был уверен, что она не потеряла слишком много жидкости. Я забинтовал ее ожоги – на всякий случай я держу в хижине полную аптечку – и ввел снотворное. Теперь у меня было время заняться Пиратом.

Он лежал на полу там, где я его оставил, и выглядел ужасно. Ему досталось гораздо больше, чем Мэри, и еще, возможно, у него обгорели легкие. Я думал, он уже мертв, но, когда я тронул его рукой, Пират поднял голову.

– Извини, дружок, – прошептал я, и он вроде бы тихо мякнул в ответ.

Я сделал для него то же, что для Мэри, только снотворное вводить побоялся. После этого я пошел в ванную и осмотрел себя.

Ухо уже не кровоточило, и я решил пока его не трогать. Когда-нибудь, когда у меня будет время, его надо будет восстановить. Но руки... Я сунул их под горячую воду, заорал, затем высушил под струей воздуха, что тоже оказалось очень больно. Забинтовать их я все равно не сумел бы, да и не хотелось: наверняка придется еще что-то делать.

В конце концов я вылил по унции крема от ожогов в две пластиковые перчатки и надел их на руки. В креме содержалось обезболивающее, и в общем стало терпимо. Я подошел к стереофону и позвонил местному врачу. Подробно и грамотно объяснил, что случилось, что я сделал сам, и попросил подъехать.

– Ночью? – спросил он. – Вы, должно быть, шутите.

Я сказал, что мне совсем не до шуток.

– Это невозможно. Ваш случай уже четвертый в округе, и ночью здесь никто не выходит на улицу. Сейчас вы сделали все, что было возможно. Завтра с утра я первым делом заеду и осмотрю вашу жену.

Я посоветовал ему катиться к дьяволу, прямо с утра, и отключился.

* * *

В первом часу ночи Пират умер. Я похоронил его сразу же – чтобы Мэри не видела, в каком он виде. Руки от лопаты болели нещадно, но яма для него нужна была совсем небольшая. Я постоял немного над могилой, попрощался и пошел в дом. Мэри тихо спала. Придвинув кресло к кровати, я сел дежурить.

Старался не заснуть, но несколько раз, кажется, проваливался в полудрему. В общем, не помню.

23

Под утро Мэри начала ворочаться и стонать. Я обнял ее и зашептал:

– Я здесь, родная, здесь. Все в порядке. Сэм с тобой.

Она открыла глаза, и в них мелькнул уже знакомый мне ужас. Затем она увидела меня и успокоилась.

– Сэм! Мне такой жуткий сон приснился!

– Все уже в порядке.

– А почему ты в перчатках? – Мэри вдруг заметила на себе бинты; что-то в ее лице дрогнуло, и она все поняла. – Это был не сон!

– Нет, родная, не сон. Но ты не бойся. Я его убил.

– Убил? Ты уверен, что он мертв?

– Абсолютно.

В доме все еще вонялодохлымслизняком.

– Ох!.. Иди ко мне, Сэм. Обними меня крепко-крепко.

– Тебе будет больно.

– Все равно обними!

Я обнял ее, стараясь не касаться ожогов, но Мэри их как будто и не замечала. Спустя какое-то время она перестала дрожать.

– Извини, дорогой. Я всего лишь слабая женщина.

– Ну что ты! Видела бы ты, в каком я был виде, когда меня спасли от паразита.

– Я видела. Но ты должен рассказать мне, что случилось. Я помню, как ты запихивал меня спиной в камин, и это все.

– Извини, Мэри, другого выхода не было. Я хотел снять паразита, а иначе никак не получалось!

Она встряхнула меня за плечи – теперь пришла ее очередь утешать меня.

– Я знаю, Сэм, знаю, дорогой. И очень тебе благодарна за то, что ты сделал. От всего сердца благодарна. Ты снова меня спас.

Мы оба немного поплакали. Наконец я справился с собой, шмыгнул носом и продолжил:

– Ты не ответила, когда я тебя позвал. Я вышел в гостиную и там увидел тебя.

– Да, помню. Я так сопротивлялась!

– Я знаю – ты пыталась уйти, – сказал я, глядя ей в глаза.

– Но как тебе это удалось? Когда паразит на спине, это конец, с ним невозможно справиться.

– Да, мне не удалось – но я старалась изо всех сил.

Эта загадка так и осталась загадкой. Как бы то ни было, Мэри сумела воспротивиться воле паразита, что было невозможно, – я знал это по собственному опыту. Правда, в конце концов она уступила, но теперь я знал, что моя жена крепче и сильнее меня самого, несмотря на все эти дивные округлости и зашкаливающую женственность.

Я смутно догадывался, что, если бы она не сдерживала паразита, пусть даже самую малость, я бы с ним не справился, поскольку не мог драться с Мэри в полную силу.

– Надо было, конечно, взять фонарь, – продолжила она, – но знаешь, Сэм, мне и в голову не пришло, что здесь тоже опасно.

Я кивнул. Мне тоже казалось, что здесь, в горах, нам ничто не угрожает, как под одеялом или в крепких объятиях.

– Пират прибежал ко мне сразу же. Но я не видела этой твари, пока не протянула руку его погладить и не коснулась ее, а потом уже было поздно. – Мэри вдруг приподнялась на локте. – А где Пират, Сэм? С ним ничего не случилось? Позови его.

Пришлось рассказать. Она выслушала меня с застывшим лицом, кивнула и больше никогда о нем не заговаривала. Я же решил сменить тему:

– Ну, раз уж ты проснулась, я приготовлю тебе завтрак.

– Не уходи!

Я остановился.

– Вообще никуда от меня не отходи, оставайся в поле зрения. Сейчас я встану, и сама приготовлю завтрак.

– Черта с два! Ты останешься в постели и будешь вести себя как послушная девочка.

– Подойди сюда и сними перчатки. Я хочу посмотреть, что у тебя с руками.

Перчатки я снимать не стал, даже думать об этом не мог, потому что обезболивающее уже почти не действовало.

– Так я и знала, – мрачно произнесла Мэри. – У тебя ожоги еще хуже, чем у меня.

В общем, завтрак готовила она. Более того, она одна его и ела – я не хотел ничего, кроме чашки кофе. Я настоял, чтобы она тоже пила как можно больше: ожоги на большой площади – это не шутка. Позавтракав, Мэри отодвинула от себя тарелку, посмотрела на меня и сказала:

– Знаешь, Сэм, я ни о чем не жалею. Теперь я тоже знаю, каково это. Теперь мы оба знаем.

Я коротко кивнул, понимая, что она имела в виду. Делить одни только радости – этого недостаточно.

Мэри встала:

– Видимо, надо идти.

– Да, – согласился я. – Нужно скорее доставить тебя к врачу.

– Я не это имела в виду.

– Знаю.

Обсуждать тут было нечего. Мы оба понимали, что музыка кончилась и пора возвращаться на работу. Развалюха, на которой мы прилетели, по-прежнему стояла на посадочной площадке возле дома, отсчитывая плату за прокат. На то, чтобы сжечь тарелки, собраться и обесточить все, кроме дежурного питания, у нас ушло не больше трех минут. Я потерял свои ботинки, но Мэри вспомнила, где я их оставил.

Поскольку я с такими руками ни на что не годился, машину вела Мэри. Поднявшись в воздух, она повернулась ко мне и предложила:

– Давай сразу вернемся в Отдел. Там и подлечат, и все новости расскажут. Или руки болят слишком сильно?

– Нет, летим в Отдел, – согласился я.

Руки, конечно, болели, но за час-другой им хуже не станет. Мне не терпелось узнать новости, да и к работе вернуться. Я попросил Мэри вывести на экран новостной канал: сейчас мне хотелось увидеть последние известия не меньше, чем раньше хотелось их избежать. Но аппаратура оказалась под стать самой машине: мы даже звук не смогли поймать. Хорошо хоть автопилот еще работал, иначе Мэри пришлось бы вести машину вручную.

Меня не оставляла в покое одна мысль, и я решил поделиться ею с Мэри:

– Как ты думаешь, слизняк ведь не стал бы забираться на кота просто так, правда?

– Думаю, нет.

– Тогда почему же он оказался у Пирата на спине? Здесь должна быть какая-то логика. Все, что они делают, логично – пусть даже у этой логики довольно мрачный привкус.

– Но здесь тоже все логично. С помощью кота они поймали человека.

– Да. Но как они могли это запланировать? Неужели их настолько много, что они позволяют себе разъезжать на кошках, в надежде на случайную встречу с человеком? Хотя... – Я вспомнил, с какой скоростью один слизняк на

спине обезьяны превратился в двух, вспомнил переполненный тварями Канзас-Сити и содрогнулся.

– Почему ты спрашиваешь об этом меня, дорогой? У меня же не аналитический мозг.

В некотором смысле это была чистая правда: нет, никаких дефектов мозга у Мэри, конечно же, нет, но она все время приходит к правильным выводам инстинктивно, перескочив через логику. Меня подобное отсутствие логических связей нервирует чрезвычайно.

– Брось прикидываться скромной девочкой и подумай лучше вот о чем: откуда этот слизняк взялся? Сам бы он сюда не дополз. До Пирата он мог добраться только на спине другого носителя. Кто это был? Я бы предположил, что это Старый Джон, Горный Козел. Больше Пират никого к себе не подпускает.

– Старый Джон? – Мэри на секунду прикрыла глаза, потом снова их открыла. – Нет, я не помню от него никаких особых ощущений. Я была слишком далеко.

– Методом исключения получается, что это мог быть только он. В поселке все соблюдали режим, а Старый Джон был в куртке. Следовательно, паразит оседлал его еще до введения режима «Голая спина». Джону это сходило с рук, потому что он избегает людей. Но дальше моя логика пасует. Зачем слизнякам отшельник, живущий черт-те где в горах?

– Чтобы поймать тебя.

– Меня?

– Да, чтобы вернуть тебя.

В этом был какой-то смысл. Возможно, любой носитель, которому когда-либо удалось от них уйти, становился объектом слежки. В таком случае те полтора десятка конгрессменов, да все прочие, кого мы спасли, в том числе Мэри, подвергаются серьезной опасности. Я бы сообщил об этом нашим аналитикам. Впрочем, нет, Мэри в списке быть не должно – единственный слизняк, который знал, что она была под контролем, теперь мертв.

С другой стороны, может быть, им нужен именно я. Что такого во мне особенного? Да, тайный агент. Но что более важно, мой хозяин знал все, что мне известно о Старике, и, следовательно, понимал, в каких мы отношениях. В моем представлении Старик был их главным противником, и мой паразит знал, что я так думаю, поскольку он имел доступ к любым моим мыслям.

И этот слизняк даже встречался со Стариком, разговаривал с ним. Стоп, минуточку: тот слизняк сдох. Моя теория рухнула.

И тут же снова восстала из руин.

– Мэри, – спросил я, – ты была у себя на квартире, с тех пор как мы там в последний раз завтракали?

– Нет. А что?

– Не возвращайся туда ни в коем случае. Я помню, как думал, когда был с ними, что надо устроить там ловушку.

– Но не устроил?

– Нет. Но, возможно, это сделал кто-то другой. Не исключено, что еще один «Старый Джон» сидит там, как паук в паутине, и ждет, когда ты придешь. Или, когда я приду. – Я рассказал ей про Макилвейна и его теорию «групповой памяти». – Тогда я думал, что он просто фантазирует, – любимое занятие всех ученых. Но теперь я в этом уже не уверен. Теперь мне кажется, что это единственная гипотеза, с которой согласуются все факты, – если только не предполагать, что титанцы настолько глупы, что ловят рыбу и в ванне, и в реке. Но они вовсе не глупы.

– Подожди-ка, Сэм. По теории Макилвейна каждый паразит – это как бы все остальные паразиты, так? Другими словами, тварь, что захватила меня вчера вечером, в такой же степени тварь, которая ездила на тебе, как и та, которая на самом деле... Ой, я запуталась. Я хотела сказать...

– Это только общая идея. По отдельности они самостоятельные особи, а на прямой конференции объединяют воспоминания, и Траляля превращается в Труляля. Если это действительно так, то вчерашний паразит помнил все, что

они узнали от меня. Разумеется, если у него были прямые конференции со слизняком, который ездил на мне, или с любым другим слизняком, который с ним общался, или со слизняком, который был связан с моим через цепочку конференций любой длины – после того, как тот меня оседлал. А зная их повадки, я думаю – наверняка общался. Он... Я имею в виду, первый... Нет, знаешь, что, пусть их будет трое: Джо, Мо и, например... э-э-э... Герберт. Гербертом назовем вчерашнего. Мо пусть будет...

– Зачем ты даешь им имена, если они не самостоятельные личности? – спросила Мэри.

– Просто чтобы обозначить их... А впрочем, ладно, это все ерунда. Главное, если Макилвейн прав, то сейчас сотни тысяч, а может быть, миллионы слизняков точно знают, кто мы такие, как нас зовут, как мы выглядим, где твоя квартира, где моя и где наша хижина. Мы у них в списке.

– Но... – Мэри нахмурилась. – Это же ужасно, Сэм. Откуда они могли знать, что мы появимся в хижине? Ты ведь никому не говорил, куда мы уехали, и я тоже не знала. Неужели они просто устроили ловушку и ждали? Да, видимо, все так и было.

– Иначе не сходится. Мы не знаем, что значит для слизняков ожидание. Возможно, они воспринимают время совсем по-другому.

– Как венерианцы, – предположила она.

Я кивнул. Венерианцы, случается, «женятся» на своих же праправнучках, и прародители бывают моложе своих потомков. Разумеется, это зависит от того, кто как впадает в летнюю спячку.

– В любом случае мы должны сообщить все это – и догадки тоже – нашим аналитикам. Пусть парни порезвятся – может, что и надумают.

Я хотел было добавить, что Старику теперь нужно быть особенно осторожным, поскольку охотятся в конечном счете именно на него, но тут, впервые с начала нашего отпуска,

зажужжал аппарат связи. Я ответил и услышал перекрывающий оператора голос Старика:

– Явиться лично!

– Уже летим, – сообщил я. – Будем примерно через полчаса.

– Нужно быстрее. Ты пройдешь через «ка-пять», Мэри пусть явится через «эль-один». Поторопитесь. – И он отключился, прежде чем я успел спросить, откуда ему известно, что Мэри со мной.

– Ты слышала? – спросил я Мэри.

– Да. Меня тоже соединили.

– Похоже, вот-вот начнется веселье.

* * *

Только после приземления до меня дошло, насколько сильно все вокруг изменилось. Мы исправно соблюдали режим «Голая спина», но понятия не имели о режиме «Загар». Едва мы вышли из машины, нас остановили двое полицейских.

– Стоять на месте! – приказал один из них. – Не делать резких движений!

Кроме ремней, ботинок и узеньких – чисто символических – плавок, на них ничего не было. Я даже не сразу заметил номерные бляхи на поясах.

– Так, – распорядился первый полицейский, – вылезай из штанов, приятель.

Видимо, я слишком мешкал, и он рывкнул:

– Быстро! Двоих таких сегодня уже застрелили, и у тебя есть шанс стать третьим.

– Сделай, как они говорят, Сэм, – спокойно сказала Мэри.

Я сделал. Шорты у меня были надеты на голое тело, так что я остался стоять в одних ботинках и перчатках. Чувствовал я себя полным идиотом, но, снимая шорты, ухитрился спрятать в них аппарат связи и пистолет.

Один из полицейских заставил меня повернуться, и его напарник сказал:

– Он чист. Теперь дама.

Я начал было натягивать шорты, но меня остановил первый полицейский:

– Эй! Ты что, неприятностей захотел? Не вздумай их надевать.

– Вы же меня уже обыскали, – попытался возразить я. – Я не хочу, чтобы меня задержали за появление в общественном месте в непристойном виде.

Полицейский удивился, потом заржал и повернулся к своему напарнику:

– Ты слышал, Скай? Он боится, что его арестуют за непристойный вид!

Второй терпеливо пояснил:

– Слушай, придурок, ты должен делать, что говорят, понял? Сам знаешь правила. По мне, так хоть шубу надевай, но тогда тебя точно заберут – только не за непристойный вид, а сразу в морг. Дружинники не то, что мы – сразу стреляют на поражение. – Он повернулся к Мэри. – Теперь, леди, ваша очередь, пожалуйста.

Мэри без разговоров стала стягивать шорты. Второй коп любезно заметил:

– Этого не нужно, леди. С этим фасоном все ясно. Просто медленно повернитесь.

– Благодарю вас, – ответила Мэри и послушно повернулась.

Полицейский подметил верно: и шорты, и лифчик на

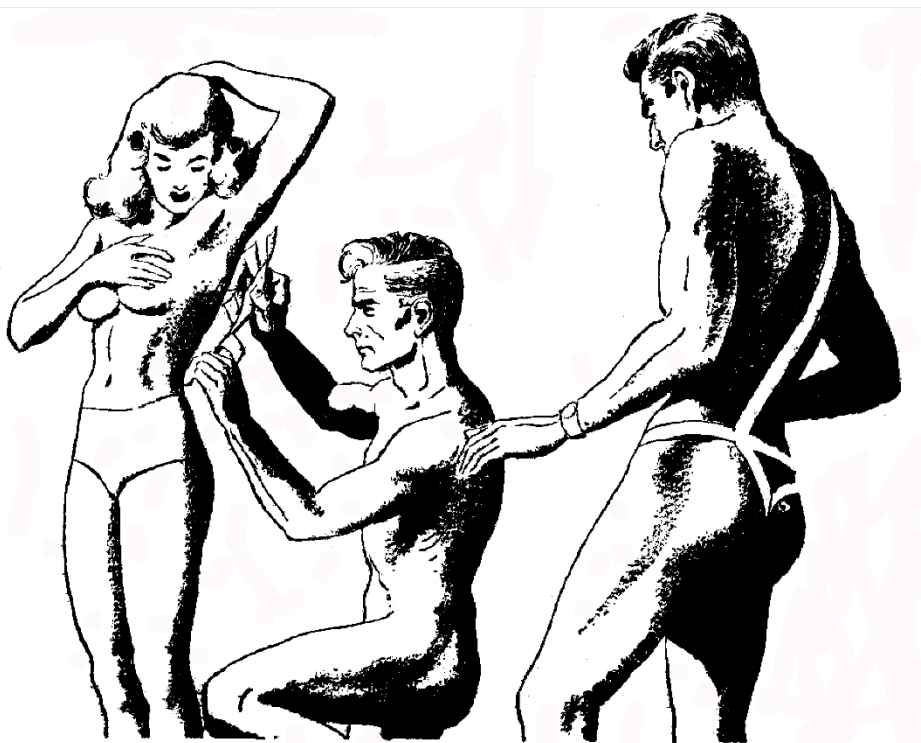
ней выглядели так, будто их напылили из баллончика, и очевидно в них не пряталось ничего, кроме самой Мэри.

– Что насчет бинтов? – спросил первый. – В ее одежде точно ничего не спрячешь.

«Братишка, – подумал я, – как же ты заблуждаешься! Готов держать пари, что в эту минуту она прячет как минимум две пушки, не считая той, что в сумочке. И готов держать пари, что одна из них может выпасть куда быстрее ваших!» Но вместо этого я сказал:

– У нее сильные ожоги. Вы что, сами не видите?

Он с сомнением посмотрел на неаккуратно намотанную повязку, которую я наложил. Я действовал по принципу «чем больше, тем лучше», и толстая повязка на плечах, где она обгорела сильнее всего, несомненно, могла скрывать слизняк.

– Хм... – протянул он. – Откуда мне знать, что там на самом деле ожоги?

– А что же еще?! – Я почувствовал, что вот-вот взорвусь. Я был свежееиспеченный идеальный супруг, остро реагирующий на все, что касается его жены. Я понимал это, и мне это очень нравилось. – Черт побери, а волосы? Она что, по-вашему, сожгла себе такие волосы, только чтобы вас одурачить?

– Эти все могут, – мрачно произнес первый полицейский.

– Карл прав, – сказал второй, более терпеливый. – Извините, леди, но нам придется потревожить ваши бинты.

– Вы не имеете права! – вспыхнул я. – Мы как раз едем к врачу. Вы...

– Помоги мне, Сэм, – перебила меня Мэри. – Я их сама не размотаю.

Я заткнулся и дрожащими от ярости руками принялся отгибать повязку с одной стороны. Через некоторое время тот, что был постарше и помягче, присвистнул и сказал:

– Хорошо, я удовлетворен. Карл?

– Я тоже, Скай. Кошмар какой-то. Девочка, похоже, кто-то пытался поджарить тебя на барбекю. Как это случилось?

– Расскажи им, Сэм.

Так я и сделал. Когда я закончил рассказ, старший заметил:

– Скажу, что вы еще легко отделались, – без обид, мэм. Значит, теперь еще и кошки, да? Про собак я уже слышал. И про лошадей. Но кто бы мог подумать, что обычная кошка тоже может таскать паразита, а? – На лице у него словно сгустилась тень. – У нас дома есть кошка, и теперь придется от нее избавиться. Детишки, понятное дело, расстроятся.

– Сочувствую вам, – сказала Мэри, и, судя по голосу, она действительно ему сочувствовала.

– Всем сейчас тяжело. Ладно, ребята, вы свободны.

– Подождите-ка! – сказал первый. – Скай, если она пойдет по улице с такой повязкой на спине, кто-нибудь наверняка пришкворит ее из лучемета.

Второй полицейский почесал подбородок.

– Тоже верно, – сказал он Мэри. – Видимо, придется вызывать вам патрульную машину.

Что они и сделали – одна из машин как раз садилась неподалеку. Я расплатился за аренду нашей развалюхи и доехал с Мэри до ее входа в Отдел – через служебный лифт в одном из небольших отелей. Чтобы избежать лишних вопросов, мы вошли в лифт вместе. Она спустилась до нижнего уровня, который даже не значился на очевидных для взгляда кнопках, а я поднялся, уже один, обратно. Можно было пройти в Отдел с ней, но Старик приказал мне возвращаться через «К-5», так что мне нужен был «К-5».

А еще мне очень хотелось снова надеть шорты. В патрульной машине и во время марш-броска от машины до служебного входа в отель, в сопровождении полицейских, которые решили довести нас до места, чтобы никто случайно не подстрелил Мэри, я еще чувствовал себя нормально, но для того, чтобы выйти на люди без штанов, когда ты один, поддержки требуется несравненно больше.

Впрочем, я зря беспокоился. Идти мне было недалеко, но и за эти несколько минут я увидел достаточно, чтобы понять: древняя привычка человечества прятать тело под одеждой канула в Лету. Большинство мужчин носили такие же гульфики с завязками, как и полицейские, но я оказался не единственным человеком в Нью-Бруклине, расхаживающим в одних ботинках. Один мне запомнился особенно хорошо: он стоял, прислонившись к столбу, и буквально сверлил холодным взглядом каждого, кто проходил мимо. Кроме сандалий и нарукавной повязки с буквами «ДФ», на нем ничего не было, но в руках он держал пистолет-пулемет Оуэна. По дороге мне встретились еще трое таких, и я подумал, что очень вовремя решил нести шорты в руке.

Некоторые женщины разделись полностью, некоторые носили белье, но они с тем же успехом могли оставаться голышом – только тоненькие лифчики и полупрозрачные пластиковые трусики, ничего, что могло бы скрывать слизняка.

Правда, большинству женщин, на мой взгляд, лучше бы было оставаться в одежде, желательно в тогах. Если проповедники прошлых лет боялись именно этого, то они ломились не в ту дверь: никакой похоти зрелище не возбуждало – так, во всяком случае, мне показалось сначала. Но даже это впечатление скоро исчезло. На некрасивые тела я обращал не больше внимания, чем на побитые такси. Глаз их просто не замечал. И точно так же, похоже, вели себя все остальные – с полным безразличием. Видимо, режим «Голая спина» хорошо их к этому подготовил.

Еще кое-что я осознал только задним числом: уже через квартал я начисто забыл о собственной наготе, хотя еще долго замечал других голых людей. Американское общество веками держалось за свое нелепое табу на обнаженное тело, но, когда припекло, это табу обернулось такой же пустышкой, как призрак в окне, который оказывается трепещущей на ветру занавеской. Кожа – она кожа и есть, что в ней такого? Сама по себе она ничего не значит, в ней нет ни морального, ни аморального.

Когда я вернулся в Отдел, меня сразу пропустили к Старик. Он поднял голову и буркнул:

– Ты опоздал.

– Где Мэри? – спросил я вместо ответа.

– В лазарете. Залечивает ожоги и диктует рапорт. Ну-ка покажи, что у тебя с руками.

Но я даже пальцем не пошевелил, чтобы снять перчатки.

– Нет, спасибо, – ответил я, – я их лучше доктору покажу. Что вообще происходит?

– Если бы ты хоть изредка слушал новости, ты бы знал, что происходит, – проворчал он.

24

На самом деле я даже обрадовался, что не смотрел выпуски новостей, иначе бы наш медовый месяц закончился, не успев начаться. Пока мы с Мэри рассказывали друг другу,

какой у каждого из нас замечательный избранник, человечество едва не проиграло войну – причем насчет «едва не» я отчасти сомневался. Мои подозрения насчет того, что паразит может управлять носителем, прячась на теле жертвы в любом месте, полностью подтвердились. Я догадался об этом, исходя из своих наблюдений на улицах. Оказалось, что это подтвердили экспериментами в Национальном зоопарке еще до нашего с Мэри отлета в горы, однако отчет прошел мимо меня. Но Старик знал. Президент, разумеется, тоже, и все высшее руководство.

И тогда на смену режима «Голая спина» пришел режим «Загар», и все дружно скинули штаны...

Черта с два! Когда начались Скрантонские беспорядки,⁴⁴ новая информация все еще была под грифом «совершенно секретно», а вокруг нее шли бурные дебаты в Кабинете. Не спрашивайте меня, зачем было вешать на нее гриф «сов. секретно» или даже «д. с. п.». Наше правительство привыкло секретить все, что ни попадя, ведь мы, по мнению мудрых государственных мужей и чиновников, еще недостаточно взрослые мальчики и девочки. «Маме лучше знать, дорогой» – вот их политика. Я читал, что когда-то налогоплательщик мог потребовать от чиновников сообщить ему любые факты – и его требование выполняли. Не знаю, не знаю, это какая-то утопия.

Скрантонские беспорядки должны были убедить любого, что по зеленой зоне шляются толпы слизняков, но даже после этих событий режим «Загар» ввели не сразу. Насколько я понимаю, ложные сигналы воздушной тревоги передали на Восточном побережье на третий день нашего медового месяца. За день до этого мы спускались в деревню и не заметили там никакого особого ажиотажа и никакой повышенной активности линчевателей. Властям потребовалось довольно много времени после объявления тревоги, чтобы разобраться, что произошло, хотя с самого начала было

⁴⁴ Скрантон – шестой по величине город в штате Пенсильвания.

ясно, что освещение не может «случайно» отключиться одновременно в таком количестве бомбоубежищ.

Даже сейчас я с ужасом думаю о том, как все эти люди сидели в крошечной тьме, дожидаясь сигнала отбоя, а тем временем зомби, перебираясь от одного к другому, подсаживали на них слизняков. По-видимому, в некоторых бомбоубежищах они добились стопроцентных результатов. У людей просто не было шансов спастись.

На следующий день вспыхнули беспорядки в других городах, в стране начался террор, хотя мы об этом и не знали. Строго говоря, начало движению бдительных граждан положил один отчаявшийся гражданин, который попытался, угрожая оружием, проверить полицейского. Это был житель города Олбани Морис Т. Кауфман; полицейского звали Малькольм Макдональд. Спустя полсекунды Кауфман погиб от руки полицейского, но Макдональд тут же последовал за ним – толпа разорвала его на куски вместе с паразитом. Однако по-настоящему добровольческое движение оформилось, когда за организацию дежурств взялись на местах инспектора по гражданской обороне.

Поскольку во время воздушной тревоги инспектора в основном оставались наверху, они не попались в ловушку в бомбоубежищах и теперь чувствовали свою ответственность за случившееся. Не все добровольцы были инспекторами, и не все инспектора стали добровольцами; голых вооруженных людей с повязками «Инспектор ГО» либо с аббревиатурой «ДФ» было на улицах примерно поровну. И те и другие, случалось, стреляли по любому, у кого замечали что-то подозрительное под одеждой, – сначала стреляли, а разбирались после.

* * *

Пока мне обрабатывали и бинтовали руки, я входил в курс дел за прошедшие две недели, которые мы с Мэри провели в хижине. По распоряжению Старика доктор, прежде

чем занялся моими ожогами, ввел мне небольшую дозу «темпуса», и я просидел объективно меньше часа, субъективно – около трех суток, просматривая стереопленки на сверхскоростном проекторе. Эта аппаратура до сих пор не продается населению, хотя я слышал, что кое-где в колледжах студенты во время сессии используют нелегально приобретенные образцы. При работе с ней надо подгонять скорость перемотки к вашему субъективному темпу времени и соответственно снижать звуковые частоты, чтобы слышать нормальные звуки. Это очень вредно для глаз и обычно вызывает раскалывающую череп головную боль, но в моей работе это вещь очень полезная.

Поначалу с трудом верилось, что так много событий произошло за такой короткий срок. Взять, например, собак. Люди из добровольческих формирований стреляли в них, едва завидев, даже если на них не было паразитов. Нет сейчас, значит после захода солнца будет, а тогда она нападет на человека, и титанец просто поменяет в темноте носителя.

Ну что это за мир, где нет веры собакам?!

Видимо, кошек пришельцы почти не использовали из-за их небольших размеров. Бедняга Пират оказался редким исключением.

В зеленой зоне собак теперь почти не видели, во всяком случае днем. Они просачивались к нам из красной зоны по ночам, пробирались в темноте, а днем прятались. Время от времени они продолжали появляться даже на побережье. Это заставляло вспоминать легенды об оборотнях. Я сделал себе мысленную заметку извиниться перед деревенским доктором, который отказался приехать осмотреть Мэри ночью, – за то, что наорал на него.

Еще я просмотрел десятки кассет с передачами из красной зоны. Их можно было разделить на три группы: период маскарада, когда слизняки продолжали «нормальное» вещание; короткий период контрпропаганды, во время которого слизи пытались убедить население зеленой зоны, что правительство сошло с ума (они не сработали, так как мы их

не транслировали, точно так же как они не передали обращение президента), и, наконец, последние дни, когда они вообще перестали притворяться.

По версии доктора Макилвейна, собственная культура у титанцев отсутствует, они паразитируют и в этом смысле тоже, просто перестраивая под себя ту культуру, которую встречают. Возможно, Макилвейн слишком спешил с выводами, но именно так они поступили в красной зоне. Слизняки были вынуждены поддерживать, хотя бы на минимальном уровне, хозяйственную деятельность своих жертв, иначе им пришлось бы голодать вместе со своими носителями. И паразиты действительно сохраняли в захваченных районах прежние экономические отношения – правда, с некоторыми вариациями, которые для нас совершенно неприемлемы. Например, они перерабатывали поврежденных носителей или просто лишних людей на удобрения. Однако в целом фермеры оставались фермерами, механики – механиками, а банкиры – банкирами. Последнее кажется глупым, но специалисты утверждают, что экономика, основанная на разделении труда, обязательно требует бухгалтерского учета «денежной» системы.

Я знаю, что деньгами пользуются даже за железным занавесом, так что это все похоже на правду. Но я никогда не слышал о «банкирах» или «деньгах» у муравьев или термитов. Впрочем, я много, о чем не слышал.

Менее очевидны причины, по которым они сохранили человеческие развлечения. Носит ли потребность в развлечениях универсальный характер? Или они узнали о ней от нас? «Эксперты», отстаивающие ту и другую точку зрения, одинаково убедительны, и я не знаю, кому из них верить. В целом их выбор человеческих забав, которые они сохранили и «улучшили», характеризует нас самих не с лучшей стороны, хотя кое-что тут заслуживает внимания – например, корриды в Мексике, где быкам предоставлялись равные шансы с матадорами.

Но все остальное по большей части было омерзительно до тошноты, и я не буду вдаваться в подробности. Мне, одному из немногих, довелось видеть записи без купюр. Ну и конечно, их видели отчаянные парни, как-то выживавшие в янтарной зоне, но я, в отличие от них, смотрел на эти записи профессиональным взглядом. Правительство фиксировало все стереотрансляции из красной зоны, но распространение записей было запрещено на основании старого Закона о непристойности – еще один пример методики «Мамочка знает, как лучше». Хотя в данном случае, возможно, мамочка действительно была права. Надеюсь, Мэри на своем инструктаже ничего этого не видела. Впрочем, она, если и видела, все равно не скажет.

А с другой стороны, может, мамочка все же была не права? Если что-то могло усилить в людях ненависть к слизнякам, то, пожалуй, именно «развлекательные» стереопрограммы из красной зоны. Я вспоминаю матч по боксу, который транслировали из Мемориала Уилла Роджерса в Форт-Уорте, – или то были соревнования по борьбе? – не важно, как это называлось. В любом случае там был ринг, рефери на ринге и два соперника, один против другого. Правила даже предусматривали фолы, то есть участников штрафовали за действия, которые могли повредить менеджеру противника – я имею в виду хозяина, слизняка, сидящего на противнике.

А все прочее было разрешено – то есть абсолютно все! В этом матче мужчина был против женщины, оба здоровенные и крепкие. В первом же клинче она выдавила ему глаз, а он сломал ей левое запястье, что поставило их в равные условия для продолжения матча. Бой прекратили только тогда, когда один из них настолько ослабел от потери крови, что его кукловод уже не мог заставить своего раба плясать. Проиграла женщина, – думаю, там она и умерла, поскольку ее левая грудь была практически оторвана и она потеряла столько крови, что спасти ее могла только немедленная операция и переливание крови. Но об этом, естественно, никто

не побеспокоился. В конце матча слизняки пересели на новых носителей, а бесчувственных соперников куда-то уволокли.

Но мужчина-раб оставался активным немного дольше, чем женщина, и, хотя он был истерзан и изранен, он завершил матч заключительным актом триумфа над побежденной, что, как я вскоре узнал, было обычной нормой. Похоже, это послужило сигналом, и матч мгновенно превратился в передачу «делай как мы» с участием зрителей. Это была жуткая оргия, на фоне которой ведьминский шабаш – всего лишь кружок кройки и шитья.

О, слизняки наконец-то открыли для себя секс!

Было там и еще кое-что. До сих пор не уверен, стоит ли упоминать об этих позорных, отвратительных фактах, но чувствую, что должен: среди прислужников титанцев встречались и люди (если их можно так назвать) без паразитов. Перебежчики. Предатели.

Я всей душой ненавижу титанцев, но, будь у меня выбор, первым делом свернул бы шею одному из этих. Наши предки считали, что некоторые готовы добровольно пойти на сделку с дьяволом. И отчасти они были правы: такие среди нас нашлись.

Многие не верили в возможность такого предательства; они просто не видели запрещенных записей. Ошибиться было невозможно: как всем известно, едва слизняки отбросили маскарад, в красной зоне от одежды отказались даже более радикально, чем требовал действующий в зеленой зоне режим «Загар». На кошмарном матче в Форт-Уорте, о котором я вкратце рассказал выше, рефери оказался таким предателем. Он часто попадал в кадр, так что я смог убедиться наверняка. Я знал его в лицо, он был известный спортсмен-любитель, арбитр-джентльмен. Я не упоминаю здесь его имени не потому, что хочу его защитить, скорее хочу защитить себя: позднее я нашел его и убил.

Еще до того, как мне закончили обрабатывать руки, я понял: мы проигрываем на всех фронтах. Наши методы годились лишь для того, чтобы сдерживать распространение паразитов, и при этом далеко не всегда гарантировали успех. Вступить в открытую борьбу означало бы бомбить собственные города, причем без всякой уверенности, что такими методами можно избавиться от слизней. Нам нужно было оружие, которое убивало бы титанцев, но не причиняло вреда людям, что-то такое, отчего люди, скажем, теряли бы сознание или временно лишались способности сопротивляться. Тогда мы могли бы вторгнуться в захваченные районы и спасти своих сограждан. Но такого избирательного оружия не существовало, хотя над ним бились все ученые, начиная с комедийного дуэта Макилвейн – Варгас и заканчивая последним лаборантом, моющим пробирки в Бюро стандартов. Тут идеально подошел бы какой-нибудь «сонный газ», но нам, видимо, повезло, что такой газ не был известен до начала нападения, иначе паразиты наверняка использовали бы его против нас. Нельзя забывать, что в распоряжении титанцев была такая же, если не бóльшая, доля военной мощи Соединенных Штатов, как и у свободных людей.

В шахматах это называется пат, но время работало на них. В зеленой зоне хватало идиотов, которые предлагали обрушить на города в долине Миссисипи массированный ядерный удар и попросту стереть их с лица земли, но это все равно что вылечить рак губы, отрезав больному голову. В противовес им выступали такие же идиоты, которые не видели паразитов, не верили в них и считали происходящее целенаправленным ущемлением местного законодательства, а режим «Загар» – тираническими происками Вашингтона. Этих, из второй категории, с каждым днем становилось все меньше, но не потому, что они меняли свои убеждения, – просто очень уж старались люди из добровольческих формирований.

Был и третий тип – этикие открытые, без предрассудков, деятели, которые считали, что с титанцами можно вести переговоры и устанавливать деловые отношения. Одна такая делегация, направленная секретным совещанием представителей оппозиционной партии в конгрессе, даже попыталась провести идею в жизнь. В обход Государственного департамента они связались с губернатором Миссури по телефону, и им пообещали дипломатическую неприкосновенность. Титанцы пообещали, они поверили. Делегация вылетела в Сент-Луис, и больше их никто не видел. Правда, они неоднократно посылали нам сообщения. Я как-то проглядел одно такое – воодушевляющая речь, общий смысл которой можно было бы выразить фразой: «Давайте все к нам! Вода отличная!»

Но разве скот, когда подписывал соглашения с мясозаготовителями?

* * *

Северная Америка по-прежнему оставалась единственным известным очагом инфекции. Организация Объединенных Наций ничего не предпринимала, только передала в наше распоряжение космические станции и временно переехала в Женеву. И поскольку ни одна из стран-участников не была вовлечена в агрессию против другой страны, а слизняки – если они на самом деле существовали – чисто технически являлись эпидемическим заболеванием, а не потенциальным источником военных действий, вся эта история не представляла интереса для Совета Безопасности ООН. Голосованием при двадцати трех воздержавшихся было решено считать наше бедствие «гражданскими беспорядками», после чего секретариат обратился ко всем странам – членам организации с просьбой оказывать любую посильную помощь законным правительствам Соединенных Штатов, Мексики и Канады.

Вопрос, какую помощь они сочтут «посильной», был чисто академическим – мы сами не знали, чего просить.

Бесшумная тайная война продолжалась, и сражения часто проигрывались раньше, чем мы узнавали об их начале. После провала операции «Ответный удар» обычное оружие применялось только для полицейских операций по наведению порядка в янтарной зоне – теперь она превратилась в две нейтральные полосы, которые тянулись через всю страну, от непроходимых канадских лесов до мексиканских пустынь. Днем там не появлялось ничего живого, кроме наших патрулей и зверья не крупнее птиц и мышей. Ночью наши разведчики покидали территорию и через нее шли собаки – а с ними, возможно, и другие существа.

За всю войну, до нашего с Мэри возвращения, атомные бомбы использовали только один раз – чтобы уничтожить летающую тарелку, которая приземлилась неподалеку от Сан-Франциско, к югу от Берлинггейма. Уничтожили ее в полном соответствии с действующей военной доктриной, но доктрину после этого случая подвергли критике: тарелку, мол, нужно было захватить для исследований, потому что нам следует лучше изучить нашего противника, чтобы успешнее ему противостоять. Сам я, правда, больше симпатизировал тем, кто сначала стрелял, а разбирался после.

К тому времени, когда действие «темпуса» начало ослабевать, я уже достаточно хорошо представлял себе ситуацию в Соединенных Штатах – она была хуже некуда. Даже в захваченном слизнями Канзас-Сити я не мог себе представить, что в стране развернется террор. Друзья стреляли в друзей, жены разоблачали мужей и так далее. Малейший слух о появлении титанца вмиг собирал на улице толпу, и суд Линча стал обычным явлением. На стук в дверь ночной порой вместо вопроса «кто там?» следовал выстрел. Ночью честные люди сидели по домам, а по улицам бродили только собаки – и другие существа.

Оттого что в большинстве случаев слухи о слизняхках не подтверждались, ситуация не становилась менее опасной. И

вовсе не эксгибиционизм заставлял так много людей ходить нагишом, хотя режим «Загар» допускал узенькие обтягивающие трусы и бюстгалтеры. Даже самый минимум одежды вызывал подозрительные взгляды, а подозрения, случалось, приводили к слишком поспешным действиям. Панцири для позвоночника и плеч больше никто не носил: слизняки быстро научились делать такие же, но использовали в своих целях. Особенно запомнился мне случай с девушкой в Ситле. На ней были только босоножки, а в руке – средних размеров женская сумочка, но один из добровольцев-патрульных – видимо, у него уже нюх на паразитов развился – заметил, что она не выпускает сумочки из правой руки, даже когда достает мелочь.

Девушка осталась жива: он отстрелил ей руку у запястья. Возможно, ей уже пересадили новую, поскольку этих «запасных частей» хватало теперь с избытком. Когда патрульный открыл сумочку, паразит тоже был еще жив, но прожил он всего несколько секунд.

Прочитав эту историю, я содрогнулся, вспомнив, как беспечно нес свои шорты по улице, думая, что нахожусь в безопасности, – любая вещь размером со слизня была теперь законным поводом для подозрений.

Почти сразу после этого действие «темпуса» прекратилось, и я вновь обрел контакт с окружающим миром, о чем и сообщил медсестре.

– Не волнуйтесь, – ответила она. – Вам это вредно. А теперь, пожалуйста, согните пальцы на правой руке.

Пока я сгибал и разгибал пальцы, они с врачом за считанные минуты напылили мне суррогатную кожу. Я заметил, что медсестра предпочитала не рисковать: лифчика она вообще не надевала, а ее так называемые шорты были на самом деле слегка увеличенными стрингами. Доктор был одет примерно так же.

– Для грубой работы пользуйтесь перчатками, – предостерег он. – Зайдете ко мне через неделю.

Я поблагодарил их и отправился в штаб. Первым делом мне хотелось отыскать Мэри, но оказалось, что она занята в «Косметике».

25

– Как руки? – спросил Старик, когда я вошел.

– Ничего. Фальшкожа на неделю. Завтра мне пересадят новое ухо.

Он нахмурился:

– Совсем забыл про твое ухо. У нас нет времени ждать, чтобы оно прижилось. Пусть в «Косметике» сделают искусственное.

– Я и без уха пока могу, – сказал я. – Зачем мне искусственное? Или ты задумал для меня новый образ?

– Не совсем... Однако теперь ты уже знаешь, что происходит в стране, и я хочу знать твое мнение.

Я попытался угадать, чего он от меня добивается.

– Плохи наши дела. Все следят друг за другом. Все равно что за железным занавесом. Даже хуже: коммунистов можно подкупить, а что ты предложишь слизняку?

– Хм... – отозвался он. – Интересная мысль. Что можно предложить титанцам в качестве взятки?

– Слушай, это был риторический вопрос. Я...

– Но я-то задал его совсем не риторически. Я отдам его теоретикам на проработку.

– Что, готов уже хвататься за любую соломинку?

– В точку. А теперь о другой части твоего комментария. Куда, по-твоему, легче проникнуть – в Советский Союз или в красную зону? Что бы ты предпочел?

– В смысле? – Я бросил на него подозрительный взгляд.

– С каких это пор ты позволяешь агентам выбирать задания?

– Я просто хочу услышать твое профессиональное мнение.

– Мм... У меня мало данных для сравнения. А что, слизняки уже за железным занавесом?

– Вот это-то мне и хотелось бы узнать.

Я вдруг понял, что Мэри была права: агентам не следует жениться. Когда все это закончится, я, пожалуй, наймусь к какому-нибудь богатею, страдающему бессонницей, буду считать ему на ночь овец или займусь еще какой-то непыльной работенкой.

– В это время года я бы, наверно, отправился через Гуанчжоу. Или ты планируешь выброску с парашютом?

– А с чего ты решил, что я хочу отправить тебя в СССР? – спросил он. – Гораздо быстрее и проще узнать все, что нам нужно, в красной зоне.

– Ой ли?

– Наверняка. Если они высаживались где-нибудь еще, кроме этого континента, титанцы в красной зоне знают, где именно. Зачем же тогда лететь за полмира?

Пришлось отложить оформившийся было план, где я фигурировал в качестве индийского торговца, путешествующего с женой, и я задумался о словах Старика. Может быть... Может быть...

– Но как теперь проникнуть в красную зону? – спросил я. – С пластиковым муляжом слизняка на плечах? Меня поймут на первой же прямой конференции. Или еще раньше.

– Не сдавайся так сразу. Туда отправились уже четыре агента.

– Они вернулись?

– Ну, в общем, нет, пока нет. В этом-то и загвоздка.

– И ты хочешь, чтобы я стал пятым? Решил, что я слишком долго числюсь в платежных ведомостях?

– Я думаю, те четверо применяли неверную тактику.

– Да уж наверно!

– Тут главное – убедить их, что ты перебежчик. Как тебе идея?

Идея действительно была сногшибательная. Я даже не сообразил сразу, что ответить. Но потом я ему выдал:

– Может, начать с чего попроще? Может, какое-то время потренироваться в роли панамского сутенера? Или в качестве маньяка с топором? Входить в роль нужно постепенно.

– Ладно, полегче, – сказал он. – Возможно, это непрактично...

– Да ну тебя!

– ...но ты, я думаю, справился бы. Никто из моих агентов не знает паразитов лучше тебя. И видимо, ты неплохо отдохнул, если не считать, что чуть-чуть прижег пальцы. Хотя, может быть, нам лучше забросить тебя куда-нибудь недалеко от Москвы, чтобы ты осмотрелся там и сообщил свои выводы. В общем, подумай. Два дня у тебя еще есть, так что можешь не дергаться.

– Ну спасибо. Огромное тебе спасибо. – Я решил переменить тему. – Что ты запланировал для Мэри?

– Не понимаю, каким боком это тебя касается?

– Она – моя жена.

– Знаю.

– Черт побери! И это все, что ты можешь мне сказать? Ты не хочешь пожелать мне счастья? Или хотя бы удачи?

– Мне иногда, кажется, – произнес он медленно, – что удачи у тебя и так хоть отбавляй. Однако прими мое благословение, если оно чего-то стоит.

– Хм... Спасибо. – До меня иногда не сразу доходит, но я оправдываю себя тем, что приходится думать обо всем одновременно. До этой минуты мне не приходило в голову, что столь удобным совпадением отпусков мы с Мэри обязаны Старику. И я сказал: – Знаешь, папа...

– Что такое?

Уже второй раз за месяц я назвал его папой, и это его, видимо, насторожило.

– Ты ведь с самого начала рассчитывал, что мы с Мэри поженимся, да? У тебя так и было запланировано?

– А? Бог с тобой! Я верю в свободу воли, сынок, и в свободу выбора.

– При условии, что этот свободный выбор устраивает тебя самого.

– Слушай, мы это уже однажды обсуждали...

– Я помню. Ладно, я на тебя не в обиде. Просто чувствую себя призовым жеребцом, которого на поводу ведут в загон. Зачем ты это устроил? Ведь не ради каких-нибудь сантиментов насчет «юной любви» и тому подобной ерунды – я-то тебя хорошо знаю.

– Да ничего я не делал, говорю же тебе! А что до моего благословения – ну так, говорят, род должен продолжаться. А иначе все, чем мы занимаемся, совершенно бессмысленно, даже эта война.

– Вот здорово! В самый разгар войны ты отправил двух агентов в отпуск, только чтобы заделать себе внука? – Я быстро прикинул в уме числа и добавил: – Держу пари, ты все подсчитал на логарифмической линейке.

Он покраснел:

– Я не понимаю, о чем ты. Вам обоим полагались увольнительные, а все остальное – случайность.

– Да? Случайностей не бывает. Во всяком случае, когда ты поблизости. Однако ладно. Исходом событий я доволен. А насчет работы... Дай мне немного времени. Я обдумаю, что тут можно сделать. И зайду в «Косметику», поинтересуюсь насчет резинового уха.

* * *

В тот день мне не удалось ни с кем поговорить про свое новое ухо, поскольку по дороге в «Косметику» я повстречал Мэри, – она как раз шла оттуда. Я не собирался афишировать наши отношения внутри Отдела, но она застала меня врасплох, и я воскликнул:

– Милая! Тебя залатали!

В ответ она медленно повернулась, позволяя себя разглядеть.

– Хорошая работа, не так ли?

Поработали над ней и правда на славу. Невозможно было догадаться, что она недавно сожгла себе волосы. Кроме того, тамошние умельцы вполне убедительно замазали тональным кремом временную кожу у нее на плечах – но этого-то я как раз и ожидал. Не ожидал я того, что произойдет с волосами. Я осторожно потрогал их и внимательно осмотрел корни волос.

– Похоже, они все тут убрали и вырастили новые.

– Нет, просто подобрали похожие.

– И твой любимый тайник для пистолета вернулся на место.

– Ты про это? – Она поправила выбившуюся прядку левой рукой и улыбнулась.

А в следующую секунду у нее в руках было по пистолету. И снова я не заметил, откуда появился второй.

– Вот хорошая девочка! Когда-нибудь, если придется, сможешь зарабатывать на жизнь, показывая фокусы в ночном клубе. А если серьезно, то не дай бог добровольцы заметят, как ты проделываешь этот трюк. Они ребята нервные.

– Не заметят, – торжественно пообещала она.

Потом мы пошли в зал отдыха персонала и нашли тихое место, где можно было спокойно поговорить. Выпивку заказывать не стали, она нам была не нужна. Мы обсудили текущее положение и сверили информацию, которой нас загрузили. Я не сказал Мэри о задании, которое мне предложили, а она, если и получила какое-то, ни словом о нем не обмолвилась. Мы снова стали частью Отдела, и вбитые в нас привычки было нелегко сломать.

– Мэри, – неожиданно для себя спросил я, – ты беременна?

– Слишком рано, чтобы можно было сказать, дорогой, – ответила она, находя взглядом мои глаза. – А ты этого хочешь?

– Да.

– Тогда я буду очень сильно стараться.

В конце концов мы решили проникнуть за железный занавес, а не в красную зону. Аналитики сочли, что у липового перебежчика нет никаких шансов. Их рекомендации, конечно, не остановили бы Старика, но на этот раз он с ними согласился, да и я его поддержал. Все упиралось в вопросы: «Как человек становится перебежчиком? Почему титанцы ему верят?»

Ответ содержится в самом вопросе: слизняк знает мысли своего носителя. Словесные заверения для титанца ничего не значат, но если однажды он влезет в мозг человека и поймет, что тот по природе своей ренегат и готов продаться, тогда, если это совпадает с целями титанцев, они могут использовать его не как носителя, а как перебежчика. Но первым делом слизняк все-таки проверит, насколько у человека подлая душа.

Мы сделали такой вывод, исходя из чисто человеческой логики, но паразиты должны ей подчиняться, потому что они могут ровно столько, сколько могут их носители. Меня же, по словам наших психоаналитиков, нельзя выдать за перебежчика даже при помощи гипнотического внушения. Узнав об их решении, я совершенно искренне сказал «аминь». Это избавило меня от необходимости говорить Старика, что добровольно я к слизнякам в плен не полезу, а Старика – от необходимости изобретать какую-нибудь дьявольскую логическую эквилибристику, которая вынудила бы меня подписаться на это «добровольцем».

Возможно, действия титанцев, «освобождающих» носителей, покажутся вам нелогичными – даже притом, что они знали: эти носители по характеру рабы. Однако преимущества такой тактики понятны из аналогии: комиссары не дают своим рабам-согражданам сбежать и тем не менее посылают их тысячами на территорию свободных людей, чтобы сформировать пятую колонну. Бывает, что агенты

выбирают свободу, но большинство, как показывает опыт, предпочитает рабство.

Из «верных» перебежчиков слизняки формировали свою пятую колонну. Слово «верные» здесь выглядит как-то нелепо, но в человеческих языках нет специального слова, чтобы охарактеризовать подобную низость. Мы не сомневались, что ренегаты проникают в зеленую зону, но поди отличи пятую колонну от идиотов с тараканами в башке. Идиотов всегда было намного больше, чем настоящих злодеев.

* * *

Долго готовиться к заброске мне не пришлось. Я освежил под легким гипнозом несколько языков, которые могли пригодиться, причем особый упор сделал на лозунгах, отражающих последние зигзаги партийной линии. Затем получил новую внешность и крупную сумму денег, а также прошел курсы ремонтника ирригационных насосов – профессии, которая позволит мне много перемещаться по стране. При необходимости я мог бы намекнуть, что на насосной станции произошла диверсия. Принуждение, запугивание, подкуп и шантаж отлично работают за железным занавесом: люди живут там в обстановке террора так долго, что у них нет от него никакой защиты, и ниточки, за которые их можно дергать, все на виду – только руку протяни.

Я не должен был проползать под железный занавес на границе, вместо этого меня собирались забросить вглубь территории. Если я не выйду на связь, Отдел пошлет других агентов. Думаю, их послали бы в любом случае – или они уже были на месте. Меня об этом не информировали: то, чего агент не знает, он не сможет рассказать даже под наркотиками.

Для связи мне выдали последнюю модель передатчика, иметь такую – сплошное удовольствие. УКВ-диапазон, антенна не больше чайной чашки, а все остальное, вместе с блоком питания, не больше буханки хлеба. И все так хорошо

экранировано, что счетчик Гейгера вблизи даже не пискнет. Работает в зоне прямой видимости – я мог направить его на любую космическую станцию, появившуюся над горизонтом. Причем направить достаточно точно, отчего мне потребовалось отпечатать в голове орбиты всех трех космических станций и навигационную сетку территорий, на которых я должен был работать. Эта сложность была на самом деле главным моим преимуществом: узконаправленный передатчик невозможно засечь, разве что при каком-то диком стечении обстоятельств.

Планировалось, что меня забросят сквозь их радарный щит, под прикрытием мощных помех, которые должны на время свести с ума приборы на станциях слежения и создать для меня антирадарное «окно». Они поймут, что нечто проникло сквозь щит, но не будут знать, что, где и когда, потому что это будет не первая, не последняя и не единственная дырка в их щите.

После того как я выясню, захвачен СССР слизняками или нет, я должен буду передать свой рапорт на любую из космических станций в пределах видимости. Я имею в виду – в пределах видимости приборов. Сам-то я не могу ее разглядеть на небе невооруженным глазом и не очень верю тем, кто говорит, будто на это способен. Отправив донесение, я мог уходить, уезжать, уползать, прорываться или покупать себе проход через границу, как уж получится.

Однако все эти приготовления оказались ни к чему. В районе городка Пасс-Кристиан села летающая тарелка.

* * *

Тарелка под Пасс-Кристианом стала третьей, чья посадка была замечена. Первую, в районе Гриннелла, слизняки сумели спрятать, или она снова улетела; от второй, под Берлингеймом, осталось только радиоактивное воспоминание. Но ту, что села у Пасс-Кристиана, засекли в полете и практически сразу обнаружили на земле.

Засекли ее с космической станции «Альфа», но зарегистрировали как «довольно крупный метеорит», который предположительно упал в Мексиканский залив или на побережье. Поначалу этот факт никак не связали с тарелкой под Пасс-Кристианом, но позже мы наконец-то выяснили, что радары не замечали других посадок... потому что тарелки садились слишком быстро!

Примитивные радарные устройства шестидесятилетней давности неоднократно замечали в прошлом летающие тарелки, особенно когда они, двигаясь в атмосфере с небольшой скоростью, проводили разведку. Современные же радары оказались настолько «совершенны», что просто не могли засечь летающую тарелку. Все дело в специализации. Электронные инструменты развиваются, подобно живым организмам, в сторону все большей и большей избирательности. Все наши радары содержат фильтры, схемы подавления ложных сигналов и прочие ухищрения, для того чтобы каждый их тип видел только то, что должен видеть, и не заморачивался тем, что должен игнорировать. Аппаратура транспортного контроля регистрирует только то, что летает в атмосфере. Система обороны и радары систем управления огнем видят только то, что им и положено видеть. Точные радары видят в диапазоне от атмосферных скоростей до орбитальных; более грубые перекрывают диапазон точных радаров и замечают все, начиная от низкоскоростных бескрылых ракет и заканчивая космическими кораблями, чья скорость относительно Земли чуть выше: около десяти миль в секунду.

Есть и другие системы с избирательной чувствительностью: метеорологические радары, радары морских портов и прочие. Беда в том, что ни один из них не фиксирует объекты со скоростью больше десяти миль в секунду – кроме регистраторов метеоритной активности на космических станциях, которые не подчиняются военному ведомству и являются собственностью ООН, предоставленной в пользование Ассоциации содействия развитию науки.

Потому-то до поры до времени зафиксированный приборами «гигантский метеорит» никто не связал с летающей тарелкой.

Однако ее посадка у Пасс-Кристиана не осталась незамеченной. Подводный крейсер «Роберт Фултон» вышел на обычное патрулирование красной зоны и шел в погруженном состоянии в десяти милях от Галфпорта, когда его станция слежения засекала торможение и посадку летающей тарелки. Космический корабль пришельцев появился на экране радара, когда сбросил космическую скорость (по данным орбитальной станции – около пятидесяти трех миль в секунду) до верхнего предела чувствительности радара.

Корабль возник из ниоткуда, снизил скорость до нуля и исчез. Но дежурный оператор засек координаты последнего сигнала – оказалось, это в нескольких милях от берега Миссисипи. Капитан крейсера очень удивился: след на экране радара не мог означать космический корабль, поскольку они просто не тормозят с пятидесятикратными перегрузками. Ему не пришло в голову, что слизнякам такие перегрузки, возможно, нипочем. Тем не менее он решил разобраться и направил крейсер в устье Миссисипи.

Первый его рапорт гласил: «К западу от Пасс-Кристиана на Миссисипи совершил посадку космический корабль». Второе было еще короче: «Высаживаю группу захвата».

* * *

Если бы я в то время не готовился в Отделе к заброске, меня наверняка не взяли бы с собой – все происходило слишком быстро. Зазвонил мой телефон. От неожиданности я ударился головой о корпус проекционной машины и выругался. Тут же послышался голос Старика:

– Ко мне! Быстро!

Отправились мы той же компанией, с которой началась вся эта история много недель – или лет? – назад: Старик, Мэри и я. Поднявшись в воздух, мы рванули на юг с

предельной скоростью, не обращая внимания на предупреждения службы контроля и включив на передатчике полицейскую «мигалку». И только в дороге Старик объяснил нам, в чем дело.

– Но почему только наша семейка? – спросил я, когда он закончил вводную. – Туда надо направить целую десантную часть.

– Они уже там, – мрачно ответил Старик и вдруг улыбнулся тем самым прежним злым оскалом, которого я не видел с начала нынешних событий. – А что тебе не нравится? – спросил он насмешливо. – Семейство Кавано снова в седле. Правда, Мэри?

Я фыркнул.

– Если ты опять хочешь поручить нам роль братика и сестрички, тебе лучше подыскать другого мальчика.

– Ладно, в силе остается только тот пункт, где ты защищаешь ее от собак и посторонних мужчин, – серьезно сказал Старик. – Ты понял? И от собак, и от мужчин. Не исключено, сынок, что сегодня решается все.

Я хотел спросить его, что он имел в виду, но Старик перебрался за пульт, задвинул переборку и склонился над коммуникатором. Я повернулся к Мэри. Она прижалась ко мне, вздохнула и прошептала:

– Привет, братишка.

Я обнял ее покрепче:

– Если ты и дальше будешь называть меня «братишкой», кое-кого придется отшлепать.

27

Поначалу нас чуть не сбили свои же, затем придали для сопровождения два «Черных ангела», которые сбросили скорость до минимума и как-то ухитрились плестись рядом с нами. Они доставили машину к флагману, откуда руководил операцией маршал Рекстон. Флагман выравнивал с нами

свою скорость и принял нас на борт, подцепив якорной петлей. Маневр, надо заметить, не для слабонервных.

Рекстон хотел отшлепать нас и отправить домой, так как технически мы были гражданскими лицами, но Старика так просто не отшлепаешь. В конце концов нас выгрузили прямо в воздухе, и я посадил машину на шоссе, идущее по дамбе вдоль залива, – могу добавить, что я чуть не поседел, когда при заходе на посадку кто-то выпустил по нашей машине ракету типа «земля – воздух». Над нами и вокруг нас продолжался бой, но около самой тарелки было на удивление спокойно.

Инопланетный корабль высился над шоссе всего в сорока ярдах от нас. Выглядел он так же зловеще и убедительно, как глупо и ненатурально смотрелась та подделка из досок и пластика в Айове, – огромный диск, чуть наклоненный в нашу сторону. При посадке тарелка краем угодила на дом, один из тех чопорных особняков с остроконечными крышами, что стоят тут вдоль всего побережья. Дом обрушился, но тарелку в наклонном положении поддерживали его развалины и шестифутовый ствол дерева, которое росло перед домом.

Из-за того, что тарелка стояла наклонно, нам хорошо было видно ее верхнюю часть с металлической полусферой около десяти футов в диаметре. Она была расположена по центру диска и, несомненно, прикрывала вход в шлюзовую камеру. Полусфера висела футах в шести-восьми над корпусом корабля. Я не видел, на чем она держится, но полагал, что там должен быть центральный вал или поршень, как у тарельчатого клапана.

Почему они не закрылись и не взлетели, тоже было понятно: шлюз искорежила и заклинила своим корпусом «болотная черепаха», легкий плавающий танк из группы захвата, высаженный с «Роберта Фултона».

Хочу, чтобы вы запомнили эти имена: командир танка лейтенант Гилберт Калхаун из Ноксвилла, механик-

водитель Флоренс Берзовски и стрелок Букер Т. У. Джонсон. Когда мы приземлились, все они были уже мертвы.

Едва наша машина опустилась на дорогу, ее окружил взвод десантников под командованием розовощекого паренька, которому явно не терпелось кого-нибудь пристрелить. Увидев Мэри, он немного поутих, но все равно не решил приблизиться к тарелке, пока не получил согласие своего непосредственного командира, который, в свою очередь, связался с капитаном «Фултона». Учитывая, что тому, скорее всего, пришлось обращаться к Рекстону и говорить с Вашингтоном, разрешение мы получили довольно быстро.

Ожидая ответа, я наблюдал за сражением в воздухе и, по правде говоря, был рад, что не принимаю в нем участия. Потери ожидалось большие, и многие уже полегли. За нашей машиной лежало тело мальчишки лет четырнадцати. Он был совершенно голый, но в руках он все еще сжимал реактивный гранатомет. На его плечах остались отметки твари, но самого слизняка поблизости видно не было. Я сразу насторожился: возможно, паразит сполз и умер, но кто знает, может, он сумел перебраться на солдата, который заколол мальчишку штыком.

Пока я обследовал тело, Мэри с молодым морским офицером отошли по шоссе в сторону. Опасение, что паразит еще жив и может быть где-то рядом, заставило меня поспешить к ней.

– Вернись в машину, – сказал я.

Она бросила взгляд вдоль дороги: глаза ее возбужденно блестели.

– Я подумала, что, может быть, мне удастся пострелять.

– Здесь она в безопасности, – заверил меня молодой офицер. – Мы надежно удерживаем их довольно далеко отсюда. Я сделал вид, что не слышу его.

– Послушай, ты, кровожадная хищница! Быстро в машину или я затолкаю тебя туда силой!

– Хорошо, Сэм. – Она послушно повернулась и пошла обратно.

Я оглянулся на морячка:

– На что уставился? – Я был сильно на взводе, и мне очень хотелось на ком-нибудь отыграться. Это место пахло слизняками, и каждая лишняя минута здесь просто выводила меня из себя.

– Да ни на что особенно, – ответил он, смерив меня взглядом. – Там, откуда я родом, так с дамами не разговаривают.

– Вот и убирайся туда, откуда ты родом, черт побери! – прорычал я и пошел прочь.

Старика нигде не было видно, и мне это совсем не нравилось.

С запада появилась машина «скорой помощи». Она остановилась рядом, и водитель крикнул:

– Дорога до Паскагулы свободна?

Река Паскагула в тридцати милях к востоку от места посадки считалась янтарной зоной: одноименный городок на восточном берегу в устье реки был в зеленой зоне, но в шестидесяти – семидесяти милях к западу по этой же дороге находился Новый Орлеан, город с самой высокой концентрацией паразитов южнее Сент-Луиса. Враги прибывали оттуда, а наша ближайшая база была в Мобиле.

– Не знаю, не слышал, – ответил я.

Он закусил зубами костяшку пальца.

– А, ладно. Один раз получилось – может, и второй раз повезет.

Турбины взвыли, и он унесся прочь. Я продолжал высматривать Старика.

Хотя на земле сражение переместилось прочь от тарелки, в воздухе бой продолжался прямо у нас над головой. Я смотрел на дымные росчерки в небе, пытаюсь понять, кто есть кто и как они сами это определяют. Над нами пронеслась большая транспортная машина, резко затормозила, спалив реактивные ускорители, и оттуда посыпались десантники. Издалека я не мог разглядеть, есть у них слизи или нет. По крайней мере, транспорт появился с востока, хотя это ничего не доказывало.

Потом я заметил Старика. Тот разговаривал с командиром десантников. Я подошел и вмешался в разговор:

– Босс, по-моему, пора давать ходу. Сюда еще минут десять назад должны были сбросить атомную бомбу.

– Не беспокойтесь, – сказал командир. – Концентрация паразитов здесь настолько мала, что не заслуживает даже игрушечной бомбы.

Я уже хотел спросить, откуда он знает, что слизнякам есть дело до его расчетов, но вмешался Старик:

– Он прав, сынок.

Затем взял меня за локоть, отвел к машине и добавил:

– Он прав, но совершенно по другой причине.

– В смысле?

– Мы же не бомбим города, которые они захватили. Вот и слизняки не станут бомбить этот район; корабль нужен им целым и невредимым. А теперь возвращайся к Мэри и помни: собаки и посторонние мужчины.

Я заткнулся, хотя он меня совсем не убедил. Каждую секунду я ждал, что от нас вот-вот останутся только щелчки в счетчике Гейгера. Слизняки всегда сражались с полным пренебрежением к личной опасности, возможно, потому что не были отдельными личностями. С чего тогда они будут осторожничать с одним из своих кораблей? Может быть, им гораздо важнее, чтобы тарелка не попала в наши руки.

Мы едва успели дойти до машины и переброситься парой слов с Мэри, как снова, весь в мыле, примчался тот молоко-сос. Он отдышался и откозырял Старiku:

– Командир распорядился оказывать вам всяческое содействие, сэр. Вы вправе делать все, что захотите.

Судя по тому, как изменилось его отношение к нам, можно было подумать, что вместо ответной радиограммы они получили пылающие письма от самого Господа Бога.

– Благодарю вас, сэр, – ответил Старик снисходительно.

– Мы хотели всего лишь осмотреть захваченный корабль.

– Да, сэр. Прошу за мной, сэр.

Но вместо этого он пошел рядом с нами и поначалу никак не мог решить, кого ему нужно сопровождать, Старика или Мэри. Мэри победила. Я шел сзади, обшаривая глазами местность и стараясь не думать об этом мальчишке. Места на побережье – если это не ухоженные сады – совсем дикие, практически джунгли. Летающая тарелка плюхнулась как раз в такую чашу, а Старик вел напрямик.

– Осторожнее, сэр. Смотрите под ноги, – предупредил юнец.

– Слизняки? – спросил я.

Он покачал головой:

– Кобры.

Сейчас ядовитые змеи волновали меня не больше, чем обычные пчелы, но я прислушался к его предупреждению и смотрел на землю, когда случилась новая неожиданность.

Я услышал крик, вскинул голову, и – помощи нам Бог – прямо на нас неся бенгальский тигр.

Мэри, видимо, выстрелила первой. Я – одновременно с молодым офицером, может быть даже чуть раньше. Я почти уверен, что раньше. Старик выстрелил последним.

Четыре луча расплосовали зверя на столько кусков, что на ковер там уже ничего не осталось. Но, как ни странно, паразит на загривке тигра не пострадал, и я спалил его вторым выстрелом.

Молодой офицер посмотрел на тигра без малейшего удивления.

– Надо же! – сказал он. – Я думал, мы с ними со всеми разделились.

– Что ты имеешь в виду?

– Один из первых транспортов, что они сюда направили. Настоящий Ноев ковчег. В кого мы только не стреляли – от горилл до белых медведей. На тебя никогда не бросался индийский буйвол?

– Нет, и что-то не хочется.

– На самом деле собаки похуже будут. На мой взгляд, эти твари все-таки плохо соображают. – Он равнодушно кивнул на слизняка, вид которого вновь вызвал у меня тошноту.

Мы быстро миновали заросли и добрались до корабля титанцев – отчего мне совсем не стало спокойнее, хотя ничего пугающего в самом корабле не было. В его внешнем облике, я имею в виду.

Другое дело, что корабль выглядел не так. Явно искусственный объект, но и без всяких подсказок было ясно, что сделан он не людьми. Почему? Не знаю, как точнее передать. Поверхность – сплошное темное зеркало, и на нем ни царапины, вообще ни единой отметины. Как его собирали – непонятно. Сплошная гладкая поверхность, и все.

Я даже не мог сказать, из чего он сделан. Металл? По идее, да, должен быть металл. Но что это на самом деле? Далее, поверхность космического корабля только-только с орбиты может быть или безумно холодной, или обжигающе-горячей от прохождения через атмосферу. Я дотронулся до нее рукой и ничего не почувствовал, ни холода, ни жара – вообще ничего. И не надо мне говорить, что совершенно случайно его температура оказалась ровно тридцать шесть и шесть. А потом я сообразил еще одно: корабль таких размеров, садящийся на высокой скорости, должен был спалить под собой по крайней мере акра два; здесь же ничего не выгорело, под кораблем остался пышный зеленый кустарник.

Мы поднялись к «грибу» в центре тарелки – к шлюзу, если я правильно понял его назначение. Одним краем «гриб» зажал «болотную черепаху». Танковую броню смяло, будто картонную коробку. А ведь эти «черепахи» могут погружаться на глубину до пятисот футов, так что, сами понимаете, они очень прочные.

Шляпка «гриба» смяла ее, но шлюз все-таки не закрылся. Хотя на металле – или что это там за материал, из которого паразиты делают свои корабли, – все равно не осталось ни следа.

Старик повернулся ко мне:

- Вы с Мэри подождите здесь.
- Ты что, один туда собрался?
- Да. Возможно, у нас мало времени.

Тут подал голос офицер:

- Я должен вас сопровождать, сэр. Приказ командира.
- Хорошо, – согласился Старик. – Пошли.

Он встал на колени, заглянул внутрь, затем опустился на руках в люк. Мальчишка последовал за ним. Я немного злился на Старика, но оспаривать его решение не стал.

Когда они скрылись в тарелке, Мэри повернулась ко мне:

- Сэм, мне это совсем не нравится. Я боюсь.

Я удивился. Я сам боялся до чертиков, но мне не приходило в голову, что ей тоже страшно.

- Не беспокойся. Я рядом.

– А нам обязательно оставаться здесь? Он ведь этого не говорил.

Я обдумал ее слова и решился:

- Если хочешь вернуться к машине, я тебя провожу.

– Я... Нет, Сэм, наверно, нам надо остаться. Но ты меня обними.

Я обнял ее и почувствовал, как она дрожит.

* * *

Спустя какое-то время – я не помню, сколько мы там простояли, – над краем люка появились головы Старика и мальчишки-офицера.

Офицер выбрался наружу. Старик приказал ему охранять шлюз, а нас потянул внутрь.

- Пошли. Там не опасно. Вроде бы.

– Черта с два! – сказал я, но Мэри уже двинулась к люку; Старик помог ей спуститься.

– Берегите голову, – предупредил он. – Здесь везде низкие потолки.

Звучит банально, но нечеловеческие расы все делают не по-человечески. Мало кто из людей побывал в лабиринтах

Венеры, еще меньше видели марсианские руины, а я не принадлежу к числу даже тех немногих. Сам не знаю, что ожидал увидеть внутри. Не то чтобы там все поражало воображение, но выглядело довольно необычно. Создавался корабль инопланетным разумом, с совершенно иными представлениями о том, как и что нужно делать, – разумом, который даже не знал, возможно, о прямых углах и прямых линиях или же считал эти элементы ненужными или нежелательными. Мы оказались в очень маленькой, как бы приплюснутой сверху и снизу камере, а из нее поползли по трубе футов четырех диаметром. Труба, похоже, закручивалась спиралью, уходя вглубь корабля, и по всей поверхности светилась красноватым светом.

В корабле стоял странный, немного тревожный запах – словно болотный газ с гнилым душком от мертвых слизней. Это, да еще красноватое свечение плюс полное отсутствие ощущения тепла или холода под ладонями создавали неприятное чувство, будто я ползаю по кишкам какого-то инопланетного чудовища, а не исследую чужую технику.

Труба разветвилась, словно артерия, и там мы впервые увидели титанского гермафродита. Он – пускай будет «он» – лежал на спине, будто спящий ребенок со слизняком вместо подушки. На маленьких пухлых губках застыло некое подобие улыбки, и я не сразу догадался, что он мертв.

При первом взгляде сходство между нами и жителями Титана более заметно, чем различия. То, что мы ожидали увидеть, как бы заслоняет то, что мы видим на самом деле, – источенная ветром скала может показаться человеческой головой или танцующим медведем. Взять хотя бы симпатичный «ротик» прищельца – с чего я решил, что он им дышит?

В действительности, даже несмотря на поверхностное сходство – четыре конечности и похожий на голову нарост, – они напоминают нас не больше, чем, скажем, лягушка-бык молодого бычка. И все же общее впечатление было приятное и ничуть не пугающее. В них ощущалось что-то смутно

человеческое. «Маленький эльф», – подумалось мне. Эльфы со спутника Сатурна. Если бы мы встретились с ними до того, как ими завладели слизняки, которых мы называем титанцами, думаю, мы могли бы с ними поладить. Судя по их умению строить летающие тарелки, мы с ними были бы на равных – если, конечно, это они строили тарелки. (Уж точно строили не слизняки, ведь они не созидатели, они воры, космические кукушки.)

Но обо всем этом я думал позже. А тогда при виде человека сразу выхватил пистолет. Старик, предвидя мою реакцию, обернулся и сказал:

– Успокойся. Он мертв. Они все погибли, задохнувшись в кислороде, когда танк сломал их воздушный шлюз.

– Я хочу сжечь слизняка, – возразил я, направляя пистолет. – Может, он еще живой.

Этот слизняк был голый, без роговой оболочки, какая встречалась теперь почти у всех, голый и отвратительный.

Старик пожал плечами:

– Твое дело. Но он тебе ничего не сможет сделать.

– Почему?

– Другая химия. Этот слизняк не выживет на носителе, который дышит кислородом.

И он полез дальше через маленькое тело, не оставив мне ни малейшего шанса прицелиться и выстрелить, хотя у меня руки так и чесались. Мэри, у которой пистолет никогда не дремал в кобуре, вопреки обыкновению, не выхватила оружие. Она вдруг прижалась ко мне и неровно задышала, словно давилась слезами. Старик остановился и терпеливо спросил:

– Ты идешь, Мэри?

Она судорожно вздохнула и сказала сдавленным голосом:

– Пойдем назад! Я не могу здесь!

– Мэри права, – сказал я. – Это работа не для троих агентов, а для целой научной группы со специальным оборудованием.

Старик не обратил на меня никакого внимания.

– Мэри, это нужно сделать, ты же знаешь. Кроме тебя, никому.

– Да почему же именно она? – разозлился я.

Он снова пропустил мои слова мимо ушей.

– Мэри?

Каким-то образом ей удалось с собой справиться. Дыхание стало ровным, лицо разгладилось, и она с невозмутимостью королевы, всходящей на эшафот, поползла дальше, прямо через тело маленького «эльфа» и завладевшего им слизняка. Я двинулся следом, стараясь не задеть тело, хотя пистолет в руке здорово мешал.

В конце концов мы добрались до большого помещения, которое, по всей вероятности, служило командным отсеком, – мертвых «эльфов» там было больше, чем в других местах корабля, хотя я не увидел ничего (на мой взгляд) похожего на приборы или машины. Вогнутые стены светились ярче, чем в туннеле, а пол был покрыт какими-то наростами – на мой взгляд, столь же бессмысленными и бессистемными, как извилины в коре головного мозга. Меня снова тревожно уколола мысль (совершенно неверная, как я позднее убедился), что сам корабль – это большой живой организм.

Старик не уделил камере ни малейшего внимания, он тут же пополз в следующий багрово пылающий туннель. Мы ползли по его изгибам, пока туннель не расширился футов до десяти, – даже встать уже можно было. Но это не самое главное: стены стали прозрачными.

За прозрачными панелями по обеим сторонам плавали, вертелись, извивались в какой-то жидкости тысячи и тысячи слизняков. Каждый контейнер освещался изнутри рассеянным светом, и я мог видеть в их глубине сплошную трепещущую массу – и мне хотелось кричать!

Пистолет все еще был у меня в руке, и Старик прикрыл дуло ладонью.

– Даже не думай, – предупредил он. – Ты выпустишь их сюда, к нам. А эти-то как раз под нас сделаны.

Мэри тоже смотрела на слизняков, но лицо ее было слишком уж спокойным. Наверно, она даже не совсем понимала, где находится и что происходит. Я посмотрел на нее, на стены этого жуткого аквариума и, теряя терпение, сказал:

– Давайте сматываться отсюда, пока еще есть время, а потом разбомбим это к чертовой матери.

– Нет, – тихо ответил Старик. – Это еще не все. Пошли.

Туннель сузился, затем снова стал шире, и мы оказались в камере чуть поменьше предыдущей. Опять прозрачные стены, и опять что-то за ними плавало.

До меня даже не сразу дошло, что это.

Прямо за стеной лицом вниз колыхалось человеческое тело. Земной мужчина лет сорока – пятидесяти, седоватый и почти облысевший. Он плавал, скрестив руки на груди и поджав колени, словно в глубоком сне – или в утробе матери.

Я смотрел на него, и в голову лезли разные ужасные мысли. Он был не один в аквариуме – за ним плавали еще: мужчины и женщины, молодые и старые, – но только его я мог разглядеть как следует. Я думал, что человек мертв, даже сомнений не возникало. Но тут он шевельнул губами – боже, лучше бы это и в самом деле был мертвец!

* * *

Мэри блуждала по камере от одной прозрачной стены к другой, как будто была пьяна – нет, не пьяна, а в каком-то ошеломлении, полностью погруженная в себя. Она останавливалась, пристально вглядываясь в мутные глубины, потом шла дальше.

Старик смотрел только на нее.

– Ну что, Мэри? – спросил он мягко.

– Я не могу их найти, – сказала она плачущим голосом маленькой девочки и побежала к другой стене.

Старик схватил ее за руку.

– Ты не там их ищешь, – сказал он твердо. – Иди к ним. Ты помнишь?

- Я не могу вспомнить! – простонала она.
- Ты должна вспомнить... Сейчас. Ты должна это сделать – ради них. Вернись к ним и найди их.

Мэри закрыла глаза, по ее щекам побежали слезы. Она всхлипывала и судорожно глотала воздух. Я протиснулся между ними и повернулся к Старик:

- Прекрати! Что ты с ней делаешь?

Он оттолкнул меня в сторону и рассерженно прошептал:

- Не лезь, сынок. Сейчас ты не должен мне мешать.
- Но...

– Нет! – Он отпустил Мэри и отвел меня ко входу. – Стой здесь. И если ты любишь жену и ненавидишь титанцев – не мешай! С ней все будет в порядке – обещаю.

- Что ты задумал?

Но он отвернулся и ушел, а я остался стоять. Мне хотелось остановить его, но я боялся вмешиваться в то, чего не понимаю.

Мэри села на корточки и закрыла лицо руками, как напуганный ребенок. Старик опустился рядом с ней на колени и тронул ее запястье.

– Назад, возвращайся назад, – донеслось до меня. – Туда, где все это началось.

Я едва расслышал, как она ответила:

- Нет... нет...

– Сколько лет тебе было? Когда тебя нашли, по виду было семь или восемь. Это случилось раньше?

– Да... да, раньше. – Она зарыдала и рухнула на пол. – Мама! Мамочка!

- Что говорит твоя мама? – мягко спросил Старик.

– Она ничего не говорит. Она так странно на меня смотрит. У нее что-то на спине. Я боюсь, боюсь!

Я встал и поспешил к ним, пригнув голову, чтобы не удариться о низкий потолок. Старик, не отрывая глаз от Мэри, махнул рукой, чтобы я оставался на месте, и я в нерешительности остановился на полпути.

- Назад! – приказал он. – Возвращайся назад!

Он обращался ко мне, и я его послушался. Но Мэри тоже его слышала.

– Это был корабль, – пробормотала она, – большой сверкающий корабль...

Старик сказал что-то еще. Если она и ответила, я на этот раз не расслышал. Я остался стоять в стороне и больше не предпринимал попыток вмешаться в происходящее. Я видел, что он не причиняет ей физической боли, и, хотя чувства во мне так и кипели, я понимал: происходит что-то важное, настолько важное, что оно целиком поглотило внимание Старика, несмотря на то что мы в самом логове врага.

Он говорил – успокаивающе, но настойчиво. Мэри затихла и словно впала в оцепенение, но я слышал, что она ему отвечает. Через некоторое время слова хлынули из нее потоком, как будто сорвало эмоциональный тормоз. Старик лишь изредка направлял ее рассказ.

Я услышал, как что-то ползет по проходу у меня за спиной. На какое-то мгновение мной овладело дикое паническое ощущение, что мы попали в ловушку, и я чуть не пристрелил молодого офицера, которого мы оставили охранять вход.

– Срочно на выход! – произнес он, задыхаясь, затем толкнулся мимо меня к Старiku и повторил то же самое.

Старик зыркнул на него, как на смертельного врага.

– Заткнись и не мешай! – рявкнул он.

– Но, сэр, это необходимо, – настаивал офицер. – Командир приказал немедленно возвращаться. Мы отступаем. Командир сказал, что готов в любую секунду уничтожить этот корабль. Вместе с нами – если мы останемся внутри.

– Хорошо, – неожиданно спокойно произнес Старик. – Мы заканчиваем. Иди скажи своему командиру, что он должен продержаться, пока мы не вернемся. У меня есть жизненно важная информация. Сынок, помоги мне с Мэри.

– Есть, сэр! Но поторопитесь! – Офицер поспешно уполз.

Я подхватил Мэри на руки и донес до воронки, ведущей в туннель. Она ни на что не реагировала, хотя вроде бы была в сознании. У выхода я положил ее на пол.

– Придется тащить, – сказал Старик. – Она, видимо, не скоро придет в себя. Знаешь, что, давай-ка я пристрою ее тебе на спину, и ты поползешь впереди.

Не обращая на него внимания, я тряхнул Мэри за плечи.

– Мэри! – крикнул я. – Мэри! Ты меня слышишь?

Она открыла глаза:

– Да, Сэм.

– Мэри, родная, нам нужно выбираться отсюда – и очень быстро. Ты сможешь?

– Да, Сэм. – Глаза опять закрылись.

Я снова ее встряхнул и выкрикнул:

– Мэри!

– Да, дорогой. Что такое? Я очень устала.

– Послушай, Мэри, тебе нужно ползти вперед. Иначе нас схватят слизняки. Ты понимаешь?

– Хорошо, дорогой. – Она уже не закрывала глаз, но в них не было ни единой мысли.

Я подтолкнул ее в туннель и пополз следом. Всякий раз, когда она останавливалась или замедлялась, я подгонял ее шлепками. Через камеру со слизняками и центр управления – если это действительно был центр управления – я пронес Мэри на руках, затем снова ползком. На развилке, где на полу лежал мертвый «эльф», она остановилась. Я пополз вперед и запихал труп в боковой туннель. Теперь уже у меня не возникало никаких сомнений, что паразит сдох; меня на него чуть не стошнило. Но Мэри снова пришлось поддать, чтобы она двигалась вперед.

Худо-бедно этот кошмар закончился, и мы все-таки вылезли к шлюзу, где нас ждал молодой офицер. Он помог нам поднять Мэри: мы со Стариком толкали снизу, он тянул. Затем я посадил Старика, выкарабкался наверх сам и отобрал Мэри у этого мальчишки. Снаружи уже почти стемнело.

Возвращались мы длинной дорогой: чтобы не застрять в кустарнике, обогнули развалины дома и спустились к прибрежному шоссе. Машины на месте не оказалось, но вместо нее нас ждала «болотная черепаха», куда мы и втиснулись, не теряя ни секунды, потому что бой шел уже чуть ли не у нас над головой. Командир велел задраить люки, и танк загрохотал по ступенькам к дамбе, а оттуда к воде. Спустя пятнадцать минут мы были на «Фултоне».

А через час мы высадились на базе Мобил. Нам со Стариком предложили в кают-компании «Фултона» сэндвичи и дрянной кофе, а Мэри тем временем приводили в себя в женском кубрике. Она присоединилась к нам перед самым прибытием на базу и выглядела уже совершенно нормально.

– Ты как, в порядке, Мэри? – спросил я.

Она улыбнулась:

– Конечно, дорогой. А что могло со мной случиться?

С базы мы вылетели на небольшой штабной машине в сопровождении эскорта истребителей. Я подумал, что теперь мы вернемся в офис Отдела, а еще лучше – полетим в Вашингтон, но не стал спрашивать: Старик явно был не в настроении разговаривать, а мне было достаточно того, что я сижу рядом с Мэри, держу ее за руку и с облегчением чувствую, что все закончилось.

Пилот посадил машину в ангар, скрытый в теле горы. Это был один из тех маневров «попади в десятку», какие гражданским машинам повторить просто не под силу: вот он летит на полной скорости, а вот он уже в пещере, стоит на посадочной площадке. Это было потрясающе.

– Где это мы? – спросил я.

Старик не ответил и выбрался из машины. Мы с Мэри последовали за ним. Ангар был небольшой – всего лишь стоянка для дюжины летающих машин, одна тормозная и одна стартовая платформы. Помимо нашей, здесь стояли только два машины. Охрана направила нас к двери, вырубленной в скале, мы вошли и оказались в холле. Металлический голос из невидимого источника велел нам снять все, что на нас

еще оставалось. Голым я ходить привык, а вот с оружием и телефоном расстаться было жаль.

Затем мы прошли в следующее помещение, где нас встретил молодой охранник, чье облачение состояло лишь из повязки с тремя шевронами и двумя перекрещенными ретортами. Он повел нас дальше и перепоручил девушке, на которой было и того меньше – только два шеврона. Оба служащих базы, конечно же, обратили внимание на Мэри, каждый в соответствии со своим полом, и мне показалось, что девица-капрал облегченно вздохнула, передав наконец нашу компанию капитану.

– Мы получили ваше сообщение, – сказала женщина-капитан. – Доктор Стилтон уже ждет.

– Спасибо, мэм, – ответил Старик. – Чем раньше, тем лучше. Куда теперь?

– Секундочку. – Она подошла к Мэри и стала ощупывать ее волосы. – Знаете, приходится быть настороже, – извиняющимся тоном пояснила она.

Мэри, не дрогнув восприняла обыск.

Если капитан и заметила, что больше половины волос у Мэри искусственные, то никак этого не проявила. Ее собственные курчавые седые волосы были подстрижены коротко, по-мужски.

– Ладно, – смиростивилась она. – Идемте.

– Хорошо, – сказал Старик. – Но ты, сынок, останешься здесь.

– Почему это? – спросил я.

– Потому что ты, черт бы тебя побрал, чуть не провалил мне первую попытку, – отрезал Старик. – Так что заткнись.

– Офицерская кают-компания – в первом проходе налево, – подсказала капитанша. – Можете подождать там.

Я так и сделал. По пути в кают-компанию я прошел мимо двери, украшенной большим красным черепом с костями и надписью: «ОСТОРОЖНО! ЖИВЫЕ ПАРАЗИТЫ». Маленькими буквами ниже было добавлено: «Только для допущенного персонала! Используйте процедуру „А“!»

Разумеется, меня бы туда силой не затащили.

Офицерская кают-компания оказалась обычным зальчиком типа ночного клуба. В ней прохлаждалось трое или четверо мужчин и две женщины. Мое появление никого не заинтересовало, поэтому я нашел свободное кресло, сел и попытался сообразить, кем нужно быть, чтобы получить тут порцию выпивки. Спустя несколько минут ко мне присоединился крупный общительный мужчина с цепочкой на шее, на которой болталась бляха с полковничьими звездами, образок святого Христофора и армейский опознавательный жетон.

– Новичок? – спросил он.

Я признал, что да.

– Гражданский эксперт? – продолжал он.

– Насчет «эксперта» не уверен, – ответил я. – Вообще-то, я оперативник.

– А как зовут? Извините за навязчивость, но я отвечаю здесь за режим секретности. Фамилия – Келли.

Я тоже назвался. Он кивнул.

– Вообще-то, я видел, как ваша группа прибыла на базу. Я был голосом совести, звучащим из стены. Ладно, мистер Нивенс, как насчет того, чтобы промочить горло? Судя по вашему досье, вы не откажетесь, верно?

Я вскочил:

– Спрашиваете! Кого надо прикончить, чтобы налили?

* * *

– ...И насколько я понимаю, – говорил Келли, – режим секретности здесь нужен, как кобыле роликовые коньки. Результаты нашей работы надо публиковать в печати, и как можно скорее.

Я заметил, что он совсем не производит впечатления твердолобого солдафона. Келли рассмеялся:

– Поверьте, далеко не все «твердолобые солдафоны» на самом деле таковы. Они ими только кажутся.

На это я сказал, что да, мол, маршал Рекстон, например, действительно не так прост, как можно было бы подумать.

– Вы с ним знакомы? – спросил полковник.

– Не то, чтобы знаком, но мы встречались с ним по работе. Последний раз я видел его сегодня утром.

– Хм... – сказал полковник. – Я никогда не встречался с этим джентльменом лично. Похоже, вы возвращаетесь в более высоких сферах, сэр.

Я объяснил, что это всего лишь случайный поворот судьбы, но тем не менее он стал относиться ко мне с гораздо большим уважением.

Спустя какое-то время Келли принялся рассказывать мне о работе лаборатории:

– Сейчас мы знаем об этих мерзких созданиях больше самого дьявола. Но известно ли нам, как уничтожить паразитов, не убивая носителя? Увы. Разумеется, если бы мы могли заманивать их по одному в какую-нибудь камеру и усыплять газом, тогда носители оставались бы целы и невредимы. Но знаете эту старую шутку про то, как ловить птиц? Все, мол, очень просто, если можешь подобраться достаточно близко и насыпать ей на хвост соли. Сам я не ученый – всего лишь сын полицейского и сам полицейский, хотя и числюсь по другому ведомству, – но я разговаривал со здешними учеными и знаю, что нам нужно. Это биологическая война, и ее исход решит биологическое оружие. Нам нужен микроб, который будет кусать слизняка, а не носителя. Вроде бы не так сложно, да? На самом деле все не так просто. Мы знаем сотни болезней, которые смертельны для слизняков, – оспа, тиф, сифилис, энцефалит, болезнь Обермейера, чума, желтая лихорадка и так далее. Беда в том, что все они убивают и носителей.

– А нельзя использовать что-нибудь такое, против чего у всех есть иммунитет? – спросил я. – Всем, например, делают прививки от тифа. И почти все вакцинированы от оспы.

– Ничего не выйдет. Если у носителя есть иммунитет, паразиту болезнь не передается. Теперь, когда слизняки

научились отрачивать себе наружный панцирь, все контакты с внешней средой идут у них через носителей. Нет, нам нужно что-то такое, чем хозяин сможет заразиться и что убьет слизняка, но не вызовет у носителя ничего страшнее легкой лихорадки и головной боли.

Я хотел что-то ответить, но тут заметил в дверях Старика, извинился перед Келли и встал из-за столика.

– Что там из тебя Келли выкачивал? – спросил Старик.

– Ничего не выкачивал, – ответил я.

– Это ты так думаешь. Ты знаешь, кто он такой?

– А должен?

– Да, должен бы. Хотя, может, и нет. Он никому не позволяет себя фотографировать. Это сам Би Джей Келли, величайший научный криминалист современности.

– Тот самый Келли?! Но он же не имеет никакого отношения к армии.

– Резервист, должно быть. Думаю, теперь ты догадываешься, насколько важна эта лаборатория. Пойдем.

– Где Мэри?

– Сейчас тебе к ней нельзя. Она приходит в себя.

– С ней... что-то случилось?

– Я же обещал тебе, что все будет в порядке. Лучше Стилтона в этой области никого нет. Но нам пришлось копать очень глубоко и преодолевать сильное сопротивление. Это всегда тяжело для объекта.

Я обдумал его слова и спросил:

– Ты получил, что хотел?

– И, да и нет. Мы получили гору информации, но еще не закончили.

– А что ты хочешь найти?

Мы шли по одному из бесконечных подземных коридоров базы, потом зашли в небольшой кабинет и сели. Старик нажал клавишу коммуникатора на столе и сказал:

– Частная беседа.

– Да, сэр, – ответил голос. – Мы не будем записывать.

На потолке зажегся зеленый огонек.

– Верить им, конечно, нельзя, – пожаловался Старик, – но, по крайней мере, так пленку не будет слушать никто, кроме Келли. Теперь, сынок, о том, что ты хотел узнать... Я не уверен, что у тебя есть на это право. Ты женат на этой девочке, но это не значит, что ее душа – твоя собственность. То, что мы откопали, крылось слишком глубоко в душе. Мэри и сама не подозревала, что там есть.

Я молчал, и он продолжал задумчиво, обеспокоенным тоном:

– Впрочем, наверное, лучше рассказать тебе что-то, чтобы ты понял, о чем я говорю. Иначе ты начнешь дергать ее, а мне бы этого очень не хотелось. Это может довести ее до нервного срыва. Сама она вряд ли что-нибудь вспомнит – Стилтон работает предельно осторожно, – но ты можешь здорово осложнить ей жизнь.

Я глубоко вздохнул и сказал:

– Сам решай.

– Ладно. Я расскажу тебе кое-что и отвечу на твои вопросы – на некоторые из них, – если ты поклянешься никогда не беспокоить на эту тему свою жену. У тебя просто нет нужного опыта.

– Хорошо, сэр. Я обещаю.

– В общем, не так давно на Земле существовала группа людей – культ, можно сказать, – к которым все остальное человечество относилось довольно неприязненно.

– Я знаю. Уитмениты.

– А? Откуда ты узнал? От Мэри? Нет, Мэри не могла ничего тебе рассказать; она сама не помнила.

– Нет, не от Мэри. Сам догадался.

Старик посмотрел на меня с внезапным уважением:

– Возможно, я тебя недооценивал, сынок. Да, уитмениты. И Мэри была в детстве с ними, в Антарктике.

– Стоп! Они же перебрались из Антарктики... – я напряг память, и нужная дата вдруг всплыла, – в тысяча девятьсот семьдесят четвертом.

– Точно.

– Но тогда Мэри должно быть около сорока.

– А тебя это беспокоит?

– В смысле? Да нет. Но этого не может быть.

– На самом деле может. Но есть нюансы. Хронологически ей действительно около сорока. Биологически – примерно двадцать пять. А субъективно она еще моложе, потому что у нее нет сознательных воспоминаний о жизни до тысяча девятьсот девяностого.

– Что ты имеешь в виду? Я могу понять, что она не помнит своего детства, не хочет его вспоминать. Но что означает все остальное?

– То, что я и сказал. Ей ровно столько, на сколько она выглядит... Помнишь ту камеру на корабле титанцев, где она начала что-то вспоминать? Лет десять или даже больше Мэри провела в анабиозе точно в таком же аквариуме.

28

С возрастом я не становлюсь грубее и крепче; скорее наоборот – мягче, сентиментальнее... Мэри, моя любимая жена, плавающая в этой искусственной утробе, не живая и не мертвая – законсервированная, словно саранча в банке, – нет, это было уже слишком.

Откуда-то издалека вновь донесся голос Старика:

– Спокойно, сынок. С ней все в порядке.

– Ладно. Давай дальше.

Внешне жизнеописание Мэри выглядело довольно просто, хотя элемент загадочности в нем тоже присутствовал. Ее нашли в болотах под Кайзервилем, у Северного полюса Венеры. Девочка ничего не могла о себе рассказать и знала только свое имя – Аллукьера. Никто не обратил внимания на необычное имя, да и вряд ли кому пришло бы в голову искать связь между ребенком ее возраста и погибшей колонией уитменитов: команда грузового корабля, доставлявшего припасы в их колонию в Новый Сион, сообщила, что там никого не осталось в живых. Их плантации вновь

поглотило болото, а от жилищ остались одни остовы, скрытые буйной молодой порослью. Маленького найденыша из Кайзервиля отделяли от забытых богом колонистов Нового Сиона двести миль непроходимых джунглей и долгие десять лет.

Неизвестно откуда взявшийся ребенок на Венере? В 1990 году? Событие более чем невероятное. Словно кошка, запертая в холодильнике, оно требовало объяснения. Но на планете не нашлось ни одного человека, который заинтересовался бы этим делом и захотел разобраться. Кайзервиль в то время – это горняки, шлюхи, несколько представителей «Двухпланетной компании», и, пожалуй, все. А когда целыми днями ворочаешь на болотах радиоактивную грязь, ни сил, ни желания чему-то удивляться уже не остается.

Девочка росла, называя всех женщин в поселении «мамами» или «тетями», а игрушками ей служили покерные фишки. Со временем поселенцы сократили ее имя до Лаки – Везунчик. Старик не сказал, кто платил за ее перелет до Земли, да это и не так важно. Главный вопрос заключался в другом: где она была с тех пор, как Новый Сион поглотили джунгли, и что случилось с колонией уитменитов?

Однако ответ на него хранился только в памяти Мэри – вместе с ужасом и отчаянием.

* * *

Незадолго до 1980 года – примерно в то время, когда появились сообщения о летающих тарелках над Сибирью, или на год-два раньше – титанцы обнаружили на Венере колонию Новый Сион. Как раз, видимо, за один сатурнианский год до нападения на Землю. Скорее всего, они прилетели на Венеру не ради землян, а на разведку, наподобие той, какую уже давно вели на Земле. Но может быть, и наоборот, титанцы точно знали, где искать колонистов. Нам известно, что они похищали землян в течение как минимум двух веков, и кто-то из последних пленников мог знать, где

находится Новый Сион. Здесь темные воспоминания Мэри ничего не проясняли.

Она видела, как титанцы захватили колонию, как ее родители превратились в зомби, которые вдруг потеряли к ней всякий интерес. Очевидно, паразиты не использовали Мэри в качестве носителя или же попробовали и отпустили, решив, что слабенькая девочка-несмышлениш ни на что не годится. Так или иначе, она целую вечность – в ее детском восприятии – оставалась в захваченном поселении: забытая, никому не нужная, без ласки и заботы. Правда, ее не трогали, позволяя, как мышке, добывать пропитание на помойке. Титанцы, судя по всему, собирались закрепиться на Венере: в качестве рабов они использовали в основном венерианцев, а колонисты-земляне большой роли в их планах не играли. Но Мэри присутствовала при том, как ее родителей помещали в анабиотический контейнер. Для планируемого вторжения на Землю? Возможно, но кто их знает.

В конце концов она и сама оказалась в таком контейнере. Либо на корабле титанцев, либо на их венерианской базе. Скорее всего, последнее, поскольку после пробуждения она все еще была на Венере. Тут в ее истории много неясностей. Неизвестно, например, отличались ли паразиты для венерианцев от тех, что управляли колонистами-землянами. Возможно, нет: жизнь на Земле и на Венере имеет одинаковую углеродно-кислородную основу. Судя по всему, способности паразитов изменяться и приспосабливаться к окружающей среде безграничны, однако им приходится подстраиваться под биохимию носителя. Если бы жизнь на Венере имела кремний-кислородную основу – как на Марсе – или фторовую, одни и те же паразиты не смогли бы использовать и венерианцев, и людей.

Но важнее всего было то, что случилось с Мэри после извлечения из «инкубатора». Планы титанцев захватить Венеру провалились, – во всяком случае, она застала последние дни господства паразитов. Почти наверняка, вытащив

ее из контейнера, пришельцы посадили ей хозяина, но Мэри пережила своего близняку.

Почему он умер? Почему провалились планы титанцев? Именно это и пытались узнать Старик с доктором Стилтоном, выискивая ответы в памяти Мэри.

* * *

– И это все? – спросил я.

– А, по-твоему, мало? – ответил Старик.

– Да тут больше вопросов, чем ответов! – фыркнул я.

– На самом деле их еще больше, – сказал он. – Их гораздо больше. Но ты не специалист по Венере и не психолог, так что твое мнение никого не интересует. Я рассказал тебе, что знаю только для того, чтобы ты понял, зачем нам нужна Мэри, и ни о чем ее не расспрашивал. Будь с ней поласковой, сын, на ее долю и так выпало слишком много горя.

Совет я пропустил мимо ушей, решив, что с женой мы поладим без посторонней помощи.

– Чего я не могу понять, так это как ты догадался, что Мэри имеет какое-то отношение к летающим тарелкам, – сказал я. – Надо думать, тогда в Айову ты тоже взял ее с собой не случайно. И оказался прав. Но как тебе это удалось? Только не надо мне вешать лапшу на уши.

– Сынок, у тебя бывают предчувствия? – озадаченно спросил он.

– Еще бы!

– А что такое предчувствие?

– А? Видимо, ничем на первый взгляд не подкрепленная уверенность в том, что какое-то событие произойдет или не произойдет.

– Очень сырая формулировка, сынок. Я бы сказал, это результат подсознательного осмысления данных, о наличии которых ты даже не подозреваешь.

– Черная кошка в темном угольном погребу в полночь. У тебя не было вообще никаких данных. И не пытайся меня

уверить, что твое подсознание обрабатывает информацию, которую ты получишь только на следующей неделе.

– Ха, но данные-то у меня как раз были!

– Как это?

– Ты помнишь последнюю процедуру, которой подвергается кандидат перед зачислением в наш Отдел?

– Личное собеседование с тобой.

– Нет, не то.

– А! Гипноанализ! – Я забыл об этом по той простой причине, что объект и не должен помнить сеанс гипноанализа. Его проводят во сне, когда вы этого не ожидаете, и вы благополучно спите всю процедуру. – Ты хочешь сказать, что знал что-то о Мэри еще тогда? Значит, это не предчувствие?

– Тоже неверно. Тогда я получил очень мало данных – в памяти Мэри стоит очень сильная защита. Кроме того, я успел забыть то немногое, что удалось узнать. Но я сразу понял, что Мэри должна быть на этом задании. Позже я прослушал пленку с ее гипноинтервью еще раз и только тогда понял, что она может знать гораздо больше. Первая попытка ничего не дала. Но я уже не сомневался, что Мэри сможет рассказать что-то еще.

Я задумался.

– Веселую жизнь ты ей устроил, чтобы добраться до этой информации.

– Ничего другого мне не оставалось. Извини.

– Ладно, проехали. – Я помолчал, затем спросил: – Слушай, а что было в моем гипноинтервью?

– Это был неправильный вопрос.

– Чушь!

– И я не мог бы тебе рассказать, даже если бы захотел. Я его просто не слушал, сынок.

– Как это?

– Распорядился, чтобы пленку прослушал мой заместитель. Он сказал, что для меня там нет ничего интересного. Я и не стал слушать.

– Даже так? Что ж, спасибо.

Он только хмыкнул в ответ, но я вдруг почувствовал, что мы стали ближе, чем были долгое время. Мы с ним вечно ставим друг друга в неловкое положение.

29

Паразиты на Венере умерли от какой-то болезни, которую они там подцепили, – в этом, по крайней мере, мы почти не сомневались. Поначалу Старик рассчитывал вытащить из летающей тарелки тех людей, что плавали в анабиотических контейнерах, оживить их и допросить, но теперь мы вряд ли могли надеяться, что быстро получим подтверждение: пока Старик рассказывал мне о Мэри, из Пасс-Кристиана сообщили, что Рекстон все-таки приказал сбросить бомбу на летающую тарелку, чтобы она не досталась титанцам. И другого случая получить информацию из первых рук у нас, видимо, не будет.

Что ж, тот шанс был упущен, так что ответы оставалось искать только у Мэри. Если какая-то инфекция, специфичная для Венеры, оказалась фатальной для слизняков, но не смертельной для людей – Мэри, во всяком случае, выжила, – тогда нам оставалось проверить их все и определить, что это за болезнь. Хорошенькое дело! Все равно что проверить каждую песчинку на пляже, чтобы отыскать единственную с квадратными гранями.

Дело упрощалось тем, что не нужно было проверять венерианские болезни, которые, как известно, смертельны для землян. Возможно, искомая зараза была из их числа, но тогда это не имело для нас значения: с тем же успехом мы могли бы использовать оспу. Однако список венерианских болезней, которые не смертельны для человека, а вызывают только легкое недомогание, просто огромен. С точки зрения венерианских микробов мы, видимо, не слишком съедобны. Если, конечно, у них есть точка зрения, в чем я лично сомневаюсь, что бы там ни говорил доктор Макилвейн.

Проблема осложнялась тем, что на Земле хранилось весьма ограниченное число живых культур болезнетворных микроорганизмов Венеры, то есть песчинки, которую мы искали, возможно, и не было на этом пляже. Безусловно, упущение можно было поправить – но лет этак за сто дополнительных исследований и изысканий на чужой планете.

А тем временем приближались холода. Режим «Загар» не мог держаться вечно.

* * *

Оставалось искать ответ там, где, ученые надеялись, его можно найти: в памяти Мэри. Мне это совсем не нравилось, но поделаться я ничего не мог. Сама Мэри, похоже, не знала, зачем ее вновь и вновь погружают в гипнотический транс, или просто не хотела об этом говорить. Вела она себя достаточно спокойно, но усталость чувствовалась: круги под глазами и все такое. В конце концов я не выдержал и сказал Старика, что это пора прекращать.

– Ты же сам все прекрасно понимаешь, сынок, – тихо сказал он.

– Черта с два! Если вы до сих пор не нашли того, что искали, то и не найдете уже.

– А тебе известно, сколько требуется времени, чтобы проверить все воспоминания человека, даже если ограничиться каким-то отдельным периодом? Ровно столько же, сколько этот период длился! То, что мы ищем – если у нее вообще есть нужная нам информация, – может оказаться каким-то едва уловимым штрихом ее воспоминаний.

– Вот именно, «если есть»! – повторил я. – Вы сами в этом не уверены. Знаешь что?.. Если у Мэри из-за этого случится выкидыш, я тебе своими руками шею сверну.

– Если мы ничего не добьемся, – сказал он спокойно, – ты сам пожалеешь, если ребенок родится. Или ты хочешь плодить детей, чтобы они становились носителями для титанцев?

Я закусил губу.

– Почему ты оставил меня на базе, а не отправил в Россию?

– Ты нужен мне здесь, рядом с Мэри, чтобы утешать ее и успокаивать, а ты ведешь себя как испорченный ребенок. И, кроме того, лететь в Россию уже не нужно.

– Как это? Что случилось? Кто-то из агентов раздобыл информацию?

Он поднялся и пошел к двери.

– Если бы ты, как положено взрослому человеку, хоть изредка интересовался новостями, ты бы и сам все давно понял.

– Что ты имеешь в виду? – крикнул я ему вслед, но он молча вышел за дверь.

Я поспешил ознакомиться с текущей обстановкой. Ежедневные новости всегда выпадают из узкой сферы моих интересов, – на мой вкус, это пустая жвачка для глаз и ушей, чепуха, которая застит нам горизонт, отравляя так называемой цивилизации и погибель для серьезного мышления в придачу. Но я и в самом деле иногда пропускаю важные события.

Оказалось, что на этот раз я прозевал сообщение об охватившей целый континент азиатской чуме: главную... нет, пожалуй, вторую по значимости сенсацию века. Первую эпидемию континентального масштаба со времен Черной смерти в семнадцатом веке.

Новость не укладывалась в голове. Допускаю, что коммунисты – сумасшедшие. Но я достаточно долго прожил за железным занавесом, чтобы понимать: их система здравоохранения так же хороша, как наша, и даже в каком-то смысле лучше поставлена, потому что у них все делается в приказном порядке и без всяких глупостей. Чтобы в стране разразилась эпидемия, должно было случиться нашествие крыс, вшей, блох и прочих классических переносчиков заразы. А ведь комиссары даже Китай вычистили до такой степени, что тиф и бубонная чума проявлялись там лишь

спорадическими вспышками в отдельных регионах, но никак не эпидемиями.

А сейчас оба заболевания стремительно распространились по всей территории Китая, России и Сибири. Ситуация зашла так далеко, что советская государственная машина сломалась и через космическую связь в ООН посыпались просьбы о помощи. Что же произошло?

Ответ напрашивался сам собой... Я посмотрел на Старика:

– Босс, слизняки проникли за железный занавес.

– Да.

– Ты догадался? Однако, черт, нам теперь нужно торопиться, а не то в долине Миссисипи будет то же, что и в Азии. Одна маленькая крыса – и...

Я вспомнил о времени, проведенном среди слизняков, – то, чего я изо всех сил избегаю, если это возможно. Титанцы совершенно не заботились о санитарии. Мой собственный хозяин ни разу не приказывал мне принять душ. И видимо, с тех пор как они отбросили маскарад, на территории от канадской границы до Нового Орлеана не мылся ни один человек. Вши... Блохи...

Старик вздохнул:

– Возможно, это лучший способ решить наши проблемы. Возможно, единственный.

– Ты еще можешь закидать их бомбами, если нечего больше предложить. Смерть, по крайней мере, будет не так мучительна.

– Да, пожалуй. Но ты же сам понимаешь, что мы этого не сделаем. Пока есть хоть малейший шанс избавиться от паразитов, не сжигая дом дотла, мы будем искать выход.

Тут я задумался надолго. Гонка со временем обрела еще один аспект. Неужели титанцы настолько глупы, что не в состоянии уберечь своих рабов? Может быть, именно по этой причине они вынуждены перебираться с планеты на планету? Потому что портят все, к чему прикоснутся?

Потому что со временем их носители вымирают и им нужны новые?

Это была теория, только теория – и я выкинул ее из головы. Ясно было одно: если мы не найдем способа уничтожить слизняков, в красной зоне произойдет то же, что за железным занавесом, причем очень скоро! Я наконец собрался с духом и решил, что обязательно пойду на следующий сеанс «просеивания памяти». Если в воспоминаниях Мэри есть что-то такое, что поможет расправиться с паразитами, возможно, мне удастся разглядеть это там, где пропустили другие. Понравится это Старику со Стилтоном или нет, но я буду там. В конце концов, мне надоело, что со мной обращаются не то, как с принцем-консортом, не то, как с нежеланным ребенком.

30

Нас с Мэри поселили в комнатухе не больше пивного бочонка. Она была рассчитана на одного младшего офицера – в лабораторию не планировалось приглашать семейные пары. Тесно там было, как на шведском столе, заставленном тарелками, но мы не жаловались.

На следующее утро я проснулся первым и, как обычно, проверил, не добрался ли до Мэри слизняк. Пока я проверял, она открыла глаза и сонно улыбнулась.

– Спи-спи, – прошептал я. – У тебя еще есть полчасика.

Но она не стала засыпать. Немного погодя я спросил:

– Мэри, ты, случайно, не знаешь, какой у бубонной чумы инкубационный период?

– А должна? Слушай, у тебя один глаз чуть темнее другого.

Я слегка встряхнул ее:

– Да соберись же, девчонка. Вчера вечером я был в лабораторной библиотеке, и кое-что посчитал. По моим прикидкам, слизняки прибыли к нашим приятелям-коммунистам по крайней мере за три месяца до того, как напали на нас.

- Да, я знаю.
 - Знаешь? А почему ты ничего не говорила?
 - Никто не спрашивал. Кроме того, это же очевидно.
 - О, ради бога! Давай вставать, мы опоздаем на завтрак.
- Перед выходом я спросил:
- «Вопросы и ответы» в обычное время?
 - Да.
 - Мэри, ты никогда не рассказывала, о чем они тебя там спрашивают.
 - Я просто этого не помню, – удивленно сказала она.
 - Так я и подумал. Глубокий транс, а потом приказание забыть, да?
 - Видимо, да.
 - Хм... Ладно, тогда мы кое-что поменяем. Сегодня я иду с тобой.
 - Хорошо, дорогой, – только и сказала она.

* * *

Вся команда, как обычно, собралась в кабинете доктора Стилтона: Старик, сам Стилтон, начальник штаба полковник Гибси, какой-то подполковник, которого я знал только в лицо, и целая орава сержантов-техников, младших офицеров и прочей обслуги. Недаром говорят, что без десятка солдат генерал даже высморкаться не сумеет. И это одна из причин, по которой я оставил службу.

Увидев меня, Старик удивленно поднял брови, но промолчал. Однако сержант, который тут, похоже, работал швейцаром, попытался меня остановить.

– Доброе утро, миссис Нивенс, – сказал он Мэри, а затем добавил, обращаясь ко мне: – А вас у меня в списке нет.

– Я себя сам туда включил, – громко объявил я на всю комнату и пролез мимо него.

Полковник Гибси бросил на меня сердитый взгляд, повернулся к Старiku и забурчал что-то типа «какого-дьявола-кто-это-такой». Старик не ответил, но его брови

поползли еще выше. Остальные следили за происходящим с застывшими лицами и пытались сделать вид, что их здесь нет, – только одна девица-сержант не сумела сдержать улыбку.

– Минутку, полковник. – Старик доковылял до меня и так, чтобы только мне было слышно, сказал: – Ты же мне обещал, сынок.

– Я забираю свое обещание. Ты не имел права требовать от меня обещаний, касающихся моей жены.

– Но тебе здесь нечего делать, сынок. У тебя нет никакого опыта в подобных делах. Хотя бы ради Мэри оставь нас.

До этой минуты мне и в голову не приходило оспаривать право Старика присутствовать на сеансе, но неожиданно для себя я заявил:

– Это тебе здесь нечего делать. Ты не психоаналитик, так что давай убирайся.

Старик бросил взгляд на Мэри, я тоже, но на ее лице не отражалось никаких чувств. Должно быть, она ждала от меня чего-то подобного.

– Ты что, сынок, сырого мяса объелся? – тихо спросил Старик.

– Опыты проводят на моей жене, и отныне я буду устанавливать здесь правила – или никаких экспериментов не будет, – сказал я.

Тут в разговор вмешался полковник Гибси:

– Молодой человек, вы в своем уме?

– А вы что здесь делаете? – Я взглянул на его руки. – Если не ошибаюсь, на вашем перстне монограмма военно-морской разведки. Есть у вас какая-нибудь другая специальность? Вы кто, врач? Или психолог?

Гибси выпрямился и расправил плечи, пытаясь выглядеть внушительно, что довольно трудно для человека, одетого лишь в собственную кожу, – если это достоинство не прирожденное, как у Мэри.

– Похоже, вы забыли, что это военный объект.

– А вы, похоже, забыли, что ни я, ни моя жена не служим в армии! Пойдем, Мэри. Мы уходим.

– Да, Сэм.

Я обернулся к Старику и добавил:

– Мы сообщим в Отдел, куда переслать нашу корреспонденцию.

Затем направился к двери. Мэри последовала за мной.

– Подожди! – сказал Старик. – В порядке личного одолжения, хорошо?

Я остановился, и он подошел к Гибси:

– Полковник, можно вас на минутку? Я бы хотел переговорить с вами наедине.

Полковник Гибси одарил меня взглядом, в котором отчетливо читались слова «военный трибунал», но вышел вместе со Стариком. Все ждали. Сержантский состав сохранял каменные физиономии, подполковник немного нервничал, а маленькую девицу с сержантской повязкой буквально распирало от смеха. Только Стилтон ничуть не волновался. Он достал бумаги из корзины с входящей корреспонденцией и спокойно принялся за работу.

Минут десять или пятнадцать спустя появился еще один сержант.

– Доктор Стилтон, командир распорядился, чтобы вы начинали работу.

– Отлично, сержант, – откликнулся тот, посмотрел на меня и сказал: – Прошу в операционную.

– Стоп! – сказал я. – Не так быстро. Что насчет остальных... статистов? Вот он, например. – Я показал на подполковника.

– А? Это доктор Хазелхерст. Два года на Венере.

– Хорошо, он остается. – Тут мне на глаза попалась смешливая девица-сержант, и я спросил: – Эй, сестренка, а у тебя тут какие обязанности?

– У меня-то? Ну, я тут типа сопровождающей.

– Я сам займусь ее сопровождением. Доктор, может быть, вы сами решите, кто из них вам на самом деле нужен, а кто нет?

– Хорошо, сэр.

Оказалось, что, кроме подполковника Хазелхерста, ему на самом деле никто не нужен. У меня сложилось впечатление, что он был только рад избавиться от галерки. Так что в операционную пошли только Мэри, я и двое специалистов.

В операционной стояла обычная кушетка, какие можно встретить в кабинете любого психиатра, и кресла, расставленные полукругом. С потолка глядело двойное рыло стереокамеры. Микрофон, видимо, был скрыт в кушетке. Мэри подошла к кушетке и легла. Доктор Стилтон достал шприц.

– Попробуем начать с того места, где мы остановились в прошлый раз, миссис Нивенс.

– Минуточку, – сказал я. – У вас есть записи предыдущих сеансов?

– Разумеется.

– Давайте сначала прокрутим их. Я хочу знать, что вы уже успели.

Он несколько секунд думал, потом сказал:

– Как пожелаете. Миссис Нивенс, вы подождете в моем кабинете? Нет, это займет довольно много времени. Я вызову вас попозже.

Возможно, во мне еще бродил дух противоречия: победа над Стариком добавила мне в кровь адреналина.

– Давайте сначала узнаем, хочет ли она уходить, – предложил я.

Стилтон удивленно вскинул брови:

– Вы просто не понимаете, о чем говорите. Эти записи могут нарушить эмоциональное равновесие вашей жены, даже нанести вред ее психике.

– Это весьма сомнительный способ терапии, молодой человек, – добавил Хазелхерст.

– Терапия здесь ни при чем, и вы прекрасно это понимаете, – отрезал я. – Если бы вашей целью была терапия, вы

использовали бы не наркотики, а эйдетическую технику восстановления памяти.

– Но у нас нет времени, – озабоченно сказал Стилтон. – Ради быстрого получения результатов нам приходится применять грубые методы. Боюсь, я не могу разрешить объекту видеть эти записи.

– Я с вами согласен, доктор, – снова вставил Хазелхерст.

– А вас, черт побери, никто не спрашивает! – взорвался я. – И нет у вас никакого права разрешать ей или не разрешать. Записи надерганы из мозга моей жены, и они принадлежат ей. Мне надоело смотреть, как вы разыгрываете из себя Господа Бога. Я ненавижу эти замашки у паразитов и точно так же ненавижу их у людей. Она сама за себя решит. А теперь потрудитесь узнать ее мнение.

– Миссис Нивенс, вы хотите увидеть записи? – спросил Стилтон.

– Да, доктор, – ответила Мэри. – Очень.

Он явно удивился.

– Э-э-э... как скажете. Вы будете смотреть их одна? – Он покосился на меня.

– Вместе с мужем. Вы и доктор Хазелхерст можете остаться, если хотите.

Они, разумеется, остались. В операционную принесли стопку кассет, каждая с наклейкой, где значились дата записи и возраст объекта. Чтобы просмотреть их все, нам потребовалось бы несколько часов, поэтому я сразу отложил в сторону те, что относились к жизни Мэри после 1991 года: они вряд ли могли помочь. Мэри посмотрит их позже, если захочет.

Мы начали с ее раннего детства. В начале каждой записи объект эксперимента – Мэри – стонала и задыхалась, через силу произнося слова, сопротивляясь, как все люди, которых вынуждают мысленно возвращаться к событиям, которые они предпочли бы забыть. Затем начиналась реконструкция событий – звучал ее голос и голоса других людей. Больше всего меня поразило лицо Мэри – я имею в виду, на

стереоэкрane. Мы увеличили изображение, так что оно придвинулось почти вплотную к нам, и могли следить за мельчайшими изменениями в выражении лица.

Сначала Мэри превратилась в маленькую девочку. Нет, черты лица остались прежними, взрослыми, но я знал, что вижу жену именно такой, какой она выглядела в детстве. Мне сразу подумалось, как хорошо будет, если у нас тоже родится девочка.

Затем выражение ее лица менялось – это начинали говорить другие люди, чьи слова сохранились у нее в памяти. Мы словно смотрели на невероятно талантливого актера, играющего подряд сразу несколько ролей.

Мэри воспринимала записи достаточно спокойно, только незаметно для других сунула свою руку в мою. Когда мы добрались до тех жутких кассет, где ее родители превратились в рабов титанцев, она сжала мои пальцы с такой силой, что раздавила бы, не будь у меня рука такой крепкой. Однако больше Мэри никак себя не выдала.

Я отложил в сторону кассеты с надписью «Период анабиоза» – их было удивительно много, никогда бы не подумал, что можно что-то выкопать из памяти человека, который находится в таком состоянии. Что бы там ни было, очевидно, за этот период она не могла узнать ничего для нас полезного. Поэтому я отложил их, и мы перешли к следующей группе – от ее пробуждения до спасения на болотах.

Сразу стало ясно, что паразит оседлал ее, едва Мэри пришла в себя после анабиоза. Мертвое выражение лица – это титанец, которому незачем притворяться. Последние передачи из красной зоны были полны таких кадров. А скудность воспоминаний за этот период лишь подтверждала, что Мэри находилась во власти паразита.

Затем совершенно неожиданно кошмар прекратился, и она вновь стала маленькой девочкой, очень больной и очень испуганной маленькой девочкой. Сохранившиеся в памяти мысли путались, как в бреду, но потом возник новый голос, он прозвучал громко и ясно:

– Да чтоб я сдох! Пит! Смотри – здесь маленькая девочка!

Еще один голос:

– Живая?

И снова первый:

– Не знаю.

Дальше на пленке шли воспоминания о Кайзервиле, ее выздоровление и еще много новых голосов и образов. Спустя какое-то время запись закончилась.

– Я хотел предложить вам прокрутить еще одну запись из того же периода, – сказал доктор Стилтон, вынимая кассету из проектора. – Они все немного отличаются друг от друга, а период этот для нас ключевой.

– Почему, доктор? – поинтересовалась Мэри.

– А? Нет, если не хотите, можем, конечно, не смотреть, но именно этот период мы сейчас исследуем. Нам нужно восстановить события и понять, что же случилось с паразитами, почему они умерли. Если мы сумеем узнать, что за болезнь убила титанца, который... э-э-э... управлял вами, – убила титанца, но пощадила вас, – тогда нам, возможно, удастся найти оружие против паразитов.

– А вы не знаете? – удивленно спросила Мэри.

– Что? Пока нет, но мы непременно узнаем. Человеческая память хранит на удивление подробные записи, даже если извлечь их довольно трудно.

– Но я могу сказать прямо сейчас. Я думала, вы и так знаете. Это девятидневная лихорадка.

– Что? – Хазелхерст выскочил из кресла как ошпаренный.

– Ну да. Вы разве не поняли по моему лицу? Это очень характерная деталь – я имею в виду «маску». Я много раз ее видела. Дома... в смысле, в Кайзервиле, меня отправляли ухаживать за больными девятидневной лихорадкой, потому что я уже переболела и у меня был иммунитет.

– Что вы на это скажете, доктор? – спросил Стилтон. – Вам приходилось видеть таких больных?

– Больных? Нет. Ко времени второй экспедиции уже появилась вакцина. Но я, разумеется, хорошо знаком с клиническими особенностями.

– А можете вы сделать вывод на основе этой записи?

– Хм... – Хазелхерст осторожничал. – Я бы сказал, что увиденное согласуется с этой версией, но не доказывает ее.

– Какая еще версия? – резко спросила Мэри. – Я же сказала, что это девятидневная лихорадка.

– Мы должны быть уверены на все сто процентов, – извиняющимся тоном произнес Стилтон.

– А какие еще доказательства вам нужны? У меня нет на этот счет никаких сомнений. Мне сказали, что, когда Пит и Фриско меня нашли, я была больна. А после я ухаживала за другими больными, но ни разу не заразилась. Я помню их лица перед смертью – точь-в-точь как мое на пленке. Любой, кто хоть однажды видел больного девятидневной лихорадкой, ни с чем другим эту болезнь не спутает. Что еще вам нужно? Огненные письма в небе?

За исключением одного случая, я никогда не видел Мэри такой рассерженной – и сейчас я сказал про себя: «Внимание, джентльмены, все в укрытие!»

– Хорошо, я думаю, вы доказали свою точку зрения, – сказал Стилтон, – но объясните пожалуйста: мы считали, что у вас нет сознательных воспоминаний об этом периоде жизни, и моя проверка это подтвердила, а теперь вы говорите так, словно все помните.

– Да, теперь помню, – произнесла Мэри несколько озадаченно. – И очень отчетливо. Я не думала об этом долгие годы.

– Кажется, я понимаю. – Стилтон повернулся к Хазелхерсту. – Ну, доктор? У вас есть культура девятидневной лихорадки? Ваши люди с ней уже работали?

Хазелхерст ошеломленно посмотрел на него.

– Работали?! Нет, конечно! Это исключено! Девятидневная лихорадка... С таким же успехом мы можем применять

полиомиелит или сыпной тиф. Все равно что заусенцы рубить топором!

Я тронул Мэри за руку:

– Пойдем, дорогая. Кажется, мы уже испортили им все, что можно.

Она дрожала, и в глазах у нее стояли слезы. Я тут же увел ее в кают-компанию и выписал ей дозу своего фирменного терапевтического средства – неразбавленного.

* * *

Позже я уложил Мэри вздремнуть, присел рядом и дождался, пока она заснет. Затем отыскал отца в выделенном ему кабинете.

– Привет!

Он бросил на меня задумчивый взгляд:

– Ну, Элихью, я слышал, ты сорвал-таки джекпот.

– Я предпочитаю, чтоб меня называли Сэм, – ответил я.

– Пусть будет Сэм. Победителей, конечно, не судят, но твой джекпот оказался до обидного мал. Девятидневная лихорадка... Неудивительно, что вся колония вымерла вместе со слизнями. Видимо, мы не сможем воспользоваться этим открытием. Нельзя рассчитывать на то, что все обладают столь же неукротимой волей к жизни, как Мэри.

Я понимал его разочарование: при девятидневной лихорадке смертность среди невакцинированных землян составляет девяносто восемь с лишним процентов. Среди вакцинированных – ноль, но к нашей ситуации это не относилось. Нам нужна была болезнь, от которой помирили бы паразиты, а не люди.

– Видимо, это и не имеет значения, – заметил я. – Месяца через полтора в долине Миссисипи наверняка начнется эпидемия тифа или чумы – может быть, и то и другое сразу.

– Если только паразиты не извлекут урок из неудачи, которую потерпели в Азии, и не введут жесткие санитарные меры, – ответил Старик.

Об этом я не подумал. Его мысль меня настолько напугала, что я едва не пропустил мимо ушей его следующую фразу:

- Нет, Сэм, тебе придется разработать план получше.
- Мне? Я всего лишь рядовой сотрудник Отдела.
- Был. Теперь ты его возглавляешь. Я не против. Так или иначе, я готов был уйти в отставку.
- Что? Черт возьми, о чем ты говоришь? Я никогда ни за что не отвечал и не собираюсь. Ты у нас руководитель Отдела.

- Руководитель – это человек, которому дано руководить. Звания и знаки отличия, как правило, приходят позднее. Как, по-твоему, Олдфилд мог бы меня заменить?

Я подумал и покачал головой. Первый папин заместитель был обычным администратором типа «входящие-исходящие», а не «мозговой центр».

- Я знал, что рано или поздно ты займешь это место, – продолжал он, – и теперь это произошло. Выступил против моего решения по важному вопросу, навязал свой собственный вариант и в итоге оказался прав.

- О боже, чушь какая! Я просто уперся и продавил одно свое решение. Почему-то вам, умникам, так и не пришло в голову задать свои вопросы единственному настоящему эксперту по Венере, который у вас был, – я имею в виду Мэри. И я совсем не ожидал, что мы что-то узнаем от нее. Мне просто повезло.

Старик задумчиво покачал головой:

- Я не верю в удачу, Сэм. «Удача» – это ярлык, который посредственность наклеивает на достижения гениев.

Я оперся руками о стол и наклонился к Старику:

- Хорошо, пусть я гений, но в эту телегу ты меня не запряжешь. Когда все закончится, мы с Мэри отправляемся в горы растить детишек и котят. Я не собираюсь тратить лучшие годы жизни на свору чокнутых агентов.

Он только сдержанно улыбнулся, и я добавил:

- Пропади она пропадом, такая работа!

– То же самое сказал Богу дьявол, когда занял его место. Но оказалось, у него не было выбора. Не принимай это близко к сердцу, Сэм. До поры до времени я останусь в своем кресле и буду помогать тебе, чем смогу. А пока... какие будут указания, сэр?

31

Хуже всего было то, что он говорил это всерьез. Я пытался уйти в тень, но ничего не вышло. После полудня все руководство базы и ведущие специалисты собрались на совещание. Меня тоже известили, но я не пошел. Спустя какое-то время в дверях появилась миниатюрная девушка-сержант и вежливо сообщила, что командир ждет. Не могу ли я, мол, поторопиться?

Делать нечего, явился. Но старался не влезать ни в какие дискуссии. Однако отец обладает способностью вести заседания по своему плану, даже если ему не предложили председательствовать; делает он это, пристально глядя на того, чье мнение хотел бы услышать. Очень тонкое умение, поскольку собравшиеся и не подозревают, что их «ведут».

Но я-то его знал. А когда все глаза в комнате смотрят на тебя, проще высказать свое мнение, чем промолчать. Тем более что у меня было свое мнение.

В основном собравшиеся стонали и жаловались по поводу того, что нет никакой возможности использовать девятидневную лихорадку. Да, конечно, она убивает титанцев. Она даже венерианцев убивает, хотя их можно надвое разрубить и ничего им не сделается. Но это верная смерть и для людей. Почти для всех. Моя жена выжила, но для подавляющего большинства исходом была смерть. Семь – десять дней после заражения – и конец.

– Вы что-то хотите сказать, мистер Нивенс? – обратился ко мне командующий базой генерал.

Я ничего не хотел сказать, но отец выжидательно смотрел на меня.

– Мне кажется, – начал я, – здесь слишком много говорилось о нашем отчаянном положении и прозвучало слишком много оценок, основанных только на предположениях. Возможно, на неверных предположениях.

– Например?

Готового примера у меня не было; я, что называется, стрелял с бедра.

– Мм... Вот, скажем, все постоянно ссылаются на девять дней лихорадки, как будто эти девять дней – абсолютный неизменный факт. Но это совсем не так.

Генерал нетерпеливо пожал плечами:

– Это просто удобное наименование. В среднем болезнь длится девять дней.

– Да, но откуда вы знаете, что она длится девять дней у слизняка?

По ответному ропоту я понял, что опять попал в точку.

Мне предложили объяснить, почему я считаю, что лихорадка протекает у паразитов быстрее, и какое это имеет значение. Я почувствовал себя человеком, которого попросили произнести речь на банкете, но взял быка за рога и попер вперед.

– Что касается первой части вопроса, – начал я, – то в единственном известном нам случае слизняк на самом деле умер раньше, чем истекли девять дней. Намного раньше. Те из вас, кто видел записи воспоминаний моей жены – а на мой взгляд, их видело уже слишком много специалистов, – знают, что паразит оставил ее – предположительно, отвалился и сдох – задолго до кризиса, который происходит на восьмой день. Одной точки маловато, чтобы построить кризисную, но если все так и есть и эксперименты это подтвердят, тогда проблема предстает в совершенно ином свете. Человек, зараженный лихорадкой, может избавиться от своего слизняка, допустим, на четвертый день. У вас останется пять дней, чтобы отловить его и вылечить.

Генерал присвистнул:

– Это довольно рискованный метод, мистер Нивенс. Как вы, например, предлагаете лечить их? Или «отлавливать»? Допустим, мы распространили в красной зоне эпидемию, но после этого потребуются невероятно быстрые действия – кстати, встречающие активное сопротивление, – чтобы разыскать и вылечить пятьдесят миллионов человек, прежде чем они умрут.

Это была, что называется, «горячая картофелина», так что я тут же отпасовал ее обратно. Наверное, не один «эксперт» сделал себе имя подобным же образом, перекладывая ответственность на другого.

– Что же касается второй части вопроса, то это задача для специалистов по тактике и материально-техническому обеспечению – ваша задача, а не моя. А что касается первой, то вот ваш эксперт, – я указал на доктора Хазелхерста, – спросите у него.

Тот пыхтел, сопел – в общем, я понимал, каково ему быть в центре внимания. «Недостаток имеющегося опыта... необходимость дальнейших исследований... дополнительные эксперименты...» Он как будто припоминал, что в свое время велась разработка антитоксина. Однако вакцина оказалась настолько эффективной, что он даже не был уверен, доведена ли работа над антитоксином до конца. Во всяком случае, каждому, кто сегодня отправляется на Венеру, делают перед отлетом прививку. В заключение он промямлил, что изучение экзотических болезней Венеры находится пока в зачаточном состоянии.

Генерал перебил его вопросом:

– Насчет этого антитоксина – как скоро вы сможете узнать точно?

Хазелхерст ответил, что позвонит знакомому в Сорбонне и выяснит.

– Звоните. Прямо сейчас, – приказал генерал. – Можете идти.

На следующее утро, еще до завтрака, кто-то позвонил нам в дверь. Меня это здорово разозлило, я вышел в коридор, но узнал Хазелхерста и сдержался.

– Извините, что разбудил вас, – сказал он, – но вы оказались правы насчет антитоксина.

– В смысле?

– Мне уже выслали партию из Парижа. Она прибудет с минуты на минуту. Надеюсь, антитоксин еще действует.

– А если нет?

– Ну, у нас есть средства, чтобы изготовить еще. В любом случае придется, если этот дикий план будет запущен, – миллионы ампул.

– Спасибо, что сообщили. Уверен, генерал будет доволен. – Я уже повернулся, чтобы вернуться в комнату, но он меня остановил:

– Э-э-э... мистер Нивенс...

– Да?

– Еще по поводу распространителей...

– Распространителей?

Я послушно задумался о придурках, которые лезут к людям со своими листовками и брошюрами.

– Да, распространителей инфекции. Мы не можем использовать крыс, мышей или что-нибудь подобное. Вы в курсе, как передается лихорадка на Венере? Маленькими летающими коловратками – я имею в виду венерианский эквивалент этого насекомого. Здесь таких нет, а это единственный способ распространить инфекцию.

– Вы хотите сказать, что при всем желании не сможете меня заразить? Даже окунув в бак с живой культурой?

– Нет, почему же. Я могу ввести вам вирус в кровь. Но мне трудно себе представить, как миллион парашютистов высаживаются в красной зоне и просят людей с паразитами на спине не дергаться, пока им не сделают уколы. – Он беспомощно развел руками.

У меня в голове что-то смутно забрезжило. Миллион парашютистов разом...

– А почему вы обращаетесь ко мне? – спросил я. – Это скорее по части медиков или биологов.

– Да, конечно. Я просто подумал... Вам как-то легко удаётся...

– Спасибо. – Мой мозг пытался решить две задачи одновременно, но получалось что-то вроде автомобильного затора.

«...интересно, сколько всего людей в красной зоне?..»

– Скажите-ка мне вот что: допустим, у вас лихорадка, а у меня нет. Вы не можете меня заразить?

«...в высадке не могут участвовать медики: их просто столько не наберется...»

– Это будет нелегко. Если я возьму у себя со слизистой оболочки мазок и полезу с ним в ваше горло, тогда вы, видимо, заболеете. Если я сделаю вам прямое переливание своей крови, вы заболеете наверняка.

– Значит, нужен непосредственный контакт, да? – Сколько человек сможет обработать один парашютист с антитоксином? Двадцать? Тридцать? Или больше? – Если этого достаточно, тогда у вас нет никаких проблем.

– Как это?

– А что прежде всего делает слизняк, встречаясь с другим, которого он последнее время не видел?

– Конъюгации!

– Я всегда называл это «прямые конференции», но я пользовался неточным термином, который употребляли сами слизняки. Как вы полагаете, болезнь можно передать таким образом?

– Полагаю? Да я в этом уверен! Мы уже доказали – прямо здесь, в этой лаборатории, – что при конъюгации происходит обмен белками. Тут уже никто не избежит инфицирования. Мы сможем заразить всю колонию, как будто у нее одно тело. И как я сам до этого не додумался?

Его слова напомнили мне кое-что ужасное типа: «Если бы у моих подданных была только одна шея...»,⁴⁵ но я воздержался от того, чтобы это процитировать.

– Вы не очень-то пока настраивайтесь на победу, – сказал я. – Лучше сначала проверьте. Хотя лично я думаю, что этот трюк сработает.

– Сработает! Еще как сработает! – Он собрался бежать, но остановился. – Э-э-э... мистер Нивенс, вы не станете возражать... Я знаю, что прошу слишком многого...

– Что такое? Выкладывайте. Мне завтракать пора! – На самом деле мне не терпелось вернуться к решению второй проблемы.

– Э-э-э... Вы позволите мне объявить об этом методе распространения болезни на моем утреннем докладе? Разумеется, приоритет открытия останется за вами, но генерал очень на меня рассчитывает, а это как раз то, что придаст моему отчету завершенность.

Так ему было невтерпех, что я чуть не рассмеялся.

– Ради бога. В конце концов, это по вашей части.

– Вы чрезвычайно любезны. Постараюсь не остаться в долгу.

Хазелхерст отправился к себе счастливым человеком. Я тоже. Приятно, когда тебя считают гением, – я начал входить во вкус.

Перед дверью в нашу каморку я задержался – нужно было прояснить в голове все основные моменты большого десанта – и только после этого вернулся в комнату. Мэри открыла глаза и одарила меня своей райской улыбкой. Я пригладил ее волосы:

– Привет, рыжик. Ты знаешь, что у тебя муж – гений?

– Да.

– Знаешь? Ты никогда мне этого не говорила.

– А ты никогда не спрашивал.

⁴⁵ Эту фразу Калигулы («О, если бы у римского народа была только одна шея!») приводит Светоний в «Жизни двенадцати цезарей».

В своем докладе Хазелхерст здорово передо мной расшаркался: он назвал процесс заражения «вектором Нивенса». Мне пришлось это комментировать. На самом деле я всегда считал, что приличнее вежливо дожидаться, пока тебя пригласят прокомментировать чье-то выступление, однако папа сразу посмотрел в мою сторону.

– Я согласен с доктором Хазелхерстом, – начал я, – хотя здесь требуется экспериментальное подтверждение, как он и упомянул. Однако он не остановился на некоторых аспектах проблемы, которые носят не медицинский, а скорее тактический характер. Действительно, все коллективное тело титанцев может быть инфицировано в результате одного контакта, но важные соображения относительно общих сроков – можно сказать, решающие... – (речь я продумал за завтраком, вплоть до драматических пауз; у Мэри, к счастью, нет привычки болтать с утра во время еды), – требуют начать распространение инфекции сразу во многих точках. Если мы хотим спасти сто процентов населения красной зоны, необходимо, чтобы все паразиты были заражены практически одновременно. Тогда спасательные бригады смогут высадиться в красной зоне после того, как слизняки перестанут представлять опасность, но до того, как носители минуют стадию, после которой антитоксин уже бесполезен. Проблема легко поддается математическому анализу... – (Сэм, мальчик мой, сказал я себе, старый ты шарлатан, тебе самому даже с электронным интегратором за двадцать лет не справиться), – и ее следует передать в аналитический отдел. А пока я позволю себе вкратце обрисовать задачу. Количество источников заражения обозначим X , а количество спасателей, которых мы сможем послать, – Y . Существует бесконечное число решений этой задачи, но оптимальное зависит от возможностей материально-технического обеспечения. Я уже говорил, что здесь необходим точный математический расчет, но, основываясь на

собственном, к сожалению слишком близком, знакомстве с их привычками... – цифры я как мог прикинул на логарифмической линейке, но разумеется, этого не сказал, – полагаю, что нам понадобится...

Все затаили дыхание – можно было бы услышать, как муха пролетит, если бы в этом подземелье водились мухи, – и я продолжал. Меня прервали только один раз, когда я слишком низко оценил фактор «Х», – тогда генерал заявил:

– Мистер Нивенс, можете не сомневаться, добровольцев будет столько, сколько нужно.

Я покачал головой:

– Добровольцев тут использовать нельзя, генерал.

– Да, я вас понимаю. Болезнь должна укрепиться в организме, и у добровольцев останется слишком мало времени, чтобы подействовало противоядие. Но эта проблема решается очень просто. Им можно имплантировать желатиновую капсулу с антитоксином или еще что-то. Тут наши люди справятся.

Я тоже думал, что они справятся, и возражал против добровольцев по другой причине: отвратительной казалась сама мысль, что этим людям придется подчиниться паразитам.

– Как бы там ни было, нам нельзя использовать добровольцев, сэр. Слизняк узнает все, что знает его носитель, и просто не пойдет на прямые переговоры. Вместо этого он предупредит остальных голосом. – Я не был в этом уверен, но прозвучало вполне правдоподобно. – Нет, нам придется использовать животных – обезьян, собак, любых животных, которые способны носить слизняка, но не могут ничего рассказать. И их должно быть достаточно, чтобы заразить всю опасную зону, прежде чем хотя бы один паразит поймет, что болен.

Затем я вкратце высказал свои соображения по поводу высадки десанта – операции «Милосердие», как я ее назвал.

– Первую фазу, операцию «Лихорадка», можно начинать, как только у нас будет достаточно антитоксина для

второй фазы. И через неделю после этого на нашем континенте не должно остаться в живых ни одного слизняка.

Никто не аплодировал, но атмосфера была соответствующая. Генерал закрыл заседание и поспешил удалиться, чтобы переговорить с маршалом Рекстоном, а после прислал своего помощника с приглашением на ланч. Я ответил согласием, но при условии, что приглашение распространяется и на жену.

Отец ждал меня у выхода из конференц-зала.

– Ну как я выступил? – спросил я, стараясь не показывать, что волнуюсь, хотя, кажется, мне это не очень удалось.

Он затряс головой:

– Сэм, ты их наповал сразил. У тебя есть задатки политика... Или нет, лучше я достану тебе контракт с какой-нибудь студией на полгода. Будешь выступать на стерео.

Меня распирало от удовольствия. За всю речь я ни разу не замялся и вообще чувствовал себя теперь совершенно другим человеком.

32

Шимпанзе, за которого я так переживал в Национальном зоопарке, – Сатана – полностью оправдал свою кличку, едва его освободили от слизняка. Отец вызвался добровольцем для проверки «теории Нивенса – Хазелхерста», но я уперся, и короткая спичка досталась Сатане.

Отец раздул из этого целую проблему: он все носился со своей дурацкой идеей, что ему нужно хотя бы раз побывать под контролем слизняка. Я сказал ему, что у нас нет времени тешить его порочные наклонности, тогда он разозлился, но я стоял на своем.

Ни сыновние чувства, ни их фрейдистская противоположность тут были ни при чем: я просто боялся комбинации Старик-плюс-паразит. Мне не хотелось, чтоб он оказался на их стороне даже временно и в лабораторных условиях:

слишком уж Старик хитер и изворотлив. Я не знал, как именно ему удастся убежать и что он сделает, чтобы разрушить наши планы, но я был твердо уверен: он это сделает, едва окажется под их контролем.

Люди, которые не испытали на себе власти паразитов, даже те, кто мог наблюдать это со стороны, не в состоянии понять, насколько враждебно относятся к нам, свободным людям, носители – при этом сохраняя все свои способности. Мы не могли рисковать тем, что отец окажется против нас, – и я употребил все свое влияние, чтобы ему отказали.

Короче, для опытов использовали обезьян. В наше распоряжение передали не только питомцев Национального зоопарка, но и множество других – из зоопарков поменьше и нескольких цирков. Я не выбирал Сатану, – будь моя воля, я бы оставил бедное животное в покое. У него на морде было написано такое страдание, что все забывали о слизняке, сидящем у него на спине.

Сатане вкололи девятидневную лихорадку в среду, тринадцатого числа. К пятнице он уже заболел, и к нему в клетку поместили другого шимпанзе с паразитом. Два

слизняк тут же соединились для прямых переговоров, после чего вторую обезьяну снова отселили.

В воскресенье, семнадцатого, хозяин Сатаны съезжился и отвалился – мертвый. Сатане немедленно ввели антитоксин. В понедельник поздно вечером сдох второй слизняк, и его носитель получил свою дозу препарата.

К среде Сатана практически выздоровел, хотя и заметно похудел. Вторая обезьяна, Лорд Фаунтлерой, тоже поправлялась. На радостях я дал Сатане банан, а он откусил мне последний сустав на указательном пальце. Обидно, тем более что времени заниматься восстановлением у меня не было. Впрочем, я сам виноват: у Сатаны действительно мерзкий характер.

* * *

Но маленькая травма не испортила мне настроения. Забинтовав палец, я бросился искать Мэри: мне хотелось поделиться с ней радостью. Не нашел ее и в конце концов отправился в кают-компанию: думал, найду кого-нибудь, с кем можно будет отпраздновать.

Но там никого не оказалось. Все работали в лабораториях – готовились к началу операций «Лихорадка» и «Милосердие». Распоряжением президента все приготовления велись только на одной этой базе в нашей лаборатории в недрах Смоки-Маунтинса. Обезьян для распространения инфекции – более двухсот – тоже доставили на базу; здесь же «колдовали» над культурой болезнетворных микроорганизмов и антитоксином. Даже пункт для получения иммунной сыворотки разместили в подземном зале, где раньше сотрудники базы играли в гандбол.

Миллион с лишним человек для операции «Милосердие», конечно же, там разместиться не могли, но они и не должны были ничего знать до сигнала тревоги перед началом операции, когда каждому из них выдадут пистолет и два нагрудных патронташа с одноразовыми инъекторами

антитоксина. Тем, кто ни разу не прыгал с парашютом, поможет преодолеть страх сержант – если будет необходимо, пинком. Делалось все возможное, чтобы сохранить подготовку в тайне; мы могли и проиграть, если только титанцы узнают о наших планах – от предателя или еще как-то. Слишком много хороших замыслов проваливалось в прошлом потому лишь, что какой-нибудь идиот выбалтывал их в постели жене.

Если нам не удастся сохранить наш план в тайне, наших зараженных обезьян никогда не допустят до прямых переговоров, их просто перестреляют сразу после появления среди титанцев. Однако после первой рюмки я немного расслабился. Меня не покидало радостное чувство, и я почти не сомневался, что утечки не произойдет. Все, кто прилетел на базу, должны были оставаться там до самой высадки десанта, а любое общение с внешним миром полностью контролировал полковник Келли.

Что же касается утечки информации из источников за пределами базы, то это практически исключалось. Неделей раньше генерал, отец, полковник Гибси и я побывали в Белом доме, где встретились с президентом и маршалом Рекстоном. Я уже убедил Старика, что лучший способ сохранить тайну – ни с кем ею не делиться. Он устроил целое театрализованное представление со скандалом и добился того, чего мы хотели: в конце концов о плане не сообщили даже министру национальной безопасности Мартинесу. Если президент или Рекстон не разговаривают во сне, то все должно быть в порядке. Нужно продержаться только неделю.

Неделя была крайним сроком. Красная зона неумолимо расплзалась. Контратака у Пасс-Кристиана была не последней. Слизняки перешли в наступление и овладели побережьем Мексиканского залива к востоку от Пенсаколы и, похоже, не собирались на этом останавливаться. А может быть, им надоест преодолевать наше сопротивление, и они решат «истратить» потенциальных носителей, просто забросав наши города атомными бомбами. Если это случится, мы не

сможем их остановить. Радарные службы, конечно, сообщат об угрозе заранее, но они не могут остановить массированное нападение.

Но я решил не думать о плохом. Еще неделя – и...

* * *

В кают-компанию вошел полковник Келли и сел рядом.

– Выпить не хотите? – спросил я. – Есть повод.

Он посмотрел на свой огромный волосатый живот и сказал:

– Ладно, я думаю, от одного пива мне хуже не станет.

– Берите два. Нет, четыре. Или сразу дюжину! – Я заказал для него пива и сообщил об успешном эксперименте с обезьянами.

Келли кивнул:

– Да, я слышал. Неплохо.

– Всего лишь «неплохо»? Полковник, мы в полушаге от победы! Через неделю все будет закончено!

– Ну а дальше-то что?

– Как «что»? – Я даже немного разозлился. – Вы сможете одеться и вообще вернуться к нормальной жизни. Или вы думаете, наш план не сработает?

– Нет, отчего же? Операция, я думаю, пройдет успешно.

– Тогда почему такой траур?

Келли уклонился от прямого ответа. Вместо этого он сказал:

– Мистер Нивенс, вы сами, очевидно, понимаете, что с таким пузом, как у меня, не очень-то приятно расхаживать голышом.

– Видимо, да. Но сам я привык и уже вхожу во вкус. Будет даже жаль, если все станет как прежде. Удобно, да и время экономится.

– А вы не беспокойтесь, не станет. Ничего уже не изменится.

– Что-то я вас не понимаю. Минуту назад вы сказали, что наш план сработает, а теперь утверждаете, что режим «Загар» останется в силе навсегда.

– С некоторыми изменениями, но останется.

– Простите? Я сегодня не очень хорошо соображаю.

Он выбил на клавиатуре еще одно пиво.

– Мистер Нивенс, я никогда не думал, что мне доведется увидеть, как военный комплекс превращается в лагерь нудистов. А увидев, я уже не жду, что все вернется обратно. Потому что это невозможно. Ящик Пандоры открывается только в одну сторону. «И вся королевская конница, и вся королевская рать...»⁴⁶

– Согласен, – ответил я. – В жизни ничто не проходит бесследно и ничто не становится как было. Но, по-моему, вы преувеличиваете. Едва президент отменит режим «Загар», законы о появлении в общественных местах в непристойном виде снова войдут в силу и человека без штанов, скорее всего, арестуют.

– Надеюсь, этого не произойдет.

– Ха! Вам все-таки нужно решить, чего вам хочется больше.

– А все уже решено за меня. Мистер Нивенс, до тех пор, пока существует вероятность, что на Земле остался хотя бы один слизняк, любой нормальный человек должен быть готов оголить тело по первому же требованию. Иначе его могут просто пристрелить. Не только на этой неделе или на следующей, а двадцать лет спустя и, может быть, сто. Нет, я не сомневаюсь в успехе операции, – добавил он, видя, что я собираюсь возразить, – но, простите, вы были слишком заняты их деталями, чтобы заметить: все эти меры сугубо временные и локальные. Как, например, быть с амазонскими джунглями? Вы, случайно, не собираетесь их прочесывать? Но это так, риторические вопросы. На планете около шестидесяти миллионов квадратных миль суши. Этой работе

⁴⁶ Перевод С. Маршака.

конца не видно. Черт, мы даже с крысами не можем справиться, хотя люди бьют их с незапамятных времен. А титанцы хитрее крыс и плодятся с большей скоростью.

– Хотите сказать, что мы затеяли безнадежное дело? – спросил я.

– Безнадежное? Вовсе нет. Закажите себе еще. Я просто пытаюсь убедить вас, что нам предстоит научиться жить с этим кошмаром – так же, как мы научились жить при атомной бомбе.

Я ушел из кают-компания, чувствуя себя разбитым. Моя самоуверенность куда-то улетучилась. Мне хотелось увидеть Мэри. И еще я думал, что в иные дни никакой радости быть гением.

33

Все собрались в том же самом конференц-зале Белого дома, и мне сразу вспомнилась ночь после обращения президента к нации, много недель назад. Присутствовали отец, Мэри, Рекстон и Мартинес. Не было никого из обычного окружения президента, их места заняли наш генерал из лаборатории, доктор Хазелхерст и полковник Гибси. Мартинес еще не вполне очухался от известия, что самое большое шоу его собственного отдела разыграли у него за спиной.

Но никто не обращал на него внимания. Наши глаза были прикованы к электронной карте на стене; прошло уже четыре с половиной дня от начала операции «Лихорадка», но долина Миссисипи по-прежнему светилась рубиновыми огнями.

Я немного нервничал, хотя в целом заброска обезьян прошла успешно, и мы потеряли только три борта. По нашим расчетам, все слизняки, вступавшие в прямые переговоры, должны были заразиться три дня назад, причем двадцать три процента из них неоднократно. Операция планировалась таким образом, чтобы охватить около

восьмидесяти процентов титанцев в первые же двенадцать часов – главным образом в крупных городах.

Скоро, очень скоро паразиты начнутдохнуть быстрее, чем мухи. Если только мы нигде не ошиблись.

Усилием воли я заставил себя сидеть на месте, но мысли сами возвращались к карте. Что там за этими рубиновыми огнями? Несколько миллионов очень больных слизняков или две сотни мертвых обезьян? Вдруг кто-то напутал в расчетах? Сболтнул лишнего? Или мы допустили в своих рассуждениях ошибку столь колоссальную, что не можем ее увидеть?

Неожиданно прямо в центре карты вспыхнул зеленый огонек. Все встрепенулись. Из динамиков стереовизора слышался голос, хотя изображение так и не появилось.

– Говорит станция Дикси, Литл-Рок, – донесся до нас очень усталый голос; говорил явно южанин. – Нам срочно нужна помощь. Все, кто нас слышит, пожалуйста, передайте это сообщение дальше: в Литл-Роке, штат Арканзас, разразилась ужасная эпидемия. Необходимо поставить в известность Красный Крест. Мы были в руках... – Голос растаял – то ли от слабости, то ли прервалась связь.

Я наконец вспомнил, что надо дышать. Мэри тронула меня за руку, и я откинулся в кресле, чувствуя, как легчало на душе. Не просто удовольствие, нет – ощущение великой радости. Вглядевшись в карту внимательнее, я заметил, что зеленый огонек вспыхнул не в самом Литл-Роке, а западнее, в Оклахоме. Вскоре вспыхнули еще два: один в Небраске, другой чуть к северу от канадской границы. Из динамиков донесся новый голос – со звонким новоанглийским произношением. И как его угораздило оказаться в красной зоне?

– Как во время выборов под конец дня, да? – пошутил Мартинес.

– Похоже, но обычно мы не получаем голосов из Мексики, – согласился президент и указал на карту: в штате Чиуауа загорелось сразу несколько зеленых огней.

– А, черт, верно! Видимо, когда все это закончится, Госдепартаменту придется утрясать не один конфликт, а?

Президент не ответил, и Мартинес, слава богу, умолк. Я посмотрел на президента. Тот шевелил губами, словно разговаривал сам с собой. Он заметил мой взгляд, улыбнулся и произнес вслух:

На спинах блох блошата есть,
Кусают блох они там.
Блошинок у блошат не счесть,
И так *ad infinitum*.⁴⁷

Я из вежливости улыбнулся: ситуация – наша, во всяком случае, – к веселью не располагала.

Президент отвернулся и сказал:

– Кто-нибудь хочет ужинать? У меня впервые за несколько дней разыгрался аппетит.

К вечеру следующего дня зеленого на карте стало гораздо больше, чем красного. Рекстон распорядился установить в зале два монитора с прямым подключением к центру управления в Новом Пентагоне: один показывал сложным образом рассчитанный процент готовности к высадке, другой – расчетное время десантирования. Цифры на втором мониторе время от времени менялись то в одну, то в другую сторону, но последние два часа время колебалось около 17:43 по времени Восточного побережья.

Рекстон поднялся с места и объявил:

– Я думаю, надо назначить десантирование на семнадцать сорок пять. Господин президент, если позволите...

– Разумеется, сэр.

Рекстон повернулся к нам со Стариком:

– Если вы, донкихоты, все еще не передумали, то пора идти.

⁴⁷ До бесконечности (лат.). Президент декламирует детский стишок, восходящий к сатирическому стихотворению Джонатана Свифта «О поэзии. Рапсодия» (1723).

Я встал:

– Мэри, ты меня обязательно дождись.

– Где? – спросила она.

Еще раньше мы решили – правда, не без скандала, – что Мэри в операции участвовать не будет.

– Может быть, миссис Нивенс подождет вас здесь? – вмешался президент. – В конце концов, она – почти член семьи.

Он сопроводил приглашение своей лучшей улыбкой, и я сказал:

– Благодарю вас, сэр.

Полковника Гибси чуть не перекосило.

Спустя два часа мы были над целью, и дверь уже открылась. Мы с отцом шли последними, за молодыми десантниками, которые займутся настоящей работой. Руки у меня вспотели, и, видимо, от меня просто несло страхом. Ненавижу прыгать с парашютом.

34

С пистолетом в левой руке, инъектором с антитоксином – в правой, я перебирался от дома к дому в назначенном мне квартале – старый район Джефферсон-Сити, почти трущобы, застроенные многоквартирными домами пятидесятилетней давности. Я успел ввести антитоксин двум десяткам больных, и еще порций тридцать у меня оставалось, а затем нужно было идти к месту сбора у здания муниципалитета. Но, по правде сказать, меня уже начинало мутить.

Я знал, зачем прилетел. Нет, не из любопытства. Я хотел своими глазами увидеть, как подышают паразиты, хотел увидеть их мертвыми, всех, и эта иссушающая душу ненависть пересиливала все другие чувства. Увидел. Достаточно увидел. Теперь мне хотелось только домой – отмыться и забыть.

Работа была нетяжелая, но монотонная и, в общем, не для слабонервных. Ни одного живого паразита я пока не встретил, зато видел множество мертвых. Прижег собаку, у

которой, мне показалось, был горб, хотя, может быть, я и ошибся: высадились мы перед закатом и вскоре стало совсем темно.

Хуже всего были запахи. Те, кто сравнивает вонь от невымытых, запаршивевших больных людей с вонью овечьего стада, просто ненавидят овец.

Я закончил проверку дома, покричал на всякий случай – вдруг кто откликнется – и вышел на улицу. Никого. Поскольку все слегли от лихорадки, люди на улицах нам почти не встречались. Но на этот раз я увидел человека – редкое исключение. Он шел на заплетающихся ногах прямо на меня, но его пустые глаза, похоже, ничего не замечали. Я крикнул: «Эй!»

Человек остановился.

– У меня есть как раз то, что тебе нужно, – сказал я. – Вытяни руку.

Он попытался меня ударить. Я легко увернулся, двинул его несильно по шее, и он повалился лицом вниз. На спине у него краснела сыпь: совсем недавно там сидел паразит. Я выбрал над почками место почище, воткнул иньектор и чуть наклонил, чтобы сломать головку ампулы. Они были заряжены под давлением, так что больше ничего не требовалось. Я даже не потрудился его выдергивать, а оставил торчать из спины.

На первом этаже следующего дома оказалось семеро больных, большинство из них в таком плохом состоянии, что я, не говоря ни слова, ввел каждому по дозе и пошел дальше. На втором этаже – то же самое.

На самом последнем – три пустые квартиры. Правда, чтобы убедиться в этом, в одной из них пришлось выжечь замок. В четвертой жили – если можно так сказать. На полу кухни лежала женщина с пробитой головой. Паразит все еще сидел у нее на плечах, но уже мертвый. Я не стал их трогать и пошел дальше по квартире.

В ванной комнате, в старинной чугунной ванне, сидел, уронив голову на грудь, мужчина средних лет со вскрытыми

венами. Мне показалось, что он мертв, но, когда я наклонился, мужчина с трудом поднял голову и глухо произнес:

– Вы пришли слишком поздно. Я убил свою жену.

Или слишком рано, подумал я. Судя по тому, сколько крови натекло на дне ванны, по его серому лицу, пятью минутами позже было бы лучше. Я смотрел на него, не зная, стоит ли тратить ампулу. Но тут он едва слышно произнес:

– Моя дочь...

– У вас есть дочь? – громко спросил я. – Где она?

Веки его дрогнули, но он ничего не сказал и снова уронил голову на грудь. Я покричал ему в ухо, потом вдавил большой палец в его шею. Пульса не было. На всякий случай, уходя, я оказал ему последнюю любезность: выстрелил в затылок.

Его дочь, лет восьми или около того, я нашел в постели в одной из комнат, – если бы не болезнь, очень симпатичная девчушка. Она проснулась, заплакала и назвала меня «папочкой».

– Да, папочка здесь. «Сейчас папочка тебя вылечит», – сказал я и ввел ей антитоксин в ногу.

Она даже не заметила укола.

Я уже собрался идти, но она попросила пить. Пришлось возвращаться в ванную. Когда я держал стакан у ее губ, пронзительно зазвонил мой телефон, и от неожиданности я пролил немного воды.

– Сынок, ты меня слышишь?

Я притронулся к аппарату связи на поясе и включил свой телефон.

– Да. Что случилось?

– Я сейчас в небольшом парке к северу от тебя. Нужна твоя помощь.

– Иду!

Поставив стакан, я двинулся к выходу, но в нерешительности остановился, затем вернулся. Нельзя же было оставить ее там, чтобы она проснулась и первым делом наткнулась в квартире на своих мертвых родителей. Я взял девочку

на руки и отнес на второй этаж, зашел в первую попавшуюся квартиру и положил на диван. Люди в этой квартире сами лежали без движения, но ничего другого мне не оставалось.

– Скорее, сынок!

– Уже иду!

Я метнулся на улицу и, не тратя лишних слов, бросился бегом. Улица, назначенная отцу, шла параллельно моей и граничила с крохотным парком. Обогнув дом, я не заметил отца и пробежал мимо.

– Сюда, сынок. Я в машине!

Теперь я слышал его и в телефоне, и так, а обернувшись, увидел машину, большой летающий «кадиллак» вроде тех, что обычно использует Отдел. Внутри сидел человек, но в темноте трудно было разглядеть кто.

Я стал осторожно приближаться к машине, пока не услышал голос:

– Слава богу! Я уж думал, ты никогда не придешь.

Голос отца.

Забираясь в машину, я пригнулся, и вот тут-то он двинул меня по затылку.

* * *

Придя в себя, я обнаружил, что руки и ноги у меня связаны. Я полулежал во втором водительском сиденье, а Старик вел машину, сидя в первом. Руль на моей стороне был убран вверх. Когда до меня дошло, что мы в воздухе, я очнулся окончательно.

Старик повернулся ко мне и с улыбкой спросил:

– Ну как, уже лучше?

– Пожалуй, – ответил я, глядя на сидящего у него на плечах слизняка.

– Извини, что пришлось тебя оглушить. Выбора не было.

– Да, наверное.

– Придется пока оставить тебя связанным. Позже мы придумаем что-нибудь получше. – Он улыбнулся такой

знакомой зловещей улыбкой, и меня поразило, до чего же сильно проглядывает личность Старика в каждом слове, которое произносит паразит.

Я не стал спрашивать, что означает «что-нибудь лучше», – не хотел знать. Вместо этого я принялся проверять веревки, но Старик постарался на совесть, ничего не скажешь.

– Куда мы летим?

– На юг, – ответил он, что-то переключая на панели управления. – Далеко на юг. Дай мне минутку, я задам колымаге программу и тогда объясню тебе все наши планы. – Он повозился еще несколько секунд, затем удовлетворенно сказал: – Ну вот, этого ей хватит, пока не наберем тридцать тысяч.

Упоминание о такой большой высоте заставило меня еще раз взглянуть на приборную панель. Машина не просто походила на одну из машин Отдела, это и была одна из наших машин с форсированными движками.

– Где ты ее взял? – спросил я.

– Отдел на всякий случай припрятал ее в Джефферсон-Сити. Я проверил – и вот, ее действительно никто не нашел. Повезло, да?

У меня, конечно, на этот счет сложилось свое мнение, но я не стал спорить. Я по-прежнему пытался найти выход, хотя шансы вырисовывались от почти безнадежных до нулевых. Пистолет исчез. Свой он, очевидно, держал, с другой стороны, подальше от меня.

– Но это еще не все, – продолжал Старик. – Мне повезло: меня захватил, возможно, единственный во всем Джефферсон-Сити здоровый титанец. Хотя в удачу я, как ты знаешь, не верю. Короче, мы все-таки победим. – Он усмехнулся. – Это все равно что разыгрывать сложную шахматную партию сразу за обе стороны.

– Ты так и не сказал мне, куда мы летим. – Я не знал, чем мне поможет эта информация, но ничего другого предпринять все равно не мог.

Он на секунду задумался.

– Во всяком случае, за пределы Соединенных Штатов. Возможно, мой хозяин единственный, не заболевший девятидневной лихорадкой на всем континенте, и я не хочу рисковать. Думаю, полуостров Юкатан нас вполне устроит – как раз туда я и направил машину. Мы сможем там отсидеться, восстановить численность и обработать юг. Когда мы вернемся – а мы обязательно вернемся! – мы не сделаем тех же ошибок.

– Может, ты меня развяжешь, пап? У меня все затекло. Ты же знаешь, что мне можно доверять, – сказал я.

– Подожди, подожди... Всему свое время. Сначала надо запрограммировать автопилот.

Машина все еще поднималась. Даже после доработки в Отделе ей требовалось время, чтобы набрать тридцать тысяч футов: в конце концов, с конвейера она сошла как обычная серийная модель.

– Похоже, ты забываешь, что я и сам долгое время был с хозяевами, – сказал я. – Я знаю, что это такое, и могу дать тебе честное слово...

Он только усмехнулся:

– Не учи отца овец воровать. Если тебя развязать сейчас, ты меня убьешь или мне придется убить тебя. А ты нужен мне живым. Мы с тобой еще погуляем, сынок. Хитрости и решительности нам не занимать, а это как раз то, что нужно.

Я промолчал, и он добавил:

– Кстати, насчет того, что ты знаешь... Почему ты мне ничего не сказал, сынок? Почему ты от меня скрывал?

– Что?

– Ты не сказал мне, каково это на самом деле. Я даже не подозревал, сынок, что такое возможно – покой, удовлетворение, благодать. Никогда в жизни я не чувствовал себя таким счастливым. Разве что... – На лице у него промелькнуло удивленное выражение. – Разве что до того, как умерла твоя мать. Впрочем, сейчас мне даже лучше. Ты напрасно не рассказывал мне об этом.

Меня обдало таким отвращением, что я начисто забыл о тонкой игре, которую пытался вести.

– Может быть, для меня все это совсем не так. Да и для тебя на самом деле тоже, старый ты идиот, только сейчас у тебя на загривке сидит паразит, говорит твоим языком и думает твоим мозгом!

– Не кипятись, сынок, – сказал он мягко, и, черт побери, его голос действительно немного меня успокоил. – Скоро ты сам все поймешь. Поверь, это наша судьба, наше предназначение. Человечество разделено и постоянно воюет, но хозяева сделают его единым.

Я вдруг подумал, что, наверное, и в самом деле есть такие слабоумные, которым эта идея придется по вкусу – добровольно продать душу за обещание мира и безопасности. Однако промолчал.

– Совсем немного уже ждать осталось, – сказал отец, бросив взгляд на приборную панель. – Сейчас я задам ей направление, и все будет в порядке. – Он настроил автопилот и еще раз проверил приборы. – Следующая остановка – Юкатан. А теперь пора к делу.

Он поднялся с сиденья и опустился рядом со мной на колени, втиснувшись в узкое пространство.

– На всякий случай, – сказал он, затягивая ремень безопасности у меня на поясе.

Я резко поднял колени и ударил его в лицо.

Отец отскочил и бросил на меня беззлобный взгляд:

– Ай-ай, какой шалун! Я мог бы рассердиться, но хозяева не сердятся. А теперь будь паинькой. – Из носа у него текла кровь, но он даже не остановился, чтобы ее стереть, проверил веревки на руках и на ногах и добавил: – Сойдет. Потерпи еще немного. Это будет быстро.

Затем сел на свое место и наклонился вперед, упершись локтями в колени. Теперь я видел его хозяина.

Несколько минут ничего не происходило, и я, напрягая все силы, пытался хоть немного ослабить веревки – ничего

другого не оставалось. Старик, казалось, уснул, но я знал, что он может притворяться.

На твердом кожистом покрытии паразита, посередине, вдруг появилась вертикальная линия.

Прямо у меня на глазах трещина становилась шире и шире, и вскоре показалось мерзкое, переливающееся мутными цветами тело этой твари. До меня наконец дошло, что паразит разделился и теперь высасывает из моего отца жизнь и его плоть, чтобы хватило на двух хозяев.

И в то же мгновение я понял, что моей собственной свободной жизни мне осталось от силы минут пять. Мой новый хозяин уже родился и вот-вот будет готов перебраться ко мне на спину.

Если бы было возможно разорвать путы усилием человеческой плоти, я бы это сделал, но увы. Старик не обращал на мои потуги никакого внимания. Я даже думаю, что он вообще ничего не замечал. При делении контроль над носителем наверняка ослабевает, и, видимо, паразиты просто парализуют своих рабов. Старик, во всяком случае, сидел совершенно неподвижно.

К тому времени, когда я, обессилив и потеряв всякую надежду вырваться, сдался, по телу самого паразита уже бежала тонкая серебристая линия – верный признак того, что процесс деления вот-вот закончится. Именно это, пожалуй, подстегнуло меня искать другой выход, хотя от ужаса я мало что в этот момент соображал.

Мои руки были связаны за спиной, ноги тоже связаны – у лодыжек, и, кроме того, Старик притянул меня за пояс к сиденью ремнем безопасности. Но ногам, хотя и связанным вместе, от пояса вниз ничего не мешало. Я сполз по сиденью еще ниже, задрал ноги и изо всех сил ударил по приборной панели, включив сразу все стартовые ускорители.

Перегрузка получилась – дай бог. Я не знаю, сколько в машине оставалось ускорителей, и поэтому не могу сказать точно, сколько вышло g, но, в общем, немало. Нас обоих швырнуло назад. Отца гораздо сильнее, поскольку я был

пристегнут ремнем. Его бросило на спинку сиденья, и открывшийся, беззащитный паразит оказался как между молотом и наковальней.

Короче, он буквально брызнул во все стороны.

Отца выгнуло в том жутком спазме, что я видел уже три раза, и, с искаженным лицом, со скрюченными пальцами, откинуло вперед на рулевую колонку.

Машина резко пошла вниз.

Я сидел и смотрел, как она падает, если вообще можно «сидеть», когда висишь привязанный только ремнем у пояса. Если бы тело отца, рухнувшее на приборную панель, не сбilo все приборы, я бы еще мог что-то сделать – например, связанными ногами выровнять курс. Пытался, но ничего не вышло. Видимо, управление еще и заклинило.

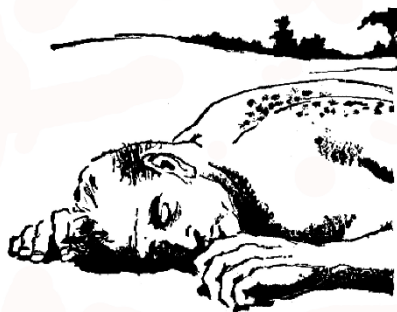
Альтиметр деловито щелкал. Когда я нашел время взглянуть на прибор, он показывал уже одиннадцать тысяч футов. Затем стало девять... семь... шесть – и мы вышли на последнюю милю.

На высоте полторы тысячи футов включилась радарная блокировка, и один за другим выстрелили тормозные ускорители в носу машины. Каждый раз меня чуть не разрезало ремнем пополам, однако появилась надежда, что теперь машина выровняется и, может быть, я спасусь. Рассчитывать на это было глупо, поскольку отец по-прежнему лежал на рулевой колонке...

Но когда мы врезались в землю, я все еще надеялся.

* * *

В себя я начал приходить, почувствовав какое-то мягкое покачивание. Ощущение раздражало, и в голове крутилась только одна мысль: «Когда же это кончится?» Каждое, даже самое легкое движение

вызывало нестерпимую боль во всем теле. Я с трудом разлепил один глаз – второй вообще не открывался – и тупо огляделся, пытаясь сообразить, чем же вызвано это раздражающее покачивание.

Надо мной был пол машины, но я довольно долго его разглядывал, прежде чем понял, что это такое. К тому времени я начал вспоминать, где нахожусь и что произошло. Вспомнился стремительный полет вниз, удар, и до меня дошло, что мы упали не на землю, а, видимо, в воду. Может быть, в Мексиканский залив? Я не знал наверняка, да и не до того было.

Мысль об отце отозвалась вспышкой боли и отчаянья.

Надо мной болтались два обрывка ремня безопасности. Руки и ноги по-прежнему были связаны, но одну руку я вроде бы умудрился сломать. Второй глаз так и не открывался, дышалось с трудом. Отца у приборной панели не оказалось, и это меня почему-то удивило. Превозмогая боль, я перекатил голову, чтобы взглянуть на другую часть машины здоровым глазом. Отец, весь в крови, лежал совсем рядом; от

моей головы до его было всего фута три. Я уже не надеялся, что он жив, но, наверно, целых полчаса потратил, чтобы проползти эти три фута.

Дополз и остановился лицом к нему, почти касаясь щекой его щеки. Никаких признаков жизни, и, судя по тому, как он лежал – изломанный, скомканный, словно тряпичная кукла, – на чудо рассчитывать не приходилось.

– Папа, – хрипло позвал я, затем закричал: – Папа!

Веки его дрогнули, но глаза остались закрытыми.

– Привет, сынок. Спасибо... «Я тебе очень благодарен...» – прошептал он и умолк.

Мне хотелось встряхнуть его, но я ничего не мог, только кричать:

– Папа! Очнись! Ты жив?

Он снова заговорил, но каждое слово, похоже, давалось ему с болезненным усилием:

– Твоя мать... просила передать тебе... она очень тобой гордилась...

Его голос снова умолк, а дыхание вдруг наполнилось зловещим предсмертным хрипом.

– Папа, – закричал я сквозь слезы, – не умирай! Я не смогу без тебя!

Он открыл глаза:

– Сможешь, сынок, сможешь. – Пауза, хриплый натужный вздох, затем: – Мне так больно... – И глаза закрылись.

Я кричал, но больше ничего не мог от него добиться. Затем просто прижался к нему лицом, и по моим щекам, смешиваясь с кровью и грязью, потекли слезы.

35

А теперь мы вычистим Титан!

Все, кто должен был лететь, пишут такие отчеты. Если мы не вернемся, это будет нашим посланием свободному человечеству – тут всё, что мы знаем о титанцах и о том, чего в борьбе с ними надо опасаться. Ибо Келли оказался прав:

Шалтая-Болтая уже не собрать. Несмотря на успешное завершение операции «Милосердие», нельзя успокаиваться и думать, что все титанцы уничтожены. Только неделю назад на Юконе пристрелили медведя с паразитом на спине.

Отныне человечеству предстоит постоянно быть настороже, особенно лет через двадцать пять – если мы не вернемся, а вместо нас прилетят тарелки. Нам пока неизвестно, почему активность титанцев подчиняется двадцатидевятилетнему циклу сатурнианского года, но это факт. Причина, возможно, очень проста: мы и сами во многом подчиняемся циклу, совпадающему с земным годом. Будем надеяться, что титанцы по-настоящему активны только в один из периодов своего года. Если так, операция «Возмездие» пройдет легко и быстро. Впрочем, мы на это не рассчитываем. Меня направили, помощи нам Бог, как «специалиста по прикладной экзопсихологии», но, кроме того, я еще и боевая единица, как любой из нас, от капеллана до повара. Мы раз и навсегда должны показать паразитам, что они совершили крупную ошибку, связавшись с самой живучей, самой коварной, самой опасной, самой непокорной – и самой способной – формой жизни в этом секторе космического пространства, с существами, которых можно убить, но не подчинить.

(Лично я втайне надеюсь, что мы найдем какой-нибудь способ спасти тех маленьких эльфов-гермафродитов. Мы не сумели спасти ни одного из них в тарелке, которую нашли под Канзас-Сити после победы, но это ничего не доказывает. Думаю, что с эльфами мы поладим. Наверняка они – истинные аборигены Титана и, конечно же, не в родстве со слизняками.)

Справимся мы с ними или нет, человечеству в любом случае придется теперь поддерживать свою заслуженную репутацию по части свирепости. Цена свободы – это готовность вступить в драку – в любое время, в любом месте и с беспредельной храбростью. Если мы не извлечем урок из нашествия паразитов, нам остается только крикнуть: «Эй, динозавры, подвиньтесь-ка! Мы уже готовы вымирать!»

Ибо кто знает, какие еще пакости таит в себе эта Вселенная? И паразиты, возможно, покажутся нам простыми, открытыми, дружелюбными парнями по сравнению, скажем, с жителями планет Сириуса. Если это только увертюра, то нам лучше извлечь из нее урок и всерьез подготовиться к первому действию. Мы считали, что Вселенная пуста, а нам автоматически отводится роль ее властителей. Даже после «завоевания» космоса мы продолжали заблуждаться, потому что Марс уже умер, а на Венере разум едва зародился. Но если человек претендует на главную роль – или хотя бы на роль уважаемого соседа, – ему придется доказывать себя в борьбе. Перековывать орала обратно на мечи; первый вариант – это глупые фантазии старых дев.

Каждый из участников операции хоть раз, но был в подчинении у паразитов. Только те, кто испытал на себе их власть, знают, как паразиты коварны, как ни на секунду нельзя терять бдительность – и как нужно ненавидеть. Полет, нам сказали, продлится двенадцать лет, так что у нас с Мэри будет долгий медовый месяц. Да, разумеется, Мэри летит. Почти весь экспедиционный корпус состоит из женатых пар, а что касается остальных, то на каждого одинокого мужчину приходится одинокая женщина. Двенадцать лет – не просто долгое путешествие, это часть жизни.

Когда я сказал Мэри, что мы летим к спутникам Сатурна, она ответила лишь: «Хорошо, дорогой».

Думаю, у нас будет достаточно времени, чтобы вырастить двоих или троих ребятишек. Как говорит отец, род должен продолжаться, даже если сам не знает, куда движется.

Я понимаю, что отчет у меня получился не очень связный. Видимо, перед тем как сдавать, придется его доработать. Но я все изложил, как видел и чувствовал. Война с инопланетной расой – это война психологическая; техника не играет тут главной роли, и, может быть, то, что я думал и чувствовал, будет гораздо важнее, чем то, что я делал.

Отчет я заканчиваю уже на космической станции «Бета», откуда мы должны перейти на крейсер «Мститель». Похоже, у меня не будет времени доработать свое сочинение, так что оставляю его как есть – пусть историки развлекаются. Вчера вечером мы попрощались в Пайк-Пик-Порте с папой и оставили с ним нашу маленькую девочку. Она ничего не понимала, и это было тяжело. Но для нее так лучше. А для нас с Мэри – лишний повод поскорее проработать вопрос насчет еще одного ребенка.

Когда я прощался, папа меня поправил:

– Не «прощай», а «до свидания». Вы вернетесь, и я собираюсь дотянуть до вашего возвращения, становясь с каждым годом все чудней и ворчливей.

Я сказал, что буду на это надеяться. Он кивнул:

– Вы вернетесь. Ты слишком живуч, чтобы умереть. Я очень верю в тебя и в таких, как ты, сынок.

С минуты на минуту начнется переброска на крейсер. В душе – волнение и радость. Ну, теперь держитесь, кукловоды, – свободные люди летят по вашу душу!

Смерть и разрушение!

СОДЕРЖАНИЕ

ДВОЙНАЯ ЗВЕЗДА.....	5
ГРАЖДАНИН ГАЛАКТИКИ.....	187
КУКЛОВОДЫ	514

Использованные переводы:

Двойная звезда

перевод А. Етоева, М. Пчелинцева, Д. Старкова,

Гражданин Галактики

перевод А. Шарова,

Кукловоды

перевод А. Корженевского, swgold.